

Серию «100 великих» продолжает необычная по тематике книга «100 великих казней». Казни как особое явление в жизни общества существовали с древнейших времен. Авторы-составители поставили перед собой цель рассказать лишь о наиболее известных казнях в истории человечества, расположив из в хронологическом порядке. Среди казненных героев книги — Сократ, Иисус Христос, Савонарола, Колиньи, Мария Стюарт, Равальяк, Степан Разин, Мата Хари, Колчак, Ягода, Ежов, Муссолини, Берия, Чаушеску…

100 великих казней

Елена Авадяева, Леонид Зданович

СТО ВЕЛИКИХ КАЗНЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В широком смысле слово «казнь» означает наказание; в таком смысле оно употреблялось в церковных книгах и древних юридических памятниках (например, в Уставе Ярослава о церковных судах). Позднейшие источники придают слову «казнь» более конкретный смысл: Царский судебник подразумевает под этим только лишение жизни (казнь смертная) и наказание кнутом (казнь торговая). Уложение царя Алексея Михайловича противопоставляет слова «казнь» и «наказание», разделяя все преступления на две категории: за одни положено «казнить смертью», за другие «чинить наказания». На протяжении уже многих столетий слово «казнь» употребляется исключительно в смысле казни смертной.

В истории права смертная казнь разделяется на простую (повешение, отсечение головы, расстрел, удавление, утопление, побиение камнями, отравление и пр.) и квалифицированную, сопряженную с особыми мучениями (четвертование, колесование, сожжение, залитие горла расплавленным металлом, потопление в мешке с собакой, кошкой, петухом и змеей, посажение на кол и др.

Подобное разнообразие способов узаконенного лишения человека жизни в полной мере отражает степень цивилизованности общества.

В нашем столетии вопрос о допустимости смертной казни стал предметом обсуждения и осмысления мировой общественности и рассматривается теперь не только с юридической и политической, но и с нравственной точки зрения. Возможно, в XXI веке казнь исчезнет из кодексов как наказание, не соответствующее современному правовоззрению. Она противоречит положению о правах человека, отрицательно действует на общественное мнение и не удовлетворяет требованиям современной теории наказаний: казнь не индивидуальна, ибо тяжело переносится близкими преступника; неделима, а потому не может быть назначаема по мере вины; не служит цели исправления; непоправима (в случае судебной ошибки); не может быть оправдана интересами безопасности общества (поскольку этого можно достигнуть и долгосрочным заключением) и устрашением (последнее, как показывает уголовная хроника, далеко не всегда достигается смертной казнью). Из истории известны примеры, когда пришедшие к власти милосердные правители на протяжении долгих лет вообще никого не казнили (в России образец милосердия показала императрица Елизавета, получившая в народе прозвище Кроткой), однако это настолько изумляло их потомков, что они, едва придя к власти, яростно принимались исправлять огрехи старшего поколения. Казнили широко, с размахом, с торжественными процедурами, сродни карнавальным, с громогласным оповещением широких слоев населения и продажей билетов на самые лучшие места. Разнообразили методы лишения человека жизни, применяя вместо традиционных топора и петли костер, колесо, кипящую воду и смолу.

Однако изумляет нас не жестокость судей (в конце концов, среди них могли быть и такие же маньяки, как те, которых они судили), а та мера ответственности, которую они на себя возлагали. Неужели они настолько уверовали в свою непогрешимость и в то, что там, куда рано или поздно отправимся все мы, их не ждет более строгий и суровый, и гораздо более справедливый суд? Листая страницы истории в поисках ключевых фигур, на долю которых выпала честь быть официально и, как правило, публично казненными, приходишь к выводу, что казнь во все века являлась самым надежным средством подавления и наказания. Каковы бы ни были религиозные или философские воззрения общества в различные эпохи, отношение к казни оставалось в общем-то неизменным. Смерть, за что бы она не приходила — как кара или как расплата, и в виде ли скелета с косой или угрюмого лодочника Харона, — была довольно реальным явлением. Человек по воле своих судей отправлялся в мир иной, освобождая от собственного присутствия мир реальный, где он по каким-то соображениям стал лишней фигурой — совершил преступление против власти, нарушил нравственный закон или встал на пути очередного претендента на престол. В этом смысле казнь можно рассматривать как процесс самоочищения общества.

На раннем этапе развития общества человека, нарушившего моральные законы племени, рода, просто-напросто выгоняли за пределы общины, тем самым обрекая его на угасающее существование (таким же было наказание для римских граждан во времена республики иимперии, для многих из них смерть была предпочтительнее изгнания из родного города). Со временем для поддержания своих законов общество начало наказывать публично и эффектно.

Иисус Христос в Нагорной проповеди приблизил общечеловеческие законы к законам нравственного порядка, обогатив дикарскую мораль любовью к ближнему, оставив надежду на примирение Для него преступления духа были важнее преступления физического, но все же среди его заповедей на первом месте стоит «не убий!», как предостережение возомнившим себя Богом, в чьей власти находилась жизнь или смерть человеческая.

Поразительны в этом отношении средневековые религиозные процессы. Массовая вера порождала и массовую истерию. Европа пылала кострами инквизиции. Раскол церкви и, как следствие, религиозные войны, а также крестовые походы как способ борьбы с ересью прекрасно сочетались в душе средневекового человека с жаждой наживы и стремлением к абсолютной власти. Они открыли новую страницу в истории казней.

Из наказания торжествующего порока казнь превратилась в средство борьбы с инакомыслием. Государство со своей стороны принимало категоричную позицию церкви и использовало открывшиеся широкие возможности ко взаимной выгоде. Религиозные акции окрашивались в политические тона.

Испокон веков казнят по разным причинам.

Политические казни, как правило, являются наказанием за действия, наносящие вред интересам государства, как то:

— шпионаж, измена и т. п. вероотступления подданных;

— заговоры и неудавшиеся бунты, которые в случае удачного завершения получают статус революционного переворота;

— казни высокопоставленных особ, служащих помехой в борьбе за трон, власть, богатство. Это предательские казни, совершающиеся из боязни, нетерпения или честолюбия. Впрочем, рисковать головой — почетная обязанность королей и членов королевской семьи.

Казни в период абсолютного террора, культа личности совершаются новым режимом из-за чувства неуверенности и зыбкости своего положения, а также параноидального страха перед прошлым укладом.

Вина подсудимого не доказывается, а подразумевается. Улики и состав преступления не имеют значения, судьи заранее настроены против подсудимого. Предсказать финал следствия не представляет труда.

По части лишения жизни ближнего своего человечество проявляло выдумку, изобретательность и несомненный творческий размах.

Казни превращались в своего рода шоу, собиравшие огромные зрительские аудитории. Учитывалось буквально все: медленно или быстро должна умереть жертва, эффектность и зрелищность, степень вины и тяжесть преступления, а также этнические вкусы, темперамент и национальные пристрастия. В странах Востока, например, особой популярностью пользовались: сдирание кожи заживо, битье камнями, сажание на кол. В редких, будничных случаях в целях экономии средств и времени — отрубание головы.

Северяне и европейцы, более сдержанные по натуре, изобрели повешение, французы — гильотину. Технический прогресс дал в помощь правосудию огнестрельное оружие. Американцы наиболее гуманным и символичным считают электрический стул, газовую камеру и смертельную инъекцию — то есть абсолютно бескровные способы. В этой книге мы намерены рассмотреть понятие смертной казни как социальное явление. В конце концов существовали и существуют враги общества, которых оно было вынуждено наказать, дабы не поощрить остальных превратиться в стаю убийц и насильников. Однако сплошь и рядом в истории нам встречаются личности, зверски убитые публично только за то, что они честно исповедовали свои убеждения, либо за то, что их политические взгляды отличались от официальных. Авторы испытывали немалое искушение пойти вслед за историей и выбрать из нее наиболее кровавые эпизоды, расположив их в хронологическом порядке. Однако, сделав так, мы бесконечно принизили бы многих жертв террора, выстроив их в одну шеренгу. Нет, нельзя, невозможно сравнить казнь Спасителя с казнью того же Картуша, поскольку и личности казненных слишком разнятся, да и цели казни тоже — в первом случае в угоду политическим амбициям был наказан невинный, во втором же — пусть незаурядный, но вор и грабитель.

Мы не будем говорить о способах казней, по этому вопросу выпущено достаточное количество литературы, наша цель — рассказать о наиболее известных в истории казненных, а также о тех, чья казнь вызвала наибольший общественно-политический резонанс в современном обществе и оказала влияние на дальнейший ход мировой истории. Нам хотелось бы также выделить принципы, руководствуясь которыми судьи выносили официальный приговор, и поразмышлять об обществе, в котором мы живем

и которое может быть милосердным и беспощадным одновременно.

СОКРАТ

Я знаю только то, что ничего не знаю

Сократ

Отношение к философам в нашем мире всегда было неоднозначным. С одной стороны, в силу самой этимологии этого слова признавалось, что эти люди — носители земной мудрости. С другой же — молчаливо подразумевалось, что не всякая мудрость нужна народу. И вердикт В. И. Ленина, отправившего в ссылку за границу ведущих российских философов, не был единственным в числе подобных актов государственных особ. Многие римские кесари, раздосадованные чрезмерным обилием в стране этаких «мудрецов», проводили самые настоящие «чистки», изгоняя философов за пределы «матери городов», но не рискуя, однако, повторить пример Афин, где впервые был казнен философ.

Ведя речь о Сократе (470/469-399 до н. э.), трудно удержаться от разговора о сущности сократической философии. Однако постараемся насколько возможно удержаться от этого в рамках нашего скромного труда.

Нам, жителям современного урбанистического мира, трудно понять, что же такого привлекательного (и тем более ненавистного).

Что было в этом внешне некрасивом, даже отталкивающей внешности пожилом человеке, обуреваемом всеми мирскими пороками, злой женой, бедностью и лишениями? Что привлекало к нему молодежь? Что отвратило от него родной город и, наконец, каким образом его смерть стала настоящим триумфом его философии? «Я знаю только то, что ничего не знаю», — вот излюбленное выражение, кредо собственной позиции Сократа. Это значит, что «как бы далеко я ни продвинулся в одиссеях мысли, я не успокаиваюсь на достигнутом, не обманываю себя иллюзией, что поймал жар-птицу истины».

Но не будем забывать, что Сократа сопровождала не только восторженная молодежь, но и взгляды, полные ненависти. Особенно возненавидели Сократа те из софистов, которые искусство доказывать правое и неправое сделали своей профессией. Кто покушается на самодовольство темных и пустых людей, тот сначала человек беспокойный, потом нестерпимый и, наконец, преступник, заслуживающий смерти. Первым полушутливым, полусерьезным обвинением против Сократа явилась постановка в 423 году комедии Аристофана «Облака», в которой Сократ изображается мастером «кривых речей». В один из дней 399 года до н. э. жители Афин читали выставленный для всеобщего обсуждения текст: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифеец, против Сократа, сына Софраникса из дома Алопеки Сократ обвиняется в том, что он не признает богов, которых признает город, и вводит других, новых богов. Обвиняется он и в развращении молодежи. Требуемое наказание — смерть».

Мошенники мысли не простили Сократу его иронии, слишком разорительной для них. В речах Сократа на суде, с большой художественной силой переданных Платоном, поражает то, что он сам сознательно и решительно отрицал все пути к спасению, сам шел навстречу смертному приговору. В его рассуждениях подспудно бьется мысль: раз уж,

афиняне, вы дошли до такого позора, что судите мудрейшего из эллинов, то испейте чашу позора до дна. Не меня, Сократа, судите вы, а самих себя, не мне выносите приговор, а себе, на вас ложится несмываемое клеймо. Лишая жизни мудрого и благородного человека, общество себя лишает мудрости и благородства, себя лишает стимулирующей силы, ищущей, критической, беспокоящей мысли. И вот меня, человека медлительного и старого (Сократу было тогда 70 лет), догнала та, что настигает не так стремительно, — смерть, а моих обвинителей, людей сильных и проворных, — та, что бежит быстрее, — испорченность. Я ухожу отсюда, приговоренныйвами к смерти, а мои обвинители уходят, уличенные правдою в злодействе и несправедливости.

У порога смерти Сократ пророчествовал, что тотчас после его гибели постигнет афинян кара более тяжелая, чем та, которой его покарали. Юный ученик Сократа — Платон, присутствовавший на судебном процессе, испытал настолько сильное нравственное потрясение, что тяжело заболел. «Как жить дальше в обществе, которое карает за мудрость?» — этот вопрос встал перед Платоном во всей своей драматичности и породил другой вопрос: «Каким должно быть общество, построенное в полном соответствии с мудростью?» Так родилась первая философская утопия о «справедливом» (для своего времени) общественном строе. Сократ был приговорен к смертной казни по официальному обвинению «за введение новых божеств и за развращение молодежи в новом духе», — то есть за то, что мы сейчас называем инакомыслием. В процессе над философом приняли участие более 500 судей. За смертную казнь проголосовали 300 человек, против 200. Сократ должен был выпить «государственный яд» — цикуту. Этот яд вызывает паралич окончаний двигательных нервов, очевидно, мало затрагивая полушария головного мозга. Смерть наступает от судорог, приводящих к удушью.

По некоторым причинам казнь Сократа была отложена на 30 дней. Друзья уговаривали философа бежать, но он отказался.

Платон в диалоге «Федон» оставил нам описание смерти Сократа: «Последний день Сократа прошел в просветленных беседах о бессмертии души. Причем Сократ так оживленно обсуждал эту проблему, что тюремный прислужник несколько раз просил собеседников успокоиться: оживленный разговор, дескать, горячит, а всего, что горячит, Сократу следует избегать, иначе положенная порция яда не подействует и ему придется пить отраву дважды и даже трижды. Подобные напоминания лишь актуализировали тему беседы.

Сократ признался своим друзьям в том, что он полон радостной надежды, — ведь умерших, как гласят старинные предания, ждет потустороннее будущее. Сократ твердо надеялся, что за свою справедливую жизнь он после смерти попадет в общество мудрых богов и знаменитых людей. Смерть и то, что за ней последует, представляют собой награду за муки жизни. Как надлежащая подготовка к смерти, жизнь — трудное и мучительное дело. „Те, кто подлинно предан философии, — говорил Сократ, — заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью“.

Люди, как правило, это не замечают, но, если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся» (Платон, Федон, 64). Рассуждая в духе пифагорейского учения, Сократ считал, что он заслужил свою смерть, поскольку боги, без воли которых ничего не происходит, допустили его осуждение. Это позволяет понять непримиримость позиции Сократа, его постоянную готовность ценой жизни отстоять справедливость, как он ее понимал. Подлинный философ должен провести земную жизнь не как-попало, а в напряженной заботе о дарованной ему бессмертной душе. Сократовский случай преступления позволяет проследить трудные перепетии истины, которая входит в мир как преступница, чтобы затем стать законодательницей. То, что в исторической ретроспективе очевидно для нас, было — в перспективе — видно и понятно самому Сократу: мудрость, несправедливо осужденная в его лице на смерть, еще станет судьей над несправедливостью. И, услышав от кого-то фразу: «Афиняне осудили тебя, Сократ, к смерти», — он спокойно ответил: «А их к смерти осудила природа». Последний день Сократа клонился к закату. Настало время последних дел. Оставив друзей, Сократ удалился на омовение перед смертью. Согласно орфическим и пифагорейским представлениям, подобное омовение имело ритуальный смысл и символизировало очищение тела от грехов земной жизни. После омовения Сократ попрощался с родными, дал им наставления и велел возвращаться домой.

Когда принесли цикуту в кубке, Сократ спросил у тюремного служителя: «Ну, милый друг, что мне следует делать?»

Служитель сказал, что содержимое кубка надо испить, затем ходить, пока не возникнет чувства тяжести в бедрах. После этого нужно лечь. Мысленно совершив возлияние богам за удачное переселение души в иной мир, Сократ спокойно и легко выпил чашу до дна.

Друзья его заплакали, но Сократ попросил их успокоиться, напомнив, что умирать должно в благоговейном молчании.

Он походил немного, как велел служитель, а когда отяжелели ноги, лег на тюремный топчан на спину и закутался. Тюремщик время от времени подходил к философу и трогал его ноги. Он сильно сжал стопу Сократа и спросил, чувствует ли тот боль? Сократ ответил отрицательно. Надавливая на ногу все выше и выше, служитель добрался до бедер. Он показал друзьям Сократа, что тело его холодеет и цепенеет, и сказал, что смерть наступит, когда яд дойдет до сердца.

Внезапно Сократ откинул одеяние и сказал, обращаясь к одному из друзей: «Критон, мы должны Акслепию *1 Акслепий — бог врачевания; поэтому последние слова Сократа можно трактовать двояко: либо он имел в виду отблагодарить божество жертвоприношением птицы за выздоровление своей души (то есть за освобождение ее от тела), либо это была горькая ирония.* петуха. Так отдайте же, не забудьте» (Платон, Федон, 118). Это были последние слова философа. Критон спросил, не хочет ли он сказать еще что-нибудь, но Сократ промолчал, а вскоре тело его вздрогнуло в последний раз. Пророчество Сократа сбылось: позор пал на головы его судей, и прежде всего на головы обвинителей. Они, так же как тиран, судивший Зенона Элейского, были побиты каменьями и, как сообщает Плутарх, повесились, так как не вынесли презрения афинян, лишивших их «огня и воды».

КАТИЛИНАРИИ

Я буду поступать так, квириты, чтобы — если только это окажется возможным — даже бесчестный человек не понес кары за свое преступление в стенах этого города.

Цицерон

Личность Каталины — вечная загадка истории. В сочинениях разных авторов мы встречаем столь противоречивые факты его биографии, что остается только положиться на здравый смысл, отделяя зерна истины от плевел клеветы. Сочинения Цицерона и Кая Саллюстия Криспа изобилуют нападками на личность Каталины, однако никаких реальных доказательств позорных фактов биографии возмутителя Рима нет. Цицерон, своими руками подготовивший гибель Каталины, через семь лет после его смерти признал публично, что Катилина был выдающимся во всех отношениях человеком, и он считает его прекрасным гражданином. Строго говоря, здесь пойдет рассказ не о его казни, каковой не было, но о казни «катилинариев», людей, доверившихся Катилине, и его политических сторонников. Люций Сергий Катилина происходил из древнего, но обедневшего рода Сергиев. В первый раз, как утверждал Кай Саллюстий Крисп, Катилина появился на исторической сцене во времена диктатуры Суллы.

Рим в то время был рабовладельческой республикой, раздираемой внутрипартийной борьбой. Несмотря на институт ежегодно избираемых консулов, время от времени власть в руки брали диктаторы вроде Суллы. Придя к власти, Сулла составил проскрипционные списки своих политических противников (лидером их был Марий), которые подвергались беспощадному уничтожению.

Будучи его ревностным сторонником, Катилина, возглавлявший шайку галльских солдат, умертвил в это время множество марианцев, в том числе своего свояка Цецелия. Еще раньше он убил родного брата и, опасаясь заслуженного наказания, добился того, что убитый был внесен в проскрипции, как будто был еще жив. В 67 году до н. э. Катилина был наместником в Африке и за тяжкие преступления, которые позволял себе во время своего пропреторства в этой провинции, был отдан под суд. Из этого дела он, подкупив своих судей, вышел свободным, но в страшной бедности и обремененный долгами. Словом, это был типичный римский патриций: алчный, продажный, беспринципный, рвущийся к власти.

В 65 году до н. э. Катилина возвратился в столицу и начал бороться за должность консула. Чтобы помешать ему, аристократическая партия обвинила его в лихоимстве, после чего, по словам Цицерона, он будто бы решил силой захватить власть, умертвив консулов и сенаторов. Случись такое, и Рим получил бы нового Суллу, не менее жестокого, чем первый.

День заговора якобы был назначен на 1 января 65 года до н. э., когда знать и магистратура должны были собраться на Капитолии для торжественных жертвоприношений, но слухи о заговоре распространились по Риму, и план не удался. В правдивости этих рассказов вполне позволительно усомниться уже просто ввиду того, что, несмотря на злодейские умыслы, ни Катилина, ни кто-либо из его друзей не были арестованы или убиты. Сам консул Торкват, на чью жизнь Катилина будто

бы покушался, по-прежнему оставался его другом, и когда в 64 году до н. э. состоялся процесс по обвинению Каталины в лихоимстве, Торкват не задумался вынести ему оправдательный вердикт, тем самым засвидетельствовав невиновность Катилины по обоим обвинениям.

В 64 году до н. э., после процесса, Катилина выставил свою кандидатуру на консульство 63 года до н. э. в качестве вождя демократической оппозиции против Цицерона и пятерых других. Однако победил Цицерон.

Перед выборами 62 года до н. э. Катилина решил действовать по-иному. Он собрал в Этрурии значительное войско из всех недовольных элементов общества, намереваясь сразу же после выборов поднять восстание.

Но Цицерон разгадал его планы. Через Фульвию, любовницу одного из приближенных Катилины, Курия, он был осведомлен о каждом шаге недруга и накануне выборов решил провести атаку — 20 ноября он получил от Сената разрешение отложить день выборов, а 21-го учинил в Сенате формальный допрос Катилине. Последний и не думал скрывать своих намерений: «Римское государство, — сказал он, — состоит из двух организмов — один слабый со слабою головой (Сенат), а другой сильный, но без головы (народ): он, Катилина, намерен играть роль первого для второго». С этими словами он вышел из курии, оставив сенат в изумлении и ужасе. Цицерон был обманут в своих ожиданиях: памятуя о поведении Сената во время борьбы с Гракхами, он надеялся, что Катилина будет растерзан на месте, однако за сто лет Сенат научился более цивилизованному общению. *2 И только Юлий Цезарь до такой степени напугал и обозлил отцов-сенаторов, что они отбросили свою «цивилизованность».* Тем не менее Катилина выборы проиграл: Цицерон в совершенстве владел искусством убеждения и красноречия. В течение нескольких месяцев перед выборами Цицерон распространял такие слухи о заговоре Катилины, что у простых обывателей волосы становились дыбом. Уверяли, что заговорщики встречались не иначе как темной ночью; они давали друг другу страшные клятвы; пробовали друг у друга кровь; убивали младенцев и гадали по их внутренностям; они замышляли перебить знатнейших граждан; собирались сжечь и разграбить весь город; они даже распределили его на сто участков и создали специальные комитеты для одновременного проведения этого замысла в исполнение и т. д. В итоге горожане поголовно проголосовали за сенатских кандидатов. Катилина снова проиграл. Раздосадованный, он отправился в Этрурию, передав дела в Риме своим ближайшим соратникам: претору Публию Корнелию Лентулу Суре и сенатору Каю Корнелию Цетегу. Узнав об этом, Цицерон решил, что называется, разбить врага наголову. Он опять распространил слухи о злодейских умыслах заговорщиков, говоря, что двое из них — сенатор Варгунтий и всадник Корнелий — приходили к нему утром с целью убить, но нашли его предупрежденным и недоступным. Цицерон созвал специальное собрание Сената в храме Юпитера. Все было приготовлено для того, чтобы угостить Каталину кинжалом, как некогда угостили Гракхов, и Цицерон взял на себя инициативу.

Как только мятежник вошел в сенат, почтенные мужья совета демонстративно покинули скамью, на которую он сел, и оставили его

одного. Поднялся Цицерон и, дрожа от патриотического негодования, произнес свою знаменитую «Первую речь против Катилины»: «Разве Каталина не знает, что его умыслы и планы известны Сенату? Разве нет войска в Этрурии, набранного из гнуснейших подонков общества? Зачем же он остается в городе? Или он хочет дождаться участи, которая постигла Гракхов? Пускай лучше убирается из Рима подобру-поздорову!»

Слова эти имели большой эффект, но все же не такой, какого ожидал Цицерон: Катилина оставил курию, не проронив ни слова, а сенаторы ограничились лишь яростными криками.

Катилина уехал в ту же ночь, а Цицерон, облеченный специальными полномочиями, принялся за дальнейшее искоренение крамолы. Без сомнения, он знал всех друзей Катилины в лицо, но вместе с тем понимал, что открыто нападать на них, не имея юридических доказательств, было бы рискованно.

Напрасно он назначил награду тому, кто сообщил бы ему сведения о действиях «заговорщиков» и доставил доказательства. Никто не откликнулся, потому что заговора, собственно говоря, и не было. Но то, чего Цицерон не смог добиться деньгами, ему удалось достичь благодаря неосмотрительности катилинариев. В Риме в то время находились послы от галльского племени аллобриогов, прибывшие с жалобой на своего наместника. Долго не получая никакого ответа, они были сильно раздражены против Сената и охотно вступили в тайные переговоры с Лентулом. Вскоре, однако, они опомнились и чистосердечно признались в этом своему патрону Квинту Фабию Санге. Цицерон был немедленно оповещен о случившемся и обработал галлов следующим образом: под тем предлогом, что соотечественники не поверят одним словесным обещаниям будущей новой власти, послы потребовали от Лентула письменный договор и, заполучив его, отправились к Каталине в Этрурию за ратификацией. По дороге «на них напали сенатские посланцы и отобрали документы».

В более поздние времена (и в иных странах) это стало называться вульгарным словом «подставка». Но Цицерону большего не требовалось: он немедленно созвал Сенат в храм Согласия, вытребовал к себе Лентула и Цетега и, уличив их при помощи документов и свидетелей, велел арестовать. Когда вечером Сенат разошелся, Цицерон выступил перед народом, собравшимся на площади, и сообщил ему о результате заседания — это была «Третья речь против Катилины». Впечатление от этой речи было таким сильным, что люди, прежде сочувствовавшие заговору, стали проклинать Катилину и превозносить Цицерона до небес. Речи против Катилины составили золотой фонд сочинений прославленного оратора. На следующий день распространился слух, что люди Лентула и Цетега замышляют насильственно освободить их. Цицерон немедленно приказал поставить усиленные караулы в Капитолии и на Форуме, а утром другого дня — 5 декабря — созвал Сенат в храм Согласия, чтобы решить вопрос о наказании и судьбе арестованных. На этом заседании консул Юний Силан и все прочие высказались за смертную казнь, но претор Гай Юлий Цезарь назвал такую казнь незаконной и опасной и вместо нее предложил конфисковать имущество заговорщиков, а их самих разослать на пожизненное заключение по разным городам, возложив на эти города ответственность за сохранение виновных. Однако римские сенаторы

страстно отстаивали интересы республиканства и предостеречь узурпаторов могли, по их мнению, лишь самые жестокие меры.

Один из последних ораторов, подавших голос, Марк Порций Катон, в резкой речи осудил виновных на смертную казнь без дальнейшего суда и апелляций. Вот как описывал казнь заговорщиков-катилинариев Кай Сал-люстий Крисп, современник Цицерона и Катилины:

«После того, как Сенат последовал мнению Катона, консул, считая лучше всего исполнить приговор до ближайшей ночи, чтобы не затевалось что-нибудь новое в это время, приказал триумвирам приготовить все, что требовалось для казни, а сам, расставив стражи, отводит Лентула в тюрьму; то же самое делают преторы и с прочими арестованными. В тюрьме есть место, которое называется Туллианом; когда немного спустишься налево, то углубляешься в землю приблизительно на 12 футов. Со всех сторон стены, а наверху свод, состоящий из каменных арок, вид его от нечистоты, темноты и дурного запаха мрачен и страшен.

После того, как Лентул был спущен в это место, то исполнители смертного приговора, которым это было приказано, задушили его петлей. И так он, патриций, происходивший из славного рода Корнелиев и имевший в Риме консульскую власть, нашел достойный своего характера и поступков конец жизни. Таким же образом были казнены Цетег, Статилий, Габиний и Ценарий».

Катилина пал в 62 году до н. э. в Пистории, сражаясь с римскими войсками, посланными против его армии. «Вдали от своих, — писал историк Флор, — среди неприятельских тел найден был труп Катилины, смерть его была прекрасной, если бы он так пал за Отечество». Цицерон сделался популярнейшим человеком в Риме, но эта популярность продолжалась недолго. Казнь катилинариев, долженствовавшая пресечь все покушения на институт республики, не смогла удержать от соблазна других претендентов на власть.

То была далеко не последняя попытка республики воспротивиться единоличной узурпации власти. Прошло не так уж много времени, и Юлий Цезарь воцарился в Риме некоронованным монархом. И был убит сенаторами, многие из которых были его близкими друзьями, именно за царские замашки. Для того, чтобы в Риме воцарился первый император, потребовались три гражданские войны и множество, множество казней…

ИЕШУА (ИИСУС), ПО ПРОЗВИЩУ ХРИСТОС, СОТЕР, СПАСИТЕЛЬ, НАЗОРЕЙ

Кто будет единомыслен с ними, тех подвергнут они посмеянию, поношению и попранию.

3 Ездр 16-70

Авторам трудно приступать к рассказу об этой казни, описанной тысячи раз, воспетой поэтами, изображенной целыми поколениями живописцев. И все же нам придется это сделать хотя бы для того, чтобы дать морально-правовую оценку этому инциденту, столь мощно повлиявшему в дальнейшем на весь ход мировой истории. Итак, что же нам известно об этом событии? В апреле 33 года н. э. по требованию возмущенных жителей города Иерусалима, подогреваемых служителями культа, некий мужчина по имени Иисус и по прозвищу Назареянин («Назорей», что означает буквально «выходец из города Назарета») был

подвергнут позорной казни на кресте вместе с двумя разбойниками. Излишне говорить, что это был незаурядный человек. Мы подчеркиваем слово «человек», ибо о его божественной ипостаси стало известно уже позднее. В ту пору о нем шла слава как о проповеднике некоего нового учения, незаурядном целителе и, пользуясь сегодняшней лексикой, экстрасенсе. Ничто не говорило о социальной опасности этого человека или о его особом божественном происхождении, кроме, разумеется, чудес. Мы не берем под сомнение его экстрасенсорные способности, ибо и хождение по воде и кормление толпы пятью хлебами — все это не было столь опасным для ортодоксальных иудейских священников, как егоучение.

Иисус открыто и пламенно выступал против коммерциализации богослужения, именуя себя сыном Божьим, он недвусмысленно ставил под сомнения полномочия первосвященников, отвергая для богатых прихожан возможность обрести спасение путем богатых жертвоприношений, он подвергал опасности и материальную основу иудаизма. В связи с этим служителями официального культа была заявлена жалоба в адрес колониальных властей об аресте этого человека.

В то время, в период правления Тиберия, Галилея являла собой колонию Римской империи, причем колонию еще не так давно пережившую восстание, так что режим там был достаточно строгим. И если бы в учении Христа было хоть слово о необходимости борьбы с римскими захватчиками, можно было бы если не оправдать, то хотя бы понять поступок прокуратора Понтия Пилата, пославшего на казнь бунтовщика. Должность прокуратора в те времена еще не была достаточно официальной. Прокураторы были в каждом римском доме, так называли мажордомов, старших лакеев, управлявших имением. У императора же были свои прокураторы в каждой провинции, которые несли персональную ответственность за состояние дел на подведомственных им территориях. Формально Галилея была царством, где правил марионеточный царек Ирод. В связи с этим мы берем под сомнение историю об избиении младенцев его отцом, тоже Иродом, который хоть и был жестоким царем, но римляне никогда бы не позволили ему творить подобный произвол на своей территории. Истинными же правителями Иудеи были римские гражданские чины, преторы и пропреторы, во всех более или менее крупных городах стояли римские гарнизоны, и спокойствие возмущали лишь вылазки иудейских повстанцев-зелотов. Обратимся же к тому дню, когда первосвященники в лице Каиафы подали Понтию Пилату жалобу на человека, возмущающему народ. Первым движением прокуратора было немедленно арестовать бунтаря, что и было сделано в Гефсиманском саду по наводке Иуды.

Затем Пилат, как и следовало ответственному должностному лицу, лично допросил Иисуса. Вновь и вновь перечитывая Евангелия, мы не видим со стороны этого человека никаких явных признаков садизма или пристрастия. Более того, произошедшая беседа если не переродила римского сановника, то явно не оставила его равнодушным. Он убедился, что учение Назорея не представляет опасности для императора и потому велел для проформы отдубасить его кнутом и послать прочь со двора. Но тут в дело вновь вмешиваются церковники, и Пилат оказывается в двойственном положении. Римские законы того времени не подразумевали ответственности за отправление како-го-либо культа. «Не бунтуй и вовремя

плати налоги, а там можешь веровать хоть в Тота, хоть в Сераписа». Недоразумение с титулом «Царя Иудейского» быстро прояснилось. По всем законам Иисус должен был быть отпущен, Однако первосвященники собрали толпу черни, которой хлебом не корми, дай пошуметь, особенно если каждому пообещали выдать по лепешке… И прокуратор оказался в сложном положении. С одной стороны, конечно, Иисус не нарушил никаких законов. С другой же — неприятие мер могло повлечь против него кляузы в адрес императора. А Тиберий… Прочтите Тацита, это был очень крутой и, наверное, самый безжалостный император первого столетия. Пытаясь найти компромисс, Пилат вспоминает об обычаях праздника Пасхи и предлагает отпустить одного из двух — Христа или разбойника Варавву. Но израильский народ, жаждя крови, беснуется и требует «Распни его!»

И Пилат, опасаясь вызвать народное возмущение, поддается требованиям первосвященников и повелевает подвергнуть ни в чем неповинного человека позорной казни на кресте вместе в двумя бандитами из шайки Вараввы, который благополучно скрылся.

Древние римляне не грешили изнеженностью, утонченность их натур не простиралась далее риторики и стихосложения, во всем остальном (и в отношении к крови) это были дети своего раннего железного века, они любили кровавые зрелища и изысканный разврат. Наверное, мировая история повернулась бы иначе, если бы Иисуса продали в гладиаторы, как поступали с бандитами, или заставили бы мести улицы или чистить канавы вместе с другими уголовниками. Но нет, ненависть первосвященников была уж слишком велика, Пилат не отважился открыто противостоять им.

И Иисус прошествовал через весь город Иерусалим, неся на себе тяжеленный крест, под плевки и глумление соотечественников, в сопровождении озлобленных и раздраженных римских солдат, которым, наверное, приходилось поминутно отгонять самых ретивых из толпы, прямо на гору Голгофу, где ему, чтобы долго не мучился, перебили предплечья и голени и прибили (по другим данным, привязали, что в общем-то было немногим милосерднее) запястья и ступни к кресту. На солнцепеке распятые умирают быстро. Но Иисус промучился довольно долго, отпустил грехи висевшим рядом разбойникам, когда же он начал агонизировать, один из солдат прекратил его страдания ударом пилума *3 Тяжелый римский дротик.* под ребро. И для Иисуса началась жизнь вечная.

А что же Каиафа? Как потом жил Понтий Пилат? История умалчивает об их дальнейших судьбах. Однако не думаем, что первого могла мучить совесть, в конце концов твердолобость иудейских раввинов вошла в поговорку. Что же касается Пилата, то нам не верится в то, что он так быстро смог забыть казнь этого «варвара» (для римлян того времени все не римляне и не греки были «варварами»). В конце концов, что она для него изменила? Новый император обязательно сместит всех ставленников прежнего, а неровен час еще и конфискует их имущество. Чернь успокоилась, но ненадолго, более того, первосвященники увидели, что имеют в руках инструмент давления на римского наместника, и наверняка еще долго потом шантажировали его. Наверняка он еще долгими ночами вспоминал беседу с Иисусом, и просыпался в холодном поту, и каялся перед масками своих лавров и пенатов, вопрошая: «А мог ли я поступить иначе?»

История решила спор не в его пользу. И все христиане проклинают Пилата не менее рьяно, чем его истинных убийц. В конце концов Пилат, хоть вначале и сопротивлялся этому убийству, затем попустительствовал его совершению и тем самым сам стал в ряд убийц.

В заключение скажем, что нам очень хотелось бы, чтобы Пилат прожил бы после описанных нами событий возможно дольше, чтобы увидеть, как его слабость стала причиной заката и гибели Римской империи и возвышения на ее обломках нового христианского мира.

Век людей краток, и ни Пилат, ни Тиберий, ни Кайфа вечной жизни явно не заслужили. Однако риторическая фраза «Я умываю руки» стала основополагающим, позорным правилом для судей, неправедно судящих из опасения перед власть предержащими.

АПОСТОЛ ПЕТР

Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит как рыкающий лев, ища, кого поглотить.

1 Пет 5

Если у некоторых исследователей-материалистов когда-то возникали сомнения относительно существования самой личности Иисуса Христа, то сомнений в существовании апостола Петра никогда и ни у кого не было. Он был реальной исторической личностью и сделал для проповеди христианства более, чем кто-либо иной, исключая, разумеется самого Христа Беспрестанно переходя с места на место, проповедуя перед рабами и вольноотпущенниками, он буквально сеял семена христианства, которые тут же восходили в пресыщенной и в принципе атеистичной Римской империи. Строго говоря, религиозные обряды в ней разумеется соблюдались, и строже прочих — обожествление самого императора вне зависимости от его моральных качеств. Однако ввиду того, что особыми моральными качествами принцепсы не отличались, то и к прочим богам отношение у народа было прохладное.

Простонародье веровало в своих домашних и сельских божков, люди же образованные если и веровали во что либо, то лишь во власть денег. Прозвучавшая в этот период страстная проповедь христианства с истовой верой в искупление грехов через страдание, в Царство Небесное, в жизнь вечную стала стремительно завоевывать популярность среди рабов и вольноотпущенников.

Согласно Евангелию от Иоанна, первые ученики перешли к Иисусу от проповедника Иоанна Крестителя. Это были галилейские рыбаки по имени Андрей и Иоанн. Затем Андрей пошел к своему брату Симону, тоже рыбаку, и привел его к Иисусу. Взглянув на Симона, Иисус сразу определил его душевные качества и решил его переименовать, сказав: «Ты Симон, сын Иоанна; наречешься Петр, что значит „камень“».

В Риме в те времена в числе официально узаконенных культов насчитывались до миллиона богов и божков. Не возбранялось поклоняться никому, если (!) сектанты не будут оспаривать божественной сущности императора (и тем самым подвергать сомнению его полномочия). Однако в силу самой сути своего учения христиане не могли согласиться с этим тезисом. Для преследования их нужен был только повод, и вскоре он представился.

Из-за большой скученности, узости улиц и высоты многоквартирных домов Рим в пожарном отношении был очень опасным городом; он горел неоднократно, хотя его постоянно охраняла специальная противопожарная стража. В 64 году на Рим обрушилось страшное бедствие: вспыхнул грандиозный пожар, который бушевал девять дней. Значительная часть города выгорела полностью. Современников изумляло, что нашлись люди, которые мешали тушить пожар, а были и такие, которые, как писал Тацит, «открыто кидали в еще не тронутые огнем дома горящие факелы, крича, что они выполняют приказ, либо для того, чтобы беспрепятственно грабить, либо и в самом деле послушные чужой воле» (Тац. Анн. XV, 38).

Когда пожар начался, Нерон находился вне Рима. Прибыв в город, он распорядился оказать помощь пострадавшему населению и открыть для народа Марсово поле, крупные здания и императорские сады.

«Из Остии и других городов было доставлено продовольствие, и цена на зерно снижена до трех сестерциев. Принятые ради снискания народного расположения эти мероприятия, однако, не достигли поставленной цели, так как распространился слух, будто в то самое время, когда Рим был объят пламенем, Нерон поднялся на дворцовую стену и стал петь о гибели Трои, сравнивая постигшее Рим несчастье с бедствиями древних времен» (Тац. Анн. XV, 39).

В народе поползли слухи, обвинявшие Нерона в намеренном поджоге Рима якобы для того, чтобы на месте старого города построить новый и назвать его своим именем.

Тогда Нерон, как рассказывал Тацит, писавший в начале II века, чтобы снять с себя обвинения молвы, объявил виновниками пожара сектантов, приверженцев одного из восточных культов; Тацит первый назвал их «христианами».

Вот что он писал:

«И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловредное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изобличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому» (Тац. Анн. XV, 44).

Это первое упоминание о христианах *4 Раннее упоминание о христианах есть также у Иосифа Флавия в его «Иудейских древностях», написанных на арамейском и переведенных на греческий язык (XVIII, 3, 3).* в древней латиноязычной литературе. История возникновения христианства известна плохо, и слова Иосифа Флавия и Тацита в науке трактовали по-разному; слова Тацита пытались даже признать позднейшей вставкой, но серьезных оснований для этого нет. В современной науке принято считать, что заметное распространение христианских общин по Римской империи начинается в последней трети I века. Раннехристианские общины состояли главным образом из низов населения (рабов и свободных

бедняков), ибо они больше всех нуждались в том утешении, которое давала христианская религия и которое полностью отсутствовало в римской религии. Так как христиане держались обособленно, отказывались участвовать в общегосударственном культе императоров, сходки их были окружены таинственностью и непосвященные на них не допускались, то это послужило основанием для возникновения кривотолков и подозрений в неблаговидных действиях. Главными преступлениями христиан молва считала то, что они якобы приносят в жертву новорожденных римских младенцев, вкушают их плоти и крови и предаются массовому разврату.

Петр во время Нероновских гонений по настойчивым уговорам единоверцев, которые боялись за его жизнь, согласился уйти из Рима 29 и ночью незаметно вышел из города. Но пройдя городские ворота, повествует далее легенда, он вдруг увидел видение: навстречу ему сам Иисус Христос, неся свой крест. Петр спросил: «Куда ты идешь?» («Quo vadis?» — лат.) «Я иду в Рим, — ответил Иисус, — чтобы меня там опять распяли», — и скрылся. Петр понял, что неправильно поступил, не пожелав разделить участи собратьев, и вернулся в Рим. Заключенный в темницу, Петр не провел время даром, а, по преданию, сумел обратить в христианство своего тюремщика и даже крестить его, вызвав чудом источник из каменного пола темницы.

Когда Петр был приговорен к распятию, он попросил, чтобы его пригвоздили к кресту не так, как Иисуса Христа, а вниз головой, потому что считал себя недостойным принять смерть одинаковым образом со своим учителем. Просьба его, как говорит об этом впервые только церковный писатель III века Ориген, была удовлетворена.

Казнь Петра и других его сподвижников имела колоссальное значение для будущего христианского движения. С радостью принимая мученический венец, первохристиане словно воочию показывали сомневающимся все радости Царства Небесного и всю пустоту и суетность мира земного. Святые мученики за веру во главе с Петром поистине стали краеугольным камнем христианского учения и снискали себе в душах и памяти людской жизнь вечную.

Однако история о пребывании апостола Петра в Риме стала поводом для притязаний на главенство западной, римско-католической церкви в ее столкновениях с восточным, греко-православнымдуховенством.

В V веке возвысившийся над другими римский епископ добился того, что он один стал носить титул «папы», означающий старшинство и происходящий от греческого слова «паппас», что значит отец. Сравнивая себя с верховным апостолом Петром, римские папы заявили о своем первенстве среди остальных епископов. В связи с этим римские епископы стали принимать в свой адрес все якобы произнесенные Иисусом Христом фразы, где подчеркивается приоритет Петра как главного из апостолов перед другими апостолами:

«Ты камень, Петр, и на камне сем я создам церковь мою».

«Ты, обращенный прежде, укрепляй веру братьев твоих».

«И дам тебе ключи царства небесного».

«Петр, любишь ли ты меня?.. Паси овец моих».

Католическая версия легенды о Петре стала со временем церковной доктриной, обосновавшей саму идею папства. Появилось учение о том, что

Петр, этот «князь апостолов», двадцать пять лет был первым епископом Рима, основателем «римской кафедры» («римского престола»), а папа стал его непосредственным преемником, которому будто сам Петр передал свою власть и поручил главенствовать над христианским миром.

Так римские папы объявили себя «наместниками святого Петра на земле». А поскольку сам Петр был только «камнем», на котором Иисус Христос воздвиг свою церковь, то формула главенства папы звучит иногда еще прямее: «Папа римский — наместник Христа на земле», так сказать, его земной представитель. Католическая церковь утверждает, что, после того как Петра постигла мученическая кончина в Риме, он продолжает вечно царить в этом центре своей земной славы как невидимый глава христианской церкви.

Папы и свои земельные владения стали называть «вотчиной», или «наследием», святого Петра.

Интересно, что, возражая католикам и отстаивая интересы своих церквей от притязаний папства, протестантские и православные богословы оспаривали легенду о Петре.

Так, протестанты говорили, что Петр вовсе не бывал в Риме, а православные церковники заявляли, что епископство Петра в Риме никак не могло продолжаться двадцать пять лет, и в доказательство приводили «хронологию»: в 50 году Петр находился в Иерусалиме и присутствовал на апостольском соборе, а не позднее чем через четырнадцать лет былраспят.

Православная и протестантские церкви не признают важнейший догмат католицизма о преемственности власти и наместничестве пап.

В ответ на заявления западной церкви, что только католики неизменно сохраняли в чистоте учение Христа и установления апостола Петра и что западная церковь поэтому католическая, то есть вселенская, всеобщая, главная, восточное духовенство уличало католиков в обратном и приводило примеры введения недопустимых новшеств в христианском вероучении (например, третьей, промежуточной, «инстанции» на «том свете» — чистилища, на которое нет ни малейшего намека в Библии) и говорило, что только на Востоке правильно славят веру Христову, отчего и церковь стала называть себя православной (ортодоксальной, правоверной).

СЕНЕКА И ПЕТРОНИЙ

Тем не менее все принимали его слабость и нерешительность за мудрость…

Корнелий Тацит

Бесчеловечность римских цезарей, беспристрастно описанная римскими историками, до сих пор заставляет содрогнуться неподготовленных читателей. Трудно понять, чего больше было в характере прославленных пурпуроносных императоров — первобытной дикости или просвещенного бесстыдства.

Казалось, что все эти качества объединил в себе император Нерон, сочетавший в себе звериную жестокость с наглым лицемерием. Он приговорил к смерти собственную мать и отправил ее в плавание на корабле, который развалился на воде. Однако женщина спаслась, и тогда он устроил за ней настоящую охоту. Затем (когда приспешники его все же умертвили ее *5 «Рази в чрево!» — воскликнула, по преданию, несчастная женщина, подставив палачу живот, который выносил чудовище.*

он сделал вид, что гибель матери повергла его в скорбь, и от своего имени направил послание римскому сенату. В послании он обвинял мать в попытке захвата власти и в покушении на его жизнь, и заявлял при этом, что она сама покончила с собой. Текст этого позорного документа сочинил для Нерона его близкий друг и наставник Сенека.

«Косвенно выказав порицание временам Клавдия, вину за все творившиеся в ею правление безобразия Нерон возложил на свою мать, утверждая, что ее смерть послужит ко благу народа. Более того, он поведал и о злосчастном происшествии на корабле. Но нашелся ли хоть кто-нибудь столь тупоумный, чтобы поверить, что оно было случайным? Или что женщиной, пережившей кораблекрушение, был послан к Нерону с оружием убийца-одиночка, чтобы пробиться сквозь вооруженные отряды и императорский флот? Вот почему неприязненные толки возбуждал уже не Нерон — ведь для его бесчеловечности не хватало слов осуждения, — а сочинивший это послание и вложивший в него утверждения подобного рода Сенека» (Тац. Анн. XIV, II). Вернувшись в Рим, Нерон, «гордый одержанной победой и всеобщей рабской угодливостью, безудержно предался всем заложенным в нем страстям, которые до того времени если не подавляло, то до известной степени сдерживало хоть какое-то уважение к матери» (Тац. Анн. XIV, 13).

Так, с 59 года Нерон вступил на путь самого разнузданного произвола, который закономерно привел его к гибели и к падению всего дома Юлиев-Клавдиев, бывших властителями Рима почти в течение сталет.

Если в начале своего правления Нерон еще как-то считался с общественным мнением, то впоследствии он его полностью игнорировал.

В 62 году Нерон навлек на себя всеобщую ненависть расправой со своей первой женой, добродетельной Октавией, дочерью Клавдия и Мессалины. Октавия, пользовавшаяся большой любовью народа, была обвинена в прелюбодеянии, выслана из Рима и убита. Эти события послужили сюжетом для сохранившейся до наших дней трагедии «Октавия», сочинение которой приписывается тому же Сенеке. Женой Нерона стала соперница Октавии Поппея Сабина, у которой, по меткой характеристике Тацита, «было все, кроме честной души» (Тац. Анн. XIII, 45). Красивая, развратная, жестокая и лицемерная — она была под стать Нерону, который безумно ее любил; однако через три года в припадке гнева он случайно убил ее, ударив ногой.

Жертвой Нерона стал также и некогда всемогущий Паллант, проложивший ему дорогу к власти: в 62 году Нерон приказал его отравить.

В том же году после смерти Бурра Нерон лишил своей милости воспитателя своего Сенеку, который, хотя и проповедовал всякие хорошие правила, призывая к добродетели и к довольству малым, был, однако, богат и честолюбив в высшей степени. Хитрый Сенека, дабы сохранить себе жизнь, отдал Нерону свои богатства и удалился в уединение.

С 62 года самым влиятельным лицом при Нероне стал Софоний Тигеллин, «человек темного происхождения, который провел молодость в грязи, а старость — в бесстыдстве; он не только вовлек Нерона в преступления, но позволял себе многое за его спиной, а в конце концов его покинул и предал» (Тац. Ист. 1, 72). Во времена Нерона Рим был уже огромным городом с пестрым населением. Римляне не отличались

племенной замкнутостью, и въезд в город был открыт для всех. На римских площадях и улицах чужеземцев было больше, чем коренных римлян.

Об этом своеобразии столицы империи Сенека писал так:

«Взгляни на многочисленное население, которое едва помещается в зданиях этого громадного города; большая часть этой толпы не имеет отечества, а собрались эти люди сюда из разных мест и вообще со всего света. Одних сюда привело честолюбие, других — государственные дела, третьих — возложенное на них посольство, четвертых — роскошь, которая ищет для себя удобного места, изобилующего пороками, пятых — страсть к образованию, шестых — зрелища, седьмых — дружба, восьмых — предприимчивость, которой нужно широкое поле деятельности; одни принесли сюда свою продажную красоту, другие — продажное красноречие. Все люди стекаются в этот город, в котором хорошо оплачиваются и добродетели и пороки» (Сенека. Утешительное письмо к Гельвии. 6, 2).

В 65 году в Риме был раскрыт Заговор против Нерона, вследствие чего многие поплатились жизнью. Неизвестно, был ли Сенека в действительности причастен к этому заговору, но он оказался в числе подозреваемых и получил от Нерона приказ покончить с собой.

Тацит так повествует о трагической кончине Сенеки:

«Сохраняя спокойствие духа, Сенека велит принести свое завещание, но так как центурион воспрепятствовал этому, обернувшись к друзьям, восклицает, что раз его лишили возможности отблагодарить их подобающим образом, он завещает им то, что остается единственным, но зато самым драгоценным из его достояния, а именно — образ жизни, которого он держался, и если они будут помнить о нем, то заслужат добрую славу, и это вознаградит их за верность. Вместе с тем он старается удержать их от слез то разговором, то прямым призывом к твердости, спрашивая, где же предписания мудрости, где выработанная в размышлениях стольких лет стойкость в бедствиях? Кому неизвестна кровожадность Нерона? После убийства матери и брата ему только и остается, что умертвить воспитателя своего и наставника. Высказав это и подобное этому как бы для всех, он обнимает жену свою Паулину и, немного смягчившись по сравнению с проявленной перед этим непоколебимостью, просит и умоляет ее не предаваться вечной скорби, но в созерцании его прожитой добродетельно жизни постараться найти достойное утешение, которое облегчит ей тоску о муже. Но она возражает, что сама обрекла себя смерти и требует, чтобы ее убила чужая рука. На это Сенека, не препятствуя ей прославить себя кончиной и побуждаемый к тому же любовью, ибо страшился оставить ту, к которой питал редкостную привязанность, беззащитною перед обидами, ответил: „Я указал на то, что могло бы примирить тебя с жизнью, но ты предпочитаешь благородную смерть; не стану завидовать возвышенности твоего деяния. Пусть мы с равным мужеством и равною твердостью расстанемся с жизнью, но в твоем конце больше величия“. После этого они одновременно вскрыли себе вены на обеих руках. Но так как из старческого и ослабленного скудным питанием тела Сенеки кровь еле текла, он надрезал себе также жилы на голенях и под коленями; изнуренный жестокой болью, чтобы своими страданиями не сломить духа жены и, наблюдая ее мучения, самому не

утратить стойкости, он советует ей удалиться в другой покой. И так как даже в последние мгновения его не покинуло красноречие, он позвал писцов и продиктовал многое, что впоследствии было издано.

Однако Нерон, не питая личной ненависти к Паулине и не желая усиливать вызванное его жестокостью всеобщее возмущение, приказывает не допустить ее смерти. По приказу воинов рабы и вольноотпущенники перевязывают ей руки и останавливают кровотечение. Вероятно, она была без сознания: но так как толпа всегда готова во всем усматривать худшее, то не было недостатка в таких людях, которые считали, что в страхе перед неумолимой ненавистью Нерона она домогалась славы верной супруги, решившейся умереть вместе с мужем, но когда у нее возникла надежда на лучшую долю, то она не устояла перед соблазном сохранить жизнь. Она лишь на несколько лет пережила мужа, с похвальным постоянством чтя его память; лицо и тело ее отличались той мертвенной бледностью, которая свидетельствовала о невозместимой потере жизненной силы.

Между тем Сенека, тяготясь тем, что дело затягивается и смерть медлит с приходом, просит Стация Аннея, чью преданность в дружбе и искусство врачевания с давних пор знал и ценил, применить заранее припасенный яд, которым умерщвляются осужденные уголовным судом афиняне (яд цикуты). Яд был принесен, и Сенека его принял, но тщетно, так как члены его уже похолодели и тело стало невосприимчивым к действию яда. Тогда Сенеку погрузили в бассейн с теплой водой, и он обрызгал ею стоящих вблизи рабов со словами, что совершает этою влагою возлияние Юпитеру Освободителю. Потом его переносят в жаркую баню, и там он испустил дух, после чего его труп сжигают без торжественных погребальных обрядов. Так распорядился он сам в завещании, подумав о своем смертном часе еще в те дни, когда владел огромным богатством и был всемогущ» (Тац. Анн. XV, 62–64).

Мы полагаем, что перед смертью он размышлял и о том, что оказался в общем-то неважным воспитателем…

Другой жертвой Нероновского произвола был Петроний, автор уже тогда скандального романа «Сатирикон» о временах нероновской эпохи, Тацит говорил о нем с восторгом и восхищался его смертью. Он посмеялся над Нероном и над судьбой, которую тиран уготовил ему.

Петроний умел получать от жизни удовольствие — день он посвящал сну, ночь занятиям и наслаждениям, и если другим приносила славу их деятельность, то Петроний прославился своим бездействием, и он считался не пылким расточителем собственных сил, а человеком, знающим толк в наслаждениях. Его прозвали «магистром изящества». Однако он был и прославленным государственным деятелем в духе старых римских традиций и, назначенный проконсулом Вифинии, а затем консулом, он проявил энергию и оказался на высоте задачи, что не помешало ему вернуться к жизни праздности и наслаждений. Приближенный ко двору, он стал высшим авторитетом в делах вкуса, и Нерон считал изысканным и изящным лишь то, что одобрил Петроний. При подозрительности кесаря завистникам Петрония нетрудно было погубить его, обвинив в сношениях с одним из участников заговора Пизона, Суевином.

Попав в немилость, Петроний не дождался казни и кончил жизнь самоубийством, причем проявил твердость и мужество, достойные

мудреца. Он не последовал примеру тех, кто в завещаниях старались льстить императору, чтобы сохранить за семьей и друзьями хоть часть наследства; он, напротив, сделал все, что только могло быть неприятным властителю: сломал свою печать, чтобы ею не воспользовались для подложных писем, и отправил императору язвительное письмо, в котором клеймил его тайные пороки, перечисляя его любовников и любовниц.

Разрезав себе жилы, он то перевязывал, то вновь открывал их, в промежутках беседовал с друзьями, подкрепляя себя сном и обедом, и слушал музыку — так что смерть его, хотя и вынужденная, пришла нежданной гостьей. Хотя формально оба вышеприведенных случая больше похожи на суицид, их вернее расценивать как смертную казнь по приговору суда, поскольку к самоубийству римские граждане именно приговаривались, дабы лишний раз не позорить белоснежных тог Этот вид казни был весьма милосердным с точки зрения общества, поскольку имущество казненного не отходило в казну, а оставалось в распоряжении семьи.

ГЕОРГИЙ, ПРОЗВАННЫЙ ПОБЕДОНОСЦЕМ

Я оставался в Боге бодрым, ибо я не опирался на собственные силы, я сражался под знаменем великого и могущественного генерала — Иисуса Христа. Его силой я вынесу свои страдания и одержу победу.

Джон Лильберн

Даже после гонений Нерона христианство не сразу стало превалировать над остальными религиями. Путь к душам людей предстоял долгий и тягостный. Рим легко впускал к себе не только чужих людей, но и богов. Множество иноземных культов, особенно восточных, постепенно обосновалось в Риме, так что в IV веке Рим сделался как бы «храмом всего мира» (Амм. Марц. XVII, 4, 13). И если с остальными культами официозный Рим мирился, то в отношении к христианам проявлял самые настоящие репрессии. Римской государственности претила христианская мораль, отказывавшая в божественности кому бы то ни было, кроме Бога-Отца и Сына. Одним из ярких религиозных деятелей той поры был святой великомученик Георгий, о жизни и деятельности которого сохранились документальные свидетельства.

Георгий родился в Малоазийской области Каппадокии от знатных, благочестивых и богатых родителей-христиан, в царствование одного из ревностных гонителей христиан, императора Диоклетиана. От рождения Георгий был одарен высокими умственными способностями, красивой внешностью и здоровьем. В доме своих родителей он получил хорошее образование и христианское воспитание и с детства был глубоко благочестивым, добрым и любящим мальчиком. Он был еще ребенком, когда отец его, по распоряжению правительства, был замучен за веру во Христа. Мученическая кончина нежно любимого отца произвела на детскую душу Георгия весьма сильное впечатление и осталась навсегда в его памяти. Мать его, опасаясь дольше оставаться здесь в это тяжелое для христиан время, вскоре после кончины мужа переселилась на свою родину, в Палестину, где у нее по наследству от родителей были богатые имения, в одном из коих она и поселилась с сыном. Когда Георгий повзрослел, он был отдан в военную службу. Вскоре после этого умерла его мать. Проходя военную службу с усердием, высокой порядочностью и исполнительностью,

Георгий вскоре обратил на себя внимание и заслужил расположение своего начальства, так что, будучи 20 лет от роду, он был назначен офицером и был почтен высокими наградами от самого императора. Занимая высокую должность комита в царском войске, Георгий вскоре сделался одним из приближенных к царю людей, членом царской свиты. Диоклетиан не знал, какую веру исповедует Георгий, а последний не афишировал своих пристрастий. Между тем настало тяжелое время для всех, исповедующих Христову веру.

Будучи приверженцем староримских традиций, Диоклетиан в целях укрепления своего бюрократического государства решил поощрять традиционные римские верования, в том числе культ Юпитера. Эта религия должна была стать превалирующей во всем государстве. Дошло до того, что и сам император взял себе имя Иовия. В 303 году начались массовые преследования христиан, вера которых уже успела пустить корни повсюду. Императором было отдано распоряжение повсюду разыскивать христиан и заставлять их отрекаться от Христа и объявлять о вере в традиционных богов и в первую очередь в Гений императора (то есть Юпитера), а несоглашающихся на это подвергать самым страшным истязаниям, пыткам и казням. От преследований ничто не могло спасти: им подвергались даже члены царской семьи. Началось страшное, бесчеловечное преследование христиан, обильными потоками полилась кровь В один из праздников возбужденная толпа с яростью набросилась на великолепный христианский храм в самой столице (Никомидии), наполненный богомольцами, и, окружив его, подожгла со всех сторон; под пеплом этого храма погибли тысячи христиан.

Для того чтобы преследованию христиан придать особый порядок, систему, сделать его особенно сильным и действенным, Диоклетиан образовал у себя во дворце особый совет из лиц, наиболее приближенных; этот совет издавал особые распоряжения, руководя репрессиями в масштабах всей империи. Георгий, как лицо весьма близкое к императору, тоже должен был участвовать в этом совете. Как только начались гонения на христиан, Георгий стал готовиться к смерти: отпустил на свободу своих рабов, имущество раздал бедным. Считая для себя неприличным пользоваться покоем и наслаждаться земными благами в то время, когда его собратья по вере страдают, и особенно оставаться в такое тяжкое время тайным христианином, Георгий решил торжественно исповедать имя Христа и принять мучения за Него. Однажды, когда сам император в совете своих близких сановников обсуждал дела и изыскивал меры к истреблению христиан, Георгий произнес страстную речь в защиту христианской веры.

Все собрание как громом было поражено его неожиданной и смелой и восторженною речью, все устремили свои изумленные взоры на императора, ожидая, что он скажет. Пораженный и крайне смущенный Диоклетиан некоторое время молчал, как бы не зная, что сказать, затем поманил к себе своего советника и друга Магнеция и приказал ему возразить на речь Георгия. «Кто побудил тебя на такой дерзкий поступок?» — спросил Георгия Магнеций. «Истина», — с достоинством ответил Георгий. «Какая истина?» — продолжал Магнеций. «Истина эта есть Христос, вами гонимый», — ответил святой. «Так ты и сам христианин?!» — удивился Магнеций. «Да, я раб Христа, Бога моего, и, на Него уповая,

добровольно предстал пред вами, чтобы засвидетельствовать истину: я — христианин, и желание свидетельствовать о Христе — Единой истине — побудило меня сделать это», — закончил Георгий.

Диоклетиан был донельзя раздражен этой выходкой, но, не подавая вида, стал увещевать Георгия: «До сих пор я радовался тому, что ты отличным знанием воинского дела и личной храбростью своей удостоился больших наград. Не обращая внимания на твой возраст, я наградил тебя почетным званием и дал тебе высокий чин в моем войске. Даже и теперь, когда ты и не на пользу себе говоришь так дерзко, я люблю тебя за твой ум, за твое мужество. Как отец советую тебе, для твоей же пользы, и увещеваю тебя: не лишай себя воинской славы, не предавай своей безрассудной непокорностью своего цветущего возраста на муки; принеси жертву нашим богам и за это получишь от нас еще большие почести».

Но Георгия не смутили и не соблазнили эти слова. «Никакие обещания земной славы не в силах уменьшить моей любви к Богу истинному и вечному, и никакие муки не устрашат меня и не поколеблют моей веры».

При этих словах Диоклетиан не в силах был сдерживать свой гнев и приказал тут же находившимся воинам изгнать Георгия из собрания и заключить в тюрьму. В тюрьме к Георгию отнеслись с величайшей жестокостью: на его ноги надели тесные и тяжелые колодки, а на грудь навалили тяжелый камень, и в таком положении он должен был провести всю ночь. Терпя эти ужасные мучения, Георгий не высказал ни одного слова жалобы или сетования, а беспрестанно благодарил и прославлял Бога. На другой день император снова велел привести к себе Георгия и опять стал уговаривать его и склонять к покорности.

На следующий день император вновь пожелал увидеть страдальца, но вновь тот не внял его увещеваниям. Тогда Диоклетиан велел принести огромное колесо, под которым были доски с укрепленными в них острыми ножами и воткнутыми большими железными гвоздями. Раздетого донага мученика привязали к колесу, которое стали вращать по этим доскам. Железные острые орудия впивались в тело Георгия и рвали его на части. Несмотря на ужасные боли и страдания, мученик не издал ни одного крика, ни одного стона, а только молился и славословил Бога, а по прошествии некоторого времени потерял сознание.

Далее в христианской литературе описываются чудеса, которыми было ознаменовано дальнейшее мученичество Георгия. Так, после пытки на колесе с неба явился ангел и заживил раны мученика, каковое зрелище послужило обращению в христианство двух слуг императора и самой императрицы Александры. Далее последовало закапывание мученика в ров с негашеной известью. Он и эту процедуру встретил безропотно и перенес без единой царапины. Затем на ноги Георгия надели сапоги, в подметки которых снаружи вбили большие гвозди, но и в этих сапогах Георгий ходил, прославляя Христа. Затем произошел спор Георгия с неким колдуном Афанасием. На глазах у всех Георгий выпил яд (совершенно на него не подействовавший) и воскресил давно умершего человека, но и это не убедило Диоклетиана. От его слов попадали статуи римских богов в храме Юпитера, и жена Диоклетиана заявила о том, что разделяет учение этого стойкого человека.

Мы не смеем подвергать сомнению факт совершения вышеописанных чудес. Credo ad absurdum.

Но не подлежит сомнению и тот факт, что среди многих сотен римских офицеров и многих тысяч подвергшихся преследованиям христиан именно этот человек запал в душу народную и остался в памяти людской. Мы можем полагать, что он был страстным, искренним и талантливым проповедником и что, находясь в тюрьме и публично подвергаясь пыткам, выказал себя искренним христианином, чем послужил делу обращения в христианство десятков и сотен сограждан. По преданию, взбешенный Диоклетиан велел казнить одновременно Георгия и императрицу Александру, однако последняя «дорогой… изнемогла телом и, с дозволения воинов, присела на дороге у стены отдохнуть, но тут же и предала свой дух Господу». Так милосердный Господь пощадил слабые физические силы царицы и не дал грубым воинам терзать чистое тело святой мученицы! Святой Георгий, славословя Господа за Его милосердие к слабой женщине, радостно продолжал путь. Пришедши на место казни, святой Георгий возблагодарил Господа, давшего ему силы досель терпеть все муки и страдания и не допустившего врагам торжествовать. Окончив молитву, он спокойно положил свою голову на плаху и был обезглавлен 23 апреля 303 года. Позже воин Георгий был канонизирован и вошел в историю христианства как Святой Георгий Победоносец.

Мощи его, согласно завещанию, положены в Палестине в Лидде. Святой Георгий традиционно считается покровителем военных, хотя у историков нет никаких данных, участвовал ли он лично в военных действиях. Учитывая обилие войн, которые вел Диоклетиан на границах империи, и офицерскую должность, довольно рано полученную Георгием, мы можем с большой долей уверенности предполагать, что он сражался на войне и сражался храбро. В православной традиции святой Георгий изображается всадником с копьем, поражающим дракона. В облике дракона здесь выступает символический образ язычества, борьбе с которым послужила вся его короткая, но славная жизнь.

ТАМПЛИЕРЫ

А сановников и рыцарей разместили в одиночных камерах. Со вчерашнего утра они не получали пищи. Никто не пришел к ним. Никто не объяснил причин внезапного ареста и незаконного заключения.

Фредерик Поттешер

Среди политических процессов средневековья особое место занимает суд над тамплиерами. Церковный Орден тамплиеров (в переводе — «храмовников», от слова «le Tample» — Иерусалимский храм) возник после Первого крестового похода в конце XI века.

Он во многом походил на такие предназначенные для борьбы с «неверными» христианско-военизированные организации, как Орден госпитальеров или Тевтонский орден, который, как известно, стал главным орудием средневековых немецких государств.

Устав тамплиеров, одобренный в 1128 году, позднее был дополнен многочисленными секретными правилами, касавшимися внутренней организации ордена. Рыцари ордена, а в него широко вербовались дворяне из Англии, Германии и других западноевропейских стран, отстаивали

завоевания крестоносцев в Сирии и Палестине. Папы щедро наделяли тамплиеров различными привилегиями. После того как в 1291 году пала Аккра, последний оплот крестоносного воинства на Ближнем Востоке, орден, численность которого составляла до 20 тысяч человек, перебрался на Кипр.

Еще во времена борьбы с мусульманами тамплиеры совмещали ратное дело с умелыми финансовыми операциями, умножавшими их богатство. К началу XIV века Орден тамплиеров занялся торговлей и ростовщичеством, стал кредитором многих светских монархов, обладателем огромных богатств (часть этих сокровищ, хранившихся в тайниках рыцарских замков, и поныне разыскивают археологи или просто охотники за кладами).

То была организация, не знавшая государственных границ. Ее отделения в различных странах сделались государством в государстве, повсеместно возбуждали недовольство и подозрения, поэтому против ордена нетрудно было возбудить ненависть толпы. Все это вполне трезво учел решительный и совершенно бесцеремонный политик — французский король Филипп IV Красивый, успевший уже выдержать нелегкую борьбу с папством. Обеспокоенный вовсе не защитой веры и чистоты нравов, что ему позднее приписывали некоторые историки, Филипп попросту стремился наложить руку на имущество ордена. Однако он хотел, чтобы это выглядело не как грабеж, а как справедливое наказание за грехи, к тому же одобренное единодушным решением и светских и духовных властей. Воспользовавшись в качестве предлога каким-то случайным доносом, Филипп приказал без шума допросить нескольких тамплиеров и затем начал секретные переговоры с папой Клементом V, настаивая на расследовании положения дел в ордене. Опасаясь обострять отношения с королем, папа после некоторого колебания согласился на это, тем более что встревоженный орден не рискнул возражать против проведения следствия.

Тогда Филипп IV решил, что настало время нанести удар. 22 сентября 1307 года Королевский совет принял решение об аресте всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Три недели в строжайшем секрете велись приготовления к этой совсем нелегкой для тогдашних властей операции. Королевские чиновники, командиры военных отрядов (а также местные инквизиторы) до самого последнего момента не знали, что им предстояло совершить: приказы поступили в запечатанных пакетах, которые разрешалось вскрыть лишь в пятницу, 13 октября. Тамплиеры были захвачены врасплох. Нечего было и думать о сопротивлении.

Король делал вид, что действует с полного согласия папы. Тот же узнал о мастерской «полицейской» акции, проведенной Филиппом, лишь после ее свершения. Арестованным сразу же были приписаны многочисленные преступления против религии и нравственности: богохульство и отречение от Христа, культ дьявола, распутная жизнь, различные извращения. Допрос вели совместно инквизиторы и королевские слуги, при этом применялись самые жестокие пытки и в результате, конечно, были добыты нужные показания. Филипп IV даже собрал в мае 1308 года Генеральные штаты, чтобы заручиться их

поддержкой и тем самым нейтрализовать любые возражения папы. Формально спор с Римом велся о том, кому надлежит судить тамплиеров, по существу же, о том, кто унаследует их богатства.

Был достигнут компромисс. Суд над отдельными тамплиерами был фактически оставлен в ведении короля, а над орденом в целом и его руководителями — в ведении римского первосвященника. Для этой цели осенью 1310 года был созван совет важных церковных иерархов, составивших специальный трибунал. Он занимал менее жесткую позицию и не прибегал к пыткам. Но если бы тамплиеры, выступавшие в качестве свидетелей по делу ордена, отказались от данных ими ранее признаний, они могли быть отправлены королевскими властями на костер как еретики, вторично впавшие в греховные заблуждения. 12 мая 1311 года 54 тамплиера, вызванные свидетелями в трибунал, были осуждены инквизиционными судами, действовавшими по приказу короля, и сразу же казнены. Это произвело надлежащий эффект — у остальных свидетелей отбили охоту отрекаться от прошлых показаний. Правда, один из них, набравшись мужества, все же заявил, что его показания были лживы и вырваны под пыткой: «Я бы признал все; я думаю, что признал бы, что убил самого Бога, если бы этого потребовали!»

Недовольный позицией трибунала, Филипп решил оказать дополнительное давление на Клемента V. Папа тем более поддался этому нажиму, что еще в 1309 году должен был перенести свою резиденцию из Рима во французский город Авиньон. Король приказал провести расследование преступлений своего заклятого врага — покойного папы Бонифация XIII, которого обвиняли в ереси, содомском грехе и других деяниях. Чтобы потушить вызванный этим скандал, Клемент V согласился окончательно пожертвовать тамплиерами. Церковный трибунал после долгого перерыва возобновил в октябре 1311 года заседания, которые продолжались до мая 1312 года.

Настойчивость короля все усиливалась. По совету трибунала папа объявил о роспуске Ордена тамплиеров, имущество которого должно было перейти к госпитальерам. Впрочем, львиная доля добычи досталась Филиппу IV. 18 марта 1314 года был вынесен приговор великому магистру Жаку Моле и еще троим руководителям ордена. Все они признали предъявленные им обвинения и были приговорены к пожизненному заключению. Однако в момент произнесения приговора Жак Моле и другой осужденный, Жоффруа де Шарпе, объявили: они виноваты лишь в том, что, пытаясь спасти себе жизнь, предали орден и признали истиной возведенную на него хулу. В тот же вечер оба по приказу короля были сожжены на костре.

Шесть с половиной веков, отделяющих нас от этого процесса, не привели к единодушию ученых в его оценке. Историки и исследователи и поныне спорят о том, что было правдой в обвинениях, предъявленных тамплиерам. Нам же ясно, что несчастные рыцари пали жертвой собственной недооценки общественно-политической ситуации в стране. Собрав огромные финансовые средства, орден тем не менее не стал достаточно влиятельной силой в государстве, и государство расправилось с ним, как всегда поступало в подобных случаях.

АНДРОНИК I

Всякий раз простирал Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям…

Исх 64

Андроник I, византийский император из династии Комнинов (около 1123/24-1185), вначале был регентом при малолетнем (12 лет от роду) Алексее II. В регенты он был выдвинут весьма влиятельными вельможами Контостефаном и Ангелом. Однако с первых дней правления новый регент показал себя не только неблагодарным, но и крайне опасным человеком. Правление Андроника отличалось крайней жестокостью. Основное направление его политики заключалось в преследовании всех, кто ему противодействовал раньше, и всех, кто казался ему опасным и подозрительным. Византийский историк Никита Хониат писал: «Кому вчера подносил он кусок хлеба, кого поил благовонным цельным вином, с тем сегодня поступал злейшим образом… Андроник считал погибшим тот день, когда он не ослепил кого-нибудь». Аресты, ослепления, конфискации и казни стали обычным явлением. Разочаровавшиеся в своем ставленнике сановники Контостефан и Ангел организовали против него заговор. Однако заговор этот был раскрыт, Ангел бежал, Контостефан был ослеплен.

Воспользовавшись известием о том, что Ангел готовит новое восстание, Андроник настроил народ так, что тот стал громко требовать возведения регента в соправители. Через год после коронации, состоявшейся в октябре 1183 года, в сентябре 1184-го он приказал приговорить к смертной казни Алексея II, и той же ночью малолетний император был задушен тетивой лука.

Однако каково же было изумление византийцев, когда престарелый Андроник сделал своей женой 11-летнюю невесту убитого императора, французскую принцессу Агнессу. На убийство Алексея II население Малой Азии ответило тем, что примкнуло к начавшемуся в Вифинии возвышению дома Ангелов. Зимой 1185 года малоазийское восстание представляло нешуточную угрозу, и Андроник двинулся в карательную экспедицию. Ему удалось отнять у заговорщиков Никею и Прусу. В течение 1185 года население Константинополя окончательно отвернулось от тирана, жестокости его усилились, и даже его верных советников и приближенных охватило опасение за свою жизнь.

Однако основной целью Андроника по-прежнему была поимка и казнь его давнего противника Ангела. 11 сентября 1185 года, получив сведения о его местонахождении, он послал людей схватить недруга. Спасаясь от погони, тот сел на коня, бросился с обнаженным мечом на врагов и в отчаянии кинулся искать убежища в храме Святой Софии. Преследователи не решались ворваться в храм. Вокруг Ангела тотчас же стал собираться недовольный императором народ, и утром 12 сентября 1185 года Ангела провозгласили императором. Весь город вооружился, заключенных выпустили из темниц, и с патриархом во главе население города двинулось во дворец. Малочисленный отряд стражи вяло оборонялся против рассвирепевшей толпы. А когда толпа сломала ворота, Андронику оставалось лишь одно: поспешно снять с себя все знаки царского достоинства и бежать. Он намеревался переправиться через Черное море в Россию. Когда же встречный ветер отогнал его лодку

обратно к берегу, он попал в руки посланных за ним в погоню людей Ангела, и бывшего императора связанным привезли в столицу. Бесчисленные враги, которых он сам себе создал, точно голодные волки жаждали его крови, а Ангел не хотел избавить его от смертных мук. Когда Андроника в цепях привели из места заключения к новому царю, он допустил, чтобы в его присутствии всевозможным образом ругались над старым царем и били его. Затем Ангел приказал отрубить ему руку и отвести обратно в темницу, а через несколько дней выколоть глаз.

Затем Андроника посадили на верблюда и повезли по улицам… Грубые жители Константинополя, сбежавшиеся на это зрелище, совсем не думали о том, что это — человек, который недавно еще был царем, что его все прославляли, приветствовали низкими поклонами и благими пожеланиями, присягали ему в верности. С бессмысленным гневом напали они на Андроника, и не было зла, которое бы не сделали ему. Некоторые поносили срамными словами его отца и мать, иные кололи вилами в бока, а еще более наглые бросали в него камнями и называли бешеной собакой. Одна женщина, схватив из кухни горшок с кипящей водой, выплеснула ему в лицо. Словом, не было никого, кто не надругался бы над Андроником! Наконец подле скульптурной группы, представляющей львицу и гиену, на ипподроме, его повесили на двух столбах вниз головой, и тут он испустил дух. Несмотря на страшные мучения, он не издавал ни малейшего стона, и только повторял постоянно: «Зачем ломаете вы поломанный тростник». *6 Герцеберг Г. «История Византии». М., 1896, с. 319–323.* Мы согласны, что глумления черни над поверженным титаном — дело насколько мерзкое, настолько же и обыденное. Точно так же народ издевался над всеми низвергнутыми властителями всех времен и народов — от античных тиранов и кесарей до современных самодержцев.

Одно лишь примиряет нас с этим фактом — у народа всегда имелись на это весьма веские основания.

ИВАН ВЕЛЬЯМИНОВ И НЕКОМАТ

«Мамай дышит яростью на нас, — говорили тогда, — если мы спустим тверскому князю, то он, соединившись с Мамаем, наделает нам беды»

Н. И. Костомаров

В истории становления российского государства одним из наиболее тягостных и беспросветных периодов была эпоха княжения Димитрия Донского. Несмотря на историческое значение сражения на Куликовом поле, следует признать, что роль этой битвы в немалой мере была приукрашена потомками. Для простого же русского народа она была всего лишь еще одной резней в череде постоянных и беспросветных драк, в которые их водили хозяева — князья. По большому счету суздальскому или рязанскому мужику-дружиннику было все равно кого резать и грабить — своего ли собрата москвича, новгородца или татарского мурзу — национальное самосознание в те времена пробуждалось, только когда перед лицом начинала маячить веревка палача.

В XIV веке не существовало еще русского государства в том понимании этого слова, к какому мы привыкли, и русская нация, объединенная языком и верой, но не единой властью, являла собой сообщество племен, которые поминутно готовы были начать войну против того из соседей, с которым в тот момент пожелал бы воевать князь. В этом

отношении Димитрий Донской, молодой тридцатилетний правитель Московскою княжества, не являл собой исключения. В малолетстве он был посажен на великое княжение боярами, и они же, по-видимому, оставались у власти до последнего вздоха князя, который умер на сороковом году жизни.

Надо сказать, что в то время народы Руси страдали от засух, недородов и неурожаев. Летописцы отмечают значительное количество эпидемий, скорее всего, чумы и холеры, которые опустошали целые города. Ко всем этим бедам добавлялись войны. То новгородские пираты-ушкуйники отправлялись вниз по рекам грабить прибрежные городки. То литовский князь Ольгерд со своей бравой дружиной шел на Русь и Москву, то рязанский князь пускался грабить суздальского, то наоборот… Напрасны попытки некоторых новомодных историков представить татаро-монгольское иго чем-то вроде идиллического симбиоза восточной и западной культур. Покорив Русь и периодически предпринимая на нее набеги, монголы, увы, не повысили свой культурный уровень и не сыграли никакой просветительской роли в деле становления русской культуры. Напротив, скорее Русь повлияла на них. К середине описываемого века Орда разделилась на ряд независимых друг от друга ханств. Ханы номинально подчинялись одному Великому хану, но на самом деле то была чисто номинальная фигура, выставляемая то одной, то другой группировкой. Русь татар интересовала лишь постольку, поскольку каждое княжество платило в ханскую казну дань. Каждый князь получал от хана ярлык на княжение. При этом некоторые, наиболее отличившиеся данники (читай взяткодатели), пусть даже родом из мелкопоместных князьков, могли рассчитывать получить от хана ярлык на княжение. Впрочем, ярлык сам по себе еще ничего не значил. Старый князь вполне мог перерезать новому ханскому любимчику глотку, а потом послать хану подарки в знак покорности и примирения.

То же самое примерно произошло и с тверским князем Михаилом. Вражда Москвы с Тверью вошла в анналы русской истории. Москвичей терпеть не могли за столичное высокомерие и надменное обхождение с провинциалами. Михаил претендовал на звание великого князя и даже купил себе ярлык у ордынского хана. Да и приехал он княжить не один, а привез с собой татарского посланника Сарыходжу. Каковы же были его ярость и изумление, когда Сарыходжа вскоре отправился к Димитрию в гости и там заявил, что лучше Димитрия государя на Руси нет и быть не может. Учитывая, что чуть позже Димитрий за 10 000 рублей серебром выкупил у татар сына Михаила, Ивана, удержанного в Орде за долг (эта сумма соответствовала 2 тоннам серебра), можно себе представить, в какую астрономическую сумму обошлось расположение татарского посланника.

Как знать, отпусти он тогда молодого человека восвояси, может, и наступил бы тогда с Тверью вечный мир. Но княжича держали в заложниках, взаперти. Разъяренный Михаил кинулся искать помощи у родственника — литовского князя Ольгерда, у князя рязанского… Тем временем и в Москве назрела смута. Там умер тысяцкий Василий Вельяминов. Ему суждено было быть последним тысяцким на Руси. Димитрий, а скорее всего, правившие вместо него бояре, решил упразднить

этот древнейший титул вечевой Руси. Вольно избираемый народом тысяцкий был главой народного ополчения, предводителем земской рати, опорой вечевого строя. По сути дела, это был представитель народа при княжеском дворе, он же осуществлял контроль за деятельностью князя от имени народа. В таком качестве тысяцкий не устраивал правящую элиту, и умерший народный избранник не получил преемника. Это вызвало возмущение народа. И наиболее явными выразителями этого возмущения стали старший сын покойного Иван Вельяминов и его друг и соратник купец Некомат. Первый, вероятно, лишался привилегий, на которые рассчитывал, будучи избранным на этот пост, второй, скорее всего, радел за интересы своего купеческого сословия, которое тоже оставалось совершенно бесправным перед лицом княжеского произвола. Мы не сомневаемся, что тем и другим двигали самые благородные намерения, когда они явились пред очи тверского князя с предложениями посодействовать его выдвижению на московский престол. Михаил тем временем пребывал в дурном расположении духа. Войско князя Ольгерда не дошло до Москвы. Его в районе Калуги встретила дружина Димитрия. Ни у кого не было особой охоты драться. Москвич с литовцем заключили перемирие. Димитрий обязался не беспокоить Михаила в Твери, тот обещал возвратить все награбленное в землях Димитрия и не искать более великого княжения.

Прибывшие московские ренегаты вдохнули новые силы в утомленного и разочарованного тверского князя. Что могли предложить Михаилу Иван Вельяминов и купец Некомаг? Первый, скорее всего, помощь московского простого люда, оскорбленного утратой вольностей и разгоном вече. Второй, полагаем, мог оказать значительную финансовую поддержку. «Значительную» говорим мы не потому, что располагаем сведениями о состоянии Некомата, но в связи с тем, что он явился делегатом от всего московского купечества, рассчитывавшего получить поблажки от нового великого князя.

Некомат клятвенно обещал лично съездить в Орду и там купить у Мамая новый ярлык на великое княжение. С тем они и расстались: Михаил отправился в Литву уламывать родственника помочь ему в войне, а Некомат — в Орду. Каково же было удивление Михаила, приехавшего из Литвы с одними пустыми обещаниями, когда 14 июля 1375 года Некомат вернулся из Орды с личной грамотой Мамая. Очевидно, проанализировав обстановку, хан понял, что Русь ускользает из сферы влияния Орды, а вместе с нею ускользнут и получаемая с нее дань, и взятки, и безбедная и привольная степная жизнь. Мамаю нужны были на Руси покорные вассалы. Хан не только послал Михаилу ярлык на великое княжение, но и пообещал ему личную помощь в войне. Однако у последнего не хватило терпения дождаться ордынцев. Он сразу же объявил себя великим князем, и Димитрий, не долго думая, сам обрушился на тверскую землю, не дожидаясь, пока там соберут армию.

В августе 1375 года Димитрий осадил Тверь, и простоял там четыре недели, пока его солдаты жгли тверские деревни, травили хлеба на полях, убивали и уводили в плен жителей. Кроме московского войска, в Тверское княжество с удовольствием вторглись владимирцы, суздальцы, новгородцы, нижегородцы, князья ростовские, ярославские…

Не дождавшись помощи ни от Литвы, ни от Орды, перед лицом тотальной оккупации Михаил запросил мира. Он принял все самые унизительные условия, какие продиктовал ему Димитрий, а главное — повиноваться ему в войне против татар. Пойдут ли те сами воевать на Москву, либо московский князь отважится идти на Орду, тверской князь обязался быть ему верным вассалом. Строго говоря, тогда же произошла первая проба сил перед будущей битвой с татарами. Объединенная армия русских князей под предводительством князя московского показала прекрасные боевые качества. Более того, вероятно, тогда же, подсчитав, какую дань ежегодно платит татарам каждое княжество, московские бояре и решили начать подготовку к отечественной «реконкисте». Будущие доходы от налогов из провинций обещали с лихвой перекрыть все тяготы войны. И разумеется, особым пунктом в мирном договоре с Тверью была оговорена передача великому князю московскому Ивана Вельяминова и Некомата. Всем прочим тверским боярам и их слугам предоставлялся свободный выезд, была оговорена охрана их земель, что же касается поместий Ивана и Некомата, то они переходили в собственность Димитрия. Они, не полагаясь на княжеское правосудие, бежали в неизвестном направлении. Однако, по словам историков, спустя четыре года их выследили и хитростью заманили в Москву. Там их схватили и 30 августа 1379 года казнили на Кучковом поле (на этом месте сейчас находится Сретенский монастырь).

Казнь происходила при большом скоплении народа. Несмотря на то, что убийства и войны в те времена были обычным делом, торжественная казнь государственных преступников — с барабанным боем и эшафотом в окружении суровых латников — была для простонародья редкостным развлечением. Казнь эта знаменательна тем, что явилась первой публичной казнью в Москве, казнью по приговору суда, нашедшей своих жертв спустя довольно долгое время. Ивана Вельяминова описывают как довольно красивого молодого человека. В его лице казнили не только простолюдина, осмелившегося пойти против великого князя, казнили само понятие вечевой свободы и вольностей, которыми издавна обладали свободные общинники.

Что же касается Некомата, о личности которого нам известно мало, то и его гибель невозможно было предотвратить. Эта казнь явилась предостережением для всего купечества — не искать защиты вне Руси, но покориться великому князю московскому.

«Отчего же, спросит нас пытливый читатель, решил автор, что положение московских купцов было столь беспросветно, что они решились на переворот?» На это нам прозрачно намекает сама История: не позже, чем через год после описываемых нами событий, произошла Куликовская битва, событие, потребовавшее концентрации в одних руках колоссальных финансовых ресурсов. Что бы нам ни говорили о беспримерном героизме и патриотизме, но стопятидесятитысячную армию героев надо было кормить на протяжении почти полугода, снабдить их оружием, доспехами, одеждой и, кстати, обеспечить жалованьем, дабы семьи их не пошли по миру. В битвах побеждают герои, но всякая война в конечном итоге сводится к войне ресурсов. Так и итоги великой Куликовской битвы, выигранной ценой жизней десятков тысяч безвестных русских героев, оказались

уничтоженными спустя всего два года походом Тохтамыша. И слава героического князя московского померкла после его позорного бегства из Москвы, оставленной на разграбление татарам. Однако убийство татарами 24 000 москвичей в 1382 году мы рассматривать как казнь не можем, ибо их по справедливости надо отнести к другой категории убиенных — к «жертвам войны».

Поэтому, признавая, что приведенная нами казнь Ивана и Некомата была, безусловно, совершена во имя спасения (в данном случае становления) будущего Российского государства и объективно она оправдана той общественной опасностью, которую своей ренегатской деятельностью несли с собой казненные, однако в конечном итоге эта очередная победа Димитрия Донского, как и победа его в Куликовской битве, не смогла ускорить или изменить ход мировой истории.

ДЖОН ВИКЛЕФ

Кто в состоянии оспорить меня. Ибо я скоро умолкну и испущу дух.
Иов, 13-19

Джон Виклеф, английский реформатор (и насколько нам известно, предтеча Реформации вообще), родился около 1320 года в Йоркшире, получил образование в Оксфордском университете и затем был в нем профессором. Достоверные сведения о жизни Виклефа сохранились только с 1361 года, с назначения его магистром оксфордского колледжа Баллиоль и священником в одном из приходов близ Оксфорда. В университете Виклеф примкнул к научному движению, начатому основателем опытного естествознания, Роджером Бэконом, и до 1366–1367 годов занимался исключительно литературной деятельностью в области физики, логики и преимущественно философии. Но мирное поприще профессора-теоретика не удовлетворяло страстной натуры Виклефа. Притязания папского престола побудили его выступить в защиту автономии английской церкви; Виклеф горячо осуждал и развращенное папской системой английское духовенство. В 1374 году Виклеф был послан королем, в числе других лиц, в Брюгге для переговоров с папскими нунциями относительно злоупотреблений римской курии при замещении церковных должностей в Англии. В том же году он сделался настоятелем Леттервортского прихода в графстве Лестер и своими горячими проповедями способствовал распространению в массах принципов, которые развивал в богословских трактатах.

Смелое красноречие Виклефа и новизна его взглядов привлекли к Оксфордскому университету множество учеников, которые потом в качестве странствующих проповедников (так называемых «бедных священников», или лоллардов) распространяли по всей Англии новое учение.

Таким образом, им было создано нечто вроде ордена странствующих проповедников в длинных красных одеждах, которые по двое бродили по городам и селам Англии и учили народ. Сущность проповедей Виклефа в тот период заключалась в нападках на папу и нищенствующие монашеские ордена.

Влияние Виклефа на умы было так велико, что постановления так называемого «Доброго парламента», созванного в 1376 году для регулирования государственных и церковных дел, оказались всецело

проникнутыми его идеями. Впервые папское духовенство открыто выступило против Виклефа в 1377 году. Тогда лондонский епископ привлек его к суду прелатов.

Виклеф торжественно явился в судилище в сопровождении герцога Джона Гонта, маршала Англии, и его вооруженной свиты. «Среди пышных прелатов заметно выдавалась его худощавая фигура, облаченная в черную мантию, густая длинная борода, резкие смелые черты лица, проницательные блестящие глаза — все обличало в нем сильный характер, проникнутый великой идеей…» Ввиду усталости маршал предложил Виклефу сесть. Это предложение вывело из себя епископа лондонского, который в гневе заявил, что сидеть Виклефу, как подсудимому, недостойно и неприлично. Герцог же в ответ заметил, что недостойным и неприличным кажется ему именно поведение епископа, и лишь ангельское терпение и присутствие епископа в храме Божьем мешают ему (герцогу) выволочь его (епископа) из этого храма за волосы…

Подобный пассаж вызвал небывалое народное ликование и возмущение против духовенства. Церковники на время затаились.

В следующем году духовенство добилось папской буллы, осуждавшей учение Виклефа, и только заступничество двора, университета и горожан, ворвавшихся в помещение суда, перед которым предстал Виклеф, спасло реформатора от грозившей ему опасности. Но после крестьянского восстания 1381 года правительство и дворянство стали подозрительно относиться ко всяким новшествам, способным подорвать средневековый общественный строй, и отступились от реформатора. В том же году оксфордские богословы осудили 12 тезисов Виклефа, отвергавших учение о пресуществовании, а в 1382 году лондонский духовный собор добился окончательного осуждения нового учения со стороны Оксфордского университета. Виклеф удалился в Леттерворт и там спокойно продолжал писать свои богословские труды и проповедовать до самой своей смерти, последовавшей в 1384 году от удара во время церковной службы. Спустя тридцать лет, в 1415 году, памятный Констанцский собор (сжегший Яна Гуса) объявил покойного богослова еретиком и повелел сжечь его останки, что и было исполнено в 1428 году. Но учение Виклефа, несмотря на жестокие последствия, которым подверглись в Англии его последователи (виклефисты, или лолларды), продолжалось в низших слоях населения вплоть до самой реформации, а сочинения его, попав на материк, послужили первым толчком к охватившему впоследствии Европу реформационному движению (и распространителями их в Германии и Чехии явились Ян Гус и Иероним Пражский, за что их, в общем-то, и сожгли). Виклеф был первым из так называемых дореформационных реформаторов, наметивших все существенные черты реформации задолго до ее осуществления. В сущности, благодаря ему Англия сейчас и является «англиканской» страной.

ВИТАЛИЙСКИЕ БРАТЬЯ

К сожалению, они наводили страх на всем море и на всех купцов: они грабили и своих и чужих, и от этого сельдь очень подорожала.

Детмар

История знает много примеров, когда разбой, официально разрешенный государством, считался достойным всяческих наград и объявлялся неотъемлемой частью внешней политики, в то время как действия несанкционированные пресекались строжайшим образом. Пиратство — бич торговли и порядка на море — поощрялось власть имущими, когда велась очередная война и строго каралось, когда выходило за рамки дозволенного и переставало поддаваться контролю, то есть становилось чем-то вроде стихийного бедствия.

В XIV веке народы северной Европы пользовались «береговым правом». Оно гласило:

«Кто найдет предметы, выброшенные на берег моря, тот и становится их владельцем». «Береговое право» распространялось также на потерпевшие крушение или выброшенные на берег корабли. Разумеется, ждать удобного случая приходилось довольно долго, а смотреть, как мимо скалистых берегов проплывают суда, груженые ценными товарами, у бедных рыбаков и нищих крестьян подчас не было сил. Так почему бы не помочь провидению и не заставить его наконец совершить правое дело, отдав богатство в руки тех, кто в нем нуждался несомненно больше. И для многих жителей береговых районов это право превращалось в непреодолимое искушение — ведь достаточно погасить в бурю маяк или чуть передвинуть буй, как судно садилось на мель или разбивалось о рифы. Но «береговое право» также гласило, что считать найденное своей собственностью можно лишь в том случае, если после кораблекрушения на корабле никто не уцелел. И уцелевших моряков на берегу ожидала лютая смерть, которая была гораздо страшнее смерти в морских волнах.

Феодалы всячески поддерживали скрытый разбой своих подданных, так как львиная доля награбленного добра поступала владельцу земли, около которой потерпел крушение корабль. Господа грозили своим крестьянам наказаниями и расправой, назначали управляющих побережьем чиновников, а на самом деле — закрывали глаза на разбой и убийства, чинимые ради личной наживы.

В 1389 году датская королева Маргарита в ходе долгой и безрезультатной войны со шведским королем Альбрехтом взяла наконец своего противника в плен и заключила в тюрьму, в том же году ее войска осадили последний оплот шведов — Стокгольм. Отец короля Альбрехта, герцог Мекленбургский, призвал на помощь своих соотечественников и всех, кто желал служить ему верой и правдой. На его призыв откликнулось великое множество искателей приключений. И скоро у стен Стокгольма собралось целое войско. Корабли новоиспеченных защитников, снабженные официальными каперскими свидетельствами, привозили осажденным оружие и продовольствие, а также устраивали вылазки и контратаки. Многие капитаны наконец получили долгожданную свободу действий на море — пользуясь легальным разрешением, они нападали на торговые суда, не разбирая, где свои, а где чужие. Воды Северного моря все чаще окрашивались кровью.

Благодаря помощи «виктуальных братьев», которых народ позднее окрестил виталийскими братьями, или витальерами, столица Швеции продержалась три года — с 1389-го по 1393-й.

В 1394 году виталийские братья под предводительством стокгольмского градоначальника захватили датский остров Готланд, а его столицу Висбю, которая в ту пору считалась одной из самых мощных крепостей в северной Европе, превратили в пиратскую базу, и оттуда совершали нападения на датские и другие проплывавшие мимо корабли. В итоге виталийские братья нанесли королеве Маргарите неисчислимо больший урон, чем затянувшаяся война со Швецией.

В конце концов Стокгольм пал, мир между Данией и Швецией был заключен, но виталийские братья продолжали по-прежнему грабить торговые суда. Купцы превращали свои корабли в плавучие крепости, оснащали их по последнему слову тогдашней военной техники, но ничего не помогало — пиратские корабли по скорости и маневренности далеко превосходили тяжелые и неповоротливые торговые суда, не предназначенные для активных боевых действий Пиратство мешало торговле и экономическому благополучию стран Балтийского региона, и с ним следовало покончить решительно и беспощадно. Остается только гадать, сумели ли бы торговые города собственными силами справиться с пиратством, если бы на их стороне внезапно не выступила самая мощная военная организация того времени — Тевтонский рыцарский орден. Великий магистр ордена Конрад фон Юнгинген созвал представителей прусских городов в Мариенбург на тайный совет и предложил план внезапного истребления виталийских братьев на Готланде.

22 февраля 1398 года в гаванях Мариенбурга стояли наготове 10 торговых кораблей и 30 судов поменьше. На них грузили оружие, лошадей, пушки. 17 марта флот вышел в открытое море. Спустя четыре дня две тысячи рыцарей высадились на Готланде около стен пиратской крепости Вестергарн. Рыцари бросились в атаку молниеносно, и пиратские крепости — Вестергарн, Варвсхольм-Ландескроне, Слите — капитулировали одна за другой. Флот Тевтонского ордена с боем занял гавань Висбю, а подошедшие с тыла сухопутные войска штурмовали стены пиратской столицы. Виталийские братья были обречены, их господству на море пришел конец. 5 апреля крепость Висбю пала, и виталийские братья навсегда покинули остров Готланд.

Это было начало конца, но еще не конец. Виталийские братья разделились. Некоторые из них бежали на север Швеции, в Норланд, где осели в крепости Факсехольм — впоследствии их помиловали. Другие же продолжали заниматься разбоем в Северном море, их убежищем стали Восточные Фризские острова. Предводителями этой непокорной части виталийских братьев были Годеке Михельс и Клаус Штертебекер. Мирной торговле у берегов Голландии пришел конец. Пиратство наносило огромный ущерб, и с ним надлежало покончить раз и навсегда. В 1400 году эскадра любекских и гамбургских кораблей появилась у Восточных Фризских островов. Во время карательной экспедиции было уничтожено 80 пиратов, перепуганные местные жители выдали властям еще 25 пиратов, которых обезглавили на рыночной площади города Эмдена на глазах их недавних покровителей. Среди казненных оказался внебрачный сын крупного феодала Конрада Ольденбургского.

Пираты были разбиты, но не окончательно — на Восточных Фризских островах скрывались еще около полутысячи виталийских

братьев. Охота за головами пиратов продолжалась.

Зимой 1410 года Гамбург приготовился к атаке. Для этой цели было построено два новых военных корабля. Ранней весной военная флотилия, замаскированная под торговый караван, вышла из устья Эльбы и направилась к острову Гельголанд. Там, в южной гавани, стояли на якорях корабли виталийских братьев. Пираты, обнаружив беззащитных купцов, бросились в атаку. Гамбургские корабли легли в дрейф и открыли огонь из всех орудий. У виталийских братьев не было никакой надежды на спасение. 40 человек погибли, 70 попали в плен, в их числе был и главарь Клаус Штертебекер.

Все население Гамбурга осудило пиратов. Процесс продолжался около полугода, и лишь в октябре месяце был вынесен приговор, в котором, впрочем, никто и не сомневался — смерть на плахе. 20 октября 1401 года приговоренных пиратов казнили на острове Грасбург, их головы насадили на колья, и колья врыли в землю по всему берегу — в назидание всем, кто осмелится осквернить море пиратством и разбоем. К концу лета был пойман Годеке Михельс, предводитель уцелевших виталийских братьев. Его казнили на острове, и голова второго предводителя морских разбойников присоединилась к головам поверженного пиратского войска. Вплоть до 1488 года повсюду в Северном море нещадно преследовали и казнили уцелевших последователей виталийских братьев, и лишь спустя сто лет после возникновения витальеров о них перестали вспоминать. Черепа казненных на острове Грасбург долгое время устрашали рыбаков и торговце, а сам остров пользовался дурной славой. Местные жители утверждают, что в полнолуние с острова доносятся стоны и проклятия пиратов, и море в эту пору неспокойно.

ЯН ГУС

Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и за кон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу

1 Ездр 7-26

Начало XV столетия католичество встретило, находясь в глубочайшем нравственном и политическом кризисе. В мире одновременно было двое пап один в Риме, другой в Авиньоне. Невозможно было отличить папу от антипапы, взаимно обрушивающих друг на друга громы проклятии и молнии отлучений, к великому смущению и крайнему соблазну вконец запутавшейся паствы. В 1410 году папа Александр был сменен Иоанном XXIII, который, по слухам, отравил своего предшественника. Позднее против него были выдвинуты самые различные обвинения — от занятия в молодости морским пиратством до изнасилования 300 монахинь, не говоря уже о других, более предосудительных поступках. Именно этот святейший отец и выступил рьяным противником выдающегося чешского мыслителя Яна Гуса, суд над которым принадлежит к числу наиболее известных политических процессов средневековья. Ян Гус был идеологом ранней реформации, в его сочинениях борьба за национальные интересы переплеталась с резким обличением пороков духовенства, требованием ликвидации церковной десятины, осуждением продажи духовных должностей, выступлением против германского патрициата в чешских городах и немецкого засилья в Пражском университете. Проповеди Гуса

получили широкий резонанс далеко за пределами его родины. Иоанн XXIII отлучил Гуса от церкви, но тот не смирился. Помимо народной поддержки Гус мог рассчитывать на содействие чешского короля Вацлава V, находившегося в серьезном конфликте с духовенством в своих владениях Тогда, не ограничившись повторным отлучением Гуса, Иоанн XXIII наложил на Прагу интердикт (запрещение совершать богослужение и религиозные обряды).

В 1414 году в Констанце по настоянию германского императора Сигизмунда и других монархов собрался новый собор, чтобы покончить с расколом. На этот раз удалось добиться того, что на заседания собора прибыли соперничающие папы — Григорий XII, Бенедикт XIII и тот же Иоанн XXIII, надеявшийся с помощью интриг и подкупа одержать верх над конкурентами. Эта надежда не оправдалась, собор низложил всех трех пап. Однако в одном вопросе собор проявил полную солидарность с Иоанном — в отношении к Яну Гусу и его проповеди. Собор потребовал, чтобы Гус явился в Констанцу для изложения своих убеждений.

Проповедник отправился в путь, отлично понимая, что идет почти на верную гибель, от чего его не спасет и охранная грамота, выданная императором Сигизмундом. Гус считал жизнь не слишком дорогой платой за возможность широкого распространения своих взглядов. Однако именно этого и решили не допустить его враги. По прибытии в город он немедленно был схвачен и заключен в сырое, зловонное подземелье доминиканскою монастыря. Сигизмунд сначала выразил резкий протест против ареста Гуса, которому он гарантировал личную безопасность Но император не собирался всерьез ссориться с руководителями собора. Более того, в довершение вероломства Сигизмунд отказался освободить Гуса, когда контроль над тюрьмой перешел в его руки.

Как обычно бывало при таких инквизиционных разбирательствах, Гуса изнуряли непрерывными предварительными допросами. 5 июня 1415 года начался процесс, судьями выступали сами участники собора. Подсудимому не давали возражать против выдвинутых обвинений, заглушали его слова воплями «Говори только да или нет», а когда Гус наконец отказался отвечать в таких условиях, это было сочтено признанием в ереси.

Зрелище носило столь недостойный характер, что смутило даже Сигизмунда, который изъявил желание в дальнейшем лично присутствовать на суде. Следующее заседание назначили на утро 7 июня, но отложили из-за неожиданного события — почти полного солнечного затмения, вызвавшего немало суеверных толков и опасений. Слушание дела возобновилось во второй половине дня. Гусу вменялось в вину даже непослушание папе Иоанну XXIII. На замечание Гуса, что это был вор и разбойник, последовал ответ самого императора: нет, это был законный папа, хотя и низложенный за различные преступные действия. *7 Впоследствии католическая церковь все же сочла более благоразумным исключить Иоанна ХХШ из списка римских первосвященников, это имя более чем через пять столетий принял другой папа лишения священнического сана, после чего передали для казни в руки светских властей.*

Собор и император стремились добиться от Гуса отречения от его учения, угрожая мучительной казнью. «Какими глазами, — отвечал Гус, — взгляну я на небо, как подниму взор на все многолюдство народа, если по

вине моей слабости поколеблются их убеждения. Могу ли я ввести в соблазн столько душ, которым я проповедовал?» Его долго склоняли к отречению от его убеждений. Сигизмунд I, пытаясь-таки спасти Гуса, послал к нему четырех епископов вместе с панами Яном из Хлума и Вацлавом из Дубы. Паны эти были близкими друзьями Гуса, но они не стали уговаривать его совершить предательство по отношению к собственным взглядам.

Напротив, пан Ян из Хлума сказал:

«Магистр Ян, мы миряне и не слишком-то учены, но если ты чувствуешь себя на неверном пути и виновным хоть в немногом из того, в чем обвиняет тебя этот собор, не стыдись отступиться и отречься от этого. Если же твоя совесть говорит тебе, что ты не повинен в этом, не делай ничего против совести, не солги пред лицом Божьим, но лучше до смерти стой за ту правду, которую познал ты из закона Божьего».

В ответ Гус заплакал и тихо ответил:

«Пан Ян, знай твердо — если б было мне ведомо, что я когда-нибудь что-либо еретическое писал, учил или проповедовал против закона Божьего и святой церкви, я был бы готов с покорностью отречься от этого. Бог свидетель!»

Гус не отрекся, и семь епископов совершили над ним обряд.

На голову Гуса, в знак того, что он еретик, надели бумажную корону с нарисованными фигурками чертей и с надписью на латыни: «Ecce Heresiarcha» («Се — ересиарх!»), сопровождая это проклятием: «Вручаем душу твою дьяволам», на что Гус спокойно возразил: «Я же вручаю ее воплощению добра: Господу Иисусу Христу». Один из друзей осужденного реформатора некий Петр из Младоневиц оставил подробное свидетельство о последнем дне (6 июля 1415 года) жизни Гуса, озаглавленное: «Страсти магистра Яна Гуса».

«Идя на смерть, — рассказывает Петр, — он говорил тем, кто шел рядом, чтобы они не думали, будто он хочет принять смерть за ереси, в которых его ложно и несправедливо обвинили свидетели по наущению его смертельных врагов: „Ибо все время просил я доказательств из Писания, и того мне до сего времени не дали“. Люди же из этого города (Констанца) были в доспехах, провожая его на смерть. И когда он пришел на место, где должен был умереть, преклонил колени и, руки сложив и очи горе возведя, набожно молился. А паче псалом: „В руки Твоя, Господи, вручаю душу свою“, неоднократно прочитал громко и радостно, так что стоящие рядом хорошо его слышать могли.

Место, на котором он был сожжен, представляет собой как бы деревенский луг… Когда он так молился, некоторые миряне, стоявшие около, сказали: „Мы не знаем, какие вещи он до сих пор говорил или делал, но вот видим и слышим — святые слова говорит он и молится“. Иные же сказали: „Поистине хорошо было бы дать ему исповедника“. А один священник, сидя на коне в зеленом кафтане, красною тафтою подбитом, с манжетами раструбом, сказал: „Неюже слушать его, и исповедника нельзя ему дать, ибо еретик есть!“

Преклонив колени, Гус продолжал молиться и только усмехнулся, когда с его головы упала позорная бумажная корона. Кто-то из наемников, стоявших около, сказал:

„Возложите ее опять ему на голову, да сожгут его вместе с чертями, хозяевами его, которым он служил здесь“.

Тогда, восстав от места сего по приказу палачей, высоким и ясным голосом, так что хорошо слышен был, так стал молиться:

„Господи Иисусе Христе, готов я с любовью и покорностью принять сию жестокую и ужасную смерть за светлое твое Писание и за то, что проповедовал святое слово твое; прости же, прошу, всем врагам моим!“ Тотчас его вокруг стали водить, а он увещевал их и всех просил не думать, будто он проповедовал, учил или придерживался какой-либо из тех ересей, что ему ложно приписывали. Еще просил дать ему говорить с тюремщиками его. И когда они приступили к нему, он благодарил их, говоря:

„Спасибо вам, мои милые братья, за все доброе, что вы мне сделали, ибо были вы не только стражами моими, но и милыми братьями. И знайте, уповаю на Спасителя своего во имя же Его святого закона, хочу с любовию смерть сию принять, что с Ним буду царствовать“. Так по-немецки сказал он им.

Тогда, сняв с него черный кафтан и оставив в одной рубашке, привязали его руками назад к какому-то толстому просверленному колу, стянули веревками в шести или семи местах: в первом — у щиколоток, во втором — под коленями, в третьем — над коленями, в четвертом — над чреслами, в пятом — у поясницы, в шестом — у пояса, в седьмом — под мышками, а руки связали сзади; кол же, с одного конца заострivши, в этот луг, в землю воткнули. И когда лицом его к восходу солнца обратили, некоторые из стоявших около сказали:

„Поверните его лицом к западу, а не на восток, ибо он еретик!“ И сделали так. Затем за шею привязали его к колу какой-то черной, сажею покрытой цепью, на ней бедняк один котелок свой над огнем вешал. А под ноги ему две вязанки дров положили. На ногах же еще были у него башмаки его и оковы. Тогда вокруг него со всех сторон уложили вязанки дров вперемежку с соломой, до самого живота и по самое горло.

И прежде чем поджечь, подъехали к нему императорский маршал, а с ним Клемов сын, в последний раз увещевая магистра жизнь свою во здравии сохранить и клятвенно отречься от учения своего и проповедей. Магистр же отвечал высоким и ясным голосом: „Бог свидетель, никогда я не учил тому и не проповедовал того, что мне несправедливо лжесвидетелями приписывается. Ибо первой целью моих проповедей, учения и сочинений и прочих всех деяний было только спасти людей от греха. И на правде этой, которую писал и проповедовал, которой учил я, взяв ее из закона Божьего и толкований святых докторов, готов с веселием умереть ныне…“ Услышав это, маршал и Клемов сын хлопнули в ладоши и отъехали в сторону. И палачи его тотчас подожгли. И магистр Ян гласом великим запел: „Христос, сын Бога живаго, помилуй нас!“

А в третий раз, когда пел: „Иже родился от Девы Марии“, поднялся ветер и бросил ему пламя в лицо. Тогда он умолк, молясь про себя до тех пор, пока не испустил дух. А перед тем как умереть, тихо шевелил губами и качал головой, как человек, который скороговоркой три раза произносит: „Отче наш“».

Легенда рассказывает, что какая-то старушка, увидев, что костер разваливается, подбросила поленце в костер, на что герой-мыслитель с горечью заметил: «O sancta simplicitas!» *8 О, святая простота! (Лат.)* Этот случай вошел во все учебники истории, однако нам позволено будет усомниться в его подлинности, поскольку казни ересиархов во все времена считались делом ответственным и посторонних удерживали на расстоянии от аутодафе. Когда же вязанки дров, сгоревшие вокруг него, рассыпались, а тело еще на колу за шею держалось, будучи привязано цепью, тогда палачи, палками повалив тело вместе с колом в огонь, еще гораздо больше дров подбросили и, обходя кругом, кости палкой разбивали, чтобы быстрее горели. А найдя голову, палкой ее развалили. А сердце, найдя среди внутренностей, палку заострivши, особо на палку ту насадили. Сжигая его на этом вертеле, еще и палкой били.

Тем временем палач одежду его держал, а Клемов сын, узнав, что это одежда магистра, приказал ему со всем прочим, что там было от Гуса, с кафтаном и с поясом в огонь бросить, говоря: «Чехи это святыней сочтут и почитать станут»; палачу же обещал сам доплатить. *9 Одежда по обычаю должна была достаться палачу.*

Сжегши все дотла, весь пепел с землею вместе довольно глубоко выкопали, на тележку насыпали и бросили в Рейн, текущий поблизости, желая память о нем навеки — поскольку это в их силах — изгладить из сердец его верных. Однако не так-то просто было уничтожить идеи Гуса. Эти идеи стали боевой программой мощного народного движения в Чехии, которое в течение двух десятилетий победоносно отражало натиск церковной и светской реакции.

ИЕРОНИМ ПРАЖСКИЙ — ПРЕДТЕЧА РЕФОРМАЦИИ

Кто те святые, которые призваны управлять, когда придет Господь, если не бедные.

Джон Арчер

Чехия на рубеже XIV–XV столетий представляла собой редкостный образчик симбиоза католической религии и славянского менталитета. Однако если бы не чешские философы и богословы этого времени, возможно, чешская нация как таковая давно бы смешалась с германской или австрийской. Чешские философы были примечательным явлением своего времени Так, Иероним Пражский (род около 1375–1380 годов) получил блестящее образование и прославился своими выступлениями на философских диспутах, которые собирали огромные толпы зевак. В 1396–1398 годах Иероним жил в Англии, слушая в Оксфорде Виклефа, к которому до конца жизни относился с большим уважением и сочувствием за его ученость, благородство и свободные взгляды.

Впоследствии Иеронима считали главным виновником распространения в Чехии виклефизма, говорили даже, что и Гус заразился этими взглядами от Иеронима. Действительно, по прибытии в Прагу, он привез с собой из Англии некоторые сочинения Виклефа и принимал деятельное участие в публичных университетских диспутах о разных богословских и философских предметах, защищая английского богослова, взгляды которого желали поголовно осудить ограниченные доктора и патеры. Будучи человеком любознательным и живым, он не засиживался долго на одном месте.

В 1403 году он предпринял большое путешествие в Иерусалим и Палестину, но, к сожалению, мы не имеем никаких известий об обстоятельствах и впечатлениях этого путешествия на Восток, где он должен был сталкиваться с греками и знакомиться с их верованиями, к которым, как увидим ниже, он относился не без сочувствия. По возвращении из Азии, он странствовал некоторое время по разным университетским городам Европы, являясь на диспуты и делая вызовы первым европейским авторитетам — в области философии и богословия Он был в Кельне, Гейдельберге, Париже, он держал победоносный спор со знаменитым Герсоном, так жестоко отплатившим ему потом на Констанцком соборе. Обладая необыкновенной памятью, остроумием и красноречием, он был непобедимым диалектиком и, по сказанию современников, производил на своих слушателей чрезвычайное впечатление. Народ шел за Гусом, а молодежь и студенты за Иеронимом. Современники удивлялись также его учености, которая, по их мнению, вчетверо превосходила ученость Гуса. Сам папа Пий II (Эней Сильвий Пикколомини) отмечал, что «Гус превосходил Иеронима летами и степенностью, но не ученостью и красноречием». Он был магистром разных университетов, но наука не поглощала его целиком. Иероним находил время вести пропаганду своих мыслей в придворных кружках, подчас он появлялся и в королевской свите, вступаясь за обиженных, расправлялся с буйными и самовольными монахами, и однажды, в пылу стычки, одного монаха за дерзость «manu reversa tetigit eum per os» (то есть ударил по щеке). С Гусом он жил в большой дружбе. «Я любил его, как славного человека, который усердно исполнял свои обязанности, не связывался с женщинами и не повинен ни в какой ереси». *10 Эти сведения заимствованы частью из обвинительных статей и ответов на них Иеронима, помещенных в сочинении «Hardt Concilium Constantiense lib IV, Francofurti et Lipsiae, 1695–1699», с. 642 и след.*

Он успел за свою недолгую жизнь совершить множество путешествий, в том числе в Польшу, Литву и Западную Русь. Некоторые детали этих путешествий, свидетельствующие об отношении Иеронима к православию, послужили поводом для его обвинения на Констанцском соборе в отступничестве от католичества. Вот запись показаний Иеронима перед судом Констанцского собора и обвинительный акт.

«В 1413 году светлейший князь Витовт, брат его Величества короля Польского, посетил Витебск со свитою, в числе которой находился и Иероним… В последующие дни Иероним поклонился явно и публично превратным (то есть православным. — Е. А., Л. З.) мощам и образам…» Затем акт свидетельствует о пребывании Иеронима в Пскове, посещении им местной церкви, поклонении «превратным таинствам».

Этой кляузы было достаточно, чтобы перед прославленным богословом замаячил костер.

Иероним с большим трудом выхлопотал себе разрешение присутствовать на общем заседании собора в констанцском храме — 26 мая 1416 года. На этом заседании магистр Иероним объяснил побуждения, заставившие его вместе с Гусом стать во главе чешского движения. После того, как в торжественном присутствии духовных и светских членов собора, консисторский адвокат изложил обвинительные пункты, в которых магистр

Иероним был объявлен четырежды уличенным в ереси, Иероним начал свои показания молитвою, по окончании которой умолял всех присутствовавших соблаговолить ходатайствовать перед Богом, Пресвятою Богородицею и перед всей вышней курией о просвещении его мыслей и разумения, дабы в сонме стольких мудрецов не пропустить в словах чего-либо, что могло бы обратиться в предосуждение его души. Не первый он — Иероним — призван в мир пострадать за истину.

Ветхозаветные ее исповедники — пророки, античные герои — Сократ и другие, великомученик Стефан, великий учитель церкви Иероним — своими примерами побуждают к крепости духа. «За пределами земной жизни вы, судьи, узрите сего Иеронима вам предшествующим, вас на суд призывающим, и там вы ответите ему и отдадите отчет в неправедных деяниях». Затем Иероним перешел к главной части своей речи, представляющей важную историческую справку. Иероним назвал своих врагов-соплеменников и немцев чешских, приготовивших ему акт осуждения. Он начал с истории происхождения чехов, совершенно отличного от немецкого; изложил историю основания чешского государства. Описал вековую вражду между этими народами, пока королевство Чехия не перешло к императору Карлу IV. До него чехи отправлялись за приобретением знаний в Париж и другие города, где получали ученые степени магистров и докторов. Карл IV основал в Праге университет (studium generate). В университете преобладали немцы; они же владели и церковными уделами; чехам ничего не уступали. Окончивший на факультете свободных искусств и не имеющий средств к существованию чех обыкновенно принужден был странствовать по селам и городам, заведовать частными школами и этим снискивать себе скудное пропитание. Немцы же, всецело заправляя Пражским университетом, пользовались всеми его уделами. Все что предпринимали немцы в университете, то и приводилось в исполнение. В гражданской жизни Праги происходило то же — в городском совете из 18 его членов — было 16 немцев и только 2 чеха. Все королевство управлялось немцами, занимавшими все должности, чехи ни во что не ставились.

Иероним вместе со своим другом — магистром Иоанном Гусом — человеком способным, праведным и святым по жизни, решились наконец выступить против такого порядка вещей в Чехии. Они представили королю Вячеславу IV и его сановникам действительное положение дела, указывая на то, что такой порядок приведет в будущем к роковым последствиям, что возможно исчезновение чешского языка (Quod talia tenderent ad destructionem linguae bohemicahs).

Иероним убедил магистра Гуса в необходимости проповедовать на чешском языке, побудил народ к сопротивлению унизительному положению чехов. Гус же, повторяет Иероним, был муж справедливый, святой и благочестивый; правда им никогда не была преступлена. С помощью чешских господ и других граждан Иероним и Гус добились того, что в городском совете Праги чехи получили 16 мест, а немцам предоставлены были два места. Печать университета, учредительная грамота его, привилегии и вольности были отняты у немцев и переданы чехам, после чего немцы покинули Прагу и ее университет. Иероним сообщает далее, что он с магистром Гусом способствовали тому, что

однажды возмущенные чехи перебили многих немцев и что вслед затем магистр Гус проповедовал против духовенства и господствующих в церкви порядков, излагая в своих проповедях, в каких нечестивых одеждах выходят священники, какие неприличные пиршества устраивают они, расточая достояние бедняков, сколько блудных деяний совершил клир.

Затем Поджио Браччиолини рассказывает, что происходило на допросе 26 мая.

«Получив, после многих сопротивлений, право голоса, начал он с обращения к Богу. Молил Его подать ему такую мысль, такой дар слова, которые бы послужили на пользу и на спасение души его. Наконец он сказал: „Знаю, ученейшие мужи, что много было превосходных людей, что терпели наказания, недостойные их добродетелей, падая под тяжестью ложных свидетельств, бесчинных доносов…“» (Указываются далее примеры из Ветхого и Нового Завета.)

«Все ожидали, — продолжает Поджио Браччиолини, — что он или очистится, отстранив обвинения, или попросит прощения в ошибках. Но он, не желая признаваться в своих заблуждениях, ни отвергать чужих клевет, прямо начал хвалить Гуса, недавно преданного сожжению, называть его мужем добрым, праведным и святым, вовсе недостойным такой смерти. Заметим, что сам он готов твердо и спокойно подвергнуться какой угодно смерти, уступить своим врагам и столь нагло на него лгавшим свидетелям, которые должны будут отдать отчет Богу, которого уже не обмануть им… Хваля Гуса, говорил: „Ничего он не мыслил против церкви Божией, но против злоупотреблений духовенства, против гордости, тщеславия и пышности прелатов“… Отзываясь с похвалой об учености Иеронима, о приемах ораторских его речей („Голос его был приятный, полный, звучный, с особенным достоинством ораторских движений, как в выражении негодования, так и в пробуждении жалости, которой, впрочем, он не ожидал и не искал“), Поджио Браччиолини замечает: „Не хвалю, если что мыслил против уставов церкви, дивлюсь учености, образованию, красноречию, остроумию ответов; но боюсь, не дано ли ему все это природою на его погибель“. Далее Поджио Браччиолини сообщает, что после допроса 26 мая дано было Иерониму „два дня на покаяние“ и за это время уговаривали его „обратиться на путь истины“». «Но так как он, — замечает Поджио Браччиолини, — неотступно оставался при своих заблуждениях, то и был осужден собором в ереси и предан сожжению. С ясным челом, с веселым, улыбающимся лицом пошел он на смерть. Не боялся он ни огня, ни мучений, ни смерти. Никто из стоиков никогда не переносил смерти с таким твердым духом, как он искал ее. Когда он пришел к месту казни, то сам снял одежду и, павши на колена, стал молиться перед столбом, к которому он нагой был привязан мокрыми веревками и цепью. Потом обложили его по самую грудь поленьями: не мелкими, а большими, наложив между ними соломы. Как только показалось пламя, он начал петь гимн, который прерывали дым и огонь… Когда палач хотел зажечь у него сзади, чтобы он не видел огня, то он сказал: „Пойди сюда, зажги пред лицом моим; если бы я боялся твоего огня, то никогда бы не явился сюда“. Так погиб этот необычайный человек. Я видел его кончину, следил за всем делом…» — так заканчивает интересный свой рассказ Поджио Браччиолини.

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

От праха черного и до небесных тел
Я тайны разгадал мудрейших слов и дел.
Коварства я избег, распутал все узлы,
Лишь узел смерти я распутать не сумел.
Авиценна

История народов Востока знает немало личностей с железной волей, которые шли на смерть за свои убеждения, не изменяя им до последнего дыхания. В числе таких мужественных людей были Бабек, который смело стоял перед палачами халифа и, чтобы враги не заметили как он бледнеет, собственной кровью окрасил свое лицо; Мансур Халл'адж, повешенный в X веке в Багдаде за открыто заявленное: «Я — бог»; Эйн-уль-Куззат, объявленный фанатиками гяуром, облитый нефтью и сожженный; Фазлуллах Найми, которого по приказу сына Тамерлана Мираншаха повесили в крепости Алынджа, а затем его труп привязали к хвосту коня и поволокли по городу.

Однако ни одна из этих казней не была так трагична и мучительна как казнь Насими — мученика больших идей. Именно поэтому вот уже на протяжении более пяти веков его славное имя с уважением произносится на всем Ближнем Востоке как символ мужества, геройства, непоколебимой воли, верности своим убеждениям, о нем создают легенды и пишут художественные произведения. На протяжении веков художники слова, желающие рассказать о непреклонности своих убеждений и верности любви, обычно уподобляют себя бессмертному Насими, этому рыцарю идей, восхищаются его выдержкой, волей и трагической смертью.

Подлинное имя поэта до последнего времени было точно неизвестно, старинные авторы, говоря о поэте, называли его то Имадеддин, то Несимеддин. Но и эти имена не были подлинными, а принятыми в средних веках поэтическими псевдонимами. Однако в арабских источниках, повествующих об истории города Халеба (Алеппо), отмечается, что подлинное имя поэта — Али, что не противоречит действительности, так как это имя упоминается и в поэме «Васиййат-намэ» («Завещание») Фазлуллаха Найми. В проникновенной поэме, написанной накануне своей смерти, Фазлуллах упомянул в числе своих друзей также имена Али и Сеидали, что подтверждают сведения арабских историков — современников поэта.

Различны сведения и о месте рождения поэта. Некоторые местом рождения поэта называют деревню Насим близ Багдада, а также Диярбекир, Тавриз, Шираз, Шемаху и Баку. В результате исследований азербайджанских литературоведов установлено, что поэт родился в Ширване, в городе Шемахе, в середине XIV века. В медресе этого же города он получил начальное образование. Мнение азербайджанских ученых подтверждается также упомянутым выше «Васиййат-намэ», написанным Фазлуллахом в 1394 году, в пору его пребывания под арестом в Шемахе. В «Васиййат-намэ» встречаются упоминания о поэте и его отце — Сеиде Мухаммеде, близкого по своим убеждениям к секте хуруфитов.

В те годы Шемаха была столицей династии Ширваншахов и сыграла важную роль в истории азербайджанского народа. Ширван славился своим

шелком. В средние века туда шли торговые караваны из многих стран мира. Шемаха славилась прекрасными дворцами, медресе, караван-сараями и ханегахами для дервишей. Город, где родились и творили многие ученые и поэты, был культурным центром и особенно возвысился на всем Ближнем Востоке в XII веке. Монгольское нашествие причинило Шемахе, как и другим культурным центрам Ближнего Востока, огромные разрушения, но уже в XIV веке город продолжал оставаться культурным центром страны.

В XIII веке Ширванские владения, подвергавшиеся постоянным нашествиям, хотя и потеряли свое былое могущество и величие, тем не менее не прекратили своего культурного развития. Важную роль в развитии экономики и культуры страны играл подчиненный в ту пору Ширвану Баку, который уже тогда пользовался славой как морской порт и источник нефти Кроме родного языка, поэт в совершенстве владел арабским и фарсидским языками и на этих языках свободно писал стихи Насими овладел и науками своего времени, основательно изучил религиозно-философские труды и особенно труды о различных религиозных сектах. Из творчества Насими явствует, что он был знаком с художественными произведениями известных ученых-сектантов Востока о религиозных сектах, знал как азербайджанскую, так и арабскую, фарсидскую, таджикскую поэзию и философию. В его произведениях наряду с Джалаледдином Руми, Шамсом Тебризи, Саади, Фаридаддином Аттаром упоминаются также имена таких известных ученых-философов и поэтов Востока, как Ибн Сина, Мухиаддин Ибн-аль Араби, Шибли, Керхи. Возможно, что поэт в молодые годы ознакомился также с произведениями Сефиеддина, основателя династии Сефевидов, пользовавшегося в то время большой славой в Ардебиле.

Из произведений поэта ясно видно, что он больше склонялся к секте Гусейна Мансура Халладжа, который в IX веке провозгласил «ана ал-хакк» («Я — истина, я — бог»), за что был повешен по приговору духовенства в городе Багдаде. Воспитанный на наследии Низами, Хагани, Фалеки, Зульфигара Ширвани, Насими еще в молодости увлекся поэзией и первые свои произведения подписывал псевдонимом Хусейни. Выбор этого псевдонима исследователи объясняют склонностью поэта к воззрениям секты Мансура Халладжа, а также шиитскими воззрениями, наблюдаемыми в его раннем творчестве. Был у него еще один псевдоним — Сеййид, которым он также подписывал свои юношеские стихи.

Юношеские годы поэта совпали со временем захвата Азербайджана тимуридами. Войска Тимура, покорившие в 1385 году Иран и Азербайджан, на долгие годы превратили страну в театр военных действий. Жестоко расправившись с южными районами Азербайджана, они пытались проникнуть на север, во владения Ширваншахов Но правителю Ширвана Ибрагиму удалось спасти народ от страшной беды — он вступает в союз с Тимуром. Южная же часть Азербайджана остается под пятой тимуридов. По приказу Тимура в захваченных им городах мобилизовались прославленные мастера-архитекторы, художники, музыковеды, а также городские ремесленники, которых насильно отправляли работать в его столицу — в город Самарканд.

Тимур задумал создать себе величественную столицу, с этой целью каждый квартал Самарканда был назван именем одного из крупнейших

городов Востока. В это время начала действовать новая секта — хуруфитов, выражавшая недовольство городских ремесленников насильными угонами мастеров на чужбину и призывавшая к 75 борьбе против захватнической политики Тимура. Основоположник этой секты Фазлуллах Найми из Тавриза с целью распространения своих взглядов объездил ряд городов Востока, побывал в Ширване и Баку.

Баку в те годы становится идейным центром хуруфизма. Ряд сторонников Найми создает в Баку тайную организацию, откуда в различные города Востока направляются пропагандисты для распространения хуруфитских взглядов. В этот период Насими познакомился с учением фазлуллаха Найми, встречался с ним, разделял его воззрения и в знак уважения к нему подписывал свои стихи псевдонимом Насими. Из стихов поэта явствует, что данный псевдоним он взял себе после встречи с Фазлуллахом. Одновременно с Насими учение хуруфизма принял другой азербайджанский поэт Абульгасан Али-уль-Ала, который в своих произведениях объявлял город Баку Каабой хуруфизма в связи с тем, что здесь жил Фазлуллах. Своих достойных учеников Фазлуллах направлял в различные города Ближнего Востока пропагандировать хуруфизм, теоретические основы которого он обстоятельно изложил в своих произведениях «Джавидан-намэ» («Книга о вечности»), «Мухаб-бят-намэ» («Книга любви») и «Новм-намэ» («Книга о сновидениях»). Вкратце скажем, что хуруфизм был одной из попыток проникновения Ренессанса в исламские страны. Учение это провозглашало человека высшей ценностью на земле, носителем вселенского и божественного начала.

В это время Насими писал:

«В меня вместятся оба мира, Но в этот мир я не вмещусь Я — суть, я не имею места». Излишне говорить, что исламские фундаменталисты в штыки встретили новое веяние, и с великой яростью расправлялись с иноверцами. В 1394 году Фазлуллах и его сторонники, когда они находились в Ширване, по указанию Тимура были арестованы и зверски казнены по приказу его сына Мираншаха в древнем азербайджанском городе-крепости недалеко от Нахичевани — в Алындже. Находясь под арестом, Фазлуллах Найми составил завещание «Васиййат-намэ» и тайком отправил его в Баку. Он завещал, чтобы его семья и последователи его учения покинули Баку, чтобы его дочь вышла замуж за Сеидали и тоже уехала из города.

Последнее двустишие одной из газелей Насими, написанное на фарсидском языке, гласит: «Эй, Насими, раз аллах (Фазлуллах) утверждает, что земной шар обширен, уходи из Баку, потому что здесь тебе не место». Интересно, что существует явная связь между этим двустишием и «Васиййат-намэ», в котором Фазлуллах требует, чтобы его дочери поскорее вышли замуж и уехали из Баку, и, как уже говорилось, советует младшей дочери выйти замуж за Сеидали. Возможно, что после «Васиййат-намэ» Фазлуллаха Насими женился на его дочери, покинул пределы Ширвана и уехал в Малую Азию.

Из произведений поэта можно заключить, что одно время он жил в Багдаде, побывал в городах Ирака, посетил Турцию, жил также в городах Анадолу — То кате, Бурсе и других городах, где распространял идеи

хуруфизма, за что неоднократно подвергался арестам и не раз был брошен в темницы. В те годы в Малой Азии существовали династии Зульгадарбеков, Аггоюнлу и Гарагоюнлу, которые не подчинялись турецкому султану. Насими нашел общий язык с зульгадарским правителем Алибеком и его братом Насреддином, а также с правителем Диярбекира Османом Гарайолуком Аггоюнлу, покорившим впоследствии Сивас. Затем он отправился в город Халеб, подчиненный египетским мамлюкам. В Халебе в то время жило множество тюркоязычных племен.

Халеб был крупным торговым центром между Востоком и Европой. Там встречались торговые караваны из Индии и Ширвана. Исторические источники свидетельствуют о тесных торговых связях между Ширваном и Сирией. В конце XIV века из ширванского шелка в городах Сирии выделывались прекрасные ткани. Купцы с Запада везли ширванский шелк через Сирию в Европу. Вне всякого сомнения, в этом величественном и многонациональном центре средневековой торговли жили купцы из Ширвана. Возможно, сюда приезжали преследуемые в Баку и Шемахе хуруфиты. В Халебе поэт нашел сторонников и начал широко распространять свои взгляды. Он обосновался в Халебе и в течение многих лет жил там со своей семьей. Но деятельность его в этом городе не осталась незамеченной духовенством и султаном Египта Муайадом В 1417 году в Халебе Насими был арестован. В одном арабском источнике «Кунуз-уз-захаб» о процессе по делу поэта говорится так.

«Вероотступник Али Насими был казнен во времена Йашбека. В то время в „Дар-ульадле“ (Дворце правосудия) в присутствии нашего шейха Ибн Хатиба ал-Насири и Наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамсуддина Ибн Ами-нуддовле, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина аль-Ханбали рассматривалось дело (об Али аль-Насими). Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинялись ему. Этот вопрос был поднят перед кадиями и богословами города неким Ибн аль-Шангаш Алханаданом. Судья ему сказал: „Если ты докажешь то, что говоришь о Насими, я не казню тебя“.

Насими произнес „келме-и-шахадет“ — поклялся на Коране и отверг то, что говорили о нем. В это время появился шейх Шихабуд-дин Ибн Хилал. Заняв почетное место в меджлисе, он заявил, что Насими — безбожник и должен быть казнен, а раскаяние его должно быть отвергнуто. Ибн Хилал спросил: „Почему же вы его не казните?“ Аль-Маливи ответил ему: „Напишешь ли ты приговор собственноручно?“ Тот ответил: „Да“, и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики сказал ему: „Кадии и богословы не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основе твоих слов?“ Йашбек сказал: „Я его не казню. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем, что султан прикажет по этому поводу?“ На этом меджлис разошелся. Насими остался в темнице. О деле его было доложено султану Муайаду, от которого пришел приказ содрать с него кожу и в течение семи дней выставить в Халебе на всеобщее обозрение, обрубить ему руки и ноги и отправить Алибеку Ибн Зульгадару, его брату Насируддину и Осману Гарайолуку, которых Насими также сбил с пути. Так и сделали. Этот человек был гяуром и мулхидом (богоотступником). Упаси

Боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Из этих сведений явствует, что поэт был казнен не только за религиозные убеждения, но, возможно, еще из политических соображений. Скорее всего, в доме поэта был сделан обыск и найдены письма от вождей мятежных племен Аггоюнлу и Карагоюнлу. В глазах любого правительства факт тайных сношений с мятежниками был более чем предосудительным. Как мы видим, халебское духовенство далеко не случайно обсуждало вопрос Насими на меджлисе. Возможно, сам этот меджлис собрался по поручению султана Муайада, стоявшего в то время во главе центрального Египетского государства Мамлюков. Не поэтому ли, пока он затребовал дело Насими и знакомился с ним, поэта держали в темнице? Наконец, издав приказ о страшной казни поэта и отправлении его отрезанных конечностей своим политическим противникам, он преследовал цель напомнить им о пользе повиновения и тщетности попыток восставать против него. Существует также ряд преданий о смерти Насими. В одном из них говорится, что однажды в городе Халеб некий молодой хуруфиг громко читал стихи Насими. Содержание стихотворения привлекло внимание духовенства. Чтеца арестовали. Чтобы не выдавать автора стихов, он заявил, что написал их сам. По решению духовенства его приговорили к смертной казни через повешение. В это время Несимн находился у сапожника, который чинил ему обувь.

Узнав о происшествии, поэт устремился к месту казни, заявил, что стихи принадлежат ему, и добился освобождения молодого человека. Когда духовенство узнало, что Насими является приверженцем хуруфизма, оно вынесло решение живьем содрать с него кожу. Перед смертью поэт не отрекается от своих убеждений и во всеуслышание произносит: «Я — истина», «Я — бог». Растерянные перед стойкостью и мужеством поэта богословы с иронией спросили умирающего Насими:

«Если ты бог, то почему же ты бледнеешь по мере того, как теряешь кровь?» «Я — солнце любви, которое взошло на горизонтах вечности. На закате солнце всегда бледнеет», — ответил поэт.

В этом же предании говорится и о том, что богослов, подписавший приговор о казни поэта, при этом заметил:

«Этот человек проклят, и если хоть капля его крови куда-нибудь упадет, это место необходимо отрубить и выбросить».

Совершенно случайно капля крови поэта упала на палец того самого богослова. Народ потребовал от него отрубить свой палец. Испуганный богослов ответил, что слова его — иносказание, и отказался отрезать себе палец.

В этот момент залитый алой кровью поэт-борец произнес:

«Если отрубят палец благочестивого — отвернется от истины. А с несчастного влюбленного снимают кожу с ног до головы — не плачет».

Согласно другому преданию, Насими находился в Антабе и был близким другом вали (губернатора). Недруги поэта, решив поссорить его с городским головой, тайком вложили в обувь поэта экземпляр текста «йа син» — суры Корана. Затем в присутствии губернатора спросили его, как бы он отнесся к человеку, который топчет ногою текст Корана. Насими ответил, что этого человека необходимо опозорить и содрать с него кожу.

Тогда ты сам вынес себе приговор, сказали ему, и извлекли из его обуви экземпляр суры Корана. После этого они содрали с него кожу, которую он будто бы взял и отправился в Халеб, где и умер.

Согласно третьему преданию, в молодости поэт вместе с Ходжой Насреддином посетил одного шейха, которого в то время не оказалось на месте Посетители зарезали и съели хозяйскую овцу. Придя, шейх сильно рассердился на них и сказал Насими, что «с него сдерут кожу, как с этой овцы», а Ходже Насреддину, «что ты станешь посмешищем».

Однако все это легенды. Ясно лишь, что скорый суд в Халебе собрался по прямому указанию султана в острастку идеологическим и политическим противникам. Не только мужественная смерть Насими за свои убеждения, но, может быть, еще и то, что в своих произведениях поэт выразил большую любовь к человеку, веру в его могущество и творческие силы, мастерски сумел высказать свои прогрессивные идеи на языке высокого искусства, сделало имя его бессмертным даже для идейных противников поэта.

Насими оставил потомкам богатое литературное наследие — диваны и не вошедшие в эти диваны касиды и месневи на азербайджанском, фарсидском и арабском языках. Но лишь небольшая часть дивана поэта на арабском языке известна научному миру.

Ознакомление с диванами Насими, написанными на азербайджанском языке и хранящимися в рукописях в различных библиотеках мира, убеждает в том, что поэт прошел чрезвычайно сложный и противоречивый творческий путь. Начав свое поэтическое творчество с любовных стихов, художник впоследствии создавал прекрасные произведения, посвященные общественным и нравственным проблемам. И возможно, прожил бы долгую и прекрасную жизнь, если бы не ввязывался в политику.

ЖАННА Д'АРК

Неслыханно, что существо женского пола не просто предписывало придерживаться указаний из потустороннего мира, но желало действовать само. Оно не просто предсказывало будущее, но хотело стать во главе полководцев, исполняя приказы совершенно определенных иерархических существ.

Из заключения комиссии, созванной для испытания Девы Жанны в городе Пуатье в 1429 году.

Не появись на сцене Столетней войны эта семнадцатилетняя девушка из французской деревни, кто знает, как сложилась бы судьба Франции, Англии и всей Европы.

Неграмотная пастушка, короновавшая Карла VII в Реймсе, — кто говорил ее устами Бог или дьявол, кем была она — авантюристкой или святой мученицей. Богословы и философы, психологи и историки без малого пятьсот лет бьются над ответом на этот вопрос, тщательно изучая феномен Орлеанской Девы, загадочные факты ее биографии и необъяснимые явления, происходившие словно по велению высшей силы с этой девушкой, державшей штандарт с ликами святых над преклонившим колени королем и позже сожженной на самом высоком костре, когда-либо раздуваемым инквизицией с молчаливого согласия того же короля, которому она подарила корону и трон. Жанна д'Арк родилась в 1412 году, в

семье пастуха Жакоба д'Арк и Изабель Роме. В четырнадцать лет она услышала божественные голоса, говорившие ей, что она призвана спасти Францию, и для этого ей следует отправиться ко двору Карла VII, одному из претендентов на французский престол, ободрить его и повести его войско против ненавистных англичан.

В семнадцать лет Жанна тайком покинула родительский дом. 12 февраля 1429 года она появилась в Шиноне и убедила Карла VII. Карл и его советники, не видя иного выхода из создавшейся ситуации, решились довериться ей и поставить во главе войска, отправлявшегося на помощь осажденному городу Орлеану. Но прежде Жанну подвергли допросу — богословам надлежало выяснить, действительно ли Жанна слышит потусторонние голоса, не колдунья ли она, говорит ли ее устами Бог или дьявол. В течение месяца в городе Пуатье ее допрашивали с пристрастием. Заключение комиссии было таково: «Так как девица Жанна говорит, что знамение ее посланничества будет явлено в Орлеане, то ей не следует чинить препятствия в том, чтобы она отправилась туда с войском, ибо без причины сомневаться в ней означало бы грешить против Святого Духа».

Жанна возглавила десятитысячное войско, которое под Орлеаном нанесло поражение англичанам. Освобождение Орлеана явилось величайшим чудом христианской эпохи. Орлеан с тех пор на протяжении многих столетий торжественно посвящал этот день Деве. Затем французы освободили Реймс, где Карл VII после пышной коронации наконец стал полноправным правителем Франции.

Народ и окружение Карла воспринимали эти победы как проявления божественной воли. Англичане же приписывали победы французов колдовским чарам Жанны, утверждая, что она связана с Сатаной и действует при его поддержке. Не прошло и года после победа под Орлеаном, как 23 мая 1430 года в одной из стычек под Парижем, близ города Компьень, бургундцы взяли в плен Жанну д'Арк. Согласно существовавшим законам, король Карл мог выкупить Жанну, но Карл ничего не сделал.

Парижская инквизиция жаждала расправиться с Жанной — ведь предание ее проклятью вернуло бы Англии незапятнанную честь и обратило бы превосходство и победы Карла в ничто. Для Англии Жанна представляла государственный интерес, ибо она олицетворяла Францию. Недостаточно было просто казнить ее тело, следовало еще уничтожить ее дух. Несомненно, что беспристрастный церковный суд оправдал бы Жанну, однако высшие церковные сановники Европы занимались в то время решением вопроса о папском престоле, а инквизиционный суд в Париже обладал достаточными полномочиями, чтобы приговорить Жанну к смерти.

Следует учесть, что казнить Жанну руками англичан — означало сотворить национального кумира, придать Жанне ореол мученицы, воодушевленные ее подвигом тысячи французов поднялись бы на борьбу с оккупантами. Поэтому, по замыслу англичан, осудить и казнить Жанну должны были сами французы. И долго искать таковых не пришлось.

В канун Рождества 1430 года Жанну доставили в Руан. Руководить процессом было поручено члену английского королевского совета епископу Бовэ по фамилии Кошон — созвучную с французским словом «свинья».

Инквизиторы обвиняли Орлеанскую деву во всех смертных грехах. Она слышала «голоса» — значит, это были голоса дьяволов. Она носила мужское платье, не по повелению ли дьявола она это делала? Она утверждала, что является девственницей. Ее подвергли унизительной процедуре освидетельствования, которую совершила лично жена английского наместника леди Бедфорд. На нее кричали, ей угрожали земными и небесными карами, пугали орудиями пыток, требовали признаний. В ее защиту не выступил ни один человек.

В камере ночью вместе с Жанной постоянно находились трое английских солдат, что заставляло ее не расставаться с мужской одеждой, а это «доказывало», что она колдунья.

Наконец, ей подослали священника-провокатора Никола Луазелера, который, выдав себя за ее земляка и друга, вел с ней «откровенные» беседы и давал советы, как отвечать на вопросы инквизиторов, а в соседней камере, приложив ухо к отверстию, слушали Кошон и английский военачальник Уорвик.

Жанна парировала провокационные вопросы инквизиторов с искусством, вызывавшим удивление ее мучителей. Вот некоторые их вопросы и ее ответы:

«Считаешь ли ты, что на тебе почиет божья благодать?»

«Если на мне нет благодати, да ниспошлет мне ее Бог; если же есть, да не лишит он меня этой благодати!» Кошон стал угрожать Жанне пытками. Он повел свою пленницу в камеру пыток, где заявил ей:

«Жанна! В вашем деле имеются многочисленные пункты обвинения, на которые вы отказались ответить или ответили лживо. Мы вас предупреждаем: говорите нам правду, или вы будете подвергнуты пытке, посмотрите, инструменты пытки наготове, перед вами палачи, которые ожидают только нашего приказа, чтобы подвергнуть вас пыткам. Они будут вас пытать с тем, чтобы направить на путь истины, которую вы не признаете, и чтобы обеспечить вам таким образом двойное спасение — вашей души и вашего тела, которые вы подвергаете столь серьезным опасностям из-за ваших лживых выдумок».

Жанна ответила Кошону:

«Говоря правду, если вы мне вырвете мои члены и выбьете мою душу из тела, даже тогда я не изменю своих показаний, если же я скажу вам другое, то затем я всегда буду утверждать, что вы силой заставили меня сделать это». Пытки к ней не были применены — Жанна испугалась огня и дыбы и подписала обвинительный приговор.

21 февраля 1431 года состоялся суд, инквизиторы, руководимые Кошоном и де Метром, сформулировали свои обвинения против Жанны. Суд признал, что ее видения ангелов и святых исходили от злых духов и дьявола. Суд также признал «безрассудным» утверждение Жанны д'Арк, что она узнавала святых и ангелов по получаемым от них наставлениям и ободрениям и считала их проявлениями веры Христовой.

Утверждение обвиняемой, что она могла при посредстве «голосов» узнавать незнакомых людей, суд счел суеверием и чародейством, тщеславным и пустым хвастовством.

Ее обвинили в ношении мужской одежды и коротких волос, расценив это как богохульство, оскорбление таинств, нарушение

божественного закона, Священного писания и каноническихпостановлений.

23 мая 1431 года Жанну вызвали в трибунал, и Кошон зачитал ей множество документов, уговаривая ее признать себя виновной, раскаяться и отречься от своих преступных заблуждений, иначе она загубит свою душу и погибнет на костре. Однако на Жанну эти слова не подействовали, и она категорически отказалась признать себя виновной в каком-либо прегрешении. Учитывая ее «закоснелость» в ереси, трибунал постановил отлучить ее от церкви и сжечь.

На следующий день в Руане состоялось аутодафе в присутствии кардинала Бофора и других высокопоставленных представителей церковных властей, а также высших английских чинов. Кошон вновь прочел Жанне д'Арк постановление трибунала и призвал ее к раскаянию и отречению. И тут произошло нечто неожиданное, машина инквизиции, наконец, сработала, и Жанна, уступив бесконечным увещеваниям и угрозам, заявила, что готова отречься, но при условии, что ее переведут в церковную тюрьму, где она избавится от присутствия английских солдат, не покидавших ее даже в камере. Кошон, обещав выполнить ее просьбу, зачитал ей формулу отречения, под которой чуть ли не силой принудил ее вывести знак креста — подпись. В этом отречении был пункт, в котором она признавала, что совершила тяжкий грех, «нарушив божественный закон, святость писания, канонические права, надевая одежду развратную, неестественную, бесчестную, противоречащую природному приличию и подстригая волосы кругом подобно мужчине вопреки всякому приличию женского пола».

Вслед за этим Жанне был зачитан новый приговор: ее приговорили к пожизненному заключению в тюрьме на хлебе и воде. На этом аутодафе закончилось. Однако, вместо того, чтобы отвести осужденную в церковную тюрьму, как это ей было обещано, ее возвратили англичанам, которые заковали ее в цепи и вернули в подвалы Буврейского замка.

В тот же день, когда с аутодафе Жанну вернули в тюрьму, ее посетил Жан де Метр и другие инквизиторы. «Святые отцы» продолжали угрожать ей суровыми карами за неповиновение. Они уговорили ее переодеться в женское платье, однако при этом ее мужская одежда была оставлена в мешке у нее же в камере. После этого над пленницей пытались надругаться английские солдаты, что заставило ее вновь надеть мужское платье. Об этом сообщил исповедник Жанны в те дни. Когда инквизиторы 28 мая вернулись к Жанне в тюрьму, она им заявила: «Я не совершила ничего греховного против Бога или против веры. Я буду, если вы желаете, снова носить женское платье, но во всем остальном — я останусь прежней». На следующий день Кошон сообщил «священному» трибуналу, что Жанна «вновь обольщена князем тьмы, и — о горе! — снова пала, как пес, возвращающийся на свою блевотину». Трибунал постановил: Жанну д'Арк, как повторно впавшую в ересь, отлучить от церкви и «освободить» ее, передав светским властям «на их усмотрение».

Казнь Жанны состоялась 30 мая 1431 года — ровно через год после ее взятия в плен, — на площади Старого рынка в Руане, куда ее привезли на позорной колеснице из тюрьмы в сопровождении английской стражи.

«На площади, — писал Жан Мишле, — были воздвигнуты три помоста. На одном из них помещалась королевская и архиепископская

кафедры, трон кардинала Англии, окруженный сиденьями его прелатов. Второй предназначался для действующих лиц мрачной драмы: проповедника, судьи, бальи и, наконец, самой осужденной. Отдельно виднелся громадный оштукатуренный помост, заваленный дровами. Ничего не пожалели для костра, он пугал своей высотой. Это было сделано не только для придания торжественности обряду сожжения, но и с определенной целью: палач мог достать только снизу до костра, расположенного на большой высоте, и зажечь его; таким образом, он не был в состоянии ни ускорить казнь, ни покончить с осужденной, избавив ее от огненных мук, как обычно делал с другими… Жанна должна была сгореть заживо. Поместив ее на вершине горы из дров, над кругом копий и мечей, на виду у всей площади, можно было предположить, что, долго и медленно сжигаемая на глазах любопытной толпы, она проявит, наконец, некоторую слабость, у нее вырвется если не признание, то, по крайней мере, несвязные слова, которые легко истолковать в желанном смысле; быть может, даже тихие молитвы или униженные моления о пощаде, естественные для павшей духом женщины».

На казни Жанны присутствовали все ее мучители — Кошон, де Метр, Уорвик, провокатор Луазелер… Кошон зачитал новое решение «священного» трибунала: «Во имя Господа аминь… Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовэский, и брат Жан де Метр, викарий доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ереси… объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях. Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти… Мы отлучаем тебя, отсекаем и покидаем, прося светскую власть смягчить свой приговор, избавив тебя от смерти и повреждения членов». Инквизиторы знали, что их просьбы подобного рода отклоняются. Затем на голову Жанны надели бумажную митру с надписью «Еретичка, вероотступница, идолопоклонница» и повели на костер. «Епископ, я умираю из-за вас. Я вызываю вас на Божий суд!» — с высоты костра крикнула Жанна.

Хронисты отмечают, что во время казни Жанны инквизитор Кошон рыдал, возможно, он раскаялся в совершенном зле. Кто знает?.. Жанна попросила палача дать ей крест. Палач, обливаясь слезами, протянул ей две скрещенные хворостины и держал перед ее глазами, пока тело Жанны не обратилось в прах.

Сторонники Жанны свидетельствовали, что она мужественно и гордо взошла на костер, а противники утверждали, что она каялась и рыдала. Когда огонь уничтожил ее одежды, то раздвинули охваченный пламенем хворост, чтобы толпа могла увидеть обгорелый труп и таким образом убедиться, что Жанна была женщиной. Говорят, что среди обугленных останков Жанны билось сердце, полное крови, но английские солдаты растоптали его сапогами, а пепел сожженной Орлеанской Девы выбросили в Сену.

В июле 1456 года приговор по делу Жанны д'Арк был торжественно отменен папой Каликстом III. Карл, ничего не сделавший ради ее спасения, приказал пересмотреть дело Жанны. Король все-таки решил снять

позорный ярлык с имени той, кому обязан был своею короной.

Наполеон, основательно проштудировавший походы Жанны, заявил, что она была гением в военном деле.

ЖИЛЬ ДЕ РЭ — МАРШАЛ СИНЯЯ БОРОДА

Жиль де Рэ был сожжен по обвинению в колдовстве, противоестественных пороках и массовом ритуальном детоубийстве.

Шастеллен. «Храм Бокаччо»

Казнь этого человека как нельзя лучше вписывается в разряд «воспитательных мер» государства. История жизни Жиля де Лаваля банора де Рэ делится на три части, первые две из которых реальны, а последняя — фантастическая.

Жиль родился в 1404 году в аристократической семье. Он получил превосходное образование, знал древние языки, сделался библиофилом. Но в одиннадцать лет мальчик потерял отца, и его воспитанием занялся дед, который считал, что умение владеть шпагой куда важнее, чем знание латыни. Жиль полюбил фехтование, соколиную охоту, бешеные скачки по окрестностям родового замка Тиффож. Пространство для охоты и скачек изрядно увеличилось, когда дед заставил Жиля жениться (юноше было в ту пору шестнадцать лет). Вопрос этот решался непросто, поскольку невеста приходилась жениху кузиной, а Церковь не одобряла браки между близкими родственниками. В итоге брак был все же разрешен. К владениям семьи прибавилось обширное поместье в Бретани (приданое невесты). К тому же через жену Жиль породнился с будущим королем Карлом VII.

Брак по расчету не сделал Жиля добрее, вскоре выяснилось, что сердце барона более расположено к юношам, нежели к девушкам. Юная жена оплакивала свою участь, а муж тем временем, окружив себя смазливыми пажами, занимался охотой и фехтованием.

Это было время Столетней войны между Англией и Францией. Отстаивать честь и права Франции было делом чести каждого дворянина.

Поразительно, что из множества знатных воинов именно Жиля де Рэ выбрала в телохранители и менторы Жанна д'Арк. А ведь уже тогда ни для кого не были секретом его невероятная половая распущенность, педофилические и гомосексуальные наклонности. Но подчинение Жанне д'Арк нисколько не уязвляло самолюбие Жиля. Он стал ее ревностным слугой. Однажды и ему явилось видение свыше, и он понял свое небесное предназначение. Жиль стал безжалостным к врагам. Он обрекал на смерть любого пленника, который был не в состоянии заплатить ему выкуп. Удача сопутствовала Жилю. В двадцать пять лет, в июле 1429 года, после того, как войско Жанны д'Арк вступило в Реймс и Карл VII был коронован, Жилю присвоили звание маршала Франции.

Но затем последовали поражения, и самое страшное — гибель Жанны д'Арк. Жиль приложил огромные усилия, чтобы спасти своего кумира, когда Жанна попала в плен, он собрал войско из наемников и двинулся к Руану, но опоздал. Жанну казнили. С этого момента началась вторая часть жизни молодого человека. Он вышел в отставку и поселился в своем поместье. Здесь он жил как король, с охраной в две сотни рыцарей, личной церковью с тридцатью канониками, обширной библиотекой редких рукописей. К чести барона де Рэ, следует сказать, что много денег он израсходовал на прославление Жанны д'Арк. Он заказал «Орлеанскую

мистерию» и оплатил постановку мистерии в театре. Это обошлось ему в огромную сумму, так как за каждую серию представлений мистерии он выплачивал по 80 тысяч золотых экю. Но все эти расходы привели к тому, что барон наконец начал продавать свои земли. В 1436 году его наследники добились указа Карла VII, запрещавшего дальнейшие продажи, но декрет проигнорировали в Бретани, где герцог Иоанн V и его канцлер жаждали заполучить имения де Рэ в собственность. Чтобы раздобыть средства, барон де Рэ обратился к алхимии.

В 1439 году некий некромант Франческо Прелати, монах-минорит из епархии Ареццо, умевший внушать людям уверенность в своих неограниченных магических возможностях, вошел в доверие к барону и организовал в Тиффоже поразительные сеансы, на которых вызывал демона по имени Барон. Вместе с бароном они проводили алхимические опыты с целью добыть философский камень. Но неудача следовала за неудачей, и Прелати, чтобы умаслить духов, обратился к жертвоприношениям — кровью маленьких детей он умиротворял демонов, а из их костей изготавливал магические порошки.

Несмотря на широко распространившуюся репутацию похабника и колдуна, падение барона де Рэ началось с ничтожного проступка. Жоффруа ле Феррон, казначей Бретани, в сентябре 1440 года купил замок Сент-Этьен де Мальмор, принадлежавший барону де Рэ. Когда к барону за бумагами явился брат Жоффруа, Жан ле Феррон, барон (то ли в подпитии, то ли раздосадованный утратой замка) отказался принять его, а когда тот стал настаивать, избил его и заключил в тюрьму. Подобное обращение с простолюдином могло бы в те дни остаться незамеченным, но Феррон был священником. Епископ Малеструа ухватился за этот предлог, чтобы заставить барона де Рэ предстать перед судом по обвинениям, которые он давно уже тайно заготавливал. Епископа поддержали инквизиция и гражданский суд. Епископ, инквизитор и герцог использовали этот великолепный повод, чтобы объявить барона де Рэ оскорбителем церкви, еретиком и детоубийцей. Такое обвинение давало им право конфисковать его собственность. Отобрать было проще, чем купить. Сначала де Рэ отверг их обвинения как «произвольные и безосновательные». Но его вину сочли столь очевидной, что уже 3 сентября, за 15 дней до начала суда, герцог Вретанский распоряжался предполагаемой долей земли барона де Рэ. С этого момента начинается третья, фантастическая часть жизни барона, ставшая самой короткой.

Обвинение, которое подготовили епископ Нантский Жан де Малеструа и инквизитор Жан Блуэн, представлявший главного инквизитора Франции Гильома Меричи, состояло из 47 пунктов, охватывавших три главных вопроса: оскорбление служителя церкви (за совершение насилия над Ферроном), вызывание демонов и сексуальные извращения с детьми. Например, в пункте 16 утверждалось, что «в одной из нижних комнат замка, или крепости Тиффож, принадлежавшего жене вышеназванного Жиля, около пяти лет назад монсеньер Франческо Прелати, самозванный специалист в запрещенном искусстве геомантии, и Жан де ла Ривьер начертили множество магических знаков, кругов и цифр. Также в некоем лесу около вышеназванной крепости Тиффож некто по имени Антуан де Палерм из Ломбардии вместе с другими волшебниками и

вызывателями демонов занимался гаданием и вызыванием злых духов по имени Орион, Вельзевул, Сатана и Велиал с помощью огня, фимиама, мирра, алоэ и других ароматических веществ».

Кроме вызывания духов, в обвинении упоминались и человеческие жертвоприношения. В 15 пункте обвинения читаем: «В соответствии с первоначальными обвинениями на основании общественных слухов, завершившихся тайным расследованием, проведенным Его высокопреподобием епископом Нантским в его городе и епархии, с помощью уполномоченных представителей инквизиции и обвинителя епископского суда по следующим обвинениям в преступлениях и нарушениях, предусматриваемых церковными законами, и по поводу жалоб, угроз и стенаний, исходящих от многих личностей обоих полов, вопивших и жаловавшихся о потере и смерти своих детей. Вышеназванный обвиняемый Жиль де Рэ и его сообщники брали невинных мальчиков и девочек и бесчеловечно забивали их, убивали, расчленяли, сжигали и подвергали всяким пыткам, а вышеупомянутый Жиль, обвиняемый, приносил тела упомянутых невинных детей дьяволам, призывал и заклинал злых духов и предавался гнусному содомскому греху с маленькими мальчиками и противоестественно удовлетворял свою похоть с молоденькими девочками, отвергая естественный способ копуляции, когда невинные мальчики и девочки были живы, а иногда и мертвы или даже во время их смертных судорог».

Другие обвинения дополняли перечисленные преступления. В одном говорилось, что Жиль де Рэ приказал «сжечь тела вышеназванных невинных детей и выбросить их в рвы и канавы вокруг упомянутых замков и в выгребные ямы упомянутого замка Ла-Сюэ». В другом утверждалось, что де Рэ якобы предлагал «руку, глаза и сердце одного из упомянутых детей со своей кровью в хрустальном кубке демону Барону в знак уважения и поклонения». В третьем — Рэ подвергался судебному преследованию за хранение и чтение запрещенных книг по магии.

В целом де Рэ был осужден как «еретик, вероотступник, вызыватель демонов… повинный в преступлениях и противоестественных пороках, содомии, богохульстве и осквернении неприкосновенности святой церкви».

13 сентября 1440 года епископ вызвал де Рэ (не оказавшего сопротивления) в суд. Предварительные слушания состоялись 28 сентября, 8, 11 и 13 октября, официальный суд начался 15 октября. Герцог Бретанский Иоанн V санкционировал действовавший одновременно светский суд, начавшийся 17 сентября.

После шести заседаний 19 октября де Рэ был подвергнут пытке, и, чтобы получить необходимые изобличающие показания, его слуги и четыре предполагаемых сообщника были также подвергнуты пытке. В целом было заслушано 110 свидетелей, включая доносчиков.

Показания в гражданском суде связывались с исчезновением детей. Типичным было свидетельство Тома Эйсе:

«Томас Эйсе и его жена, проживающие в Сент-Питергейте, свидетельствуют под присягой, что они жили в Машекуле в течение года и были там на прошлое Рождество. И тогда, поскольку они были бедными людьми, они отправили своего сына, около десяти лет, просить подаяние в

замок Машекуль, где тогда находился сир де Рэ, и с того времени не видели вышеназванного ребенка и не имели вестей о нем. За исключением того, что жена вышеназванного Эйсе сказала, что маленькая девочка, чьего имени и происхождения она не знает, сказала ей, что она видела ее сына на раздаче подаяния в вышеназванном замке и что подаяние было сначала роздано девочкам, а затем мальчикам. Эта маленькая девочка сказала, будто она слышала, что один из людей из замка сказал сыну вышеупомянутого Эйсе, что у него нет мяса, но если он придет в упомянутый замок, то получит немного, и после этой беседы он вошел в упомянутый замок».

Двое приближенных барона — Анри Гриар, 26 лет, и Этьен Корилло по прозвищу Пуату, 22 года, дали показания перед обоими трибуналами об участи пропавших детей. Пуату сказал, что он насчитал примерно от 36 до 46 голов мертвых детей и что он видел, как его хозяин «занимался своим противоестественным распутством с упомянутыми детьми, мальчиками и девочками, для чего сначала распутной страстью брал свой член в левую или правую руку и тер его, чтобы он стал прямым и торчащим, затем помещал его между бедрами или ногами упомянутых мальчиков или девочек, не беспокоясь насчет естественного женского вместилища, и с большим удовлетворением, пылом и сладострастным возбуждением терся своим мужским членом об их животы, пока не испускал на них свою сперму».

Перед светским судом Пуату добавил несколько дополнительных деталей, которые, как было заявлено, он дал «без пыток первой или второй степени». Он присягнул, что слышал, как де Рэ говорил, что «после оргазма на животах упомянутых детей, держа их ноги между своими, он получал значительное удовольствие, наблюдая за отделением голов детей от туловища. Иногда он делал надрезы на их шеях, чтобы заставить их умирать медленно, от чего сильно возбуждался, и, пока они истекали кровью до смертельного исхода, иногда мог мастурбировать с ними, а иногда он делал это после того, как они умирали, пока их тела были еще теплыми… Чтобы заглушить крики детей, когда он хотел иметь с ними отношения, он сначала обвязывал веревку вокруг их шеи и подвешивал их на три фута над полом в углу комнаты, и, как раз перед тем, как они умирали, он приказывал снять их, говоря, что они не должны промолвить ни единого словечка, затем возбуждал свой член, держа его в руке, и производил эякуляцию на их животы. Сделав это, он перерезал им горло и отделял их головы от тел. Когда они умирали, он спрашивал иногда, у кого из этих детей была самая красивая голова».

После пяти заседаний светского суда, начавшегося в 2 часа пополудни в пятницу 21 октября 1440 года, де Рэ был подвергнут пытке. Наконец он пообещал сознаться «добровольно и свободно» (как отмечено в судебных отчетах). Теперь де Рэ подтвердил все выдвинутые против него обвинения, признавшись, что наслаждался своим пороком, собственноручно отрубая головы детям с помощью кинжала или ножа или избивая их палкой до смерти, а затем сладострастно целуя мертвые тела, с вожделением глядя на тех, у кого были прекраснейшие головки и наиболее привлекательные конечности. Величайшим удовольствием для него было, сидя на их животах, наблюдать, как они медленно отходят. Барон де Рэ

закончил свой рассказ обращением к «отцам и матерям тех, кто был столь прискорбно умерщвлен, молиться за него» и просьбой, чтобы его грехи были публично обнародованы, — верное средство для получения общественного одобрения его казни. Тесно сотрудничавшие друг с другом, объединенный епископско-инквизиторский суд и светский суд распределили преступления и обвинения между собой. Инквизитор объявил барона виновным в вероотступничестве, ереси и вызывании демонов, епископ обвинил его в содомии, богохульстве и осквернении привилегий церкви. Духовные суды продолжались почти 40 дней и завершились решением передать барона светским властям для наказания. Тем временем гражданский суд под председательством Пьера де Лопиталя, канцлера бретанского парламента, снова предъявил обвинение в убийстве (чего не могли сделать церковные суды) и вскоре осудил его по этому обвинению.

26 октября 1440 года в Нанте после молитвы и покаяния Жиль де Рэ (накануне отлученный от церкви) был задушен, а его тело положили на погребальный костер вместе с телами двух его сообщников (Анри Гриара и Пуату). Затем, однако, его родственникам было разрешено взять тело, прежде чем огонь доберется до него, и поместить в ближайшую кармелитскую церковь.

Судебное разбирательство по делу барона де Рэ выглядело как незаконное. Ни один из 5000 слуг барона не был вызван в суд для дачи показаний, незначительные показания вообще не заслушивались, а его собственные приближенные подвергались пыткам и, дав показания против барона, освобождались. Прелати, который был так же виновен, как и барон, был освобожден герцогом Анжуйским после нескольких месяцев пребывания в церковной тюрьме. Чтобы барон не отрекся от признания, ему была обещана «милость» в виде удушения перед сожжением. Уже хронист XV века Монстреле высказывал свои подозрения по поводу обоснованности суда: «Большинство дворян Бретани, особенно те, что находились с ним в родстве, пребывало в величайшей печали и смущении от его позорной смерти. До этих событий он был более знаменит как доблестнейший из рыцарей».

Многое в этой истории вызывает сомнение. Заставляет насторожиться странный факт: когда изверга-детоубийцу вели на казнь, его приветствовала толпа; видимо, она не очень доверяла тому, что говорилось на суде. Слуг и Перрину Мартен допрашивали под пыткой настолько жестокой, что «колдунья» не пережила ее. Анри Гриар и Пуату путались в числе убитых детей — называли цифры от 140 до 800. Даже если они были не сильны в арифметике, остается непреложным фактом, что в замках маршала не нашли ни одного трупа. К тому же надо учесть, что в то время во Франции ежегодно исчезали не менее 20 тысяч мальчиков и девочек. Доказаны были лишь занятия алхимией. Любопытно также и то, что, узнав о намерении расследовать его преступления, Жиль согласился на то, чтобы его предали церковному суду. Это также, пожалуй, признак невиновности.

В число судей были назначены злейшие недруги барона. К ним относился и давно враждовавший с Жилем епископ Жан де Малетруа, и сам герцог Иоанн V, который еще до окончания расследования отписал

имения барона своему сыну. Жиль де Рэ сознался в своих преступлениях, но, вероятно, сделал это, чтобы избежать самого страшного для такого верующего христианина, каким был барон, наказания, как отлучение от церкви (его отлучили от церкви в ходе процесса, а потом сняли отлучение). Некоторые историки недаром сравнивают процесс по делу Жиля де Рэ с судом над тамплиерами: и там и тут вымышленные обвинения, сфабрикованные, чтобы создать предлог для захвата имущества осужденных. История Жиля де Рэ окружена созданной в ходе процесса легендой, поэтому уже трудно или невозможно разглядеть подлинные черты человека, бывшего некогда сподвижником Жанны д'Арк.

Тем не менее этот человек вошел в легенду под прозвищем «Синяя Борода», сделался любимым героем французских сказок, стал предметом множества научных исследований и художественных произведений и потому занял достойное место в списке «великих казненных».

САВОНАРОЛА

Настали времена испытаний. О, если бы Господь устроил так, чтобы я первым подвергся им! На мою долю достанется самая черная неблагодарность, и люди малодушные сделают со мной то же, что братья сделали с Иосифом, продав его купцам египетским.

Савонарола. Проповедь о вере в день Вознесения Христова

Конфликт между нищенствующим флорентийским монахом Савонаролой и наместником Христовым папой Александром Борджиа в конце 15-го столетия принадлежит к числу самых ярких и драматических событий средневековья. Суд над Савонаролой был одним из главных обвинений, которые столетиями выдвигал суд истории против Александра VI.

Джиролама Савонарола был родом из Феррары, но вся его деятельность была связана с Флоренцией — богатой торговой республикой, центром ремесленного производства. Это родина Данте, Петрарки, Боккаччо, гуманиста Поджио Браччиолини, стараниями которого были разысканы творения великих древнеримских писателей и историков, в том числе Тацита. Флорентийцами были Джотто и Боттичелли, гениальный Леонардо да Винчи, современник Савонаролы. Во Флоренции творили Рафаэль и Микеланджело…

Во второй половине XV века в Риме Возрождение переживало свой расцвет. Вечный город открывал перед изумленным взором пробудившегося человека столетиями скрытое древнее величие. Культура итальянского Ренессанса уже достигла черты, отделявшей весеннюю свежесть от буйного летнего цветения. Папы выступали усердными собирателями античных рукописей, не жалели ни сил, ни средств на розыски в монастырях пергаментов, на которых сохранились сочинения Плиния или Тита Ливия, привлекали к своему двору великих художников. И в то же время это Рим жадного, прожорливого, ненасытного, как саранча, духовенства. Духовенство этого периода отличается отношением к церковным чинам и титулам исключительно как к средству достижения чисто земных целей, личного преуспеяния, обогащения, удовлетворения алчности и гложущего честолюбия. Все это столь ярко воплотилось в фигуре папы Александра VI, что знаменитый «яд Борджиа», с помощью которого он устранял неугодных ему лиц, стал в глазах современников

символом порчи нравов, отравы, губившей как церковь, так и общество. Противникам римской курии бросались в глаза подчеркнутый отказ высшего духовенства от аскетизма, равнодушие к религии, поглощенность светской литературой и искусством. Поклонение языческой красоте вытеснило интерес к моральному самоусовершенствованию, породило забвение самих основ христианского вероучения. Так или примерно так формулировались обвинения, исходившие от многочисленных противников Рима.

Что означали подобные страстные обвинения, раздававшиеся из уст мрачного доминиканца с орлиным профилем и горящими глазами, проповеди которого собирали толпы флорентийских граждан, начиная с самого простого люда и кончая главами влиятельных ремесленных цехов, владельцами известных банкирских домов? В 1494 году народное восстание привело к свержению власти Медичи; ставшие у власти другие богатые семейства должны были пойти на уступки. Были проведены реформы, привлекшие «средний слой» к участию в управлении городом, но главная масса населения по-прежнему устранялась от решения государственных дел. Правда, по настоянию Савонаролы были приняты и другие прогрессивные законы вроде дополнительного налогового обложения богачей, освобождения бедноты от уплаты их долгов ростовщикам, что подняло авторитет красноречивого проповедника в глазах городских низов. Однако эти меры не внесли существенных перемен в положение народа. Выявилось, что у плебейской массы, настроения которой отчасти выражались Савонаролой, не было никакой ясной социально-политической программы. А в религиозной сфере Савонарола, громя пороки «бесстыдной потаскухи» — католической церкви, думал не о расколе, не о Реформации, а мечтал об «очищении нравов», о восстановлении простоты первоначального христианства, монашеского аскетизма. Савонарола, чувствуя собравшуюся над ним грозу, старался отвратить ее, послав папе письмо от 22 мая. В просительном тоне он начинал его такими словами: «За что господин мой гневается на раба своего?» Но когда письмо это было написано, документ об отлучении, помеченный 13 мая, был уже отправлен. Отлучение было весьма странно по содержанию.

Высказав ряд обвинений против Савонаролы, папа в отлучении лишь подозревал его в ереси, да и то лишь потому, что слышал о ней от других. Этим ясно доказывается, что обсуждения и исследования учения Савонаролы не проводились. Отлучение обосновывалось только нежеланием Савонаролы, как приора монастыря Св. Марка, присоединить свой монастырь к новой Тоскано — Римской конгрегации. Савонарола не подчинился этому требованию, доказав папе, что он обязан так поступить ввиду величайшего вреда, который мог от сего последовать для его монастыря. Отлучение ясно доказало всем, что церковь не могла объявить учение Савонарола еретическим.

Как бы там ни было, а отлучение прибыло во Флоренцию и 18 июня с великой торжественностью было объявлено в церквах Санта Кроче, Санта Мария Новелла, Санто Спирито, Аннуччиата и Бадиа. Оно было прочитано в присутствии всех монахов, при зажженных факелах и при звоне колоколов. Затем огни были потушены, и все погрузилось в тишину и

мрак.

Савонарола стал готовиться к защите. 19 июня 1497 года он написал «Письмо всем христианам и возлюбившим Бога против отлучения, добытого обманом». Это письмо не понравилось папе. 8 июля Савонарола написал письмо папе, в котором говорилось:

«Св. Отец, Ваши порицания огорчают нас безмерно, потому что Республика всегда питала уважение к Св. Престолу».

Попытки умилостивить папу оказались не совсем безнадежными. Савонарола получил предложение весьма странного характера. Утверждают, будто кардинал Сиены дал понять ему, что если одному из его кредиторов будет уплачена сумма в 5000 скуди, то он выхлопочет ему отмену осуждения. Савонарола с негодованием отверг это бесстыдное предложение.

Противники Савонаролы написали э Рим петицию, в которой изложили обвинения.

Подписали ее 363 человека. В течение 6 месяцев Савонарола, запершись в своей келье, излагал свое учение: он доказал недействительность отлучения, указав, что добрый католик может противиться неправильным приказаниям папы.

Дело Савонаролы обсуждалось в те дни весьма горячо: было опубликовано множество брошюр в защиту его учения.

И вот, в день Рождества Христова Савонарола отслужил 3 торжественных мессы, приобщил всех своих монахов и массу собравшегося народа. Затем он объявил, что в ближайшее воскресенье будет проповедовать. «Некоторые думают, что это отлучение, хотя, может быть, и не действительное в очах Божьих, но все же имеет силу для церкви. Для меня достаточно, если я не буду осужден Христом!» 18 марта 1498 года он закончил свою проповедническую деятельность, продолжавшуюся 8 лет. Весь город ополчился против него. Савонарола не совершил чуда и не заставил своих врагов замолчать.

Он сам отдался в руки посланцев Синьории. Савонарола был подвергнут допросу уже в первую ночь своего заключения, с 8 на 9 апреля.

При обсуждении вопроса об аресте проповедника и его влиятельных сторонников мессер Гвидантонио Веспуччи предложил: «Монах Джироламо должен быть допрошен умудренными житейским опытом мужами, которые сохранят ответы его в секрете; по окончании же процесса можно будет обнародовать лишь то, что заблагорассудится сиятельным членам Синьории. В Рим посылать монахов не следует, но папа должен быть уверен, что они будут содержаться под крепкой стражей». На том и порешили. Сначала допрос вели флорентийские власти. Позднее, в мае, от папы прибыли генерал Доминиканского ордена Д. Туриано и главный судья Рима Ф. Ромолино для расследования дела Савонаролы. «Мы устроим из него хороший костер», — пообещал Ромолино флорентийским властям, поблагодарив одновременно за любезное предоставление в распоряжение гостя молодого пажа, роль которого с успехом исполняла какая-то бойкая девица.

Чтобы добиться нужных показаний, прибегли к обычному средству — пытке на дыбе, которой Савонарола был подвергнут еще до приезда высоких сановников святого престола. Содержание его показаний было

таково, что судьи признали необходимым немедленно скрыть написанные им листы, а впоследствии и совершенно их уничтожить.

Следствие длилось более месяца, и пытки были непрерывны, продолжительны и жестоки. Савонаролу в течение дня 14 раз вздергивали на веревке «от полу до блока».

Он был уже сломлен многократно возобновлявшейся пыткой. Не в силах выдержать дальнейших мучений, монах признавал возводимые на него обвинения, но только для того, чтобы вскоре, собравшись с духом, объявить собственные слова лживыми, сказанными из страха перед новым допросом. И вновь следовали истязания, пока из уст несчастного не исторгался вопль: «Не мучайте меня, я скажу вам правду, истинную, истинную правду…» После этого педантичный Ромолино сразу же задавал вопрос, почему обвиняемый только что отрицал правдивость своих прежних показаний, и добивался «признания»: Савонарола это делал, считая, что его «ложь» останется безнаказанной. «В течение всего процесса, — писал известный итальянский историк П. Вилари, — мы видим Савонаролу таким же, каким знали его и до сего времени. В нем как-то уживались вместе гений и суеверие, возвышенные идеи и самые обычные софизмы, высочайший героизм и временами совершенно неожиданная слабость». После очередного вздергивания на дыбу у подсудимого вырвали «раскаяние» и заявление, что в его намерения входило низложение папы и что эти планы были следствием его гордыни, слепоты и глупости. За этим следовали попытки страдальца объявить, что все его «признания» вызваны безумными мучениями и страхом, потом — очередные истязания и капитуляция…

Получив все нужные показания, посланцы Александра VI передали Савонаролу и двух его последователей — монахов Фра Сильвестра и Фра Доменико, которых не сломили столь же жестокие пытки, в руки светской власти.

На площадке перед Плацио были выстроены подмостки, высотой в рост человека, длиной около четверти всей площади. На конце их был поставлен шест с перекладиной наверху как ни укорачивали последнюю, но все же виселица по форме напоминала крест. На поперечной балке висели три петли и три цепи: первые предназначались для повешения монахов, на вторых должны были висеть их тела, когда пламя будет пожирать их. Служители Синьории насилу сдерживали в отдалении волнующуюся толпу.

Три монаха сходили уже с лестницы Палаццио, когда их встретил доминиканец монастыря Санта Мария Новелла. Он приказал снять с них верхнюю одежду и остаться в одних только шерстяных рубашках, босыми, со связанными руками. Монахи очутились перед епископом Вазона. Началась церемония расстрижения монахов. Их одели в рясы, а потом снова раздели. Епископ до того смутился, что забыл обычную формулу и, вместо того чтобы отлучить Савонаролу только от церкви воинствующей, произнес: «Отлучаю тебя от церкви воинствующей и торжествующей». Но Савонарола, нисколько не смутившись, поправил его «Воинствующей, но не торжествующей, ибо последнее не в твоей власти».

Когда совершился обряд расстрижения, осужденные были отданы в руки светской власти. Апостоличные комиссары объявили им, что они являются схимниками и еретиками. Наконец они очутились перед советом

«Восьми». Соблюдая обычай, этот магистрат поставил вопрос о судьбе монахов на голосование все члены его единодушно высказались за. «Члены совета „Восьми“, ознакомившись с судебным следствием по делу трех монахов и с совершенными ими гнусными преступлениями, о которых там говорится, и приняв во внимание суждение, высказанное по этому поводу комиссаром папы, суждение, предающее их святому суду, чтобы они понесли наказание, постановляют все трое должны быть сперва повешены на эшафоте, а затем сожжены, чтобы души их окончательно были разлучены с их телами».

Осужденные направились к эшафоту. Савонарола ни на минуту не потерял присутствия духа. После смерти двух своих товарищей дошла очередь и до него. Желая угодить разнузданной черни, палач начал издеваться над корчившимся в предсмертных судорогах телом Савонаролы и чуть было не сорвал его с веревки — магистраты вынуждены были сделать палачу строгий выговор. Тогда он стал торопиться, желая, чтобы пламя охватило тело несчастного монаха раньше, чем тот успеет умереть. Но цепь выпала у него из рук, и в то время, как он поднимал ее, Савонарола испустил дух. 23 мая 1498 года Савонарола умер 45-и лет от роду.

Не успел палач сойти с лестницы, как огненные языки высоко взвились к небу. Кто-то из толпы поспешил поджечь помостки со словами «Наконец-то мне привелось сжечь того, кто с удовольствием сжег бы меня самого!» В это время порыв ветра отклонил огонь от трупов трех монахов В ужасе подавшись назад, народ громко закричал «Чудо! Чудо!» Но ветер скоро стих, пламя охватило тела, и толпа вновь подступила ближе. В это время веревки, связывавшие Савонаролу, перегорели. Под сильной тягой воздуха тело его заколебалось, и верующим показалось, что в огненном столбе он поднял руку и благословил тот самый народ, который сжигал его. Синьория отдала приказ сложить прах казненных на телеги и бросить в Арно.

МОНТЕСУМА

Я молюсь, чтобы боги посылали нам хороших императоров, но смиряюсь с теми, какие есть.

Корнелии Тацит

Эта история совершенно невероятная для любого современного человека. Впрочем, она и современникам казалась невероятной. Каким образом какой-то испанский прощелыга с ротой мерзавцев, на которых пробу негде было ставить, в одночасье завоевали великую империю ацтеков. Конечно, можно сделать скидку на лошадей, которых не видели индейцы, на мушкеты, грохота которых они пугались — но ведь к этим вещам привыкаешь быстро.

Секрет успеха Эрнана Кортеса (1485–1547) заключался не столько в отваге и боевых способностях его отряда (хотя и это было), сколько в той силе, которая держала в повиновении огромные массы ацтеков, как простолюдинов, так и знать. Эта сила запрещала им оказывать белым пришельцам вооруженное сопротивление и призывала с покорностью принимать все, что они будут творить. Этой силой было уважение к трону, поскольку на троне сидел наместник Бога на земле, то есть сам Бог. А занимал трон в то время император Монтесума (1466–1520) — человек безвольный, слабый и нерешительный. С одной стороны, он был возмущен

теми бесчинствами, которые творили белые пришельцы, но с другой стороны, древние пророчества ясно говорили, дескать, настанут времена, когда вернутся великие белые боги… И Монтесума велел тщательно следить за белыми, ничего не предпринимая против них, посылал дары, советовался со жрецами и гадателями.

Между тем неудержимое наступление конкистадоров продолжалось. Исчерпав все средства, с помощью которых он пытался уйти от судьбы, Монтесума покорился тому, что считал неизбежным. Он посылал на переговоры с Кортесом вначале своего племянника Какаму вождя Тескоко, а вслед за ним и Куитлауака, правителя Истапалапы, города, в котором Берналь Диас увидел «вещи небывалые, какие и во сне не могут привидеться… Большие и великолепные дворцы из камня, сады, пруды с пресной водой и множество иных диковин. В фруктовые сады по каналу из озера могли заплывать большие челны… Я и не думал, что на свете могут быть такие земли, как эта, потому что в то время Перу еще не открыли, о нем никто и слыхом не слыхивал. А сейчас все это разрушено, разорено, заброшено, ничего не осталось от прежнего».

Наконец конкистадоры подошли к границам заветного города Теночтитлана — столице империи ацтеков. Их встретил сам могущественный правитель, на которого никто из подданных не осмеливался поднять глаз.

«На Монтесуме были богатые одежды, плащ, украшенный драгоценностями, на голове — легкая корона из золота, на ногах — сандалии, тоже золотые, с кожаными тесемками, украшенные дорогими каменьями. Четверо приближенных несли его паланкин, инкрустированный золотыми пластинами, под балдахином из зеленых перьев, также украшенным золотом. Правителя сопровождали двести знатных вельмож, выделявшихся своей богатой одеждой, но босых. Перед паланкином шествовали три сановника с золотыми жезлами в руках, которые они то и дело поднимали, оповещая народ о появлении державного правителя».

Торжественность и пышность, блеск драгоценных каменьев и золота. Золото повсюду: в короне, на ногах, на паланкине. Кажется, его хватило бы, чтобы удовлетворить любую алчность. А владелец всех этих богатств — нерешительный, растерянный человек, мотивы поведения которого непонятны Он прекрасно был осведомлен о том, что происходило на всей подвластной ему огромной территории, ибо ежедневно получал депеши с точным рассказом обо всех событиях.

Берналь Диас писал: «Он понял, что наша главная цель — отыскать золото». И он дал им золото.

Нерешительный и непоследовательный, Монтесума то демонстрировал враждебность к испанцам, то посылал им подарки, то отказывался от встреч с ними, то принимал их. И в конце концов позволил дерзким авантюристам вступить в Теночтитлан. Постепенно испанцы захватили все в столице дворцы, сокровища, самого правителя… Обнаружив замурованную потайную кладовую, конкистадоры вынудили Монтесуму отдать им все сокровища. В их руках оказались три огромные кучи золота, переплавленного из украшений; лишь некоторые изделия, отличавшиеся особой красотой, не были переплавлены. Дележ добычи порождал раздоры, недовольство и зависть. И хотя до поры до времени эти

чувства не выплескивались наружу, они становились определяющими во взаимоотношениях конкистадоров. Монтесума превратился в пленника, на него надели оковы, стерегли днем и ночью. Он принимал подданных в присутствии своих тюремщиков, а когда посещал храмы — каждое такое посещение превращалось по-прежнему в пышную церемонию, — его сопровождали 200 вооруженных испанских солдат, не спускавших с него глаз. Все близкие родственники Монтесумы кипели от возмущения, но он успокаивал их. Его приближенный и родственник Куаупопока атаковал в Веракрусе гарнизон во главе с Хуаном де Эскаланте, оставленный там Кортесом. В ходе ожесточенного сражения были убиты несколько испанцев и множество их союзников из племени тотонаков. Погиб и сам Эскаланте после поджога селения Наутла. Один из солдат — с большой «черной и курчавой бородой», — получив тяжелое ранение, был захвачен в плен индейцами и вскоре скончался. Индейцы отрубили ему голову, чтобы не везти с собой тяжелое тело, и доставили ее Монтесуме. Тот, увидев голову, пришел в ужас, не позволил принести ее в дар богам и выставить в одном из храмов Теночтитлана. Кортес потребовал покарать виновных в дерзком нападении, и, хотя оно, по словам Куаупопоки, было совершено по приказу Монтесумы, последний выдал конкистадорам этого военачальника, а также одного из его сыновей и 15 представителей знати, принимавших участие в битве. Из военных складов дворца вынесли луки, стрелы, щиты, копья и соорудили из них огромный костер. На нем Куаупопока и его соратники были сожжены на глазах безмолвной толпы. Таким образом Кортес достиг двойной цели: одним махом обезоружил жителей столицы и предостерег Монтесуму.

Какама, правитель Тескоко и племянник Монтесумы, решил жестоко отомстить конкистадорам за унижение императора. Когда его предложение бороться с захватчиками было отвергнуто соседями, Какама собрал совет своего города, на котором большинством голосов было решено самостоятельно вести войну с врагом. Кортес, так же как и Монтесума, немедленно узнал об этом и направил к Какаме послов, напоминая касику о дружбе и о подарках, преподнесенных ему Монтесумой во время их первой встречи в Айоцинко. Какама ответил, что не может «считать друзьями тех, кто отнял у него честь, угнетает его родину и оскорбляет его религию». Все попытки Монтесумы заманить Какаму во дворец оказались безуспешными, и поэтому он послал нескольких своих вассалов в Тескоко с приказом схватить мятежника и доставить его в Теночтитлан.

Резиденция Какамы находилась на берегу озера, что облегчало задачу. Непокорный касик был схвачен Монтесумой и выдан Кортесу, который посадил Какаму в темницу. А вскоре его участь разделили правители Тлакопана, Тлателолько, Истапалапана и Койоуакана, кстати, последние двое были братьями Монтесумы. А малодушный император ацтеков дошел до того, что признал себя вассалом короля Испании, хотя «испытывал столь великие страдания, что прослезился во время речи», в которой сообщал об этом решении своим приближенным.

Спустя шесть месяцев после прибытия в Теночтитлан Кортес впервые покинул город и поспешил в Веракрус, где высадился Панфило де Нарваэс, посланный Диего Веласкесом с приказом схватить Кортеса как беглого мятежника. Конкистадор оставил своим заместителем в столице

Альварадо. Этот головорез решил через несколько дней повторить «подвиг» Кортеса в Чолуке. Дождавшись, когда местная знать в праздничных одеждах, украшенных драгоценностями, собралась в Большом храме, Альварадо внезапно напал на них и устроил жестокую резню. Вот как описал это событие ацтекский летописец: «И вот когда рассвело, ранним утром, открыли лицо {бога} те, кто дал обет совершить это. Они расположились цепочкой перед идолом и начали воздавать ему хвалу… И вот уже вознесли его, поставили на пирамиду. И все мужчины, все молодые воины радостно готовились провести праздник… И когда все собрались, праздник начался, и открылся он пением и танцем змеи… И те, кто постился двадцать дней, и те, кто постился целый год, шли во главе процессии… И вот уже все танцуют, поют, и одна песнь сменяет другую, мелодии накатываются одна на другую, словно волны, а в этот самый момент испанцы решают убить людей… Они закрывают все входы и выходы… чтобы никто не смог ускользнуть… Они окружают тех, кто пляшет, бросаются к месту, где играли атабали, накидываются с мечами на того, кто играл, и отрубают ему обе руки. Затем обезглавливают его, и далеко откатилась отсеченная голова. И тут все начинают колоть и рубить людей… Некоторые пытаются спастись бегством, но у выхода их ранят и закалывают. Другие стараются взобраться по стенам, но не могут спастись… Иные спрятались среди погибших и притворились мертвыми, чтобы избегнуть страшной участи. Те, кто притворился мертвыми, спаслись. Но, если кто-то приподнимался или вставал на ноги, его тут же закалывали. Кровь воинов лилась ручьями, текла повсюду, словно вода, образуя лужи, и тошнотворный запах крови и распоротых внутренностей стоял в воздухе».

Ответ жителей Теночтитлана не заставил себя ждать. Они окружили дворец и не желали слушать Монтесуму, который появился в сопровождении Ицкуауцина и пытался успокоить народ. «Затем послышались воинственные возгласы, боевой дух быстро овладел сердцами всех. И тут же стрелы посыпались на возвышение, где находился Монтесума. Но испанцы закрыли своими щитами Монтесуму и Ицкуауцина, чтобы в них не попали стрелы мексиканцев».

Городские власти закрыли рынок, чтобы лишить испанцев возможности пополнять запасы провианта. Монтесума пытался успокоить своих соплеменников и послал к ним с этой целью своего брата Куитлауака, который до тех пор был пленником и содержался во дворце.

Однако Куитлауак не вернулся, а возглавил восставший народ. Он с самого начала предвидел последствия трусливой политики Монтесумы.

Альварадо с оставшимся отрядом пришлось туго. Он не ожидал сопротивления, видно, полагал, что ацтеки и дальше безропотно позволят себя истреблять. Тогда, очевидно, опасаясь гнева Кортеса, он велел казнить Монтесуму. Это произошло 30 июня 1520 года «Через четыре дня после побоища, учиненного в храме, мексиканцы обнаружили трупы Монтесумы и правителя Ицкуауцина, валявшиеся вдали от дворца, рядом со стеной, где находился камень, вырезанный в виде черепахи».

Когда же их нашли и опознали в них Монтесуму и Ицкуауцина, тотчас взяли Монтесуму и отнесли его на руках в место, которое называется Кополько. Потом положили его на костер, зажгли огонь, и вот

затрещало пламя, разбрасывая искры, и взметнулось ввысь длинными языками. И тело Монтесумы пахло горелым мясом, и пока оно горело, испускало зловоние. И пока оно горело, люди ругали его и смеялись. А другие люди бормотали что-то сквозь зубы, бормотали и покачивали головой.

Абстрагируясь от событий более чем четырехсотлетней давности, авторы находят множество исторических параллелей между беднягой Монтесумой и новыми временами. Всякий раз, когда во главе государства оказывался слабый, нерешительный и бесхребетный правитель, это кончается крахом для государства в целом и бедствиями для населяющего его народа в частности. Такие люди в принципе не должны возглавлять государство, и возможно это лишь в эпоху абсолютизма (или авторитарного правления), что произошло в России при Николае II Романове и Михаиле Горбачеве. Исходя из этого, мы считаем, что кончина Монтесумы является глубоким и поучительным предостережением всем государственным деятелям, которые, получив безграничную власть, вздумают почивать на лаврах.

ТОМАС МЮНЦЕР

Если единомышленники Лютера не хотят идти дальше нападок на попов и монахов, то им и не следовало браться за дело.

Томас Мюнцер

С конца XV столетия крестьянские восстания в Германии не прекращались, хотя и носили случайный характер. Великая роль Томаса Мюнцера в истории состоит в том, что он объединил крестьян и стал проповедником нового времени — беспокойной эпохи Реформации.

Томас Мюнцер родился в 1490 году в германском городе Штольберге. Его отца, зажиточного крестьянина, граф Штольбергский приказал повесить. Томас получил теологическое образование. Как и многие его современники, он рано разошелся с догматами и с сущностью господствовавшей церкви. По его мнению, вся организация католической церкви нуждалась в коренном преобразовании. Он утверждал вместе с гуситами, что духовное сословие не должно пользоваться какими-либо привилегиями и выделяться из остальной массы верующих, само существование папства и других высших церковных должностей представлялось ему грубым искажением демократических идеалов древней христианской общины. Поскольку церковь оправдывала свои нововведения позднейшим религиозным преданием, Мюнцер объявил единственным догматическим основанием вероучения Библию и решительно отверг всю последующую каноническую литературу. И то, что Лютер в раннем периоде своей деятельности был в добром согласии с Мюнцером и пригласил его в Цвикау, как первого евангелического пастора — вполне естественно.

Он начал проповедовать в церкви святой Екатерины, ему удалось сойтись с членами состоявшего при ней ремесленного братства. В своих проповедях Мюнцер выступил с резким осуждением богатого духовенства и монашества, представители которых забыли евангельские заповеди. Слова Мюнцера о том, что монахи «отличаются ненасытной пастью» и что «лицемерные служители Христа придумали себе доходную статью в виде учения о чистилище» находили горячий отклик у слушателей. В свою

очередь Мюнцер начал посещать собрания церковного ремесленного братства и близко сошелся с сектой анабаптистов, которые совершенно отрицали значение духовенства как посредника между богом и людьми и верили в непосредственное откровение свыше, доступное каждому человеку — удостоившиеся его становились в их глазах пророками и апостолами. Антибаптисты отвергали и все принадлежности церкви, как учреждения: ее таинства, церемонии и обряды. Все эти взгляды разделял Мюнцер. Деятельность Лютера стала возбуждать в нем скептическое отношение, — по мнению Мюнцера, она не заслуживала названия преобразовательной. «Бороться против власти папы, — писал он, — не признавать отпущения грехов, чистилища, панихид — значит проводить реформу только наполовину. Лютер — плохой реформатор, он подкладывает подушечки нежному телу, слишком превозносит веру и мало значения придает делам». После перехода Мюнцера на сторону «опасных еретиков» городской совет решил принять против него меры. Поводом послужила незначительная уличная демонстрация ткачей, в результате которой 56 человек были посажены в тюрьму. Мюнцер был также обвинен в участии в бунте и приговорен к изгнанию. Изгнанный из Саксонии, он решил попытать счастье на родине гуситов и осенью 1521 года прибыл в Прагу. Он опубликовал там воззвание к населению на латинском, немецком и чешском языках. Привилегированной касте священников Мюнцер противопоставлял демократическую общину верующих застывшей книжной мудрости — живой голос человеческого сердца. В вопросе о непосредственном общении человека с Богом он принял точку зрения антибаптистов.

«Я, Томас Мюнцер из Штольберга, — так начинается воззвание, — вместе с верным и достославным поборником Христа Яном Гусом свидетельствую перед церковью избранных и целым миром, куда направил меня сам Христос и его наперсники, что я с прилежанием учился у всех живущих в мое время, пока не удостоился полного и редкого познания непобедимой, святой христианской веры. Бывшие до меня говорили о ней холодными устами… Я слышал от них лишь писание, которое они выкрали из Библии, как воры и грабители… Горько оплакиваю я величайшее бедствие христианства, что слово его затемнено и запятнано, что со смертью апостольских учеников непорочная девственница-церковь, изменив духу, стала блудницей. Но радуйтесь, возлюбленные! Небо наняло меня в поденщики, и я точу мой серп, чтобы жать колосья… Голос мой возвестит высшую истину… а если я не сумею сделать это, то пусть поразят меня муки земной и вечной смерти — у меня нет более ценного залога!»

При выходе воззвания городские власти немедленно приставили к автору 4 полицейских наблюдателей, и в их сопровождении Мюнцеру пришлось покинуть Чехию. В Альштеде ему удалось получить место проповедника. Мюнцер много писал, проповедовал, он имел огромное влияние на своих прихожан. Мюнцер отменил папскую проповедь, не признавал привилегированное положение духовенства, он служил по-немецки, чтобы слушатели имели возможность все понимать. 24 марта 1524 года толпа местных жителей, возбужденная проповедями Мюнцера, разрушила часовню Святой Марии, чтобы положить конец

«идолопоклонническому почитанию неодушевленных предметов».

С увеличением числа последователей возрастала и преобразовательная энергия Мюнцера. Стремясь уничтожить привилегированное духовное сословие, Мюнцер не мог допустить существующего неравенства. По образцу древней евангельской общины, без насилия, собственности и классовых различий Мюнцер хотел организовать весь христианский мир.

Лютер выступил против «альштедской фурии» с «Посланием к князьям саксонским о мятежном духе». Он обвинял Мюнцера в приготовлении к мятежу и требовал от князей изгнания лжепророка. Донос Лютера послужил поводом к дознанию. 1 августа 1524 года Мюнцер был вызван на допрос к герцогу Иоанну, в Веймарский замок. Уличить его в ереси было трудно — он в совершенстве знал Святое Писание и мог оправдать им все мысли своих проповедей и сочинений.

После допроса судьи вынуждены были отпустить Мюнцера — и он поспешил скрыться из города.

Лютер недолго торжествовал. Мюнцер решил свести идейные счеты с «отцом Реформации», и в городе Нюрнберге он обнародовал памфлет против Лютера. Но тот не осмелился открыто ответить Мюнцеру, опасаясь потерять популярность в народе. Мюнцер остался без всяких средств к существованию — городские власти запретили ему проповедовать, и он отправился в странствие. Вскоре в стране заполыхало пламя Великой крестьянской революции.

26 апреля 1525 года он покинул Мюльгаузен во главе небольшого войска. Легкие победы обнадежили крестьянские отряды и дали уверенность Томасу Мюнцеру. Но вскоре положение изменилось — движение крестьян сдерживали дворяне обещаниями подчиниться их требованиям, если они будут признаны справедливыми земским судом. Успеху бунтовщиков мешали их плохая сплоченность и неорганизованность. 12 мая Мюнцер прибыл во Франкенгаузен, центр Тюрингенского движения. Крестьяне расположились на возвышении и укрепили позиции. У них не было кавалерии и артиллерии, во всем войске не было ни одного опытного воина. Против 8000 необученных крестьян с проповедником во главе выступило около 10 000 пехотинцев и более 3000 всадников, не считая многочисленной артиллерии. И князья оказались более искусными воинами, чем вдохновенный проповедник. Обманув крестьян назначением определенного срока для ведения переговоров, они предательски начали боевые действия еще во время перемирия.

Застигнутые врасплох крестьяне начали беспорядочно отступать. Часть осажденных рассеялась по Франкенгаузену, часть убежала в соседний лес Мюнцер с остатками разбитой дружины также оказался запертым во Франкенгаузене. За его голову была назначена награда, неприятель следовал за ним по пятам. Все погибло. Но Мюнцер не потерял присутствия духа. Он бросился в один из городских домов, поднялся на чердак, закутал голову, чтобы не быть узнанным, и лег в постель, притворясь больным. На вопрос вошедшего солдата, кто он, Мюнцер слабым голосом ответил, что он уже давно лежит в лихорадке. Но его хитрость не удалась. Солдат нашел в кармане у него письмо графа Альбрехта Мансальдского, и таким образом личность Мюнцера была

установлена. Его немедленно повели к князьям. Враги торжествовали и злорадствовали «Когда он предстал перед князьями, — писал Меланхтон, — они спросили его, зачем он развращал и вводил в заблуждение бедный народ». Несмотря на всю свою ненависть к Мюнцеру, лютеранский летописец не мог не признать того, что пленник держал себя с непреклонным достоинством «Он твердо ответил, что поступал правильно, желая наказать князей, так как они были врагами Евангелия». За допросом последовали пытки «Верю, Томас, что тебе тяжело, — глумился над ним герцог Георг Саксонский, — но подумай, каково было тем несчастным, которых казнили сегодня, по твоей милости». «Нет, не я, а вы довели их до этого», — спокойно отвечал Мюнцер.

Дальнейшие испытания ждали пленника у его злейшего врага графа Эрнста Мансфельдского, которому он был выдан в качестве военного приза. Граф велел приковать его к телеге и отправить в свой замок Гельдрунген, где «сильно изнеможенного его посадили на несколько дней в башню, а потом подвергли мучительной пытке, после которой он выпил в горячечном состоянии двенадцать кружек воды». Но мучители ничего не добились от истерзанной ими жертвы. В пятницу 26 мая начались казни; прикованный к телеге, Томас Мюнцер был привезен из Гельдрунгена. Ужасные пытки и тюрьмы, тряска в телеге по неровной дороге уже довели его до полусмерти; он был так слаб, что не мог уже молиться, даже если бы и захотел. Герцог Генрих Брауншвейгский прочел ему «Верую», потом его привели в чувство, дав выпить воды. Говорят, перед лицом смерти он укорял князей. Но был ли он в состоянии сделать это, он, доведенный до полусмерти пытками и дорогой?.. Когда палач сделал свое дело, окровавленную голову Мюнцера насадили на кол и выставили на Исполинской горе в Мюльгаузене.

ПОСЛЕДНИЙ ИНКА

Начало исполнения этого жестокого и для самих испанцев гибельного намерения было очень легко.

Ф. Архенгольц

Если Монтесума погиб исключительно благодаря своей нерешительности и набожности, то кончина Атауальпы, тринадцатого Инки, правителя десятимиллионной империи Инков, под началом которого находилась четвертьмиллионная армия, произошла по прямо противоположным причинам — то есть из-за храбрости и гордыни. А вообще-то это была Рука Судьбы. Господь мог поразить его громом, мог бросить в Инку метеорит, но на этот раз он избрал своей движущей силой 177 испанских авантюристов, во главе которых стояли пять братьев Писарро — Мартин, Гонсало, Хуан, Эрнандо и (душа предприятия) Франсиско. Последний-то всех и взбаламутил, услышав в Толедо при дворе короля рассказ Кортеса о своих подвигах, о том, как простодушны и наивны индейцы, и о том, как он добивался успеха с помощью староримского рецепта «разделяй и властвуй».

Разделять в империи инков было кого, только что армия Атауальпы наголову разгромила войска его брата и соперника Уаскара. Мятежники были примерно наказаны. Император позволил себе расслабиться в городе Кахамарка. Известия о невесть откуда взявшейся кучке белых бродяг верхом на диковинных животных с громовыми палками в руках слегка

встревожили его, но не напугали. Он принял их за авангард некоей великой силы, с которой до поры до времени лучше не ссориться.

А конкистадоры уже ясно понимали, что империя инков живет, дышит, существует до тех пор, пока живет ее верховный властитель, то есть Инка. И вот они как стая голодных волков устремились по свежему следу Атауальпы. Инке же в свою очередь не было дела до встречи с какими-то белыми людьми. Поэтому он и послал к Писарро послов, чтобы заверить в дружбе, с помощью ценных подарков они отговорили белых от посещения его резиденции.

Однако отговорить от похода в горы испанцев, преодолевших на пути в «золотую страну» столько трудностей, не удалось даже самым красноречивым послам Инки. Франсиско Писарро понимал: надо поторапливаться. Вопреки желанию «сына Солнца» он не только не остановился, а, наоборот, сам послал в горы на разведку своих людей во главе с умудренным опытом Эрнандо де Соте. Тот в ходе рекогносцировки в горах, помимо всего прочего, выведал много сведений о разброде в государстве инков, пагубных последствиях войны между Уаскаром и Атауальпой. Отряд Соте побывал в нескольких перуанских селениях, в том числе в Кахасе, где белые разграбили не сокровища инков, а «всего лишь» здешний дом «невест Солнца». К великому возмущению местного населения, Соте отдал солдатам, изголодавшимся по женщинам, 500 кахасских весталок, долгом которых было хранить целомудрие. После возвращения разведывательной группы основная часть экспедиции Писарро под впечатлением сведений, собранных Соте, проникла еще глубже в горную часть империи инков. Вначале испанцы двигались по течению реки Чанкай, миновали город Ченгойапе, переправились (на высоте более четырех тысяч метров) в Андах через главный водный рубеж. 15 ноября 1532 года глазам самозваных завоевателей Перу наконец открылся инкский город Кахамарка, расположенный в широкой долине. Город был не особенно велик, но очень эффектен. Его украшали Храм Солнца, облицованный золотыми пластинами, как и следовало ожидать, дом «невест Солнца», а также мощная, находившаяся на возвышении крепость.

Теперь, когда в Кахамарке пребывал новый Инка — победитель в войне двух братьев, — в городе, помимо каменных строений, появились сотни, даже тысячи жилых палаток. В этих палатках размещалась личная охрана Инки, его прислуга, многотысячная дружина владыки.

Одних лишь воинов инкской армии в Кахамарке в ту пору находилось до пятидесяти тысяч человек! Словом, Великий Инка не боялся испанцев. Глупо было их бояться с такой-то победоносной армией, каждый воин которой буквально боготворил своего императора.

Сам Инка расположился не в Кахамарке и даже не в палаточной столице, а неподалеку, на курорте. Вблизи здешних источников теплой минеральной воды были сооружены царские ванны, к «летнему королевскому дворцу» примыкал бассейн, в который по двум трубам поступала вода: по одной — горячая, по другой — холодная. В этом бассейне Атауальпа ежедневно совершал омовения вместе с женами. Там же он и отпраздновал победу над братом Уаскаром.

Писарро не стал посещать курорт Инки сам. Он направил к владыке посольство во главе со своим братом Эрнандо и находчивым де Соте. Они-то и передали Атауальпе пожелание командира: стремясь к миру и дружбе, Писарро хотел бы встретиться лично с великим владыкой страны «сыновей Солнца». И Инка, недолго думая, решил удовлетворить просьбу о свидании. И не просто увидеться с ними, но подавить их блеском своего монаршего величия.

Встреча вождя перуанских индейцев и предводителя испанцев должна была состояться на следующий день, то есть 16 ноября столь памятного для Перу 1532 года, на площади Кахамарки. По распоряжению правителя европейцам разрешили расположиться на площади. Треугольный «плац» в Кахамарке обрамляли фасады трех небольших зданий, длиной по 200 метров каждое. Все они имели несколько выходов, которые вели прямо на площадь. По замыслу испанцев, через эти выходы на собравшихся на городской площади индейцев должны были напасть их отряды, в том числе всадники на лошадях. В третьем из зданий, находившихся на площади Кахамарки, расположился Франсиско Писарро с группой самых опытных солдат. В задачу этих испанских «коммандос» входят захват самого Инки. Если всем здешним индейцам была уготована смерть, то правителя инков Писарро желал захватить живьем, притом любой ценой. Надо сказать, что в назначенный день владыка, которому гость его страны собирался столь коварным способом отплатить за дружеский прием, вовсе не торопился на встречу с испанцами. В тот день как раз заканчивался великий пост. Кроме того, высокое положение Инки отнюдь не позволяло ему проявлять сколь-нибудь большой интерес к встрече с белыми чужестранцами. Торжественная процессия Атауальпы прибыла на площадь Кахамарки незадолго до захода солнца. Естественно, что сначала по пути следования Инки прошло несколько сотен подметальщиков.

Они очистили дорогу, по которой должны были нести на золотых носилках «сына Солнца», от сора и грязи. Только тогда, когда дорога стала абсолютно чистой, тронулась в путь процессия самого Инки. Первыми шли около шести тысяч солдат Тауантинсуйу, вооруженных пращами и копьями, за армией следовали сановники империи в туниках, украшенных золотом и серебром, за сановниками вышагивали орехоны-«большеухие», то есть аристократические «сливки» империи. В конце процессии шел, вернее, не шел, а его несли на носилках, — живой сын и наместник божественного Солнца на земле.

Носилки Атауальпы несли восемь рукано в красивой синей униформе. Сам Инка был одет очень легко. Верхняя часть его тела вообще была обнаженной, только шею украшало ожерелье из тяжелых изумрудов, а в ушах, конечно, были большие золотые диски.

Более нарядными, чем одежда владыки, были его носилки, разукрашенные перьями амазонских попугаев и облицованные небольшими пластинками из чистого золота. За Атауальпой следовали, также в носилках, некоторые важные персоны государства. Замыкала процессию группа аристократов империи, чьи головы были покрыты золотыми накидками.

Процессия Инки, его личная охрана заполнили каждый метр треугольной площади Кахамарки. Но, как ни странно, на условленное место не пришли те, кто столь рьяно настаивали на встрече и кто, вообще-то говоря, были ее инициаторами. Да, так оно и было: на площади не оказалось ни одного белого! Инка был крайне возмущен столь неожиданным и вместе с тем столь оскорбительным отсутствием бородачей. «Где же они?!» — воскликнул он гневно. Тут испанцы и появились из своих укрытий.

Собственно говоря, вышли не все. Вышел только один человек. Толпа, собравшаяся на площади, расступилась перед ним, и человек—это был монах-доминиканец Винсенте де Вальверде, в бедном длиннополом одеянии своего ордена, с крестом в руках, подал своим соратникам знак: и последовала молниеносная атака, в ходе которой правитель инков был захвачен в плен, а торжественная процессия, не ожидавшая такого оборота дела, попросту разбежалась.

Томившийся в заключении Инка, конечно же, мечтал обрести утраченную свободу. А поскольку Атауальпа подметил у своих тюремщиков неутолимую, сжигавшую их жажду золота, он предложил Писарро выкуп. Предложение его было сказочно щедрым — в качестве компенсации за свое освобождение он пообещал заполнить золотом помещение камеры, в которую его заключили, на высоту 10,5 испанской стопы (то есть 294 сантиметра). Сверх того он обещал заплатить за свою свободу двойное количество серебра. Атауальпа дал слово, что указанное количество драгоценных металлов будет доставлено в Кахамарку в течение 60 дней со времени заключения соглашения. Писарро принял фантастическое предложение своего узника. Он обещал отпустить Атауальпу на свободу сразу же, как только выкуп в виде золота и серебра будет доставлен в Кахамарку. Инка тотчас же разослал быстроногих гонцов по всей своей бывшей империи, отдав им соответствующие распоряжения. И сразу же в Кахамарку устремилась настоящая золотая река: из ближних и дальних мест ежедневно караваны лам доставляли все новое и новое золото. Заметим, кстати, что помещение, которое следовало заполнить золотом за плененного Инку, не было маленьким. По утверждению секретаря Писарро, площадь этой комнаты составляла 17х20 стоп, или же 30 квадратных метров.

Стоимость золота, ежедневно доставляемого в Кахамарку, в среднем составляла 50 тысяч песо. В еще большем количестве привозили серебро. Рабочие индейцы переплавляли для новых господ и то и другое в нескольких небольших печах. Так в перуанской Кахамарке превратились в обыкновенный металл сказочно прекрасные золотые чудеса инков. Личный секретарь Писарро, Херес, описал некоторые из чудес с педантичностью хорошего бухгалтера: например, гигантский золотой фонтан во дворце владыки, другой такой же фонтан, украшенный фигурами людей и птиц. В его перечне приводятся многочисленные статуи лам в натуральную величину, серебряные сосуды в виде кондоров и орлов, золотые барабаны и даже обычные сосуды для кукурузы, сделанные из столь необычного для испанцев металла, то есть из золота. Итог этой столь выгодной для шантажиста Писарро сделки был ошеломляющий: более 5,5 тонн золота и 12 тонн серебра! Впрочем, и тут педантичный Херес приводит скрупулезно

точные цифры: выкуп за Атауальпу составил 1 326 539 песо золота и 51 610 марок серебра.

Мало того, испанцы разграбили в Кахамарке склады, дворцы и храмы. Здесь же они разделили еще одну ценную добычу трофеи, захваченные братом Писарро, Эрнандо, в национальном храме оракула Перу — в знаменитом Пачакамаке, находившемся на побережье страны.

Возможно, Атауальпа с брезгливой усмешкой наблюдал за лихорадочной суетой белых, дорвавшихся до вожделенного золота. Он, вероятно, был почти уверен, что белым демонам не удастся покинуть страну со всеми этими несметными сокровищами. Пусть только выпустят его на свободу… Вероятно, он уже рисовал себе чудовищные пытки, которым подвергнет вероломных пришельцев…

Однако и тут он просчитался. Он был уверен, что его щедрость ослепит алчных бандитов. Но он оказался чересчур щедр. Получив такое количество золота, Писарро уже мог ни о чем не заботиться всю оставшуюся жизнь. И Атауальпа стал ему не нужен. Однако убить его просто так было бы чересчур варварским даже для испанцев.

И его убили «по закону». По закону белых пришельцев, который диктует поступать так, как выгодно власть имущему. Сразу же после получения выкупа Писарро учредил трибунал, который осудил владыку Страны Инков «за совершение самых различных преступлений», в том числе за то, что «он неправильно расходовал деньги своей империи» и был «многоженцем». Более издевательских причин трудно было придумать. Приговор подписал отец Вальверде, который принимал активное участие в пленении Инки. Вместе с этим фанатичным «врагом язычников» приговор подписал и неграмотный главарь завоевателей Перу — Франсиско Писарро. Вскоре после того, как Инка вручил Писарро все обещанное золото и серебро, а это произошло спустя семь месяцев после его пленения, Атауальпа возвратился на ту самую, столь роковую для него площадь Кахамарки. 19 августа 1533 года его в цепях вывели на середину площади. Здесь ему вновь прочитали приговор: Атауальпа приговаривался к смертной казни через сожжение за совершенные им преступления, за идолопоклонство и многоженство.

Посредине треугольной площади в Кахамарке жертву ожидал высокий костер. В это самое мгновение к осужденному приблизился все тот же монах Вальверде, который на этот раз предложил «сыну Солнца» новый торг по-христиански. Условия новой сделки были просты и понятны: если Инка примет крещение, его не сожгут, а «всего-навсего» только задушат Атауальпа принял условие Вальверде. А поскольку по каголическому календарю это был день святого Яна, он получил имя Хуан. Так под именем Хуана де Атауальпы он — теперь уже христианин — и подставил свою шею заждавшемуся палачу. Его действительно задушили. После казни Вальверде самым достойным образом совершил над мертвым телом Инки предписанное заупокойное богослужение. В заключение скажем, что огромная добыча, полученная экспедицией, была прикарманена семейкой Писарро. В результате его основной компаньон, Альмагро, а также члены его дружины при дележе барыша, полученного в результате захвата Инки, практически остались с носом.

Хотя, в общем-то, каждому перепал «лакомый кусочек», и всадники, и простые пехотинцы возвращались из Перу, вернее говоря, могли вернуться в Испанию настоящими богачами. Впрочем, многие из этих авантюристов довольно быстро проиграли в карты свое столь легко добытое состояние. Некоторые из них поставили на карту и свою собственную жизнь, потому что, добравшись после Кахамарки до остальных доступных им областей империи инков, все эти люди — Писарро, Альмагро и их сторонники, а позднее и все прочие — перегрызли друг другу глотки. При этом они убивали друг друга с такой же каннибальской жестокостью, с какой еще недавно уничтожали солдат и граждан империи инков.

Собственно говоря, ни один из тех, кто возглавлял когорты могильщиков крупнейшей индейской империи Америки, не умер естественной смертью. Первым погиб в бою с индейцами Хуан Писарро.

Затем другой Писарро, Эрнандо — самый вероломный член семейки агрессивных братцев, — убил Диего де Альмагро, одного из трех основателей сообщества по завоеванию империи инков. Впрочем, Альмагро был убит дважды.

Вначале братья Писарро его задушили, а потом труп торжественно и, главное, публично обезглавили. Зачинщик этого убийства — Эрнандо Писарро, — как это ни странно, вернувшись в Испанию, попал за это в тюрьму и просидел там 20 лет. Главного же героя всего этого мероприятия — Франсиско Писарро — убил сын умерщвленного Альмагро. Вместе с ним был убит и еще один брат Писарро — Мартин. Отомстивший за смерть своего отца, молодой Альмагро впоследствии также был убит по приказу нового губернатора Перуанского вице-королевства. Последний из оставшихся в живых братьев Писарро — Гонсало, вместе со своим сообщником, 90-летним Карвахалем, был казнен за почти удавшуюся попытку отделить Перу от Испании и установить собственную власть над Южной Америкой и индейцами.

Далее был убит и тот самый доминиканский монах Вальверде, подавший сигнал к вероломному нападению на Инку и его людей. Насильственная смерть настигла монаха на эквадорском острове Пуна, где он пал жертвой местных людоедов! Таким образом, небесная кара настигла всех действующих лиц этого кровавого спектакля.

ТОМАС МОР

Мне кажется величайшей несправедливостью красть у человека жизнь за то, что он украл деньги, так как я полагаю, что с человеческой жизнью по ценности не сравнятся никакие сокровища…

Томас Мор

Томас Мор (1478–1535) происходил из зажиточной семьи лондонских бюргеров. Был знатоком греческих и латинских авторов, библейских текстов и произведений отцов христианской церкви. Писатель Мор не чурался и политической деятельности — он был некоторое время и членом английского парламента, и шефом Лондона, выполняя дипломатические поручения.

Хорошо зная жизнь своей родины, английский гуманист проникся сочувствием к бедствиям ее народных масс. Эти его настроения и получили свое отражение в знаменитом произведении с длинным заголовком в духе того времени — «Весьма полезная, как и занимательная, поистине золотая

книжка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия…».

Она была издана при ближайшем участии Эразма Роттердамского, близкого друга писателя, посвятившего ему свою «Похвалу глупости», законченную в доме Мора в 1616 году, и сразу приобрела большую популярность в гуманистических кругах. Повествование в ней ведется от имени вымышленного автором путешественника Рафаила Готлодея, что придало книге дополнительный литературный успех в эпоху географических открытий и путешествий. Именно такой страной и была объявлена здесь Утопия — греческое слово, образованное Мором и обозначавшее буквально «место, которого нет» (сам он переводил название этой страны как «Нигдея», Nusguama).

Книга состоит из двух частей. Вторая, большая из них и написанная сначала, излагает утопийский образ жизни, в то время как первая часть, написанная после второй, дает прежде всего весьма критическое описание современной Англии. В дальнейшем Мор стал ближайшим сотрудником короля Генриха VIII, который в своих политических расчетах оказывал известное покровительство гуманистам, используя их литературные и политические таланты. Мор получил рыцарское звание, был председателем палаты общин, а в 1629 году занял высший государственный пост, став лордом-канцлером Англии. Однако судьба его круто изменилась, когда Генрих VIII решил стать на путь церковной реформы, чтобы завладеть богатствами католической церкви в Англии. Мор выступал за духовное единство христианско-католического мира и был противником такой церковной реформы, которая один догматизм заменяла другим, столь же нетерпимым. Отказавшись присягнуть королю как новому главе церкви, в 1532 году Мор попросил освободить его от должности лорда-канцлера, к крайнему неудовольствию Генриха. Уйдя в отставку, Мор не критиковал королевской политики. Он просто молчал. Но его молчание было красноречивее слов. Особенно ожесточена против Мора была Анна Болейн, которая не без оснований считала, что явное неодобрение со стороны человека, пользовавшегося всеобщим уважением, является весомым политическим фактором. Ведь новая королева отнюдь не пользовалась популярностью, в день коронации ее встретили на улицах бранью, криками «шлюха». Генрих VIII вполне разделял ярость жены, но не рискнул, да это было и не в его манере, расправляться с бывшим канцлером, минуя обычную судебную процедуру.

В 1534 году Мор был вызван в Тайный совет, где ему было предъявлено лживое обвинение во взяточничестве. Опытный юрист, он без труда опроверг эту не очень умело придуманную клевету. В вину Мору вменялось также поощрение некоей «кентской святой девы» Елизаветы Бартон, наполовину безумной, наполовину обманщицы. Она заявляла, что действует по прямому внушению божьему, и предрекала, что, если король женится на Анне Болейн, он потеряет трон. (Вместе с Мором в содействии «измене» Бартон обвинялся также епископ Фишер.) Второй навет не достиг цели, как и первый. Мор сумел доказать, что, беседуя с кентской «пророчицей», он пытался убедить ее прекратить недозволенные высказывания о действиях монарха. Третье обвинение оказалось совсем неожиданным. Мор, утверждали его судьи, 13 лет назад подстрекал своего повелителя слишком горячо выступить в защиту Рима против начатой тогда

Лютером Реформации. Именно за этот шаг папа наградил Генриха почетным званием «защитника веры», который был включен в официальный титул английского короля. Теперь же трактат Генриха, заполненный доказательствами в пользу верховенства римского первосвященника, оказался совсем некстати для коронованного главы английской Реформации. Поэтому король в соответствии со своим обычным благородством постарался переложить ответственность за собственный опус на Мора и таким образом погубить своего бывшего любимца. Но дело опять сорвалось. Мор во внешне учтивой форме убедительно показал всю нелепость возведенного на него поклепа. Ведь не кто иной, как Мор, настойчиво советовал тогда королю умерить усердие в защите притязаний папства, считая такой излишний пыл неразумным с точки зрения английских интересов.

Тайный совет должен был на этот раз отступить, но Мор слишком хорошо знал Генриха, чтобы питать иллюзии. Король собирался провести осуждение бывшего канцлера палатой лордов, но потом решил дождаться более удобного случая. «То, что отсрочено, не оставлено», — сказал Мор своей дочери Маргарэт, когда она первая сообщила ему о том, что против него выдвинуты дополнительные обвинения. Правда, даже среди членов Тайного совета находились люди, которые либо из политических соображений, либо под влиянием известной симпатии к Мору делали попытки предостеречь его. В их числе был и герцог Норфолк, особыми сентиментами отнюдь не отличавшийся. При встрече с Мором он сказал по-латыни: «Гнев короля — это смерть». Мор спокойно ответил:

«Это все, милорд? Тогда поистине разница между Вашей милостью и мной только в том, что мне предстоит умереть сегодня, а Вам — завтра».

Новое обвинение возникло в связи с парламентским актом от 30 марта 1534 года. По этому закону был положен конец власти папы над английской церковью, дочь короля от первого брака Мария объявлялась незаконнорожденной, а право наследования престола переходило к потомству Генриха и Анны Болейн. Король поспешил назначить специальную комиссию, которой было предписано принимать клятву верности этому парламентскому установлению. Мор был вызван одним из первых на заседание комиссии. Он заявил о согласии присягнуть новому порядку престолонаследия, но не вводимому одновременно устройству церкви (а также признанию незаконным первого брака короля). Некоторые члены комиссии, включая епископа Кранмера, руководившего проведением церковной реформы, стояли за компромисс. Их доводы заставили заколебаться Генриха, опасавшегося, как бы суд над Мором не вызвал народных волнений. Главному министру Томасу Кромвелю и королеве удалось переубедить трусливого короля. Они внушили Генриху, что нельзя создавать столь опасный прецедент: вслед за Мором и другие попытаются не соглашаться со всеми пунктами исторгаемой у них присяги. (Возможно, немалую роль сыграл здесь и канцлер Одли.) 17 апреля 1534 года после повторного отказа дать требуемую клятву Мор был заключен в Тауэр.

Суровость тюремного режима была резко усилена в июне 1535 года, после того как было установлено, что заключенный переписывался с другим узником — епископом Фишером. Мора лишили бумаги и чернил. Он уже настолько ослаб от болезни, что мог стоять, только опираясь на палку.

22 июня был обезглавлен Фишер. Усилилась подготовка к процессу Мора.

При дворе очень надеялись, что тюремные лишения подорвали не только физические, но и духовные силы Мора, что он будет уже не в состоянии использовать свой талант и остроумие в судебном зале. Продолжались и лихорадочные поиски улик, доказывающих «измену», а поскольку таковых не было в природе, пришлось их спешно изобретать и создавать.

12 июня в камере Мора неожиданно появился в сопровождении еще двух лиц генеральный прокурор Ричард Рич, одна из наиболее бессовестных креатур короля. Рич формально прибыл, чтобы изъять книги Мора, еще сохранившиеся у него в тюрьме. Однако в действительные намерения Рича входило совсем другое — побудить Мора в присутствии свидетелей к высказываниям, которые можно было бы представить как носящие изменнический характер. Провокатор задал первоначально, казалось бы, невинный вопрос: если его, Рича, парламент провозгласит королем, признает ли Мор за ним этот титул?

Узник с готовностью дал утвердительный ответ. Ну а если, не унимался прокурор, парламент сделает его, Рича, папой, согласится ли Мор и с этим решением? Во втором вопросе уже заключалась ловушка, в которую, впрочем, Рич и не надеялся поймать Мора. Королевский приспешник рассчитывал лишь так исказить слова заключенного, чтобы как-то можно было подвести их под понятие государственной измены. Мор ответил, что парламент имеет право заниматься статусом светских государей, и добавил:

«Допустим, парламент примет закон, что бог не должен являться богом, признаете ли Вы, мистер Рич, что бог это не бог?»

«Нет, — испуганно ответил генерал-прокурор, — я откажусь признать это, поскольку парламент не имеет права принимать такие законы».

Мор после этого уклонился от продолжения беседы, да и Рич счел ее слишком опасной для самого себя. Он решил не рисковать и пустить в ход надежное оружие — лжесвидетельства…

Генрих не желал больше медлить с началом процесса. Этот суд должен был стать орудием устрашения, демонстрацией того, что все, даже наиболее влиятельные, лица в государстве обречены на смерть, если только они перестают быть беспрекословными исполнителями королевской воли.

Босым, одетым в наряд арестанта, Мор был пешком приведен из темницы в залу Вестминстера, где заседали судьи. Обвинение включало «изменническую» переписку с Фишером, которого Мор побуждал к неповиновению, отказ признать короля главой церкви и защиту преступного мнения относительно второго брака Генриха. Виной считалось даже само молчание, которое Мор хранил по важнейшим государственным вопросам.

Обвиняемый был настолько слаб, что суду пришлось разрешить ему отвечать на вопросы, не вставая с места. Но в этом немощном теле по-прежнему был заключен бесстрашный дух. Мор не оставил камня на камне от обвинительного заключения. Он, между прочим, заметил, что молчание всегда считалось скорее знаком согласия, а не признаком

недовольства.

Чтобы как-то укрепить позиции обвинения, был вызван в качестве свидетеля Рич, изложивший свой разговор с Мором. Королевский клеврет уверял, что после его ответа на вопрос Мора, может ли парламент объявить, что бог не является богом, заключенный добавил: «Тем более парламент не может сделать короля верховным главой Церкви». Такова была главная «улика», единственная легальная зацепка, на основании которой суд мог вынести обвинительный приговор.

Прямо смотря в глаза негодяю, после того как тот сообщил суду эту якобы произнесенную Мором фразу, обвиняемый сказал «Если то, что Вы изложили под присягой, мистер Рич, — правда, тогда пусть мне никогда не лицезреть лика божьего. Этого я бы не сказал, будь дело по-иному, за все сокровища мира. По правде говоря, мистер Рич, меня более огорчает Ваше лжесвидетельство, чем моя собственная погибель».

Вызванные по просьбе Рича два его спутника поостереглись чрезмерно отягощать свою совесть. По их словам, они были целиком поглощены разбором книг арестованного и ничего не слыхали из слов, которыми он обменялся с Ричем. Для всех было очевидно, что Рич лжет. Но это мало что могло изменить, просто судьям, которые больше всего ценили королевские милости и опасались монаршего гнева, пришлось еще более бесцеремонно обойтись с законами.

«Вы, Мор, — кричал канцлер Одли, — хотите считать себя мудрее… всех епископов и вельмож Англии».

Послушные присяжные вынесли требуемый вердикт. Впрочем, даже участники этой судебной расправы чувствовали себя не в своей тарелке. Лорд-канцлер, стараясь побыстрее покончить с неприятным делом, стал зачитывать приговор, не предоставив последнего слова обвиняемому. Сохранявший полное присутствие духа Мор добился, чтобы ему дали возможность высказать убеждения, за которые он жертвовал жизнью. Так же спокойно выслушал он приговор, обрекавший его на варварски жестокую казнь, которая была уготована государственным преступникам.

Текст приговора был таков:

«Ввергнуть его при содействии констебля Уильяма Кингстона в Тауэр, оттуда влачить по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Констебль Тауэра Кингстон был искренним другом Мора. После приговора он сопровождал Мора из Вестминстера к причалу «Старый лебедь» близ Тауэра. С тяжелым сердцем и не сдерживая слез, он простился с Мором. Впоследствии Кишстон признавался Уильяму Роперу: «Честное слово, мне было стыдно за себя; уходя от Вашего отца, я почувствовал такую слабость духа, что он, которого я должен был утешать, был столь мужествен и тверд, что сам утешал меня»… Казнь состоялась спустя четыре дня после суда. И каждый день Маргарэт Ропер посылала в Тауэр к отцу свою служанку Дороти Колли, чтобы передать с ней письмо и получить от отца ответную записку. Вместе с последним письмом к дочери и всем близким Мор передал Дороти Колли свою власяницу, которую он

носил до последних дней, и свой бич для самобичевания. Последнее письмо Мора к дочери явно написано в спешке. В нем Мор прощался с семьей, посылал свое благословение близким, с любовью вспоминал последнее свидание с дочерью после суда по дороге из Вестминстера в Тауэр, утешал как только мог и сообщал о своей готовности и желании «идти к Богу» не позднее, чем завтра, то есть 6 июля, в канун праздника Фомы Кентерберийского и на восьмой день после праздника святого апостола Петра.

Рано утром 6 июля 1535 года в Тауэр прибыл друг Мора поэт Томас Поп, служивший в канцелярском суде. Поп сообщил Мору о том, что он должен быть казнен в 9 утра и король заменил ему мученическую казнь в Тайберне отсечением головы. Мор спокойно выслушал сообщение своего друга и поблагодарил короля за его «милость». Даже враги Мора отмечали силу духа и мужество, с которыми он готовился к смерти, словно вовсе ее не боялся. Он находил в себе силы, чтобы шутить в чисто английском духе и перед свиданием с плахой. «Так, по прибытии в Тауэр, — писал помощник шерифа в лондонском Сити Эдуард Холл, — один из служащих потребовал верхнюю одежду прибывшего в качестве вознаграждения. Мор ответил, что тот получит ее, и снял свой колпак, *11 Казенный колпак, надеваемый на осужденного.* говоря, что это самая верхняя одежда, которую он имеет».

Мимо людской толпы, как всегда сопровождавшей подобные процессии, Мор спокойно шел на казнь. Долгие месяцы тюрьмы и мучительные допросы совершенно подорвали его здоровье. Он сильно исхудал, и от слабости ему трудно было идти. Но, когда изредка он останавливался, чтобы передохнуть, и бросал взгляд на толпу, в его серых глазах, как и прежде, светилась необычайная ясность и сила духа, в них были мысль и даже юмор.

Король запретил ему произносить предсмертную речь, которая разрешалась в то время всем казнимым, очевидно, боялся, что слова этого блестящего оратора вызовут возмущение в народе. И на эшафоте в последние предсмертные минуты Мор не утратил способности шутить. Подойдя к наспех сколоченному эшафоту, он попросил одного из тюремщиков: «Пожалуйста, помоги мне взойти, а сойти вниз я уж постараюсь как-нибудь и сам». Поднимаясь, он сказал палачу: «Шея у меня коротка, целься хорошенько, чтобы не осрамиться». Уже на эшафоте, беседуя с палачом, осужденный шутливо бросил ему за мгновение до рокового удара:

«Постой, уберу бороду, ее незачем рубить, она никогда не совершала государственной измены».

Насаженная на кол голова «изменника» еще много месяцев внушала лондонцам «почтение» к королевскому правосудию…

Узнав о гибели Мора, его друг, известный писатель Эразм Роттердамский сказал:

«Томас Мор… его душа была белее снега, а гений таков, что Англии никогда больше не иметь подобного, хотя она и будет родиной великих людей». Католическая церковь позднее причислила Мора к лику святых. Известный английский историк справедливо заметил в этой связи: «Хотя мы сожалеем о казни святого Томаса Мора, как одной из мрачных трагедий нашей истории, нельзя игнорировать того факта, что, если бы Генрих не

отрубил ему голову, его (вполне возможно) сожгли бы по приговору папы».

Казнь Мора вызвала немалое возмущение в Европе. Английскому правительству пришлось подготовить и разослать иностранным дворам подробные разъяснения, призванные оправдать этот акт. Текст объяснений очень разнился в зависимости от того, кому они предназначались: протестантским князьям или католическим монархам.

ТОМАС КРОМВЕЛЬ

Князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности.

Никколо Маккиавелли. «Государь»

В возвышении и падении Анны Болейн большую роль сыграл ее бывший союзник — главный министр Томас Кромвель, который использовал для этой цели свою секретную службу. Шпионы Кромвеля долгие годы перехватывали всю переписку Екатерины Арагонской, которая могла посылать вести о себе за границу только с помощью Шапюи. Поскольку церковные ордена, несомненно, были ярыми врагами Реформации, Кромвель завел своих агентов и среди монахов. Один из них, францисканец Джон Лоуренс, тайно доносил министру об интригах его ордена в пользу Екатерины Арагонской.

Настала очередь и Томаса Кромвеля. Его ненавидели повсеместно, часто руководствуясь совершенно противоположными побуждениями; не было такого слоя общества, на поддержку или симпатии которого он мог рассчитывать. Для простого народа он был организатором кровавых преследований, душителем выступлений против новых поборов, тягот, которые обрушились на крестьян после закрытия монастырей. Для знати он был выскочкой — простолюдином, занявшим не подобающее ему место при дворе. Католики (особенно клир) не простили ему разрыва с Римом и подчинения церкви королю, расхищения церковных земель и богатств, покровительства лютеранам. А те в свою очередь обвиняли министра в преследовании новой, «истинной» веры, в снисходительном отношении к католикам. Имели свой длинный счет к Кромвелю шотландцы, ирландцы, жители Уэльса. Был только один человек — Генрих VIII, — интересы которого всегда выигрывали от деятельности министра. Кромвель сыграл главную роль в утверждении главенства монарха над церковью, в расширении полномочий королевского Тайного совета, права которого были распространены на север Англии, в Уэльс и Ирландию. Кромвель заполнил нижнюю палату парламента креатурами двора и превратил ее в орудие короны. Он сумел резко увеличить доходы казны за счет конфискации монастырских земель, а также обложения торговли, развитие которой он поощрял умелой покровительственной политикой, Томасу Кромвелю удалось добиться укрепления английского влияния в Шотландии, значительного расширения владений британской короны в Ирландии, окончательного присоединения Уэльса. Что еще можно было требовать от министра, который не только выполнял все приказы короля, но стремился угадать его желания и предвосхитить планы, до которых тот еще не успел додуматься? Однако сами успехи Кромвеля (как в былое время его предшественника кардинала Уолси) вызывали все большую ревность у самовлюбленного Генриха, приходившего в ярость от умственного превосходства своего министра. Влияние Кромвеля

свидетельствовало о неспособности Генриха самому выпутаться из тягостного бракоразводного дела, реорганизовать государственные и церковные дела в духе королевского абсолютизма. Министр был живым напоминанием и о втором браке короля, позорном процессе и казни Анны Болейн, которые так хотелось предать вечному забвению. Не раз Генриху казалось, что Кромвель мешает ему применить на деле свои государственные способности, встать вровень с крупнейшими политиками эпохи — Карлом V и Франциском I. Довольно, решил Генрих, терпеть этого наглеца, поднятого из ничтожества, который каждый раз поучает короля и заставляет отказываться от его планов, выдвигая хитроумные доводы, на которые трудно найти возражения! Генриху казалось, что он не хуже Кромвеля знал (или, по крайней мере, усвоил от него) секреты управления, принесшие столь отличные результаты.

Он сумеет их умножить, причем не вызывая недовольства, которого не избежал его министр. Но нужно, чтобы этот выскочка, так долго занимавший пост главного советника короля, не использовал во зло доверенных ему тайн. Нельзя было допустить, чтобы, спокойно выйдя в отставку, он начал критиковать действия короля, ставить палки в колеса той политике, которая наконец создаст Генриху славу великого полководца и государственного мужа. И главное, Кромвель будет хорошим козлом отпущения…

В этих условиях падение Кромвеля, единственной опорой которого был король, было только вопросом времени. Нужен был лишь предлог, последняя капля, переполнившая чашу, один неловкий шаг, чтобы скатиться в пропасть…

И этот случай вскоре представился. После кончины третьей жены короля, Джейн Сеймур (она умерла после родов, подарив Генриху наследника престола), Кромвель повел переговоры о новой невесте для своего государя. Было выдвинуто несколько кандидатур. Выбор пал на дочь герцога Клевского, Анну. Придирчивый Генрих взглянул на портрет, написанный с другого портрета знаменитым Гансом Гольбейном, и выразил согласие. Этот «германский брак» был задуман в связи с наметившейся угрозой образования мощной антианглийской коалиции в составе двух ведущих католических держав — Испании и Франции, готовых, казалось, на время забыть разделявшее их соперничество. Кроме того, брак с протестанткой должен был еще более углубить разрыв главы англиканской церкви с Римом. В конце 1539 года Анна Клевская отправилась в путь. Всюду ее ожидала пышная встреча, предписанная 50-летним женихом. Он решил встретить свою невесту в Рочестере, в тридцати милях от Лондона. Посланный в качестве нарочного королевский приближенный Энтони Браун вернулся весьма смущенный: будущая королева имела очень мало сходства со своим портретом.

Браун не мог знать, что еще меньше подходила Анна Клевская к своей будущей роли по уму и образованию, полученному при дворе маленького германского княжества с его педантичным распорядком жизни. К тому же невеста была не первой молодости и в свои 34 года успела потерять многое из той привлекательности, которой в юности обладают даже некрасивые девушки. Немудрено, что Браун, как осторожный царедворец, скрыл свое смущение, воздержался от каких-либо восторгов и

сообщил Генриху, что его ожидает. При встрече с немкой Генрих не поверил своим глазам и почти открыто выразил свое «недовольство и неприятное впечатление от ее личности», как сообщал наблюдавший эту сцену придворный. Пробормотав несколько фраз, Генрих удалился, позабыв даже передать Анне подготовленный для нее новогодний подарок. Вернувшись на корабль, он мрачно заметил: «Я не вижу в этой женщине ничего похожего на то, что сообщили мне о ней, и я удивлен, как столь мудрые люди могли писать подобные отчеты». Эта фраза, приобретавшая зловещий смысл в устах такого тирана, как Генрих, не на шутку перепугала Энтони Брауна: одним из участников переговоров о браке был его кузен Саутгемптон.

Но Генрих думал не о нем. Свое неудовольствие король не скрыл от приближенных, а Кромвелю прямо объявил: «Знай я обо всем этом раньше, она не прибыла бы сюда. Как же теперь выпутаться из игры?» Кромвель ответил, что он очень огорчен. После того, как министр сам увидел невесту, он согласился с мнением разочарованного жениха, заметив, что Анна все же обладает королевскими манерами. Этого было явно недостаточно. Отныне Генрих только и думал, как бы отделаться от «фламандской кобылы», как он окрестил свою нареченную. Политические причины, побудившие английского короля искать руки дочери герцога Клевского, сводились к тому, чтобы взять в кольцо Фландрию — одну из наиболее богатых земель империи Карла V. Окруженная со всех сторон противниками императора — Англией, Францией, герцогом Клевским и протестантскими князьями Северной Германии, Фландрия стала бы уязвимой, что побуждало бы Карла V искать примирения с Генрихом. Кроме того, возможность подобного окружения Фландрии могла побудить Франциска I отказаться от мысли о соглашении со своим старым соперником — императором. Хотя эти соображения сохраняли свою силу, Генрих дал указание найти для него способ «выпутаться». Кромвель принялся за дело. Анну, оказывается, намеревались выдать за герцога Лотарингского, и документ, содержавший официальное освобождение невесты от данного ею обещания, остался в Германии. Это была как будто спасительная возможность: Генрих попытался принять роль оскорбленного и обманутого человека. Но бумагу рано или поздно доставили бы в Лондон, а просто отослать Анну домой Генрих опасался, так как уязвленный герцог Клевский легко мог перейти на сторону Карла V. С проклятиями, мрачный, как туча, король решил жениться.

На другой день после свадьбы Генрих VIII объявил, что новобрачная ему в тягость. Однако он еще некоторое время воздерживался от открытого разрыва. Оставалось определить: так ли уж опасен этот разрыв? В феврале 1540 года герцог Норфолк, противник «германского брака» и теперь враг Кромвеля, отправился во Францию. Он убедился, что франко-испанское сближение не зашло далеко.

Во всяком случае ни Карл, ни Франциск не предполагали нападать на Англию. А ведь именно этой угрозой Кромвель мотивировал необходимость «германского брака». Норфолк привез радостные для Генриха известия и взамен узнал не менее приятную новость для себя: на королевские обеды и ужины, куда допускались самые близкие люди, была приглашена племянница герцога юная Екатерина Говард.

Кромвель пытался нанести контрудар; его разведка постаралась скомпрометировать епископа Гардинера, который подобно Норфолку стремился к примирению с Римом. Министр произвел также конфискацию имущества Ордена иоаннитов: золото, поступавшее в королевское казначейство, всегда успокаивающе действовало на Генриха. 7 июня к Кромвелю зашел его бывший сторонник, а ныне тайный недруг Райотсли, приближенный Генриха. Он намекнул, что короля надо освободить от новой жены. На другой день, 8 июня, Райотсли снова посетил министра и опять настойчиво повторил свою мысль. Стало ясно, что это был королевский приказ. Кромвель кивнул, но заметил, что дело сложное. Министру предлагали освободить короля от Анны Киевской, чтобы расчистить дорогу для Екатерины Говард — племянницы его врага.

Пока Кромвель с горечью размышлял над полученным приказом, Генрих уже принял решение: прежде чем освободиться от новой жены, необходимо отделаться от надоевшего министра. Райотсли по приказу короля в тот же день, 8 июня, составил королевские письма, обвинявшие Кромвеля в том, что он нарушил составленный Генрихом план нового церковного устройства.

Вчера еще могущественный министр стал обреченным человеком, отверженным, отмеченным печатью королевской немилости. Об этом знали уже другие царедворцы и советники — почти все, кроме него самого, руководителя секретной службы. 10 июня 1540 года, когда члены Тайного совета шли из Вестминстера, где заседал парламент, во дворец, порыв ветра сорвал шапку с головы Кромвеля. Вопреки обычной вежливости, требовавшей, чтобы и остальные советники также сняли шапки, все остались в головных уборах. Кромвель понял. Он имел еще мужество усмехнуться: «Сильный ветер сорвал мою шапку и сохранил все ваши!»

Во время традиционного обеда во дворце Кромвеля избегали. С ним никто не разговаривал. Пока министр выслушивал пришедших к нему посетителей, его коллеги поспешили уйти в зал совещаний. С запозданием он вошел в зал и намеревался сесть на свое место, заметив: «Джентльмены, вы очень поторопились начать». Его прервал окрик Норфолка: «Кромвель, не смей здесь садиться! Изменники не сидят с дворянами!» При слове «изменники» отворилась дверь и вошел капитан с шестью солдатами. Начальник стражи подошел к министру и жестом показал ему, что он арестован.

Вскочив на ноги, бросив шпагу на пол, Кромвель, с горящими глазами, срывающимся голосом закричал: «Такова награда за мои труды! Я изменник? Скажите по совести, я изменник? Я никогда не имел в мыслях оскорбить его величество, но раз так обращаются со мной, я отказываюсь от надежды на пощаду. Я только прошу короля, чтобы мне недолго томиться в тюрьме». Со всех сторон голос Кромвеля заглушали крики: «Изменник! Изменник!», «Тебя будут судить по законам, которые ты сочинил!», «Каждое твое слово — государственная измена!» В пылу поношений, обрушившихся на голову низвергнутого министра, Норфолк сорвал у него с шеи орден Св. Георгия, а Саутгемптон — Орден подвязки. Солдатам пришлось чуть ли не спасать Кромвеля от разъяренных членов совета. Кромвеля увели через заднюю дверь прямо к ожидавшей его

лодке. Арестованный министр был немедленно доставлен в Тауэр. Не успели захлопнуться за ним двери темницы, как королевский посланец во главе пятидесяти солдат занял по приказу Генриха дом Кромвеля и конфисковал все принадлежавшее ему имущество. В казематах Тауэра у Кромвеля было достаточно времени, чтобы поразмыслить о своем положении. Не приходилось сомневаться, что это конец. Не для того Кромвеля бросили в Тауэр, чтобы выпустить отсюда живым. Он мог во всех деталях заранее представить, как будут развертываться события: фальшивые обвинения, призванные скрыть действительные причины падения министра, комедия суда, заранее предопределенный смертный приговор. Выбор теперь был не в том, какой избрать политический курс. Ныне была лишь возможность уйти от жуткой квалифицированной казни.

Кромвелю самому не раз приходилось брать на себя организацию подобных расправ, и ему-то уж во всех деталях было известно, как это делается. Весь Тауэр, казалось, был заполнен призраками жертв королевского произвола, людей, убитых и замученных здесь по воле Генриха VIII и при активном содействии его верного лорда-канцлера. Человеческая жизнь была для него ничем, если ее нужно было принести как жертву на алтарь государственной необходимости. А этой необходимостью ему не раз случалось объяснять и королевский каприз, и интересы собственной карьеры (не говоря уже о тысячах участников крестьянских восстаний, казненных по требованиям лендлордов). Кровавая башня и другие темницы Тауэра были для Кромвеля верным и удобным средством изолировать человека от общества, обречь его при этом на длительную агонию в одном из каменных мешков государственной тюрьмы или отправить на Тауэр-хилл и Тайберн, где секира и веревка палача избавляли узника от дальнейших страданий. В темную июньскую ночь Тауэр наконец предстал для Кромвеля тем, чем он был для многих его жертв, — зловещим орудием беспощадного королевского деспотизма. Министр на себе испытал весь ужас и беспомощность узника перед лицом безжалостной, тупой силы, обрекавшей его на мучительную смерть. Враги Кромвеля поспешили распространить слухи о его преступлениях — одно страшнее другого. Пример подавал сам король, объявивший, что Кромвель пытался жениться на принцессе Марии (обвинение, впрочем, подсказанное Норфолком и Гардинером). Еще недавно Кромвель отправлял людей на плаху и костер за малейшие отклонения от далеко еще не устоявшейся англиканской ортодоксии то в сторону католицизма, то в сторону лютеранства, отклонения, в которых с полным основанием можно было бы обвинить короля, большинство епископов и членов Тайного совета. В обвинительном акте, вскоре представленном в парламент, говорилось о многолетнем ближайшем помощнике Генриха как о «самом гнусном изменнике», поднятом милостями короля «из самого подлого и низкого звания» и отплатившем предательством, о «гнусном еретике», который распространял «книги, направленные на то, чтобы позорить святыню алтаря». Ему приписывали заявления, что, «если он проживет год или два», король не сумеет даже при желании оказать сопротивление его планам. Упоминания о вымогательстве, казнокрадстве должны были подкрепить главное обвинение в «измене» и «ереси».

Враги Кромвеля вроде Норфолка с торжеством предрекали изменнику и еретику позорную смерть. Ну а друзья? Имел ли он друзей, а не просто креатур — сторонников, обязанных ему своей карьерой? Конечно, они безмолвствовали. Все, в чем обвиняли «еретика» Кромвеля, в полной мере относилось и к Кранмеру. Тем не менее архиепископ молча присоединился к единодушному решению палаты лордов, принявшей закон, по которому Кромвеля могли приговорить к повешению, четвертованию и сожжению заживо.

В тюрьме опальный министр писал отчаянные письма. Если бы это было в его власти, уверял Кромвель, он наделил бы короля вечной жизнью, он стремился сделать его самым богатым и могущественным монархом на земле. Король был всегда к нему, Кромвелю, благосклонен, как отец, а не повелитель Его, Кромвеля, справедливо обвиняют во многом. Но все его преступления совершены ненамеренно, никогда он не замышлял ничего дурного против своего господина. Он желал всякого благоденствия королю и наследнику престола… Все это, конечно, не изменило судьбу осужденного «изменника».

Однако до казни ему предстояло сослужить еще одну службу королю. Кромвелю было приказано изложить все обстоятельства, связанные с женитьбой Генриха на Анне Клевской: подразумевалось, что бывший министр осветит их таким образом, чтобы облегчить развод Генриха с четвертой женой. И Кромвель постарался. Он написал, что Генрих неоднократно говорил о решимости не использовать своих «прав супруга» и что, следовательно, Анна осталась в своем прежнем «дозамужнем» состоянии. Здравый смысл, не покидавший осужденного при составлении этого письма, изменил ему, когда он заключил свое послание воплем о милосердии: «Всемилостивейший государь! Я умоляю о пощаде, пощаде, пощаде!» Это была уже просьба не сохранить жизнь, а избавить от жутких пыток на эшафоте. Генриху очень понравилось письмо и как полезный документ при разводе, и этой униженной мольбой: король недолюбливал, когда его подданные спокойно принимали известие об ожидавшей их казни. Генрих приказал три раза прочесть ему вслух письмо недавнего министра. Развод прошел без особых затруднений — Анна Клевская удовлетворилась пенсией в 4 тысячи фунтов стерлингов, двумя поместьями, а также статусом «сестры короля», ставящим ее по рангу непосредственно вслед за королевой и детьми Генриха. А Кромвелю осталось дать отчет о некоторых израсходованных суммах и узнать о награде, полагавшейся ему за меморандум о четвертом браке короля. Утром 28 июля 1540 года Кромвелю сообщили, что Генрих в виде особой милости разрешил ограничиться отсечением головы, избавив осужденного от повешения и сожжения на костре. Правда, казнь должна была быть совершена в Тайберне, а не на Тауэр-хилле, где обезглавливали лиц более высокого происхождения. Отдав это милостивое распоряжение, Генрих, снова ставший женихом, мог теперь с «чистой совестью» отправиться из столицы на отдых вместе со своей 18-летней невестой Екатериной Говард. А Кромвелю предстояло в то же утро отправиться в свой последний путь из Тауэра в Тайберн. В последние часы своей жизни он, казалось, поборол малодушие, которое владело им, пока у него еще тлела надежда на помилование.

Крепкий, коренастый мужчина, которому не исполнилось еще пятидесяти лет, внешне спокойно оглядел плаху, затихшую толпу. Тысяча королевских солдат охраняла порядок. Собравшиеся, затаив дыхание, ждали предсмертной речи: будет ли она произнесена в католическом духе, как этого хотелось бы победившей партии Норфолка и Гардинера, или в духе протестантизма, или осужденный, сохранявший такое спокойствие, вообще обманет ожидания, отказавшись от исповеди. Нет, он начал говорить… Его слова вполне могли удовлетворить католически настроенных слушателей. Кромвель как будто хотел в последний час сделать приятное вражеской партии, пославшей его на эшафот. «Я пришел сюда умирать, а не оправдываться, как это, может быть, думают некоторые, — произнес Кромвель монотонно звучащим голосом. — Ибо, если бы я занялся этим, то был бы презренным ничтожеством. Я осужден по закону на смерть и благодарю Господа Бога, что он назначил мне подобную смерть за мое преступление. Ибо с юных лет я жил в грехе и оскорблял Господа Бога, за что я искренне прошу прощения. Многим из вас известно, что я являюсь вечным странником в этом мире, но, будучи низкого происхождения, был возведен до высокого положения. И вдобавок с того времени я совершил преступление против моего государя, за что искренне прошу прощения и умоляю вас всех молиться за меня Богу, чтобы он простил меня. Я прошу ныне вас, присутствующих здесь, разрешить мне сказать, что я умираю преданным католической вере, не сомневаясь ни в одном из ее догматов, не сомневаясь ни в одном из таинств церкви. Многие порочили меня и уверяли, что я придерживаюсь дурных взглядов, что является неправдой. Но я сознаюсь, что, подобно тому как Бог и его Дух Святой наставляют нас в вере, так дьявол готов совратить нас, и я был совращен. Но разрешите мне засвидетельствовать, что я умираю католиком, преданным святой церкви. И я искренне прошу вас молиться о благоденствии короля, чтобы он мог долгие годы жить с вами в здравии и благополучии, а после него его сын принц Эдуард, сей добрый отпрыск, мог долго царствовать над вами. И еще раз я прошу вас молиться за меня, чтобы, покуда жизнь сохраняется в этом теле, я ни в чем не колебался бы в моей вере».

Чем была вызвана эта, конечно, заранее продуманная исповедь, которая вряд ли могла отражать подлинные чувства бывшего министра, великого камергера Англии, брошенного на плаху по прихоти короля? Быть может, объяснение можно найти в желании осужденного сохранить положение при дворе его сына, Грегори Кромвеля? Или были какие-то другие мотивы, побудившие Кромвеля повторить то, что и до него произносили тогда люди, прежде чем положить голову под топор палача? Тот хорошо выполнил свою работу, толпа громко выражала одобрение. Прошло сто лет, и праправнук казненного министра Оливер Кромвель заговорил с потомком Генриха, Карлом I, совсем другим языком.

АННА БОЛЕЙН И ЕКАТЕРИНА ГОВАРД – ЖЕНЫ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII

Но каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,

Один жестокостью, другой -
Отравою похвал.
Коварным поцелуем трус,
А смелый — наповал.
О. Уайльд. «Баллада о Редингской тюрьме»

Когда к власти приходят кровавые садисты вроде Калигулы, Ивана Грозного, Сталина или Пол Пота, они заливают кровью всю страну и чередой безжалостных казней пытаются устрашить возмущенных сограждан. Это не удивительно. Удивительно то, что спустя некоторое время находятся люди, которые начинают живописать их подвиги и пытаются как-то оправдать их поступки «государственной необходимостью» или «политической обстановкой».

Английский король Генрих VIII прославился своей бесчеловечностью по отношению к своему ближайшему окружению, в том числе и к женам.

Король искренне считал себя центром Вселенной, именно поэтому его не мучили угрызения совести, ибо все, что делал он — шло, по его мнению, на благо государству, человечеству и ему, Генриху. Любая прихоть короля должна была выполняться любыми средствами, даже самыми безумными. Когда Генрих впервые увидел молоденькую Анну Болейн, дочь и наследницу славного рода Норфолк, он был уже женат и имел дочь… Впрочем, жена давно надоела ему — Екатерина Арагонская была старше мужа, больше склонялась к религии, чем к мирским развлечениям, и порицала Генриха за суетность. Не остановила Генриха и явная холодность избранницы — в ту пору Анну не интересовал грузный, не первой молодости король. Ее сердце принадлежало красавцу Генри Перси, товарищу детства. Генрих по-королевски решительно разрушил эти романтические грезы — Генри Перси спешно женился, Анну Болейн взяли под строгий надзор. Регулярно Анна подвергалась осаде со стороны Генриха, и честолюбивая девушка решила, что раз уж ее лишили счастья, то наградой ей будет корона. Никак не меньше. И Анна начала плести интриги. Она дала королю понять, что любовницей его она не будет никогда, только королевой! Обезумевший от любви и недоступности Анны, Генрих был согласен на все. Он пытался развестись с женой, но тщетно. Папа не дал развода, так как Екатерина Арагонская была испанской принцессой. Разразился бы мировой скандал, к тому же у Генриха и Екатерины была законная дочь. В ярости Генрих был готов возглавить крестовый поход против Рима, отравить жену, разрушить королевство ради хрупкой Анны Болейн.

На помощь Генриху пришел хитроумный архиепископ Крамнер. Он предложил Генриху взять церковную власть в свои руки, ведь он помазанник божий. И Генрих ради прихоти или похоти, называйте как хотите, пошел на раскол церкви — он объявил себя и свое государство независимым от воли папы римского и сам дал себе развод, объявив прежний брак незаконным, а дочь свою незаконнорожденной. Король отослал бывшую жену и дочь с глаз долой. Неудивительно, почему из робкой маленькой девочки выросла грозная королева Мария, потопившая Англию в крови и потому прозванная Кровавой.

Генрих добился своего — неприступные стены, возведенные Анной Болейн, пали под натиском законного королевского брака. Однако Анна не

учла темперамента Генриха — прелесть новизны скоро исчезла, страсть была удовлетворена, к тому же первый ее ребенок, родившийся вскоре после свадьбы, оказался девочкой, второй родился мертвым, и новая королева осталась один на один с ненавистью подданных, холодностью Генриха и дворцовыми интригами. По желанию Анны на эшафот взошел Томас Мор, не одобрявший развода и новой женитьбы короля. А Генрих увлекся черноглазой, жизнерадостной Джейн Сеймур. Анна, постоянно болевшая после последних тяжелых родов, уже не была нужна королю. Есть много способов избавиться от неугодной супруги, в том числе и законных.

Король разъяснял придворным, что Анна нарушила «обязательство» родить ему сына. Здесь явно сказывается рука Божья, следовательно, он, Генрих, женился на Анне по наущению дьявола, она никогда не была его законной женой, и он волен поэтому вступить в новый брак. Генрих всюду жаловался на измены королевы и вслух называл число ее любовников. «Король, — не без изумления сообщал французскому королю Карлу посол Шапюи, — громко говорит, что более ста человек имели с ней преступную связь. Никогда никакой государь или вообще никакой муж не выставлял так повсеместно своих рогов и не носил их со столь легким сердцем». Впрочем, в последнюю минуту Генрих опомнился: часть посаженных за решетку была выпущена из Тауэра, и обвинение было выдвинуто только против первоначально арестованных лиц.

В обвинительном акте утверждалось, что существовал заговор с целью лишить короля жизни. Анне инкриминировалась преступная связь с придворными Норейсом, Брертоном, Вестоном, музыкантом Смитоном и, наконец, ее братом Джоном Болейном, графом Рочфордом. В пунктах 8 и 9 обвинительного заключения говорилось, что изменники вступили в сообщество с целью убийства Генриха и что Анна обещала некоторым из подсудимых выйти за них замуж после смерти короля. Пятерым «заговорщикам», кроме того, вменялись в вину принятие подарков от королевы и даже ревность друг к другу, а также то, что они частично достигли своих злодейских замыслов, направленных против монарха. «Наконец, король, узнав о всех этих преступлениях, бесчестиях и изменах, — говорилось в обвинительном акте, — был так опечален, что это вредно подействовало на его здоровье».

Очень деликатным был вопрос о «хронологии»: к какому времени отнести воображаемые измены королевы? В зависимости от этого решался вопрос о законности дочери Анны — Елизаветы, имевший столь большое значение для престолонаследия (сторонники «испанской» партии рассчитывали после смерти короля возвести на трон Марию). Генрих в конце концов сообразил, что неприлично обвинять жену в неверности уже во время медового месяца, что его единственная наследница Елизавета будет в таком случае признана дочерью одного из обвиняемых — Норейса (поскольку брак с Екатериной был аннулирован, Мария не считалась законной дочерью короля). Поэтому судье пришлось серьезно поработать над датами, чтобы не бросить тень на законность рождения Елизаветы и отнести мнимые измены ко времени, когда Анна родила мертвого ребенка. Уже 12 мая 1536 года начался суд над Норейсом, Брертоном, Вестоном и Смитоном Против них не было никаких улик, не считая показаний Смитона,

вырванных у него угрозами и обещаниями пощады, если он оговорит королеву (но и Смитон отрицал намерение убить Генриха). Однако это не помешало суду, состоявшему из противников Анны, приговорить всех обвиняемых к квалифицированной казни — повешению, снятию еще живыми с виселицы, сожжению внутренностей, четвертованию и обезглавливанию.

Отсутствие каких-либо реальных доказательств вины было настолько очевидным, что король отдал приказание судить Анну и ее брата Рочфорда не судом всех пэров, а специально отобранной комиссией. Это были сплошь представители враждебной королеве партии при дворе. Помимо «преступлений», перечисленных в обвинительном акте, Анне ставилось в вину, что она вместе с братом издевалась над Генрихом и поднимала на смех его приказания (речь шла о критике ею и Рочфордом баллад и трагедий, сочиненных королем). Исход процесса был предрешен. Анну приговорили к сожжению как ведьму или к обезглавливанию — как на то будет воля короля. Генрих назначил казнь через два дня после суда над Рочфордом. Подсудимые даже не успели подготовиться к смерти. Впрочем, всем дворянам квалифицированная казнь по милости короля была заменена обезглавливанием.

Через 12 часов после провозглашения развода в Тауэр поступил королевский приказ, обезглавить бывшую королеву на следующий день. Отсрочка на двое суток была явно вызвана только желанием дать архиепископу Кранмеру время расторгнуть брак. В своей предсмертной речи Анна сказала лишь, что теперь нет смысла касаться причин ее смерти, и добавила. «Я не обвиняю никого. Когда я умру, то помните, что я чтила нашего доброго короля, который был очень добр и милостив ко мне. Вы будете счастливы, если Господь даст ему долгую жизнь, так как он одарен многими хорошими качествами: страхом перед богом, любовью к своему народу и другими добродетелями, о которых я не буду упоминать».

Казнь Анны была отмечена одним новшеством. Во Франции было распространено обезглавливание мечом. Генрих решил также внедрить меч взамен обычной секиры и первый опыт провести на собственной жене. Правда, не было достаточно компетентного эксперта — пришлось выписывать нужного человека из Кале. Палач был доставлен вовремя и оказался знающим свое дело. Опыт прошел удачно. Узнав об этом, нетерпеливо ожидавший казни король весело закричал: «Дело сделано! Спускайте собак, будем веселиться!» По какому-то капризу Генрих решил жениться в третий раз — на Джейн Сеймур — прежде, чем остыло тело казненной. Брак был заключен в тот же день.

Джейн Сеймур умерла естественной смертью — во время родов, успев подарить королю наследника, будущего короля Эдуарда.

Место Джейн заняла Анна Клевская, но ненадолго — испуганный ее малопривлекательной внешностью, Генрих дал Клевской щедрые отступные. Екатерина Говард, двоюродная сестра Анны Болейн, стала пятой женой Генриха VIII и второй его женой, лишившейся головы.

Новая королева не очень устраивала Кранмера — дядя Екатерины Говрад, Норфолк, активно выступал против дальнейшего проведения церковных реформ. До поры до времени Кранмер и его друзья предпочитали скрывать свои планы: юная Екатерина приобрела влияние на

своего пожилого супруга; кроме того, она могла родить сына, что очень укрепило бы ее положение при дворе. В октябре 1541 года враги королевы нашли долгожданный повод. Один из мелких придворных служащих, Джон Ласселе, на основе свидетельства своей сестры, ранее служившей няней у старой герцогини Норфолк, донес Кранмеру, что Екатерина была долгое время в связи с неким Френсисом Дергемом, а некто Мэнокс знал о родинке на теле королевы. Кранмер, канцлер Одли и герцог Хертфорд поспешили известить ревнивого мужа. Кранмер передал королю записку («не имея мужества устно сообщить ему об этом»). Собрался Государственный совет.

Все «виновные», включая Мэнокса и Дергема, были сразу схвачены и допрошены. О том, что мнимая или действительная неверность королевы до замужества не шла ни в какое сравнение с предшествующей «чистой» жизнью самого Генриха, никто не осмелился и подумать Кранмер навестил совершенно ошеломленную свалившимся на нее несчастьем молодую женщину, которой не исполнилось двадцати лет. Обещанием королевской «милости» Кранмер выудил у Екатерины признание, а тем временем удалось выпытать нужные показания у Дергема и Мэнокса. Генрих был потрясен. Он молча выслушал на заседании совета добытые сведения и потом вдруг начал кричать. Этот вопль ревности и злобы заранее решил участь всех обвиняемых. Норфолк с гневом сообщил французскому послу Марильяку, что его племянница «занималась проституцией, находясь в связи с семью или восемью лицами». Со слезами на глазах старый солдат говорил о горе короля.

Тем временем схватили еще одного «виновного» — Келпепера, за которого Екатерина собиралась выйти замуж, прежде чем на нее обратил внимание Генрих, и которому она, уже став королевой, написала очень благосклонное письмо. Дергем и Келпепер были приговорены, как обычно, к смерти. После вынесения приговора 10 дней продолжались перекрестные допросы — они не выявили ничего нового. Дергем просил о «простом» обезглавливании, но «король счел его не заслуживающим такой милости». Подобное снисхождение было, впрочем, оказано Келпеперу. 10 декабря оба они были казнены.

Потом занялись королевой. Говарды поспешили отвернуться от нее. В письме к Генриху Норфолк причитал, что после «отвратительных деяний двух моих племянниц» (Анны Болейн и Екатерины Говард), наверное, «его величеству будет противно снова услышать что-либо о моем роде». Герцог упоминал далее, что обе «преступницы» не питали к нему особых родственных чувств, и просил о сохранении королевского благорасположения, «без которого я никогда не буду иметь желания жить». Послушный парламент принял специальное постановление, обвинявшее королеву. Ее перевели в Тауэр Казнь состоялась 13 февраля 1542 года. На эшафоте Екатерина призналась, что, до того как она стала королевой, любила Келпепера, хотела быть его женой больше, чем владычицей мира, и скорбит, став причиной его гибели. Однако вначале она упомянула, что «не нанесла вреда королю».

Ее похоронили рядом с Анной Болейн.

ДЖОН ФИШЕР И КЕНТСКАЯ ДЕВА

Я буду теребить твои воспоминания,
Чтобы в тебе возникла некая
Ранящая твою совесть мысль…
Эскрива де Балагер

Причина падения Джона Фишера, епископа Рочестерского и кардинала римской церкви, заключалась в той полунасмешливой, полуискренней поддержке, которую он оказал Елизавете Бартон, Кентской Деве, безумной молодой девушке, страдавшей припадками, поднявшей свой голос против развода Генриха VIII с Екатериной Арагонской и свадьбы с Анной Болейн. Она послала рифмованное описание своих видений и пророчеств королю Генриху VIII.

Но Генрих только посмеялся и сказал Кромвелю:

«Да, это стихи, и очень дурные; это дело не ангелов, но глупой женщины!» Впоследствии он перечитывал эти стихи в более мрачном настроении, но эта перемена была произведена в нем самой Кентской Девой. «Испанская партия» в церкви, всегда готовая воспользоваться помощью неба, вскоре увидела, что из этой бедной девушки можно извлечь много пользы. Поместив ее в монастырь, ей дали в руководители и секретари пять монахов, из которых старшим был отец Бокинг. Под их надзором юная монахиня сделала удивительные успехи в богословии и начала говорить такие вещи, которые с благодарностью принимались патерами и прелатами.

Джон Фишер плакал от радости и вполне сочувствовал тому, что отец Бокинг заставлял говорить монахиню. Многие из ее слов были очень темны, но при желании их можно было истолковать столь же ясно, как и слова библейских пророков.

Она объявила, что небо было против развода; она умоляла короля оставить свое великое намерение и для спасения души бросить Анну и снова призвать Екатерину. Эти слова Кентской Девы распространились по всей стране, копии ее поучений и предсказаний рассылались по всей кентерберийской провинции, а странствующие монахи разносили о них весть по сельским кабачкам и монастырям. Однажды под руководством отца Бокинга она перешла дозволенные пределы и навлекла гибель на себя и своего повелителя. Она отправила королю послание, в котором не только обличала его развод, но и прямо заявляла, что если он бросит Екатерину, то умрет через семь месяцев, и его дочь Мария, несмотря на то что она объявлена незаконнорожденной, взойдет на престол.

Такая угроза более не походила на шутку. Генрих отправил Кентскую Деву, монахов и патера Бокинга в Лондонскую Башню, а оттуда в Тибурн, где повелел всех их казнить прилюдно.

Бедная девушка в последние минуты своей жизни призналась, что на самом деле она простая, нимало не вдохновленная небесами женщина, и исполняла лишь то, что ей приказывали святые отцы во славу Бога и на пользу церкви. Комната в Лондонской Башне, в которой жила бедная Кентская Дева, сохранила на многие годы название Светлица Монахини.

Без сомнения, Фишер поддерживал Кентскую Деву, он надеялся, что ее иллюзии приведут к благим результатам. Он полагал, что короля, дожидавшегося Анну шесть месяцев, можно запугать и уговорить на отсрочку в несколько лет, после чего ему уже легче было бы переменить

свое намерение. Питая такие надежды, епископ принял сторону Кентской Девы, поощрял ее видения и подстрекал общественное любопытство, давая понять, что ее слова от Бога.

Вскоре после ареста Кентской Девы, Джон Фишер, 80-летний старец, был схвачен, предан суду как заговорщик и отвезен в Лондонскую Башню. Выходя на берег под сводами Водяных Ворот, он обратился к окружавшей его толпе стражей и гребцов. «Мне ничего не оставили, — сказал он, — и я не могу ничего дать вам, но примите мою сердечную благодарность!»

Помещенный в Крепком покое, Фишер очень страдал от холода и сырости, ибо башня не только стояла над рвом, но и была открыта восточным ветрам и речному туману.

Фишер писал Кромвелю самые плачевные письма и жаловался на то, что его оставили без теплой одежды. Однако, несмотря ни на что, он не терял мужества и своего обычного юмора. Однажды разнесся слух, что он будет казнен, и потому его повар не принес ему обеда.

«Отчего я остался голодным?» — спросил Фишер, увидев повара. «В городе говорили, что вы будете казнены, и потому я полагал излишним готовить для вас обед», — отвечал повар.

«И, однако, несмотря на слухи, я жив, — заметил кардинал, — потому, что бы не говорили обо мне, ты готовь обед каждый день, и, если придя сюда, не найдешь меня, съешь его сам».

Генрих и Кромвель сохранили бы ему жизнь, если бы видели удобный способ, но ни Фишер, ни его друзья не шли ни на малейший компромисс. Напротив, как член римской церкви, Фишер даже в тюрьме поддерживал переписку с Римом, враждебным королеве Анне, и Павел III избрал несчастливый час, когда послал ему кардинальскую шапку против воли короля. Узнав об этом, Генрих воскликнул: «Клянусь Богом, он наденет ее только на плечи». Смертный приговор был доставлен в Башню в полночь, и наместник сэр Эдмунд Вальсингам пошел в пять часов утра объявить Фишеру его роковую судьбу. «Вы принесли мне важную новость, я давно уже ее ожидаю. В каком часу я должен умереть?»

«В девять!» — отвечал Вальсингам.

«А теперь который?»

«Пять!»

«Так, с вашего позволения, я усну на часок-другой, я очень мало спал». Вальсингам ушел, и кардинал спал до семи часов, потом он встал и оделся в свое лучшее платье. Когда слуга спросил его, зачем он так наряжается, Фишер ответил:

«Разве ты не видишь, что я иду под венец?»

Взяв в руки Евангелие, он пошел к Башенной горе. Взглянув на закрытое Евангелие, он вознес к небу мольбу, чтобы Господь послал ему силы мужественно перенести смертный час. Остановившись, он открыл святую книгу и громко прочел первые строки, попавшиеся ему на глаза: «Се жизнь вечная, знать Тебя еже есть истинный Бог и Иисуса Христа, еже ты послал нам».

Успокоенный этими словами, он продолжал идти бодро вверх по крутой горе, повторяя: «Се жизнь вечная». Наконец он достиг эшафота и, сказав несколько слов народу, мужественно сложил на плахе свою седую

голову.

МИГЕЛЬ СЕРВЕТ

Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы… Будучи же судимы, отказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.

Кор

Мигель Сервет, испанский мыслитель, ученый, врач, родился в 1509 году в Вильянуэве, в Арагоне. Получил диплом врача и поселился в Париже. Посвятил себя сочинению книг по философии и теологии, в которых критиковал основы Христианской доктрины, в публичной полемике бросил вызов Парижскому университету, вынужден был бежать. Судьба столкнула Сервета с могущественным женевским богословом Кальвином. В 1553 году по доносу Кальвина он был арестован инквизицией, сумел бежать и был схвачен вторично в Женеве. Историю смерти Сервета изложил, как всегда с поразительным психологическим мастерством, Стефан Цвейг:

«Изолированный в своей темнице от всего света, Сервет недели и недели предается экзальтированным надеждам. По своей природе крайне подверженный фантазированию и, кроме того, еще сбитый с толку тайными нашептываниями своих мнимых друзей, он все более и более одурманивается иллюзией, что уже давно убедил судей в истинности своих тезисов и что узурпатор Кальвин не сегодня — завтра под ругательства и проклятия будет с позором изгнан из города. Тем более ужасным является пробуждение Сервета, когда в его камеру входят секретари Совета, и один из них с каменным лицом, обстоятельно, развернув пергаментный список, зачитывает приговор. Как удар грома разражается этот приговор над головой Сервета. Словно каменный, не понимая, что произошло нечто чудовищное, слушает он объявляемое ему решение, по которому его уже завтра сожгут заживо как богохульника. Несколько минут стоит он, глухой, ничего не понимающий человек. Затем нервы истязаемого человека не выдерживают. Он начинает стонать, жаловаться, плакать, из его гортани на родном испанском языке вырывается леденящий душу крик ужаса. „Misericordia!“ („Милосердия!“). Его бесконечно уязвленная гордость полностью раздавлена страшным известием: несчастный, уничтоженный человек неподвижно смотрит перед собой остановившимися глазами, в которых нет искры жизни.

И упрямые проповедники уже считают, что за мирским триумфом над Серветом придет триумф духовный, что вот-вот можно будет вырвать у него добровольное признание в своих заблуждениях.

Но удивительно: едва проповедники слова Божьего касаются сокровеннейших фибр души этого почти мертвого человека — веры, едва требуют от него отречения от своих тезисов, мощно и гордо вспыхивает в нем прежнее его упорство. Пусть судят его, пусть подвергают мучениям, пусть сжигают его, пусть рвут его тело на части — Сервет не отступится от своего мировоззрения ни на дюйм… Резко он отклоняет настойчивые уговоры Фареля, спешно приехавшего из Лозанны в Женеву, чтобы вместе с Кальвином отпраздновать победу. Сервет утверждает, что земной приговор никогда не решит, прав человек в божеских вопросах или не прав. Убить — не значит убедить».

Перед смертью Сервет попросил свидания со своим обвинителем — Кальвином. Не для того, чтобы просить о помиловании, а чтобы просить о прощении в подлинно христианском смысле (прощении души, а не тела). Кальвин оказался настолько напыщенно высокомерным, что фактически не понял, о чем идет речь. Он по-прежнему требовал, чтобы Сервет признал его богословскую правоту, ну а христианского примирения меж ними быть не может.

Этот приговор был приведен в исполнение 27 октября 1553 года.

«Конец ужасен, — пишет Цвейг. — 27 октября в одиннадцать утра приговоренного выводят в лохмотьях из темницы. Впервые за долгое время и в последний раз глаза, на веки вечные отвыкшие от света, видят небесное сияние; со всклокоченной бородой, грязный и истощенный, с цепями, лязгающими на каждом шагу. Идет, шатаясь, обреченный, и на ярком осеннем свету страшно его пепельное одряхлевшее лицо. Перед ступенями ратуши палачи грубо, с силой толкают с трудом стоящего на ногах человека… — он падает на колени. Склоненным обязан он выслушать приговор, который заканчивается словами:

„Мы, синдики, уголовные судьи этого города, вынесли и излагаем письменно наше решение, согласно которому тебя, Мигель Сервет, мы приговариваем в оковах быть доставленному на площадь Шампань, привязанному к столбу и заживо сожженному вместе с твоими книгами, писанными и печатанными тобой до полного испепеления. Так должен ты закончить свои дни, чтобы дать предостерегающий пример всем другим, кто решится на такое же преступление“.

Дрожа от нервного потрясения и холода, слушает приговоренный решение суда. В смертельном страхе подползает он на коленях к членам магистрата и умоляет их о малом снисхождении — быть казненным мечом, с тем, чтобы „избыток страданий не довел его до отчаяния“. Если он и согрешил, то сделал это по незнанию; всегда у него была только одна мысль — способствовать Божьей славе. В этот момент между судьями и человеком на коленях появляется Фарель. Громко спрашивает он приговоренного к смерти, согласен ли тот отказаться от своего учения, отрицающего триединство, в этом случае он получит право на более милосердную казнь. Но… Сервет вновь решительно отказывается от предложенного торга и повторяет ранее сказанные им слова, что ради своих убеждений готов вытерпеть любые муки.

Теперь предстоит трагическое шествие. И вот оно двинулось. Впереди, охраняемые лучниками, идут сеньор лейтенант и его помощник, оба со знаками отличия; в конце процессии теснится вечно любопытная толпа. Весь путь лежит через город мимо бесчисленных, робко и молчаливо глядящих зрителей; не унимается идущий рядом с осужденным Фарель. Беспрерывно, не умолкая ни на минуту, уговаривает он Сервета в последний час признать свои заблуждения… И услышав истинно набожный ответ Сервета, что, хотя ему мучительно тяжело принимать несправедливую смерть, он молит Бога быть милосердным к его, Сервета, обвинителям, догматик Фарель приходит в неистовство. „Как! Совершив самый тяжкий из возможных грехов, ты еще оправдываешься? Если ты и впредь будешь так же себя вести, я предам тебя приговору Божьему и покину, а ведь я решился было не покидать тебя до последнего твоего

вздоха“.

Но Сервет уже безмолвен. Ему противны и палачи, и спорщики: ни слова более с ними. Беспрестанно, как бы одурманивая себя, бормочет этот мнимый еретик, этот человек, якобы отрицающий существование Бога: „О Боже, спаси мою душу, о Иисус, сын вечного Бога, прояви ко мне милосердие“ Затем, возвысив голос, просит он окружающих вместе с ним молиться за него. Даже на площади, где должна свершиться казнь, в непосредственной близости от костра, он еще раз становится на колени, чтобы сосредоточиться на мыслях о Боге. Но из страха, что этот чистый поступок мнимого еретика произведет на народ впечатление, фанатик Фарель кричит толпе, указывая на благоговейно склонившегося (Сервета):

„Вот вы видите, какова сила у сатаны, схватившего в свои лапы человека! Еретик очень учен и думал, вероятно, что вел себя правильно. Теперь же он находится во власти сатаны, и с каждым из вас может случиться такое!“ Между тем начинаются отвратительные приготовления. Уже дрова нагромождены возле столба, уже лязгают железные цепи, которыми Сервета привязывают к столбу, уже палач опутал приговоренному руки, тихо вздыхающему „Боже мой. Боже мой!“

К Сервету в последний раз пристает Фарель, громко выкрикивая жестокие слова:

„Больше тебе нечего сказать?“ Все еще надеется упрямец, что при виде места своих последних мучений Сервет признает истину Кальвина единственно верной.

Но Сервет отвечает:

„Могу ли я делать иное, кроме как говорить о Боге?“

Обманутый в своих ожиданиях, отступается Фарель от своей жертвы. Теперь очередь страшной работы другого палача — палача плоти. Железной цепью Сервет привязан к столбу, цепь обернута вокруг истощенного тела несколько раз. Между живым телом и жестко врезавшимися в него цепями палачи втискивают книгу и ту рукопись, которую Сервет некогда послал Кальвину, чтобы иметь от него братское мнение о ней; наконец, в издевку надевают ему позорный венец страданий — венок из зелени, осыпанной серой. Этими ужасными приготовлениями работа палача завершена. Ему остается лишь поджечь груду дров, и убийство начнется.

Пламя вспыхивает со всех сторон, раздается крик ужаса, исторгнутый из груди мученика, на мгновение люди, окружающие костер, отшатываются в ужасе. Вскоре дым и огонь скрывают страдания привязанного к столбу тела, но непрерывно из огня, медленно пожирающего живое тело, слышны все более пронзительные крики нестерпимых мук и, наконец, раздается мучительный, страстный призыв о помощи:

„Иисус, сын вечного Бога, сжалься надо мной!“

Полчаса длится эта неописуемо жуткая агония смерти. *12 Муки Сервета длились два часа, ветер все время отдувал от него пламя. «Дайте мне умереть! — кричал Сервет с костра — Сто дукатов отобрали у меня в тюрьме, неужто не хватило на дрова».* Затем огонь, насытившись, спадает, дым рассеивается, и на закоптелом столбе видна висящая в раскаленных докрасна цепях черная, чадящая, обуглившаяся масса, мерзкий студень, ничем не напоминающий человеческое существо. Только что мыслящее,

страстно стремящееся к вечному земное существо, думающая частичка божественной души превратилась в страшную, противную, зловоннуюмассу.

Кальвин на казни не присутствовал. Он предпочел остаться дома, в своем рабочем кабинете».

Книга, сгоревшая вместе с Серветом, вышла в свет за несколько месяцев до казни во Вьенне, во Франции. Название ее было «Восстановление христианства». Распространиться она не успела. Палачи сожгли весь тираж, и долгое время считалось, что произведение не сохранилось. Однако спустя много лет один экземпляр был обнаружен в Англии. Книга переходила из рук в руки, пока не была приобретена парижской национальной библиотекой.

На том месте, где сгорел Сервет, в 1903 году протестанты поставили ему памятник.

ДЖЕЙН ГРЕЙ

Вы скажете, что это не развлечение, а бойня. Слушайте же, чем все это кончилось.

Барон фон Вимфен. «Мемуары»

1553 год. Король Эдуард VI умер в летнюю ночь в Гринвичском дворце так тихо и спокойно, что факт его смерти можно было скрывать всю эту ночь и весь следующий день. Требовалось лишь не разглашать о смерти Эдуарда прежде, чем Мария, дочь Генриха VIII от первого брака, будет заточена в Лондонской Башне и все будет готово для провозглашения королевой леди Джейн Грей.

Когда стало ясно, что Эдуард умирает, Совет послал за Марией, и она уже находилась в 25 милях от Гринвича. Как только король умер, лорд герцог Дадли отправил за ней своего сына сэра Роберта с отрядом конной стражи.

Сам Дадли отправился в Сион, свой загородный дом на Темзе, куда уже привезли юную леди Джейн — в ту пору ей было семнадцать лет. Прибыв туда в лодке, леди Джейн не застала там никого. Дом был еще пуст, но вскоре начали съезжаться великие лорды: сам герцог Дадли — президент Совета, Вильям Пар, маркиз Нортгэмптон, Франциск Гастингс граф Гунтингтон, Вильям Герберт граф Пемброк, граф Арундель, с ними прибыли герцогиня Нортумберленд и маркиза Нортгэмптон Арундель и Пемброк первые преклонили колени перед леди Джейн и поцеловали ей руку, приветствуя как королеву. Впрочем, они же первые и предали ее, перейдя на сторону Марии.

Джейн упала в обморок, когда ее провозгласили королевой: она любила Эдуарда как брата. Ей объявили, что она королева по воле Эдуарда, согласно актам о престолонаследии. Тогда леди Джейн встала и сказала всем собравшимся лордам, что никогда не мечтала о величии, но если ей суждено царствовать, то она просит божьего благословения на управление страной во славу Бога и на пользу своего народа.

Весь следующий день она оставалась в Сионе, герцог Дадли в это время раздавал приказы и действовал как лорд-протектор. В эту ночь должно было окончиться межцарствие и начаться новое царствование.

Первый день правления Джейн

В пять часов вечера объявили о смерти короля и огласили его последнюю волю. Джейн провозгласили королевой. После ужина, когда

королева удалилась в свои покои, маркиз Винчестер, лорд казначей, принес ей королевские бриллианты и корону, которую он просил ее примерить. Джейн ответила, что ей впору. Тогда Винчестер спросил, когда она прикажет заказать другую корону? Для кого? Для лорда Гильфорда, ее мужа, — отвечал маркиз.

«Корона, — сказала 17-летняя леди Джейн, — не игрушка для мальчиков и девочек».

Она не могла сделать его королем: возвести в сан имел право только парламент.

Лорд Гильфорд расплакался и вышел из ее комнаты.

Второй день

Дурные вести пришли из восточных графств. Лорд Роберт не сумел захватить Марию. Изменник Арундель поспешил уведомить Марию о смерти короля, и она скрылась. Принцесса Мария заперлась в Кенингском замке на реке Вавене, провозгласила себя там королевой и разослала письма во все графства и города, призывая к себе на помощь свой верный народ.

Третий день

В среду утром, пока лорды сидели в Совете вместе с королевой Джейн, были получены известия о том, что Мария находится в Кенингском замке и на помощь ей спешит много союзников.

Все предсказывало, что наступит жестокая борьбы между дворянами и простолюдинами Англии: сквайры и народ стояли за королеву Марию, а графы и герцоги за королеву Джейн. Лорд Дадли по просьбе Совета возглавил войско, которое послали против королевы Марии.

Четвертый день

Лорд Дадли собрал войско.

Пятый день

Дадли торжественно выступил из Лондона во главе первого отряда в 600 человек со многими орудиями и блестящим штабом. Мария не стала ожидать его прихода, она предпочла бежать, и за один день преодолела 40 миль. В дороге она едва не попалась в плен неприятельскому отряду под предводительством сэра Роберта, но нескольких ее слов было достаточно, чтобы побудить весь отряд перейти на ее сторону. Многие знатные дворяне в тот день встали на защиту королевы Марии.

Шестой день

Чем дальше углублялся лорд Дадли в восточную Англию, тем упорнее становилось сопротивление местных жителей. Мария была теперь в Фамлингамском замке. Несколько кораблей, посланных арестовать Марию, перешли на ее сторону и доставили ей оружие и продовольствие. Дадли послал в Лондон за свежими войсками, поспешно двинулся вперед и занял к ночи Кембридж.

Седьмой день

Пемброк и Винчестер пытались тайком покинуть леди Джейн, первого схватили, но последний успел скрыться. Лорды покидали Джейн, как крысы покидают тонущий корабль.

Восьмой день

В Королевском совете не было согласия. Англия тоже разделилась. Джейн сочувствовали, но все же большинство народа стояло за Марию.

Девятый день

Королевский совет отступился от Джейн. Только Крамнер и Грей — ее отец — остались ей верны. Армию также точила измена. На дороге в Бюрн солдаты Дадли ворвались к нему и принудили его отступить к Кембриджу, который был уже занят сторонниками Марии.

На следующий день Совет оставил Джейн в Башне одну; Мария была провозглашена королевой. Девятидневное царствование кончилось. Когда стрелки явились к воротам Лондонской Башни, требуя впустить их именем королевы Марии, лорд Грей, отец леди Джейн, отдал им ключи и бросился в покои своей дочери. Королева сидела на троне под балдахином.

«Сойди, дитя мое, — воскликнул несчастный герцог, — здесь тебе не место». Джейн давно уже этого ожидала и сошла со своего трона, ни разу не вздохнув, не проронив ни слезинки.

На следующий день Джейн была взята под стражу и помещена с двумя своими фрейлинами в Башню. Ее муж, Гильфорд, жил в соседней комнате и утешался в долгие часы своего заточения, вырезая на стене имя своей низложенной королевы.

Джейн горько оплакивала судьбу своего несчастного отца, который из любви к ней дошел до плахи. Гильфорда она знала до свадьбы лишь несколько дней, вышла замуж из послушания родительской воле и никогда не была его женой в полном смысле этого слова.

Родственники и советники Джейн почти все мало-помалу перешли в католическую веру. Через семь месяцев после того, как кончилось девятидневное правление, Мария решила передать Джейн в руки палача.

Королева призвала к себе отца Феккенгэма и поручила ему объявить леди Джейн смертный приговор, употребив все усилия, чтобы спасти ее душу. Он говорил Джейн о вере, о свободе, о святости, но она была лучше него знакома со всеми этими вопросами, кротко попросила позволить ей провести немногие часы своей жизни в молитве.

Обратить Джейн в католичество за один день — это было невозможно. Для спасения ее души необходимо было отложить казнь, назначенную на пятницу — Феккенгэм настоял, чтобы королева отложила казнь.

Джейн огорчила дарованная ей отсрочка смертной казни — умирать ей не хотелось, в семнадцать лет никому не хочется умирать, но она не желала, чтобы королева подарила ей лишний день жизни в надежде заставить ее отступиться от своей веры. Джейн весьма холодно встретила Феккенгэма.

Узнав о плачевном результате второго свидания своего духовника с заключенной, Мария не рассвирепела. Она приказала подготовить смертный приговор и послала за Греем, который находился в заключении внутри страны. Мария не смогла заставить Джейн отступиться от веры и подвергла ее жестоким душевным мукам: она велела казнить Гильфорда и провезти его труп мимо окон темницы Джейн, она воздвигла плаху для несчастной Джейн в виду ее окон и заставила лорда Грея присутствовать при казни дочери, она запретила пастору готовить Джейн к смерти. Священники, которых королева Мария послала в Лондонскую Башню, оказались самыми жестокими мучителями леди Джейн; они насильно

ворвались к ней и не оставляли ее до самой смерти.

Рано утром, до рассвета, под ее окнами раздался стук молотков: то были плотники, воздвигавшие эшафот, на котором леди Джейн Должна была умереть. Взглянув в сад, Джейн увидела роту стрелков и копейщиков, увидела Гильфорда, которого вели на казнь. Она села у окна и начала спокойно ждать. Прошел час, долгий час, и вот до ее слуха донесся стук колес по мостовой. Она знала, что то была телега с телом Гильфорда, и встала, чтобы проститься с мужем.

Через несколько минут Феккенгэм пришел за ней. Обе ее фрейлины громко рыдали и едва волочили ноги; Джейн вся в черном, с молитвенником в руках, спокойно вышла к эшафоту, прошла по лужайке мимо выстроенных строем солдат, поднялась на эшафот и, обратившись к толпе, тихо произнесла: «Добрые люди, я пришла сюда умереть. Заговор против ее величества королевы был беззаконным делом; но не ради меня оно совершено, я этого не желала. Торжественно свидетельствую, что я не виновна перед Богом. А теперь, добрые люди, в последние минуты моей жизни не оставьте меня вашими молитвами».

Она опустилась на колени и спросила у Феккенгэма, единственного духовного лица, которому Мария дозволила присутствовать при казни Джейн: «Могу я произнести псалом?»

«Да», — пробормотал он.

Тогда она внятным голосом проговорила: «Помилуй меня, Господи, по вещей милости твоей, по множеству щедрот твоих очисти меня от беззаконий моих». Окончив чтение, она сняла перчатки и платок, отдала их фрейлинам, расстегнула платье и сняла вуаль. Палач хотел помочь ей, но она спокойно отстранила его и сама завязала себе глаза белым платком. Тогда он припал к ее ногам, умоляя простить его за то, что он должен был совершить. Она прошептала ему несколько теплых слов сострадания и потом громко сказала: «Прошу вас, кончайте скорее!» Она опустилась на колени перед плахой и стала искать ее руками. Солдат, стоявший возле нее, взял ее руки и положил куда следовало. Тогда она склонила голову на плаху и произнесла: «Господи, в руки твои передаю Дух мой», и умерла под секирой палача.

ТОМАС КРАНМЕР, АРХИЕПИСКОП КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ

Князь не должен бояться, что его ославят безжалостным, если ему надо удержать своих подданных в единстве и верности.

Никколо Маккиавелли. «Государь»

В течение двух десятилетий архиепископу Кентерберийскому, ревностному слуге тюдоровской тирании, удавалось обходить подводные камни, угрожавшие его карьере и жизни. Всякий раз люди, в руках которых находилась власть, предпочитали пользоваться услугами Кранмера, чем отправлять его на эшафот с очередной партией потерпевших поражение в придворных и политических интригах. И Кранмер, который вовсе не был просто честолюбивым карьеристом или ловким хамелеоном (хотя ему было присуще и то и другое), с готовностью приносил своих покровителей, друзей и единомышленников в жертву долгу. А долгом было для него защитить любой ценой королевское верховенство и в светских и в церковных делах, обязывать подданных беспрекословно повиноваться монаршей воле. Кранмер благословлял и казнь своей покровительницы

Анны Болейн, и своего благодетеля Томаса Кромвеля, и расправу с Екатериной Говард — ставленницей враждебной ему фракции, и заключение в Тауэр своего противника Норфолка. Одобрял и казнь лорда Сеймура, пытавшегося захватить власть при малолетнем Эдуарде VI, и близкого Кранмеру лорда-протектора Сомерсета, который послал в 1548 году на плаху Сеймура и сам в 1552 году взошел на эшафот, побежденный Уориком, герцогом Нортумберлендским. И того же герцога Нортумберлендского, когда после смерти Эдуарда VI в 1553 году он пытался возвести на престол кузину короля Джейн Грей и был побежден сторонниками Марии Тюдор (дочери Генриха VIII от его первого брака с Екатериной Арагонской).

Кранмер санкционировал казнь вождей народных восстаний, исповедовавших католичество священников, хотя их взгляды почти открыто разделяли многие приближенные к трону, лютеранских и кальвинистских пасторов, часто проповедовавших как раз то, что архиепископ в глубине души считал более правильным, чем воззрения официальной государственной церкви, и вообще всех тех, кто в чем-либо сознательно или случайно отклонялся от англиканской ортодоксии. Кранмер положил жизнь на утверждение в стране англиканской (протестантской) церкви, но когда умерли Генрих VIII и Эдуард VI, на престол взошла Мария Тюдор, прозванная впоследствии Кровавой, и восстановила в Англии католицизм. Кранмер был обвинен в государственной измене и заключен в тюрьму. Конечной целью королевы было отлучение «еретика» от церкви и его казнь. С ее благословения организовали диспут в Оксфорде между Кранмером и католическими богословами, результат которого был предрешен — университетские теологи проигравшим признали архиепископа. Ему предоставили 80 дней для апелляции к папе римскому, но при этом почему-то «забыли» выпустить из тюрьмы. Папа, который когда-то утвердил архиепископский сан Кранмера, теперь его этого сана лишил.

«И тут случилось неожиданное, — писал историк, — Кранмер, долго проявлявший непреклонность, вдруг капитулировал. Несколько раз под давлением осаждавших его испанских прелатов (Мария Тюдор была обручена с испанским принцем Филиппом) Кранмер подписывал различные „отречения“ от протестантизма, то признавая свои прегрешения, то частично беря назад уже сделанные признания. Обреченный на смерть старик руководствовался не только страхом за свою жизнь, хотя его отречение от протестантизма, быть может, и было продиктовано надеждой на помилование и взято обратно, когда эта надежда не оправдалась. Он был готов принять смерть протестантом, как это бесстрашно сделали его единомышленники Латимер и Ридли. Но он был согласен умереть и католиком, если это, как ему вдруг показалось, приведет к спасению души. Подготовив и подписав многочисленные экземпляры своего очередного, наиболее решительного покаяния, Кранмер в ночь перед казнью составил два варианта своей предсмертной речи — католической и протестантской. Уже на плахе он предпочел последний вариант. Более того, он нашел в себе силы, чтобы сунуть в огонь свою правую руку, написавшую многочисленные отречения. Протестанты очень восхищались этим мужеством на эшафоте, тогда как несколько обескураженные

католические авторы разъясняли, что Кранмер не совершил ничего героического: ведь эта рука все равно была бы сожжена через несколько минут».

Как бы то ни было, утром 21 марта 1556 года Кранмер с большим мужеством и достоинством принял смерть на костре. Когда огонь погас, палачи стали ворошить золу. В ней отыскались несгоревшие части тела бывшего архиепископа. Враги Кранмера использовали это для очередного очернения — они стали утверждать, что не сгорело сердце еретика — оно, мол, было слишком пропитано пороками. Через два года после смерти Марии Тюдор престол перешел к Елизавете I, дочери Генриха VIII и Анны Болейн.

Снова восторжествовало англиканство. Однако ему еще долго пришлось вести борьбу против католической партии, выдвинувшей в качестве претендента на престол шотландскую королеву Марию Стюарт.

АДМИРАЛ КОЛИНЬИ

Иудифъ сказала им: «Послушайте меня, братья, возьмите эту голову и повесьте на зубцах вашей стены».

Иудифь

Колиньи (Гаспар де Шатильон; графъ Cohgny), сын Гаспара де Колиньи и сестры коннетабля Монморанси, родился в 1517 году. В 1537 году был представлен ко двору Франциска I, где скоро подружился с молодым герцогом Ф. Гизом. Уже в 1543 году оба они провожали короля на войну, а вскоре после этого Колиньи вступил в ряды действующей армии и сразу обратил на себя внимание, продемонстрировав мужество и талант воина, умение организовать войска, держать солдат в повиновении и одушевлять их. Во время войны с Карлом V и Генрихом VIII английскими он выказал способности и на дипломатическом поприще, сумев путем переговоров оставить за Францией Булонь. В чине адмирала он принимал участие в войне с Лотарингией, где активно способствовал завоеванию трех епископств и победе при Ренти. Последняя была причиной его разрыва, а затем и глубокой вражды с Франциском Гизом, который хотел приписать себе честь этой победы. Но особенно Колиньи прославил себя в этой войне обороной Сен-Кантена (1557), когда и был взять в плен испанцами. В плену он пробыл около двух лет. Именно в это время благодаря уединению, чтению библии и переписке с братом (д'Андело), уже принадлежавшим к реформатской церкви, Гаспар Колиньи пришел к выводу о правоте кальвинизма, присоединился к движению гугенотов и убедил сделать то же самое и свою жену. Уже в 1660 году на съезде нотаблей Колиньи открыто объявил себя кальвинистом, подав королю от имени реформаторов записку с просьбой дать им несколько церквей для богослужения. В 1562 году, во время междоусобной войны, он был помощником Конде. Эта междоусобица закончилось амбуазским миром.

Но в 1567 году гугеноты опять взялись за оружие и вели эту войну весьма успешно благодаря стратегическому искусству Конде и Колиньи, быстро занявших окрестности Парижа и Сен-Дени. Вообще, во всех религиозных войнах того времени Колиньи принимал самое деятельное участие, чем возбудил к себе глубокую ненависть всех католиков и семейства Гизов в особенности. Несколько раз со времени первой религиозной борьбы адмирал подвергался нападениям наемных убийц, но

оставался невредимым до самого августа 1572 года, даты, описанной во всех романах, посвященных королеве Маргарите Валуа и Варфоломеевской ночи. Тогда, напомним, гугеноты съехались в Париж на свадьбу Генриха Наваррского и Маргариты, родственницы короля Франции К этому времени Колиньи несколько сблизился с Карлом IX, мечтавшим с помощью адмирала, который пользовался большим уважением у реформаторов во всей Европе, присоединить к Франции Нидерланды. Великая интриганка королева-мать Екатерина Медичи увидела в этом сближении короля с адмиралом опасность для своей власти и решилась отделаться от адмирала. 22 августа, когда Колиньи поздно вечером ехал из Лувра мимо дома, принадлежавшего Гизам, из окна в адмирала выстрелил наемный убийца Моревель. Он стрелял из принадлежащей королю аркебузы (факт этот был установлен уже после знаменитой резни гугенотов) К счастью, или нет, адмирал был лишь только ранен пуля прошла по касательной, оцарапав руку и лишив адмирала двух пальцев. Гугеноты негодовали: король не сдержал своего королевского слова, свадьба Генриха Наваррского грозила обернуться не примирением, а войной. Карл оправдывался, во всем виноват злостный заговорщик и смутьян Гиз — влюбленный в Маргариту Наваррскую и органически не переваривавший гугенотов. В тот же вечер Гиз был удален из Парижа. Вечером следующего дня он тайно вернулся, и начался Варфоломеевский кошмар. Королю оставалось сделать вид, что он одобряет все происходящее.

Первой и главной задачей католиков оставалось физическое уничтожение адмирала Колиньи. Вооруженный до зубов отряд во главе с Гизом под покровом ночи проник в дом, где лежал раненый адмирал. «Гиз, проклятый убийца!» — были последние слова адмирала. Герцог Гиз собственноручно выбросил его из окна. Тело убитого адмирала католики всю ночь носили по Парижу. К утру следующего дня от Колиньи не осталось практически ничего, отдаленно напоминающего человека И все-таки королю мало было смерти адмирала и многих тысяч гугенотов Расправа горстки головорезов — это не наказание, а убийство. В то же время публичная казнь — это не роковая случайность, а сознательный акт королевского правосудия. Карл приказал казнить адмирала. Но как казнить то, что нельзя казнить? Дело в том, что в угаре Варфоломеевской ночи католики слишком вольно обошлись с телом адмирала: они лишили его головы. Находчивый Карл отдает приказ повесить адмирала за ноги.

На следующий день, когда оставшиеся в живых гугеноты были силой приведены в лоно католической церкви, а нераскаявшиеся во главе с адмиралом дружно направлялись в ад, король Карл и весь королевский двор прибыли сказать последнее «прости» адмиралу Колиньи.

«Первыми подъехали к виселице Карл IX и Екатерина, за ними герцог Анжуйский, герцог Алансонский, король Наваррский, герцог Гиз и их дворяне, дальше — королева Марго и все дамы. Составлявшие летучий эскадрон королевы-матери, еще дальше пажи, лакеи и народ; всего тысяч десять человек. На главной виселице висела какая-то бесформенная масса, обезображенный труп, почерневший, покрытый запекшейся кровью и слоем беловатой пыли. У трупа отсутствовала голова, поэтому он был подвешен за ноги. Но всегда изобретательный народ заменил голову пучком соломы и поверх него надел маску, а какой-то насмешник, знавший

привычки адмирала, всунул в рот ей зубочистку». *13 Дюма А Королева Марго. М «Мысль», 1992, с 159.* Гугеноты страдали, католики искренне наслаждались зрелищем. Король Карл сочинил адмиралу эпитафию, усилившую душевные муки новообращенных.

Вот адмирал, — когда б вы были строги,
То чести бы ему не оказали вы,
Он опочил, повешенный за ноги,
За неименьем головы

МАРИЯ СТЮАРТ

Что делает Историю? — Тела.
Искусство? — Обезглавленное тело
Иосиф Бродский. «12 сонетов к Марии Стюарт»

Мария Стюарт (1542–1587) была великой грешницей, но была и королевой, а королев нельзя наказывать наравне с простыми смертными. Стюарт правила Шотландией. На трон она взошла фактически в 1561 году и за шесть лет правления настолько настроила себя против лордов, что они обвинили ее в соучастии в убийстве ее второго мужа лорда Дарниеля. Она вышла замуж за убийцу супруга и лишилась короны. Лорды вынудили ее отречься от престола. К тому же она потеряла ребенка, ее сводный брат выступил против нее с оружием в руках, близкие ее престолу дворяне бросили ее в тюрьму парламент заклеймил ее именем убийцы. 1578 году она бежала в Англию, но там королева Елизавета бросает ее в тюрьму. Заточение ее было достаточно комфортным.

Это позволило Марии с той минуты, как она преступила английскую границу, начать творить козни против спокойствия Елизаветы. При этом она пользовалась советами и поддержкой Джона Лесли, епископаРосского.

В Лондоне у Марии не было никаких прав, так же как их не было уже у нее в Эдинбурге, ибо высшее судилище Шотландии торжественно лишило ее всех прав. К тому же в Англии она, как иностранка, была лишена всяких прав на престол актом престолонаследия.

Но все эти законы ничего не значили в глазах шотландской королевы и ее духовного советника, епископа Росского.

Из всех лордов, посланных в Йорк по шотландскому делу, Мария избрала себе в жертвы неподкупного реформатора Томаса, четвертого герцога Норфолка и Томаса Перси.

На некоторое время переход Норфолка и его партии на сторону Марии сильно повлиял на ее дела; началась переписка с брюссельскими и мадридскими дворами. В довершение всего Норфолк вообразил, что может жениться на Марии и затем возвратить ее на престол с помощью испанского золота и английских пушек. Елизавета не стала медлить: Норфолк был арестован, жизни его грозила опасность, пока Росс и Мария не начали созывать соратников, чтобы действовать в его пользу с оружием в руках.

Перси, граф Нортумберленд, восстал немедленно, к нему присоединился Чарльз Невил, граф Вестморленд. Восставшие графы решили продвигаться к Йорку, взбунтовать по дороге народ и затем идти в Дувр. Эссекс, Варвик и Клинтор напали на бунтовщиков, Невил бежал во

Фландрию, Перси был взял в плен Мурреем, Норфолка освободили из Башни, Лесли написал книгу «Защита чести Марии Стюарт, королевы шотландской», — он рассчитывал, что Рим поддержит его, папа лишит Елизавету прав на престол, а его книга подготовит католиков к такому политическому перевороту. На деле вышло не так: слабое движение английских войск в западной Шотландии побудило Лесли к преждевременному обнародованию папской грамоты. Лорды не были готовы, как лондонские горожане, и, прочитав буллу, удалились со смехом, великий заговор окончился фарсом.

В продолжении двенадцати лет Елизавета ни разу не подписала смертного приговора и до тех пор, пока не появилась в Англии Мария Стюарт и пока папа не издал своей буллы, она не допустила в английскую жизнь мрачного призрака палача и плахи.

Норфолк был казнен — на эшафоте он вспомнил, что он первый политический преступник, казнимый в царствование Елизаветы. Он умер, моля о прощении: «Я первый страдаю в царствование ее Величества! — воскликнул он. — Дай Бог, чтобы я был и последним».

Несколько дней спустя и Перси взошел на плаху в Йорке.

Установив причастие к заговору Мария Стюарт, суд также приговорил ее к смертной казни. Жизнь и смерть королевы шотландской стали благодатным материалом для многих писателей, драматургов, поэтов и, конечно, не миновали пера Стефана Цвейга, питавшего особый интерес к смертям королев. Он описывает, с какой тщательностью готовилась Мария Стюарт к казни — отбирала одежду разборчивее, чем на коронацию.

«Великолепный, праздничный наряд выбирает она для своего последнего выхода, самое строгое и изысканное платье из темно-коричневого бархата, отделанное куньим мехом, со стоячим белым воротником и пышно ниспадающими рукавами. Черный шелковый плащ обрамляет это гордое великолепие, а тяжелый шлейф так длинен, что Мелвил, ее гофмейстер, должен почтительно его поддерживать. Снежно-белое вдовье покрывало овевает ее с головы до ног.

Омофоры искусной работы и драгоценные четки заменяют ей светские украшения, белые сафьяновые башмачки ступают так неслышно, что звук ее шагов не нарушит бездыханную тишину, когда она направится к эшафоту. Королева сама вынула из заветного ларя носовой платок, которым ей завяжут глаза, — прозрачное облако тончайшего батиста, отделанное золотой каемкой, должно быть, ее собственной работы. Каждая пряжка на ее платье выбрана с величайшим смыслом, каждая мелочь настроена на общее музыкальное звучание; предусмотрено и то, что ей придется на глазах у чужих мужчин скинуть перед плахой это темное великолепие. В предвидении последней кровавой минуты Мария Стюарт надела исподнее платье пунцового шелка и приказала изготовить длинные, за локоть, огненного цвета перчатки, чтобы кровь, брызнувшая из-под топора, не так резко выделялась на ее платье». За нею пришли в восемь часов утра, но бывшая королева сначала дочитала молитвы и только потом поднялась с колен.

«Поддерживаемая справа и слева слугами, — продолжает Цвейг, — идет она, с натугой переставляя пораженные ревматизмом ноги.

Втройне оградила она себя оружием веры от приступов внезапного страха: на шее у нее золотой крест, с пояса свисает связка отделанных дорогими каменьями четок, в руке меч благочестивых — распятие слоновой кости: пусть увидит мир, как умирает королева в католической вере и за католическую веру. Да забудет он, сколько прегрешений и безрассудств отягчает ее юность и что как соучастница задуманного убийства предстанет она пред палачом. На все времена хочет она показать, что терпит муки за дело католицизма, обреченная жертва недругов-еретиков.

Не дальше, чем до порога — как задумано и условлено — провожает и поддерживают ее преданные слуги. Ибо и виду не должно быть подано, будто они соучастники постыдного деяния, будто сами они ведут свою госпожу на эшафот… От двери до подножия лестницы ее сопровождают двое подчиненных Эмиаса Паулета: только ее враги, только ее злейшие противники могут, как пособники величайшего преступления, повести венчанную королеву на эшафот. Внизу, у последней ступеньки, перед входом в большой зал, где состоится казнь, ждет коленопреклоненный Эндру Мелвил, ее гофмейстер; шотландский дворянин, он должен будет сообщить Иакову VI (шотландскому королю, сыну Марии Стюарт) о свершившейся казни. Королева подняла его с колен и обняла. Ее радует присутствие этого верного свидетеля, он укрепит в ней спокойствие духа, которое она поклялась сохранить. И на слова Мелвила: „Мне выпала самая тяжкая в моей жизни обязанность сообщить о кончине моей августейшей госпожи“ — она отвечает: „Напротив, радуйся, что конец моих испытаний близок. Только сообщи там, что я умерла верная своей религии, истинной католичкой, истинной дочерью Шотландии, истинной дочерью королей. Да простит Бог тех, кто пожелал моей смерти. И передай моему сыну, что никогда я не сделала ничего, что могло бы повредить ему, никогда ни в чем не поступилась нашими державными правами“».

Затем Мария Стюарт выпросила у графов Шрусбери и Кента право присутствовать на ее казни четырем слугам и двум женщинам.

«Сопровождаемая своими избранными и верными, а также Эндрю Мелвилом, несущим за ней ее трон, в предшествии шерифа, Шрусбери и Кента входит она в парадный зал Фотерингейского замка.

Здесь всю ночь стучали топорами. Из помещения вынесены столы и стулья. В глубине его воздвигнут помост, покрытый черной холстиной, наподобие катафалка. Перед обитой черным колодой уже поставлена скамеечка с черной же подушкой, на нее королева преклонит колени, чтобы принять смертельный удар. Справа и слева почетные кресла дожидаются графов Шусбери и Кента как уполномоченных Елизаветы, в то время как у стены, словно два бронзовых изваяния, застыли одетые в черный бархат и скрывшиеся под черными масками две безликие фигуры — палач и его подручный…

Зрители теснятся в глубине зала. Охраняемый Паулетом и его солдатами, там воздвигнут барьер, за которым сгрудились человек двести дворян, сбежавшихся со всей округи…

Спокойно входит Мария Стюарт в зал… С гордо поднятой головой она всходит на обе ступеньки эшафота… Безучастно слушает она, как секретарь снова зачитывает приговор. Приветливо, почти радостно светится ее лицо — уж на что Уингфилд ее ненавидит, а и он в донесении

Сесилу не может умолчать о том, что словам смертного приговора она внимала, как будто благой вести. Но ей еще предстоит жестокое испытание… Протестантским лордам важно не допустить, чтобы ее прощальный жест стал пламенным „верую“ ревностной католички; еще и в последнюю минуту пытаются они мелкими злобными выходками умалить ее царственное достоинство. Не раз на коротком пути из внутренних покоев к месту казни она оглядывалась, ища среди присутствующих своего духовника, в надежде, что он хотя бы знаком отпустит ее прегрешения и благословит ее». Вместо духовника королевы у эшафота появился протестантский священник из Питерсбороу доктор Флетчер. Он начал долгую и скучную проповедь, которую королева то и дело прерывает. «Три или четыре раза, — продолжает Цвейг, — просит она доктора не утруждать себя», но он «знай, бубнит свое, и тогда, не в силах прекратить это гнусное суесловие, Мария Стюарт прибегает к последнему средству: в одну руку, словно оружие, берет распятие, в другую — молитвенник и, пав на колени, громко молится по латыни, чтобы священными словами заглушить елейное словоизвержение».

Еще раз целует она распятие, осеняет себя крестным знамением и говорит: «О милосердный Иисус, руки твои, простертые здесь на кресте, обращены ко всему живому, осени же и меня своей любящей дланью и отпусти мне мои прегрешения Аминь».

По средневековому обычаю, палач и его помощник склоняют колена перед Марией Стюарт и просят у нее прощения за то, что вынуждены уготовать ей смерть. И Мария Стюарт отвечает им:

«Прощаю вас от всего сердца, ибо в смерти я вижу разрешение всех моих земных мук»…

Между тем обе женщины раздевают Марию Стюарт. Она сама помогает им снять с шеи цепь. При этом руки у нее не дрожат, и, по словам ее злейшего врага Сесила, она «так спешит, точно ей не терпится покинуть этот мир». Едва лишь черный плащ и темные одеяния падают с ее плеч, как под ними жарко вспыхивает пунцовое исподнее платье, а когда прислужницы натягивают ей на руки огненные перчатки, перед зрителями словно всполохнулось кроваво-красное пламя — великолепное, незабываемое зрелище. И вот начинается прощание. Королева обнимает прислужниц, просит их не причитать и не плакать навзрыд. И только тогда преклоняет она колена на подушку и громко, вслух читает псалом. А теперь ей осталось немногое уронить голову на колоду, которую она обнимает руками, как возлюбленная своего загробного жениха.

До последней минуты Мария Стюарт сохраняла королевское величие. Ни в одном движении, ни в одном ее слове не проглядывал страх. Дочь Тюдоров, Стюартов и Гизов достойно приготовилась умереть.

Сперва палач промахнулся, его первый удар пришелся не по шее, а глухо стукнул по затылку. Сдавленное хрипение, глухие стоны вырвались у страдалицы.

Второй удар глубоко рассек шею, фонтаном брызнула кровь. И только третий удар отделил голову от туловища. И еще одна страшная подробность: когда палач схватил голову за волосы, чтобы показать ее зрителям, рука его удержала только парик.

Голова вывалилась и, вся в крови, с грохотом, точно кегельный шар, покатилась по деревянному настилу. Когда же палач наклонился и высоко ее поднял, все оцепенели перед ними было призрачное видение — стриженая седая голова старой женщины.

Эта казнь вызвала шок во всех царствующих домах Европы. Публичным судом и казнью коронованной особы Елизавета низвела в глазах всего мира королей до простых граждан и тем самым проторила дорогу другим королям на эшафот.

ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

Инквизиция — огонь — выражение адских мук. Человек средневековья пропитан мыслью о смерти.

Хейзинга. «Осень средневековья»

16-е и 17-е столетия были временем преследования ведьм. В Германии процессы над ними начались сравнительно позже, чем в других странах, но по количеству казненных ведьм она превзошла всех.

Почти в каждой области Германии, в особенности в тех, где преобладало клерикальное влияние, преследователи ведьм в буквальном смысле неистовствовали.

В Эльбинге в 1590 году на протяжении восьми месяцев состоялось 65 процессов. В Брауншвейге было сложено столько костров на площади казни, что современники сравнивали это место с сосновым лесом. В течение 1590–1600 годов были дни, когда сжигали по 10–12 ведьм в день. Магистрат города Нейссе соорудил особую печь для сжигания ведьм, в которой были сожжены в 1651 году 22 женщины. Во всем княжестве Нейссе в течение девяти лет были сожжены более тысячи ведьм среди них были и дети в возрасте от двух до четырех лет. Свободный имперский город Линдгейм в 1631–1633, 1650–1653 и 1661 годы отличался особенно жестокими преследованиями ведьм. Подозреваемых бросали в ямы, «башни ведьм», и, не допуская никакой защиты, пытали до тех пор, пока они не сознавались.

В триерском епископстве с 1587 по 1593 год, во время епископства Иоанна, в 22 деревнях, прилегавших к Триеру, были сожжены 368 человек. В 1585 году после одного большого процесса в двух селениях уцелели только два человека. Город Легамо за обилие процессов против ведьм приобрел название «гнездо ведьм». В бамбергском епископстве, начиная с 1625 года по 1630-й, были сожжены более 900 человек.

В одном сочинении, изданном в 1659 году, говорится о распространении в стране колдовства следующее: «Между осужденными находились канцлер доктор Горн, его сын, жена и дочери, также много знатных господ и некоторые члены совета, и даже многие лица, заседавшие с епископом за одной трапезой. Они все сознались, что их более чем 1200 человек, связанных между собой служением дьяволу, и что, если бы их колдовство и дьявольское искусство не были открыты, то они сделали бы, чтобы в течение четырех лет во всей стране погиб весь хлеб и все вино, так что люди от голода съедали бы друг друга. Другие сознавались, что они производили такие сильные бури, что деревья с корнем вырывались и большие здания обрушивались и что они хотели вызвать еще более сильные бури, чтобы обрушить Бамбергскую башню и т. д. Между ведьмами находились и девочки семи, восьми, девяти и десяти

лет от роду; 22 девочки были осуждены и казнены, проклиная своих матерей, научивших их дьявольскому искусству. Колдовство до такой степени развилось, что дети на улице и в школах учили друг друга колдовать».

Процессы проходили удивительно быстро, судопроизводство было максимально упрощено. Подсудимые допрашивались по 8-10 человек вместе, и их признания записывались в одном протоколе, причем для краткости они назывались не по именам, а по номерам: № 1, № 2, № 3, и сжигались на одном костре по 8-10 человек.

В Вюрцбургском епископстве множество лиц подвергалось такому же преследованию. С 1627 по 1629 год были сожжены более 200 человек разного возраста и пола по обвинению в колдовстве. Среди казненных находились: канцлер с женой и дочерьми, член городского совета, самый толстый горожанин Вюрцбурга, два пажа, самая красивая девица Вюрцбурга, студент, говоривший на многих языках и притом бывший отличным музыкантом, директор госпиталя, два сына и дочь, а также жена городского советника, три церковных регента, 14 духовных лиц, один доктор теологии, одна толстая дворянка, одна слепая девушка, девочка девяти лет, ее младшая сестра, их мать и т. д. В архиепископстве Кельнском со второй половины 16-го столетия преследование ведьм начало свирепствовать с силой урагана, вырывая из каждой семьи по нескольку членов и проникая во все слои общества. Особенно много людей сожжено в Бонне. В одном частном письме мы читаем: «У нас (в Бонне) сильно жгут. Нет сомнения, что половина города падет жертвой. Тут уже сжигали профессоров, кандидатов прав, пасторов, каноников, викариев и других духовных лиц. Канцлер со своей женой и жена тайного секретаря казнены, 7-го сентября сожгли 19-летнюю девушку, любимицу епископа, которая считалась самой красивой, самой благонравной во всем городе. Девочки от трех до четырех лет уже находятся в связи с дьяволом. Тут сжигали многих мальчиков от девяти лет».

В Виртемберге в 1673 году началась эпидемия среди детей. Дети в возрасте 7-10 лет вообразили себе, что ночью их возят на метлах, козлах, курицах, кошках на шабаш и там заставляют есть, пить и отрицать Троицу. Охваченное ужасом население предалось унынию, и потому была вызвана комиссия из теологов и юристов для исследования этого явления.

Комиссия предписала зорко следить за детьми в течение всего ночного времени, чтобы проверить, не улетают ли они действительно, когда все спят. Оказалось, что дети находятся в своих кроватях или в объятиях своих родителей постоянно, не просыпаясь и никуда не исчезая.

Приняв во внимание все факты этого дела, комиссия решила, что это наваждение одной ведьмы, ее и приговорили к сожжению вместе с другими, которых она оговорила.

В апреле 1663 года Агнесса, жена Ганса Генше, ткача, была арестована по подозрению в колдовстве и отвезена в Эслийген. Однажды она была где-то на крестинах, на стол вдруг вскочила черная кошка, и женщина одна из всех гостей не испугалась и даже пила из своего стакана, в который кошка сунула свою лапку. У нее нашли мешочек с подозрительным порошком. Медицинский факультет в Тюбингене, исследовав его, установил, что это не что иное, как крахмальная мука. Под

пыткой фрау Генше созналась, что имела некоторое отношение к приписываемым ей элементам колдовства, надеясь таким образом поскорее увидеть своего мужа и детей. Потом она отреклась от своих слов, выдержала все высшие степени пытки и была выпущена с условием, что навсегда покинет страну.

Она действительно уехала, но не смогла перенести тоски по родине и вернулась. Ее снова арестовали, секли розгами и вновь препроводили из страны с предупреждением, что ее сожгут, если она осмелится еще раз вернуться. В Эльзасе костры инквизиции начали дымиться с 1570 года. В течение 1572–1620 годов были сожжены 136 ведьм, но это было только начало последовавшего после 1620 года массового преследования. В течение 1620–1635 годов в одном Страсбургском округе погибли 5000 человек. Австрия в конце XVII века была переполнена ведьмами.

В архивах города Аисбург сохранились протоколы по делам о колдовстве. Вот один из них. «15 апреля 1661 года Анна предалась душою и телом дьяволу, который явился к ней в образе мужчины, по его приказанию отрицала Св. Троицу, богохульствовала и оскверняла Св. Таинство; при помощи колдовских средств умертвила ребенка и этими же средствами причинила другому порчу. За такие тяжкие и отвратительные преступления постановляется, чтобы она была посажена на повозку и отвезена к месту казни для сожжения на костре, причем предварительно оба плеча должны быть прижигаемы раскаленными щипцами, по одному разу каждое плечо. Но, так как она раскаялась, постановляется оказать ей милость и отрубить голову мечом и после тело ее сжечь — таков приговор; учитывая ее слабое здоровье и глубокий возраст, был еще более смягчен, а именно: она была освобождена от прижигания раскаленными щипцами».

В Зальцбурге в 1678 году были сожжены 97 человек.

В 1583 году одна 16-летняя девушка, страдавшая конвульсиями, была признана одержимой бесом и передана иезуитам для изгнания их. Святые отцы энергично взялись за дело, но борьба с дьяволом оказалась очень трудной. Наконец они преодолели хитрости дьявола, и им удалось изгнать из тела девушки 12 655 чертенят. После этого была подвергнута пытке ее старая 70-летняя бабушка Елизавета Пленахерин, которая созналась, что уже много лет находится в связи с дьяволом и ездит на шабаш, что она делает непогоды и т. д. Ее осудили и поволокли к месту казни, привязанной веревками к хвосту лошади, и сожгли заживо. В Вене в 1601 году были осуждены две ведьмы, из которых одна покончила в тюрьме самоубийством, а другая умерла во время пыток. Труп последней был законопачен в бочке и брошен в Дунай, «дабы она была удалена от населения Вены».

В Венгрии в 1615 году погибло огромное количество ведьм вследствие возникшего предположения, что они имеют намерение дьявольским искусством вызывать сильный град и уничтожать посевы. Об этом случае в хрониках рассказывается следующее: «Одна 12-летняя девочка, гуляя со своим отцом и слушая его жалобы на засуху, сказала ему, что, если он хочет, она может вызвать дождь и град. Когда он спросил ее, кто ее научил этому, она указала на свою мать.

В это время действительно разразилась страшная гроза с градом. Отец донес об этом, после чего мать и дочь были арестованы и

подвергнуты пытке. Они сознались в своем преступлении и оговорили многих других, которые также были привлечены к следствию. Дело было в высшей степени опасное, потому что, если бы вовремя не открыли его, в короткое время не осталось бы в Венгрии от всех посевов и плодов даже следа».

Во Франции в правление Генриха IV ведьм в основном обвиняли в оборотничестве. Один из иезуитов того времени писал в 1594 году: «Наши тюрьмы переполнены ведьмами и колдунами. Не проходит дня, чтобы наши судьи не запачкали своих рук в их крови и чтобы мы, возвращаясь домой, не содрогались от печальных мыслей об ужасных, отвратительных вещах, в которых эти ведьмы признаются. Но дьявол так искусен, что мы не успеваем достаточно большое количество ведьм отправить на костер, как из их пепла возникают новые ведьмы».

В 1609 году была назначена комиссия для преследования ведьм в стране басков. За короткое время там были сожжены 600 человек. В Тулузе были дни, когда сжигались на кострах по 400 ведьм в день. Инквизиция свирепствовала на всем юге Франции. Де Ланкру пришла мысль, что распространение колдовства около Бордо связано с большим количеством фруктовых садов, так как «очень хорошо известно, что дьявол имеет особую силу над яблоками».

В Испании преследование ведьм продолжалось дольше, чем во всех остальных странах Европы. В 1527 году по оговору двух девочек девяти и одиннадцати лет было осуждено огромное количество ведьм, которые были изобличены в колдовстве благодаря усмотренному инквизиторами в их левом глазу особому знаку. Еще в 1810 году 7 и 8 ноября были сожжены 11 человек.

В Швеции известен ужасный процесс, который происходил в небольшом селении в 1669 году, вследствие чего погибла масса детей. Процесс начался из-за того, что у многих детей той местности наблюдались странные судороги, сопровождавшиеся обморочным состоянием. Во время этих припадков дети рассказывали, что они часто вместе с ведьмами летают на шабаш и там сатана их бьет, отчего и приключилась с ними эта болезнь.

Эти рассказы детей навели ужас на население, и в народе появилось большое раздражение против многих женщин, заподозренных в том, что они наводят на детей порчу.

По просьбе жителей правительство назначило специальную комиссию для расследования дела. Комиссия подвергла допросу около 300 детей, которые рассказали чудовищные подробности о поездках на шабаш и происходивших там оргиях. По словам детей, сатана на шабаше часто бил детей, иногда же, напротив, был очень любезен с ними, играл на арфе, любил, чтобы ведьмы всячески ухаживали за ним во время его болезни и пускали ему кровь. А один раз он даже умер на короткое время.

Комиссия арестовала многих женщин, которые под пыткой сознались во всех преступлениях. Из них 84 женщины были приговорены к смерти и вместе с ними также 15 детей, остальные дети подверглись разным наказаниям, 56 из них получили удары плетьми.

Приговор был объявлен во всеуслышание, и члены комиссии после совершения казни над обвиненными вернулись домой, осыпанные

благодарностями со стороны населения. В церкви долгое время после этого возносились молитвы о защите страны от дьявола на будущее время. *14*

Тухолка С. Процессы о колдовстве в Западной Европе в XV–XVII вв. Спб., 1909.

Резюмируя этот краткий очерк, скажем лишь, что все эти несчастные, казненные по произволу невежественных церковников, поистине стали оплотом и спасением христианства. Точно такими же спасительными для коммунизма стали казни революционеров-ленинцев в 1930-е годы нашего века в России. Чем больше на глазах у забитого невежественного народа арестовывали, сажали, казнили, вешали невинных людей, тем крепче становилась вера в правоту идей коммунизма. Полагаем, что процессы ведьм в средневековой Европе также имели целью предостеречь население от вольнодумства и ереси и укрепить христианскую веру. Что, в общем-то, и было достигнуто. Правда, жаль женщин, жаль детей, ну да чего не сделаешь из любви к Богу…

ДЖОРДАНО БРУНО

Измените смерть мою в жизнь, мои кипарисы — в лавры, ад мой — в небо: осените меня бессмертием, сотворите из меня поэта, оденьте меня блеском, когда я буду петь о смерти, кипарисах и аде. И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих!

Джордано Бруно. «О героическом восторге».

Джордано Бруно был одним из великих мыслителей и поэтов эпохи Возрождения. Философия привела его на костер. Главным обвинителем против него было его учение о бесконечности Вселенной и множестве миров. Семь лет томился Бруно в тюрьмах инквизиции, ибо судьи не теряли надежды, что он отречется от своих научных убеждений. Однако Бруно предпочел смерть отречению от своей философии. 17 февраля 1600 года он был с особой торжественностью сожжен на костре в Риме на campo dei Fiori.

Он родился в 1548 году в Ноле, провинциальном городе неаполитанского королевства. В 1562 году Бруно поступил в монастырь Святого Доминика, в тот самый монастырь, где за три столетия перед тем жил и творил Фома Аквинский. Вероятнее всего, Бруно поступил в монастырь, чтобы окончить там свое образование. В те времена монастыри считались центрами философской жизни, помимо того, они обеспечивали монахам средства к существованию и предоставляли им достаточно досуга для занятий науками и богословием.

При поступлении в монастырь Филипп Бруно переменил свое имя на Джордано. В промежутках между учеными занятиями Бруно, тайком от своего монастырского начальства, написал комедию «Светильник» и сатиру в форме диалога «Ноев ковчег». В 1572 году, 24-х лет от роду, Бруно получил сан священника в Кампанье. Вдали от бдительного монастырского ока он познакомился с трудами Коперника «Об обращении небесных тел».

Как только он возвратился из Кампаньи опять в монастырь, его обвинили в недостаточной почтительности к святым реликвиям. Было перечислено 130 пунктов, по которым брат Джордано отступил от учения католической церкви. К ним присоединилось обвинение, что он вынес из своей кельи все иконы, оставив лишь Распятие. Надеясь встретить у прокуратора в Риме больше сочувствия, чем в родном монастыре, Бруно отправился в Рим. Вскоре ему стало известно, что дело его ухудшилось, так

как в монастыре были найдены принадлежавшие Бруно творения Иоанна Златоуста и Иеронима с замечаниями Эразма Роттердамского. Рассчитывать Бруно было не на что. Он сбрасывает монашеское одеяние и отправляется в Геную. Говорят, что, убегая из Рима, Бруно встретил у ворот своего товарища по ордену, который пытался его задержать и отправить в тюрьму. Но Бруно столкнул его в волны Тибра, где ревностный служитель церкви нашел достойную смерть. В Генуе Бруно пробыл всего три дня: там свирепствовала чума, что заставило его поскорее оставить город. Оттуда он перебрался в Ноли, а через пять месяцев — в соседнюю Савону, через две недели он переехал в Турин, а затем — в Венецию. В то время Венеция, подобно Генуе, страдала от чумы. После двухмесячного пребывания, Бруно оставил Венецию и переселился в Падую, а затем — после нескольких месяцев скитаний — решает перебраться в Женеву. Из Женевы Бруно отправился в Лион, но, не найдя там работы, в середине 1578 года перебрался в Тулузу, которая славилась в то время своим университетом. Бруно получил там вакантную кафедру философии и в течение двух лет читал лекции.

«Студенты университета, — писал хроникер того времени, — вставали в четыре часа утра, слушали обедню, а в пять сидели уже в аудиториях с тетрадями и свечами в руках». Бруно, ярый противник Аристотеля, не стеснялся критиковать великого философа, авторитет которого считался в то время непоколебимым. Логика и физика Аристотеля, вместе с астрономической системой Птолемея, считались тогда нераздельными частями христианской веры. В 1624 году, четверть столетия после смерти Бруно, парижский парламент издал декрет, запрещавший публично поддерживать тезисы против Аристотеля, а в 1629 году тот же парламент по настоянию Сорбонны постановил, что противоречить Аристотелю — значит идти против церкви.

Отрицательное отношение к Аристотелю и к ученому сословию тогдашнего времени создало всюду для Бруно враждебную атмосферу. Когда в мае 1580 года Генрих Наваррский занял город и его окрестности, Бруно простился с университетом и отправился в Париж. А далее — Оксфорд, Лондон и снова Париж, потом Цюрих — Бруно не мог долго оставаться в одном городе — непримиримость к учению Аристотеля и Птолемея создавала ему врагов. Он писал и издавал книги, читал лекции. Чтобы понять причину ненависти к Бруно, необходимо воспроизвести тогдашнее представление об устройстве Вселенной. Сущность Аристотеле-Птолемеевской системы заключалась в учении о Земле, как центре Вселенной, вокруг которой вращались Луна, Солнце и звезды. Земля помещалась в центре небесного свода, представляемого огромным шаром, который в свою очередь состоял из десяти твердых, шарообразных поверхностей, вставленных одна в другую и прозрачных как кристалл. Самая крайняя из этих так называемых сфер, с неподвижными звездами, совершала движение с востока на запад, как бы вокруг оси, проведенной через центр Земли. Второе движение, происходившее внутри вращения первой сферы, имело обратное направление и соответствовало движению Солнца, Луны и семи планет, причем каждое из этих тел двигалось по своей собственной сфере. Наконец, за пределами всех этих сфер с прикрепленными на них небесными телами средневековая мысль

поместила Эмпирей — вечное царство золотого эфира, где праведники созерцают Вседержителя и где незыблемо покоится престол апостола Петра.

Сам Коперник, утверждая, что Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, думал, что за отдаленной планетой — Сатурном — находится кристаллическая сфера неподвижных звезд. Бруно предвосхитил современную космологию.

Он утверждал:

1. Земля имеет лишь приблизительно шарообразную форму: у полюсов она сплющена.

2. Солнце вращается вокруг своей оси.

3. Вокруг звезд вращаются бесчисленные планеты, для нас невидимые, вследствие большого расстояния.

4. Мир и системы их постоянно изменяются, и как таковые они имеют начало и конец, вечной пребудет лишь лежащая в основе их творческая энергия.

После пятнадцати лет скитаний Бруно возвратился на родину, в Венецию. Риск, которому подвергал себя Бруно, был велик еще и потому, что прежний процесс не считался законченным.

23 мая 1592 года Бруно был арестован и препровожден в тюрьму инквизиции. В это самое время Галилей начинал читать курс математики, и все шесть лет, в продолжение которых Галилей занимал кафедру математики, Бруно провел в заточении.

Копии допросов Бруно были направлены в Рим, оттуда 17 сентября последовало решение: требовать от Венеции выдачи Бруно для суда над ним в Риме. Общественное влияние обвиняемого, число и характер ересей, в которых он подозревался, были так велики, что венецианская инквизиция не отважилась сама окончить этот процесс.

Римское инквизиционное судилище (конгрегация) состояло из нескольких кардиналов под личным руководством папы.

Великим инквизитором на процессе Бруно был кардинал Мадручи; следующее за ним по влиянию место занимал кардинал Сан-Северино, который называл Варфоломеевскую ночь «днем великим и радостным для всех католиков». Экспертом в деле Бруно был кардинал Белармин.

27 февраля Бруно был перевезен в Рим. В Римских тюрьмах он провел шесть лет, не соглашаясь признать свои научные и религиозные убеждения ошибкой. 14 января 1599 года Бенжамин представил восемь еретических положений, извлеченных из сочинений Бруно. Три недели спустя папа приказал предъявить эти тезисы как еретические, «если признает он их такими — хорошо; не признает — дать ему на размышление 40 дней».

Но срок этот истек без результата. 21 декабря, при общем обходе заключенных, Бруно опять спрашивали, желает ли он отречься от своих заблуждений. Великий узник твердо заявил, «что он не может и не хочет отречься, что ему не от чего отрекаться, что он не знает, в чем его обвиняют». Это заявление лишь ускоряло развязку. Тщетно посылала конгрегация для переговоров с Бруно генерала ордена Ипполита Марию и его викария Павла Мирандолу. Бруно отказался признать представленные ему тезисы за еретические и с негодованием прибавил: «Я не говорил

ничего еретического, и учение мое неверно передано служителями инквизиции».

20 января 1600 года состоялось последнее, заключительное заседание по делу Бруно. Его святейшество одобрил решение конгрегации и постановил о передаче брата Джордано в руки светской власти. 9 февраля Бруно был отправлен во дворец великого инквизитора кардинала Мадручи и там, в присутствии кардинала и самых знаменитых теологов, его принудили преклонить колено и выслушать приговор. Он был лишен священнического сана и отлучен от церкви. После того его сдали на руки светским властям, поручая им подвергнуть его «самому милосердному наказанию и без пролития крови». Такова была лицемерная формула, означавшая требование сжечь живым.

Бруно держал себя с невозмутимым спокойствием и достоинством. Только раз он нарушил молчание: выслушав приговор, философ гордо поднял голову и, с угрожающим видом обращаясь к судьям, произнес следующие слова, ставшие потом историческими:

«Быть может, вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю». Из дворца Мадручи Бруно был отвезен в светскую темницу. Казнь назначили на 12 февраля. Инквизиция еще не теряла надежды, что она устрашит этого удивительного еретика близостью мучительной казни и заставит его, как раскаявшегося ренегата его собственной философии, вернуться в лоно католической церкви. Но и на этот раз надежды судей не оправдались. Бруно не отрекся. «Я умираю мучеником добровольно, — сказал он, — и знаю, что моя душа с последним вздохом вознесется в рай». Таким образом еще раз предоставленный ему срок истек бесполезно и наступил день 17 февраля 1600 года.

В Римской Кампаньи цвела и благоухала итальянская весна. Жаворонки щебетали в голубом эфире; в миртовых рощах пели соловьи. В самом Вечном городе хоругви и звон колоколов возвещали большое торжество. Клемент VIII, тот мудрый и благочестивый папа, которому удалось вернуть Генриха IV в лоно католической церкви, праздновал свой юбилей. Рим кишел пилигримами из всех стран. Одних кардиналов съехалось до пятидесяти; вся католическая церковь, в лице ее высших сановников, собралась около своего папы и ожидала сожжения Бруно. Представители религии любви предвкушали зрелище предсмертных мук умирающего философа.

«Суровость приговоров святой инквизиции, — говорит Шиллер, — могла быть превзойдена лишь тою бесчеловечною жестокостью, с какой приводились они в исполнение. Соединяя смешное с ужасным, увеселяя глаз оригинальностью процессии, инквизиция ослабляла чувство сострадания в толпе; в насмешке и презрении она топила ее сочувствие. Осужденного с особой торжественностью везли на место казни; красное как кровь знамя предшествовало ему; шествие сопровождалось совокупным звоном всех колоколов; впереди шли священники в полном облачении и пели священные гимны. За ними следовал осужденный грешник, одетый в желтое одеяние, на котором черною краскою были нарисованы черти. На голове у него был бумажный колпак, который оканчивался фигурой человека, охваченного огненными языками и окруженного отвратительными демонами. Обращенным в противоположную

сторону от осужденного, несли Распятие: ибо спасения уже не существовало для него. Отныне огню принадлежало его смертное тело; пламени ада — его бессмертная душа. За грешником следовали духовенство в праздничном одеянии, правительственные лица и дворяне; отцы, осудившие его, заканчивали ужасное шествие. Можно было подумать, что это труп, который сопровождают в могилу, а между тем это был живой человек, муками которого теперь должен был так жестоко развлекаться народ. Обыкновенно эти казни совершались в дни больших торжеств; к этому времени накопляли побольше жертв, чтобы численностью их увеличить значение праздника. В особенно торжественных случаях при казнях присутствовали короли, они сидели с непокрытыми головами, занимая места ниже Великого Инквизитора, которому в эти дни принадлежало первое место. Да и кто бы мог не трепетать перед трибуналом, рядом с которым не садились сами короли?»

Такое аутодафе было приготовлено 17 февраля для Бруно. Сотни тысяч людей стремились на campo dei Fiori и теснились в соседних улицах, чтобы, если уж нельзя попасть на место казни, то, по крайней мере посмотреть процессию и осужденного. И вот он появился — худой, бледный, состарившийся от долго заключения; у него каштановая окладистая борода, греческий нос, большие блестящие глаза, высокий лоб, за которым скрывались величайшие и благороднейшие человеческие мысли. Свой последний ужасный путь он совершал со звенящими цепями на руках и ногах; на вид он был как будто выше всех ростом, хотя в действительности был ниже среднего. На этих некогда столь красноречивых устах теперь играла улыбка — смесь жалости и презрения. Осужденный поднялся по лестнице, ведущей на костер. Его привязали цепью к столбу; внизу зажгли дрова… Бруно сохранял сознание до последней минуты; ни одной мольбы, ни одного стона не вырвалось из его груди; все время, пока длилась казнь, его взор был обращен к небу.

9 июня 1889 года в Риме на campo dei Fion был открыт памятник Бруно. Перед его статуей преклонили знамена 6000 депутаций со всего мира. Статуя изображает Бруно во весь рост. Внизу на постаменте надпись:

«Джордано Бруно — от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжен костер».

РОБЕРТ ДЕВЕРЕ ЭССЕКС

Изучай днем и ночью женщин — само собой понятно, только лучшие экземпляры, пусть они будут твоими книгами.

Эдуард Фукс

Видимо, история Ричарда II не раз занимала мысли английского полководца графа Эссекса, близкого друга Генри Райотсли, графа Саутгемптона — покровителя Шекспира, которому писатель посвятил свою поэму «Похищение Лукреции». Именно Эссекса имел в виду Шекспир, рисуя героический образ Генриха V, английского короля, прославившегося победами над французами в начале XV века. В прологе к пятому акту исторической драмы «Генрих V» говорится о предстоящем победоносном возвращении Эссекса из Ирландии (аналогия с тем, как некогда король Генрих V с триумфом вернулся из Франции).

Приемный сын графа Лестера, много лет бывшего приближенным Елизаветы, занявший место отца около стареющей королевы, Эссекс —

этот молодой блестящий придворный — сумел отличиться и в войне против Испании и в постели королевы.

Однако отношения своенравного, надменного и самовлюбленного Эссекса с Елизаветой отнюдь не носили безоблачный характер. Враги фаворита, особенно лорд Берли, а после смерти этого главного советника королевы его сын Роберт Сесил, не упускали случая ослабить положение Эссекса. Роберт Сесил еще в 1597 году полушутя, полусерьезно обвинял Эссекса в намерении низложить Елизавету, сыграв роль Генриха Болинброка. Дело доходило до публичных оскорблений из уст королевы по адресу графа на заседании совета и взрывов необузданного гнева со стороны Эссекса. Однако к этому времени он приобрел популярность как герой войны против Испании, с чем должна была считаться Елизавета, сохранявшая к тому же привязанность к своему прежнему любимцу.

В марте 1599 года Эссекс, провожаемый восторженной толпой, отправился в качестве наместника в Ирландию с поручением подавить разгоравшееся там пламя восстания против английского господства.

В Ирландии Эссекс не добился успехов и приписал неудачу тайным происка врагов. В разговорах со своими приближенными он обсуждал стоявшую перед ним альтернативу — продолжать ирландскую войну в надежде стяжать лавры или вернуться с армией в Лондон, чтобы, подавив оппозицию, стать фактическим правителем Англии. С характерной для него слабостью, овладевавшей им как раз в самые критические моменты, Эссекс не решился ни на то, ни на другое. Вместо этого он, оставив армию, прибыл 28 сентября 1599 года в Лондон. Нарушив все придворные приличия, он в запыленной дорожной одежде ворвался в апартаменты королевы. Скрыв негодование, Елизавета произнесла несколько благожелательных фраз, но, как только Эссекс удалился, дала волю своему гневу. Граф был немедленно отстранен от всех должностей и взят под арест, который длился почти целый год. В марте 1600 года, когда Эссексу разрешили вернуться в свой лондонский дворец, где он формально еще оставался под домашним арестом, его враги сочли, что настало время нанести новый удар. Еще в феврале Рэйли писал Роберту Сесилю:

«Если Вы послушаетесь разных добрых советов проявить снисходительность к этому тирану, Вы раскаетесь, но будет поздно. Не теряйте своего преимущества, иначе я предвижу Вашу судьбу». Опытный царедворец видел, что любая попытка ускорить события, оказывая нажим на Елизавету, может лишь нарушить постепенно укреплявшуюся у нее решимость отделаться от ставшего опасным ее бывшего фаворита. А пока к такому выводу королеву осторожно подталкивал постепенно повторявший о неизменности своих чувств к прежнему благодетелю Эссексу Френсис Бэкон (в это время по трезвому расчету перешедший в лагерь Сесиля).

В июне 1600 года Эссекса вызвали на заседание Звездной палаты, где ему было предъявлено много обвинений. Вердикт судилища гласил заключение в Тауэре, выплата огромного штрафа. Однако королева не утвердила приговора, и 26 августа графу было объявлено о монаршей милости. Он был освобожден из-под домашнего ареста, но ему запрещалось появляться при дворе. Бывший фаворит говорил о желании удалиться от треволнений столичной жизни, о прелести сельского

уединения, о стремлении уехать куда-нибудь подальше от Лондона. Но тут последовал еще один удар. В октябре Эссекса лишили права сбора таможенных пошлин с импортных вин — той статьи дохода, которая только и позволяла ему содержать огромный штат пажей, слуг и приближенных, включая авантюристов всех мастей. Эссекс разом отбросил все мысли о сельском уединении. Сесил, осведомленный через своих шпионов, вскоре сообщил королеве об обидных высказываниях графа по ее адресу. Вокруг Эссекса объединились честолюбцы, искатели приключении, недовольные оскорблениями, наносимыми английскому герою тайными сторонниками «испанца». Эссекс убедил себя, что Сесил и Рэйли составили заговор, чтобы убить его и сделать преемницей Елизаветы испанскую инфанту, дочь Филиппа II. Граф, вероятно, еще рассчитывал на поддержку Якова, и совершенно напрасно. А когда (уже после провала заговора) посланцы шотландского короля прибыли в Лондон, Роберт Сесил сумел быстро договориться с ними, вступить в тайную переписку с Яковом и обеспечить свое положение после вступления его на английский престол. Ранним утром в воскресенье во дворец графа Эссекс-хауз явились четверо высших сановников, посланных Тайным советом. Их встретила возбужденная толпа заговорщиков. Лорды заявили, что пришли выяснить, чем вызвано это беспорядочное сборище. В ответ посыпались угрозы Спасая посланцев совета от расправы на месте, Эссекс увел их в свою библиотеку, где предложил оставаться до того, как он проведет консультации с лондонским лорд-мэром и шерифами. К двери были приставлены часовые. Заговорщики поняли, что дальнейшее промедление лишит их всяких шансов на успех.

Более 200 молодых дворян со своими слугами, вооруженных большей частью лишь шпагами, шумной толпой двинулись вдоль одной из центральных улиц Стренда, а потом Флит-стрит в направлении Сити, рассчитывая найти там поддержку. Однако даже шериф Смит, на которого заговорщики возлагали особые надежды, поспешил ретироваться, его примеру последовал и лорд-мэр. Призывы сторонников Эссекса натолкнулись на пассивность и смущенное молчание. Тем временем пришло известие, что лорд Берли, сводный брат Роберта Сесиля, тут же, в Сити, объявил Эссекса изменником и мятежником, что приближается лорд-адмирал Ноттингем с большим военным отрядом, что путь к Уайтхоллу забаррикадирован и хорошо охраняется.

Вскоре дворец Эссекса был со всех сторон окружен королевскими войсками. Возникла перестрелка. Нечего было и думать о том, что удастся выдержать сколько-нибудь длительную осаду, если только королевские войска подтянут артиллерию. К тому же в Эссекс-хаузе находились жена и сестра графа и другие женщины. В конечном счете совсем упавший духом Эссекс согласился сложить оружие при условии, что он и его друзья будут рассматриваться как благородные пленники, что лорд-адмирал точно передаст королеве все сказанное ими и что их будут судить честным судом и во время пребывания в тюрьме разрешат беседовать с их капелланами. Против всего этого у лорда-адмирала не нашлось возражений. Эссекс сдался королевским солдатам, предварительно уничтожив свои секретные бумаги, включая переписку с шотландским королем. Было арестовано более 100 человек. Власти в течение некоторого времени опасались повторной попытки мятежа со стороны сторонников Эссекса.

В отличие от многих других политических процессов, когда власти стремились убедить население в виновности подсудимых, в этом случае в таком доказательстве не было нужды. Действия Эссекса и его последователей в воскресенье 8 февраля, безусловно, являлись по тогдашним законам государственной изменой вне зависимости от намерений графа. В свидетелях не было недостатка. В их числе был и лорд верховный судья Попем, задержанный в начале мятежа в доме Эссекса. Один из заговорщиков, сэр Фердинандо Горгес, еще ранее выдавший их секреты, подтвердил на суде мятежные намерения Эссекса. Показания других арестованных выявили многое из его планов. Утверждение Эссекса, что признания были сделаны из страха перед пытками, не опровергало того, что в этих признаниях излагались действительные намерения конспираторов. После вынесения обычного приговора — квалифицированная казнь — Эссекс был отведен обратно в Тауэр. Там выдержка покинула его. Пуританский исповедник, воспользовавшись его страхом перед адом, усилил в нем покаянное настроение. Эссекс объявил о намерении сделать полное признание перед членами Тайного совета. Он обвинял всех: своих приближенных и даже сестру, что они подстрекали его и превратили в самого гнусного и неблагодарного изменника.

Если Эссекс рассчитывал как-то разжалобить свою бывшую коронованную любовницу, то это была еще одна, последняя, ошибка.

19 февраля был вынесен приговор, на 25-е назначили казнь. Кажется, это был едва ли не единственный случай, когда при принятии важного решения Елизавета почти не колебалась. Почти — потому что 23 февраля все же последовал приказ об отсрочке казни, отмененный уже на следующий день. В этот день актеры труппы лорда-камергера дали спектакль в правительственном дворце Уайтхолле. Неизвестно, ставилась ли пьеса Шекспира, но это во всяком случае была не драма «Ричард II». Эссекса избавили от квалифицированной казни и разрешили ему сложить голову на лужайке в Тауэре, а не на лобном месте среди шумной городской толпы. На эшафоте Эссекс снова повторял, что не собирался причинять вред королеве. Палач отрубил ему голову «тремя ударами, уже первый из которых оказался смертельным, совершенно лишив сознания и движения», — сообщалось в докладе Сесилю. Среди представителей властей, наблюдавших за казнью, в качестве капитана гвардии находился и заранее предупреждавший его сэр Уолтер Рэйли.

ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР ГАЯ ФОКСА

Если тирании следует сопротивляться, то это относится в равной степени к тирании парламента, как и к тирании короля.

Джон Лильберн

До сих пор ежегодно 5 ноября вся Великобритания празднует день раскрытия Порохового заговора. Чудовищность затеи была такова, что участники его поистине прославились. Однако повезло им еще меньше, чем Герострату. То был заговор иезуитов и католиков против английского короля Якова I. Организаторами заговора явились несколько молодых дворян, раздраженных отказом Якова I отменить репрессивные законы против католиков. Душой заговора стал Роберт Кетсби, участник мятежа Эссекса, он же был связником между заговорщиками и главой английского

иезуитского ордена отцом Гарнетом. Томас Винтер — один из участников заговора вошел в контакт с правительством Испании и властями Испанских Нидерландов.

Томас Перси был двоюродным братом графа Нортумберлендского и мог узнавать новости высшего света.

Гай Фокс, хотя его именем и был назван заговор, был по существу простым исполнителем. Неизвестно, кто первый из заговорщиов предложил взорвать здание Вестминстера, когда король будет открывать сессию парламента.

После гибели Якова заговорщики предполагали захватить кого-либо из младших детей короля и, подняв восстание католиков, провозгласить регентство. Затея была более чем сомнительная, учитывая, что народ Англии за сто истекших после Генриха VIII лет свыкся с англиканской религией и совершенно не тосковал по папству. Заговорщики сняли дом Винегр-хауз, примыкавший к той части Вестминстера, где размещалась палата лордов и где должно было состояться открытие парламентской сессии. Они предполагали, что из Винегр-хауза попадут в заброшенный подвал Вестминстера. Оказалось, что подвал сдали под торговый склад. Перси удалось договориться, чтобы ему уступили аренду. Затем в подвал были принесены доставленные ранее в Винегр-хауз мешки с порохом. Сверху сделали настил из угля, камней и битого стекла. Все было готово, но правительство неожиданно перенесло дату открытия парламентской сессии с 7 февраля на 3 октября 1605 года. В июне было объявлено, что сессия откроется еще позже — 5 ноября. Заговорщики использовали это время для подготовки других своих действий — организации восстаний в средних графствах и переброски из Фландрии эмигрантского полка Стении, состоявшего из английских католиков.

Одним из последних к заговору примкнул Френсис Грешам, кузен Кетсби и Винтера. Он-то и «сдал» заговорщиков.

26 октября лорд Монтигл, член палаты лордов, муж Элизабет Грешам — сестры Френсиса Грешама, получил загадочное письмо, составленное очень туманно, с предупреждением: если ему дорога жизнь, не присутствовать на заседании парламента, так как Бог и люди решили покарать нечестивого «страшным ударом». Письмо было прочитано Монтиглом вслух за ужином, на котором присутствовал один из заговорщиков — Томас Уорд.

Несмотря на поздний час, Монтигл поспешил в Уайтхолл. Ему удалось застать Роберта Сесила и четырех лордов-католиков — Нотингема, Нортгемптона, Вустона и Сеффолка, которые были введены в состав королевского тайного совета. Было решено ничего не предпринимать до возвращения короля. Монтигл не скрыл это решение от Уорда, который был знаком с содержанием письма. Уорд немедленно сообщил о случившемся заговорщикам. Фокс, спешно направленный в подвал, вернулся и доложил заговорщикам, что мина осталась нетронутой.

1 ноября Кетсби встретился с Грешамом, которого подозревал в том, что он написал роковое письмо. Кетсби решил заколоть кинжалом предателя, но Грешам с негодованием отверг обвинение.

3 ноября Уорд через Винтера сообщил своим друзьям, что король, вернувшийся в Лондон, прочел письмо и приказал членам Тайного совета

хранить все в строгой тайне.

Приближался решающий час. Гай Фокс отправился в подвал, подготовил фитиль, который вел к мешкам с порохом, и направился наружу. Не успел он выйти, как к нему кинулись поджидавшие в засаде люди во главе с мировым судьей Ниветом, посланным для осмотраподвала.

«Если бы вы меня захватили внутри, — сказал Гай Фокс, — я взорвал бы вас, себя и все здание». По приказанию Нивета бочки с порохом были открыты и обезврежены. Заговорщики начали поспешно покидать столицу еще до того, как они узнали об аресте Фокса. Это делалось в соответствии с их планом, который предусматривал одновременное начало восстания в ряде графств на северо-востоке Англии. Но и тут произошел случай, доказавший, что Господь явно не желал в тот момент перемены в Англии общественного строя. В доме одного из заговорщиков Лититона, в графстве Стаффордшир, сделали короткий привал. Кетсби и несколько его помощников пытались просушить порох, который они подмочили, переплывая реку. При этом искра упала на блюдо, на котором лежал порох. Силой взрыва мешок пороха был выброшен через пробоину в крыше. Однако грохот раздался на всю округу. Большинство оставшихся невредимыми заговорщиков бежало, остальные вскоре были окружены отрядом, собранным шерифом графства. Кетсби и Перси были убиты в перестрелке. Раненный в руку Томас Винтер был взят в плен. В течение последующих недель были схвачены в разных местах другие участники «порохового заговора».

И все-таки, почему же «заговор Гая Фокса»? Он же был там не самым главным. Приведенный стражей в Уайтхолл и допрошенный лично самим Яковом, этот молодой человек с удивительной смелой беспечностью заявил, что он — всего лишь бедный слуга и намеревался неожиданной вспышкой пороха убить короля, королеву, юного принца, королевских советников, судей и всех главных лиц при дворе. На другом допросе в присутствии короля он заявил, что его зовут Джоном Джонсоном, а его господина Томасом Перси. Этот человек так беспечно шутил со своими стражами и выказал столько дикого презрения к жизни, что Яков едва ли не был им очарован.

«Он так же мало испуган, — писал государственный секретарь, — как если бы его взяли за простой разбой на большой дороге *15 Кстати, и за это в тогдашней Англии карали смертной казнью через повешение.* ».

Лорды, на следующий день допрашивавшие его, провели бессонную ночь, а он спал безмятежно. Через несколько дней допросов судьи, утомленные упорством пленника, пригрозили ему пытками. Узник открыл судьям то, что касалось лишь его самого — что его имя было Гай, а прозвище Фокс. Он, дескать, поклялся на Часослове не выдавать своих товарищей по заговору, а после этой клятвы принял святое причастие. Теперь он сожалеет о своих преступных намерениях, ибо видит, что Бог не захотел допустить такого дела.

Однако ни имен заговорщиков, ни их дальнейшие планы Фокс открывать не собирался. Разгневанный его упорством, судья приказал привязать узника на станок для растягивания жил. Не прошло и получаса пытки, как Гай Фокс во всем признался. Он назвал имена, адреса и многие другие подробности.

Заговорщиков судили недолго. Догби, Роберта Кетсби, Гарнета, Гранта и Бетса повесили на площади святого Павла, тогда как Фокс, Кей, Роксвуд и Том Винтер были вздернуты на виселицах и потом выпотрошены на дворцовой площадке. В предсмертной речи отец-иезуит предостерег католиков против участия в мятежных и изменнических предприятиях против короля.

21 января 1605 года собрался парламент. По предложению нижней палаты были введены дополнительные ограничения в правах для католиков, а 5 ноября — день открытия «порохового заговора» объявлен навечно днем вознесения благодарственной молитвы. Таково было окончание «порохового заговора».

РАВАЛЬЯК

За вторым ударом последовал третий, настолько сильна была ненависть убийцы к своему королю.

Р. Амбелен

14 мая 1610 года король Франции Генрих IV отправился в открытом экипаже на прогулку по Парижу. Оставалось всего пять дней до отъезда его на войну. Этот ставший легендой человек, в котором сочетались черты развеселого гуляки, дамского угодника и мудрого государственного деятеля, решил приступить к осуществлению главного дела своей жизни — ликвидации гегемонии в Европе испанских и австрийских Габсбургов, с трех сторон зажавших в клещи Францию… На узкой парижской улице, по которой ехала королевская карета, путь ей неожиданно преградили какие-то телеги. Затем к экипажу подбежал рослый рыжий детина и трижды нанес королю удары кинжалом. Раны оказались смертельными.

По приказу жены Генриха флорентийки Марии Медичи, провозглашенной регентшей при ее малолетнем сыне Людовике XIII, убийца был вскоре предан суду. Он не отрицал своей вины, утверждал, что никто не подстрекал его к покушению на жизнь короля, все содеянное им было совершено по личному усмотрению, без чьего-либо наущения или приказания. Установить личность преступника не составило труда. Это был Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из города Ангулема, ярый католик, неудачно пытавшийся вступить в иезуитский орден и не скрывавший недовольства той терпимостью, которой стали пользоваться по приказу Генриха его бывшие единоверцы — гугеноты. Равальяк несколько раз стремился добиться приема у короля, чтобы предостеречь его против такого опасного курса, и, когда ему это не удалось, взялся за кинжал. Убийца даже под пыткой продолжал твердить, что у него не было соучастников. Судьи парижского парламента терялись в догадках, их мысль пошла по привычному пути: не подстрекал ли Равальяка к злодеянию сам дьявол, известный враг рода человеческого? Ведь свидетель обвинения Дюбуа, ночевавший некоторое время в одной комнате с подсудимым, утверждал, что сатана появлялся там в виде «огромного и страшного пса».

В то же время исповедник погибшего короля, иезуит отец Коттон, увещевал убийцу: «Сын мой, не обвиняй добрых людей!» На эшафоте Равальяк, даже когда ему угрожали отказать в отпущении грехов, если он не назовет своих сообщников, снова и снова повторял, что он действовал в

одиночку. Равальяк искренне был убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависело спасение его души. Но соответствовали ли они действительности?

В 1610 году судьи явно не имели особого желания докапываться до истины, а правительство Марии Медичи проявляло еще меньше склонности к проведению всестороннего расследования. Но уже тогда задавали вопрос: не приложили ли руку к устранению короля те, кому это было особенно выгодно? Через несколько лет выяснилось, что некая Жаклин д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха (которой неисправимый ловелас даже дал письменное обещание жениться и семейство которой уже устроило однажды заговор, угрожающий жизни короля), пыталась предупредить Генриха о готовившемся на него новом покушении. В организации покушения, помимо маркизы де Верней, по утверждению д'Эскоман, участвовал также могущественный герцог д'Эпернон, мечтавший о первой роли в государстве.

Жаклин д'Эскоман старалась предупредить обо всем этом короля через его супругу Марию Медичи, но та не успела сообщить об этом мужу — в последний момент уехала из Парижа в Фонтенбло. Отец Коттон, к которому хотела обратиться д'Эскоман, также отбыл в Фонтенбло, а другой иезуит посоветовал ей не вмешиваться не в свои дела. Вскоре после этого разговора Жаклин обвинили в том, что она, не имея средств на содержание своего сына в приюте, пыталась подбросить малыша. Жаклин д'Эскоман была немедленно арестована, по закону ей угрожала смертная казнь. Но судьи оказались мягкосердечными; они посадили ее ненадолго в тюрьму, а потом отправили в монастырь. Не была ли эта снисходительность платой за то, что на суде Жаклин ни одним словом не упомянула о заговоре против Генриха IV?

Почему же Мария Медичи не сообщила королю о встрече с Жаклин д'Эскоман? У этой упрямой и взбалмошной женщины и особенно у ее фаворитов — супругов Кончини были свои причины желать устранения короля. Генрих сильно увлекся молоденькой Шарлоттой Монморанси, ставшей женой принца Конде. Этот бурный роман вызвал серьезные опасения флорентийки. Зная характер Генриха, она допускала, что он может пойти на развод с ней или приблизить принцессу Конде настолько, что последняя приобретет решающее влияние при дворе. В случае смерти Генриха Мария Медичи становилась правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому тогда было всего девять лет. Фактическая власть в таком случае досталась бы супругам Кончини, которые имели огромное влияние на Марию Медичи (так оно и произошло впоследствии, хотя герцог д'Эпернон в первые дни после смерти Генриха IV также стремился прибрать к своим рукам бразды правления). В январе 1611 года Жаклин д'Эскоман вышла из монастыря и попыталась опять вывести заговорщиков на чистую воду. Ее снова бросили в тюрьму и предали суду. Однако этот процесс принял нежелательное для властей направление. Слуга Шарлотты дю Тилли (которая была близка к маркизе де Верней и находилась в придворном штате королевы) показал, что не раз встречал Равальяка у своей госпожи. Это подтверждало свидетельство д'Эскоман, также служившей некоторое время у дю Тилли, которой ее рекомендовала маркиза де Верней. Судебное следствие срочно прервали,

«учитывая достоинство обвиняемых». Президент суда был заменен ставленником двора. Несмотря на давление со стороны правительства, требовавшего вынести смертный приговор Жаклин д'Эскоман за лжесвидетельство, голоса судей разделились поровну. Подсудимая была приговорена к вечному тюремному заключению…

Ее продолжали держать за решеткой и после падения Марии Медичи (1617): так опасались показаний этой «лжесвидетельницы».

Жаклин д'Эскоман утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же сообщал в своих мемуарах Пьер де Жарден, именовавшийся капитаном Лагардом.

Они были написаны в Бастилии, куда Лагард был заключен в 1616 году. Он вышел на свободу после окончания правления Марии Медичи. О связях заговорщиков Лагард узнал, находясь на юге Италии, откуда энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард, приехав в Париж, сумел предупредить Генриха о готовившемся покушении, но король не принял никаких мер предосторожности. В мемуарах Лагарда имеются не очень правдоподобные детали — вроде того, будто он видел Равальяка в Неаполе, куда ангулемец привез письма от герцога д'Эпернона.

Показания Жаклин д'Эскоман были опубликованы в правление Марии Медичи, когда она боролась с мятежом крупных вельмож и хотела обратить против них народный гнев. Характерно, что эти показания не компрометировали королеву-мать. Мемуары Лагарда были написаны после падения Марии Медичи и явно имели целью очернить королеву и ее союзника герцога д'Эпернона. Таким образом, оба эти свидетельства могут внушать известные подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV пал жертвой «испанского заговора», в котором участвовали какие-то другие лица. В пользу этого предположения говорят слухи об убийстве французского короля, распространившиеся за рубежом еще за несколько дней до 14 мая, когда быд убит король, а также то, что из государственных архивов Испании кто-то изъял важные документы, относившиеся к периоду от конца апреля и до 1 июля 1610 года. О том, что французский король пал жертвой заговора, руководимого испанцами, впоследствии говорили такие осведомленные лица, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

В дальнейшем супругам Кончини эти подозрения вышли боком. Остается лишь отдать должное Равальяку, который даже под пыткой не выдал никого из своих сподвижников и унес свою тайну в могилу. Наверное, орден иезуитов и впрямь владел какими-то секретами, которых люди боялись даже больше, чем смертной казни на колесе…

ВОРЕНОК — СЫН МАРИНЫ МНИШЕК

Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы.

Карамзин

Некоторые ученые утверждают, что время от времени на нашу планету опускается некое время пасионарий, вызванное либо пятнами на Солнце, либо невесть каким звездным излучением, и тот участок планеты, который оказывается ему подвержен, испытывает период политической нестабильности, подвергается катастрофам, социальным катаклизмам,

пандемиям и прочим кошмарам. Порой кажется, что территория России особенно часто оказывается объектом внимания этих пасионапастей.

Чаще всего за потрясениями такого рода следовали важные изменения в политическом, общественном и нравственном строе той страны, которая их испытывала. Впрочем, смутная эпоха на Руси ничего не изменила, не внесла ничего нового в государственный механизм, в государственный строй, в быт общественной жизни, в нравы и стремления; ничего такого, что направило бы течение русской жизни на новый путь, в благоприятном или неблагоприятном для нее смысле. Страшная встряска перебаламутила все, принесла народу неисчислимые бедствия; не так скоро можно было поправиться после того Руси…

Центральными фигурами смутного времени была польская красавица Марина Мнишек и два ее мужа, один из которых выдавал себя за русского царя Димитрия, а когда его растерзали до неузнаваемости возмущенные его бездарным правлением московские жители, то явился и второй претендент на его место. Он тоже назвался Димитрием. Хотя Марина могла давно удалиться в Польшу, ей очень хотелось оставаться русской царицей. Да и не просто так она оказалась на троне — ее правление и брак с Лжедимитрием — все это были последствия польской агрессии против России. Впрочем, и Лжедимитрий был парень хоть куда, Марина разделила с ним ложе и вскоре зачала ребенка, прозванного народом еще во чреве матери «воренком». Правда, ребенок не был виноват, что его папашу звали «вором» В те времена так на Руси называли не только представителей криминальных структур, а вообще всех злоумышленников, бунтовщиков, экстремистов. Первый Лжедимитрий был прозван Тушинским вором (за то, что ставка его была в подмосковном Тушине), второй — Калужским вором, за то, что правил Русью из Калуги.

Там его и настигла смерть от руки татарского княжича. Татарин отсек ему голову и отомстил за своего отца, так называемого «касимовского царя», татарского князя, убитого «вором». Впрочем, сделал он гораздо большее — открыл путь к престолу первому царю из династии Романовых — Михаилу Федоровичу. Полякам некого было больше предложить на российский престол. Плюс ко всему ополчение Минина и Пожарского сыграло не последнюю роль в изгнании поляков. Но в тот момент в Калуге весь народ возмутился. «Бить всех татар», — кричали калужане. Марина, которая должна была вот-вот родить, с боярами отправилась в санях за обезглавленным телом мужа и привезла его в город. Ночью, схватив факел, Марина бегала с обнаженной грудью посреди толпы, вопила, рвала на себе одежду, волосы, и, заметив, что калужане не слишком чувствительно принимают ее горе, обратилась к донским казакам, умоляя их о мщении. Командовал ими некто Иван Заруцкий, неравнодушный к Марине. Он воодушевил своих казаков; они напали на татар, которых встретили в Калуге, и до двухсот человек убили. Через несколько дней Марина родила сына, которого назвали Иваном. Она потребовала, чтобы армия и народ присягнули ему как законному наследнику. Но поспешивший к ней по ее письменной просьбе Ян Сапега с войском не смог взять Калуги. Уберегли свой город калужане. Не любили они Марину, колдуньей ее в народе прозвали…

Смерть «вора» стала переломным моментом в смутной эпохе и была событием, неблагоприятным для польского короля Сигизмунда. Королем были недовольны все противоборствующие стороны. Теперь у Сигизмунда не стало такого серьезного соперника, как Дмитрий, и все недовольные поляками соединились, воодушевленные одной мыслью — освободить Русскую землю от иноземцев. Для Марины Мнишек началась полная приключений жизнь в стане казацкой вольницы, там, в шатре атамана, нашел свои первые игрушки ее ребенок, трехлетний мальчик, которого Заруцкий со товарищи, не долго думая, провозгласили царем. Однако всерьез эту кандидатуру, кроме казаков, никто не рассматривал.

В октябре 1612 года Москва была освобождена от польских войск. 11 июля 1613 года Михаил Федорович венчался на царство. Дмитрий Михайлович Пожарский был пожалован боярином; Минин получил звание думного дворянина. Но более их и более всех был награжден Димитрий Тимофеевич Трубецкой, бывший боярин «тушинского вора», сподвижник Заруцкого. Он не только сохранил при законном царе сан, пожалованный ему «вором», но еще получил во время безгосударственное от великого земского собора Вагу, богатую область, которая была некогда у Годунова и Шуйских. И государь, еще не твердый в своей власти, утвердил ее за ним в награду за его великие подвиги и пользу, оказанную земле Русской.

Тем не менее смута, которая поднимала голову на юге государства, не могла не волновать нового государя. Разбойничье отребье со всей Руси стекалось к Лебедяни, где разбил свой стан Ивашка Заруцкий. Поддерживал Ивашку и народ черкасов.

На подавление восстания царь назначил князя Ивана Никитича Одоевского. Ему было велено помогать воеводам городов — Михайлова, Зарайска, Ельца, Брянска, а также Суздаля и Владимира. Послали сборщиков собирать нетчиков, детей боярских, в Рязань, Тарусу, Алексин, Тулу и другие города. В конце апреля 1613 года Одоевский с собранными силами двинулся к Лебедяни. Заруцкий со своими черкасами ушел к Воронежу. Одоевский погнался за ним, и под Воронежем, в конце мая, произошел между ними бой, который длился целых два дня. Заруцкий был разбит. Взяли у него обоз, коши, знамена. Заруцкий убежал за Дон, к Медведице. Одоевский воротился в Тулу, решив, что дело сделано. Но весной следующего года Заруцкий очутился в Астрахани и там себе нашел убежище. Осенью он утвердился в этом городе. *16 Есть подозрение, что он называл себя царем Димитрием. По-видимому, ему под этим именем писались и подавались челобитные, хотя, конечно, все должны были знать, что он Заруцкий, лицо чересчур известное по всей Руси. Челобитные эти писались не на одно его имя, рядом с его именем были и обращения к государыне царице, великой княгине Марине Юрьевне, и государю царевичу, великому князю Ивану Димитриевичу. Но, быть может, эти челобитные писаны еще прежде к тому «вору», который прежде прибытия в Астрахань Заруцкого назывался Димитрием и которого судьба неизвестна.*

У Заруцкого были далеко идущие планы; он задумал накликать на Русь силы персидского шаха Аббаса, втянуть в дело Турцию, поднять юртовских татар, ногаев, волжских казаков, стянуть к себе все бродячие шайки Московского Государства и со всеми идти вверх по Волге, покорять своей власти города. При крайнем недостатке средств, необходимых для защиты, при общем обнищании государства он имел большие шансы на успех. Вскоре Заруцкий захватил приволжские рыбные угодья и промыслы и обратил их доходы в свою пользу, лишив, таким образом, Московское

Государство этого источника. Астраханский воевода Иван Хворостинин воспротивился было заводимой смуте, но Заруцкий убил его, перебил с ним вместе многих лучших людей. Овладев Астраханью, он освободил содержавшегося в тюрьме ногайского князя Джан-Арслана, врага начальствовавшего над юртовскими татарами Иштерека. Последний признал уже избранного Русью царя и отправил своего мурзу бить ему челом, как вдруг Заруцкий послал против него татар джан-арслановых и воров своих, и они сказали ему: «Весь христианский мир провозгласил государем сына царя Димитрия. Служи и ты, дай подписку, дай сына своего аманатом, да смотри не хитри, не веди с нами пестрых речей, не то мы подвинем на тебя Джан-Арслана с семиродцами, твоими врагами, и пойдем сами на тебя». Взяв у татар заложников, Заруцкий теперь располагал и внушительными союзниками. Он требовал от астраханцев присягнуть ему.

Перед зимним Николиным днем Заруцкий, постоянно находившийся в Каменном городе, послал на посад казака Тимофея Чулкова с грамотой и велел всяких чинов людям прикладывать руки, но никому не дозволил посмотреть в грамоту; астраханские попы и дьяконы подписывались, а за ними прикладывали руки безграмотные миряне, и никто не знал, к чему пристают они все. Тех, которые противились или после показывали свое нерасположение к Заруцкому, хватали ночью, мучили огнем и бросали в воду. Каждый день кого-нибудь казнили; кровь лилась. Зато каждый день Марина думала о возможности внезапного восстания. Она не велела звонить рано к заутрени, как будто для того, что ее сын полошится от звона. Это у ней делалось оттого — как пояснил один из убежавших астраханцев — что она боялась «приходу». Заруцкий отправил посольство к шаху *17 Посланы были Иван Хохлов, Яков Гладков, Богдан Некрачеев-Караган на судах отряд стрельцов, приказав им идти днем и ночью, а сам намеревался выступить за ними.* и отдавал Персии в подданство Астрахань: этим он думал втянуть Персию с Московским Государством в войну. Посланы были «прелестные» письма к волжским казакам и к донским. Донские решились оставаться в верности избранному, по желанию казаков наравне с земскими людьми, московскому царю, но между волжскими, состоявшими из сброда разных беглецов, живших станицами по берегам Волги, ниже истребленного тогда Саратова, и по волжским притокам, произошло разделение: люди молодые увлеклись «прелестью» и готовились весной идти вверх по Волге до Самары. «Нам, — говорили они, — куда ни идти, лишь бы зипуны наживать». Двое волжских атаманов, Неупокой-Карга и Караулко, находились в Астрахани у Заруцкого, и оттуда волновали своих собратий на Волге. Были из волжских атаманов и такие, что не хотели идти с Заруцким, но обманывали его: надеялись выманить у «вора» жалованье и дожидались прихода персидских судов.

Зима подходила к концу. В Московском Государстве принимались меры к подавлению воровства. Царь поручил очищение Астрахани боярину князю Ивану Никитичу Одоевскому; товарищем ему дан был окольничий Семен Васильевич Головин, некогда шурин и сподвижник Скопина; дьяком у них был Юдин. В марте они отправились в Казань собирать войско.

Тем временем царь послал письма Заруцкому, обещая ему полное прощение в случае прекращения бунта. Однако авантюрист решился играть до конца.

Подозревая, что Заруцкий собирается учинить расправу с безоружным населением, астраханцы решили упредить его и подняли бунт против самозванца. Юртовские татары, как только узнали, что астраханцы отпали от воровства, да к тому же услыхали, что с верху под Астрахань идет царская рать, — сами отпали от Заруцкого и изрубили присланных им трех человек. Из Астрахани, в первый день усобицы, убежал стрелец Никита Коробин с восемнадцатью товарищами в Самару и дал знать Одоевскому. Воевода тотчас отправил под Астрахань войско.

Тем временем против Заруцкого выступили и другие силы, в частности, отряд Хохлова из Терка, который рассеял остатки «воровского» войска. Заруцкий с Мариной и ребенком бежали, некоторое время они на двух стругах прятались в камышах. Но про это узнали рыбаки и сообщили властям.

Стрельцы осадили казаков; те никак не ожидали гостей, не приготовились их встретить, и, увидев, что деваться некуда, на другой же день «связали Заруцкого и Маринку с сыном и каким-то чернецом Николаем, отдали их стрелецким головам, а сами объявили, что бьют челом и целуют крест царю Михаилу Феодоровичу. Взяли также захваченных Заруцким и находившихся у него в атаманах детей ногайского князя Иштерека и мурзу Джан-Арслана. Только атаманы, Тренка Ус да Вирзига, ушли как-то и несколько времени занимались разбоями, но уже не во имя воровских властей».

6 июля пленников привезли в Астрахань. Казаки, бывшие «в воровском деле, целовали крест царю Михаилу». Держать Заруцкого и Марину оказалось опасным в Астрахани, чтобы не произошло смуты. 13 июля Одоевский отправил их в Казань. Заруцкого провожал стрелецкий голова Баим Голчин. С ним для бережья было 130 стрельцов и 100 астраханцев. Маринку с сыном провожал другой стрелецкий голова, Михайло Словцов: с ним было пятьсот человек стрельцов самарских. В наказе, данном им, было сказано так:

«Михаилу и Баиму везти Марину с сыном и Ивашка Заруцкого с великим береженьем, скованных, и станом ставиться осторожливо, чтобы на них воровские люди безвестно не пришли. А будет на них прийдут откуда воровские люди, а им будет они в силу, и Михаилу и Баиму — Марину с „воренком“ и Ивашку Заруцкого побити до смерти, чтоб их воры живых не отбили».

В таком виде их привезли в Казань, а оттуда, по царскому указу, в таком, конечно, виде прибыла Марина в ту самую Москву, куда с таким великолепием въезжала когда-то в первый раз в жизни, надеясь там царствовать и принимать поклонения.

Вскоре после того за Серпуховскими воротами народ наблюдал последнюю сцену своей многолетней трагедии.

Заруцкого посадили на кол.

Четырехлетнего сына Марины казнили — его публично повесили.

О дальнейшей судьбе Марины Мнишек говорят различно. Польские историки утверждают, что ее умертвили. Русские, напротив, сообщали полякам при размене пленных, что «Маринка умерла в Москве в тюрьме от болезни и от тоски по своей воле». Неизвестно, какие кары и проклятия

шептала в своей темнице мать, пережившая столь чудовищное горе. Надеемся, что небеса сжалились над ней, послав скорую кончину. «Нам и надобно было, чтоб она была жива, для обличения неправд ваших», — говорил полякам в конце 1614 года Желябужский. Скорее всего, власти готовили еще какой-нибудь шумный процесс. После расправы с Заруцким, еще несколько времени продолжали свирепствовать черкасы по разным концам государства. В числе их атаманов был некто Захар Заруцкий, может быть, брат или родственник Ивана. Его разбил и уничтожил боярин Лыков под Балахной 4 января 1615 года.

Неурядицы продолжались и после, в царствование Михаила Федоровича, как последствие «смутного времени»; но эти неурядицы уже не имели тех определенных стремлений — ниспровергнуть порядок государства и поднять с этой целью знамя каких-нибудь воровских царей.

Казнь ребенка, о котором мы по крупицам собирали сведения современников, не сыграла в истории ровным счетом никакой роли, кроме разве что той, что никакой «Иван Дмитриевич» уже никогда не претендовал на роль русского царя. Впрочем, такие меры редко когда останавливали самозванцев.

Неизвестными остались формула обвинения, приговор, состав судей. Неясно, какое преступление могли инкриминировать трехлетнему дитяте. Кроме того, что это дитя могло бы стать когда-либо в обозримом будущем поводом для смуты. Немало таких вот «железных масок» безвинно томилось в тюрьмах по всему свету. Но царских «бастардов» не казнили только за то, что они родились. На Руси для этого вообще-то служили кельи монастырей. В конце концов, подослали бы убийцу, что ли, а наутро объявили бы, что «младенец случайно сам ножиком зарезался», как это было принято на святой Руси. Можно было бы и в бочке с мальвазией утопить по доброму аглицкому обычаю. Или как турки практиковали — шелковый шнурок на шею и вся недолга. Однако басурмане для нас не указ. Наше православное государство избрало столь страшную и суровую кару, как публичная казнь. Возможно, она должна была послужить уроком всякому, кто посмеет хотя бы помыслить «воровским путем» пролезть на российский престол. А может быть, кто-то из бояр счел это символичным — со смерти ребенка началось смутное время, смертью невинного же дитяти и закончится…

Надо было быть Нострадамусом, чтобы провидеть, что спустя 300 лет после восшествия на престол первого из династии Романовых последние из его потомков погибнут в сыром подвале дома Ипатьева. И вновь это будут невинные дети… Проклятие Марины Мнишек настигло убийц через века. Может быть, правильно называли ее колдуньей…

КАЗНИ ВРЕМЕН РИШЕЛЬЕ

«Увы, — вздохнул король, — самые пышные похороны невоскрешают»
Понсон дю Террайль

ЛЕОНОРА ГАЛИГАИ (1617) После убийства Генриха IV регентшей при его малолетнем наследнике Людовике XIII стала супруга погибшего и мать нового короля Мария Медичи. Ею вертели как хотели камеристка королевы Леонора Галигаи и ее красавец-муж Кончини, итальянский авантюрист, со временем получивший звание маршала д'Анкра и титул маркиза.

Приехав в Париж в конце 1613 года, молодой Ришелье (в ту пору еще епископ Люсинский) постарался втереться в доверие к маршалу и Галигаи. Это оказалось непросто, но Ришелье сумел проявить себя как блестящий тактик на заседаниях Королевского Совета, совершенно очаровав регентшу и приблизившись насколько возможно к чете Галигаи — Кончини.

Король Людовик подозревал чету Кончини в том, что они принимали участие в убийстве его отца Генриха IV, он хотел отомстить за то невнимание, граничившее с пренебрежением, с которым они относились к нему в детстве. Король твердо решил убрать маршала д'Анкра.

Все это быстро усвоил и Ришелье. Продолжая уверять Кончини в своей преданности, лукавый епископ Люсинский завязал контакты с королевским окружением. В апреле 1617 года король окончательно решил отделаться от Кончини. Капитану гвардии барону де Витри, ненавидевшему регентшу и ее фаворита, был отдан приказ арестовать маршала д'Анкра. «Государь, как я должен поступить, если он станет защищаться?»

Король промолчал, но один из придворных заметил: «Король ожидает, что его убьют».

Вечером 23 апреля 1617 года Ришелье получил письмо, в котором сообщалось, что маршал д'Анкр завтра будет убит. Епископ засунул бумагу под подушку и спокойно заснул.

Кончини был убит в упор на мосту Лувра. Его истерзанное тело было брошено на потеху толпы.

Без предупреждения была арестована Леонора Галигаи. Ее свадебный контракт предусматривал раздельность имущества супругов. Чтобы завладеть состоянием фаворитки, ее обвинили в колдовстве (она гадала на внутренностях животных, пытаясь излечиться с помощью магических средств) и участии в заговоре, приведшем к убийству Генриха IV. Галигаи была осуждена как колдунья. На эшафоте Галигаи спросили, каким колдовским путем она подчинила себе королеву. Осужденная ответила: «Превосходством, которым существо, сильное духом, имеет над другими».

ЗАГОВОР (1626)

В 1626 году была предпринята первая из многочисленных попыток устранения кардинала его политическими противниками. Заговор против Ришелье был важнейшей частью более широкого замысла по низложению Людовика XIII и возведению на трон его младшего брата Гастона, герцога Анжуйского.

Элегантный, с изысканными манерами, веселый и непосредственный герцог Анжуйский разительно отличался от своего старшего брата и был любимцем двора с детских лет. Мария Медичи также выделяла Гастона.

В 1626 году Гастону исполнилось 18 лет, и он официально был объявлен дофином. У Людовика XIII все еще не было наследника, и Гастон считался им до тех пор, пока в королевской семье не родился мальчик. До предела обострившиеся отношения между Людовиком XIII и Анной Австрийской, особенно после истории с Бэкингемом, когда королеве пришлось давать объяснения своего поведения, делачи такую перспективу в глазах общества маловероятной Гастон же оставался наиболее

вероятным преемником Людовика XIII. А раз так, то почему было бы и не ускорить его восшествие на престол, тем более что нынешний король мало соответствовал своему высокому предназначению. Кто-то усиленно распускал слухи о психической неполноценности короля, подверженного частой ипохондрии, о том, что он не в состоянии управляться с делами государства.

Активную роль в заговоре играли герцогиня де Шеврез и воспитатель Гастона маршал д'Орнано. Среди участников заговора были сам Гастон, сводные братья короля Вандомы, его кузены Конде и Суассон, а также Анна Австрийская. Некоторые заговорщики (герцогиня де Шеврез и д'Орнано) считали необходимым после устранения Людовика XIII устроить брак Гастона и Анны Австрийской, другие (Конде) сами претендовали на престол.

Заговорщики установили тайные связи за границей, в частности, с герцогом Савойским и Венецией, а также с Англией и Голландией, проявлявшими недовольство внешней политикой Людовика XIII и его первого министра. Ришелье очень скоро заподозрил неладное и через своих агентов выяснил, что на герцога Анжуйского дурное влияние оказывает его воспитатель. Кардинал приказал немедленно арестовать маршала и начать следствие по его делу. Заговорщики всполошились и решили поспешить с убийством Ришелье. Нужен был только исполнитель. Его нашла все та же герцогиня де Шеврез из числа своих многочисленных поклонников. Им оказался 27-летний Дэриде Талейран-Перигор, маркиз де Шале, человек из окружения Гастона. Заговорщики составили план, в соответствии с которым маркиз де Шале должен был убить кардинала в его летней резиденции Флери, около Фонтенбло, во время визита Гастона к Ришелье. В случае успеха маркизу обещали карьеру и благосклонность герцогини де Шеврез. По некоторым данным все дело погубил сам Шале, отличавшийся излишней болтливостью. Он неосмотрительно посвятил в заговор своего дядю командора де Балансе, который поспешил сообщить обо всем Ришелье.

Но решающее значение в раскрытии заговора сыграла сыскная служба Ришелье и один из лучших разведчиков отца Жозефа — «серого кардинала» — Рошфор. Нарядившись капуцином, Рошфор отправился в Брюссель, где ему удалось войти в доверие к маркизу Лекю, любовнику одной из заговорщиц — герцогини де Шеврез. Вскоре Лекю передал услужливому монаху несколько писем для доставки в Париж. На полдороге Рошфора встретил курьер отца Жозефа, который быстро доставил депеши Ришелье. Депеши оказались зашифрованными, но код был скоро раскрыт, и Ришелье смог познакомиться с письмами заговорщиков.

После прочтения письма были снова переданы Рошфору, который вручил их адресату — адвокату Лапьеру, жившему около улицы Любер. За Лапьером была установлена постоянная слежка. Таким путем было определено, что подлинным адресатом был королевский придворный, маркиз де Шале. Особенно важно было то, что в письмах, доставленных Рошфором, обсуждался вопрос о желательности смерти не только Ришелье, но и самого Людовика XIII. Это позволяло Ришелье разделаться с заговорщиками, как участниками покушения на монарха. Ришелье был склонен сразу арестовать и отправить на эшафот маркиза де Шале, но

«серый кардинал» настоял на более изощренном методе действий. Стали непрерывно следить за Шале, чтобы выявить остальных заговорщиков. Рошфор, получивший ответы на привезенные им письма, снова был послан в Брюссель.

Шале был далек от мысли, что опутан сетью агентов кардинала, и спокойно отправил курьера к испанскому королю с предложением заключить тайный договор. Испанский двор выразил полнейшую готовность удовлетворить все просьбы заговорщиков. Однако на обратном пути из Мадрида курьер был арестован людьми кардинала, и Ришелье ко всему прочему получил доказательства государственной измены. Акцию назначили на 11 мая 1626 года. Накануне маркиз де Шале в сопровождении группы единомышленников прибыл во Флери, чтобы уведомить кардинала о скором приезде Гастона, а заодно изучить обстановку, в которой ему предстояло действовать. Шале и его единомышленники были озадачены, когда Ришелье принял их в окружении сильной охраны. Усиленные посты были расставлены по всему дому.

Заговорщиков это тем более удивило, что до тех пор у кардинала не было телохранителей. Обескураженный Шале и его люди покинули Флери. Не медля ни минуты, Ришелье в сопровождении охраны отправился в Фонтенбло с визитом к Гастону, которого застал в постели. Ришелье сразу же дал ему понять, что заговор раскрыт. Затем кардинал изрек сентенцию о необходимости укрепления единства в королевском доме и об опасностях, которые подстерегают государство в случае раздоров среди членов королевской семьи. Он призывал Гастона образумиться и назвать имена заговорщиков. Перепуганный насмерть Гастон выдал всех участников заговора, а спустя несколько дней безропотно подписал составленный Ришелье документ, обязывавший всех членов королевской семьи безусловно повиноваться королю. Получив подробные сведения о заговоре, Ришелье сообщил о нем Людовику XIII и одновременно подал королю прошение об отставке, сославшись на слабое здоровье. Кардинал сознательно пошел на обострение ситуации, понимая, что в столь критический момент Людовик XIII как никогда нуждается в нем. Ришелье нужен был новый мандат с более широкими полномочиями. И он получил его. 9 июня 1626 года королевский, курьер вручил кардиналу письмо, в котором, среди прочего, говорилось: «Я знаю все причины, по которым вы хотите уйти на покой. Я желаю Вам быть здоровым даже больше, чем Вы сами этого хотите… Благодаря Господу все идет хорошо с тех пор, как Вы здесь; я питаю к Вам полное доверие, и у меня никогда не было никого, кто служил бы мне на благо так, как это делаете Вы. Это побуждает меня просить Вас не уходить в отставку, ибо в этом случае дела мои пошли бы плохо… Не обращайте никакого внимания на то, что о Вас говорят. Я разоблачу любую клевету на Вас и заставлю любого из тех, кто желает быть членом моего Совета, считаться с Вами. Будьте уверены, я не изменю своего мнения. Кто бы ни выступил против Вас, Вы можете рассчитывать на меня». Король обещал Ришелье полное содействие и со стороны королевы-матери. Любопытно, что Людовик XIII написал эго письмо собственноручно, что свидетельствовало о его искреннем и полном доверии к Ришелье. Это важно отметить в связи с тем, что в литературе бытует мнение, будто кардинал постоянно тиранил слабовольного короля, в

глубине души ненавидевшего своего притеснителя. Вся последующая история взаимоотношений Людовика XIII и Ришелье свидетельствует о том, что они действовали преимущественно в полном согласии, как единомышленники.

Пока Ришелье некоторое время был не у дел, Людовик XIII по собственной инициативе осуществил реорганизацию Совета, постаравшись устранить из него всех явных противников кардинала. Марильяк стал хранителем печати, маркиз д'Эффиа — сюринтендантом финансов, Шомберг и Клод Бутилье — государственными секретарями. 11 июня 1626 года по королевскому указу были арестованы братья Вандомы. Спустя два дня Людовик XIII вызвал Ришелье в Блуа, откуда двор отправился в Нант, где в это время начинали работу провинциальные штаты. Король представил депутатам нового губернатора провинции маршала де Темина, назначенного по рекомендации Ришелье.

Тем временем большинство заговорщиков пока что было на свободе. Ришелье позволил себе поиграть с ними в кошки-мышки, установив за каждым постоянное наблюдение. Возможно, кардинал хотел выявить тех участников заговора, которые ему не были известны. Убедившись, что их просто нет, Ришелье 8 июля 1626 года приказал арестовать Шале. Что касается герцогини де Шеврез, то ей было предписано отправиться в ссылку в провинцию Пуату, неблагоприятный климат которой хорошо был известен кардиналу по личным ощущениям.

5 августа 1626 года вопреки желанию Гастона его обвенчали с мадемуазель де Монпансье. Церковную службу в кафедральном соборе Нанта вел сам кардинал Ришелье. Этим браком король и его первый министр надеялись умерить претензии герцога Анжуйского. В ознаменование этого события король объявил о передаче Гастону герцогства Орлеанского. Отныне Гастон становился герцогом Орлеанским. В разгар торжеств, связанных с женитьбой, был казнен маркиз де Шале.

ЛУИ ДЕ МАРИЛЬЯК (1626) Шале закончил жизнь на эшафоте. Однако Гастону Орлеанскому все же удалось возглавить возмущение в Лотарингии и заключить тайный договор с Испанией, обещавшей помощь противникам Ришелье. Чтобы навести страх на мятежников, кардинал приказал казнить их сторонника маршала Марильяка. Однако подсудимый апеллировал к парламенту. Мишель де Марильяк был хранителем печати и первым советником Марии Медичи. Ришелье больше всего опасался вооруженной оппозиции, а маршал де Марильяк пользовался влиянием в армии. Предав его суду, Ришелье надеялся морально сломить тех, кто еще не отказался от сопротивления центральной власти, кто не расстался с мыслью о мятеже.

Марильяк подал прошение в одну из палат парижского парламента, указав, что только она, а не назначенные правительством лица правомочна расследовать его дело и судить маршала Франции. Парламент, очень ревниво относившийся к созданию чрезвычайных судебных органов, которые он рассматривал как нарушение своих привилегий, потребовал приостановить процесс. Ришелье пришлось провести через Королевский совет решение, отменяющее постановление парламента. Эта мера вызвала серьезное недовольство. Последовали новая петиция Марильяка и вторичное, благоприятное для него постановление парламента. Кардинал

отверг и это постановление. Дело Марильяка было передано на рассмотрение советников парламента города Дижона, но, поскольку там вспыхнула эпидемия, заседания суда были перенесены в Верден.

Парижский парламент запретил продолжать процесс маршала и вынес решение выразить протест королю. В ответ 12 сентября Королевский совет предписал судьям в Вердене не прекращать выполнения своих обязанностей. Однако даже часть этих судей явно колебалась, поддаваясь давлению тех сил, которые стояли на стороне обвиняемого. 10 марта 1632 года суд в новом составе собрался в замке Рюэль, принадлежавшем кардиналу. 7 мая был вынесен смертный приговор. Через три дня, 10 мая 1632 года, Марильяк был обезглавлен на Гревской площади в Париже, а их предводитель Анри де Монморанси, получивший 10 серьезных ранений, был взят в плен. В обществе надеялись, что, учитывая высокое происхождение герцога, он будет прощен. К Людовику XIII и к Ришелье стали поступать ходатайства. «Нынешнее положение дел таково, что диктует потребность в большом уроке», — отвечал кардинал.

30 октября 1632 года герцог де Монморанси, едва оправившийся от ран, был публично казнен. Эта казнь вызвала глубокое потрясение в обществе. Ведь речь шла о человеке, чья родословная насчитывала более 700 лет, о первом дворянине королевства, следовавшем после принцев крови. Он был молод, знатен, популярен и даже любим, это был сам символ древнего французского дворянства. Но король и здесь проявил полную солидарность со своим министром. Светским ходатаям за жизнь Монморанси Людовик XIII ответил, как и подобало примерному ученику кардинала Ришелье: «Я не был бы королем, если бы позволил себе иметь личные чувства».

ГЕРЦОГ МОНМОРАНСИ (1632)

Самый большой резонанс вызвал процесс герцога Монморанси — одного из самых знатных вельмож, поднявшего мятеж на юге Франции и захваченного в плен королевскими войсками. Это был один из самых родовитых и знатных дворян Франции. Он не принадлежал к противникам Ришелье, скорее всего, даже относился к нему дружелюбно и уважительно. Но, на свою беду, он находился под сильным влиянием жены, ярой сторонницы Марии Медичи и Гастона Орлеанского. Герцогиня де Монморанси была одной из самых непримиримых противниц кардинала, именно она толкнула мужа на путь государственной измены.

Весной 1632 года Монморанси открыто перешел на сторону Гастона, возглавив мятежную армию. Казнь Марильяка была запоздалым предупреждением Монморанси. 1 сентября 1632 года в сражении при Кастельнодари королевская армия наголову разбила мятежников.

УОЛТЕР РЭЙЛИ

Власть исходит сверху, а доверие — снизу.

Сийес

Рэйли — человек с большой буквы, гений своего века, отличился также тем, что был узником Тауэра, но узником не своей страны, а Испании. Он был несправедливо заточен в тюрьму по ложному обвинению в соучастии в заговоре Эссекса. В тюрьме его посещали поэты, ученые, изобретатели и лучшие умы его времени. В тюрьме он приготовлял микстуры и эссенции, изобрел утерянное впоследствии средство

превращать соленую воду в пресную, писал политические трактаты, изобрел современный военный корабль, написал свою многотомную «Всемирную историю». Друг Вильяма Шекспира и актеров, Рэйли был также другом Фрэнсиса Бэкона.

Общественная жизнь Рэйли была посвящена возвышению Англии, он мечтал сделать ее матерью свободных штатов.

Во времена Рэйли основное влияние на мировую политику оказывала Испания. Против Испании Рэйли и ополчился больше всего. Против Испании он боролся в Гвиане, Испанию он унизил в Кадиксе и хитро обманул в Виргинии. Он питал к Испании такую же ненависть, как Ганнибал к Риму. В конце концов борьба с великой страной изнурила великого человека, и после 40-летней борьбы с Испанией, борьбы мечом и пером, Рэйли был умерщвлен у себя на родине по приказанию испанского короля. Жизнь Рэйли делилась на три главных периода: первый кончился обольщением Бесси Троглортон, королевской фрейлины, арестом и женитьбой; второй период завершился его арестом по обвинению в попытке возвести на престол Арабеллу Стюарт; третий период — казнью по требованию Филиппа II.

Король Яков боялся одного имени Рэйли: «Я слыхал о тебе, Человек», — сказал он вместо приветствия при первом свидании с героем Кадикса и Гвианы. Эссекс признавал в нем учителя, а Эсрингаш, несмотря на свой титул лорда-адмирала Англии, оказал ему однажды неслыханную честь, смахнув пыль с его сапог. Если королевские советники намеревались отрубить голову такому человеку, то благоразумно было бы предварительно узнать, какое воздействие произведет весть о его неожиданной смерти в Лондоне, на флоте и при иностранных дворах. В заточении Рэйли провел 14 лет, но в узах он содержался по требованию Испании. Богатый деньгами и друзьями, Рэйли мог найти тысячу средств для отмщения, ему причинили слишком много вреда, чтобы он мог простить. Его нельзя было удалить в изгнание — если бы Рэйли, как преступника в древности, посадили в лодку и отправили в море, то, по всей вероятности, через 3–4 года он очутился бы во главе армии и государственного управления при дворе какого-нибудь могущественного монарха. Хотя Рэйли содержался в строгом заточении, слава его не меркла. В 1616 году Рэйли освободили и послали в Гвиану разыскивать месторождения золота. Экспедиция Рэйли столкнулась с испанцами, ревниво охранявшими свою колониальную монополию в западном полушарии. А такое столкновение как раз категорически было запрещено Рэйли, поскольку Яков в это время был заинтересован в союзе с Мадридом. После возвращения на родину Рэйли был немедленно арестован по настоянию влиятельного испанского посла Гондомара. На этот раз его обвинили в пиратстве, хотя, как подтвердили последующие расследования, он действовал в тех областях Южной Америки, где не было испанских поселений. Король Яков находился в безвыходном положении: испанцы, обещавшие ему свою инфанту для его сына, требовали смерти Рэйли. До последней минуты при дворе царили раздор и смятение. Королева высказывалась в пользу Рэйли, и ее поддерживали все, кто предпочитал брак принца валийского с французской принцессой.

Испания соблазняла короля большим приданым, чем Франция. В конце концов, приказ о смертной казни Рэйли был подписан.

22 октября 1618 года суд королевской скамьи подтвердил прежний приговор, вынесенный Рэйли. Приглашая одного из друзей на собственную казнь, Рэйли порекомендовал ему заранее запастись удобным местом, так как на площади будет очень многолюдно. «Что касается меня, — добавил осужденный, — то я себе место уже обеспечил». Последние десять дней своей жизни Рэйли провел в тиши и спокойствии. Приказ о казни ему объявили в 8 часов утра 29 октября. Рэйли был еще в постели, но, услышав голос коменданта, он вскочил, поспешно оделся и вышел из комнаты. В дверях его встретил брадобрей Питер. «Сэр, — сказал он. — Мы еще не завивали вашей головы сегодня». Рэйли отвечал с улыбкой: «Пускай ее причешет тот, кто ее возьмет».

Питер последовал за ним до ворот, и Рэйли все время продолжал шутить «Питер, — сказал он. — Можешь ты мне дать пластырь, чтобы прилепить голову, когда ее отрубят?»

На эшафоте он вел себя с обычным бесстрашием и равнодушием к смерти. Толпа открыто сочувствовала Рэйли. Когда все было кончено, в толпе чей-то голос громко произнес: «Где мы найдем еще такую голову, чтобы снести ее с плеч?»

Яков I не задавался подобными вопросами. Так окончилась жизнь одного из прославленных англичан — храброго солдата и пытливого ученого, сына бурного времени, которое является потомству в образе шекспировской Англии.

ДЖУЛИО ЧЕЗАРЕ ВАНИНИ

Мудро презирать дни нашей короткой жизни, неопределенной, полной тяжелых трудов, чтобы добиться бессмертного имени среди потомков.

Д. Ч. Ванини «Диалоги», стр. 359

Джулио Ванини (1585–1619) — итальянский философ и мыслитель начала XVII века, автор книг «Амфитеатр» и «Диалоги», в которых он критиковал основы христианской веры, даже образ Бога, созданный ортодоксальным научным учением. «Понятие Бог древними философами понималось широко: одни говорят, что это вода, другие — воздух, третьи — солнце, луна и звезды, четвертые — небо и солнце и т. д… природа и есть Бог, так как она является началом движения… Бог, или, лучше сказать, природа, создала небо и землю…» — «Диалоги». «Положение, на котором, — писал Ванини, — современные атеисты строят свои главные рассуждения, гласит „Бог или знает о заблуждениях людей, или не знает. Если он знает о них, следовательно, он их творец, так как для Бога знать и хотеть — это одно и то же, если же он их не знает, он не берет на себя никаких забог в руководстве миром, так как не может им управлять, не зная его“».

И далее: «Бог не все знает, например, он не знает формы греха». — «Диалоги».

И все это в самом начале просвещенного XVII века! Во все времена существовали предметы, о которых лучше не задумываться. Например, во времена Нерона — о порядочности Цезаря, во времена Гитлера — о его состоятельности как политика, во времена Ленина — о необходимости коммунизма, во времена Трумэна — о необходимости маккартизма.

Примерно столь же опасным предметом во времена инквизиции было рассуждение о сущности Бога. И прежде всего потому, что на эту тему уже высказались почтенные люди, которые за эти свои мысли были удостоены приставки св. перед своими именами, ну в крайнем случае преп. или дост. Оспаривать их мнение в глазах церкви значило уже совершить смертный грех. Упорствовать же в своем мнении — означало быть отступником, еретиком, пособником дьявола, а значит, врагом всего живого на земле. Разумеется, ни богословы, ни инквизиция не могли спокойно терпеть столь возмутительные нападки на основы христианской веры. И это в то время, когда гораздо меньшие прегрешения карались спасительным костром или, в крайнем случае, пыточной камерой! Когда доктора Сорбонны вынесли решение о сожжении книг «Амфитеатр» и «Диалоги», Ванини вынужден был бежать из Парижа. Среди церковников ходил слух о том, что якобы Ванини, угнетенный постоянной бедностью, решил покончить с ней своеобразным способом: он послал папе римскому требование срочно предоставить ему бенефиций, угрожая в противном случае за три дня подорвать всю христианскую веру. Возможно, кстати, он действительно написал такое письмо-памфлет, ознакомив с ним узкий круг друзей.

В 1617 году Ванини оказался в Тулузе. В Европе его имя было уже настолько известно, что в Тулузе ему пришлось скрываться под именами Лючилио или Помпео Училио.

Вначале Ванини жил уединенно, но постепенно вавел знакомства, начал преподавать медицину, философию и теологию широкому кругу тулузской молодежи. В 1618 году в Тулузу приехал некий молодой дворянин по имени Фракон, или Фракони. Через месяц после знакомства с Ванини, Фракон, догадавшись, кем на самом деле является его наставник, написал на него донос. Осенью 1618 года Ванини был арестован. При аресте среди его вещей был обнаружен хрустальный сосуд с большой живой жабой, что давало возможность обвинить Ванини в колдовстве.

Следствие вел президент тулузского парламента Габриель Грамон. Современный событиям источник так рассказывал историю ареста Джулио Ванини «В ноябре месяце прошлого (1618) года был арестован и заключен в городскую тюрьму Тулузы некий итальянец, философ и очень ученый человек. Он придерживался мнения, что наши тела не имеют души и что, умирая, каждый из нас становится мертвым, как и грубые животные; что Дева Мария знала телесную близость, как и другие женщины, и произносил другие постыдные, недостойные ни написания, ни произношения слова… Когда сведения об этом дошли до ведома парламента, последний вынес решение против нового магистра. Будучи схвачен и допрошен, он утверждал, что придерживается правильного учения». *18 Mercure Francois, ann 1619 TV P. 63–64.* Французский парламент славился своей жестокостью и прежде всего — своими суровыми приговорами в делах веры. Католические круги с целью смягчить жестокость действий тулузского парламента пытались объявить Ванини сумасшедшим. В «Историческом словаре», вышедшем в Неаполе в 1741 году, было написано: «Если бы Ванини не был сожжен, он бы все равно умер в сумасшедшем доме». 9 февраля 1619 года Ванини был объявлен смертный приговор. Приговор гласил: «9 февраля 1619 года Великая палата вместе с Палатой по уголовным делам, в присутствии первого председателя суда Лемазюрье и других, по заявлению

генерального прокурора короля произвела судебное следствие над Помпео Училио, неаполитанцем по национальности, заключенным в городскую тюрьму. Великая палата заслушала обвинения, выдвинутые против него, свидетельские показания, очные ставки, сведения и доносы о рассмотренных и установленных фактах, речь и заключение генерального прокурора короля против указанного Училио. Было решено, что процесс находится в таком состоянии, когда может быть принято окончательное постановление без дальнейшего расследования истинности указанного процесса. Установив это, суд объявляет, что указанный Училио обвинен и признан виновным в атеизме, кощунстве, нечестии и других преступлениях, рассмотренных на этом судебном процессе.

В наказание и в качестве возмездия за эти преступления суд приговаривает указанного Училио к передаче в руки палача уголовного правосудия. Палач должен будет протащить его в одной рубахе на циновочной подстилке, с рогаткой на шее и доской на плечах, на которой должны быть написаны следующие слова. „Атеист и богохульник".

Палач должен доставить его к главным воротам городского собора Сант Этьен и там поставить на колени, босым, с обнаженной головой. В руках он должен держать зажженную восковую свечу и умолять о прощении Бога, короля и суд… Затем палач отведет его на площадь Сален, привяжет к воздвигнутому там столбу, вырвет язык и задушит. После этого его тело будет сожжено и пепел развеян по ветру».

Общая формула обвинения — в «атеизме, кощунстве, нечестии и других преступлениях» и вмешательство королевского прокурора говорят о том, что процесс Ванини фактически не носил характера только местного события. По своей сути это был процесс против крупнейшего после Бруно идеологического бунтаря. После оглашения приговора, как писал судья Грамон (это также подтверждается «Дневником Эскироля», хранящимся в Парижской национальной библиотеке), Ванини заявил, что он католичества не признает.

Казнь состоялась в день вынесения приговора, — очевидно, таково было пожелание церковных властей. Да и судьи спешили замести следы. Не случайно материалы процесса были сожжены одновременно с казнью Ванини. Судья Грамон пытался всячески очернить Ванини и его поведение в последние минуты жизни. Современник и наблюдатель этих событий, писавший в газете «Меркюр Франсуа», точно передал картину казни и поведение Ванини: «Так, выходя из тюрьмы веселым и радостным, он произнес такие слова на итальянском языке: „Пойдем, пойдем весело умирать, как подобает философу!"». В одежде кающегося грешника, под охраной множества вооруженных стражников, Ванини шел к вратам собора Сант Этьен, а оттуда на площадь Сален. Там под балдахином сидели представители церкви в парадных облачениях, соответствующих этой мрачной церемонии, и другие почетные лица. Дамы были одеты в праздничные одежды. Толпа горожан запрудила всю площадь. Колокола звонили, как по умершему. С веревкой на шее, с зеленой восковой свечой в связанных руках появился осужденный. Все было подготовлено для аутодафе. Когда сопровождавший Ванини монах из ордена кордельеров стал его утешать, напоминая о милосердии божьем и страданиях Христа, он резко ответил ему: «Христос потел от страха в последние минуты, я же

умираю неустрашимым». «Он умер с таким твердым убеждением, спокойствием и твердой волей, как никакой другой человек, которого когда-либо видели, — сообщала „Меркюр Франсуа“. — Чтобы показать свое твердое убеждение перед смертью и неверие в душу, он произнес такие слова в присутствии тысячи людей, когда ему сказали, чтобы он просил прощения у Бога: „Нет ни Бога, ни дьявола, так как если бы был Бог, я попросил бы его поразить молнией парламент, как совершенно несправедливый и неправедный; если бы был дьявол, я попросил бы его также, чтобы он поглотил этот парламент, отправив его в подземное царство; но так как нет ни того, ни другого, я ничего этого не делаю“». Это были последние слова Ванини. По сигналу Грамона палачи приступили к исполнению страшной процедуры казни. Ванини отказался высунуть язык, и ему отсекли его клещами насильно. После этого, согласно приговору, как писал Грамон, «его должны были задушить, перед тем как предать огню на костре». Однако даже Грамон не упомянул о том, что его задушили. «Меркюр Франсуа» уточнила: «…ему должны были отрезать язык, а сам он должен был быть сожжен живым, что было исполнено в начале февраля». Таким образом, суд нарушил собственное постановление и сжег Ванини живым. Пепел сожженного был развеян по ветру…

ФЕЛЬТОН И БЭКИНГЕМ

Народ поддержит лишь процветающий режим
Франсуа де Нешато

В 1628 году ненависть английского народа и парламента к фавориту короля Карла I герцогу Бэкингему (он же Джордж Вильерс) достигла предела. Несмотря на то, что в романе А. Дюма-отца «Три мушкетера» о романтичном герцоге было сказано много теплых слов, в реальной жизни это был казнокрад, развратник и интриган, пользовавшийся расположением короля, который в нем души не чаял. Прибрав к рукам всю власть в королевстве и должность первого министра правительства, Бэкингем поневоле взвалил на себя и всю полноту ответственности за неустроенность дел в стране. Английский парламент выступил против первого министра. Член парламента Элиот разразился пламенной речью, назвав Бэкингема «врагом королевства», и речь эта была опубликована.

Армия и флот были в очень напряженном состоянии духа. Они желали сразиться с кардиналом Ришелье, как их отцы сражались против кардинала Альбрехта. Копия протеста палаты и речь Элиота ходили по рукам солдат и моряков. Командовать ими должен был «враг королевства». Можно ли было доверить такому человеку свою жизнь? Многие из солдат не имели оружия и обуви. Ирландский отряд, состоявший из диких распущенных молодцов, был послан в провинцию и грабил днем и ночью фермеров. Повсюду произошли столкновения. В Госпорте солдаты взбунтовались, и четверо было убито. Повсюду шли аресты. В Спитхэде какой-то матрос оскорбил Вильерса, тот его арестовал и велел повесить. Товарищи матроса окружили дом, в котором он был заперт, но потом отступили, чтобы не возбудить мятежа. Когда Карл с Бэкингемом в Дептфорде осматривал корабли, он шепотом произнес: «Джордж, многие желают, чтоб эти корабли погибли вместе с тобою, не думай об этом, если ты погибнешь, то мы погибнем вместе». Действительно, они оба погибли и за одно дело, но не вместе, как предсказывал король.

«Не лучше ли, — спросил Трогмортон у герцога накануне отъезда в армию, — вам надеть под платье тайную кольчугу?»

Однако люди часто бывают слепы, когда идут на погибель, и Вильерс, обращаясь к своему осторожному другу воскликнул: «Нет более римлян!» В Портсмуте для герцога был приготовлен небольшой каменный двухэтажный дом, стоявший на главной улице города и принадлежавший капитану Масону. В этом доме в субботу утром 23 августа 1628 года собралась знать — адмиралы, генералы, государственные чиновники, молодая герцогиня леди Англьси и другие дамы. У дверей стояла карета. Лорд Дорчестер только что приехал от короля, и герцог Бэкингем с веселым лицом отправлялся на свидание к Карлу. Он объявил, что получены хорошие вести об освобождении Ла-Рошели от осады, следовательно, отпадала необходимость отправляться в поход. Но Субиз, зная, что эти вести были ложные, явился к герцогу и вступил с ним в горячий спор, требуя немедленного отплытия английского флота, если Англия хотела спасти Ла-Рошель. Пока в доме обсуждали этот вопрос, на улицах происходило волнение. Толпа матросов бегала по городу, называя Вичьерса тираном и убийцей за повешение их товарища. На их усмирение был послан отряд солдат. Солдаты стали стрелять, и весь город превратился в кровавое поле битвы. Герцог во главе кавалерийского отряда бросился на мятежников и отбросил их в гавань, где они искали спасения на кораблях. Двое было убитых и множество раненых. Герцог знал очень хорошо, что ему было не безопасно отправляться на корабли. Экипаж его был готов, а свита садилась на коней. Герцог пошел на улицу, но, проходя по узкому коридору, вдруг остановился и закачался.

Лорд Клевеланд, шедший рядом с ним, услыхал глухой удар и слова, произнесенные кем-то вполголоса: «Помилуй, Господи, его душу».

Герцог снова пошатнулся, пробормотал чуть слышно «злодей», выхватил из груди нож и грохнулся на землю. Кровь брызнула из его рта, глаза закатились, сердце перестало биться. Бэкингем умер. Вначале свита подумала, что его убил гугенот. Сотни шпаг блеснули в воздухе, и раздался крик: «Француз! Француз!». Когда они поднимали принца, офицер небольшого роста, смуглый, без шляпы, в запыленной одежде и со шпагой в руке, вышел из какой-то двери во двор и воскликнул: «Я убийца». Все взгляды устремились на него. «Это я!» — прибавил офицер и отдал свою шпагу. На допросе он назвался Джоном Фельтоном и признался в совершении убийства, сказав, что он был лишь орудием провидения. Он служил офицером в армии и имел чин поручика, участвовал во многих битвах во Фландрии, на Рейне и под Ла-Рошелью. Ему не заплатили положенное жалованье и не дали роты, но убить герцога он вздумал вовсе не из личных интересов. Он прочел протест палаты, провозглашавшей главнокомандующего общественным врагом, и какой-то внутренний голос призвал его исполнить приговор. Никто его не подстрекал, и он не имел сообщника. Один только внутренний голос побудил его к этому. Парламент указал всей стране врага общества. Преступный сановник открыто нарушал закон, и земное правосудие не могло до него добраться. Власть выше человеческой избрала его орудием справедливого возмездия. Убив Бэкингема, доказывал Фельтон, он исполнил лишь свой долг и надеялся

снискать мученический венец. Лорды, допрашивавшие его, объявили между прочим, что герцог вовсе не убит. На мрачном, смуглом лице Фельтона появилась улыбка. «Этот удар убил бы его даже сквозь кольчугу», — сказал опытный воин. Шляпа, потерянная им в толпе, была найдена, и в ней оказалась записка, писанная его рукой, в которой он заявлял, что не имел никаких личных обид против герцога, что решился убить врага общества, объявленного таковым высшим судом в Англии — парламентом. Услыхав весть об убийстве Бэкингема, стоя на коленях за утренней молитвой, Карл объявил, что у Фельтона должен был быть соучастник, и прямо указал на этого участника. Это, решил он, был Элиот, тот самый красноречивый трибун, который назвал Вильерса преступником и предал его народной мести, заявив: «Се человек». Карл приказал привезти убийцу в Лондон, поместить в Лондонскую Башню и подвергнуть допросу. Сэр Лод, наследовавший после герцога доверие короля, принял на себя большую часть трудов по расследованию заговора.

Как только по городу разнеслась весть, что офицера, убившего герцога, везут в Лондон, громадные толпы народа вышли к нему навстречу, чтоб выразить ему свою благодарность. По дороге он слышал крики: «Да благословит тебя Господь, маленький Давид», а в Сити из всех лавок и окон раздавались одни и те же слова: «Да помилует тебя Господь!» Когда он проходил в мрачные своды Лондонской Башни с достоинством мученика, то из тысячи сердец вырвался вопль: «Да благословит тебя Господь!» Для народа этот бедный убийца был героем, поднявшим меч за святое дело, подобно Матфею на горе Модине, и освободившим свое отечество от чужестранного ига. В эту ночь за его здоровье пили во всем городе, в тавернах и частных домах, а на другой день за его здоровье пили в Оксфордском университете с завистью к такому классическому подвигу. Никто, кроме короля и двух или трех женщин, никто не был огорчен случившимся. Даже лорды были довольны смертью герцога, ибо, по их словам, наконец-то исчезла причина распри между королем и народом и Англия насладится миром. Даже те, которые не могли выпить за здоровье убийцы, видели во всем происшедшем десницу Господню. В эту ночь имя Фельтона было у всех на устах: некоторые его прославляли, но большинство за него молилось. На следующий день и в продолжении многих недель народ толпился у тюрьмы, чтобы взглянуть на своего «Маленького Давида», на своего «Освободителя». Небольшого роста, слабого сложения, с опущенными глазами, бледным лицом и тяжелой поступью, Джон Фельтон был типичным фанатиком. На одном из его пальцев был отрублен кончик и всякий, спрашивавший у него, как это с ним случилось, с ужасом отворачивался, когда Фельтон спокойным голосом рассказывал свою трагическую повесть. Однажды какой-то сосед его оскорбил, он потребовал удовлетворения, и когда сосед усомнился в его искренности, то он отрубил себе палец и послал его своему сопернику в знак его готовности с ним драться. Выведенный из себя, Фельтон был способен на все, а тем более когда он считал себя призванным небом на какое-нибудь особое дело.

Вся страна рукоплескала подвигу Фельтона. Поэты воспевали его в стихах, а досужие остряки составляли анаграммы из его имени. В этом отношении были особенно замечательны Таунли, друг Камдена, и Джиль,

друг Мильтона. Гимн Таунли в честь убийцы был так великолепен, что Джонсона заподозрили в его сочинении. Джонсона призвали в суд, но поэт под присягой показал, что стихи были не его, а Таунли. Таунли был его другом, он ужинал с ним недавно и получил от него в подарок кинжал. Джиль был арестован, а Таунли бежал в Гаагу.

Вскоре случилось еще более знаменательное событие. Некий Роберт Саведж публично похвастался, что он друг Фельтона, помогал ему в его подвиге и намерен был сам убить герцога, если бы попытка Фельтона не увенчалась успехом. Арестованный и представленный в Королевский совет, Саведж подтвердил свое участие в заговоре. Лод решил, что он уже напал на следы громадного заговора, и тотчас заточил его в Лондонскую Башню. Но он не мог сообщить никаких подробностей, а Фельтон объявил, что никогда не видал этого человека. Тогда Лод придумал испытание. Он приказал удалить Фельтона из Башни и на его место посадить другого арестанта, когда в комнату ввели Саведжа, он подошел к арестанту и пожал ему руку со словами: «Здравствуйте, мистер Фельтон».

Саведжа тотчас удалили из Лондонской Башни, как обманщика, и подвергли унизительному наказанию; он был прогнан сквозь строй от Флит-стрита до Вестминстера, выставлен к позорному столбу, заклеймен на обеих щеках и под конец у него были отрублены уши.

Но жестокость Лода встретила себе достойного соперника в хитрости Фельтона. «Вы должны во всем признаться! — восклицал Лод. — Или я вас подвергну пытке». — «Если я буду подвергнут пытке, милорд, — отвечал Фельтон, — то в агонии могу обвинить и вас».

Все, что Лод узнал о своем узнике, не имело ничего общего с заговором. Джон Фельтон был бедным, одиноким человеком; он вечно был сосредоточен, мало говорил, постоянно читал Библию и ходил в церковь; страстно любил Англию и всей душой ненавидел Рим и Испанию. Лишь за месяц до того, войдя в лавочку уличного писца в Голборне и увидав копию парламентского акта, которым Вильерс был признан врагом общества, он почувствовал в себе призвание исполнить этот приговор народных представителей. Не сразу поддался он этому внутреннему голосу. В продолжении нескольких недель он сопротивлялся ему и горячо молился. Но все было тщетно; он должен был повиноваться небесному голосу. Тогда Фельтон снова отправился в лавочку писца, чтоб еще раз прочесть роковой документ; писец, занятый своим делом, отказался ему дать копию иначе, как если он ее купит. «Позвольте мне ее прежде прочесть?» — сказал Фельтон. «Хорошо», — отвечал писец и послал своего мальчика с Фельтоном в таверну «Мельница», где будущий убийца в продолжение двух часов читал и перечитывал документ. Наконец он заплатил за него мальчику и унес с собой. Целых пять недель он изучал и обдумывал приговор высшего суда Англии, горячо молясь о лучшем его понимании. Небесный голос продолжал его призывать к совершению великого дела, и он в глубине души отвечал, что готов исполнить свое призвание.

Отправляясь на кровавый подвиг, он зашел в церковь и попросил, чтобы в следующее воскресенье его упомянули в молитве, как человека, особенно нуждавшегося в милости неба; потом он купил простой нож за два пенса и написал несколько слов на бумажке, которую приколол внутри своей шляпы.

На суде прокурор выступил в качестве обвинителя. Он особенно распространялся о потере, понесенной его величеством со смертью такого великого и доброго человека, как герцог. Фельтон встал и, протянув правую руку, сказал, что сожалеет, что убил хорошего королевского слугу, и попросил отрубить руку, совершившую это дело.

Джон Фельтон умер как жил: верующий, но не раскаявшийся, внешне бесчувственный, но преданный отечеству, обагренный кровью, но осененный венцом патриота.

СЕН-МАР

Король был главою заговора, обер-шталмейстер Сен-Мар — его душою; заговорщики действовали от имени герцога Орлеанского, брата короля, и пользовались советами герцога Бульонского; королева знала о предприятии; имена его участников были ей также хорошо известны.

«Мемуары Анны Австрийской». Моттевиль

Последний крупный заговор, организованный королевским фаворитом Сен-Маром, также был раскрыт полицией всемогущего министра. Ришелье решил превратить суд над Сен-Маром в доказательство неотвратимости наказания для тех, кто выступает против кардинала, но при этом провести суд со всеми формальностями, предписанными законом. А это, несмотря на очевидность измены, было совсем нелегким делом. Ведь разведка Ришелье добыла лишь копию секретного договора, заключенного заговорщиками с Испанией. Кто мог удостоверить аутентичность этого документа? Тогда Ришелье решил снова использовать предательство герцогов Орлеанского и Бульонского. Он потребовал и получил от них письменные заявления, подтверждавшие соответствие копии оригиналу договора.

А предыстория заговора была такова.

Ришелье сам обратил внимание Людовика на молодого красавца Анри де Сен-Мара, сына сторонника кардинала маршала Эффиа. Сен-Мар в качестве доверенного лица короля сменил некую мадемуазель Отфор, так как кардинал-министр считал, что она интриговала против него.

В марте 1638 года 18-летний Сен-Мар получил звание заведующего гардеробом короля, и с этого времени король стал осыпать милостями своего любимца. В 1639 году король назначил его обер-шталмейстером Франции. Привязанность к Сен-Мару заполнила все мысли короля. Новые друзья временами ссорились, и в таких случаях посредником выступал сам кардинал. До нас дошла записка — свидетельство таких нежных ссор и примирений.

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем перед всеми, кому сие надлежит ведать, что мы довольны друг другом и что мы никогда не находились в таком добром согласии, как сейчас. В удостоверении чего мы подписали данное свидетельство. Сен-Жермен, 26 ноября 1639 года. Подписи: Людовик XIII и (по моему приказу) Эффиа де Сен-Мар». Но новый фаворит не оказался послушной марионеткой Ришелье, на что рассчитывал кардинал. Сен-Мар собирался жениться на герцогине Марии де Гонзаго, опытной, честолюбивой придворной кокетке, которая, однако, поставила ему условие, чтобы он получил титул герцога или коннетабля Франции. Сен-Мар обратился за помощью к Ришелье.

«Не забывайте, — ледяным тоном ответил кардинал, — что вы лишь простой дворянин, возвышенный милостью короля, и мне непонятно, как вы имели дерзость рассчитывать на такой брак. Если герцогиня Мария действительно думает о таком замужестве, она еще более безумна, чем вы».

Не произнеся ни слова, Сен-Мар покинул Ришелье, дав клятву отомстить всемогущему правителю страны. Первый его шаг закончился еще большим унижением. Уступив настойчивой просьбе своего фаворита, Людовик XIII явился на заседание государственного совета в сопровождении Сен-Мара. Король заявил, что Сен-Мару следует познакомиться с правительственными делами и с этой целью он назначает его членом этого высокого учреждения. На этот раз пришла очередь Ришелье промолчать. Он все же устроил так, что на заседании обсуждались совсем маловажные дела. Оставшись один на один с королем, Ришелье предупредил Людовика об опасности нахождения в совете несдержанного и болтливого фаворита, который может с легкостью разгласить доверенные ему государственные секреты. Король согласился с этими доводами, он всегда в конечном счете во всем уступал Ришелье. Взбешенный Сен-Мар решил любой ценой свергнуть кардинала. Как никто другой он знал скрытую от большинства придворных сторону взаимоотношений короля и его министра. Он видел, что железная воля кардинала сгибает бесхарактерного, но болезненно-самолюбивого Людовика. Людовик побаивался и недолюбливал кардинала, но в делах обходиться без него не мог. Однажды Сен-Мар стал свидетелем сцены, происшедшей в дверях королевского кабинета, откуда вместе выходили Людовик XIII и Ришелье. У самого порога Людовик XIII внезапно остановился и, обращаясь к Ришелье, язвительно сказал: «Проходите первым, все и так говорят, что именно Вы — подлинный король». Ришелье не растерялся, он взял оказавшийся поблизости подсвечник и уверенно пошел впереди короля со словами: «Да, Сир, я иду вперед, чтобы освещать Вам дорогу».

Первым сообщником Сен-Мара в задуманном им предприятии по устранению Ришелье стал его лучший друг 19-летний советник парижского парламента Франсуа Огюст де Ту, горячий сторонник примирения с Испанией. Он привлек к участию в заговоре маркиза де Фонтре, знатного дворянина из Лангедока, калеку, изуродованного двумя горбами. Однажды де Фонтре вместе с несколькими молодыми дворянами осмеял спектакль, поставленный, как выяснилось, по распоряжению Ришелье. Кардинал не забывал таких выходок. Встретив через несколько дней маркиза в зале своего дворца, в минуту, когда докладывали о прибытии иностранного посла, Ришелье громко произнес: «Посторонитесь, господин Фонтре. Посол прибыл во Францию не для того, чтобы рассматривать уродов». По-видимому, дело было все-таки не только в личной неприязни, что подтверждается и последующей ролью Фонтре в «заговоре Сен-Мара». Маркиз был давним и убежденным сторонником разгромленной, но не уничтоженной испанской партии при французском дворе. Переодетый монахом-капуцином, де Фонтре ездил в Мадрид для встречи с Оливаресом. Глубокая неприязнь к Ришелье и осуждение проводимой им политики

осенью 1641 году объединили Сен-Мара, де Ту, де Фонтре, Гастона Орлеанского, Герцога Бульонского и Анну Австрийскую Каждый из них опирался на свою группу доверенных людей. В совокупности это был значительный круг заговорщиков, и он представлял серьезную угрозу для первого министра.

Сен-Мар и опытные заговорщики — Гастон Орлеанский и герцог Бульонский вместе составили проект договора с Испанией; точнее, оба герцога любезно диктовали, а Сен-Мар собственноручно писал этот крайне компрометировавший его документ. По договору король Испании должен был выставить 12000 человек пехоты и 15000 кавалерии, а также обеспечить крупными пенсиями руководителей конспирации. Гастон Орлеанский намеревался в случае удачи занять престол, Сен-Мар — место Ришелье, а испанцы — получить выгодный мир, которого они давно и тщетно добивались, воюя с Францией.

«Испанский Ришелье», как его называли современники, долго тянул с подписанием бумаги. Решился он на это только после того, как узнал, что кардинал, несмотря на тяжелую болезнь, вместе с королем двинулся во главе сильной армии на юг, чтобы перенести войну в Каталонию.

Экземпляр подготовленного документа заговорщики передали Анне Австрийской, которая в конечном итоге и предала их. В последний момент она переметнулась на сторону кардинала. У королевы были на то свои причины. Видя постоянно ухудшающееся здоровье мужа, она надеялась на скорое вдовство и на регентство. Дав согласие участвовать в заговоре, она серьезно рисковала в случае его провала.

Сен-Мар досаждал королю нападками на Ришелье, все чаще он пренебрегал придворными обязанностями, ничего не смысля в военном деле, он позволял себе делать замечания опытным воякам. Король все с большим трудом переносил дерзости своего бывшего любимца.

7 июня 1642 годы доверенный человек королевы барон де Брассак доставил Ришелье текст хранившегося у нее тайного договора Гастона Орлеанского с Испанией и сопроводительное письмо, в котором Анна Австрийская заверяла кардинала, что отныне намерена «быть в его партии, зная, что Его Высокопреосвященство также поддержит ее и не оставит своей помощью». Кардинал настоял на аресте заговорщиков.

Де Фонтре, получив известие о посещении короля посланцем кардинала, заявил Сен-Мару, не верившему в опасность. «Вы будете достаточно хорошо сложены, даже когда вам снимут голову с плеч».

Сен-Мар еще до подписания приказа об аресте пытался бежать. Его нашли в бедной лачуге на одной из столичных окраин: городские ворота были закрыты, и беглец не сумел покинуть Париж.

После ареста первым предал своих сообщников Гастон Орлеанский. Так же поступил вскоре и герцог Бульонский. Взамен они получили помилование (герцогу Бульонскому, чтобы заслужить прощение, пришлось отказаться от крепости Седан).

Еще ранее, 30 июня 1642 года, не надеясь на твердость Людовика XIII, Ришелье получил полномочия действовать в исключительных случаях от имени короля, даже до того, как тот будет извещен о случившемся.

Альфред де Виньи в романе «Сен-Мар, или Заговор при Людовике XIII» так описал казнь бывшего королевского фаворита:

«12 сентября 1642 года в Лионе на заре из всех городских ворот стали сходиться или съезжаться пехотные и кавалерийские войска… Четыре роты лионских буржуа, называемых знаменосцами — 100–120 тысяч человек — построились на площади Терро… Посреди площади был воздвигнут эшафот семи футов вышиной, а на нем — столб, перед коим поместили плаху… К оному эшафоту со стороны Дам де Сан-Пьер приставили лестницу в восемь ступеней…

После трижды прозвучавших сигналов трубы был оглашен приговор лионского суда… Сен-Мар обнял де Ту и первым взошел на эшафот и оглядел огромное скопление народа, на лице его не было и тени страха. Сен-Мар поклонился на все четыре стороны, стал на колени, воздавая хвалу Господу и вручая ему свою душу. В то время как он целовал распятие, священник велел народу молиться за него, а Сен-Мар, подняв распятие и соединив над головой руки, обратился с той же просьбой к народу. По доброй воле встал он на колени перед плахой, крепко обхватив ее, положил на плаху голову и спросил у исповедальника: „Отец мой, так ли я держу голову?“

Пока ему обрезали волосы, он молвил, вздыхая: „Боже мой, что такое мир сей? Боже мой, прими мою мученическую смерть во искупление грехов моих“. И, обратившись к палачу, который стоял рядом, но еще не вынимал топор из мешка, он спросил: „Чего же ты ждешь, почемумедлишь?“

Духовник, приблизившись, дал ему крест, а он с невероятным присутствием духа попросил держать распятие у него перед глазами, которые попросил не завязывать. Сен-Мар крепче обнял плаху, и в воздухе сверкнул топор…

Де Ту палач нанес три удара, прежде чем голова осужденного упала на помост. Старый слуга Сен-Мара, державший его лошадь, как то подобает при погребальном шествии, остановился у подножия эшафота и смотрел на своего господина, вплоть до ужасного конца, затем рухнул мертвый».

КАРЛ I

Были ли вы заступником Англии, кем вы по должности обязаны были являться, или ее врагом и разорителем, пусть судит Англия и весь мир.

Джон Бредшоу. Из заключительной речи на суде над Карлом I

Немного найдется в истории процессов, которые оказали бы столь сильное влияние не только на современников, но и на последующие поколения, как суд над английским королем Карлом 1.

В наши цели не входит описывать причины английской буржуазной революции. Скажем лишь, что за время своего правления Карл I сделал все, чтобы озлобить и настроить против себя свой народ. Более восемнадцати лет в Англии не созывался парламент. Карл окружил себя новыми советниками, весьма непопулярными в народе. Вентворт был другом Испании и Рима, Лод был настолько папист, что папа Урбан предложил ему кардинальскую шапку. Вайндбанк, произведенный королем в государственные секретари, поступил в иезуитский орден. Лорд Финч, верховный судья, был самый презренный из судей.

Карл управлял Англией страхом и силой. Тюрьма, телесные наказания, каторжная работа царили повсеместно. Послушные суды

заставляли народ принять католичество. Конные отряды посылались в провинции для сбора податей. Людей по приказу Карла хватали, секли, отрубали им носы и уши, выжигали щеки.

Изувеченные, истекающие кровью, заклейменные горячим железом, эти несчастные перевозились от позорного столба в тюрьму Гэт-Гоуз, Маршалси или Лондонскую Башню.

Монархов и до этого нередко насильственно свергали с трона, немало их кончало жизнь под топором палача, но всегда при этом они объявлялись узурпаторами престола — их лишали жизни, но по приказу другого, объявленного законным государя. Когда судили бабку Карла I, Марию Стюарт, невозможно было подыскать подходящие судебные прецеденты, хотя речь шла не о царствующей королеве, которую к тому же судили в другой стране и по повелению монарха страны, где она провела в тюрьме почти два десятилетия. Во время английской революции парламент, вопреки сопротивлению Карла I, настоял на казни двух его главных советников, осуществлявших политику королевского абсолютизма, — графа Страффорда и архиепископа Лода. Их процессы произвели сильное впечатление, но и они не могли идти ни в какое сравнение с судом над королем.

Исключительность процесса Карла I подчеркнула сама история — только через полтора века, в годы другой, еще большей по масштабам народной революции снова бывшие подданные судили своего монарха. Но и тогда это стало событием, эхо которого отозвалось по всей Европе.

Процесс Карла I поражал воображение также силой характера врагов, столкнувшихся в этом деле. Во многом можно было обвинить Карла: и в стремлении утвердить на английской почве королевский абсолютизм иноземного типа, и в полной неразборчивости в средствах, и в готовности на любые клятвопреступления, на циничное попрание самых торжественных обещаний, на сговор с врагами страны и на предательство, если это было в его интересах, своих наиболее верных сторонников, на отречение от исполнителей своих приказаний и на то, что, если нужно, он пролил бы реки крови своих подданных. Но нельзя отказать Карлу и в неукротимой энергии, в убежденности в справедливости своего деда, в том, что используемые им дурные средства служат благой цели. Уже в предсмертной речи с эшафота он заявил собравшейся толпе: «Я должен сказать вам, что ваши вольности и свобода заключены в наличии правительства, в тех законах, которые наилучше обеспечивают вам жизнь и сохранность имущества. Это проистекает не из участия в управлении, которое никак вам не надлежит. Подданный и государь — это совершенно различные понятия». За несколько минут до казни Карл продолжал отстаивать абсолютизм с таким же упрямством, как и в годы наибольшего расцвета своего могущества.

Революционерам надо было созреть для борьбы и для торжества над таким убежденным противником, за которым стояли столетние традиции, привычки и обычаи многих поколений. Несомненно, что только давление снизу, со стороны народа, побудило руководителей парламентской армии — Оливера Кромвеля и его единомышленников — пойти на углубление революции, на ликвидацию монархии и провозглашение республики. Это, однако, не исключало того, что

лондонская толпа была раздражена своекорыстной политикой парламента. Недовольство вызывалось растущим бременем налогов, разорением, связанным с многолетней гражданской войной. Стоит ли удивляться, что порой это недовольство окрашивалось в монархические тона? С другой стороны, большое количество парламентских политиков боялось народа и готово было цепляться за монархию как возможного союзника. Карьеристский расчет заставлял этих людей сомневаться в прочности порядка, который будет создан без привычной монархической формы власти, страшиться ответственности в случае реставрации Стюартов, что все время оставалось реальной политической возможностью.

Нельзя было найти юриста, который составил бы обвинительный акт против короля. Палата лордов отказалась принять решение о предании Карла суду. Палата общин, подвергнутая «чистке» от сторонников соглашения с королем, назначила в качестве судей 135 лиц. На их верность, как считали, можно положиться. Но 50 из них сразу отказались от назначения, большинство остальных под разными предлогами не поставили своей подписи под приговором.

Нужна была поистине железная воля Кромвеля и его ближайшего окружения, а также тех демократически настроенных офицеров-левеллеров (уравнителей), которые по своим политическим взглядам стояли левее руководителей армии, чтобы преодолеть страхи одних, возражения других, интриги и эгоистические расчеты третьих и решиться на чрезвычайную меру, поразившую Европу.

Идя на этот дерзкий революционный шаг, верхушка армии стремилась внешне сохранить связь с английской конституционной традицией, по крайней мере с теми ее положениями, которые не были ликвидированы самой логикой развития революции. Однако провести процесс над королем в соответствии с конституционными принципами, как раз включавшими безотчетность монарха перед подданными за свои поступки, было заранее безнадежным делом. Более того, для Карла I, тоже пытавшегося по существу изменить форму правления в Англии по примеру континентального абсолютизма, конституционная почва была наиболее удобной для оспаривания правомочности суда.

Именно в этой плоскости и началась 20 января словесная дуэль между председателем суда Брейдшоу и Карлом в Вестминстер-холле, где происходил процесс короля. Черные камзолы пуританских судей, многочисленная стража с мушкетами и алебардами, внимательно наблюдавшая за зрителями на галереях, подчеркивали суровую торжественность происходившего. Брейдшоу объявил «Карлу Стюарту, королю Англии», что его будут судить по решению английского народа и его парламента по обвинению в государственной измене.

Карл обвинялся в том, что, будучи признанным в качестве короля Англии и наделенным поэтому ограниченной властью и правом управлять согласно законам страны, злоумышленно стремился к неограниченной и тиранической власти и ради этой цели изменнически повел войну против парламента. Со своей стороны Карл потребовал разъяснить, какой законной власти он обязан давать отчет в своих действиях (отлично зная, что такой власти не существует по конституции). «Вспомните, что я ваш король, законный король», — настойчиво твердил Карл. Обращаясь к

Карлу, Брейдшоу повторил выдвинутые обвинения, призвав его к ответу за содеянное «от имени английского народа, королем которого вы были избраны».

Таково было действительное представление пуритан о предназначении короля, но оно имело мало общего с традиционным конституционным правом Англии. Карл снова возразил: «Англия никогда не была государством с выборным королем. В течение почти тысячи лет она являлась наследственной монархией». Король объявил далее, что он стоит за «правильно понятое» право палаты общин, но что она без палаты лордов не образует парламента. «Предъявите мне, — добавил король, — законные полномочия, подтверждаемые словом божьим, Священным писанием или конституцией королевства, и я буду отвечать». Карл пытался всю конституционную аргументацию и все доводы от Священного писания, которыми оперировали его противники, обратить против них самих.

Он апеллировал к зрителям, присутствовавшим в Вестминстер-холле, среди них было немало его сторонников — «кавалеров», даже кричавших «Боже, спаси короля!» при удачном для Карла повороте в словопрениях. Брейдшоу был вынужден отдать приказ увести арестованного.

Результаты словесного поединка в первый день были не очень обнадеживающими. «Конституционная» аргументация обвинения сразу же обнаружила свои слабые стороны, и это дало дополнительные основания колеблющимся выразить свои сомнения. Но это же усиливало решимость таких людей, как прокурор Кук, заявивший: «Он должен умереть, а с ним должна умереть монархия».

На следующий день было воскресенье, пуританские судьи слушали три проповеди. Впрочем, и проповедники не сошлись во мнениях, как поступить с королем. Утром в понедельник 62 судьи собрались на частное заседание: обсуждался вопрос, как реагировать на оспаривание королем полномочий суда. И снова было решено соблюдать видимость конституционности его действий, соответствия традиционному праву. Дальнейший отказ короля отвечать на вопрос, признает ли он себя виновным, было решено считать утвердительным ответом. Хотя это ускоряло вынесение приговора, но в значительной степени лишало процесс его пропагандистской ценности. Ведь в таком случае механически отпадала необходимость вызывать свидетелей, которые своими показаниями сделали бы очевидной виновность короля; прокурор лишался повода для произнесения обвинительной речи. При признании обвиняемым инкриминируемого ему преступления этого требовала судебная процедура, чему в пределах возможного стремился следовать революционный трибунал. После полудня открылось второе регулярное заседание суда. Брейдшоу заявил королю, что суд не позволит ставить под сомнение свои полномочия. Карл снова выдвинул возражения конституционного характера: по закону монарх не может быть преступником, палата общин не имеет судебной власти. Опять начались дебаты. Во вторник на частном заседании снова было принято решение еще раз дать королю возможность ответить на обвинение, если он согласится признать полномочия суда. В противном случае утром 24 января будет вынесен приговор. Последовал еще день словесной перепалки. Лишь когда Брейдшоу сбрасывал

сковывавшие его путы конституционного крючкотворства, когда он, по существу, говорил о преступлениях короля — инициатора кровавой войны против народа, все становилось на свое место и Карл представал перед судьями и зрителями тем, чем он был в действительности, — поборником реакции и тирании. Конечно, речи Брейдшоу менее всего могли поколебать уверенного в своей правоте Карла.

Политическая обстановка не позволяла суду и стоявшему за ним независимому руководству армии пренебрегать возможностью доказать вину короля. Для этой цели было проведено — в отсутствие подсудимого — заслушивание свидетелей, выявивших роль Карла в ведении гражданской войны, нарушение им заключенных соглашений, приводилась перехваченная переписка короля, свидетельствовавшая о его намерении при первом же удобном случае расправиться со своими противниками (эти показания были напечатаны и в лондонских газетах). 27 января Карла снова привели в зал суда. Король, отлично зная, что все подготовлено для вынесения приговора, попытался сорвать намеченный ход заседания речью, обращенной к судьям. Брейдшоу запретил ему говорить. Но как только председатель суда произнес несколько слов о том, что обвинение поддерживается от имени английского народа, с галереи раздался женский голос: «Не от имени половины, не от четверти английского народа. Оливер Кромвель — изменник», — кричала какая-то важная дама в маске. Потом выяснилось, что это была леди Ферфакс, жена номинального командующего парламентской армией, который, несмотря на все настояния своего заместителя Кромвеля, уклонился от участия в процессе короля. После того как наконец воцарилась тишина, Брейдшоу продолжил свою речь. Поскольку, заявил он, обвиняемый отказывается ответить на вопрос, признает ли он себя виновным, суду остается вынести приговор. Обвиняемому может быть дано слово, если он не возобновит спора о полномочиях суда. Не вступая в дискуссию, король, однако, подтвердил, что отрицает право судить его. Опять часть судей усомнилась в правомочности своих действий. Один из них, Джон Дауне, вполголоса выразил сомнение. Сидевший впереди него Кромвель резко повернулся: «Что тебя беспокоит? Ты что, спятил? Не можешь сидеть тихо и вести себя спокойно?»

Но и после этого окрика Дауне громко произнес, что он не удовлетворен ходом дела. Брейдшоу неожиданно объявил перерыв, и суд удалился на совещание. Что происходило в эти полчаса? Впоследствии, уже после реставрации, не только Дауне, но и несколько других членов суда уверяли, что они требовали в последнюю минуту достигнуть соглашения с королем и что все их соображения были гневно отвергнуты Кромвелем. Он напомнил им о нарушениях Карлом прежних обязательств. Кромвелю удалось сплотить подавляющее большинство членов суда.

При возобновлении заседания Карл, учитывая обстановку, потребовал, чтобы парламент выслушал его новые предложения. Брейдшоу отверг этот последний маневр короля. В своей заключительной речи председатель суда снова напомнил о преступлениях Карла перед английским народом, о нарушении им договора, который связывает монарха с его подданными, разжигании гражданской войны.

Брейдшоу объяснил, игнорируя протесты Карла, почему короля нужно считать тираном, изменником и убийцей в полном смысле этого слова. Приговор, зачитанный секретарем суда, гласил: «Указанный Карл Стюарт, как тиран, изменник, убийца и враг общества, будет предан смерти посредством отсечения головы от туловища».

Те немногие дни, которые отделяли вердикт суда от казни, были заполнены лихорадочной активностью роялистов и иностранных дипломатов, пытавшихся добиться отсрочки или пересмотра приговора. В Лондоне распространялись слухи, что даже палач отказался выполнять свои обязанности и что его роль будет играть сам Кромвель. Палач и его помощник, действительно, были в масках, очевидно, чтобы потом иметь возможность, если потребуется, отрицать свое участие в цареубийстве, а пока, чтобы избежать удара кинжалом, который всегда ведь мог быть нанесен из-за угла рукой какого-нибудь кавалера. 30 января Карл I взошел на эшафот. Парламент немедля принял закон, запрещавший провозглашение королем наследника казненного монарха. Как указывалось в парламентском решении, принятом через неделю после казни, «было доказано на опыте, что должность короля Англии и принадлежность власти над нею какому-либо одному лицу не обязательны, обременительны и опасны для свободы, безопасности и общественных интересов народа и, следовательно, должны быть уничтожены».

…Когда спустя 11 лет после этого процесса судили оставшихся в живых «цареубийц», юристы короны долго ломали голову над сложной правовой проблемой: считать ли день казни 30 января 1649 года последним днем царствования Карла I или первым днем правления его сына Карла II?

По закону не должно быть разрыва даже в один день.

Некоторые судьи считали, что можно выйти из затруднения, отнеся этот роковой день к обоим царствованиям, другие выражали сомнения в правильности такого толкования законов. В результате, чтобы обойти столь непреодолимую преграду, обвиняемым было инкриминировано не убийство Карла I 30 января, а злоумышление против жизни короля 29 января 1649 года.

А ведь в этот никак не умещающийся ни в одно царствование день 30 января приказ о приведении в исполнение смертного приговора прямо указывал, что казни подлежит «король Англии». И палач даже на эшафоте именовал Карла не иначе, как «Ваше Величество».

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

Я надеюсь, что могут сказать моя жизнь была добровольной жертвой, и я надеюсь… я готов сказать: «О, если бы я имел крылья, подобно голубю, я улетел бы и обрел покой».

Оливер Кромвель

Этот человек при жизни стал легендой. Он пережил период безграничной народной любви и столь же безграничной ненависти, но никем ни разу не был побежден при жизни. И лишь после смерти столь ненавидимые им аристократы в бессильной ненависти надругались над его останками. Интересующихся мы отсылаем к истории английской революции, в нашем же кратком очерке мы скажем лишь, что ничто в его биографии рачительного сельского сквайра вплоть до начала гражданской войны не свидетельствовало о скрывавшихся в нем талантах выдающегося

полководца и искусного политика и даже после ее начала не предвещало, на какую историческую высоту его вознесет волна революционных событий. Впоследствии, когда жизнь Кромвеля уже клонилась к закату, а слава его достигла общеевропейского зенита, он сам объяснил случившееся — по обыкновению истых пуритан того времени — «волей всевышнего», сравнив себя с человеком, ведомым «по темной тропе провидением».

«Я был по рождению джентльменом и жил хотя не в очень высоких кругах, но и не в полной безвестности». И следует признать, что вряд ли можно было более точно охарактеризовать не только родовое, но и общественное положение сквайра одного из среднеанглийских графств. Самое парадоксальное в биографии Кромвеля не только в его стремительном взлете на политическую вершину страны, в результате чего его личная судьба слилась воедино с судьбой великой социальной революции, с судьбой народа Англии. Не менее парадоксальной выглядела цепь его «превращений» из «штурмовавшего небо» революционера начала 40-х годов XVII века в консервативного и, более того, в контрреволюционного диктатора 50-х годов; из организатора свержения монархии, суда и казни «коронованного тирана» Карла I — в лорда-протектора Англии, готового было возложить на себя английскую корону и основать новую династию взамен низложенной.

Стоит ли удивляться тому, что современники, наблюдавшие за этими превращениями, чаще всего считали Кромвеля «бесстыдным лицемером» и «великим обманщиком», «учеником Макиавелли», будто бы изначально замыслившим то, чем завершил свою карьеру, — установление своей диктатуры.

Когда в Англии началась революция, Оливер Кромвель, помещик среднего достатка из числа «новых дворян», вступил в армию парламента капитаном и пользовался все это время любовью и уважением солдат за отчаянную смелость и заботу о подчиненных. Всем очевидна была его решимость бороться против короля. Отряд Кромвеля не знал поражений. За храбрость и стойкость его солдат прозвали «железнобокими». Он был одним из инициаторов смертного приговора королю и установления республики в Англии. Он завоевал для своей страны Ирландию, чего ирландцы до сих пор не могут ему простить. Увидев, что Англия не в состоянии выкарабкаться из экономического кризиса без крепкой власти, он взваливает на свои плечи титул (и полномочия) диктатора — лорда-протектора.

Увы, первая и последняя в Англии республика держалась лишь на его железной воле. Судя по тому, что страна была в долгах и в казне не было ни гроша, хозяйственником он был не ахти. Протектор явно не смог ни экономически, ни политически закрепить свой успех. В последние годы жизни народ побаивался его и не доверял. И потому в общем-то не сопротивлялся возвращению династии Стюартов.

Когда Протектору исполнилось 58 лет, его здоровье сильно пошатнулось. Усилилась одутловатость лица, шаркающей стала походка, тряслись руки — он едва мог писать. Вне семьи он был почти одинок, и в делах государства мог полагаться только на близких: младшего сына Генри — наместника Ирландии, своего зятя Флитвуда — фактически

командовавшего армией, родственников, задававших тон в Государственном совете. Летом 1658 года тяжело заболела его любимая дочь Элизабет, и Кромвель две недели не отходил от ее постели.

Смерть ее была для него тяжелым ударом. В середине августа он сам заболел, и 3 сентября, в день его счастливых побед под Денбаром и Вустером, Кромвель умер. Казна была совершенно пуста. Для устройства похорон пришлось прибегнуть к займу — на этот раз кредиторы не поскупились. «Узурпатора» похоронили в древней усыпальнице английских королей — в Вестминстерском аббатстве. Однако уже спустя три года, вскоре после реставрации (монархии) Стюартов по постановлению верноподданнического парламента 30 января 1661 года, в день казни Карла I, прах Кромвеля был извлечен из могилы, и после варварской процедуры «повешения цареубийцы» от трупа отсекли голову, туловище было зарыто в яме, выкопанной под виселицей, а голову, насаженную на копье, выставили у Вестминстерского дворца «на обозрение».

Случилось так, говорил в свое время Кромвель, вспоминая гражданскую войну: когда всевышнему угодно было собрать компанию людей бедных и презираемых, не сведущих ничего в военном деле и, более того, лишенных природного предрасположения к нему… «господь благословил их и споспешествовал всем их начинаниям». В свете этой доктрины несомненно искренним было признание Кромвеля: «Я бедное, слабое существо… призванное, однако, служить господу и его народу». «Всевышний, — говорит старая иезуитская поговорка, — хоть и изощрен, но не злонамерен». И потому Господь, поглядев некоторое время на республиканскую и демократическую Англию, очевидно, счел эксперимент не совсем удавшимся и не стал продолжать его.

СТЕПАН РАЗИН

Всем ослушникам царской воли неблагославление и клятва от церкви, месть и казнь от синклита и государства, клятва и казнь всякому мятежнику, раскольнику любопрительному, который дерзнет противоречить деянию соборному и колебать умы людей молвами злыми, кто бы он ни был, священного ли сана или боярского, думного или воинского, гражданин или вельможа: да погибнет и память его вовеки!

Из Избирательной грамоты Бориса Годунова

Живописать все русские бунты и всех в ходе их казненных — задача трудная и неблагодарная, уж больно много было и первых и вторых, и далеко не всегда в ходе репрессий соблюдались закон и порядок. Одним словом, вешали, можно сказать, направо и налево, без суда и следствия… Однако встречаются в нашей истории личности незаурядные, которых нельзя не отметить на страницах нашего исследования.

Весь уклад Руси XVII века — свирепость законов, бесправие народа, закрепление кабалы крестьян, — все давало пищу для народного недовольства. Городки и села были обнесены бесчисленными повинностями, более того, любые народные промыслы и ремесла были обложены множеством разнообразных пошлин. Корыстолюбие воевод и произвол чиновников увеличивали тягостное положение народа.

В русском судопроизводстве все зависело от произвола властей. Осужденные или обобранные чиновниками люди бежали к вольным казакам, им сочувствовали и в них видели надежду.

В 1665 году князь Юрий Долгорукий был в походе против поляков. В его войске имелись отряды донских казаков. Наступала осень. Атаман одного из казачьих отрядов, Разин, явился к князю, ударил челом и попросил отпустить донцов на вольный Дон. Князь приказал ему остаться на службе. Никто из ратных людей не смел уходить со службы без разрешения начальника, но казаки даже на службе считали себя вольными людьми. Атаман самовольно ушел со своей станицей, но их догнали, и Долгорукий осудил атамана на смерть. У него было двое братьев. Степан, или Стенька, и Фрол, или Фролка. Они видели, как повесили старшего брата.

Неизвестно, ушел ли Стенька тотчас же или дослужил положенный срок, но в следующем году он решил не только отомстить за брата, но и задать страху всем боярам и знатным людям Московского Государства, которых казаки вообще терпеть не могли.

Стенька посадил на 4 струга свою ватагу и в апреле поплыл вверх по Дону. По пути ватага грабила богатых казаков и разоряла их дома.

Между рек Тишини и Иловни Стенька выбрал высокое место и там заложил свой стан. «Стоит Стенька на высоких буграх, а кругом его полая вода: ни пройти, ни проехать, ни проведать, сколько их там есть, ни языка поймать никак не можно, а, кажись, человек тысячу будет, а, може быть, и поболе».

В скором времени по Царицыну разнесся слух, что на Дону собираются казаки-воры и хотят перейти на Волгу, напасть на Царицын, взять там суда и поплыть вниз по Волге. Это оказалось не пустым слухом. Вскоре «воровское полчище» снялось со своего стана и перешло на Волгу. Войско Степана Разина было разделено на сотни и десятки; над сотней начальствовал сотник, над десяткой — десятник. Сам Разин был над ними атаманом.

По весне ватага Разина начала грабить караваны. Грабил атаман с причудливой жестокостью: иного без причины убьет, другого без причины пощадит; в одном месте все заберет, в другом — ничего не тронет. Добыв судовых ружей и набрав припасов, Разин направился по воде к Царицыну. Город сдался без единого выстрела. В последних числах мая Стенька направился к Яику. У него было 30 стругов и до 1300 человек войска, — хитростью он захватил Яик и казнил 170 человек. Там же он пополнил войско из местного населения, тех же, кто не хотел идти с ним, Стенька «жег огнем и заколачивал до смерти».

Морем казаки направились к берегам Дагестана. Казаки безжалостно издевались над дагестанскими татарами — сжигали села и деревни, убивали жителей, разоряли их имущество. Так достигли они Баку, здесь им удалось разорить город, перебить множество жителей, набрать пленных и потерять не более семи человек убитыми и двух ранеными. Тем временем в Персии построили флот, чтобы утихомирить Стеньку. Завязалась битва. Персидские суда были потоплены и взяты в плен, только три судна ушли с ханом, но казаки полонили его сына и красавицу дочь. Стенька взял себе в жены царевну-персиянку. Однако победа досталась казакам нелегко — в морской битве около 500 человек были убиты. Нужно было возвращаться на Дон. Казаки возвращались по Волге обратно через

Астрахань. Астраханское начальство готовилось встретить казаков гораздо милостивее, чем следовало по заслугам. Воеводы заранее выправили от имени царя грамоту, которая давала прощение казакам, если они принесут повинную. Получалось так, что Стенька некоторым образом отплатил Персии за оскорбления, нанесенные России, Россия же не нарушила соглашения с Персией, а разорение ее берегов свалила на своевольных казаков. Стенька с верными своими сподвижниками прибыл в Астрахань и в приказной избе положил, в знак послушания, свой бунчук — символ власти. Казаки отдали властям пять медных и 16 железных пушек, отдали ханского сына, одного персидского офицера и трех персидских вельмож.

Сказания говорят, что Стенька, в порыве своей преданности великому государю, говорил, что казаки преподносят его царскому величеству острова, которые завоевали саблей у персидского шаха.

Отправившись на Дон, Разин выбрал место между Кагальницкой и Ведерниковской станицами, на острове. Там устроил он городок Кагальник и приказал обнести его земляным валом. Казаки построили себе земляные избы.

Повсюду разнеслась молва о его славе; отовсюду бежала к нему голытьба; бежали к нему казаки верховных станиц и с Волги гулящие люди; дошла его слава и до Украины. Через месяц в войске его было 2700 человек. Он был щедр и приветлив, оделял бедных и голодных. Его называли батюшкой, считали колдуном, верили в его ум, силу и счастье.

Он никого не грабил, и это было гораздо страшнее. «И приказывает Стенька своим казакам беспрестанно, чтоб они были готовы, а какая у него мысль, про то казаки ведают, но молчат». Стенька говорил, что настало время идти против бояр, и звал войско с собой на Волгу. Бояр ненавидели многие, но имя царя было священным. Стенька пошел дальше всех — он сделался врагом церкви.

«На что нужны церкви? К чему вам попы? — говорил Стенька. — Да не все ли равно: станьте в паре подле дерева да попляшите вокруг него — вот и повенчались!»

В мае Стенька поплыл вверх по Дону к Царицыну и взял егоштурмом.

Горожанам он говорил: «Мы бьемся против изменников-бояр, за великого государя!» Астраханские воеводы начали собирать войско против бунтовщика. На этот раз в войске у Разина было уже от 8 до 10 тысяч сабель.

Как возговорит Стенька ко товарищам своим:

«Уж и чтой-то это, братцы,
Мне тошным-тошно,
Мне сегодняшний денек
Да грустненько?
Уж я в Астрахань зайду —
Выжгу, вырублю,
Астраханского воеводу
Я под суд возьму».

Стенька приближался к Астрахани, и зловещими предзнаменованиями грозила природа. Пошли проливные дожди с градом;

наступил холод, а в небе радужным цветом играли три столпа — наверху их были круги, наподобие венцов.

«Быть беде! Быть гневу Божию!» — говорили люди.

С помощью астраханских предателей Стенька без потерь взял город Астрахань. 441-го человека приказал казнить Разин, одних рубили мечом, других бердышами, иных закалывали копьями. Мимо церкви до самой приказной избы текла рекой кровь человеческая.

Астрахань была обращена в казачество, жителей Разин заставил совершить обряд присяги «великому государю и атаману Степану Тимофеевичу, войску служить и изменников выводить».

Следующей добычей Разина стал Саратов. Таким образом в первых числах сентября Стенька дошел до Симбирска.

Агенты Разина рассеялись по Московскому Государству, достигали они берегов Белого моря, прокрадывались в столицу. В своих воззваниях и речах Стенька извещал, что идет истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякую власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтоб всяк всякому был равен.

Поправший церковь и верховную власть, Разин тем не менее сознавал, что в русском народе к ним сохраняется уважение, и решил прикрыться личиной этого уважения. Он изготовил два судна: одно было покрыто красным, другое — черным бархатом. О первом он распространил слух, будто в нем находится сын Алексея Михайловича, царевич Алексей, умерший в том же году 17 января, якобы убежавший от злобы бояр. В другом судне находился низверженный патриарх Никон. Под Симбирском Стенька впервые потерпел поражение. Это уронило его в глазах народа. В продолжении зимы мятеж Разина был задушен воеводами. Неизвестны подробности ареста атамана. В государевых грамотах говорится об этом по-разному: в одной — что Стенька был связан цепью железной донскими казаками, которые выдали его царским войскам «от злоб своих», в другой — что Стенька был схвачен обманом.

Стенька и Фролка были привезены в Черкаск. Предание говорит, что казаки очень боялись, чтоб Стенька не ушел из неволи: уверяли, что он был чернокнижник; никакая тюрьма не удержала бы его, никакое железо не устояло бы против ведовства. Поэтому его сковали освященною цепью и содержали в церковном притворе, надеясь, что только сила святыни уничтожит его волшебство. *19 Рассказывают, будто в Черкаске до сих пор сохраняется эта освященная цепь в кладовой при соборе.* В конце апреля обоих удалых братьев повезли в Москву.

4 июня по Москве распространилась весть, что казаки везут Стеньку. Толпы народа посыпали за город смотреть на чудовище, имя которого столько времени не сходило с уст всего русского люда. За несколько верст от столицы поезд остановился. Стенька все еще был одет в свое богатое платье; там с него сняли богатые одежды и одели в лохмотья. Из Москвы привезли большую телегу с виселицей. Тогда Стеньку поставили на телегу и привязали цепью за шею к перекладине виселицы, а руки и ноги прикрепили цепями к телеге. За телегою должен был бежать, как собака, Фролка, привязанный цепью за шею к телеге.

В такой триумфальной колеснице въехал атаман воровских казаков в столицу московского государя, которую он грозил сжечь дотла. Он следовал с хладнокровным видом, опустив глаза, как бы стараясь скрыть,

что у него было на душе. Одни смотрели на него с ненавистью, другие — с состраданием. Без сомнения, были и такие, кто желали бы иного въезда этому человеку, бывшему столько времени идолом черни.

Их привезли прямо в Земский приказ, и тотчас начали допрос. Стенька молчал. Его повели на пытку. Первой пыткой был кнут — толстая ременная полоса в палец толщиной и в пять локтей длиною. Преступнику связывали назад руки и поднимали вверх, потом связывали ремнем ноги; один палач садился на ремень и вытягивал тело так, что руки выходили из суставов и становились вровень с головою, а другой палач бил по спине жертвы кнутом. Тело вздувалось, лопалось, открывались язвы, как от ножа. Стенька получил таких ударов около сотни, и уж, конечно, палач не оказывал сострадания к такому подсудимому. Но Стенька не испустил стона. Все, стоявшие около него, дивились его выдержке.

Тогда ему связали руки и ноги, продели сквозь них бревно и положили на горящие уголья. Стенька молчал.

Тогда по избитому, обожженному телу начали водить раскаленным железом. Стенька молчал.

Ему дали роздых и принялись за Фролку. Более слабый, он от боли начал вопить. «Экая ты баба! — сказал Стенька. — Вспомни наше прежнее житье; долго мы прожили со славой, повелевали тысячами людей: надобно теперь бодро переносить и несчастье. Что, это разве больно? Словно баба уколола!»

Стеньку принялись мучить другой пыткой. Ему обрили макушку и оставили виски. «Вот как! — сказал Стенька брату. — Слыхали мы, что ученым людям венцы на голову кладут, а мы, брат, с тобой простаки, да нам такую почесть воздают!» Ему начали лить на макушку по капле холодной воды. Это было мучение, против которого никто не мог устоять; самые твердые натуры теряли присутствие духа. Стенька вытерпел и эту муку и не издал ни одного звука.

Все тело его представляло безобразную, багровую массу волдырей. С досады, что его ничто не донимает, начали Стеньку колотить со всего размаха по ногам. Стенька молчал.

Предание говорит, что, сидя в темнице и дожидаясь последних смертных мучений, Стенька сложил песню и теперь повсюду известную, в которой он, как бы в знамение своей славы, завещал похоронить его на распутье трех дорог земли русской:

«Схороните меня, братцы, между трех дорог:
Меж московской, астраханской, славной киевской;
В головах моих поставьте животворный крест,
Во ногах мне положите саблю вострую.
Кто пройдет, или проедет — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежит тут вор удалый добрый молодец,
Стенька Разин Тимофеев по прозванию!»

6 июня 1671 года его вывели на лобное место вместе с братом. Множество народа стеклось на кровавое зрелище. Прочитали длинный

приговор, где изложены были все преступления обвиненных. Стенька слушал спокойно, с гордым видом. По окончании чтения палач взял его под руки. Стенька обратился к церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Василия Блаженного), перекрестился, потом поклонился на все четыре стороны и сказал: «Простите!»

Его положили между двух досок. Палач отрубил ему сначала правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Стенька при этих страданиях не издал ни одного стона, не показал знака, что чувствует боль. Он, по словам современника, как будто хотел показать народу, что мстит гордым молчанием за свои муки, за которые не в силах уже отомстить оружием. Ужасные истязания брата окончательно лишили мужества Фролку, видевшего то, что ожидало его самого через несколько минут. «Я знаю слово государево!» — закричал он.

«Молчи, собака!» — сказал ему Стенька.

То были последние его слова. Палач отрубил ему голову. Его туловище рассекли на части и насадили на колья, как и голову, а внутренности бросили собакам на съедение.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Всяк, тремя персты знаменаяся, не может разумети истины, омрачает бо у таковаго дух противный, ум и сердце его.

Протопоп Аввакум

Протопоп Аввакум — одна из наиболее ярких личностей в истории России. Это был человек огромной силы духа, которая в полной мере проявилась во время гонений на него. Он с детства приучался к аскетизму. Отвращение от всего мирского и стремление к святости он считал настолько естественным для человека, что не мог ужиться ни в одном приходе из-за неустанного преследования им мирских утех и отступления от обычаев веры. Многие считали его святым и чудотворцем.

Важным фактом русской истории XVII века был церковный раскол, явившийся результатом церковной реформы патриарха Никона. Реформа должна была устранить разночтения в церковных книгах и разницу в проведении обрядов, подрывавших авторитет церкви. С необходимостью проведения реформы согласились все: и Никон, и его будущий противник протопоп Аввакум. Было только неясно, что брать за основу — переводы на старославянский язык византийских богослужебных книг, сделанные до падения Константинополя в 1453 году, или сами греческие тексты, в том числе исправленные после падения Константинополя. По приказу Никона в качестве образцов были взяты греческие книги, причем в новых переводах появились разночтения с древними. Это послужило формальным основанием для раскола. Наиболее существенными из нововведений, принятыми патриархом Никоном и церковным собором 1654 года, была замена крещения двумя пальцами троеперстием, произнесение славословия Богу «алилуйя» не дважды, а трижды, движение вокруг аналоя в церкви не по ходу Солнца, а против него. Все они касались чисто обрядовой стороны, а не существа православия. Но под лозунгом возвращения к старой вере объединились люди, не желавшие смириться с ростом государственной и помещичьей эксплуатации, с возрастанием роли иностранцев, со всем тем, что казалось им несоответствующим традиционному идеалу «правды». Раскол начался с того, что патриарх

Никон во всех московских церквах запретил двоеперстие. Кроме того, из Киева он пригласил ученых монахов для «исправления» церковных книг. В Москву прибыли Епифаний Ставинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, которые немедля занялись монастырскими библиотеками. Все привычное рухнуло враз — не только церковь, но и общество оказалось в глубоком и трагическом расколе.

Против Никона ополчились прежде всего «боголюбцы», или «ревнители благочестия», во главе которых стоял Стефан Вонифатьев. Кроме того, большой активностью выделялись настоятель Казанской церкви на Красной площади Иван Неронов, протопопы — костромской Даниил, муромский Логгин, темниковский Даниил, юрьевский Аввакум. В этот кружок входил также Никон, поэтому «ревнители» поддержали его избрание в патриархи.

«Боголюбцы» считали, что надо навести порядок в церкви, искоренить равнодушное отношение мирян к церковным службам и обрядам, ввести проповеди. По их мнению, исправление богослужебных книг должно было производиться не по греческим, а по старинным русским рукописям. С большой настороженностью они относились ко всему иноземному, неприязненно воспринимали проникновение элементов западной культуры в Россию.

С ними отчасти был солидарен и царь Алексей Михайлович, хотя он иначе представлял себе сущность церковных преобразований.

Первые же действия нового патриарха убедили «ревнителей» в том, что они глубоко ошибались в отношении староверия Никона. Отмена двоеперстия мгновенно вызвала повсеместное негодование. О Никоне заговорили как о «латыннике», предтече антихриста.

«Всяк бо, крестяся тремя персты, — писал по этому поводу протопоп Аввакум, — кланяется первому зверю папежу и второму русскому, творя их волю, а не божию, или рещи: кланяется и жертвует душою тайно антихристу и самому дияволу. В ней же бе, шепоти, тайна сокровенная: зверь и лжепророк, сиречь: змий — диявол, а зверь — царь лукавый, а лжепророк — папеж римский и прочий подобии им». Поэтому всякий, «крестящийся тремя перстами, будет мучен огнем и жупелом». Подобным же образом Аввакум осуждал введенную Никоном трегубую аллилуйю и прочие его реформы, призванные согласовать русское богослужение с практикой других православных церквей. Через все его послания и челобитные красной нитью проходило стремление связать эти реформы с латинством, с учением и практикой католической церкви, с «фряжскими» или немецкими порядками. «Ох, ох, бедная Русь! — восклицал он. — Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев?» Аввакума поддержали Стефан Вонифатьев и Иван Неронов. В своих проповедях они представляли Никона жестоким и честолюбивым искателем власти, мучителем православных христиан. Так, Неронов, рассказывая о том, как по приказу Никона староверам «узы на выю полагаше, и гладом томяше, позоры и блазнь людем творяше, странно по царствующему граду на колесницах вожаше», прямо заявлял: «Се ли яко отец творяше? Ни, но яко мучитель!»

Никон расчетливо и быстро убрал со своего пути неугомонных ревнителей. Первым подвергся опале Стефан Вонифатьев. Его постригли в

монахи, и вскоре он умер в никоновском Иверском монастыре. Вслед за ним был осужден и Неронов, которому вменялось оскорбление личности патриарха. Свою жизнь он закончил архимандритом монастыря в Переяславле-Залесском.

Из всех расколоучителей самой суровой оказалась участь протопопа Аввакума. Еще в сентябре 1653 года его отправили в ссылку в Тобольск, откуда через три года он был переведен в Восточную Сибирь.

О многолетнем пребывании в Даурии, о муках, выпавших на долю его семьи, Аввакум ярко, образно повествует в своем «Житии». Вот лишь один эпизод из этой книги:

«Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. В иную пору протопопица бедная брела, брела, да и повалилась и встать не может. А иной томной же тут же взвалилася: оба карабкаются, а встать не смогут. Опосле на меня бедная пеняет: „Долго ль, протопоп, сего мучения будет?“ И я ей сказал: „Марковна, до самыя до смерти“. Она же против: „Добро, Петрович, и мы еще побредем впредь“».

В начале 1661 года Алексей Михайлович позволил Аввакуму вернуться в Москву. Аввакум воспрянул духом, решив, что царь отвернулся от никониан и теперь будет во всем слушаться староверов. В действительности же ситуация была намного сложней.

Как и следовало ожидать, властолюбивый Никон не пожелал удовлетвориться второй ролью в государстве. Опираясь на принцип «священство выше царства», он попытался полностью выйти из подчинения светской власти и утвердить свое верховное господство не только над церковными людьми, но и над мирянами. Крайне обеспокоенные таким поворотом дела, бояре и высшее духовенство начали все более противиться церковным реформам, несмотря на то что за их проведение непосредственно выступал Алексей Михайлович.

Постепенно между царем и патриархом назревало охлаждение. Никон, мало вникавший в существо закулисных интриг, не мог даже помыслить о перемене отношения к себе царя. Напротив, он был убежден в незыблемости своего положения. Когда же Алексей Михайлович выразил неудовольствие властными действиями патриарха, Никон 11 июля 1658 года, после службы в Успенском соборе, заявил народу, что покидает свой патриарший престол, и удалился в Воскресенский монастырь. Этим он рассчитывал окончательно сломить слабовольного царя, однако не учел роста влияния на него старообрядчески настроенного боярства.

Заметив свою ошибку, Никон попытался вернуться назад, но это еще больше усложнило дело. При установившейся зависимости русской церкви от светской власти выход из создавшегося положения целиком зависел от воли государя, но Алексей Михайлович колебался и, не желая уступить притязаниям своего недавнего «собинного друга», в то же время долго не мог собраться с духом, чтобы нанести ему последний удар. Зато его новому окружению удалось устроить возвращение в Москву протопопа Аввакума и других членов бывшего кружка «боголюбцев». Ничего не зная в Даурии об этих обстоятельствах, Аввакум связывал свой вызов с победой староверия.

Почти два года добирался он до Москвы, неустанно проповедуя по пути свое учение. Каково же было его разочарование, когда он увидел, что никонианство в церковной жизни повсюду пустило корни, а Алексей Михайлович, охладев к Никону, тем не менее не собирался отказываться от его реформ. В нем с прежней силой пробудилась страстная готовность бороться за свои убеждения, и он, воспользовавшись благоволением царя, подал ему пространную челобитную.

«Я чаял, — писал Аввакум, — живучи на востоке в смертех многих, тишину здесь в Москве быти, а ныне увидал церковь паче и прежняго смущенну». Он забрасывал царя челобитными с протестом против никонианства и самого патриарха Алексею Михайловичу хотелось привлечь на свою сторону неустрашимого «ревнителя благочестия», так как это позволило бы в корне заглушить все более нараставшую народную оппозицию. Оттого он, не выказывая прямо своего отношения к челобитным Аввакума, попытался склонить его к уступчивости обещанием сперва места царского духовника, затем, что гораздо больше привлекало Аввакума, справщика и Печатном дворе Одновременно от имени царя боярин Родион Стрешнев уговаривал протопопа прекратить свои проповеди против официальной церкви, по крайней мере до собора, который обсудит вопрос о Никоне.

Тронутый вниманием государя и надеясь, что ему будет поручено исправление книг, Аввакум некоторое время действительно пребывал и умиротворении. Такой поворот событий пришелся не по душе староверам, и они бросились со всех сторон уговаривать протопопа не оставлять «отеческих преданий». Аввакум возобновил свои обличения никонианского духовенства, называя их в своих проповедях и писаниях отщепенцами и униатами. «Они, — утверждал он, — не церковные чада, а диаволя». Царь увидел, сколь беспочвенны его надежды на примирение Аввакума с церковью и, поддавшись уговорам духовенства, 29 августа 1664 года подписал указ о высылке Аввакума в Пустозерский острог.

В феврале 1666 года в связи с открытием церковного собора Аввакума привезли в Москву. Его снова пытались склонить к признанию церковных реформ, но протопоп «покаяния и повиновения не принес, а во всем упорствовал, еще же и освященный собор укорял и неправославным называл». В результате 13 мая Аввакум был расстрижен и предан проклятию как еретик.

После суда Аввакума вместе с другими расколоучителями отправили в заключение в Угрешский монастырь, откуда его позднее перевели в Пафнутьев-Боровский. В специальной инструкции, присланной игумену того монастыря, предписывалось Аввакума «беречь накрепко с великим опасением, чтобы он с тюрьмы не ушел и дурна никакова бы над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать, и никого к нему пускать не велеть».

Его еще надеялись сломить с помощью вселенских патриархов, которых ждали на собор для низложения Никона.

Патриархи прибыли в Москву в апреле 1667 года.

Поскольку с Никоном все уже было решено и его низложили с патриаршества 12 декабря 1666 года, им не оставалось ничего другого, как основательно заняться Аввакумом. Протопопа доставили им 17 июля. Долго

уговаривали они его, советуя смириться и принять церковные нововведения.

«Что ты так упрям? — говорили патриархи. — Вся наша Палестина, и Сербия, и Албания, и волохи, и римляне, и ляхи — все тремя перстами крестятся, один ты упорствуешь в двоеверии».

«Вселенские учители! Рим давно упал и лежит невосклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша христианам. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Махмета, — да и дивить на вас нельзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодержество. До Никона отступника в нашей России у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна».

После этого Аввакум отошел к дверям и лег на пол со словами:

«Посидите вы, а я полежу».

Больше он не слушал ни насмешек, ни увещеваний. В августе 1667 года Аввакума вывезли в Пустозерск. Там томились его семья, множество других старообрядцев. В пустозерский период Аввакум полностью разработал свое расколоучение. Он выступал за старину, отнюдь не думая пренебрегать настоящим: просто его видение современной действительности противоречило господствующим тенденциям эпохи. Московская Русь перестраивалась на иных духовных началах, всемерно сближая свои культурные и мировоззренческие ориентации с общехристианской и западноевропейской традициями.

Идеология Аввакума несла отпечаток воззрений той части русского крестьянства, которая под воздействием усиливающегося крепостничества по существу превращалась в полных холопов и рабов. Они выступали за сохранение своих прежних привилегий, отвергали все церковные преобразования, стихийно сознавая их связь с новой политической системой. Крестьяне толпами снимались с насиженных мест, уходили в глухие леса Севера и Зауралья, не страшась ни преследований правительства, ни анафем духовных пастырей.

Год от года увеличивалось количество массовых самосожжений. В огне нередко люди гибли сотнями и тысячами. Например, в начале 1687 года в Палеостровском монастыре сожглись более двух тысяч человек. 9 августа того же года в Березове Олонецкого уезда — более тысячи. И подобных фактов было множество.

Обо всем этом Аввакум хорошо знал и всячески побуждал старообрядцев к самосожжению. В «Послании к некоему Сергию» он писал: «Наипаче же в нынешнее время в нашей России сами в огонь идут от скорби великия, ревнуя по благочестии, яко и древле апостоли: не жалеют себя, но Христа ради и Богородицы в смерть идут». В этом же послании Аввакум рассказывал об одном из таких массовых самосожжении: «Брате, брате, дорогое дело, что в огонь посадят: помнишь ли в Нижегородских пределах, где я родяся живал, тысячи з две и сами миленькие от лукавых тех духов забежали в огонь: разумно оне зделали, тепло себе обрели, сим искушением тамошняго искуса утекли». Протопоп советовал Сергию: «Что ты задумался? Не задумывайся, не размышляй много, пойди в огонь, — Бог благословит. Добро те зделали, кои в огонь забежали… Вечная им память». Только в 1675–1695 годы было зарегистрировано 37 «гарей» (то есть

самосожжений), во время которых погибли не менее 20000 человек.

Таким образом Аввакум стал первым и чуть ли не единственным проповедником массовых суицидов в мировых религиозных учениях. И посему, воздавая ему должное, как блестящему проповеднику; оратору и писателю, мы находим закономерным, что он в итоге разделил участь всех ересиархов.

Между тем почил в бозе царь Алексей Михайлович, и на престол вступил его сын Федор. Аввакуму казалось, что о нем просто-напросто забыли. Он старел, невмоготу становилось выдерживать тоску и одиночество в глуши. И он сделал шаг навстречу своей гибели. В 1681 году Аввакум отправил царю Федору послание, в котором фанатично и безрассудно излил все накопившееся за долгие годы раздражение против церкви и духовенства.

«А что, царь-государь, — писал он, — как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илья пророк, всех перепластал в один день. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю».

Возможно, царь не придал бы значения этому письму, если бы преподобный не упомянул ниже о его покойном батюшке: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит, — слышал я от Спаса; то ему за свою правду. Иноземцы, что знают, что ведено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддержали».

Царь Федор не питал никакого сочувствия к старообрядцам и воспринял послание Аввакума как угрозу существующей власти, лично самому себе. Хлопотать же за Аввакума было некому: при московском дворе не оставалось больше ни одного из его прежних доброжелателей; их вытеснили «киевские нехаи» — ученые монахи во главе с Симеоном Полоцким. И Аввакума «за великия на царский дом хулы» *20 Строка из приговора.* было приказано сжечь вместе с тремя его единоверцами.

14 апреля 1682 года закончилась на костре жизнь этого бесстрашного человека, оставшегося неразгаданной легендой древнерусской духовности. До нас дошли очень скудные подробности этой казни. Известно, что совершилась она при большом стечении народа. Узников вывели из-за тюремного тына к месту казни. Аввакум заблаговременно распорядился своим имуществом, раздал книги, нашлись для смертного часа и чистые белые рубахи. И все равно зрелище было тягостное — загноенные глаза, обрубленные усохшие руки. Теперь Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания никто не уговаривал отречься.

Палачи привязали осужденных к четырем углам сруба, завалили дровами, берестой и подожгли.

Народ снял шапки…

КАПИТАН КИДД

Он с совестью своею был сговорчив
И, праведника из себя не корча,
Всех пленников, едва кончался бой,
Вмиг по доске спроваживал домой.
Джеффри Чосер

Пиратство давно уже стало излюбленным сюжетом вульгарных беллетристов, однако на протяжении последних пятисот лет оно было

важным фактором европейской политики. С XVI века оно являлось основным орудием борьбы Турции против Испании и итальянских государств. С конца XVI века оно способствовало подрыву англичанами и голландцами могущества Испании в Атлантическом океане. Во второй половине XVII и начале XVIII века пиратство играло большую роль в борьбе Англии и Франции за Северную Америку и испанские колонии в Новом Свете. Корсарские базы в Карибском море, знаменитая «Пиратская республика» на Антильских островах, объявленная вне закона вольница, грабившая корабли всех стран, нападавшая и убивавшая без разбора моряков и купцов всех наций, сами того не сознавая играли значительную роль в политических расчетах, военных и дипломатических планах европейских кабинетов. Зачастую и не отличавшиеся брезгливостью святоши-пуритане из Нью-Йорка или Бостона с охотой вкладывали деньги в пиратские предприятия. Во время войн многие пираты, а также самые обыкновенные купцы-судовладельцы стремились стать каперами, то есть получить от властей патенты на ведение войны против кораблей, плававших под вражеским флагом.

Нередко пираты как в военное, так и в мирное время выполняли задания разведывательного характера, совершали диверсии против той или иной территории или крепости, прерывали связи между колониями потенциального неприятеля и метрополией. Не только пираты маскировались под каперов или просто под мирные купеческие суда. Иногда и европейские правительства осуществляли свои планы руками пиратов или своих агентов, замаскированных под флибустьеров. Примером тому могут служить действия известных корсаров — Моргана, Дрейка и других. Это сотрудничество с официальными властями стало роковым и в судьбе капитана Кидда, приключения и судьба которого стоят особняком среди многочисленных пиратских историй.

«Сокровища капитана Кидда» стали притчей во языцех благодаря сочинениям Эдгара По. Впрочем, об этом человеке давно уже складывались легенды. Особенно твердой была уверенность в существовании его сокровищ, закопанных где-то на Атлантическом побережье Соединенных Штатов. Более двух десятков специально снаряженных экспедиций, не смущаясь неуспехом предшественников, упорно искали клад Кидда, оцениваемый в два миллиона долларов. При продаже земли ее владельцы и поныне резервируют иногда для себя право проводить на своей бывшей территории поиски богатства, зарытого пиратом.

Чего только не приписывала легенда Кидду: и захват бесчисленного количества кораблей, и жестокие забавы с пленниками — с повязкой на глазах и завязанными на спине руками их заставляли идти по доске, перекинутой через борт пиратского корабля, пока жертва не делала роковой шаг и не исчезала в морской пучине. Уильям Кидд родился примерно в 1645 году в городке Гриноке, в семье кальвинистского пастора, который дал сыну блестящее воспитание и образование. Много лет Кидд плавал на английских кораблях простым матросом и наконец сам стал капитаном торгового судна. Он был преуспевающим торговцем и имел несколько судов, приносивших ему вполне приличный доход. И, может быть, в итоге основал бы в Америке династию очередных Асторов или

Вандербильтов, если бы не ввязался в политику.

Уже в наши дни исследователями были найдены два патента, подписанные английским королем Вильгельмом III и скрепленные большой государственной печатью. Один из них уполномочивал «нашего доверенного и любимого капитана Уильяма Кидда» захватывать «суда и имущество, принадлежащие французскому королю и его подданным». Другой патент разрешал этому же капитану захватывать пиратов и их корабли на всех морях. Значит, Кидд вовсе не был пиратом.

Откуда же тогда возникла легенда о свирепом флибустьере и его зарытых сокровищах? И наконец, почему 23 мая 1701 года по приговору суда был публично повешен моряк, которого еще недавно король именовал в своем патенте «любимым капитаном»?

В феврале 1695 года пират Джон Эвери, снаряженный в экспедицию компанией нью-йоркских купцов, захватил большой корабль, принадлежавший самому императору Индии — Великому Моголу.

Пираты изнасиловали женщин, находившихся на корабле, среди которых оказались тетка Великого Могола и его будущие наложницы, направлявшиеся в Индию. Не мудрено, что англичан, находившихся в Индии, тут же посадили в тюрьму, где некоторые из них окончили свои дни. Служащие Ост-Индской компании смогли спасти свои жизни только благодаря присутствию на территории факторий английских солдат.

В Лондоне забеспокоились. Правда, денег для организации экспедиции против пиратов в казначействе не нашлось. Однако король Вильгельм намекнул своим приближенным, что это может стать прибыльным полем для частной инициативы. Придворные аристократы тут же образовали синдикат, в который вошли министры Чарлз Монтегю, основатель Английского банка (будущий граф Галифакс), лорд Сомерс и др. Среди членов компании находился граф Беллемонт, незадолго до того назначенный губернатором английской колонии Нью-Йорк Джентльмены пришли к выводу, что будет выгодно отобрать у пиратов награбленное, разумеется, не для возврата его законным владельцам, а чтобы пополнить собственные карманы. Надо было найти подходящего капитана, который мог бы принять командование кораблями, призванными повести борьбу с флибустьерами. А тут как раз к Беллемонту приехал полковник Роберт Ливингстон из Нью-Йорка, решивший заблаговременно втереться в доверие к новому губернатору. Ливингстон был готов на все. Он сам говорил о себе: «Я предпочитал бы именоваться „мошенником Ливингстоном“, чем бедняком». В ответ на запрос Беллемонта он сообщил, что как раз сейчас в Лондоне находится другой житель Нью-Йорка — капитан Уильям Кидд, который, кроме того, что бравый моряк, еще и находится под следствием по делу о подтасовке результатов выборов в местные нью-йоркские органы власти. К тому же это не мальчишка перекати-поле, а солидный, 50-летний «морской волк», владелец нескольких кораблей, занятых в торговле с Вест-Индией. Ливингстон доставил Кидда к Беллемонту, и там ему было сделано предложение стать «охотником за пиратами». Когда Кидд попы-тался было отклонить опасную и сомнительную «честь», новый губернатор Нью-Йорка быстро перешел к угрозам: или Кидд соглашается, иди Беллемонт найдет способы дать ему почувствовать всю тяжесть губернаторского гнева. Граф угрожал конфисковать любимую бригантину

Кидда «Антигуа», на которой тот прибыл в Лондон. Моряк вынужден был согласиться. Беллемонт от имени всех участников синдиката заключил с капитаном и Ливингстоном формальное соглашение. Условия эти были не самыми сладкими, но справедливыми: синдикат вносил 80 % денежных средств для снаряжения экспедиции, Кидд и Ливингстон — остальные 20 %. При этом Кидду и его партнеру следовало довольствоваться лишь 15 % добычи. Синдикат должен был получать 65 %, остальные 20 % шли команде.

Обычно на каперских кораблях команда получала половину добычи, но тут условия диктовали лорды. Вдобавок Беллемонт потребовал от Кидда формального обязательства выплатить 20000 фунтов стерлингов в случае неудачи экспедиции. А Ливингстон должен был дать гарантию в сумме 10000 фунтов, что Кидд выполнит эти обязательства. Чтобы выплатить свой пай в новом предприятии, Кидду пришлось продать любимую бригантину «Антигуа»…

В последующие месяцы капитан занялся подбором команды и оснащением корабля с претенциозным названием «Галера приключений». Все делалось впопыхах. Едва на корабле была ликвидирована течь, поспешно завербованные матросы получили приказ поднимать паруса.

С первых дней плавания «Галера приключений» встретилась с королевским военным судном «Герцогиня», которое, следуя применявшейся тогда практике, сняло с «Галеры приключений» лучших моряков, не обратив внимания ни на протесты Кидда, ни на различные охранные грамоты, которые он вез с собой. Пришлось вернуться в Лондон. Там один из тайных членов синдиката, адмирал Рассел, приказал капитану «Герцогини» вернуть захваченных матросов. Капитан выполнил приказ лишь частично: он возвратил столько же моряков, сколько снял с корабля Кидда, но это были те, от кого хотели избавиться на «Герцогине». С такой командой Кидд отплыл в Нью-Йорк. По дороге в соответствии с имевшимся у него патентом Кидд захватил французскую шхуну. Она была продана в Нью-Йорке за 350 фунтов стерлингов. На эти деньги удалось закупить продовольствие для предстоявшего длительного плавания (об этом синдикат тоже не подумал заранее).

У Кидда было менее половины нужного ему количества матросов, пришлось в последнюю минуту навербовать несколько десятков более чем сомнительных людей, согласившихся участвовать в столь рискованном предприятии.

6 сентября 1696 года «Галера приключений» покинула нью-йоркский порт и направилась через мыс Доброй Надежды в Индийский океан. В Нью-Йорке очень сомневались, что Кидду удастся удержать в повиновении свою разношерстную команду. Он даже не имел денег, чтобы платить им жалованье. Охотники за пиратами в любой момент сами могли обратиться в пиратов. Плавание проходило без особых происшествий: Кидд не повстречал ни флибустьеров, ни французских кораблей. На мысе Доброй Надежды «Галера приключений» бросила якорь рядом с четырьмя английскими судами. Капитан одного из них хотел «прихватить» двадцать или тридцать матросов с корабля Кидда. Тот сделал вид, что не имеет ничего против, а ночью поспешно покинул опасных соседей… Прошло одиннадцать месяцев, а «Галера приключений» все еще не обнаружила ни

одного пиратского корабля. Вероятно, пираты не только избегали встречи с хорошо вооруженным судном, но и до поры до времени отсиживались в убежищах. Все это мало устраивало экипаж корабля. Среди полуголодных матросов росло недовольство. Раздавались голоса, что, раз не видно пиратов, стоит самим пощупать проплывавшие мимо британские суда. 15 августа 1697 года «Галера приключений» угрожающе приблизилась к флотилии таких судов, но конвоировавшие их два английских военных корабля направили жерла своих орудий в сторону судна Кидда. Тому пришлось ретироваться. В начале сентября капитан снял с арабского корабля двух человек, заставив их служить лоцманами. 22 сентября «Галеру приключений» атаковали два португальских военных корабля. Капер отбил нападение, но отказался взять в плен побежденного противника. В октябре «Галера» встретила английский корабль. «Верный капитан» Кидд, побывав на корабле, убедился, что это действительно британское судно, и разрешил ему следовать дальше. Однако на борту «Галеры приключений» едва не вспыхнул мятеж. Матрос Уильям Мур и другие потребовали захватить ценности, которые везли с собой купцы — пассажиры «Верного капитана». Кидду удалось угрозами усмирить смутьянов. Через неделю, когда на горизонте показался голландский корабль, Мур опять возглавил мятежников. Кидд схватил попавшуюся под руку корабельную бадью и ударом по голове сбил Мура с ног. Мур умер на другой день.

Вскоре Кидд захватил французский корабль и раздал своей команде причитающуюся ей часть добычи. В конце 1697 года Кидд сумел захватить еще два небольших судна. Наконец Кидду достался «большой приз» — корабль «Кведаг мерчэнт» с грузом стоимостью 45000 фунтов стерлингов. «Кведаг мерчэнт» не сопротивлялся и представил свои корабельные документы. Среди них, как потом утверждал Кидд, находились французские паспорта. Это означало, что часть груза или все судно целиком являлось французским и становилось законной добычей капера. После этого «Галера приключений», нуждавшаяся в серьезном ремонте, и захваченный ею «приз» отправились чиниться на Мадагаскар. Что произошло далее — остается неясным. Несомненно только, что команда взбунтовалась и сожгла ранее захваченный французский корабль, ограбила и потопила «Галеру приключений», пыталась убить Кидда и присоединилась к одному из пиратских капитанов — Калифорду. Кидду удалось отбиться и с немногими сохранившими ему верность членами экипажа и частью добычи — тридцатью тысячами фунтов, которые он ранее хорошо припрятал, на «Кведаг мерчэнт» уйти от преследования. Дождавшись благоприятного ветра, он осенью 1698 года направился в долгий обратный путь вокруг мыса Доброй Надежды. В апреле 1699 года корабль с малочисленной истощенной командой бросил якорь у одного из небольших островов в Карибском море. Кидд отправил на берег бот за водой и провиантом. Матросы вернулись с неожиданной вестью: «Капитан Кидд, сэр, вы объявлены пиратом!» «Кведаг мерчэнт» не мог двигаться далее без серьезного ремонта. Кидд оставил его у восточных берегов острова Сан-Доминго в надежных руках, купил небольшой шлюп «Святой Антоний» и прибыл на нем в Нью-Йорк. Через своего адвоката Кидд уведомил членов синдиката, что готов передать захваченные им 30000

фунтов стерлингов. Это составляло 500 % прибыли на вложенный ими капитал. Взамен Кидд просил лишь справедливого отношения. Никто из близких и знакомых капитана не сообщил ему, что в Англии за время его отсутствия произошли серьезные перемены. Возможно, провинциалам, жившим в далекой колониальной глуши, ничего не было известно о борьбе партий и придворных интригах в столице. От губернатора Беллемонта он получил обнадеживающий ответ.

На острове Гардинер, неподалеку от Лонг-Айленда, Кидд зарыл два мешка с ценными вещами и сундук с золотом и серебром. Он указал владельцу острова место, где были закопаны мешки и сундук. 28 июня 1699 года шлюп Кидда прибыл в Бостон. Кидд оказался в руках Беллемонта.

Тем временем члены синдиката, принадлежавшие к партии вигов, стали подвергаться нападкам со стороны своих противников-тори за содействие «пирату» Кидцу. Тори жадно ловили все слухи, которые могли скомпрометировать Кидда: он бежал от английских военных судов, обещав ранее предоставить им матросов; он отказывался салютовать британскому флагу; он подбирался к богатым торговым кораблям, но был отогнан военными судами. Раздавались требования полного парламентского расследования.

Ост-Индская компания поспешила подать петицию о том, чтобы у Кидда отобрали «украденные» им сокровища Великого Могола. Министры Вильгельма III решили, что в таких условиях удобнее всего пожертвовать Киддом, превратив его в козла отпущения. Он был признан пиратом, для поимки его направили военные корабли. Было объявлено об амнистии всем матросам Кидда, кроме него самого, в надежде, что они станут свидетелями обвинения против своего командира. Беллемонт потребовал от капитана подробный дневник путешествия, а так как Кидд не успел составить объяснения в представленный ему жесткий срок, по приказу губернатора моряка арестовали. При этом был распространен слух, что Кидд скрывается от правосудия. Тюремный режим изо дня в день становился все более суровым. Кидду запретили свидания с женой, заковали в кандалы, вделанные в стену его камеры. Он покинул тюрьму только через полгода, чтобы под конвоем перейти на военный корабль «Эдвайз» для отправки в Лондон. Парламент находился накануне роспуска. Тори добились принятия специальной резолюции, запрещавшей проведение суда над Киддом до созыва нового парламента. Они боялись, что во время перерыва в заседаниях парламента министры-виги организуют поспешный суд над Киддом и сумеют спрятать концы в воду.

В апреле 1701 года новый парламент принял резолюцию о предании Кидда суду, который начался 8 мая. Суд был скорым и неправым. В центре внимания стоял вопрос: были ли обнаружены французские паспорта на «Кведаг мерчэнт»? Иначе говоря, принадлежал ли захваченный груз подданным вражеской страны? Прокурор доказывал, что существование паспортов — вымысел. Правда, многие свидетели обвинения не отрицали, что им приходилось слышать об этих паспортах. Некоторые моряки даже видели какие-то бумаги, которые, как объяснил Кидд неграмотным матросам, были французскими паспортами.

Однако приговор был предрешен.

До последней минуты Кидд отказывался раскаяться и признать себя пиратом. 23 мая состоялась казнь. В первый раз веревка оборвалась под тяжестью тела осужденного, и он, шатаясь, поднялся на ноги. К Кидду поспешил священник Лоррен, который помог ему снова встать под виселицей. «Я обратил внимание грешника, — писал позднее Лоррен, — на великую милость Господню, давшую ему неожиданно дополнительную отсрочку, чтобы он мог воспользоваться этими немногими, подаренными ему милостиво минутами, дабы укрепиться в вере и покаяться… и он раскаялся от всего сердца». Мы позволим себе усомниться в столь праведной кончине, поскольку по другим источникам бедняге Кидду было все равно, отпустят ему грехи или нет, он (спасибо добродушному палачу) был пьян в стельку и вряд ли осознавал, что с ним происходит.

После казни тело его было вымазано дегтем и подвешено на железном каркасе, где и провисело более двух лет в назидание всем пиратам — печальная участь для человека, в общем-то в пиратстве невиновного.

Что же касается «сокровищ» Кидда, то ценности, закопанные капитаном на острове Гардинер, были обнаружены и конфискованы чиновниками, действовавшими по приказу Беллемонта. Сам губернатор умер за два месяца до суда над Киддом, причем совершенно разоренным (не виной ли тут взысканные с него 10 000 фунтов страховки?). Куда же ушли деньги Кидда, попали ли они в руки членов синдиката? Все имущество капитана было продано с аукциона за 6471 фунт стерлингов. Известно, что Кидд хранил часть золота и алмазов на своем шлюпе. После ареста капитана Беллемонт немедленно послал своих людей на шлюп. Но им пришлось лишь убедиться, что корабль сожжен матросами, а команда успела уплыть на каком-то судне в неизвестном направлении. Возможно, что эти моряки где-то на одном из островов Вест-Индии и зарыли до сих пор не разысканный клад (хотя вероятней всего, поделили между собой и пустили на ветер).

Как мы видим, единственно примечательными качествами капитана Кидда были порядочность и невезучесть. И если бы ему не был посвящен замечательный рассказ Эдгара По «Золотой жук», имя его давно бы навеки истлело в песках истории. И тем не менее мы рискнули потревожить его косточки, как жертвы бесчеловечной машины государственного терроризма, равно подминающей под себя и пиратов, и вельмож, и правых, и виноватых. Таких еще много будет на страницах нашего исследования.

КАРТУШ

Они контролируются псевдонегоциантами, темными дельцами и подставными лицами, а порой и целыми организациями.

Лакюэ

Это имя вновь всплыло после почти двухсотпятидесятилетнего забвения, когда на экраны вышел французский кинофильм с участием Ж.-П. Бельмондо, который в образе Картуша создал романтичный образ веселого и влюбчивого фехтовальщика, бессребреника и робин-гуда. К сожалению, действительность была гораздо прозаичнее.

Картуш родился в семье парижского бочара около 1680 года и сызмальства отличался скрытным и лживым характером. Отданный десяти лет отроду в иезуитский колледж, он умудрился стащить десять золотых

луидоров (большая по тем, да и по нынешним, временам сумма) чуть ли не из-под носа своего учителя, причем так, что подозрение пало на него лишь спустя годы. Уже подростком он впервые попался на краже денег у своего однокашника. Кто видел мебель тогдашнего времени, может представить себе громоздкий шкаф под потолок высотой, на вершине которого затаился маленький Картуш с ворованными ста луидорами в то время, как его разыскивает весь иезуитский колледж. Возможно, найди его тогда учителя-иезуиты, и примерная порка (тоже род казни) сделала бы из него примерного члена общества.

Однако чадо ухитрилось удрать и от иезуитов, и от собственных родителей, и перебралось к дяде в Орлеан, набираться воровской премудрости. Полагают, что дядя, старый рубака, преподал ему азы фехтовального мастерства, благодаря чему юный Картуш не боялся неожиданных встреч в ночных переулках.

Впервые о нем заговорили после серии необычайно дерзких карманных краж в нескольких городских церквах. Орлеан тогдашнего времени был городом небольшим, продать краденое и не попасться было практически невозможно, тем более что власти немедленно начали розыск похищенного. Картуш, почувствовав на затылке ледяное дыхание закона, спешно засобирался в дорогу.

В 1710 году в Париж возвратился убежденный в правоте своего дела, вор с задатками лидера. Тогда же с ним познакомился первый член будущей его шайки по кличке Стальная Рука. Этот могучий, неимоверной силы человек, как нередко бывает, трепетал перед не в меру дерзким и изобретательным юношей. На стороне Картуша была удача, и это привлекло к нему на службу целую орду парижского отребья.

Он создал разветвленную воровскую шайку, тщательнейшим образом законспирированную, за которой с десяток лет безуспешно охотилась парижская полиция. В шайку Картуша входило около двух тысяч человек.

Награбив огромные суммы денег и других ценностей, Картуш подкупил и превратил в своих агентов многих полицейских, чиновников тюремной администрации, судей и военных, даже наиболее видных врачей. Сотни трактирщиков выполняли роль хранителей и скупщиков краденого. Чтобы окончательно сбить с толку полицию, Картуш имел целую дюжину двойников. Полицейские — даже те, которые не были подкуплены, — не хотели ловить Картуша пока он находился на воле, им выплачивали повышенное жалованье (лишних 30 су в день) за участие в поисках знаменитого разбойника. Картуш так обнаглел, что однажды обратился в парижскую полицию с просьбой принять его на работу в качестве филера (сыщика). Свою благонадежность он доказал, «сдав» несколько конкурировавших воровских шаек Людям Картуша удавалось проникать и в покои регента — герцога Орлеанского.

Чтобы одурачить воров, регент приказал не пользоваться во дворце драгоценной посудой и заказал себе шпагу без золота и бриллиантов, со стальной рукояткой.

Впрочем, у рукоятки была очень тонкая отделка, из-за чего шпага обошлась в полторы тысячи ливров. Когда регент выходил из театра, шпага исчезла. В Париже смеялись, уверяя, что Картуш наказал главного вора

Франции, который хотел надуть своих коллег. Картуш имел в разных городах своих соглядатаев. Они заранее извещали его о поездках богатых людей и агентов правительства или торговых фирм, перевозивших большие суммы денег. Особенно ловким шпионом был молодой лекарь Пелисье, вхожий в самые знатные дома Лиона. Он не только сообщал о посылке денег из этого города, но и сам не раз возглавлял банды, нападавшие на путешественников. Во время одной из таких дерзких попыток ограбления Пелисье был схвачен полицией.

Однако даже под пыткой он не выдал своих сообщников и был казнен. Власти не узнали от него ничего важного о шайке Картуша. По слухам, когда полиция организовывала настоящую охоту за «королем» парижских разбойников, он несколько недель скрывался в Англии, где встретился с «лондонским Картушем» — Мекинстоном. Они условились заранее извещать друг друга об отъезде за границу вельмож и толстосумов, которых можно хорошенько потрясти, повстречав на большой дороге.

Мы рисковали быть неправильно понятыми читателями, пустившись в живописания новоявленного Робин Гуда (кстати, к чести Картуша надо сказать, что он не грабил бедняков, а сосредоточил свои усилия на богатых). Случилось так, что слух о его проделках достиг ушей короля, и тот выразил свое недоумение и недовольство по этому поводу начальнику городской полиции д'Этанжу. Не хватая звезд с небес в области сыска, тот решил действовать древним как мир способом и объявил в награду за голову Картуша или за содействие в его поимке совершенно немыслимую по тем временам сумму. Самым удивительным было то, что этот тривиальный способ на удивление быстро сработал.

Картуша схватили у входа в дом его сожительницы лишь в результате предательства Дюшатле, одного из членов шайки, который после ареста решил спасти себе жизнь и получить большую награду, обещанную за поимку главаря разбойников.

Но и в тюрьме Картуш похвалялся, что ему удастся выбраться на волю, и только особые меры предосторожности помешали его бегству. Картуша приговорили к колесованию на знаменитой Гревской площади Парижа в назидание будущим карманникам и мошенникам. Уже на эшафоте, чтобы наказать своих сообщников за то, что они не спасли его, Картуш назвал имена членов своей шайки, после чего в Париже были произведены сотни арестов. Банда Картуша и его разведка перестали существовать.

Несмотря на подвиги, Картуш все же был всего лишь удачливым квартирным вором, которому до определенного момента сопутствовала удача, но рано или поздно она ото всех отворачивается. Как ни печально, но авторам нечего сказать в его оправдание, кроме того, что этот человек не заслужил смертной казни, поскольку не был прирожденным убийцей (хотя при аресте он и убил случайно полицейского). Впрочем, в те времена законы во всех европейских странах были весьма суровы к ворам, их не отличали от убийц и бандитов.

АННА БОННИ И МЭРИ РИД

Кто плаванье избрал призваньем жизни

И по волнам, коварно скрывшим рифы,
Пустился в путь на крошечной скорлупке,
Того и чудо не спасет от смерти
Франческо Петрарка

Что бы ни говорили о борьбе женщин за равенство полов, существовала одна область человеческого бытия, где мужчины свято соблюдали это равенство. Эта область — правосудие. Как видно из истории, органы правосудия редко делали послабление для представительниц прекрасного пола, особенно если эти дамы представляли опасность для общества. Таковыми, кроме бунтовавших королев, считались и «королевы преступного мира». Наиболее примечательными дамами в истории бандитизма и морского разбоя были женщины-пираты — Мэри Рид и Анна Бонни. Жизнь Мэри Рид была полна приключений. Мать ее была «соломенной вдовой» и с юных лет внушала своей дочке, что она должна научиться постоять за себя в этой жизни, воспитывала ее как мальчика и одевала в мужскую одежду. В тринадцать лет девочку взяла в услужение некая француженка, однако участь камердинера девочку не прельстила, и она устроилась юнгой на военный корабль. Но скоро она удрала с корабля и поступила на службу в один из французских пехотных полков, расквартированных во Фландрии. В солдатском обличье она пережила множество приключений, проявила отвагу и удаль в сражениях. И наконец, когда ее перевели из пехоты в кавалерию, в сердце ее наконец поселилась любовь к своему сослуживцу.

Лишь ему она открыла тайну своего пола. Свадьба «кавалергард-девицы» произвела фурор в армии, сие радостное событие почтили своим присутствием многие высшие армейские чины. Счастливые молодые свили себе гнездышко в городке Бреде в таверне «Под тремя подковами», существующей и до сей поры.

Однако вскоре муж Мэри погиб в бою, и она вновь надела мужскую одежду и отправилась в полк. Но то ли потому, что ее развратили прелести мирной семейной жизни, то ли потому, что изменилось отношение однополчан, но вскоре Мэри осточертела служба и она дезертировала из полка и вновь нанялась матросом на торговый корабль, отправлявшийся на Антильские острова. И вновь сердце ее растревожил Амур, и она полюбила очаровательного юношу.

В один прекрасный день, когда под бушпритом судна уже плескали теплые волны Карибского моря, на горизонте показался шлюп с черным флагом на мачте. Вскоре стало известно, что свои права на груз и жизни мирных торговцев предъявил знаменитый на всем восточном побережье Америки пират Джон Рэккам по прозвищу «Калико Джек» — Ситцевый Джек — так он был прозван за любовь к ярким нарядам.

Захваченный им корабль он презентовал находившейся с ним на борту супруге Анне Бонни. У этой юной леди тоже не сложилась личная жизнь. Она была ирландкой, внебрачной дочерью адвоката Бонни из графства Корк, но еще в детстве вместе с отцом отправилась в Америку, в Каролину. Эта милая девушка отличалась буйным и вспыльчивым характером, чем причиняла массу хлопот своим близким. Однажды, обидевшись на нерасторопного слугу-англичанина, она заколола его ножом. К счастью, историю удалось замять, так как Анна считалась воспитанной

девушкой из хорошей семьи.

Затем настала пора амурных приключений и любовных интриг, и наконец Анна тайно обвенчалась с каким-то моряком. Разъяренный отец выгнал его из дома, и глубоко опечаленный молодожен навеки покинул страну. Как знать, может быть, для моряка это было к лучшему. Так или иначе, вскоре за Анни стал ухлестывать сам Джон Рэккам, мигом отбив прыть у остальных ухажеров. Не утруждая себя сватовством, он однажды просто причалил к берегу неподалеку от дома Бонни и похитил красавицу, чему та, впрочем, не особенно противилась. Родив мужу ребенка, Анна поручила его заботам друзей и возвратилась на корабль. Вместе с мужем она принимала самое живое участие во всех предприятиях пиратов, отличившись при этом необычайной храбростью и ловкостью. Оказавшись в плену, Мэри Рид заявила, что всю жизнь мечтала стать пиратом, и была принята в «братство». Вольготная, сытая и пьяная, полная опасностей жизнь морских разбойников пришлась ей по душе. Вместе с ней присоединился к пиратам и ее избранник. Однажды он затеял ссору с неким пиратом, который усомнился в недостаточной его храбрости. По законам «братства» разрешить этот спор можно было только в поединке. Каково же было возмущение Мэри, когда ее избранник свел дело к мировой. В ярости она обрушилась на него с оскорблениями, вызвала его на дуэль на шпагах и тут же на корабле убила его. При этом тайна ее пола была раскрыта, но пираты уже так уважали ее, что приняли как равную. Мэри подружилась с Анной и стала вести образцовый пиратский образ жизни, чередуя абордажи с пьянками и сексом.

Времена Моргана и Дрейка уже прошли. По морям ходило слишком много вооруженных кораблей, и капитана каждого из них в случае поимки пирата ждали премии и награды. Однажды, в октябре 1720 года, на траверзе Ямайки шлюп Рэккама встретился с английским фрегатом. Нескольких залпов с обоих бортов фрегата оказалось достаточно, чтобы пираты сдались, предпочтя милость королевского правосудия беспощадному приговору пушек. Пиратов доставили на Ямайку, в Сантьяго-де-ла-Вега, где им совсем недолго пришлось дожидаться суда… В ту эпоху английское правосудие не отличалось мягкостью к криминальным элементам. На виселицу отправляли и за менее тяжкие преступления. Так что весь экипаж прославленного шлюпа вместе с его капитаном отправили на эшафот. Правда Анне, беременной очередным ребенком, предоставили отсрочку до родов. А после рождения дочки и ей довелось испытать справедливость королевского правосудия.

РАСПРАВА С МОНСАМИ

Зело соболезную о смерти толь изрядного принца, но невозвратимое уже лучше оставлять, нежели вспоминать; к тому имеем и мы надлежащий безвестный и токмо единому Богу сведомый путь.

Петр I

Конец царствования Петра I был ознаменован несколькими громкими процессами против казнокрадов, одним из самых знаменитых был процесс над Виллимом Монсом. У семьи Монсов сложились особые отношения с царским двором. Глава семьи Иоганн Монс был личным поставщиком товаров для армии, а его дочь Анна стала фавориткой Петра Великого. Когда в 1700 году Петр развелся с Евдокией Лопухиной (ее

вскоре постригли в монахини), Анна безраздельно воцарилась в сердце Петра. Однако ей не хватило ума (или хитрости) удержаться на этом хрупком пьедестале. Она быстро продвинула на выгодные посты своего брата Виллима и сестру Матрену. Потом повсюду разнесся слух, что Анна за взятки торгует привилегиями, не гнушается принимать как крупные, так и мелкие подношения. На все это Петр смотрел сквозь пальцы, но, когда пошла молва о ее любовниках, в числе которых называли и саксонского посланника Кенигсека, Петр разорвал с бывшей фавориткой всеотношения.

Однако ее падение не смогло повлиять на судьбы семьи Монсов. К 20-м годам XVIII века Матрена Монс уже была статс-дамой Екатерины и являлась супругой генерала Балка. Виллим Монс стал камер-юнкером двора.

Виллим Монс был хорош собой, красив, изящен, широко образован. Без сомнения, сердце любой женщины, в том числе и молодой императрицы Екатерины, не могло остаться равнодушным к блестящему придворному. К тому же камергер императрицы обладал такими качествами, которые выгодно отличали его от других придворных. Он прекрасно уловил новые веяния XVIII века: наступала эпоха сентиментализма. Монс явился провозвестником куртуазной эпистолярности: он великолепно описывал обуревавшее его любовное томление. Не будем забывать, что, насаждая западный образ жизни, Петр не в силах был насадить западный образ мышления. Его придворное окружение составляли воины, торговцы, инженеры, моряки, люди практического склада, умевшие объясниться с иностранным купцом, моряком, офицером, прочесть чертеж корабля либо карту местности, но в область изящной словесности их интересы явно не простирались. На их фоне камергер Виллим Монс казался белой вороной. Во-первых, он писал стихи. Во-вторых, любовные письма, которые в изобилии рассылал дамам своего сердца. Отмечая его слабое знание русской грамматики (он писал латинскими буквами слова русского языка), укажем попутно, что самого понятия «русской грамматики» в те годы еще не существовало, как и светской литературы. Деловые и духовные писания ни в коей мере не передают особенности тогдашней живой речи. Потребовались жизнь и творчество двух последующих за Петром поколений поэтов, писателей, публицистов, прежде чем русский язык обрел такого блестящего стилиста, как Пушкин. Или скажем так, такого же блестящего стилиста, как Виллим Монс. Ибо все читавшие его письма и стихи отмечали и поразительную легкость и изящество стиля его сочинений. И какая придворная дама не мечтала получить такое письмо? Несмотря на внешнюю свободу, для большинства придворных дам Екатерины период «Домостроя» не кончился. Запертые во дворцах дамы изнывали по светским вечеринкам и балам, где возникали и завершались мимолетные романы, и письма Виллима Монса были подобны горящему труту, поднесенного к хворосту истомившейся женской души. История не сохранила всего списка побед молодого человека (верим, что их было немало), но об одной из вероятнейших жертв его литературных забав настойчиво говорил весь двор. Имелись свидетельства, что между Монсом и Екатериной постоянно курсировали курьеры с записками, содержание которых никому не было известно. Были ли это любовные послания или деловая переписка, так и осталось

невыясненным, но именно эти записки сыграли роковую роль в судьбе Монса.

Однако поэзия была лишь хобби молодого человека, на царской же службе он ведал Вотчинной канцелярией, то есть руководил ведомством, которое в гораздо более поздние времена в России прозвали Госкомимуществом. Беду накликали приближенные камергера. Его секретарь Столетов, кстати, также обладавший поэтическим даром, славился своим корыстолюбием. Находясь на службе в столь «хлебном месте», Столетов мог себе позволить вымогать взятки от заинтересованных в вотчинах лиц.

Брал взятки и сам Монс с помощью сестрицы Матрены Иоганновны, которая частенько ходатайствовала перед братом за того или иного человека. Монс никому не отказывал, за что и получил репутацию доброжелательного человека. Чем более росло расположение императрицы к камергеру, тем шире распространялось могущество Виллима Монса. К нему за помощью обращаются уже лица самого высокого звания, сам светлейший князь А. Д. Меншиков, царица Прасковья и многие другие. Молодого фаворита осыпали подношениями, перед ним заискивали. Столь стремительный взлет фаворита вызвал приступ отчаянной зависти у других придворных, которые воспользовались болтливостью слуг. На свет появилось анонимное подметное письмо, адресованное царю Петру. Аноним писал, что Монс задумал отравить государя, дабы самому править с императрицей. И если в версию о покушении царь, наверное, не поверил, то намек о любовной связи Екатерины воспринял очень близко к сердцу. Как известно, государю не очень везло в личной жизни. Возможно, заболевание мочеполовых органов (одни врачи подозревают что у него было хроническое воспаление мочевого пузыря, другие утверждают, что это правильнее назвать стриктурой уретры) мешало ему проявить свои мужские способности в полной мере. Петр пришел в ярость, когда узнал о любовной связи его бывшей жены, находящейся в монастыре под именем «инокини Елены», Екатерины Лопухиной с офицером охраны Степаном Глебовым. Епископ Досифей попустительствовал этой связи, позволив инокине носить мирское платье. Петр велел казнить Глебова мучительнейшей казнью (он был посажен на кол), епископ был отрешен от сана и колесован. Евдокия же была переведена в Ладожский монастырь с гораздо более строгим режимом.

Как и в случае с Евдокией, следствие по делу Монса производил руководитель Тайной канцелярии П. А. Толстой. Арестованный Монс, едва увидев орудия пыток, тут же признался во всем, что от него требовалось. Возможно, именно это заронило подозрение в его правдивости. Этот лощеный красавец, столь заботившийся о собственной внешности и не выносивший боли, при виде дыбы и щипцов мог оговорить не только себя, но и кого угодно.

Петр был взбешен признаниями Виллима Монса. Можно только догадываться о том, что творилось с ним в те дни, зная его склонность к необузданному гневу и нетерпимость даже к малейшему намеку о нарушении его чести. Приступы царского бешенства были опасны для всех, попадавшихся ему на пути. Ослепленный бешенством Петр едва не убил

собственных дочерей. Рассказывали, что лицо царя то и дело сводила судорога, порой он доставал свой охотничий нож и в присутствии дочерей бил им в стол и в стену, стучал ногами и размахивал руками. Уходя, он так хлопнул дверью, что она рассыпалась.

Однако у царя хватило присутствия духа не делать этот скандал достоянием всех царствующих дворов Европы. Памятуя принцип «жены Цезаря», он выдвинул на суде лишь экономические обвинения. В качестве вины Виллиму Монсу вменялось присвоение оброка с деревень, входивших в вотчинную канцелярию, получение взяток за предоставление места на казенной службе, мздоимство и прочее в том же духе.

Примечательным был и тот факт, что в числе привлеченных по делу Монса был придворный шут Иван Балакирев, вошедший в народный фольклор под именем «Шута Балаиря», участника многих озорных проделок (не этот ли насмешник носил царице томные записочки? — Л. З.). 15 ноября 1724 года жителям Петербурга был зачитан царский указ, где говорилось буквально следующее: «1724 года в 15-й день, по указу его величества императора и самодержца всероссийского объявляется во всенародное ведение: завтра, то есть 16-го числа сего ноября, в 10 часу пред полуднем, будет на Троицкой площади экзекуция бывшему камергеру Виллиму Монсу да сестре его Балкше, подьячему Егору Столетову, камер-лакею Ивану Балакиреву — за их плутовство такое: что Монс, и его сестра, и Егор Столетов, будучи при дворе его величества, вступали в дела противные указам его величества, не по своему чину укрывали винных плутов от обличения вин их, и брали за то великие взятки: и Балакирев в том Монсу и протчим служил. А подлинное описание вин их будет объявлено при экзекуции».

Указ императора не остался без внимания. Утром следующего дня перед эшафотом собралась огромная толпа горожан, жаждущих поглазеть на страшное зрелище. К 10 часа утра к Троицкой площади приблизился мрачный кортеж. Солдаты вели Виллима Монса в сопровождении протестантского пастора. Бывший любимец императрицы, камергер двора, известный франт и сердцеед, поклонник изящного стиля, теперь бледный и изможденный в нагольном тулупе приближался к эшафоту, где его уже ждал палач, подготовивший все необходимое для своей ужасной работы. При всей твердости духа, о которой свидетельствовали очевидцы казни, Монс не мог отвести взгляда от шеста с заостренным концом, очевидно, вполне осознавая, что случится через несколько минут — на этом шесте будет красоваться его голова.

Наверное, в последние мгновения жизни эта мысль сверлила его мозг, и неизвестно, какое желание побеждало: оттянуть роковое мгновение или ускорить казнь, чтобы не видеть палача, эшафот и этот шест? Однако церемония казни продолжалась. Перед затихшей толпой зачитали приговор. Все это время Монс, обводивший толпу помутневшим взором, не обнаруживал каких-либо эмоций, и лишь только когда к нему для последнего слова подошел пастор, он отдал священнику последнее остававшееся у него имущество: драгоценные часы с портретом Екатерины, часы, которые отсчитывали для него когда-то месяцы и годы счастливой и беззаботной жизни. Для бывшего царедворца время уже навеки остановилось. Он скинул тулуп и положил шею на плаху. Палач одним

взмахом отсек ему голову и насадил ее на шест. Спустя несколько минут на том же залитом кровью эшафоте жестоко выпороли кнутом Матрену Балк (ее сослали в Тобольск), Егора Столетова и шута Балакиря (их отправили на пожизненные каторжные работы).

Все сводилось к тому, что императрица чудом осталась жива после этого процесса. Полагают, что ее выгородили полюбившие ее придворные и в первую очередь симпатизировавший ей П. А. Толстой.

Сохранился рассказ современников о том, как Петр отвез Екатерину на место казни Монса и продемонстрировал ей голову, насаженную на шест. Тело несчастного привязали к специальному колесу, которое выставили для всеобщего обозрения.

Посмотрев на останки бывшего дамского угодника, императрица с печалью сказала:

«Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности». Были ли эти слова сказаны, чтобы отречься от незадачливого любовника? А может быть, этой фразой Екатерина отвергала все, что могли наговорить на нее лживые языки?

Кто знает? Безусловным является лишь то, что на Руси это был чуть ли не единственный случай смертной казни за взяточничество и казнокрадство. То, что в деле была замешана личная неприязнь государя, подчеркивается тем фактом, что смерть постигла одного-един-ственного человека из всех привлеченных по делу. Если бы этот случай мог служить судебным прецедентом, то казнить следовало бы все окружение Петра и в первую очередь самого светлейшего князя А. Д. Меншикова.

АРТЕМИЙ ВОЛЫНСКИЙ

Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменник, но, напротив того, добрый и усердный патриот и ревнитель к полезным поправлениям своего отечества и такую смерть терпел, быв невинен.

Екатерина II

1738 год стал годом возвышения князя Волынского. До тех пор он, обычный царедворец не первой руки, исполнял не самые важные должности. И вот 3 апреля он, благодаря поддержке Бирона, попал в кабинет-министры. Став кабинет-министром, Волынский говорил, что обязан должностью своей родословной. Род его происходил от князя Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка, женатого на родной сестре великого князя Дмитрия Донского. Но Бирон при назначении Волынского в кабинет руководствовался не родословной его, а даровитостью. Когда иноземные послы спрашивали герцога, почему он именно на Волынском остановил свой выбор, то Бирон отвечал «Волынский — это одна из лучших русских голов». В личности Волынского соединились все хорошие и дурные стороны его времени. Жизнь при царском дворе возносила его светлую голову высоко и роняла низко до тех пор, пока не вознесла окончательно — на шест у места казни. Служебная деятельность А. П. Волынского началась в царствование Петра I. Он храбро сражался в Полтавском сражении и заслужил доверие императора как храбрый и грамотный офицер. В 1715 году Волынского назначили в Персию чрезвычайным посланником. Волынский сумел за это время склонить шаха Гуссейна (первого министра) на сторону России и заключил с ними торговый договор на выгодных

условиях.

21 декабря 1718 года Артемий Петрович возвратился из Персии в Петербург. Петр I радушно принял Волынского и, внимательно выслушав его доклад по русско-персидским делам, остался доволен поездкой своего посланника в Персию. Радушный прием Волынского царем сейчас же заметили министры и наперебой стали приглашать его к себе на «ассамблеи». Волынский был молод, холост, красив и умен. Веселая и жизнерадостная Екатерина I, так любившая танцевать с Волынским на балах, решила женить его на двоюродной сестре Петра I — Александре Нарышкиной. Дело устраивалось долго, и наконец 18 апреля 1722 года Волынский обвенчался с Нарышкиной. Он породнился с царем, и его дети могли претендовать на российский престол. Детей было трое — Аннушка, Мария и Петенька. Волынский ревностно занимался их воспитанием — его жена умерла вскоре после последних родов.

За удачное выполнение данного поручения Петр I пожаловал Волынского полковником и генерал-адъютантом, а затем назначил его (в 1718 году) в Астрахань губернатором. Волынский замечательно исполнил свою трудную задачу и все более и более завоевывал милость царя, который в это время дружески называл его запросто «Артемием».

В губернаторство Волынского в Астрахани русские войска совершили поход в Персию (1722). Первый отряд, вступивший в сражение с горцами, был разбит. Недруги Волынского не замедлили объяснить это обстоятельство ложными сообщениями астраханского губернатора о состоянии кавказских горцев и, кстати, передали Петру I, в преувеличенном виде, рассказы о взятках и вымогательстве Волынского во время его посольства в Персии и управления Астраханской губернией. Петр I был страшно разгневан, и классическая дубинка первого русского императора сильно прошлась по спине астраханского губернатора. Только заступничество Екатерины, сопровождавшей Петра I в походе, спасло Волынского от неминуемой смерти. Хотя потом Петр Великий как бы помирился с Волынским, но прежняя его милость не возвращалась к Артемию Петровичу. В царствование императрицы Екатерины I Волынский был произведен в генерал-майоры и назначен губернатором в Казань. Губернаторство в Казани характерно, с одной стороны, целым рядом самодурств и хищений Волынского, с другой — весьма дельными административными распоряжениями и заканчивается учреждением над ним «инквизиции» по поводу неумеренных его поборов с татар и черемис. При Петре II Волынский был министром в Голштинии (пост явно не соответствовавший его амбициям). По восшествии на престол Анны Иоанновны Волынского потянуло в столицу. Сблизившись с любимцем Бирона обер-шталмейстером графом Левенвольдом, Волынский, при его посредничестве, перешел в 1732 году на службу в придворное ведомство начальником государственных конных заводов. Эту должность он избрал для того, чтобы в конюшнях, которые ежедневно посещал Бирон — страстный охотник до лошадей, — иметь случай побеседовать с могущественным вельможей и снискать себе его благоволение. Расчет оказался верным, и Волынский с тех пор начал быстро продвигаться по службе. Так, в 1734 году он был пожалован генерал-лейтенантом. В конце 1734 года он получает в подарок место для постройки дома в Петербурге,

на Мойке. В 1736 году стал обер-егермейстером, а в 1738 году был произведен в кабинет-министры.

Цель была достигнута — Волынский оказался у кормила правления Русского государства. Эту власть он делил с немцами, враждебно настроенными против русских — с Бироном, Остерманом и Минихом, которые, ссорясь друг с другом и подставляя один другому ногу, сходились в одном — в презрении к русским. Волынский начал с того, что расширил кабинет министров частным созывом «генеральных собраний», на которые приглашались сенаторы, президенты коллегий и другие сановники, и сосредоточил в своих руках все дела кабинета: через год после его назначения в кабинет-министры он стал единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета.

Он попытался влиять на управление страной, и тут-то бироновские министры не захотели видеть в нем равного себе, если не больше. На него начали собирать компромат. В скором времени выяснилось, что претендует он не просто на место у кормушки, но и на «хозяйское место».

Еще в 1731 году во время пребывания в Москве Волынский сблизился с несколькими образованными людьми: морским офицером Федором Ивановичем Самойловым, придворным архитектором П. М. Еропкиным и горными инженерами А. Ф. Хрущевым и В. Н. Татищевым.

Друзья Волынского собирались у него в доме на Мойке. В дружеских беседах высказывались мечты о будущем, высказывались разные соображения и планы об улучшении государственных порядков, обсуждались (а частенько и осуждались) разные государственные мероприятия, действия правительственных лиц и самой императрицы.

В этих разговорах давалась резкая характеристика правителей-немцев, в особенности Бирона и Остермана, изливалась желчь на родовитых русских людей, исполнявших роли шутов при дворе Анны Иоанновны.

Много рассуждал Волынский о браке Анны Леопольдовны и о наследии престола после Анны Иоанновны.

Брак Анны Леопольдовны с герцогом Брауншвейгским Антоном Ульрихом имел громадное политическое значение. Анна Иоанновна, вскоре по воцарении, назначила своим преемником несуществующее лицо — того ребенка, который должен был родиться от будущего брака ее племянницы. Бирон хотел обвенчать с Анной Леопольдовной своего сына Петра, но это ему не удалось. В числе лиц тайно, но деятельно работавших против этого замысла Бирона был Волынский.

В подражание античным и средневековым теоретикам Волынский написал «генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел», — обширный политический трактат, заключающий в себе исторический обзор русского государства, его политического и экономического положения в первой половине XVIII века и средства для «поправления внутренних государственных дел».

Сборища Волынского не могли укрыться от зоркого глаза Остермана, не терпевшего Волынского. Остерман напустил на Волынского его недруга, князя А. Б. Куракина, который стал всюду преследовать Волынского, распускать про него пошлые сплетни, а своему конфиденту, В. К. Тредиаковскому, поручил сочинить на Волынского пасквильные

«песенки» и «басенки». Императрица и Бирон предупредили Волынского, что Куракин «врал» на него при дворе, советуя ему быть поосторожнее. Кроме князя Куракина, «вредил» Волынскому другой русский — адмирал граф Головин, сердитый на него за открытые им беспорядки по адмиралтейству. Волынский подал императрице свое «доношение», в котором оправдывается от возводимых на него обвинений и едко указывает на лицемерие при дворе, вытекающее из всей политики Российского государства.

Императрица заметила ему с неудовольствием, что он в своем доношении делает ей наставление, как управлять государством, считая ее как бы малолетней. По Петербургу стала распространяться молва о каких-то ночных сборищах у Волынского, начались толки о каких-то проектах возмутительного содержания, пошли слухи о том, что Артемий Петрович недолго останется кабинет-министром.

Волынский не знал, что и делать, но счастье выпало ему с неожиданной стороны. Он был назначен председателем «машкерадной комиссии», учрежденной для организации в легендарном Ледяном доме «потешной свадьбы» придворного шута князя А. М. Голицына с калмычкой Бужениновой. Грубость и запальчивость Волынского обнаружилась во время его занятий по «машкерадной комиссии». Он жестоко избил во дворце Бирона В. К. Тредиаковского, которому было поручено написать «вирши» на шутовскую свадьбу. Жестокими побоями Волынский мстил Тредиаковскому за сочинение на него «смехотворных песенок». Вскоре после Ледяного дома последовали в Петербурге торжества по случаю заключения Белградского мира, прекращавшего Турецкую войну. Волынский был награжден щедрее многих других царедворцев: он получил 20 000 рублей. И снова зависть, интриги. Князь Куракин стал действовать самостоятельно — избиение Тредиаковского в «палатах его светлости владеющего герцога Курляндского» выставлялось им как оскорбление, нанесенное лично Бирону. Бирона восстановили против Волынского. Участь кабинет-министра была решена. На страстной неделе, в первых числах апреля, Волынскому было запрещено являться ко двору. Волынский недоумевал, в чем причина нечаянной опалы, поспешил к Бирону, но не был принят.

Про Волынского стали складываться целые легенды — наряду со слухами о «бунтовской книге», написанной Волынским в наставление государыне, одни рассказывали об обширном заговоре, другие приписывали Волынскому замысел государственного переворота с целью самого себя провозгласить русским государем. 12 апреля 1740 года Волынский был подвергнут домашнему аресту, и началось известное «дело» Волынского. На первых допросах Волынский вел себя храбро, но после замечания комиссии, чтобы он «постороннего не плодил», Волынский стал не только сдержаннее, но положительно упал духом и на последующих допросах доходил до самоунижения перед своими следователями. Волынский становится на колени, кланяется следователям в ноги. «Я делал-по горячности злобы и высокоумия», — говорил несчастный Артемий Петрович. Дело Волынского было передано в тайную канцелярию.

16 апреля были арестованы Хрущев и Еропкин. Затем аресты пошли один за другим, простираясь на всех родственников, знакомых и прислугу

подозреваемых. 19 июня для суда над Волынским было учреждено «генеральное собрание». Собрание постановило:

«Хрущева, Саймонова, Еропкина, Мусина-Пушкина — четвертовать и затем отсечь им головы».

Назначенная Анной Иоанновной следственная комиссия все свела к тому, что «Волынский по самозванническому своему к высочайшей ее императорского величества фамилии причитанию высочайшую власть взять на себя и через возмущение сделать себя государем хотел». Во всех своих показаниях перед этой комиссией Волынский решительно заявлял, что «такого злого своего намерения и умысла, чтобы себя через что-нибудь сделать государем, никогда он не имел и не имеет и никому о таком намерении никогда ни под каким видом он не сказывал и ни через что не сообщал, и сказывать, и сообщать ему о том было не можно, что в мысли своей такого злого намерения не имел».

Несмотря на это заявление Волынского генеральное собрание после довольно пристрастного и одностороннего следствия и суда над ним 20 июня вынесло такой приговор: Волынского посадить живым на кол, вырезав у него язык. Анна Иоанновна признала такую казнь очень жестокой и, «милосердуя по обыкновенному своему императорскому великодушию», 23 июня указала: «Артемию Волынскому, вырезав у него язык, отсечь правую руку и голову». 26 июня Андрей Иванович Ушаков послал к Бирону в Петергоф с нарочным следующее письмо: «Светлейший Герцог, Премилостивейший Государь! Вашей высококняжеской светлости, премилостивейшему государю, приемлю смелость всепокорно донесть, что известная экзекуция имеет быть учинена сего июня 27 дня пополуночи в 8 часу.

Того и вашу высококняжескую светлость, премилостивейшего государя, всепокорнейше прошу, не соизволите ли об оном донесть ее императорскому величеству всемилостивейшей государыне.

Вашей великокняжеской светлости, премилостейшего государя, всепокорный слуга генерал Ушаков».

Донес ли Бирон Анне Иоанновне о предстоявшей экзекуции, неизвестно. Из архивных документов видно, что императрица в день казни Волынского «стреляла зайцев и русаков».

27 июня 1740 года, в день Полтавской победы русских над шведами, в которой храбро сражался и Волынский, ему в тюрьме Петропавловской крепости вырезали язык и, «закрыв рот перевязкою от подбородка к голове, чтобы помешать кровотечению», вывели из крепости на Сытный рынок, где на эшафоте «в присутствии генерал-майора А. И. Ушакова и тайного советника И. И. Неплюева, при обыкновенной публике», по прочтении высочайшего указа асессором Хрущевым, отсекли несчастному кабинет-министру правую руку и голову, затем «после экзекуции через час его мертвое тело отвезли на Выборгскую сторону и по отправлении над оным надлежащего священнослужения погребли при церкви преподобного Сампсона Странноприимца».

Что-то глубоко символичное видится нам в этой казни. Красноречивый оратор, он был лишен языка, воин и писатель, он был лишен руки, а самая лучшая голова в России — была отсечена и водружена на палаческий шест к изумлению и ужасу «обыкновенной публики».

ЗАГОВОР МИРОВИЧА

Наказания на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он впредь не мог вредить обществу и чтобы отвратить граждан от соделания подобных преступлений.

Екатерина II. Наказ 1767 года

Роскошь и великолепие окружали колыбель Иоанна Антоновича. После смерти Анны Иоанновны двухмесячный младенец был провозглашен императором. На подушке, покрытой порфирой, малютку выносили на торжественные церемонии, придворные и все государственные чины лобызали ему ножку. Царствование его продолжалось год и 16 дней. Иоанна Антоновича свергла с престола Елизавета Петровна в 1741 году. Годом позже маленький император превратился в арестанта Шлиссельбургской крепости. Наверное, в истории всякой монархии есть свои «железные маски». Во времена Елизаветы правительство старалось уничтожить всякий след краткого правления Иоанна: строжайшим образом бьшо запрещено упоминать в грамотах имя и титул бывшего императора; 31 декабря 1741 года был назначен годичный срок для изъятия из обращения монет с изображением Иоанна. В 1742 году во всем государстве собирались присяжные листы Иоанну III и сжигались. В 1743 году собрали вообще все документы с именем Иоанна. 30 июля 1745 года той же участи подверглись медали на кончину императрицы Анны, на которых было изображение маленького императора.

Лишив власти законных наследников Анны Иоанновны, Елизавета решила отпустить их — Анну Леопольдовну, ее мужа принца Ульриха и их детей — Иоанна и Екатерину — за границу, но сначала задержала в Риге, позже передумала — велела переправить в Роненбург, а затем — в Соловецкий монастырь. С течением времени с царскими узниками обращались все хуже и хуже, пока они фактически не стали арестантами строгого режима. Во время этих скитаний у Анны Леопольдовны родилась еще одна дочь — Елизавета.

24 июля 1744 года барону Корфу вместе с капитаном пензенского полка Миллером было приказано ехать в Роненбург, ночью взять принца Иоанна и, сдав его с рук на руки Миллеру, отправить в место новой ссылки. Иоанна велено было называть не иначе как Григорием, вести в закрытой коляске и никому, даже возчикам, не показывать.

До Соловков бывшая царская фамилия так и не доехала — помешали болезни детей, новая беременность Анны Леопольдовны, поздняя осень, распутица и совершенная неподготовленность к путешествию. Они остановились в Холмогорах, где и были оставлены до дальнейших высочайших. Иоанн жил там же, но изолированно и под строгим надзором Миллера. Корф возвратился ко двору, среди бумаг, оставленных им преемнику, было и такое распоряжение императрицы: «Ежели по воле божьей случится кому из персон смерть, особливо же принцессе Анне или принцу Иоанну, то, учиня над умершим телом анатомию и положа в спирт, тотчас же смертное тело к нам прислать с нарочным офицером».

19 марта 1745 года Анна Леопольдовна родила сына Петра, а 27 февраля 1746 года — сына Алексея. Спустя несколько дней после родов, в

возрасте 28 лет, она скончалась от родильной горячки. Иоанн Антонович проводил время в совершенном уединении, родственники с ним не виделись. Принц Ульрих скорее всего не знал, что в нескольких шагах от него, «за огородами», содержался без всякого воспитания его сын. В 1756 году Иоанна из Холмогор перевели в Шлиссельбург. Находясь в заключении, Иоанн знал о своем происхождении, что видно из рапортов приставленных к нему офицеров, страдал от грубого обращения солдат, однако вел себя не как принц или представитель высшего общества, а усвоил обращение той среды, в которой он с детства находился — часто ругался, дрался с офицерами, манеры его также оставляли желать лучшего. К тому же он страдал «временным помрачением рассудка», вспышками гнева и меланхолии, говорил сбивчиво и так косноязычно, что даже офицеры из охраны с трудом понимали его.

Иоанн не имел возможностей претендовать на престол, но само имя его было опасно и возбуждало сочувствие толпы. И наконец нашелся некий Мирович, ускоривший конец свергнутого императора.

Василий Яковлевич Мирович, подпоручик Смоленского пехотного полка, происходил из знатной малороссийской фамилии. Его дед поддержал предателя Мазепу в 1709 году.

Вследствие этого были конфискованы имения Мировичей. Летом 1764 года, когда Мирович решился на отважное предприятие, ему было не более 24 лет, и жил он довольно бедно. Не раз он обращался к правительству с прошениями о возврате конфискованного имущества, но тщетно. Резолюцию с отказом, собственноручно подписанную императрицей Екатериной II, Мирович получил за четыре недели до катастрофы в Шлиссельбурге. Очевидно, это не прибавило почтения к правящей фамилии.

Мирович не знал и никогда не видел Иоанна Антоновича. Не раньше октября 1763 года он узнал от отставного барабанщика Шлиссельбурга, что в крепости содержится бывший император, и, желая обогатиться и возвыситься и вместе с тем отомстить императрице за отказ возвратить ему часть имения его предков, задумал совершить государственный переворот, вывести Иоанна Антоновича из крепости и провозгласить его императором. Некоторые источники уверяют, что у Мировича были единомышленники, принадлежавшие к военному сословию. Однако логика развития событий доказывает, что это был поступок пусть и отважного, но недальновидного одиночки.

20 июня Екатерина отправилась из Петербурга в Прибалтийский край. Тотчас же после этого Мирович явился в Шлиссельбургскую крепость в качестве караульного офицера Смоленского полка. Караульные офицеры оставались в Шлиссельбурге неделю, а затем сменялись другими. В продолжении этой недели Мирович должен был организовать свое дело.

Он начал с того, что во время прогулки по крепостному валу подробно ознакомился с расположением помещения, где содержался Иоанн Антонович. Однако прошла неделя, а Мирович ничего не предпринял. Желая выиграть время, он, 3 июля, не в очередь попросился дежурить в Шлиссельбургской крепости. В самые последние дни и часы он старался уговорить некоторых капралов и солдат принять участие в бунте. Он открылся также капитану Власову, который немедленно послал гонца к

графу Панину с предупреждением об измене. Той же ночью Мирович, узнав, что из крепости отправлен гонец, решил действовать немедленно.

Мирович сбежал вниз в солдатскую караульню и закричал: «К оружию!» Послав в разные места собирать всю команду, сам велел зарядить ружья боевыми патронами и послал солдат к калитке с приказаниями никого в крепость не пускать и никого не выпускать.

Мирович, располагая исключительно своей командой смоленского полка, около 45 человек, должен был подавить сопротивление гарнизона, находившегося около каземата Иоанна Антоновича. Гарнизон состоял примерно из 30 человек, и Мирович, напавший неожиданно, находился в более выгодном положении. Мирович ранил коменданта крепости Бередникова и сделался безусловным хозяином положения. Выстроив своих солдат в шеренги, Мирович подошел к казарме Иоанна Антоновича, и гарнизонная команда, не получив на свой оклик нужного ответа, кроме «Идем к государю!», начала стрелять. Солдаты Мировича отступили. Мирович потребовал, чтобы его впустили к «государю», несколько раз с этим предложением он посылал гарнизонного сержанта. Видя, что угрозы не действуют, он взял из комендантских покоев ключи и с несколькими солдатами пошел на бастион за пушкой. Поставив шестифунтовую пушку перед казармой и велев зарядить ее ядром, Мирович снова послал сержанта с предложением сдаться.

Тогда-то и настала минута, предусмотренная в Инструкции Власьева и Чекина. Они ответили Мировичу, что сопротивляться не будут, а сами закололи Иоанна Антоновича. Однако в официальных бумагах нет никаких данных о подробностях убийства Иоанна Антоновича. Там просто сказано, что оба офицера вместе «умертвили» его.

Между тем Мирович, получив известие, что гарнизон сдается, вбежал на галерею, схватил Чекина за руку и спросил: «Где государь?» Чекин сказал: «У нас государыня, а не государь». Мирович, толкнув его, закричал: «Поди, укажи государя и отпирай двери». Чекин отпер, в комнате было темно. Мирович, держа Чекина левой рукой за ворот, а правой сжимая ружье со штыком, сказал: «Другой бы, каналья, заколол тебя!» Наконец он вошел в каземат и увидел на полу мертвого Иоанна.

«Ах вы, бессовестные! — вскричал он. — Бойтесь Бога! За что вы пролили кровь невинного человека?»

Солдаты требовали у Мировича позволения заколоть Чекина и Власьева, но Мирович не разрешил, сказав: «Теперь помощи нам никакой нет, и они правы, а мы виноваты!» Затем он подошел к мертвому телу, поцеловал у него руку и приказал вынести тело на кровати из казармы на гауптвахту. Тело было выставлено перед строем солдат. Мирович велел взять в честь скончавшегося Иоанна на караул и сказал: «Вот наш государь Иоанн Антонович, и теперь мы не сколько счастливы, но бессчастны, и я более всех! За то я все и перетерплю: вы не виноваты, вы не ведали, что я хотел сделать, и я за всех вас буду ответствовать и все мучения на себе сносить».

К нему подошел комендант, сорвал офицерские знаки и сорвал шпагу, затем приказал арестовать Мировича. Солдаты повиновались.

Тотчас же Власьев и Чекин отправили донесение о случившемся графу Панину. Началось расследование «без огласки и без всякой

скрытности» — как велела Екатерина Панину. Ведь по делу проходило более 200 человек! Власьев и Чекин получили по 7000 рублей вознаграждения и были отставлены от всякой службы — награждены и наказаны одновременно. Жизнь их была в опасности. Поэтому для них был подготовлен корабль, на котором они отправились в Данию.

Позже они вернулись в Россию и получили повышение в чинах. Во время расследования Мирович взял всю вину на себя. Когда ему грозили пыткой, он отвечал: «Знавши меня, неужели вы надеетесь успеть сим средством в своем намерении?» Екатерина, узнав о предполагаемой пытке, строжайше запретила ее:

«Оставим несчастного в покое и утешим себя мыслью, что государство не имеет врагов».

Монаршия милость этим и ограничилась: 17 августа 1764 года Екатерина II издала Манифест о казни путем четвертования подпоручика Смоленского пехотного полка Василия Мировича. Однако Высочайшее Собрание не согласилось с чрезвычайной на их взгляд жестокостью Екатерины. К тому же столь кровавые меры могли вызвать в народе, сочувствовавшем Мировичу, нежелательное волнение. 9 сентября Собрание вынесло приговор: «Мировичу отсечь голову, и оставя тело его народу на позорище до вечера, сжечь оное вместе с эшафотом. Из прочих виновных разных нижних чинов прогнать сквозь строй, а капралов сверх того написать вечно в солдаты в Дальние команды».

Любопытен рассказ Квитки о казни Мировича «Мирович, ведомый на казнь, увидел любопытствующий народ, сказал находившемуся близ него священнику. „Посмотрите, батюшка, какими глазами смотрит на меня народ. Совсем бы иначе на меня смотрели, если бы мне удалось мое предприятие“. Прибыв на место казни, он спокойно взошел на эшафот. Мирович был лицом бел и замечали в нем, что он и в эту минуту не потерял обыкновенного своего румянца. Одет Мирович был в шинель голубого цвета. Когда прочли ему сентенцию, он вольным духом сказал, что благодарен, что ничего лишнего не возвели на него в приговоре. Сняв с шеи крест с мощами, отдал провожавшему его священнику, прося молиться о душе его. Подал полицмейстеру, присутствующему при казни, записку об остающемся своем имении. Сняв с руки перстень, подал его палачу, убедительно прося его сколько можно удачнее исполнить свое дело и не мучить его. Потом сам, подняв свои длинные белокурые волосы, лег на плаху. Палач был из выборных, испытан прежде в силе и ловкости и… не заставил страдать несчастного». Впечатление, произведенное казнью Мировича, было чрезвычайно сильно и взволновало народ, но и не только народ. В записках Порошина сказано: «Великий князь и наследник престола Павел Петрович, узнав о кровавом событии, опочивал весьма худо».

Екатерина, желая развеять настроение граждан, устроила вскоре великолепные игры, карусели и турниры. Такие «заговорщики» ее не страшили.

ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ

Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение.

А. Н. Радищев

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775) предводитель крестьянского восстания в России, ничтоже сумняшеся выдавал себя за покойного царя Петра III. На самом деле это был простой казак Зимовейской станицы на Дону. Царское имя придавало бунту характер законности и делало атамана особенно популярным в глазах народа, который тогда верил в хорошего царя, защитника народных интересов.

17 сентября 1773 года перед собравшимися казаками был прочитан первый манифест, написанный по приказанию Пугачева его «секретарем» — молодым казаком Иваном Почиталиным. Манифест встретили шумным одобрением. Затем все присутствовавшие были приведены к присяге. Отряд Пугачева насчитывал вначале около 80 человек. Окруженный свитой, Пугачев двинулся в поход в направлении Яицкого городка (теперь город Уральск).

Так началось грандиозное народное движение, крестьянская война 1773–1775 годов, вскоре распространившаяся с Урала на огромную территорию «от Сибири до Москвы и от Кубани до муромских лесов», по выражению А. С. Пушкина. Весь «черный народ» был за Пугачева. Кроме яицких казаков в восстании приняли активное участие измученные непосильным каторжным трудом и притеснениями администрации работные люди и приписные крестьяне уральских заводов, угнетенные народности Поволжья и Приуралья — татары, башкиры, казахи, удмурты, марийцы, чуваши, мордва, калмыки и др. Но основной движущей силой восстания были крепостные крестьяне.

В манифестах и указах Пугачева находили свое яркое выражение думы и чаяния широких народных масс, их ненависть к угнетателям и стремление к свободе. Здесь формировались лозунги и цели крестьянской войны. В составлении манифестов участвовали многие видные руководители движения — И. Зарубин (Чика), А. Соколов (Хлопуша), И. Белобородое, Салават Юлаев и др.

В своих манифестах Пугачев обещал казакам «вечную вольность», амнистию и прощение за совершенные ими проступки, право распоряжаться рекой Яиком со всеми землями, угодьями, соляными промыслами и рыбной ловлей от верховьев до устья, обеспечение деньгами, хлебом и боеприпасами.

Работным людям и приписным крестьянам уральских металлургических заводов, требовавшим освобождения от заводских работ или улучшения условий труда, Пугачев обещал те же, что и казакам, пожалования и вольности.

В районах, охваченных восстанием, истребляли всех помещиков и заводовладельцев, не успевших бежать. Крестьяне забирали землю, все повинности упразднялись. В народе говорили, что государь Петр Федорович «землю меряет и заборы утвердил, только столбы не поставлены». Крестьяне были уверены, что им дано освобождение. Вместо государевой администрации вводили самоуправление, наподобие казачьего круга, в котором принимало участие все взрослое мужское население. Местные выборные власти занимались военными вопросами, организацией продовольственного снабжения, поддерживали порядок. Пугачев сурово карал тех, кто «чинил» обиды населению. В некоторых

местах Пугачев велел бесплатно раздавать бедноте продовольствие, соль, захваченные казенные деньги. В Пензе, например, он роздал 20000 пудов казенной соли, в Саратове было роздано населению 19000 четвертей муки и овса. Но эти популистские меры не могли помочь плохообученному и слабовооруженному казачьему воинству противостоять регулярной российской армии. Зимой 1774 года под Оренбургом войско восставших было разбито, а сам Пугачев был предан некоторыми своими соратниками и приговорен к смертной казни. Русская императрица Екатерина II в письме 29 декабря 1774 года писала Вольтеру с презрением: «Маркиз Пугачев, о котором вы опять пишете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончил жизнь трусом. Он оказался таким робким и слабым в тюрьме, что пришлось осторожно приготовить его к приговору из боязни, чтоб он сразу не умер от страха».

Неизвестно, насколько правдива была Екатерина. Мало у кого после чтения ее указа от 10 января 1775 года не пошел бы мороз по коже: «Пугачеву учинить смертную казнь, четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь. Перфильева четвертовать в Москве, Чеке, он же Зарубин… осечь голову и воткнуть ее на кол для всенародного зрелища, а труп его сжечь с эшафотом купно…» О степени мужества или трусости Пугачева мы можем судить только по описанию его казни очевидцем:

«В десятый день января тысяча семьсот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов пополуночи приехали мы на Болото; *21 Место в тогдашней Москве, где совершались публичные наказания.* на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вкруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза… Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; насупротив духовник его и еще какой-то чиновник, вероятно, секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы. Пугачев с непокрытою головою кланялся на обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет, роста среднего, лицом смугл и бледен, глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, черные и небольшую бородку клином.

Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев в препровождении духовника и двух чиновников едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: „на караул!“ и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицмейстер спрашивал его громко: „Ты ли донской казак Емелька Пугачев?“ Он столь же громко ответствовал „Так, государь, я донской казак, Зимовейской станицы, Емелька Пугачев“. Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда

Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с утороплeнным видом стал прощаться с народом: кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: „Прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!“ При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его: сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы».

Остается только добавить, что через день, 12 января, останки Пугачева сожгли вместе с эшафотом и санями, на которых его везли на казнь.

ЛЮДОВИК XVI И МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Первое из прав есть право на существование…

Максимильен Робеспьер

Царствование Людовика XVI (1754–1793) было прервано Великой французской революцией. Он пытался бежать из Франции, но в Варене был опознан и возвращен в Париж. 15 января 1793 года Национальный Конвент начал поименное голосование по трем вопросам: «Виновен ли Людовик XVI?» («да» — 683 человека, то есть подавляющее большинство), «Следует ли любое принятое решение передавать на обсуждение народа?» («нет» большинством голосов), «Какого наказания заслуживает Людовик XVI?» (за смертную казнь без всяких условий проголосовали 387 человек, за смертную казнь условно или тюремное заключение — 334 человека). Таким образом, большинством в 53 голоса король был приговорен к смертной казни. Но прения продолжались еще несколько дней. Наконец 19 января 1793 года Национальный Конвент постановил гильотинировать короля в течение 24-х часов. Узнав о решении Конвента, Людовик попросил, чтобы к нему допустили священника Эджворта де Фримонта. В своих записках Эджворт подробно рассказал о последних часах короля.

Когда он прибыл к Людовику, тот сделал остальным рукою знак уйти. Они безмолвно повиновались.

Людовик сам закрыл за ним дверь, и Эджворт остался наедине с королем. До тех пор священник хорошо владел собою, но при виде монарха, раньше столь могущественного, Эджворт не мог больше владеть собою и против своей воли упал со слезами к ногам короля.

Вначале Людовик отвечал на слезы священника собственными слезами, но вскоре король собрался с силами.

«Простите меня, месье, простите этот миг слабости, — сказал он, — если, однако, это можно назвать слабостью. Уже долгое время я живу среди врагов и привычка как бы сроднила меня с ними, но вид верного подданного говорит моему сердцу совсем другое: это вид, от которого отвыкли мои глаза, и он меня растрогал». Король ласково поднял священника и попросил его последовать за ним в кабинет. Этот кабинет не был обит обоями и не имел никаких украшений; плохая фаянсовая печь служила ему камином и вся мебель его состояла из стола и трех кожаных кресел. Посадив Эджворта напротив себя, король сказал:

«Теперь мне остается одно-единственное великое дело, которое меня занимает целиком. Увы, единственное важное дело, которое мне

осталось. Ибо, что значат все остальные дела по сравнению с этим».

Случайно разговор перешел на герцога Орлеанского, и король оказался очень хорошо информированным о роли, которую герцог играл в вынесении ему смертного приговора.

Он об этом говорил без горечи, больше с жалостью, чем с гневом. «Что я сделал моему кузену, — сказал он, — что тот меня так преследует. Он больше достоин жалости, чем я. Мое положение, без сомнения, печально, но даже если б оно было еще хуже, я все равно не хотел бы быть на его месте». На этом разговор между священником и смертником был прерван комиссарами, сообщившими королю, что семья его сошла из верхних камер тюрьмы вниз. При этом известии король выбежал из комнаты. Эджворт, оставшийся в кабинете, мог слышать голоса, и он невольно стал свидетелем сцены, когда смертник говорил свое последнее «прости» близким, остающимся жить.

В течение четверти часа продолжались душераздирающие крики, которые, наверно, были слышны за стенами башни. Король, королева, маленький принц, сестра короля, его дочь — все плакали одновременно. Наконец слезы прекратились, ибо для них не осталось больше сил… Тихо и довольно спокойно началась беседа, продолжавшаяся около часа. Король после этого возвратился к священнику в состоянии глубокого волнения. Эджворт оставался наедине с королем до глубокой ночи, но, заметив усталость своего собеседника, предложил ему немного отдохнуть. По просьбе Людовика священник прошел в маленькую клетушку, где обыкновенно спал королевский слуга Клери, отделенную перегородкой от комнаты короля. Оставшись один со своими мрачными мыслями, Эджворт слышал, как король спокойным голосом отдавал приказания к завтрашнему дню слуге Клери, оставшемуся сидеть, молясь всю ночь, у постели короля.

В 5 часов утра Людовик проснулся. Немного времени спустя король послал за священником, с которым он опять провел в беседе около часа в том же кабинете, где они встретились накануне. По выходе из кабинета, Эджворт увидел посредине комнаты сделанный из комода алтарь. Король выслушал молитву, преклонив колена на голом полу, без подушки, и принял причастие. Священник затем оставил его одного. Вскоре король снова послал за священником, который при входе в комнату нашел Людовика сидящим около печки. Короля знобило, он с трудом мог согреться. Уже во всех кварталах Парижа звучал бой барабанов. Эти необычные звуки ясно были различимы сквозь стены башни, и Эджворт отметил в своих записках, что звуки эти внушили ему ужас.

Вскоре кавалерийские части вошли во двор Тампля и сквозь стены тюрьмы можно было ясно различить голоса офицеров и лошадиный топот. Король прислушался и сказал хладнокровно:

«Они как будто приближаются».

С 7 до 8 часов утра под разными предлогами стучали в двери, будто желая убедиться, что король еще жив.

Возвращаясь в комнату после одного из таких стуков, Людовик сказал улыбаясь:

«Эти господа видяг всюду кинжалы и яд. Они боятся, как бы я не покончил с собой. Увы, они плохо меня знают. Покончить с собой было бы слабостью. Нет, если нужно, я сумею умереть!»

Наконец в двери постучали и приказали собираться.

«Обождите несколько минут, — твердо сказал король, — и я буду в вашем распоряжении».

Закрыв двери, он бросился на колени перед священником. «Все кончено. Дайте мне ваше последнее благословение и просите Бога, чтобы он поддержал меня до конца».

…Среди жуткой тишины карета подъехала к тогда еще немощеной площади Людовика XV (потом ее переименовали в площадь Революции). Вокруг эшафота было отгорожено большое пространство, которое охраняли пушки, направленные дулами в толпу. Впрочем, толпа тоже была вооружена. Когда король понял, что экипаж прибыл на место, он обернулся к священнику и прошептал:

«Если не ошибаюсь, мы приехали».

Один из палачей поспешно открыл дверцы экипажа, и жандармы, охранявшие короля, собирались выйти первыми, когда Людовик приостановил их. Опираясь рукой о колено Эджворта, он сказал.

«Господа, я рекомендую вам этого господина. Позаботьтесь, чтобы после моей смерти его не подвергли оскорблениям. Вы обязаны позаботиться о нем». Едва король вышел из кареты, его окружили три палача, которые хотели снять с него одежду, но король, презрительно оттолкнув их, сделал это сам. Самообладание короля привело было палачей в смущение, но скоро они опомнились.

Они окружили Людовика и хотели взять его за руки.

«Что вы хотите?» — спросил король, отдергивая свои руки.

«Мы должны вас связать», — сказал один из палачей.

«Связать? Меня? — гневно воскликнул король. — Я никогда не соглашусь на это! Делайте, что вам приказано, но вы меня не свяжете. Откажитесь от этого намерения».

Палачи стали настаивать, повысив голоса. Казалось, вот-вот и они решатся применить силу.

Обернувшись к священнику, король молчаливым взглядом испросил у него совета. Эджворт молчал, но поскольку король продолжал вопросительно смотреть на него, священник проговорил со слезами в голосе:

«В этом новом оскорблении я вижу только сходство вашего величества с Христом».

При этих словах Людовик поднял глаза к небу. Затем он обратился к палачам.

«Делайте, что хотите. Я выпью чашу до дна».

Ступени эшафота были очень круты, и королю пришлось опереться о плечо священника. Каково же было удивление Эджворт, когда на последней ступени он почувствовал, что король покинул его плечо и твердым шагом прошел всю площадку эшафота. Одним своим взглядом Людовик заставил замолчать роту барабанщиков, стоявших против него. Затем громким голосом он произнес:

«Я умираю невиновным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прощаю виновникам моей смерти и прошу Бога, чтобы кровь, которую вы сейчас прольете, не упала бы никогда на Францию».

Услышав роковой удар ножа гильотины, Эджворт сейчас же упал на колени. Он оставался в этом положении до тех пор, пока самый молодой из палачей — почти мальчик — схватил отрезанную голову и, обходя эшафот, чтобы показать ее толпе, капнул кровью из мертвой головы короля на шею коленопреклоненному священнику. Было 9 часов 10 минут утра 21 января 1793 года.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (1755–1793)

И как тогда, в игре в серсо:
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»
Н. Агнивцев

Мария-Антуанетта (1755–1793) — французская королева, жена Людовика XVI была осуждена на смерть во время Великой французской революции спустя почти год после казни царственного супруга.

С утра 16 октября 1793 года в Париже на площади Революции (ныне площадь Согласия) собралась огромная толпа, ожидавшая бесплатного развлечения — казни бывшей первой дамы Франции. На казнь королеву везли в простой телеге палача. «Жалкая телега, тарахтя, медленно движется по мостовой. Умышленно медленно, ибо каждый должен насладиться единственным в своем роде зрелищем. Любую выбоину, любую неровность скверной мостовой физически ощущает сидящая на доске королева, но бледное лицо ее с красными кругами под глазами неподвижно. Сосредоточенно смотрит она перед собой.

Мария-Антуанетта ничем не выказывает тесно обступившим ее зевакам ни страха, ни страданий. Все силы души концентрирует она, чтобы сохранить до конца спокойствие, и напрасно ее злейшие враги следят за нею, пытаясь обнаружить малейшие признаки отчаяния или протеста. Ничто не приводит ее в замешательство: ни то, что у церкви Святого Духа собравшиеся женщины встречают ее криками глумления, ни то, что актер Граммон, чтобы создать соответствующее настроение у зрителей этой жестокой инсценировки, появляется в форме национального гвардейца верхом на лошади у телеги смертницы и, размахивая саблей, кричит. „Вот она, эта гнусная Антуанетта! Теперь с ней будет покончено, друзья мои!“ Ее лицо остается неподвижным, ее глаза смотрят вперед, кажется, что она ничего не видит и ничего не слышит. Из-за рук, связанных сзади, тело ее напряжено, прямо перед собой глядит она, и пестрота, шум, буйство улицы не воспринимаются ею, она вся — сосредоточенность, смерть медленно и неотвратимо овладевает ею. Плотно сжатые губы не дрожат, ужас близкого конца не лихорадит тело; вот сидит она, гордая, презирающая всех, кто вокруг нее, воплощение воли и самообладания, и даже Эбер в своем листке „Папаша Дюшен“ на следующий день вынужден будет признать: „Впрочем, распутница до самой своей смерти осталась дерзкой и отважной“…

Внезапно в толпе возникает движение, на площади сразу же становится тихо. И в этой тишине слышны дикие крики, несущиеся с улицы Сент-Оноре; появляется отряд кавалерии, из-за угла крайнего дома выезжает трагическая телега со связанной женщиной, некогда бывшей владычицей Франции; сзади нее с веревкой в одной руке и шляпой в

другой стоит Сансон, палач, исполненный гордости и смиренно-подобострастный одновременно. На громадной площади мертвая тишина, слышно лишь тяжелое цоканье копыт и скрип колес. Десятки тысяч, только что непринужденно болтавшие и смеявшиеся, потрясены чувством ужаса, охватившего их при виде бледной связанной женщины, не замечающей никого из них. Она знает, осталось одно последнее испытание! Только пять минут смерти, а потом — бессмертие. Телега останавливается у эшафота. Спокойно, без посторонней помощи, с „лицом еще более каменным, чем при выходе из тюрьмы“, отклоняя любую помощь, поднимается королева по деревянным ступеням эшафота; поднимается так же легко и окрыленно в своих черных атласных туфлях на высоких каблуках по этим последним ступеням, как некогда — по мраморной лестнице Версаля. Еще один невидящий взгляд в небо, поверх отвратительной сутолоки окружающей ее. Различает ли она там, в осеннем тумане, Тюильри, в котором жила и невыносимо страдала? Вспоминает ли в эту последнюю, в эту самую последнюю минуту день, когда те же самые толпы на площадях, подобных этой, приветствовали ее как престолонаследницу? Неизвестно. Никому не дано знать последних мыслей умирающего. Все кончено. Палачи хватают ее сзади, быстрый бросок на доску, голову под лезвие, молния падающего со свистом ножа, глухой удар — и Сансон, схватив за волосы кровоточащую голову, высоко поднимает ее над площадью. И десятки тысяч людей, минуту назад затаивших в ужасе дыхание, сейчас в едином порыве, словно избавившись от страшных колдовских чар, разражаются ликующим воплем».

ДАНТОН

Какое счастье, что Великая революция обойдется без злодеяний, без слез. История слишком часто повествовала о деяниях хищных зверей. Мы можем надеяться, что начнем историю людей.

Мирабо. 27 июля 1789 года

Жорж Жак Дантон (1759–1794) был одним из ведущих деятелей Великой французской революции. Блестящий оратор, Дантон с первых дней революции завоевал огромную популярность. В 1789–1794 годы он был помощником прокурора Парижской коммуны, министром юстиции, членом Конвента, членом и фактическим руководителем Комитета общественного спасения. Но затем Дантон выступил против ожесточенного революционного террора, отмены закона о максимуме заработной платы и других экстремистских деяний якобинцев. Этого якобинцы во главе с Робеспьером ему не простили Дантон и его друзья Камилл Демулен, Фабр, д'Эглантин и некоторые другие были арестованы и преданы суду.

Предвидя свой крах, Дантон мог загодя покинуть Францию, но заявил: «Разве можно унести отечество на подошвах башмаков!» — и остался.

Суд проходил со 2 по 5 апреля 1794 года. На судебном процессе в революционном трибунале Дантон избрал своей тактикой нападение. На первый чисто формальный вопрос о месте жительства и об имени отвечал: «Местом моего жительства вскоре будет нирвана, а мое имя вы найдете в пантеоне истории».

Поскольку авторитет Дантона был еще весьма велик, обвинители из кожи вон лезли, чтобы замарать его. Наряду с правдоподобно звучавшими

обвинениями в связях со спекулянтами и дельцами-мошенниками приводились и совершенно дикие вымыслы. Например, главный обвинитель Фукье-Тенвиль и председательствовавший на суде Герман заявили, что Дантон хотел «двинуться во главе вооруженной армии на Париж, уничтожить республиканскую форму правления и восстановить монархию». Дантон, с его могучим голосом и темпераментом народного трибуна, перекрикивал судей, доказывал всем собравшимся в зале и около здания трибунала несправедливость возведенных на него обвинений.

«Мой голос, — гремел он, — должен быть услышан не только вами, но и всей Францией…»

Один новейший американский историк назвал присяжных в процессе дантонистов «тщательно отобранной группой людей, заранее враждебно настроенных и нарушающих данную присягу».

Эта оценка соответствует действительности лишь частично: члены трибунала и присяжные были искренне убеждены в том, что интересы народа, революционная целесообразность выше, чем приверженность букве закона. По слухам, Фукье-Тенвиль и Герман даже ходили в совещательную комнату, чтобы побороть сомнения присяжных, и показывали им какой-то неизвестный документ, свидетельствовавший о виновности Дактона. Когда один из присяжных заколебался, другой спросил его:

«Кто более полезен для Республики — Дантон или Робеспьер?»
«Более полезен Робеспьер».

«В таком случае нужно гильотинировать Дантона». На вопрос, существовал ли «заговор, направленный на оклеветание и очернение национального представительства и разрушение с помощью коррупции республиканского правительства», присяжные ответили «да».

Еще в годы самой революции Дантона подозревали в связях с английской разведкой. По некоторым догадкам ученых, именно представленные в последнюю минуту присяжным революционного трибунала доказательства существования этой связи и решили окончательно его судьбу.

Настроило против Дантона его бывших друзей и то, что во время якобинской диктатуры Дантон явно выделялся из общего круга революционеров своим образом жизни нувориша, «нового богача», жадностью к материальным благам, к богатству.

Позднее, в конце XIX века, Дантон стал признанным героем французских либеральных республиканцев. Сочувствовавшие им историки, вроде А. Олара, восхваляли Дантона, противопоставляли его «диктатору» Робеспьеру. Вызов принял демократический историк А. Матьез. В своей защите Робеспьера он не щадил Дантона, В результате многолетних настойчивых поисков в архивах, сверки нотариальных актов, купчих и других документов Матьез выдвинул против него тяжкие обвинения в продажности, в сотрудничестве со двором и иностранными разведками.

Как же доказывал Матьез свои утверждения? Он скрупулезно подсчитал все возможные законные источники доходов Дантона (адвокатская практика, жалованье депутата) и пришел к выводу, что они никак не могли послужить даже основой для того довольно крупного состояния, которое успел сколотить за короткий срок бывший

провинциальный стряпчий. В 1787 году у Дантона было всего на 12000, а в 1794 году — уже более чем на 200000 ливров различного имущества. Однако можно ли утверждать точно, что это были деньги, полученные Дантоном от роялистов или от английской разведки? Подобно многим другим депутатам-буржуа, Дантон, вероятно, занимался спекуляцией «национальными имуществами» (так назывались конфискованные земли дворян-эмигрантов, пущенные в продажу во время революции). Кроме того, в руках Дантона в бытность его министром были очень большие секретные суммы, которые он имел возможность расходовать почти бесконтрольно. Мог он попользоваться и кое-чем из добычи, захваченной французской армией в Бельгии (о чем тоже имеются намеки в документах). Все это, конечно, не украшает облик Дантона, но оставляет недоказанным обвинение в подкупе и шпионаже. Вместе с тем есть и другие свидетельства. Еще в начале революции, в ноябре 1789 года, французский посол в Лондоне доносил министру иностранных дел: «В Париже есть два англичанина, один по имени Дантон, а другой по имени Паре (секретарь Дантона), которых некоторые подозревают в том, что они состоят специальными агентами английского правительства».

Трудно подозревать французского дипломата в предубеждении против Дантона. Его имя тогда было еще совершенно неизвестно, и посол даже считал Дантона англичанином.

После ареста Дантона среди его бумаг было обнаружено письмо от английского министерства иностранных дел банкиру Перрего с поручением выплатить довольно большие суммы денег лицам, обозначенным инициалами. Эти деньги должны были составлять вознаграждение за услуги, оказанные Англии, в частности, за выступление с провокационными речами в якобинском клубе. Неясно, как могло попасть это письмо к Дантону, если оно не было передано ему самим банкиром Перрего.

Обвинение Дантона в шпионаже получает и косвенное подтверждение в доказательстве того факта, что он принимал деньги от французского двора. В 1851 году была опубликована переписка Мирабо с графом Ламарком. В этих доверительных личных письмах, относящихся к 1791 году, Мирабо, который уже состоял на службе у двора, упоминал как само собой разумеющееся обстоятельство, что Дантон получал деньги за помощь королю в подготовке контрреволюционного переворота. Одним из лиц, сотрудничавших с Дантоном в этих махинациях, был некто Талон, проходимец, занявший пост начальника королевской тайной полиции, организатор роялистской пропаганды. Уехав за границу и разбогатев в Англии на финансовых спекуляциях, Талон через девять лет после казни Дантона, в 1803 году, рискнул вернуться во Францию, но был немедленно арестован полицией консула Бонапарта. В своих показаниях он рассказал о сотрудничестве с Дантоном, что тот, будучи министром юстиции добыл Талону заграничный паспорт, когда ему стало опасно оставаться во Франции. Талон подтвердил, что он вел переговоры с английскими агентами относительно спасения короля.

В этом деле ему опять-таки вызвался помочь Дантон, который намеревался добиться этой цели принятием декрета об изгнании.

По словам Талона, Дантон потребовал, однако, такую крупную сумму, которую английский премьер-министр Уильям Питт-младший никак

не соглашался дать, хотя бы даже после спасения короля. Не следует думать, что Талон своими показаниями хотел очернить память Дантона. Скорее наоборот, для Талона, как роялиста, эти поступки Дантона были вполне похвальными, хотя и не бескорыстными. Так что у Талона не было причин лгать.

Еще один из роялистов, Теодор Ламет, в своих мемуарах, увидевших свет только в XX веке, вполне независимо от Талона подробно изложил эту историю переговоров Дантона с иностранными державами, в том числе с Англией, о спасении короля за два миллиона ливров и об отказе Питта дать согласие уплатить запрошенную сумму.

Нет нужды продолжать, воспроизводя многочисленные дополнительные свидетельства, которые привел Матьез, для подтверждения рассказов Талона и Ламета. Французский историк попытался под углом зрения этой версии «пересмотреть» всю деятельность Дантона в годы революции. Большинство специалистов сочло в целом теорию Матьеза недоказанной. Эти историки с полным основанием решительно отвергли его попытку представить Дантона только взяточником и шпионом, игнорируя ту объективно большую революционную роль, которую он сыграл в ряде важнейших событий тех грозовых лет. 4 апреля Дантону и Камиллу Демулену вынесли приговор, а утром следующего дня обоих на тележке отвезли на Гревскую площадь.

Проезжая мимо дома, где жил Робеспьер, Дантон крикнул:

«Максимильен, я жду тебя!» (И не ошибся: через три месяца пала голова Робеспьера.) Перед казнью Дантон ругался площадными словами, а Камилл Демулен плакал. Перед тем как взойти на эшафот, Дантон подошел к товарищу и поцеловал его. Палач заявил, что это противоречит закону.

«Дурак! — усмехнулся Дантон. — Разве ты в силах помешать нашим головам через пять минут поцеловаться в корзине?»

МАКСИМИЛЬЕН РОБЕСПЬЕР

1 мая 1794 г. Робеспьер отправился на несколько дней вместе с Сен-Жюстом погостить к одному из друзей, гражданину Марше. Среди ночи Робеспьер испускает ужасный крик и просыпается с испуганным лицом. Сен-Жюст спрашивает его о причине испуга, и Робеспьер рассказывает ему, что видел во сне человека, одетого в черное, который, показав ему бумагу с изображением буквы S кровавого цвета, произнес несколько угрожающих слов и хотел отрубить голову этой бумагой. После этого не прошло и нескольких недель, как палач отрубил Робеспьеру голову. Имя этого палача начиналось с буквы S — его звали Sanson.

Г. Х. Миллер. «Толкование десяти тысяч снов»

Максимильен Робеспьер (1758–1794) — виднейший деятель Великой французской революции, один из главных вдохновителей революционной политики якобинцев, был, наверное, одним из честнейших людей, которые когда-либо жили на нашей планете, прозванный Неподкупным.

С первых дней Великой Французской революции он, вдохновитель ее, душа ее, пламенное слово, любимец парижан, служит примером стойкости, мужества и бескомпромиссности. Бессребреник, не имевший ни семьи, ни каких-либо интересов, кроме великих идеалов Революции, он повседневно горел пламенем борьбы с врагами и во имя этой борьбы не щадил не только самого себя, но и своих друзей, не говоря уже о врагах. С

друзьями, в которых видел какую-либо слабость, он расставался без всякого сожаления, отправлял их на казнь (в душе оплакивая их, как, например, Дантона и друга детства Демулена). Врагами же для него были все те, кто не разделял его взгляды, и к ним он относился с холодной яростью, требуя применения к ним новомодного тогда изобретения доктора Гильотена. С его одобрения во Франции воцарился беспощадный террор по отношению к аристократам, сочувствовавшим им (не взирая на пол и возраст), духовенству, да и вообще к любым подозрительным (в их число попадали зачастую и те, чья вина состояла лишь в том, что они были чересчур опрятно одеты). Революция, пожиравшая своих детей, не пренебрегла и Робеспьером. Когда в июле 1793 года Робеспьер вошел в состав Комитета общественного спасения и стал его фактическим руководителем, никто не мог предполагать, что через год в результате термидорианского переворота он будет схвачен и казнен на той же площади и при помощи все той же гильотины. Увы, к тому времени Робеспьер утратил уже свою привлекательность в глазах народа. Что толку от его неподкупности, если он не мог накормить народ? По обычаю революционеров всех стран и народов он разрушал (и довольно успешно) все, созданное прошлыми веками — экономику, идеологию, культуру. На смену же этому революционеры не могли предложить ничего иного, кроме «рационирования продуктов» да введения фиксированного максимума зарплаты. Франция в это время переживала экономические трудности. В результате среди эмигрантов упал спрос на предметы роскоши, занимавшие значительное место в производстве французской промышленности. Сотни мелких предприятий закрылись, рабочие оказались выброшенными на улицу. Сократились и строительные работы. Распродажа национального имущества проходила успешно, но при тогдашней системе продажи земли в основном крупными участками большая часть ее попадала в руки буржуазии. Крестьянство, вынужденное к тому же выполнять неотмененные феодальные повинности, открыто выражало свое недовольство. Начался рост цен — прежде всего на предметы массового потребления. Среди рабочих и ремесленников ширились волнения. В Законодательное собрание стали поступать многочисленные петиции.

Народ требовал установления твердых цен на продукты, обуздания торговцев и спекулянтов. В такой обстановке начался контрреволюционный термидорианский переворот 27 (28) июля 1794 года, положивший конец Великой французской революции.

Робеспьера арестовали 27 июля 1794 года в здании Ратуши. При аресте жандарм Мерда выстрелом пистолета раздробил ему челюсть.

Окровавленного и потерявшего сознание, его перенесли на руках в здание Конвента и положили на стол в одной из комнат Комитета общественной безопасности. Под голову Неподкупному (как его называли) сунули деревянный ящик с кусками заплесневевшего хлеба.

То и дело в комнату заходили разные люди — в основном, политические противники Робеспьера, чтобы полюбоваться на поверженного врага. Его о чем-то спрашивали, отпускали шутки, но Неподкупный молчал.

Кто-то из присутствующих крикнул зевакам, окружившим стол:

«Отойдите в сторону. Пусть они посмотрят, как их король спит на столе, словно простой смертный».

Ночь прошла в полубреду.

Наступило 28 июля 1794 года. В шесть часов утра в комнату вошел Эли Лакост вместе с хирургом. Он приказал врачу как следует перевязать рану Робеспьера. Но это было нужно не для лечения, а чтобы Неподкупного можно было казнить в «приличном виде». Хирург уже заканчивал накладывать на голову Робеспьера повязку, когда кто-то из присутствующих отпустил очередную «остроту»: «Эй, глядите. Его величеству надевают корону!»

Какой-то человек, заметив, что Робеспьер пытается нагнуться, чтобы подтянуть чулки, но не может этого сделать, решил помочь ему. И Робеспьер тихо проговорил: «Благодарю вас, месье».

Присутствующие заметили это странное обращение — ведь слово «месье» во время революции вышло из употребления. Через 12 часов, в шесть вечера, Робеспьер и еще 21 человек из числа его ближайших соратников были гильотинированы на Гревской площади.

АНТУАН ФУКЬЕ-ТЕНВИЛЬ

Что я наплел? Я рвань, несомая клоакой. Остались сыщики и спекулянты в ней.

Жан Артур Рембо

Антуан Фукье-Тенвиль (1746–1795) был общественным обвинителем Революционного трибунала во время якобинского террора. На своем посту Фукье-Тенвиль добился вынесения множества смертных приговоров, в том числе таким знаменитым людям, как Дантон и Демулен. В конце концов жернова междоусобной борьбы разных революционных групп и течений привели и к гибели Фукье-Тенвиля. Его сожрала та же машина, которую он усердно обслуживал. Это случилось, когда был гильотинирован Робеспьер и бывшие дантони-сты потребовали очистки Революционного трибунала от сторонников Робеспьера. У Фукье-Тенвиля был еще шанс удержаться, ибо поначалу его оставили в новом составе судей и присяжных, но этому воспротивился Конвент. А затем появился донос Доссонвиля, в котором Фукье-Тенвиль именовался «предателем и заговорщиком». Воспользовавшись этим, Конвент приказал немедленно арестовать бывшего общественного обвинителя и направить его дело в Революционный трибунал.

«…Огромная толпа сопровождала 18 флореаля (7 мая 1795 года) три фургона с осужденными. Раздавались гневные возгласы: „Верни мне моих родных, брата, мужа, жену, мать, отца моих детей!“, „Присоединись к своим жертвам, злодей!“. По словам правительственного органа „Монитор“ от флореаля, Фукье, бледный, с горящими глазами, отвечал „самыми страшными предсказаниями“».

Один из очевидцев говорил, что Фукье крикнул толпе: «Гнусные канальи, пойдите поищите хлеба!», намекая на голод, усилившийся, когда после 9 термидора был отменен максимум — верхний предел заработной платы, который был отменен Конвентом по требованию рабочих.

Бывшего общественного обвинителя казнили последним. Палач, подчиняясь яростным крикам собравшихся, схватил за волосы отрубленную

голову Фукье и показал ее парижанам. Было 11 часов утра.

ОРЖЕРСКАЯ ШАЙКА

Путешествующие по этим местам должны заручаться пропусками, выдаваемыми главарями банд, и платить выкуп.

Фуркуа

Эпоха Великой французской революции зачастую связывается в нашем сознании с разгулом черни, гильотинами и массовыми казнями то аристократов, то якобинцев. Однако, несмотря на якобинский террор, народные восстания и интервенцию, французы уберегли страну от анархии и разрухи. Во Франции конца XVIII века продолжала работать почта, отправлялись церковные службы, взимались налоги, люди женились, рождались и работали. Но политическими репрессиями была серьезно нарушена работа французской полиции, и поэтому (совсем как в России 130 лет спустя) подняла голову организованная преступность.

Наиболее громким уголовным процессом той поры было делошоферов,[22] или Оржерской шайки. Шесть лет от начала революции и вплоть до начала нового века эта банда наводила ужас на юг Франции. В их программе не было политических требований, ими двигала лишь жажда наживы и… беспримерная жестокость. Свое мрачно-шутливое прозвище бандиты получили благодаря своей излюбленной пытке: когда жертва отказывалась рассказать им, где спрятаны деньги, ей на углях поджаривали ноги. Во главе шайки стоял свирепый каторжник Бо Франсуа. Он поддерживал в своей банде строгую конспирацию и дисциплину. Памятуя о том, что излюбленной методой французской полиции было расширение сети осведомителей, бандиты между собой изъяснялись на воровском арго. По всей стране были устроены конспиративные квартиры и места, где пряталась добыча. Неизвестно, какова же была истинная численность шайки. Полагают, что более тысячи человек, однако могло быть и гораздо больше, учитывая, что около семисот только проходили в судебном процессе. В числе бандитов были и женщины, и старики, и дети. Ошибется тот, кто предположит, что шайка шоферов была чем-то вроде «партизанского отряда», ютившегося в густых лесах и совершавшего вылазки на «большой дороге». Шоферы обычно выслеживали своих жертв, нападали лишь на тех, кто действительно располагал большой суммой денег или ценностями, и лишь тогда, когда действительно были уверены в безнаказанности. Каждая вылазка тщательно планировалась, бесценной подмогой бандитам служили добровольные шпионы из простонародья. Ограбив и убив (или изувечив) свою жертву, шоферы бесследно исчезали, растворялись в толпе простолюдинов и ремесленников. Поимкой шайки французское правосудие обязано интенсивной работе полиции и лейтенанту Вассеру, который проявил беспримерное упорство и настойчивость в преследовании бандитов. Во время одной из облав лейтенанту попался некий Борн де Жуй, один из приближенных Бо Франсуа. После короткого, но энергичного допроса он признался, что направлялся в Мюэстский лес, где должен был состояться всеобщий сбор шайки. По его словам, бандиты наметили чуть ли не восстание. Вассер принял решение выступить с отрядом в семь или восемь человек немедленно, не дожидаясь подмоги. Атаковать с таким количеством жандармов целый полк бандитов было безумием. Однако,

[22] *Букв., «согреватели» (франц.).*

когда жандармы подъехали к Меревилю, им встретился отряд гусар, лейтенант которых сообщил, что направляется специально для подкрепления жандармерии Вассер воспрял духом. Мэру городка было поручено собрать ополчение из горожан, и глубокой ночью отряд вышел из города.

Тем временем в лесной сторожке началась сходка, на которой Бо Франсуа изложил собравшимся свой план захвата Меревиля, а кроме него еще нескольких городков по соседству. По сути, это был план восстания. Однако в разгар обсуждения явился лазутчик из Меревиля с известиями о предательстве Борна де Жуй и направляющейся на поимку бандитов воинской экспедиции. Началась паника, бандиты бросились врассыпную, но полиция уже подоспела к месту сходки. Большая часть бандитов сумела бежать, но были арестованы Бо Франсуа и его жена Роза Бигнон.

Не успокоившись на этом, лейтенант Вассер, сдав на следующий день в Шартрскую тюрьму арестованных, с отрядом кавалерии вновь пустился на поиски. Но на этот раз их вел Борн де Жуй. Переодетый в мундир национальной милиции последний он ехал на лошади между двумя жандармами, имевшими приказание немедленно застрелить его при первой же попытке бежать. В течение последующих ста двадцати семи дней лейтенант Вассер и его отряд объездили всю страну. Как только Борн де Жуй замечал какую-либо известную ему личность, мужчину ли, женщину, ребенка, из числа членов шайки, он делал жандармам знак, и те немедленно хватали тех, на кого им указывали. Власть, которой пользовался мошенник, была необъятной, и он так и норовил ею злоупотребить.

Семьсот человек предстали перед судейским чиновником, уполномоченным вести это дело. Половина из этого числа были вскоре освобождены за недостаточностью улик, но остальными были заполнены все тюрьмы. Страшная эпидемия поразила подсудимых, и без того истощенных болезнями. Более шестидесяти членов из Оржерской шайки умерли от болезни в самое короткое время. Один из бандитов, Жан Мобер по кличке Четыре Су, умер прямо на процессе, когда против него вышла свидетельствовать жертва, которую он, как полагал, убил собственными руками. Кроме Борна де Жуй другие мошенники тоже не замедлили сознаться. Заговорили Жак де Петивье, Сан-Пус, Гранд Мария и, главное, ближайший соратник Бо Франсуа Руж д'Оно. Последний, арестованный Вассером на другой день после сходки в Мюэстском лесу, сначала тоже отрицал свои преступления, как и его вожак, но Бо Франсуа, разозлившись за что-то на Борна де Жуй, сам пустился в откровения и кончил тем, что сделался самым яростным обличителем своих товарищей и себя, так что в этом деле даже оспорил пальму первенства у де Жуй. Очевидцы полагали даже, что он получал удовольствие, описывая следователям те ужасы, которым он был свидетелем, если не действующим лицом. Кстати, впоследствии было установлено, что во многом он наговаривал на себя, вероятно, из бахвальства.

Бо Франсуа, опознанный и обвиненный всеми свидетелями и соучастниками, все наотрез отрицал, не содрогнулся он даже, когда были предъявлены выкопанные кости ребенка, которого он убил, — так называемого Этрешского мальчугана. Однажды утром Шартр с ужасом

узнал, что предводитель бандитов бежал из тюрьмы.

Вот как это произошло. Сердобольные граждане, прознав про эпидемию, распространившуюся среди заключенных, потребовали «во имя человеколюбия» перевести преступников в госпиталь, что и было сделано. Атаман Оржерской шайки, пораженный общей эпидемией (а скорее всего симулировавший), был перемещен в тюрьму на улице Шандез, где с него сняли оковы, в которых он постоянно находился. Скоро он оправился и, не дожидаясь перевода в общую тюрьму, с двумя своими товарищами совершил побег из окна камеры, использовав вместо каната разрезанные на полосы суконные одеяла. Больше про Бо Франсуа никто не слышал, рассказывали, что он присоединился к банде шуанов, скрывавшихся в неприступных местах Нижней Бретани.

Следствие по грандиозному процессу шоферов длилось два года. Только 28 Вантоза VII года Республики в первый раз открылось публичное заседание с участием присяжных под председательством гражданина Лиендона. Бывшую Кармелитскую церковь превратили в зал заседаний, так как в ней могло поместиться около двух тысяч человек. Для публики был выстроен амфитеатр.

Множество мест в нем занимали женщины, известные во Франции того времени как «большие охотницы до сильных ощущений». Они приходили туда со своим рукоделием. Два маленьких придела по обеим сторонам большой церкви были превращены в трибуны; на одной были скамьи для подсудимых, на другой стоял огромный стол, где были разложены вещественные доказательства, среди которых находились и кости Этрешского мальчугана. Кроме жандармов, на заседаниях присутствовал взвод гусар с заряженными ружьями. И все-таки все эти меры предосторожности оказались недостаточными. Хотя эпидемия значительно поубавила количество подсудимых, их все-таки оставалось немало — 82 (мужчин и женщин). Такое количество негодяев требовало серьезных предосторожностей, как для обеспечения спокойствия судей, так и для внушения подсудимым уважения к властям. А потому придумали на время заседаний запирать ноги подсудимых чем-то вроде деревянных колодок, которые, позволяя двигаться, не давали возможности вставать с места. В то время много спорили о том, насколько согласуется эта мера с текстом закона, говорящим, что подсудимый должен являться перед судом свободным и без цепей; но в итоге решили, что в этом случае отклонение от закона было извинительно.

Заседания длились восемь месяцев, и, конечно, в душераздирающих сценах недостатка не было; выслушали более двухсот свидетелей и 9 Термидора VIII года Республики (28 июля 1800 года) после двадцатидвухчасового заседания присяжные вынесли вердикт на предложенные им 7800 вопросов. Когда председатель присяжных встал, чтобы огласить приговор, неверно понятое приказание гренадерского офицера привело всех подсудимых в панический страх.

Все они поднялись, чтобы бежать, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы деревянные колодки не удержали их: мужчины махали руками, женщины кричали и плакали; несчастные решили, что их тут же расстреляют. Наконец они успокоились и мрачно выслушали и вердикт и приговор: 22 подсудимых были оправданы за недостатком улик, 37 человек

были приговорены к цепям и заключению, и 23 человека, в их числе четыре женщины, к смерти. Роза Бигнон, подруга Бо Франсуа, причисленная ко 2-й категории, была приговорена к заточению на 24 года; ее не могли уличить в участии в каком-нибудь ограблении, но как выдававшую себя за жену Бо Франсуа и всюду следовавшую за ним сочли соучастницей всех его преступлений и признали ее виновной. К Борну де Жуй были, конечно, снисходительнее, ввиду того, что благодаря его показаниям удалось схватить других преступников. Его приговорили к 25 годам заключения в цепях. Но Руж д'Оно, Сан-Пус, Гро-Норманд и Гранд Мария были осуждены на смерть. 12 Вандемира IX года Республики состоялась публичная казнь шоферов. Подсудимые в красных рубашках были привезены на Шартрскую площадь, где уже была установлена гильотина и собралась огромная толпа народа. Руж д'Оно под конец чрезвычайно ослаб, силы вдруг покинули его в последние минуты.

После казни обезглавленные трупы свалили в огромные корзины и на телегах, оставлявших за собой лужи крови, отправили к месту захоронения через весь город. Об этом деле во Франции рассказывали еще долго, почти половину столетия, пока наконец память о страшных «согревателях» не истерлась в народе. Но прошло еще несколько десятков лет, и на улицах городов и поселков появились жутковатого вида механические повозки, извергавшие копоть и пламя, с которыми лихо управлялись молодцы в черных кожанках и с очками на глазах. И тогда народная молва окрестила их «шоферами», под каким именем они вошли в лексикон нашей и многих других стран. Все-таки, что ни говори, у французов своеобразное чувство юмора.

ГРАКХ БАБЕФ

…Коммунистический заговор не удался, потому что тогдашний коммунизм того времени сам по себе был весьма примитивным и поверхностным.

Фридрих Энгельс

Портреты этого человека вполне могли бы носить коммунисты на свои демонстрации — вместе с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина… По сути дела Бабеф стал предтечей коммунизма, коммунистической морали, методов борьбы и демагогии. И то, что этой деятельности сразу же дали соответствующую оценку в революционной Франции, наилучшим образом говорит о трезвом уме французов. Родился Ноэль Франсуа Бабеф 23 ноября 1760 года в Пикардии, в Сен-Кантене, в семье Клода Бабефа, сборщика податей. Вскоре после рождения Франсуа его отец потерял свое место и, чтобы не умереть с голоду, вместе с семейством стал заниматься сельским хозяйством. Его жена почти круглые сутки пряла. «Я родился в грязи, — вспоминал Бабеф о своем детстве. — Я пользуюсь этим словом, которое применяли наши вельможи, чтобы принизить всех тех, кто стоял не так далеко от природы, как они. Я пользуюсь этим словом, чтобы тем сильнее выразить, что я начал свое существование на самых низших ступенях нужды, а следовательно, на первых ступенях санкюлотизма».

По семейному преданию отец перед своей смертью передал детям книгу «Жизнеописания» Плутарха и завещал каждому из них выбрать себе за образец одного из героев древности. Сам он считал наиболее достойным

подражания римского трибуна Гая Гракха. Родительское напутствие глубоко растрогало молодого Бабефа. Он впоследствии выбрал себе имя Гракха.

В поисках постоянного заработка семье Бабефа не раз приходилось переезжать.

Сначала Бабеф получил приличную должность землемера ифевдиста *23* *Кадастровый комиссар — агент и доверенное лицо помещика по земельным делам.* в Руа. В 1785 году Бабеф начал переписываться с Дюбуа де Фоссе — постоянным секретарем королевской академии в Аррасе.

Дюбуа де Фоссе предложил Бабефу найти три темы для очередного конкурса Аррасской академии. Первые две из намеченных Бабефом тем носили узкоспециальный характер.

Зато третья сразу выявила самые заветные мысли Бабефа. Он ставил такие вопросы: каково должно быть при современном уровне знаний положение народа, общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами установится совершенное равенство, а земля, которую он населяет, будет принадлежать всем сообща и никому в отдельности, и наконец все будет общим, вплоть до продуктов промышленности? Будут ли подобные учреждения оправданы естественным законом? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли практически мероприятия, которые должны быть приняты для достижения полного равенства в распределении?

Трудно проследить формирование коммунистических убеждений Бабефа. Однако уже в переписке с Дюбуа Бабеф высказался за «великую революцию, которая должна принести великие изменения».

В горячую революционную пору Бабеф опубликовал брошюру о несправедливых и незаконных притязаниях и поборах дворянства и духовенства. По его призыву все сеньориальные документы были снесены из архивов на площадь города Руа и торжественно сожжены.

С тех пор Бабеф почти всецело занялся общественными делами. Часто ездил в Париж, так что, в то время как семья его голодала в Руа, он сам терпел лишения в Париже. 14 июля 1789 года вместе с толпой революционного народа Бабеф шел на приступ Бастилии. В дальнейшем он был свидетелем всех революционных событий.

Видел он и уличные убийства, повешенные на фонарных столбах трупы, присутствовал на судах и казнях, которые почти ежедневно совершал парижский народ. «Я был и доволен, и недоволен, — писал он жене, рассказывая об одном из подобных убийств. — Я понимаю, что народ хочет правосудия, я даже одобряю это правосудие, если оно можрт быть достигнуто только уничтожением преступников; но если бы все-таки поменьше жестокости! Наказания всех сортов, четвертование, пытки, колесование, палки, розги, палачи, расплодившиеся повсюду, — как все это испортило наши нравы!..»

Вскоре в соавторстве с математиком Одифре Бабеф издал «Постоянный кадастр», который был им поднесен Учредительному собранию. В «Вводной речи» брошюры авторы развивали следующую мысль: поскольку все люди равноправны, то общественный договор должен препятствовать возможному возникновению неравенства. Нужны законы, которые не дадут возможность сильным и хитрым присваивать общую

собственность.

Авторы полагали, что люди, ничего не имеющие, вправе протестовать, подобно тому как опекаемый, достигнув совершеннолетия, может отнять власть у недобросовестного опекуна. Богатые сковали народ цепями, одурманили суевериями. Поэтому первая неотложная реформа должна заключаться в образовании и просвещении народа, в установлении одинакового для всех воспитания — тогда образованные потеряют возможность угнетать остальных. «Постоянный кадастр» призывал к уничтожению земельной собственности и наделению равными участками земли в пожизненное пользование. Бабефу тогда казалось, что к коммунизму можно прийти через проведение в жизнь «аграрного закона», который создаст имущественное равенство.

Поскольку в XVIII веке индустрия была малоразвитой, основным вопросом французской революции стал вопрос аграрный. Сельское хозяйство играло ведущую роль в экономике страны, но крестьянство было доведено буквально до нищеты. Крестьяне бунтовали, восставали, убивали помещиков, чиновников. Наметились два решения вопроса: равный раздел земли и создание аграрно-коммунистических общин. Сторонники раздела земли, или «аграрного закона», преобладали над сторонниками отмены частной собственности И крестьянство более всего устраивал раздел земли Вскоре вокруг «аграрного закона» завязалась острая борьба В дни революции Бабеф активно участвовал в выпуске уличных листков и памфлетов. В них он беспрестанно нападал на Мирабо, избранного в 1789 году депутатом в Генеральные штаты от третьего сословия и приобретшего популярность обличениями абсолютизма.

Когда во всей Франции стали издавать наказы населения, которыми руководствовались члены Генеральных штатов, Бабеф принял на себя редактирование наказов жителей города Руа. Они содержали требования уничтожения феодалов, выкупа сеньориальных повинностей, упразднения права первородства, ограничения отцовской власти. Бабеф предложил внести в наказ также требования об отмене всех существовавших налогов и заменить их единым, равномерно распределенным обложением, а также установить систему «национального воспитания».

Народ горячо поддержал идеи Бабефа. Один из жителей Руа в апреле 1790 года назвал Бабефа самым непримиримым врагом откупщиков и их приспешников. Прямо противоположными были отзывы противников Бабефа. В постановлении директории департамента Соммы говорилось: «Бабеф является главным зачинщиком неповиновения законам и упорного сопротивления, которое жители Руа, Перонна и окружающих деревень оказывают временному восстановлению налогов». «Бабеф — вождь мятежников, зачинщик всех беспорядков и восстаний, происходивших в Руа по различным поводам», — жаловался на него мэр Руа.

Ночью 19 мая 1790 года Бабефа арестовали и препроводили в тюрьму Консьержери. Продержали его там около пятидесяти дней и освободили с оговоркой сохранения в силе приказа о взятии его под стражу. Выйти из заключения Бабефу помог Жан Поль Марат, ставший его «официальным защитником, братом и другом». 14 ноября 1790 года Бабефа избрали в генеральный совет коммуны города Руа, но через полтора месяца изгнали оттуда под предлогом, что выборы лица, против которого

возбуждено судебное преследование, не могут считаться действительными. В это время Бабефу удалось осуществить свою заветную мечту — он стал редактором газеты «Пикардийский корреспондент». На ее страницах Бабеф высказывал свои взгляды по поводу действий Генеральных штатов, описывал жизнь провинции. По мере того как число подписчиков газеты увеличивалось, улучшалось и материальное положение Бабефа. Но скоро редактору пришлось столкнуться с первыми трудностями. Смелые разоблачения деятелей старого режима восстановили против него много богатых граждан провинции.

Сделали свое черное дело и доносы, клевета. Враги решили сфабриковать против Бабефа дело, обвинив его в контрреволюции. Основанием для этого послужило то, что во время революции появлялись новые названия местностей, а Бабеф, дескать, не хотел признавать новых названий и этим якобы доказывал свою приверженность старому режиму. На все эти вымышленные обвинения Бабефу пришлось отвечать. Но и в такой обстановке редактор не переставал критиковать действия нового правительства. Кары за смелые публикации долго ждать не пришлось — Бабефа снова бросили в тюрьму. Однако ходатайства друзей вновь позволили ему выйти на свободу. В сентябре 1792 года Бабефа назначили администратором департамента Соммы, и он переехал в Амьен. Это было опасное для дела революции время. Юг волновался. Европа с помощью оружия собиралась восстановить в Париже королевскую власть. Многие из подозреваемых гибли на эшафотах. Правители были заняты поиском заговорщиков, шпионов.

Не избежал влияния всеобщей подозрительности и Бабеф. С первых же дней своего вступления в должность он раскрыл крупный заговор, имевший будто бы своей целью впустить союзные войска в Перон.

Тем временем в Париже разгорелась борьба между жирондистами и якобинцами: решалась участь короля. Бабеф поддерживал якобинцев, выступавших за казнь монарха. Он организовал публичное сожжение королевских портретов и гербов. Поведения Бабефа не одобрили даже его сослуживцы. Один из многочисленных врагов обвинил его в подлоге при продаже национальных имуществ. Бабеф отправился в Амьен, чтобы объясниться, но там его схватили и посадили в тюрьму. Вскоре ему удалось обмануть бдительность стражи и бежать из тюрьмы в Париж. Так что процесс происходил без обвиняемого. 23 августа 1793 года Бабефа заочно осудили на двадцатилетнее тюремное заключение в кандалах.

В Париже Бабеф начал хлопотать о том, чтобы оправдаться от обвинения в подлоге и получить должность. С помощью писателя Сильвена Марешаля Бабеф получил сначала место в продовольственной администрации Парижа, потом в продовольственной комиссии Конвента. Сверх того он снова взялся за перо — писал брошюры, «летучие листки», в которых задевал многих влиятельных лиц.

Наказание не заставило себя долго ждать — Бабеф опять оказался в руках полиции. Содержали его в парижской тюрьме. Оттуда он писал массу прошений, жалоб, оправдательных писем. В конце концов эти хлопоты увенчались успехом. Конвент отправил дело Бабефа в кассационный суд, который, в свою очередь, передал дело для разбирательства в суд города Лана. Там было установлено, что обвинение

Бабефа не имело под собой никаких оснований.

18 июня 1794 года после годичного тюремного заключения Бабеф вышел на свободу.

Ему удалось снова получить то место, которое он занимал до своего ареста. Однако вскоре, оставив службу, Бабеф занялся исключительно литературным трудом. Он начал издавать в Париже «Газету свободы печати».

К тому времени якобинцы благополучно привели Францию к глубочайшему экономическому кризису, который завершился термидорианским переворотом 28 июля 1794 года. Начался террор термидорианцев. Они разгромили аппарат революционно-демократической диктатуры, лишили Комитет общественного спасения его прежних полномочий и изменили его состав. Вместе с Парижской коммуной ликвидировали народные общества и революционные комитеты. По постановлению Конвента в ноябре 1794 года был закрыт Якобинский клуб. Термидорианцы спешили ликвидировать социально-экономическое законодательство якобинского Конвента, отменили все ограничения, введенные против спекуляции, стали отступать от государственного нормирования цен, отменили закон о «максимуме». Пользуясь этими послаблениями, торговцы и спекулянты сразу подняли цены на все продукты. В стране начался голод, процветали казнокрадство, взяточничество, махинации. Весной 1795 года трудящиеся Парижа дважды поднимали восстание.

Бабеф не сразу смог разобраться в том, что произошло в стране. Он приветствовал «революцию 9 термидора» и осуждал Робеспьера как тирана. Однако вскоре он пересмотрел свою позицию. Новую, очень высокую оценку Робеспьера и революционной диктатуры он высказал в нескольких статьях.

Но наиболее ярко вся перемена его взглядов отражена в одном из частных писем начала 1796 года: «Ныне я… упрекаю себя в том, что некогда чернил и революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста, и других. Я полагаю, что эти люди сами по себе стоили больше, чем все остальные революционеры, вместе взятые, и что их диктаторское правление было дьявольски хорошо задумано». Бабеф подчеркивал: «…робеспьеризм — это демократия, и два эти слова совершенно тождественны… Мы лишь вторые Гракхи французской революции… мы лишь следуем за первыми великодушными защитниками народа, до нас указавшими ту цель справедливости и благоденствия, которой народ должен достигнуть». Провозгласив себя наследником и продолжателем дела Робеспьера, Бабеф в своей «Газете свободы печати» прежде всего принялся отстаивать свободу печатного слова от посягательств администрации. Причем был очень резок в выражениях, что в те времена было редкостью. По сути дела, особого давления на газету после 9 термидора не было, но Бабеф стремился укрепить в сознании общества принципы неограниченной свободы прессы, чтобы застраховать ее от правительственного давления в будущем.

«Выходки» Бабефа раздражали многих, и 13 октября 1794 года комитет общественной безопасности отдал приказ арестовать Бабефа. В тюрьме, где Бабеф находился до осени 1795 года, он работал над

«Манифестом плебеев» и усиленно вел агитационную работу. Особенно сблизился он с арестованным гусарским капитаном Жерменом, ставшим впоследствии одним из виднейших организаторов движения бабувистов (последователей Бабефа). В парижской тюрьме Плесси он познакомился с Филиппом Буонарроти, деятелем революционного движения во Франции и Италии, коммунистом-утопистом. Именно в тюрьме сложилось основное ядро будущих участников утопически-коммунистического движения.

В октябре 1795 года Бабефа по амнистии выпустили на свободу. Он сразу же возобновил издание «Народного трибуна», где опубликовал «Манифест плебеев» — первый манифест коммунистов. Настало время положить конец нищете, говорилось в нем, экспроприировать богатых, отнять у них то, что они отняли у бедных с помощью грабежа их имущества и пользуясь законами, которые защищают воров и мошенников. «Манифест» провозглашал, что целью общества является всеобщее благо. Земля не принадлежит никому в частности — она принадлежит всем. Все, что превышает необходимые средства для удовлетворения потребностей, есть социальное воровство.

Бабеф считал, что самое лучшее правительство не в состоянии в корне изменить социальный порядок — необходимо разрушить источник корыстолюбия и властолюбия. «Надо изменить все общественные учреждения таким образом, чтобы они лишили всех индивидов надежды сделаться когда бы то ни было ни более богатыми, ни более могущественными, ни более выдающимися, чем все остальные, равные ему». Документ, который предлагался французскому народу для изучения и ознакомления с его сущностью, заканчивался такими призывами: «Народ! Пробудись, выйди из своего оцепенения. Пусть это произведение станет сигналом, станет молнией, которая оживит, возродит всех. Пусть народ узнает подлинную идею равенства. Пусть будут низвергнуты все эти старые варварские учреждения… Пусть будет нам видна цель общества, пусть будет видно общее благоденствие».

Бабувисты развернули в Париже широкую пропаганду, находившую сочувственный отклик среди трудящихся столицы. Члены клуба собирались в зале старинного, заброшенного монастыря святой Женевьевы, а иногда — в подземелье этого монастыря. Со временем общество увеличилось до двух тысяч человек. Оно получило название «Общество Пантеона» (монастырь святой Женевьевы находился недалеко от Пантеона). Вскоре по настоянию нескольких приверженцев Бабефа началась подготовка к выступлению против Директории, выражавшей интересы крупной буржуазии. Однажды один из ближайших друзей Бабефа прочитал на заседании общества статью, в которой критиковалась вся господствующая правительственная система. Директория объявлялась главной виновницей всех бедствий французской нации. Ее членов называли тиранами, изменниками и узурпаторами. Чтение статьи закончилось аплодисментами. Директорию тотчас же известили обо всем, и клуб сразу закрыли. Лишенные возможности действовать открыто, бабувисты создали тайную организацию. В начале 1796 года в Париже начались стачки. Печатники, грузчики, литейщики, столяры, шляпочники бросили работу, требуя повышения заработной платы. Правительство арестовало вожаков, заменяя забастовщиков штрейкбрехерами из солдат. Все чаще полиция

стала сообщать о намерении рабочих выступить против «шайки, которая изводит народ голодом вот уже 18 месяцев». Среди рабочих начали раздаваться призывы перерезать всех менял и ростовщиков, махинациям которых приписывалось обесценивание денег. Новое, революционное правительство должно было, по их мнению, сразу же принять меры для облегчения положения народных масс. В этих целях предполагалось организовать бесплатное снабжение хлебом населения, безвозмездно вернуть из ломбардов вещи, заложенные беднотой, вселить неимущих в дома богачей. Основная же задача революционной диктатуры состояла в постепенном установлении во Франции коммунизма. Бабувисты намечали организовать большую «национальную коммуну», в которую должны были перейти не распроданные до термидора церковные земли и земли эмигрантов, а также имущество врагов революции. Наряду с «национальной коммуной» какое-то время должны были сохраняться частные хозяйства крестьян и ремесленников. После проведения системы мероприятий (новой налоговой политики, отмены права наследования и т. д.) частную собственность планировали окончательно ликвидировать. Бабеф мечтал сделать Францию коммуной, в которой бы средства производства принадлежали всему народу. Тех собственников, которые не захотят передать свое имущество в коммуну, он предлагал лишить гражданских прав и, объявив подозрительными, арестовать.

Равенство всех граждан Бабеф выдвигал на ведущее место среди других принципов коммуны. По его мысли, каждый член общества должен был сдавать продукты своего ремесленного или земледельческого труда в общественные магазины. Специальные люди должны были вести учет работников и всего, что они производят. Они же будут распределять продукты на началах тщательной равномерности, причем вне зависимости отличного вклада работника. Чтобы сломить сопротивление богатых, Бабеф предлагал установить диктатуру бедняков.

Между тем подготовка к свержению Директории шла полным ходом. 30 марта 1796 года был создан повстанческий комитет.

Незадолго до выступления Бабеф напечатал и выпустил в свет отдельной листовкой «Изложение доктрины Бабефа». В эгом документе, который был широко распространен в городе, в простых, доступных выражениях автор выразил сущность своего учения:

1. Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

2. Цель каждого общества — защищать это равенство, на которое часто посягают сильные и злые люди, и увеличивать при содействии всех сумму общих наслаждений.

3. Природа наложила на каждого человека обязанности трудиться; никто не может безнаказанно избавить себя от труда.

4. Труд и наслаждение должны быть общими.

5. Существует угнетение там, где один надрывается в работе и терпит во всем недостаток, в то время как другой утопает в изобилии, ничего не делая.

6. Никто не может, не совершая преступления, присвоить себе в исключительное пользование блага земли и промышленности.

7. В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

8. Богатые, не желающие отказаться от излишка в пользу неимущих, — враги народа.

9. Никто не имеет права посредством сосредоточения в своих руках всех материальных средств лишать других необходимого для их счастья просвещения: просвещение должно быть общим.

10. Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить общее счастье.

11. Революция еще не закончена, потому что богатые захватывают все блага и пользуются исключительной властью, в то время как бедные работают, как настоящие невольники, изнывают в нищете и ничего не значат в государстве.

12. Конституция 1793 года является истинным законом для французов, потому что народ торжественно утвердил ее.

11 мая 1796 года по доносу предателя полиция застала Бабефа и Буонарроти на нелегальной квартире. Бабеф в это время редактировал «Народную трибуну», а Буонарроти переписывал начисто текст «Воззвания к французам», в котором были такие слова:

«Народ победил, тирания больше не существует, вы свободны…» Арестованных заключили в тюрьму. Несмотря на то, что правительство старалось скрыть местопребывание арестованных, в течение нескольких дней на улицах, примыкавших к тюрьме, толпился народ.

Через некоторое время Бабефа и его соратников перевезли в Тампль. Бабеф написал письмо Исполнительной директории, в котором он попытался убедить директоров в необходимости изменить правительственную политику:

«Граждане, члены Директории, управляйте в народном духе, — писал он. — Вы знаете, в какой мере имею я влияние на… патриотов; я использую это влияние, чтобы убедить их, что раз вы за народ, они должны быть с вами едины». Разумеется, это обращение Бабефа было наивно и окончилось ничем. Как свидетельствовал Буонарроти, на допросах Бабеф не отрицал факта существования заговора.

«Я убежден самым положительным образом, — говорил он на допросе, — что нынешние правители являются угнетателями, и я сделал бы все, что в моей власти, чтобы низвергнуть их».

Его спросили, какие средства он рассчитывал употребить для этого.

«Все средства законны против тиранов», — ответил Бабеф.

В октябре 1796 года начался суд, который продолжался около шести месяцев. Подсудимые, особенно Бабеф, держались очень мужественно. Вандом был заполнен войсками и полицией. Несколько батальонов расположились прямо около тюрьмы и суда.

Суд признал Бабефа и других подсудимых виновными в попытке восстановить конституцию 1793 года. Бабеф и Дарте были приговорены к казни через гильотинирование. Остальные — к ссылке.

Когда объявили приговор, Бабеф и Дарте попытались покончить с собой, ударив себя в грудь ножами, которые сделали из принесенной сыном Бабефа проволоки. Однако самоубийство не удалось — ножи, лишь ранив Бабефа и Дарте, сломались.

Приговоренных перевезли в тюрьму. Бабеф провел целый день в ужасных мучениях: кусок железа застрял у самого сердца. Но Бабеф не терял мужества.

Он еще успел написать своей семье письмо, которое заканчивалось словами: «Прощайте же еще раз, мои горячо любимые, мои дорогие друзья. Прощайте навсегда. Я погружаюсь в сон честного человека».

На другой день полумертвых Бабефа и Дарте принесли на эшафот и положили под гильотину.

Так закончилась первая, но отнюдь не последняя попытка установить общество счастья и всеобщего благоденствия в отдельно взятой стране. Отдавая должное силе духа и мужеству Бабефа, скажем лишь, что программа его была не совсем полной: так, он не предусмотрел создания спецлагерей для концентрации населения, недовольного его реформами. Впрочем, это чисто практическая мера, которую ему вскоре подсказала бы сама жизнь. Если бы заговору его, не дай Бог, было бы суждено осуществиться.

ГЕРЦОГ ЭНГИЕНСКИЙ

«Это был один из тех моментов жизни императора, когда его душа находилась, должно быть, во власти сильнейших эмоций»

Паскье

Людовик Антуан де Бурбон, герцог Энгиенский, был ничем не примечательным молодым человеком, правда, из очень хорошей семьи. Он был последним и единственным отпрыском дома Конде, а значит, реальным претендентом на королевский престол. Он родился 2 августа 1772 года в замке Шатильи. Как и каждый принц, он получил хорошее образование и воспитание. Во всяком случае, хорошо владел шпагой и гарцевал на коне. Любил приударить за дамами. Не случись Великой французской революции, он, скорее всего, так бы и канул в Лету.

Через несколько дней после взятия Бастилии в 1789 году 18 лет от роду юный герцог бежал из Франции вместе с родными. Вскоре, под командованием принца Конде, на берегах Рейна возникла армия эмигрантов, жаждавших выступить с оружием в руках против мятежной Франции. Герцог получил важную должность в этой армии, в которой его дед и отец при отсутствии брата Людовика XVI были главнокомандующими. Герцог, последовавший за своими родственниками сначала в Бельгию, потом в Турин и наконец в Вормс, принимал участие в кампаниях Конде против Франции. После Амьенского мира армия эта, финансировавшаяся Англией, была распущена. Молодой принц обратился к престарелому кардиналу Рогану с просьбой позволить ему поселиться в Эттенгейме, в бывших владениях страсбургских архиепископов. Пользуясь кратковременным миром в Европе, герцог Энгиенский отправился в Австрию осматривать старинные замки. В Дюрнштейне ему показали темницу, в которой был заключен Ричард Львиное Сердце. Указывая на железное кольцо, которым был прикован царственный узник, он сказал «Что касается меня, я желал бы лучше смерти, нежели темницы».

Когда принц Конде приехал в Англию, герцог Энгиенский поспешил вернуться в Эттингейм. Там он преспокойно жил, пользуясь пенсией, которую ему выдавало английское правительство, как и большей части французских эмигрантов. В феврале 1804 года Париж всколыхнуло

леденящее кровь известие — раскрыт заговор Жоржа Кадудаля Наполеон, до тех пор обращавший мало внимания на грозившие ему заговоры, принял близко к сердцу последнее обстоятельство. Заговор Кадудаля оказался не плодом самодеятельности нескольких мятежников, а крупномасштабной акцией старого французского дворянства. В этом деле была замешана Англия — в Лондоне было обнародовано объявление, начинающееся словами: «Так как низложение Бонапарте и восстановление Людовика XVIII должны последовать в скором времени, то большая часть эмигрантов возвращается на свою землю». Поговаривали также, что к заговорщикам время от времени приезжал человек, в присутствии которого они вставали и уже не садились — почести, явно воздаваемые особе королевской крови. Все подозрения обратились на герцога Энгиенскою. Решено было арестовать его. Шпион, отправленный в Эттингейм, вскоре представил обстоятельное донесение. «Герцог Энгиенский ведет жизнь таинственную. Он принимает многих эмигрантов, часто отлучается, иногда на неделю, иногда на 10 и даже на 12 дней, но никто не знает куда, быть может, он ездит в Париж» (На самом деле герцог ездил к своей любовнице герцогине Роган.).

Наполеон в гневе заявил: «Я сумею наказать их заговоры: один из виновных ответит мне головой».

Между тем арест герцога Энгиенского, жившего в другом государстве, был серьезной мерой, и ее нельзя было предпринять без совещания с государственными сановниками. 10 марта Наполеон созвал в Тюильрийском дворце совет. Тайлеран, изложив подробно собранные о заговорщиках сведения, предложил увезти герцога силой и тем закончить дело. Совет согласился. Наполеон отдал соответствующие указания — 300 драгунов должны были окружить город, захватить герцога Энгиенского и всех остальных заговорщиков.

В ночь с 14 на 15 марта 1804 года городок Эттингейм неожиданно был окружен двумя эскадронами кавалерии. Драгуны двинулись к дому, занимаемому принцем. Герцог, опасаясь за жизнь гостивших у него в то время друзей, сдался без всякого сопротивления. К пяти часам вечера арестанты — 10 человек — прибыли в Страсбург и были заключены в крепость. Ночью 18 марта герцога, отделив от прочих задержанных, перевезли в Венсен, на «военно-полевой суд». 20 марта, когда герцог уже был в Венсене, трое консулов Наполеона утвердили следующий акт:

«Статья I. Бывший герцог Энгиенский, обвиняемый в поднятии оружия против Республики, в получении денежного содержания от Англии, в участии в замыслах против безопасности государства, предается военному суду, который соберется в Венсенском замке из 7 членов по назначению генерал-губернатора Парижа Мюрата. Статья П. Исполнение настоящего определения возлагается на Главного Судью, Военного Министра, парижского генерал-губернатора.

Подписал: Первый консул Бонапарте».

В те времена Венсенский замок, еще не обращенный в тюрьму, был в совершенном запустении. Герцога привезли поздно вечером, усталого и промокшего, а через несколько часов — ровно в полночь — его вызвали на допрос. Подробно изложив свою биографию, герцог попросил лишь одного — свидания с первым консулом, с Наполеоном. Но последнее желание

последнего из рода Конде так и не было исполнено.

Через час прибыли члены суда и приступили к рассмотрению обстоятельств дела.

Один из судей попросил у председателя зачитать обвинительные пункты.

«Обвинительных пунктов нет».

Другой судья потребовал оправдания обвиняемого.

«И оправданий нет», — отвечал секретарь.

«В таком случае, — возразил председатель, — соберите свидетелей, я выслушаю их поодиночке».

«Свидетелей нет и защитника тоже нет».

За неимением необходимых бумаг, свидетелей и защитников, судьи должны были почерпнуть сведения в откровенных ответах принца. Через четверть часа герцог Энгиенский предстал перед своими судьями, один, без защитника. На башне пробило два часа пополуночи. Председатель, обращаясь к обвиняемому, преложил ему следующий вопрос:

«Вы воевали против Республики?»

«Я воевал за короля и престол».

«Вы умышляли на жизнь Первого консула?»

«Как смеют задавать подобный вопрос герцогу Энгиенскому, внуку великого Конде?»

Раздраженный принц бросил на пол свою фуражку и стал топтать ее ногами. Когда речь коснулась заговора Кадудаля, герцог вступил в жаркие прения с председателем:

«Я вовсе не хотел быть равнодушным зрителем событий, — сказал он. — Да, я действительно против революции, которая вместо трона сооружала эшафоты, и я просил у английского правительства дозволения вступить в армию Великобритании. Но правительство ответило, что не может согласиться на мою просьбу, что я должен оставаться на Рейне и дожидаться указаний. Больше мне нечего добавить». Это признание совпадало со сведениями о заговоре и потому погубило принца.

Председатель сказал ему с чувством:

«Подумайте, что вы сказали! Неужели вам неизвестно, что в военных судах нет апелляции?»

Принц наклонил голову:

«Я знаю это, генерал. Желаю только, как я уже объявил, иметь свидание с Первым консулом».

Председатель объявил, что прения закончились, герцога увели. 20 марта в 9 часов вечера комиссия единогласно признала Людовика Антуана Генриха де Бурбона, герцога Энгиенского, виновным по всем пунктам обвинения, и на основании военных законов в качестве наказания была выбрана смертная казнь… Принц никак не мог поверить, что дело принимает столь серьезный оборот. После суда он попросил письменные принадлежности и написал письмо Наполеону (тогда еще Первому консулу).

Бонапарт получил письмо и дал распоряжение Реалю разобраться в этом деле Реаль должен был отправиться в Венсен и провести собственное дознание. Но утром 21 марта Реаль… проспал намеченный час отъезда (скорее всего намеренно) и выехал значительно позже. Когда он прибыл наконец в Венсен, дело уже было сделано.

По закону комендант Венсена обязан был присутствовать при исполнении приговора.

В 5 часов утра он вошел в комнату осужденного, разбудил его и попросил одеться. «Ваша светлость, извольте следовать за мною и призовите на помощь все ваше мужество», — сказал комендант.

Когда они сошли с лестницы, отворилась небольшая дверь, и герцог очутился во рву. Сквозь сырой туман он увидел перед собой взвод гвардейских пехотных жандармов, заряжавших ружья.

«Благодаренье Богу, я умру смертью воина!» — воскликнул герцог. Дрожащим голосом капитан прочитал приговор военного суда. Герцог слушал внимательно.

«Да простит Бог моим судьям, как я им прощаю, — сказал герцог. — Ну, господа, к делу!»

Принцу не дали исповедоваться перед смертью — не нашли священника. Адъютант взял герцога за руку, подвел на несколько шагов к взводу и сказал вполголоса:

«Вы должны встать на колени… — Он вынул из кармана платок и подал герцогу. — Завяжите глаза».

Герцог отказался.

Адъютант отошел в сторону и из-за тумана, не имея возможности скомандовать шпагой, закричал солдатам:

«Готовься!»

«Цель в сердце!» — воскликнул герцог.

«К прикладу! Пли!» — скомандовал адъютант.

Казнь герцога Энгиенского потрясла всю Европу. Если ранее просвещенные люди сочувствовали французской революции, им хотелось видеть в лице Наполеона освободителя угнетенных наций, то теперь они поняли — в лице доморощенного императора человечество обрело еще одного тирана. Как с каннибалом, пренебрегающим какими бы то ни было общечеловеческими, дипломатическими и политическими нормами, с ним отказывались вести диалог государи России, Англии, Австрии. Объединение этих трех государств в единую коалицию в итоге и привело Наполеона Бонапарта к закономерному краху. Чрезмерно высокая цена за расстрел молодого человека, правда, из очень хорошей семьи.

Спустя 12 лет, день в день после смерти герцога Энгиенского, его родные и друзья собрались, чтобы перезахоронить его прах. Они разрыли ров и нашли изуродованный череп, кость ноги, золотую цепочку на позвонках шеи и печать с гербом Конде.

На другой день в часовне, где заседала судившая герцога комиссия, был выставлен гроб. На нем была серебряная дощечка со следующей надписью: «Здесь покоится прах Светлейшего принца Людовика Антуана Генриха де Бурбона Конде, герцога Энгиенского, принца крови, пэра Франции, скончавшегося в Венсене 21 марта 1804 года в возрасте 31 года 9 месяцев 19 дней».

МАРШАЛ НЕЙ

Я освобождаю вас от обязанности уподоблять меня Богу.
Наполеон Бонапарт

В Париже, на площади Обсерватории, возвышается бронзовый бюст маршала Нея работы скульптора Риода. Именно здесь 7 декабря 1815 года знаменитый маршал, прозванный во Франции «храбрейшим из храбрых», отдал свою последнюю команду. Взвод гренадеров мгновенно исполнил ее. Раздался залп, и маршал Ней упал мертвым. Приговор Парижской судебной палаты был исполнен с соблюдением почетной процедуры: осужденный сам командовал солдатами.

Биография этого маршала весьма характерна для французского военачальника наполеоновской эпохи. Ней родился в 1769 году в Саррици, в семье бочара. С 13 лет он в качестве клерка начал работать у нотариуса. В 19 лет он поступил в гусарский полк, в 1792 году Ней был уже лейтенант. Он сделал быструю военную карьеру во время войн, которые вела революция, а потом наполеоновская Франция. «Храбрейший из храбрых» — так называл Нея император.

Фортуна к нему благоволила, в 1808 году он получил от Наполеона I титул герцога Эльхингенского, а после кампании 1812 года — титул князя Московского. Во время изгнания наполеоновской армии из России Нею удалось спасти остатки французских войск, которым грозило уничтожение или плен. Убедившись, что войну дальше продолжать бессмысленно, маршал Ней оказался в числе тех, кто склонил Наполеона к подписанию акта отречения от короны в пользу сына. Но последнему не суждено было овладеть ею. В Париж торжественно вступил Людовик XVIII, который с помощью стран-победительниц был возведен на французский трон.

Маршал Ней признал нового короля, при котором он стал пэром Франции и командиром кавалерийского корпуса. Однако в марте 1815 года начались знаменитые «100 дней», когда Наполеон, покинув остров Эльба, высадился с небольшим отрядом на французский берег и двинулся к Парижу.

В первые дни после высадки парижская пресса лишь высмеивала корсиканского узурпатора; даже его быстрое продвижение через города, декларировавшие за сутки и даже за несколько часов до этого свою «верность» Бурбонам, выдавалось как свидетельство неминуемого близкого краха безумной авантюры. Людовик XVIII объявил собравшимся по его просьбе иностранным дипломатам: «Сообщите своим дворам, что нелепое предприятие этого человека столь же мало способно нарушить спокойствие Европы, как и мое собственное спокойствие». Однако изоляция Бурбонов изо дня в день становилась все реальней. На ограде, окружавшей Вандомскую колонну, был вывешен плакат: «Наполеон приказал сообщить королю: не присылайте мне больше солдат, у меня их уже достаточно». 16 марта в публичной речи Людовик XVIII уже сменил тон, но все же заверил собравшихся: «Как могу я в возрасте шестидесяти лет лучше кончить жизнь, чем умереть, защищая ее? Я ничуть не боюсь за себя, но я боюсь за Францию» Однако инстинкт самосохранения (или благоразумие) возобладал — через три дня король поспешно сел в карету и, загнав лошадей, добрался до Бельгии.

В то же время в Париже был опубликован издевательский «катехизис для роялистов», который начинался с характерного диалога:

«Вы француз?»

«Нет, я роялист».

Ней получил от Бурбонов приказ остановить это продвижение и поклялся, что привезет узурпатора в железной клетке, но 18 марта, встретив Наполеона в Оксере, он тоже перешел на его сторону. «Я должен был уступить силе обстоятельств», — говорил позже маршал. Наверное, свою роль сыграли все же солдаты, толпами переходившие на сторону любимого императора. А может быть, магический, завораживающий взгляд Наполеона?

Второе правление Наполеона — знаменитые Сто дней — закончились поражением в битве при Ватерлоо и вторичным отречением от престола. В этом сражении Ней проявил свою обычную неустрашимость, под ним было убито пять лошадей, когда он тщетно пытался повернуть ход событий в пользу наполеоновской армии. Маршал был взят в плен.

Возвратившиеся в Париж Бурбоны и окружавшие трон роялисты мечтали о мести, которая устрашила бы страну и укрепила непрочный трон Людовика XVIII. Правда, Конвенция от 3 июля 1815 года о капитуляции наполеоновских войск содержала статью XII, гарантировавшую амнистию всем сражавшимся в армии императора. Но из этой амнистии задним числом Бурбоны решили сделать изъятия. Вторая реставрация сопровождалась военными судами и смертными приговорами в отношении лиц, особо помогавших «узурпатору». Это было выполнением королевского ордонанса от 24 июля и вместе с тем происходило в условиях внесудебного белого террора. Наиболее известной жертвой роялистов стал Ней. Осуждение Нея должно было послужить уроком для других. Конечно, более дальновидные из руководителей роялистской партии понимали, насколько безнадежно компрометируется режим Бурбонов в глазах Франции, запятнав себя кровью Нея. Но таких людей среди роялистов было меньшинство, и не они определяли политику правительства в то время.

3 августа Ней был арестован. Допрашивавший его префект полиции Деказ тщетно пытался добиться от маршала признания в предварительном сговоре с Наполеоном, навстречу которому Ней был отправлен с войсками в марте 1815 года.

Правительство Бурбонов столкнулось с препятствиями уже при организации военно-полевого суда, которому предполагалось поручить вынесение приговора Нею. Маршалы Массена и Ожеро сказались больными. Старейший из маршалов — Монсе отверг предложение занять пост председателя суда (к опубликованному в газетах якобы от имени маршала письму, в котором отмечалось, что в то время, как Ней сражался за Францию, его обвинители находились в стане врагов страны, Монсе не имел отношения). Правительство лишило Монсе маршальского звания и изгнало его из палаты пэров. Пост председателя занял маршал Журдан. Ней решительно возражал против передачи его дела в ведение военно-полевого суда и требовал, чтобы его судила палата пэров, членом которой он состоял. Маршал добился успеха. Военный трибунал голосами пятерых судей против двух признал себя некомпетентным в рассмотрении дела Нея. Но это была мнимая победа. У обвиняемого, как выяснилось, было куда больше шансов быть оправданным военным трибуналом, чем палатой пэров, куда по указу короля было направлено дело Нея и где заправляли ультрароялисты, требовавшие крови «изменника». Глава

правительства герцог Ришелье, передавая палате пэров королевский указ, заявил, что Нея следует судить не только от имени короля, от имени Франции, но и «от имени Европы». Это было ясное указание на позицию оккупировавших держав. Пруссия требовала расправы над Неем (как признавался фельдмаршал Блюхер), рассчитывая, что это посеет вражду между армией и режимом Реставрации и тем самым ослабит Францию, о расчленении которой мечтали в Берлине. Австрийский канцлер Меттерних, разделявший эти планы, вместе с тем настаивал на суровых мерах в интересах европейской контрреволюции. Английский торийский кабинет и русский царь Александр I считали нужным проявить суровость из прямо противоположных соображений, стремясь укрепить трон Людовика XVIII и сохранить сильную консервативную Францию как важный фактор европейского равновесия сил. Стоит отметить, что позицию Александра I разделяли многие русские офицеры, находившиеся в Париже. Во время приема, который гвардейцы Людовика XVIII устроили в честь русских гостей, один из ультрароялистов стал поносить предателя Нея. Ему неожиданно ответил один из русских. «Я не знаю, сударь, где вы были в 1812 году, — заявил он, — но уверен, что вы не сражались в России. Иначе вы не говорили бы в таком тоне о самом замечательном воине французской армии в этой кампании. О человеке, героическое мужество которого спасало столь многих, которому четыре тысячи французских солдат обязаны своей жизнью. Он завоевал восхищение своих врагов».

Эта импровизированная речь вызвала восторженные аплодисменты собравшихся русских офицеров.

Для тогдашней обстановки было очень характерно, что Нея за измену Людовику XVIII судили на основании… законов времени революции и наполеоновского уголовного кодекса.

При рассмотрении дела в палате пэров, начавшемся 9 ноября, роялист генерал Бурмон заявил, что Ней по собственному желанию и выполняя заранее обдуманное намерение 14 марта 1815 года перешел на сторону Наполеона. Ней утверждал, что его поступок был неожиданным и предопределен настроениями войск. В ходе прений выяснилось, что сам Бурмон, изображавший себя героическим защитником дела Бурбонов, безоговорочно выполнил приказ Нея собрать войска, отлично зная, что маршал объявит им о переходе на сторону Наполеона. Пристрастие палаты было очевидным. Председательствующий Дамбрэ отводил вопросы, ответы на которые могли принести пользу подсудимому. Дамбрэ, в частности, запретил маршалу Даву отвечать на вопрос относительно интерпретации статьи XII Конвенции о капитуляции французских войск. Если бы Даву заявил о том, что поведение Нея явно относится к числу деяний, покрываемых амнистией, которая провозглашалась в этой статье, обвинение потеряло бы всякую юридическую основу. В конце концов Ней предложил своим защитникам не отвечать на речь прокурора, так как им запретили касаться вопроса о статье XII Конвенции. В своем кратком заявлении Ней не без основания сравнил свой процесс с судом над генералом Моро при Наполеоне. 6 декабря палата пэров большинством голосов признала Нея виновным и приговорила его к смерти. Попытка добиться королевского помилования не увенчалась успехом. Маршал был расстрелян утром 7 декабря. Могила Нея на кладбище Пэр-Лашез в Париже

была вскрыта в 1903 году. По словам могильщика Дю Мишеля, гроб был пуст.

Как и предвидели более дальновидные роялисты, казнь Нея нанесла режиму Реставрации непоправимый моральный ущерб, хотя сказалась не сразу. Но в конечном счете Франция стала республикой из-за того, что последняя правящая династия скомпрометировала себя подобным образом.

ДЕКАБРИСТЫ

Пестель был противником смертной казни. Считая, что лишение жизни допустимо лишь в условиях необходимой обороны, Пестель был убежден, что государство не обладает правом лишать жизни даже преступника. Ведь ошибаться свойственно всем, в том числе и судьям, а смертная казнь исключает возможность исправления судебной ошибки. «Всякое наказание должно быть налагаемо таким образом, чтобы возмездие, вознаграждение или удовлетворение были возможны. Смертная казнь сделывает всякое возмездие совершенно невозможным по одной уж этой причине и никогда не должна быть употреблена».

Восстание декабристов. Документы, том VII, стр. 286

Восшествие на престол Николая I ознаменовалось восстанием на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, подавлением его и казнью декабристов. Это был самый странный мятеж из всех, какие когда-либо поднимались против существующего строя. Во всяком случае, начинался он как самый бескровный.

Больше трех тысяч солдат-гвардейцев под командой офицеров-дворян собрались на Сенатской площади столицы, поднятые горячими речами своих предводителей. Первым выступил на площадь Московский гвардейский полк. Его подняла на восстание революционная речь офицера Александра Бестужева. Полковой командир барон Фредерике хотел было помешать выходу восставших на площадь, но упал с разрубленной головой под ударом сабли офицера Щепина-Ростовского. Солдаты Московского полка пришли на Сенатскую площадь с развевающимся полковым знаменем, зарядив ружья и взяв с собой боевые патроны. Полк построился в боевое каре (четырехугольником) около памятника Петру I. К восставшим подскакал петербургский генерал-губернатор Милорадович и стал уговаривать солдат разойтись и принести присягу. Но начальник штаба восстания офицер Евгений Оболенский штыком повернул лошадь Милорадовича, ранив при этом генерала в бедро, а пуля другого члена тайного общества, Петра Каховского, смертельно ранила Милорадовича. Под командой морских офицеров Николая Бестужева и Арбузова на площадь пришли восставшие моряки — гвардейский морской экипаж, а за ними полк восставших лейб-гренадеров.

Несколько раз по приказу Николая I конная гвардия ходила в атаку на восставшие войска, но все атаки были отбиты ружейным огнем. Заградительная цепь, вышедшая из каре восставших, разоружила царских полицейских. С поднятыми крестами, в торжественном облачении, сверкая бриллиантами, явились «увещевать» войска митрополиты Серафим и Евгений, но тщетно: «солдаты не пошатнулись перед митрополитом», как сказал один из декабристов.

«Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщиться черни, и тогда окруженные ею войска были бы в самом трудном положении», — писал позже Николай в своих «Записках».

После трех часов дня стало смеркаться. Царь приказал выкатить пушки и стрелять в упор картечью.

Первый залп дали выше солдатских рядов, именно по «черни», которая усеяла крыши Сената и соседних домов. На этот залп восставшие ответили ружейным огнем. Но потом под градом картечи ряды дрогнули, заколебались, падали раненые, убитые. Царские пушки стреляли по толпе, бегущей вдоль Английской и Галерной набережных.

Часть восставших отступила на невский лед и там восстановила боевые порядки.

Картечь осыпала ряды, пушечные ядра ломали лед, солдаты тонули в ледяной воде. К ночи с восстанием в столице было покончено. На площади остались десятки трупов. Полиция засыпала снегом лужи крови. Всюду горели костры. Ходили сторожевые патрули. В Зимний дворец начали свозить арестованных.

Вершить правосудие над декабристами должен был не высший судебный орган России — Сенат, а созданный в обход законов по указанию Николая I Верховный уголовный суд. Судьи были подобраны самим императором, который опасался, что Сенат не выполнит его волю. Следствие установило, что заговорщики хотели поднять вооруженное восстание в войсках, свергнуть самодержавие, отменить крепостное право и всенародно принять новый государственный закон — революционную конституцию. Декабристы тщательно разработали свои планы. Прежде всего они решили помешать войскам и Сенату принести присягу новому царю. Затем хотели войти в Сенат и потребовать опубликовать всенародный манифест, в котором будет объявлено об отмене крепостного права и 25-летнего срока солдатской службы, о даровании свободы слова, собраний, вероисповедания и о созыве учредительного собрания выбранных народом депутатов.

Депутаты должны были решить, какой строй установить в стране, и утвердить ее основной закон — конституцию. Если бы сенат не согласился обнародовать революционный манифест, было решено принудить его к тому силой. Восставшие войска должны были занять Зимний дворец и Петропавловскую крепость, царскую семью должны были арестовать. В случае необходимости предполагалось убить царя. Процесс над декабристами проходил со многими процессуальными нарушениями. Смертный приговор был вынесен 36 декабристам. В приговоре был определен способ применения смертной казни: четвертование.

Член Верховного уголовного суда граф Н. С. Мордвинов принес апелляцию на приговор, считая его незаконным. Мордвинов ссылался на елизаветинский Указ 29 апреля 1753 года, предписывавший не исполнять смертные приговоры и не делавший никаких исключений для политических преступлений.

Николай I, хотя и оставил апелляцию Мордвинова без внимания, тем не менее утвердил только пять смертных приговоров. Остальным приговоренным смертная казнь была заменена каторгой.

Во исполнение указа царя Верховный суд должен был избрать наказание пяти осужденным к четвертованию. Следует отметить чрезвычайно двойственную роль царя в этом вопросе.

Своим указом он как будто предоставил самому Верховному суду решать судьбу пяти главных осужденных. В действительности царь и здесь явно выразил свою волю, но не для общего сведения. Генерал-адъютант Дибич писал председателю Верховного суда относительно наказания пяти человек, поставленных вне разряда: «На случай сомнения о виде их казни, какая сим судом преступникам определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную…» Черновик этого письма был составлен Сперанским. У Верховного суда оставалась, таким образом, одна возможность — замена четвертования повешением, что он и сделал. Вообще Николай не допускал исхода процесса без смертной казни. Еще в июне, через три дня после учреждения Верховного суда, он писал великому князю Константину Павловичу: «В четверг начался суд со всей приличествующей обрядностью; заседания не прерываются с 10 часов утра до 3 часов пополудни. При всем том я не знаю еще, к какому приблизительно дню это может быть кончено. Затем наступит казнь: ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания… Я предполагаю приказать произвести ее на эспланаде крепости». Таким образом, царь уже более чем за месяц выбрал место для казни. В 1926 году журнал «Красный архив» впервые опубликовал документы, бывшие до революции секретными. Из них видно, что Верховный суд действовал в полном соответствии с предписаниями императора. «Касательно главных зачинщиков и заговорщиков примерная казнь будет им справедливым возмездием на нарушение общественного спокойствия», — напутствовал Николай I членов суда задолго до вынесения приговора.

Приговор Верховного уголовного суда после утверждения императором вступил в законную силу. 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости были казнены: К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, СИ. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. Г. Каховский.

Пять декабристов, по воле царя приговоренные к повешению, как и все прочие осужденные, не знали приговора. Они должны были узнать о нем одновременно с конфирмацией его. Объявление приговора произошло 12 июля в помещении коменданта Петропавловской крепости. Сюда из здания Сената двинулся длинный ряд карет с членами суда. Два жандармских эскадрона сопровождали кареты. В отведенной зале судьи расселись за столом, покрытым красным сукном. Заключенных привели из казематов в дом коменданта. Встреча была для них неожиданна: они обнимались, целовались, спрашивая, что это значит. Когда узнали, что будет объявлен приговор, то спрашивали: «Как, разве нас судили?» Ответ был: «Уже судили».

Осужденных разместили по разрядам приговора в отдельные комнаты, откуда их группами вводили в зал для выслушивания приговора и его конфирмации. Из зала их выводили через другие двери в казематы. При выходе из зала в комнате находились священник, лекарь и два цирюльника с препаратами для кровопускания на случай необходимости врачебной помощи осужденным. Но она не потребовалась: приговоренные мужественно встретили приговор, который читал им обер-секретарь, а судьи в это время рассматривали их через лорнеты.

После объявления приговора до момента его исполнения прошло несколько часов. В день объявления осужденным приговора сестра приговоренного к казни С. И. Муравьева-Апостола обратилась к царю с просьбой разрешить ей свидание с братом перед казнью, а после казни выдать ей его тело для погребения. Царь разрешил это свидание, отказав в выдаче трупа. Свидание состоялось ночью перед казнью в Петропавловской крепости. С. И. Муравьев-Апостол был не только сам спокоен, но даже сумел ободрить и утешить сестру. Он проявил заботу об осужденном брате их Матвее, попросив сестру позаботиться о нем. По-видимому, другие четверо осужденных не имели свидания с родными перед казнью. Но сохранилось подлинное письмо Рылеева к жене, написанное перед самой казнью. «В эти минуты я занят только тобою и нашей малюткой; я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе». Письмо кончается словами: «Прощай, велят одеваться…» Это спокойствие приговоренных к смерти не покинуло их, как мы увидим ниже, и в мучительные часы казни.

Об этой казни сохранилось несколько свидетельств — немецкого историка Иоганна Генриха Шницлера, литератора Николая Путяты и начальника кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфа. Но наиболее выразительным является, на наш взгляд, рассказ анонимного свидетеля, опубликованный в альманахе Герцена «Полярная звезда». Приведем этот рассказ с небольшими сокращениями. «…Устройство эшафота производилось заблаговременно в С.-Петербургской городской тюрьме. Накануне этого рокового дня С.-петербургский военный генерал-губернатор Кутузов производил опыт над эшафотом в тюрьме, который состоял в том, что бросали мешки с песком весом в восемь пудов на тех самых веревках, на которых должны были быть повешены преступники, одни веревки были толще, другие тоньше. Генерал-губернатор Павел Васильевич Кутузов, удостоверясь лично в крепости веревок, определил употребить веревки тоньше, чтобы петли скорей затянулись Закончив этот опыт, приказал полицмейстеру Посникову, разобравши по частям эшафот, отправить в разное время от 11 до 12 часов ночи на место казни..

В 12 часов ночи генерал-губернатор, шеф жандармов со своими штабами и прочие власти прибыли в Петропавловскую крепость, куда прибыли и солдаты Павловского гвардейского полка, и сделано было на площади против монетного двора каре из солдат, куда велено было вывезти из казематов, где содержались преступники, всех 120 осужденных, кроме пяти приговоренных к смерти… (Эти пятеро) в то же время ночью были отправлены из крепости под конвоем павловских солдат, при полицмейстере Чихачеве, в кронверк на место казни. Эшафот уже строился

в кругу солдат, преступники шли в оковах, Каховский шел вперед один, за ним Бестужев-Рюмин под руку с Муравьевым, потом Пестель с Рылеевым под руку же и говорили между собою по-французски, но разговора нельзя было слышать. Проходя мимо строящегося эшафота в близком расстоянии, хоть было темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал: „C'est trop“ — Это слишком (фр). Тут же их посадили на траву в близком расстоянии, где они оставались самое короткое время. По воспоминанию квартального надзирателя, „они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело“. Когда к ним подошел священник, Рылеев приложил его руку к своему сердцу и сказал: „Вы слышите, как оно спокойно бьется?“ Осужденные в последний раз обнялись. Этот священник — Мысловский, награжденный после процесса декабристов орденом и саном протоиерея, передавал в своих „Записках“, что Пестель, увидев виселицу, сказал: „Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно бы было нас и расстрелять“. Мысловский добавил: „Ничто не колебало твердости его. Казалось, он один готов был на раменах своих выдержать тяжесть двух Альпийских гор“.

Так как эшафот не мог быть готов скоро, то их развели в кронверк по разным комнатам, и когда эшафот был готов, то они опять выведены были из комнат при сопутствии священника. Полицмейстер Чихачев прочитал сентенцию Верховного суда, которая оканчивалась словами: „…за такие злодеяния повесить!“ Тогда Рылеев, обратясь к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: „Господа! надо отдать последний долг“, и с этим они стали все на колени, глядя на небо, крестились. Рылеев один говорил — желал благоденствия России… Потом, вставши, каждый из них прощался со священником, целуя крест и руку его, притом Рылеев твердым голосом сказал священнику: „Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите дочь“; перекрестясь, взошел на эшафот, за ним последовали прочие, кроме Каховского, который упал на грудь священника, плакал и обнял его так сильно, что его с трудомотняли…

При казни были два палача, которые надевали петлю сперва, а потом белый колпак. На груди у них (то есть у декабристов) была черная кожа, на которой было написано мелом имя преступника, они были в белых халатах, а на ногах тяжелые цепи. Когда все было готово, с нажатием пружины в эшафоте, помост, на котором они стояли на скамейках, упал, и в то же мгновение трое сорвались: Рылеев, Пестель и Каховский упали вниз. У Рылеева колпак упал, и видна была окровавленная бровь и кровь за правым ухом, вероятно, от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я к нему подошел и сказал: „Какоенесчастье!“.

Генерал-губернатор, видя, что трое упали, послал адъютанта Башуцкого, чтобы взяли другие веревки и повесили их, что и было исполнено. Я был так занят Рылеевым, что не обратил внимания на остальных оборвавшихся с виселицы и не слыхал, говорили ли они что-нибудь. Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля была так длинна, что он носками доставал до помоста, что должно было продлить его мучение, и заметно было некоторое время, что он еще жив. В таком положении они оставались полчаса, доктор, бывший тут, объявил, что преступники умерли».

24 Щукинский сборник, вып. 4, изд. Отделения Исторического музея, М 1905, статья «Из записной книжки протоиерея П Н Мысловского», с 38–39 338.

Наконец, процедура повешения началась снова и на этот раз закончилась «совершенно удачно». По освидетельствовании врачами трупы были сняты, положены на телегу и прикрыты холстом, но не увезены из крепости, так как было уже совершенно светло и «народу было тьма тьмущая». Поэтому телега с трупами была поставлена в указанное выше здание училища торгового мореплавания. Трупы были увезены оттуда в ближайшую ночь на остров Голодай, где были тайно зарыты. Генерал-губернатор Голенищев-Кутузов официально доносил царю: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного». Но он добавлял: «По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Пестель, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть». Сам же Николай писал 13 июля своей матери: «Пишу на скорую руку два слова, милая матушка, желая Вам сообщить, что все совершилось тихо и в порядке: гнусные вели себя гнусно, без всякого достоинства.

Сегодня вечером выезжает Чернышев и, как очевидец, может рассказать вам все подробности. Извините за краткость изложения, но, зная и разделяя Ваше беспокойство, милая матушка, я хотел довести до вашего сведения то, что мне уже стало известным».

Во время исполнения приговора над декабристами царь не был в Петербурге: то ли из страха перед призраком повторения событий 14 декабря, то ли не желая оставаться по соседству с местом казни, он выехал в Царское село. Туда каждые полчаса к нему скакали курьеры с донесениями о том, что совершалось в Петропавловской крепости. На следующий день после казни царь возвратился с семьей в столицу. На Сенатской площади при участии высшего духовенства состоялся очистительный молебен с окроплением земли, «осквернённой» восстанием. Вечером в тот же день офицеры кавалергардского полка, из которого вышло немало бунтовщиков, дали на Елагином острове праздник в честь своего нового шефа — царствующей императрицы с великолепным фейерверком, как будто желая «треском потешных огней заглушить стенание и плач глубоко огорченных родных». Царь же издал манифест о предании забвению всего дела.

Но царь никогда не забывал ни 14 декабря 1825 года, ни его участников. Что касается приговоров над матросами и солдатами, участниками восстания, то сведения об этом появились в более полном виде совсем недавно, в 1929 году, в томе VI «Восстание декабристов» издания Центроархива. Но и опубликованные теперь сведения позволяют дать еще далеко не исчерпывающую статистику видов судебной репрессии, обрушившейся на солдат и матросов.

Вот эти цифры:

«Из солдат Черниговского полка приговорены:

к шпицрутенам через 1000 человек 12 раз и затем каторжные работы 3 человека;

к шпицрутенам через 1000 человек от 1 до 6 раз и перевод на Кавказ 103;

к 200 ударам лозами и перевод на Кавказ 15;
перевод на Кавказ 805;
ссылка на поселение и лишение дворянства 1;
Из солдат 8-й пехотной дивизии и 8-й артиллерийской бригады:
к шпицрутенам через 1000 человек 12 раз и перевод на Кавказ 3;
к шпицрутенам через 1000 человек от 1 до 6 раз и перевод наКавказ 73;
к 300 ударам лозами и перевод на Кавказ 7;
перевод на Кавказ 71.
Из гвардейских полков лейб-гвардии Московского полка, лейб-гренадерского полка, гвардейского экипажа:
на каторгу 8;
к шпицрутенам через 100 человек от 6 до 8 раз 9;
перевод в полки Кавказского округа 698;
командировано в составе сводно-гвардейского полка на Кавказ1036.
Всего на Кавказ было переведено 2740 человек, шпицрутенами было наказано 188 человек».

От себя добавим, что 12 раз протащить человека сквозь строй из 1000 солдат, каждый из которых бьет его по спине ружейным шомполом, — это означает «забить человека до смерти». Так что кроме повешенных дворян, в число жертв декабристского восстания можно включить еще и до 200 человек простых солдат, которые слепо пошли за своими офицерами.

Дело о восстании Черниговского полка разбиралось в особой Белоцерковской судебной комиссии, и приговоры ее были еще более суровы. Когда должна была совершиться церемония наказания нижних чинов, соседние помещики съехались смотреть на это зрелище с женами и детьми, как на ярмарку, а богатая помещица Бронницкая прислала двести пудов железа для кандалов. Дело о гвардейцах солдатах и о матросах рассматривалось следственными комиссиями при полках.

ДОН ВИНСЕНТЕ

«Нет большего подспорья для эгоистической жизни, как занятие искусством ради искусства. Деспот, злодей непременно должен любить искусство».

Лев Толстой

Страсть к коллекционированию подчас может перейти все границы и превратиться в манию, а от мании до безумия — один шаг. Маньяки-коллекционеры не останавливаются ни перед чем, ради своей страсти они готовы лишить человека жизни и делают это без зазрения совести, забывая о морали и нравственности. 1836 год в Испании был памятен кровавыми делами библиофила-убийцы, сеньора дона Винсенте.

Дон Винсенте был монахом Таррагонского монастыря, каковой и покинул в период наполеоновского нашествия и массового разграбления церковных обителей. Поселившись в Барселоне, бывший монах завел книжное дело и вскоре начал конкурировать с другими букинистами. Книг он не читал, а ценил их исключительно за редкость и уникальность издания. Но удивительная интуиция помогала ему обнаружить редкую книгу и точно оценить ее. Однако продавать с трудом добытые раритеты было выше его сил. С обычными заурядными изданиями дон Винсенте расставался легко, но когда дело доходило до уникальных раритетов —

бывший монах терял голову и делал все, чтобы не упустить книгу из рук. Он то взвинчивал цену, то умолял покупателя обратить внимание на другой товар — в общем, вел себя довольно странно для торговца. Конкуренты относились к нему довольно холодно и враждебно. Сговорившись, они решили выжить соперника с нивы книжной торговли — на уникальные издания на аукционах благодаря их усилиям цены взлетали до небес, и дон Винсенте вынужден был идти на попятную.

Однажды на аукционе выставлялась библиотека, в которой имелся уникум — первое издание Указника, отпечатанное испанской типографией Пальмарт в 1482 году. Дон Винсенте попробовал перекупить Указник, но тщетно — его безумные цены сбили собратья по цеху, и единственная в своем роде редкость досталась книготорговцу по фамилии Пасот.

Прошло примерно 10 дней, и счастливый обладатель Указника, сеньор Пасот, скончался при таинственных обстоятельствах — в его книжной лавке вспыхнул пожар, лавка сгорела дотла, а обезображенный труп хозяина нашли в дымящихся руинах. Полиция решила, что несчастный погиб от собственной неосторожности — курил в постели. На том дело и закрыли.

Вскоре Барселону потрясли новые ужасные события — на окраине города нашли труп священника, заколотого кинжалом.

Через несколько дней обнаружили новый труп — жертвой оказался молодой немецкий ученый. Убийства священника и ученого явно совпадали — убийца не тронул на своих жертвах ни денег, ни ценностей. Перед полицией встал вопрос: что же было целью преступления?

Барселонцы по вечерам боялись выходить из домов, город будоражили догадки и леденящие душу слухи.

Прошла еще неделя, и один за другим на окраине города полиция нашла девять трупов. Все убитые были людьми образованными, и за отсутствием явных мотивов выдвигались обвинения против святой инквизиции. Полиция вдруг вспомнила про бывшего монаха, сбежавшего из Таррагонского монастыря. В доме и магазинчике Винсенте был проведен обыск, во время которого комиссар полиции заметил на полке книгу Эмерика де Жирона «Руководство служителям инквизиции». Большего следствию и не требовалось, однако помощник по ошибке взял том, стоящий рядом. К удивлению собравшихся, им оказался злополучный Указник. Дон Винсенте признался во всем.

Ради уникального издания он поджег магазин Пасота, предварительно удушив свою жертву платком. Священника он заколол после того, как тот купил у него редкую книгу, несмотря на его, Винсенте, старания отговорить его и баснословную цену. Дон Винсенте выбежал из лавки за священником, умоляя продать книгу обратно по более высокой цене, но священник и слушать ничего не желал. Тогда разъяренный дон Винсенте выхватил кинжал. «Он упал, захлебываясь кровью, — рассказывал на суде дон Винсенте, — вторым ударом я его прикончил».

Безумие овладело библиофилом. Он начал убивать систематически, грамотно, оборудовав специальную комнату, где и расправлялся с незадачливыми покупателями, платившими за собственную смерть. Ночью дон Винсенте выносил труп на окраину и бросал в канаву.

Судья на допросе спросил его, что послужило причиной столь бесчеловечных расправ. «Люди смертны, — ответил дон Винсенте со спокойствием человека, которому открылись высшие истины, — рано или поздно Господь призовет их. А хорошие книги бессмертны, и заботиться нужно только о них». Он не только не раскаялся, но и вообще не понял, за что его судят.

Защитник попытался обелить дона Винсенте, утверждая, что само по себе признание — еще недостаточное доказательство виновности. Он, в частности, узнал, что экземпляр Указника Пасота не единственный в своем роде. Точно такая же книга была заявлена в букинистическом парижском каталоге, и следовательно, у обвиняемого не было причин овладевать заурядной книгой столь кровавым способом. Однако дона Винсенте приговорили к смертной казни. На скамье подсудимых убийца обливался слезами, с отчаяньем восклицая: «Я жертва чудовищного недоразумения. Мой экземпляр не уникален!» И пошел на гаротту, *25 Испанское национальное изобретение для казни — приспособление с железным ошейником для удушения казнимых.* отказавшись от исповеди.

«АМИСТАД» — КОРАБЛЬ ВОССТАВШИХ РАБОВ

Вообще все люди от природы любят свободу и ненавидят рабство.
Юлий Цезарь. «Записки о Галльской войне»

Просвещенный XIX век оставил нам поистине странные образчики цивилизованности и дикости человека того времени. В первые десятилетия века успешные испытания проходили пароходы и паровозы, полковник Кольт совершенствовал свой многозарядный пистолет, и в то же время во Франции расстреливали ткачей, в Англии вешали за карманную кражу, а в Америке процветало самое настоящее ничем не прикрытое рабство. Сами американцы (исключая разве что жителей южных штатов) считали это дикостью, однако дикостью, необходимой для развития прогресса, ибо в жарких областях страны только негры могли проявить должную работоспособност. К сожалению, негры не умели читать и поэтому не могли оценить своей роли в развитии Соединенных Штатов Однако из них ничем нельзя было выбить чувства собственного достоинства и стремления к свободе. История корабля «Амистад», приключившаяся в 1836 году, подтверждает это.

Однажды богатый мексиканец дон Хосе Руис отправился в Гавану, чтобы закупить партию рабов. Он тщательно осмотрел «живой товар» и после торга приобрел сорок девять невольников, а в их числе рослого мускулистого африканца Джозефа Синкеса. Торговцы уверяли, что это был потомок одного из африканских королевских родов бассейна реки Конго. Гордый чернокожий принц с самого начала отказывался выполнять приказы работорговцев.

Уладив все дела, сеньор Руис договорился с капитаном плывшего в Мексику «Амистада» о перевозке в порт Гуанаха невольников и закупленных товаров. Рейс должен был продолжаться всего пять дней, и сеньора Руиса не волновало, что судно совсем не приспособлено к перевозке невольников.

На четвертую ночь запертые в трюме невольники подняли бунт. Возглавляемые Синкесом, они в течение четырех суток тайком перепиливали цепи, которыми были скованы друг с другом.

Нескольких минут оказалось достаточно, чтобы невольники, перебив команду и выбросив трупы за борт, овладели кораблем. Спасся лишь один матрос, стоявший у руля. Он молниеносно спустил на воду небольшую спасательную шлюпку и быстро отплыл от судна. Достигнув берега, он сообщил властям о бунте на борту «Амистада».

Кроме него остались в живых сам Руис, его слуга Антонио и сеньор Монтес, бывший морской капитан, которого Синкес пощадил, считая, что он сможет повести корабль. Синкес взял на себя командование. Заметив, что корабль неуклонно плывет курсом на запад, он приковал Монтеса к рулевому колесу и под угрозой смерти приказал ему вести корабль в сторону родной Африки.

Однако Монтес, пользуясь невежеством нового хозяина, старался держаться поближе к побережью сперва Мексики, а затем Багамских островов в надежде встретить какой-нибудь вооруженный корабль. Негры, совершенно не разбиравшиеся в навигации, изо дня в день высматривали берега своей родины, где их ожидала свобода.

Рейс тем временем затягивался. Африканцы забавлялись как дети. Извлекли из сундуков дамские наряды, предназначенные для женщин семьи Руис, и после долгих споров поделили их между собой. Под аккомпанемент музыкальных инструментов, приобретенных Руисом, они отплясывали африканские танцы. Сеньор Руис с ужасом наблюдал, как один из бунтовщиков смастерил ожерелье из струн арфы, которую он купил для дочери.

Однако время шло, и продовольствие и вода подходили к концу. Когда судно приблизилось к Багамским островам, Синкес выслал на берег шлюпку с тремя людьми, которые за несколько рейсов пополнили запасы воды. Порой навстречу им попадались корабли, и по приказу Синкеса Ментес просил продать их продовольствие, за которое бунтовщики щедро расплачивались награбленной испанской валютой. Во время этих сделок Синкес прятал своих земляков в трюме корабля. Однако любопытство брало верх над опасностью, и изумленные матросы встречных судов наблюдали выглядывавшие из разных уголков «Амистада» черные головы в необычных цветных уборах.

Монтес не мог позвать на помощь, понимая, что одно неосторожное слово будет смертным приговору ему и сеньору Руису.

«Амистад» медленно плыл в северном направлении вдоль побережья Америки. Но однажды, заметив землю на западе, вождь восставших Синкес понял, что Монтес обманул его. Тогда он решил на оставшиеся деньги нанять штурмана, который поведет корабль к берегам Африки.

Когда «Амистад» снова приблизился к побережью Соединенных Штатов, Синкес выслал на берег своего ближайшего помощника, Катагума, которого считал наиболее сообразительным, и поручил ему нанять штурмана.

Однако Катагум, не знавший языка белых, не преуспел в своей миссии. Высадившись с товарищами на берег, он вызвал переполох в каком-то американском поселке, где при виде причудливо одетых негров жители стали спешно запирать двери на засовы и закрывать ставни. А

фермеры даже стреляли по возвращавшимся к своему кораблю невольникам.

Вторично высадившись на берег, Катагум встретил фермера, который прельстился золотыми монетами и попытался жестами объясниться с посланцами Синкеса. Он без колебаний согласился продать невольникам двух собак и, удивленный щедрой платой, отдал необычным покупателям в придачу еще и свое старое ружье. Следующая вылазка Катагума на берег, возможно, закончилась бы успехом, если бы не помешал случай. Близ устья небольшой речки Куллоден африканцы встретили двух американцев — опытных штурманов, которые отлично знали морской путь в Африку. Увидев сундук, полный золота, они вступили в переговоры с невольниками. Но тут вблизи от «Амистада» показалась канонерка «Вашингтон».

Оба корабля находились на широте Нью-Йорка, близ Лонг-Айленда. Капитан канонерки продолжительное время наблюдал за непонятными маневрами странного судна. Вначале он решил, что корабль по каким-то причинам покинут командой и просто дрейфует.

Но, когда канонерка приблизилась, он заметил на борту силуэты здоровенных африканцев, облаченных в разнообразную женскую одежду. Прочитав название таинственного судна «Амистад», капитан сразу понял, с кем имеет дело. С некоторых пор командование американским военно-морским флотом получало сообщения о появлении в различных пунктах Мексиканского залива и восточного побережья США корабля «Амистад», который два месяца назад вышел из порта в Гаване, направляясь в Гуанаху, но не дошел до места назначения. Сбежавший вахтенный матрос сообщил о бунте.

Капитан велел привести канонерку в боевую готовность и приказал спустить шлюпку, послав на мятежный корабль двадцать четыре вооруженных матроса. Когда помощник капитана канонерки «Вашингтон» поднялся в сопровождении вооруженных матросов на палубу «Амистада», от группы африканцев отделился седовласый белый человек и, обращаясь к нему, закричал, нервно жестикулируя:

«Помогите! Это взбунтовавшиеся невольники. — Даже в присутствии вооруженных матросов с лица его не сходил страх. — Они перебили всю нашу команду! Арестуйте их главаря!»

Он показал на рослого африканца, стоявшего на корме со скрещенными на груди руками, молчаливо следившего за этой сценой. От остальных соплеменников он отличался не только ростом и атлетическим телосложением, но прежде всего властным взором и поведением.

Когда несколько матросов приблизились к нему, он внезапно исчез в трюме и вскоре появился на носу корабля. Его талию охватывал толстый, широкий пояс. Как оказалось, предвидя подобную ситуацию, он заблаговременно зашил в свой пояс золотые монеты. Воспользовавшись возникшим замешательством, он прыгнул в море и поплыл в сторону побережья. Солдаты начали стрелять, но отличный пловец сумел уйти от пуль. Тогда в погоню кинулась канонерка, и беглеца вскоре поймали. Однако он успел распороть свой пояс и утопил золото в море, чтобы оно не попало в руки преследователей.

Опасаясь нового бунта, Синкеса отделили от остальных невольников и взяли под стражу на борту «Вашингтона». Судьба негров была незавидной. В соответствии с существовавшими в то время законами командир канонерки был вправе повесить всех пойманных на рее без суда. Но он не сделал этого, опасаясь общественного мнения, которое живо интересовалось громким делом корабля взбунтовавшихся невольников. Африканцев заключили в тюрьму в Нью-Лондоне.

Героическое поведение Синкеса снискало ему много друзей и уважение даже в стане врагов.

Однако несмотря на благосклонное отношение американского общества к делу Синкеса, органы правосудия Североамериканских Соединенных Штатов оказались не менее свирепыми, чем их коллеги из Южных Штатов. Синкес и три его ближайших сподвижника были приговорены к смертной казни за бунт и пиратство. Остальные негры получили разные сроки тюремного заключения, хотя многие даже не поняли: за что?

ТАНТИЯ ТОПИ — ЛИДЕР ВОССТАВШИХ СИПАЕВ

Я с радостью приму смерть ради миллионов, которых великая христианская республика лишила всех прав.

Джон Браун

Имя этого человека даже понаслышке неведомо большинству наших читателей. А между тем в Индии он является национальным героем.

Начинается эга история как цветистая восточная сказка. Сын обедневшего торговца зерном был в детстве усыновлен пешвой *26 Титул наместника города.* Баджи Рао и получил в его доме новое имя — Нана Сахиб. В доме приемного отца мальчик получил прекрасное образование и воспитание. Когда Нана подрос, отец часто рассказывал ему о великом прошлом Индии, об империи, созданной его предками, и иногда давал подержать усыпанный драгоценными каменьями меч, с которым его предки ходили в бой против полчищ афганцев. Юный Нана мечтал о подвигах и славе. В военных упражнениях Нана Сахиба принимал участие сын одного из верных пешве маратхов — Тантия Рамчандра Пандуранга. Юноша настолько ловко овладел оружием, что в награду за искусство фехтования ему вручили красивую шапку (топи). С тех пор этого юношу иначе и не звали, как Тантия Топи. Он стал верным спутником Нана Сахиба. Но в восточную сказку начинали вплетаться более прозаичные мотивы. Страну, в которой они жили, уже длительное время оккупировали войска из далекой северной страны Англии. И англичане обращаются с туземцами согласно своим законам с поправкой на то, что туземцы для них были людьми второго сорта. Исключение не делалось даже для туземных солдат (сипаев), с которыми английские офицеры обращались с подчеркнутой надменностью.

10 мая 1857 года солдаты-индийцы английского гарнизона города Мирута перебили своих офицеров и подняли знамя борьбы против ига Великобритании. Мятежные полки сипаев двинулись в древнюю столицу Индии Дели, где были встречены восторженными толпами горожан. Восставшие беспрепятственно вошли в город: солдаты делийского гарнизона присоединились к ним. Повстанцы, окружив дворец Бахадур-шаха, последнего падишаха некогда могущественной династии

Великих Моголов, провозгласили его императором Индии. Власть английской Ост-Индской компании в Индии была объявлена низверженной.

Начатое в Мируте восстание распространилось по всему Северному Индостану. В течение месяца все сипайские полки, расквартированные в долинах рек Джамны и Ганга, восстали. К ним примкнули крестьяне и городская беднота. Крестьяне, вооруженные мечами, самодельными пиками, старинными ружьями, луками, изгоняли и убивали английских сборщиков налогов, судей и полицейских чиновников, уничтожали налоговые списки, документы о недоимках, громили сельских ростовщиков и сжигали долговые расписки, отнимали свою землю у тех, кто захватил ее за долги. Восстание, подобно степному пожару, охватывало все новые и новые районы. За один месяц развалилась созданная столетним господством машина английской колониальной администрации, и фактически перестала существовать многочисленная Бенгальская армия сипаев, бывшая до тех пор важным орудием порабощения индийцев в руках английских колонизаторов.

Война за независимость в северной и центральной Индии продолжалась с 1857 по 1859 год. Не только по своему размаху, но и по силе народного патриотизма история Индии не знала такого движения. Более того, в мировой истории национально-освободительных войн и народных восстаний было мало таких, которые можно было бы сравнить с восстанием индийского народа по масштабам борьбы, ее длительности, по величине территории, находившейся в руках повстанцев Достаточно сказать, что в проходившей за несколько лет до него Крымской войне с Россией англичане использовали меньше войск и понесли меньшие потери, чем в подавлении освободительного движения 1857–1859 годов в Индии.

В ходе восстания объединились сипаи, крестьяне, ремесленники, торговцы, феодальные правители, лишенные завоевателями былой власти и привилегий. Но выступления феодалов были слабо связаны между собой. Эти разрозненные взрывы могли пробить лишь отдельные бреши, но не разрушить колониальную тюрьму. На борьбу за освобождение Индии от английского ига поднялись, главным образом, те феодалы, чьи эгоистические интересы были непосредственно ущемлены Ост-Индской компанией. Эта особенность восстания обусловила локальный характер антианглийских выступлений. Отсутствие единого центра борьбы привело к созданию отдельных, мало связанных между собой очагов войны, таких как Дели, Лакхнау, Канпур, Джханси и некоторых других. Вместо того чтобы решительно наступать на англичан, руководители восстания выбрали тактику обороны. Тем временем в Калькутту, Мадрас и Бомбей были стянуты английские войска.

Из Англии спешно отправили подкрепления.

Английские войска, двигаясь из Калькутты на запад, сжигали села и города, расстреливали и вешали индийцев. В июле они подошли к Канпуру. После тяжелого боя повстанцы были вынуждены оставить город на разграбление озверевшим английским солдатам. Часть сипаев под командой талантливого военачальника Тантия Топи двинулась к югу и укрепилась в городе Калпи. Оставалось два центра восстания: Дели и княжество Ауд. В начале июня англичане заняли высоты за стенами Дели и начали осаду города. Делийцы продолжали упорно следовать

оборонительной тактике и не пытались даже перерезать пути, по которым к англичанам шли подкрепления. Чем больше затягивалась оборона Дели, тем труднее становилось с продовольствием и боеприпасами. Среди феодалов, окружавших Бахадуршаха, оказались предатели, которые заранее сообщали английскому командованию о намеченных операциях 14 сентября англичане начали штурм Дели и после нескольких дней упорных уличных боев овладели городом Бахадур-шах сдался. Уцелевшие сипаи ушли на север. Тысячи делийцев были зверски убиты. Освободившуюся армию англичане перебросили против последнего оплота восставших — княжества Ауд.

Душой обороны Ауда стал чтимый народом непримиримый враг английских колонизаторов Ахмад Шах, или, иначе, Ахмадулла. Народ Ауда оказал героическое сопротивление английской армии. Однако, обладая огромным превосходством в оружии, англичане проложили себе путь к главному городу Ауда — Лакхнау. Разобщенность оказалась одной из основных причин поражения восстания. Мобилизовав силы метрополии и других колоний, снабдив армию современным для того времени оружием и поставив во главе карательных войск опытных командиров, колонизаторы в двухлетней упорной борьбе сломили ожесточенное сопротивление повстанцев и восстановили свое владычество в Индии.

Одним из важных центров освободительного движения был район Канпура, а вождем его стал один из наиболее ярких героев — Нана Сахиб. Фигура Нана Сахиба окружена ореолом романтизма и легендарности не только в самой Индии, но и в других странах. Он стоит в одном ряду с Лакшми Бай, Кунвар Сингхом и другими героями этой войны. Рядом с ним воевал и друг его детства Тантия Топи. Кровопролитные бои за Лакхнау кончились 19 марта 1858 года. Столица Ауда была взята, здесь повторилось то, что уже было в Канпуре, Дели и других городах. Солдаты и офицеры Британской империи вели себя как разнузданная банда грабителей и убийц. Они добивали пленных прикладами, бросали раненых сипаев в костры. Офицеры забавлялись, стреляя в упор из пистолетов в безоружных жителей. Военно-полевые суды не знали пощады. Колонизаторов доводила до бешенства гордость, с какой индийцы держались на суде, спокойствие, с каким они встречали смертныйприговор.

Последним центром сопротивления оставался город Гвалиур. После падения Гвалиура судьба восстания в Центральной Индии была решена. Однако партизанская борьба не прекращалась еще долго. Во главе тех, кто не хотел мириться с поражением и продолжал героическую, хотя и безнадежную, вооруженную борьбу, был Тантия Топи, получивший прозвище «маратхского тигра». Из безвестного офицера свиты Нана Сахиба в ходе борьбы против колонизаторов он стал самым популярным в народе вождем восставших и одним из наиболее талантливых военачальников. Гибкий ум, неистовая ненависть к поработителям Индии, находчивость, пренебрежение к опасности снискали ему славу.

К нему присоединилась рани (княгиня) княжества Джанси — Лэкшми Бай. В марте 1858 года англичане осадили Джанси. Бомбардировка города не прекращалась ни днем ни ночью. Но его защитники продолжали стойко и мужественно отстаивать свой город.

Сама Лакшми Бай, отважная молодая женщина, с детства научившаяся прекрасно владеть оружием, появлялась на крепостных стенах и своим присутствием и словами, обращенными к воинам, укрепляла их мужество. После восьми дней осады англичане ворвались в город.

Повстанцы дрались героически. Их прикалывали штыками, расстреливали в упор, но, смертельно раненные, они все еще пытались поразить врага. Англичане проникли во дворец Лакшми Бай, но не нашли в нем рани. Еще накануне ночью к стене крепости подвели коня и Лакшми Бай с сыном на руках спустилась по веревке, вскочила на коня, и с небольшим отрядом помчалась в Калпи к Тантия Топи. Лакшми Бай стала командиром кавалерийского отряда в войсках Тантия Топи. Она проявила незаурядные военные способности и храбрость. В июне 1858 года она погибла в неравном бою.

Тантия Топи и после гибели Лакшми Бай продолжал бороться с англичанами. В апреле 1859 года он был предан одним из раджей, желавших этим купить себе помилование у колонизаторов. Английский суд приговорил Тантия Топи к повешению. С гордо поднятой головой герой народного восстания взошел на эшафот. Лишь после двух лет тяжелой войны колонизаторам удалось одержать победу над восставшим народом Индии.

В кровопролитной войне за независимость родины погибли многие тысячи лучших сынов Индии. Но их героическая борьба вдохновляла новых борцов за независимость. Спустя почти сто лет индийский народ добился освобождения от колониального господства Англии.

ДЖОН БРАУН

Помни о пребывающих в цепях, как если бы ты сам был прикован вместе с ними.

Джон Браун

Тело Джона Брауна лежит в земле сырой,
Но дух его ведет нас в бой

Из гимна солдат-северян

Этим человеком нельзя не восхищаться, даже несмотря на то, что его действия порой смахивали на терроризм.

Джон Браун родился в 1800 году. Из-за болезни мышц он не смог продолжать образование и с 15 лет работал в дубильной и кожевенных мастерских своего отца в Гудзоне. В 12 лет ему довелось побывать на Юге, он остановился в доме плантатора и подружился со своим ровесником — негритенком. На его глазах друга за какую-то мелкую провинность наказали железным прутом. Этих впечатлений юности хватило Брауну для того, чтобы стать убежденным противником рабства. Не попав в колледж, он начал заниматься самостоятельно, постепенно освоил арифметику и стал опытным землемером.

Браун часто переезжал с места на место — работал то землемером, то кожевником, то торговцем лесом, то почтмейстером, то овцеводом, то пастухом, то фермером. Он жил в Гудзоне, Франклине, Ричаршиде, Огайо, Пенсильвании, Нью-Йорке, Массачусетсе. За одиннадцать лет с 1821 по 1832 год у него родилось 7 детей. В 1855 году он поселился в Канзасе и занялся фермерством, но нападения миссурийских банд, во время которых был убит его сын и опустошена ферма, заставили его взяться за оружие.

Своими постоянными набегами на Миссури Браун навел такой ужас, что южане (а это был именно южный штат) объявили награду за его голову.

Убежденный противник рабства, в разгар спора о законе о беглых рабах он организовал «Лигу галаадитов» и таким образом сделал первый шаг на пути создания вооруженной негритянской организации. По его предложению 44 негра подписались под следующим документом: «Мы, граждане США, уповая на справедливого и милосердного Бога, позаботимся об обеспечении себя необходимым военным снаряжением».

Браун неоднократно освобождал и отводил в Канаду толпы негров с миссурийских плантаций, укрывал беглых рабов и снабжал их оружием. Чтобы нанести решительный удар рабству, Браун задумал вооружить и поднять негров. Восстание Джона Брауна не было массовым народным выступлением против рабства. Более того, несмотря на личное мужество Брауна, оно было и скверно подготовлено. Первым делом он решил захватить городок Гарперс-Ферри неподалеку от Вашингтона. Там находился арсенал, где хранилось более 100 тысяч ружей. Этим можно было вооружить целую армию.

16 октября 1859 года отряд Брауна насчитывал всего 22 человека, среди которых 5 были неграми, захватил правительственный арсенал в Харпес-Ферри и железнодорожный мост через реку Потомак.

Говорят, что вначале выступление было намечено на 24 октября, но начать его пришлось раньше, поскольку на Брауна донесли. Со своей стороны отметим, что, может, это и к лучшему, что донесли, — меньше жертв было. Хотя потасовка и так вышла достаточно кровавой.

Выступление Брауна не получило поддержки со стороны негров-рабов, потому что Харпес-Ферри, где действовал отряд Брауна, не был районом плантаций и негритянское население здесь было немногочисленно. Кроме того, негры-рабы не были посвящены в планы Джона Брауна, и выступление его было для них полной неожиданностью. Прежде чем они успели разобраться в происходящих событиях, отряд Брауна был окружен и уничтожен совместными усилиями рабовладельческой милиции и правительственных войск.

Оставшись без поддержки, отряд Брауна забаррикадировался в пожарном сарае при арсенале. Он был окружен и атакован отрядами рабовладельцев численностью более тысячи человек и регулярными войсками. В течение суток отряд отбивал атаки регулярных войск.

Плантатор, взятый Брауном в заложники и находившийся в том же сарае, рассказывал: «Браун стоял рядом с телом убитого сына и рукой прощупывал пульс умирающего от ран второго сына. С ружьем в руке он хладнокровно отдавал приказания, ободрял своих людей». Когда из отряда было убито девять человек, Браун распорядился сложить оружие.

Через 2 дня после захвата — 18 октября — арсенал был отбит обратно, а тяжело раненный Браун — взят в плен. К истекавшему кровью Джону Брауну подошел губернатор Виргинии и, наклонившись над ним, спросил: «Кто вы?» «Мое имя Браун, меня хорошо знают как Джона Брауна из Канзаса. Сегодня погибли два моих сына, и я тоже умираю. Я пришел сюда, чтобы освободить рабов». Сообщение о том, что мужественному борцу за права негров-рабов грозит смертная казнь, вызвало бурю возмущения во всем мире. Свой голос в защиту Джона Брауна подняли

ученые, писатели, общественные деятели. Французский писатель Виктор Гюго опубликовал страстную речь в защиту патриота.

«В Южных штатах существует рабство: эта чудовищная нелепость приводит в негодование ум и чистую совесть жителей Северных штатов. Один свободный гражданин белой расы, Джон Браун, возымел намерение освободить этих рабов, этих негров. Великое дело освобождения Джон Браун хотел начать с рабов Виргинии. Пуританин, человек строгой жизни, набожный, проникнутый духом Евангелия, он бросил этим людям, этим братьям клич свободы. Отупевшие от рабства негры не отозвались на его призыв. Рабство делает душу глухой. Покинутый всеми, Джон Браун все же начал борьбу: с небольшою горстью героев он вступил в бой; его изрешетили пулями; двое молодых сыновей, светлых мучеников, пали возле него; его самого схватили. Вот что называется действовать при Харпес-Ферри». Джон Браун предстал перед судом с четырьмя своими товарищами: Стефенсоном, Коппом, Грином и Копландсом.

Джон Браун лежал на складной кровати, на матраце, пропитанном кровью, сочившейся из его еще почти открытых ран; их было шесть: одна в плечо, одна в поясницу, две в грудь, две в голову. Он почти ничего не слышал. Его четверо раненых товарищей (у Стефенсона было четыре сабельные раны) еле держались на ногах. А во дворе здания, где заседал суд, были поставлены две пушки, заряженные картечью, и тюремщикам было приказано расстрелять обвиняемых, если будет сделана попытка отбить их. После сорокаминутного совещания были объявлены три смертных приговора.

Суд над Джоном Брауном оказался тяжелым испытанием для южан. Виргинцы пытались создать видимость беспристрастного правосудия, балансируя между яростью толпы и сочувствием к Брауну всех честных людей мира. Для того, чтобы защитить свой образ жизни, они должны были судить, как убийцу, человека, который от имени всего человечества сам превратился в их судью. Им приходилось также ради сохранения своего доброго имени сдерживать ярость тех, кто поклялся отомстить за своих близких, погибших в дни восстания, поднятого Джоном Брауном, тех, кто требовал самого беспощадного наказания для всех «преступников». Суд над Джоном Брауном проходил с соблюдением всех требуемых законом формальностей, но с ненужной поспешностью, вызванной страхом как перед толпой, так и перед неясной, но страшной угрозой, нависшей над всей системой рабовладения. Только против этой неоправданной поспешности и возражал Джон Браун, потому что он хотел, чтобы мир понял истинные мотивы его поступков. Но прокурор Гентер боялся не только ярости толпы, он боялся всеобщего, все возрастающего сочувствия к Брауну. Оставаясь в рамках закона, он с почти грубой настойчивостью торопил ведение судебного процесса. Джон Браун подвергался допросам, когда он с еще не зажившими ранами лежал на больничной койке. Его поспешно назначенным адвокатам было дано крайне мало времени для сбора материалов и подготовки к защите. Формально Джон Браун был заключен в тюрьму на основании постановления сессии суда, состоявшейся в Чарлстоне 20 октября. 25 октября он подвергся предварительному допросу и уже 26 октября был в соответствии с решением большого жюри предан суду за «тайный заговор с рабами с целью восстания, за измену

Виргинии и за совершение убийства без смягчающих обстоятельств».

В четверг, 27 октября, начался суд. Список присяжных был утвержден без единого отвода. Затем защитники Брауна, вопреки его воле, попробовали прибегнуть к ссылке на его невменяемость. Тогда Джон Браун, приподнявшись с носилок, сказал:

«Я с презрением отвергаю эту жалкую попытку представить мои действия в неверном свете, тем более, что она была сделана теми, кто должен был бы придерживаться совсем иной линии поведения в отношении меня, если у них вообще есть линия поведения… Я ни в коей степени не считаю себя безумным и отвергаю, поскольку это в моих силах, все попытки оправдать мои действия подобными заявлениями». В пятницу к Джону Брауну прибыл адвокат из Массачусетса, который помимо своей помощи в его защите предложил ему также помощь в организации побега. Джон Браун категорически отказался от побега, но с радостью согласился принять любую другую помощь как от этого адвоката, так и от двух других адвокатов, посланных Джоном Э. Эндрью и его друзьями. Судья грубо отказал адвокатам Джона Брауна, когда они просили дать им время на подготовку к защите, но, несмотря на это, суд затянулся до понедельника. Когда вечером этого дня присяжные наконец вышли из комнаты совещаний, обширное помещение суда, говоря словами Редпата, было заполнено людьми на всем пространстве от перил, отгораживавших скамью подсудимых, и до входных дверей и даже за ними. В наступившей напряженной тишине зрители, вытянув шеи, следили, как развертывался последний акт суда над старым Брауном.

Секретарь суда зачитал обвинительный акт и спросил: «Господа присяжные заседатели, к какому решению вы пришли? Виновен или не виновен подсудимый Джон Браун?»

«Виновен», — последовал на это ответ старшины присяжных. «Виновен ли он в измене, заговоре, подстрекательстве рабов и свободных людей к восстанию и в совершении убийства?» «Да».

«Во время опроса присяжных, — продолжал Редпат, — вся огромная толпа хранила молчание. Не было слышно ни восклицаний радости, ни выражения чувства удовлетворенной мести, хотя всего за минуту перед этим люди выкрикивали угрозы и призывали проклятья на голову Джона Брауна. Это странное оцепенение продолжало владеть толпой и в течение всего времени, которое потребовалось для выполнения различных юридических формальностей. Сам Джон Браун также не произнес ни слова; он спокойно поправил свой тюфяк и затем снова лег на него». В следующую среду суд собрался для вынесения приговора Джону Брауну. С трудом держась на ногах, Браун подошел к своему месту и стоял неподвижно в течение всего времени, которое потребовалось для зачтения приговора. Призрачный свет газовых рожков освещал огромный зал суда и бледное лицо Брауна. «Можете ли вы, — спросил его секретарь суда, — указать на какие-либо обстоятельства, которые давали бы вам право требовать для вас отмены смертного приговора?»

Тогда, подавшись вперед, Джон Браун тихо и в то же время твердо ответил: «С разрешения суда, я хотел бы сказать несколько слов. Во-первых, я отрицаю предъявленные мне обвинения, за исключением того, что я действительно намеревался освободить рабов. Я думал, конечно, что

моя новая операция удастся мне так же хорошо, как и прошлой зимой в Миссури, где я освободил рабов, провел их через всю страну и доставил затем в Канаду. Это все, что я собирался сделать, только в больших размерах. Я никогда не замышлял убийства или измены, я не собирался уничтожать чужую собственность, подстрекать рабов к бунту или организовывать восстание».

День 2 декабря, день, в который суждено было умереть Джону Брауну, выдался ясным. За сутки до этого ему было разрешено проститься со своей женой, а сейчас он должен был в последний раз навестить своих товарищей: сначала Шилдса Грина и Копландса, затем потерявших спокойствие духа Кука и Коппа и, наконец, непреклонного Стефенсона. Потом его повезли к месту казни, куда с раннего утра были согнаны три тысячи солдат, окруживших сплошным кольцом как саму виселицу, так и пространство вокруг нее на расстоянии пятнадцати миль в окружности. Старик без чьей-либо помощи спустился на землю. Не дожидаясь приказа, он направился к виселице; медленно поднялся по десяти ступеням на площадку. Здесь он остановился, чуть согбенный, с белой бородой, развеваемой ветром, глядя на низкие округлые горы, где народ собрался, чтобы смотреть. Эвис и шериф поднялись на площадку.

Старик пожал руку тюремщику.

«У меня нет слов, чтобы поблагодарить вас за вашу доброту, — сказал он. — Прощайте».

Он пожал руку шерифу.

«Прощайте», — сказал он.

Шериф закрыл голову Джона Брауна белым колпаком и накинул ему на шею тонкую смоляную веревку.

«Я не вижу, джентльмены. Вам придется вести меня».

Они поставили Джона Брауна на люк.

«Хотите ли вы, чтобы я вам подал сигнал, прежде чем отпущу люк?» — шепнул шериф.

«Все равно. Только не заставляйте меня ждать слишком долго».

Люди притихли.

Полковник Престон, виргинец, поднял руку, люк провалился, веревка развернулась, веревка дернулась и натянулась…

Когда тело Джона Брауна повисло на веревке, все стоявшие вокруг преклонили колена, отдавая последнюю дань уважения тому, кто, прощаясь с ними, сказал:

«Передайте мою любовь всем, кто любит своих ближних. Я просил, чтобы, когда настанет час публичной расправы надо мной, меня избавили бы от жалких и лицемерных молитв. И пусть о моей душе помолятся только грязные, оборванные и босые дети рабов, следуя примеру своей седой матери-рабыни. Прощайте! Прощайте!»

А теперь несколько слов об уроках этой казни. Процесс Джона Брауна не просто привлек к себе внимание всего мира. Мир не просто ужаснулся тому, что рядом с ними живет и процветает страна работорговцев. Благодаря Брауну аболиционизм — движение за освобождение рабов — из камерных приняло вооруженные формы. Под лозунгом освобождения рабов началась война Севера и Юга, произошло объединение северных и южных штатов в единую державу… Джон Браун

погиб недаром, недаром пожертвовал своими сыновьями, и если бы мы составляли нашу книгу по принципу: «чья казнь более всего повлияла на судьбы человеческой цивилизации?» — то казни этого несгибаемого старика было бы место в первой десятке.

КАРАКОЗОВ И КРУЖОК ИШУТИНЦЕВ

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первым восстает
На утеснителей народа, -
Судьба меня же обрекла,
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
К. Рылеев

4 апреля 1866 года, в четвертом часу дня, император Александр II после обычной прогулки в Летнем саду в сопровождении племянника, герцога Николая Лейхтенбергского, и племянницы, принцессы Марии Баденской, садился в коляску, когда неизвестный человек выстрелил в него из пистолета. В эту минуту стоявший в толпе крестьянин Осип Комиссаров ударил убийцу по руке, и пуля пролетела мимо.

Преступник был задержан на месте и по приказанию императора отведен в III отделение. Государь сам из Летнего сада отправился прямо в Казанской собор — принести благодарение Богу за избавление от угрожавшей ему опасности, а герцог Николай и принцесса Мария — поспешили в заседание Государственного Совета, чтобы предупредить о случившемся председательствовавшего в Совете великого князя Константина Николаевича. Когда император возвратился в Зимний дворец, то там уже ожидали его все члены Государственного Совета для принесения поздравления. Обняв императрицу и августейших детей, император со своей семьей вторично поехал в Казанский собор, где перед чудотворной иконой Богоматери отслужен был благодарственный молебен. На другой день, в 10 часов утра, император принял поздравления Сената, явившегося в Зимний дворец в полном составе, с министром юстиции во главе. «Благодарю вас, господа, — сказал он сенаторам, — благодарю за верноподданнические чувства. Они радуют меня. Я всегда был в них уверен. Жалею только, что нам довелось выражать их по такому грустному событию. Личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что он тот, за кого себя выдает. Всего прискорбнее, что он русский». На выраженную одним из сенаторов надежду, что дальнейшее следствие разъяснит личность преступника и что имя русского останется незапятнанным, государь отвечал: «Дай Бог!» Затем он сообщил сенаторам то, что открыло первоначальное следствие.

Стрелявший в государя оказался исключенным за участие в беспорядках из числа студентов сперва Казанского, а потом и Московского университетов, дворянином Саратовской губернии Дмитрием Каракозовым. Обнаружение причин, вызвавших преступление, и выявление его соучастников было возложено на особую следственную комиссию, председателем которой назначили графа М. Н. Муравьева. Каракозов вначале скрывал свою фамилию и назвался крестьянином Петровым. 5 апреля шеф жандармов князь Долгоруков в докладе царю писал: «Все средства будут употреблены, дабы раскрыть истину». Это звучало зловеще.

На следующий день Долгоруков сообщил царю, что арестованного «допрашивали целый день, не давая ему отдыха, — священник увешивал его несколько часов». Еще через день тот же Долгоруков докладывал: «Из прилагаемой записки Ваше величество изволит усмотреть то, что сделано главной следственной комиссией в течение второй половины дня. Несмотря на это, преступник до сих пор не объявляет своего настоящего имени и просит меня убедительно дать ему отдых, чтобы завтра написать свои объяснения. Хотя он действительно изможден, но надобно еще его истомить, дабы посмотреть, не решится ли он еще сегодня на откровенность». 8 апреля председатель следственной комиссии граф Муравьев писал царю: «Запирательство преступника вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания». Граф Муравьев стяжал себе «славу» жестокого усмирителя польского восстания, и поэтому его слова об «энергичных мерах» говорят сами за себя.

Кропоткин в «Записках революционера» передал слышанный им в крепости рассказ жандарма, сторожившего Каракозова в камере: при заключенном неотлучно находилось по два стражника, менявшиеся через каждые два часа. По приказанию начальства они не позволяли Каракозову заснуть. Как только он, сидя на табуретке, начинал дремать, жандармы встряхивали его за плечи.

Кроме мучения бессонницей, к Каракозову были применены тяжелые для него особые «психологические приемы». Ему передавались от любимого им и также арестованного его двоюродного брата Ишутина письма, написанные, очевидно, под диктовку жандармов или по их принуждению. В письмах Ишутин умолял Каракозова сказать всю правду, назвать соучастников и тем самым дать свободу ему, Ишутину. В роли мучителя и агента III отделения выступил и священник Палисадов. Ему было предписано посещать Каракозова и выведывать у него сведения. Палисадов действовал по особому выработанному им плану, донимая Каракозова в его камере церковными службами, проповедями и хитрыми беседами частного характера. Обо всем услышанном от узника Палисадов сообщал начальству. Протоиерей Палисадов посещал Каракозова в камере 21, 22, 24, 27, 29 апреля и 1 мая, а кроме того, еще 5, 6 и 12 апреля терзал заключенного в III отделении. Визиты Палисадова продолжались от полутора до двух часов, причем во время богослужений измученный бессонницей и допросами Каракозов должен был оставаться на ногах. 22 апреля в камере Каракозова состоялся молебен с водосвятием. Впоследствии Палисадов совершал аналогичные богослужения уже не в камере, а в домовой церкви коменданта, в присутствии последнего, а также Каракозова и двух других заключенных, арестованных по тому же делу (Ишутина и Худякова). И здесь продолжались проповеди и увещевания.

Есть основания предполагать, что к Каракозову была применена и пытка голодом. Таких оснований два. Во-первых, в напечатанной проповеди одного священника, видевшего Каракозова в первые дни его содержания в III отделении, имеется указание, что Каракозов будто бы сам отказывался от пищи и питья в продолжение первых пяти суток его заключения. Объяснение этому проповедник видел, между прочим, в

желании Каракозова унести с собой в гроб свою тайну. Таким образом, мы имеем указания на голодание Каракозова. Не было ли оно таким же «добровольным», как и его бессонница?

Во-вторых, в архивном деле содержится прямое указание на ограничение пищи нескольким каракозовцам. Прежде чем привести соответствующую выписку из архивного дела, отметим, что она полностью соответствует рассказу, слышанному автором настоящей книги от отца, который по делу Каракозова также был заключен в Петропавловской крепости (в Невской куртине, а потом сослан в Вологодскую губернию). Отец рассказывал, что председатель комиссии по расследованию дела Каракозова, усмиритель польского восстания Муравьев-вешатель, оставшись недоволен ответами отца на допросах, приказал ограничить его питание в крепости. В архивном деле имеется распоряжение Муравьева коменданту крепости «изменить продовольствие» Гернету, Никольскому, Орлову, Николаеву и еще пятерым каракозовцам, давая им обед из двух блюд лишь через день. *27 ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта Петербургской крепости, 1866, □ 296. О заключении в крепость лиц по распоряжению высочайше утвержденной следственной комиссии. В этом же деле дана ведомость о заполнении крепости арестованными по делу Каракозова, а именно: в Екатерининской куртине были заняты все 19 секретных камер, в Никольской из 12 камер — 10, в Трубецком бастионе были заняты все 9 камер, а в Невской куртине — 15 камер были временно заняты военно-подсудимыми из нижних чинов.* При этом было определенно указано, что обед должен состоять из щей или супа и какого-нибудь кушанья на второе блюдо, подававшегося также и на ужин. Для того, чтобы учесть реальное значение такого «изменения пищи», припомнил слова каракозовца Худякова, который говорил: «В крепости кормили такой пищей, которой не позавидовали бы многие собаки».

При таком отвратительном питании очень знаменательным является найденное нами в архиве обращение коменданта Петропавловской крепости в III отделение с просьбой не принимать, по возможности, от родных арестованных белья и продуктов для передачи в крепость, мотивируя это достаточным количеством белья в крепости и отсутствием помещения для хранения продуктов. *28 ЦГИА в Москве. Фонд III отделения. 1 эксп., 1866, □ 100, ч. 3 «О покушении на жизнь государя императора. Общие распоряжения об арестовании лиц, прикосновенных к сему делу».*

Несомненно, что за этим распоряжением коменданта крепости скрывалось желание создать для заключенных по делу Каракозова более тяжелый режим: для хранения продуктов не требовалось особого помещения, так как принесенные предметы питания передавались в камеру заключенных.

III отделение не останавливалось перед угрозой и настоящей пыткой узников. Об этом рассказал в своих воспоминаниях Худяков.

Следователи передавали Худякову повеление Александра II применить к нему пытки, а если он немедленно не сознается, то объявить его вне закона и расстрелять. Следствие установило, что Каракозов принадлежал к руководимому его двоюродным братом Ишутиным московскому тайному кружку, состоявшему преимущественно из учащейся молодежи, вольнослушателей университета, студентов Петровской земледельческой академии и воспитанников других учебных заведений; что кружок этот имел конечной целью совершение насильственным путем государственного переворота; что средством к тому должно было служить

ему сближение с народом, обучение его грамоте, учреждение мастерских, артелей и других подобных ассоциаций для распространения среди простолюдинов социалистических учений. Установили также, что члены московского кружка имели связи с петербургскими единомышленниками, со ссыльными поляками и с русскими выходцами за границей. Следствие обнаружило, сверх того, неудовлетворительное состояние большей части учебных заведений, высших и средних, неблагонадежность преподавателей, дух непокорства и своеволия студентов и даже гимназистов, увлекавшихся учением безверия и материализма, с одной стороны, и самого крайнего социализма — с другой, открыто проповедуемых в журналах так называемого передового направления. Заседания верховного суда, которому был предан Каракозов, происходили все в той же Петропавловской крепости, где судили декабристов и петрашевцев. Стены крепости были надежнее других стен. Хотя процесс Каракозова велся уже по новым судебным уставам, но он проходил «по-старому» во многих отношениях. Остались прежними не только место суда в пределах крепости, но и те влияния, без которых, конечно, не мог обойтись разбор этого дела. Так, Александр II пожелал, чтобы процесс был закончен как можно скорее. Поэтому пошла такая судебная гонка, которая отнюдь не благоприятствовала правильному и всестороннему рассмотрению дела. Неизбежны были и всякие влияния со стороны высокопоставленных лиц. Обер-секретарь верховного суда Есипович в своих записках об этом суде отмечал влияние таких вельмож, которые «всякое отступление или уклонение от своего безапелляционного приговора считали чуть не изменой государю и государству».

Воспоминания Есиповича, который сам стоял на верхних ступеньках служебной лестницы, в чине штатского генерала, а впоследствии и сенатора, приобретают для нас особый интерес. Ему было прекрасно известно все, что творилось и говорилось за кулисами суда. Он знал и ту борьбу, которую вели за пределами суда разные лица, в том числе Муравьев-вешатель. Сторонники поголовной казни всех привлеченных к суду находили, что дело Верховного уголовного суда — в опасных руках, что председатель его попал под влияние революционной партии в лице секретаря суда (то есть Есиповича). Вся же «революционность» этого секретаря сводилась только к попыткам провести заседание суда по этому первому процессу, разбиравшемуся на основе судебных уставов 1864 года, с соблюдением закона. В состав суда были введены лица, беспощадная жестокость которых была известна заранее. Таковы были Панин и Корниолин-Пинский, полуживой 90-летний старик, которого вносили в зал суда на носилках. Есипович вспоминал, как члены суда задолго до приговора разыскивали статьи закона с наиболее суровыми карами. Обвинителем в процессе был министр юстиции Замятин, который, по словам Есиповича, никогда не отстаивал своих личных твердых убеждений по той, может быть, простой причине, что он их не имел. Председателем суда был князь Гагарин. Совсем не бесстрастное судейское настроение его вылилось наружу в самом начале процесса, когда он заявил секретарю суда, что будет обращаться к Каракозову на «ты», так как «такому злодею нет возможности говорить „вы“. Впрочем, секретарю удалось убедить его обращаться к подсудимому на „вы“.

Во время самого суда до сведения председателя было доведено желание царя ускорить окончание процесса. „Если казнь Каракозова не будет совершена до 26 авг., то государю императору неугодно, чтобы она произошла между 26 (днем коронации) и 30 авг. (днем его тезоименитства)“. Так подсказывался приговор. Он и был вынесен. Его вынесению предшествовало частное совещание членов суда на квартире председателя, где было решено казнить одного Каракозова. Член суда Панин согласился с этим очень неохотно, сказав, что, „конечно, двух казнить лучше, чем одного, а трех лучше, нежели двух“.

Каракозов, совсем надломленный следствием и судом, дал показания и подал просьбу о помиловании. Министр юстиции, он же обвинитель по процессу, доложил ее царю, о чем впоследствии рассказывал: „Какое ангельское выражение было на лице государя, когда он сказал, что он давно простил его, как христианин, но, как государь, простить не считает себя вправе“. Так, лицемерно, пышной фразой царь, неограниченный монарх, ограничивал себя в праве избавления от виселицы осужденного!..

2 сентября председатель суда вызвал Каракозова из равелина в здание, где происходил суд. Каракозов вошед с таким светлым лицом, что, по-видимому, ждал помилования, но услышал об утверждении приговора, и весь свет исчез с его лица, оно потемнело и приняло суровое и мрачное выражение. Осужденному пришлось ждать казни целые сутки.

Кроме Каракозова Верховный уголовный суд судил по его же делу еще 35 других обвиняемых, разделенных на две группы. В первую группу были отнесены вместе с Каракозовым 11 человек, а во вторую — 25. Кроме того, с частью арестованных по тому же делу правительство расправилось без суда, в административном порядке. Значительная часть арестованных была заключена в куртины и бастионы Петропавловской крепости, и трое (Каракозов, Ишутин и Худяков), как сказано выше, содержались в Алексеевском равелине. Впрочем, Худяков был заключен в равелин не сразу, а переведен сюда из Никольской куртины. В вину обвиняемым ставилась та или иная форма принадлежности к покушению на Александра II и участие в организации, ставившей своей целью государственный переворот и водворение новых социальных начал. Большинство членов кружка не шло далее попыток организации артелей и производственных товариществ, дальше намерений вести пропаганду при помощи библиотек и школ. Обвинительные акты в первую очередь выдвигали обвинение против участников общества под названием „Ад“, в котором убийство царя как средство переворота было предметом обсуждения. Большинство обвиняемых на следствии и в суде после осуждения их на каторгу и поселение подавали просьбы о помиловании. Подавал просьбу о помиловании уже после казни Каракозова и Ишутин, приговоренный к повешению. Он был помилован по совершении над ним всей церемонии публичной казни вплоть до одевания в саван и надевания петли на шею. Это стоило ему потери душевного здоровья. Возраст осужденных был в пределах 19–26 лет. Приговор к суровым наказаниям не мог остановить роста революционного движения в стране.

1 сентября у Летнего сада состоялась церемония закладки часовни в память „чудесного избавления“ царя от выстрела Каракозова. Красноречивую запись в своем дневнике сделал в тот день П. А. Валуев: „Довольно много народа. В числе лиц, участвовавших в церемонии, был Комиссаров. Он стоял подле своего изобретателя генерала Тотлебена. Он украшен разными иностранными орденами, что дает ему вид чиновника, совершившего заграничные поездки в свите высоких особ. Стечение обстоятельств. Сегодня закладка часовни, завтра похороны Муравьева, послезавтра казнь Каракозова. Смотрел на толпу или толпы присутствовавших. Видел лица царедворчески и нецаредворчески умиленные, видел лица задумчивые и множество лиц с выражением глазеющего тупоумия. Есть что-то как бы надломанное в нынешнем строе России и во всем, что ежедневно у меня под глазами“. 3 сентября 1866 года в 7 часов утра Дмитрий Каракозов был доставлен из Петропавловской крепости на Смоленское поле. Тысячи людей, несмотря на ранний час, собрались здесь. Все ждали казни…

Секретарь суда Я. Г. Есипович, присутствовавший при исполнении приговора, писал в своих воспоминаниях:

„Между необозримыми массами народа была оставлена широкая дорога, по которой мы и доехали до самого каре, образованного из войск. Здесь мы вышли из экипажа и вошли в каре. В центре каре был воздвигнут эшафот, в стороне от него поставлена виселица, против виселицы устроена низкая деревянная площадка для министра юстиции со свитой. Все было выкрашено черною краскою. На этой площадке мы стали. Скоро к эшафоту подъехала позорная колесница, на которой спиною к лошадям, прикованный к высокому сидению, сидел Каракозов. Лицо его было синее и мертвенное. Исполненный ужаса и немого отчаяния, он взглянул на эшафот, потом начал искать глазами еще чего-то, взор его на мгновение остановился на виселице, и вдруг голова его конвульсивно и как бы непроизвольно отвернулась от этого страшного предмета.

А утро начиналось такое ясное, светлое, солнечное!“.

И вот палачи спокойно, не торопясь, отковали Каракозова. Потом, взяв его под руки, подняли на высокий эшафот, к позорному столбу. Многотысячная толпа затихла и, устремив свои взоры к эшафоту, ждала, что будет дальше. Министр юстиции Д. Н. Замятин повернулся к Есиповичу и громко сказал:

„Господин секретарь Верховного Уголовного суда, объявите приговор суда во всеуслышание!“

Есипович, с трудом преодолевая волнение, поднялся по ступенькам эшафота, оперся о перила и начал читать:

„По указу его императорского величества…“

После этих слов забили барабаны, войско сделало „на караул“, все сняли шляпы. Когда барабаны затихли, — продолжал Есипович, — я прочел приговор от слова до слова и затем опять возвратился на ту площадку, где стоял министр юстиции со свитою.

Когда я сошел с эшафота, на него взошел протоиерей Палисадов, духовник Каракозова. В облачении и с крестом в руках он подошел к осужденному, сказал ему последнее напутственное слово, дал поцеловать крест и удалился. Палачи стали надевать на него саван, который совсем

закрывал ему голову, но они не сумели этого сделать как следует, ибо не вложили рук его в рукава. Полицмейстер, сидевший верхом на лошади возле эшафота, сказал об этом. Они опять сняли саван и опять надели так, чтобы руки можно было связать длинными рукавами назад. Это тоже, конечно, прибавило одну лишнюю горькую минуту осужденному, ибо когда снимали с него саван, не должна ли была мелькнуть в нем мысль о помиловании? И опять надевают снова саван, теперь в последний раз». Тяжелое впечатление произвела казнь Каракозова на молодого И. Е. Репина. Он видел, как равно утром приговоренного к смерти «преступника» везли через весь город на виселицу. А потом, вместе со своим товарищем художником Н. И. Мурашко, Репин пришел на Смоленское поле…

В своих воспоминаниях И. Е. Репин подробно описал казнь Каракозова. «Казалось, он не умел ходить или был в столбняке; должно быть, у него были связаны руки. Но вот он, освобожденный, истово, по-русски, не торопясь, поклонился на все четыре стороны всему народу. Этот поклон сразу перевернул все это многоголовое поле, оно стало родным и близким этому чуждому, странному существу, на которого сбежалась смотреть толпа, как на чудо. Может быть, только в эту минуту и сам „преступник“ живо почувствовал значение момента — прощение навсегда с миром и вселенскую связь с ним.

— И нас прости, Христа ради, — прохлюпал кто-то глухо, почти просебя.

— Матушка, царица небесная, — протянула нараспев баба.

— Конечно, Бог будет судить, — сказал мой сосед, торговец по обличью, с дрожью слез в голосе.

— О-о-х! Батюшки!.. — провыла баба.

Толпа стала глухо гудеть, и послышались даже какие-то выкрики кликуш… Палачи подвели Каракозова под виселицу, поставили на скамейку и надели веревку… Затем палач ловким движением выбил подставку из-под ног.

Каракозов плавно уже подымался, качаясь на веревке, голова его, перетянутая у шеи, казалась не то кукольной фигуркой, не то черкесом в башлыке. Скоро он начал конвульсивно сгибать ноги — они были в серых брюках. Я отвернулся на толпу и очень был удивлен, что все люди были в зеленом тумане… У меня закружилась голова, я схватился за Мурашко и чуть не отскочил от его лица — оно было поразительно страшно своим выражением страдания; вдруг он мне показался вторым Каракозовым. Боже! Его глаза, только нос был короче»…

Сразу же после казни Репин сделал карандашный набросок Каракозова, изображавший, по выражению К. Чуковского, смертельно изможденное, замученное, омертвелое лицо человека, бывшего уже по ту сторону жизни, недоступного ни надежде, ни горю. Двадцать минут висел Дмитрий Каракозов. Потом палачи спокойно, хладнокровно положили его в гроб, стоявший у подножья виселицы. Гроб обвязали веревкой и поставили на телегу.

В пустынном и угрюмом месте — на острове Голодае — тайно похоронили труп. Здесь же за сорок лет до того были преданы земле тела пяти декабристов. И после казни Каракозова полиция еще надеялась напасть на новый след его соучастников. Дни и ночи охранялась могила его, а тех, кто случайно оказывался вблизи, немедленно арестовывали…

Как-то раз были задержаны около могилы Каракозова и художники Репин и Мурашко. Лишь после тщательного выяснения их личностей они были отпущены.

ДЕЛО 1 МАРТА 1881 ГОДА

История движется ужасно тихо, надо ее подталкивать.
А. И. Желябов

Я не совсем бессилен умереть,
И грозное оружье
Я на врагов скую из этой смерти…
Я кафедру создам из эшафота
И проповедь могучую безмолвно
В последний раз скажу перед толпой!
Минский. «Последняя исповедь»

Цареубийц наказывали с примерной жестокостью. Всегда. Этот процесс исключением не стал. Он поражает другим — удивительной стойкостью почти всех осужденных и их страстной верой в собственную правоту. То, чего они не смогли добиться террором, они добились собственной смертью — казнь народовольцев привлекла сочувствие народа, и Александр III, сам того не ведая, своей непримиримостью подтолкнул маховики истории.

Александру II не повезло. На него покушались четыре раза, три покушения окончились неудачей. Наученное горьким опытом охранное отделение делало все возможное… По иронии судьбы, члены организации Народная Воля покарали «самодержца» в тот день, когда он собирался отправить в Сенат новую, демократическую конституцию. Каракозов, стрелявший в многострадального Александра II с меньшим успехом, за несколько лет до произошедших событий доказал, что и цари смертны. Террориста-одиночку повесили, а Россию захлестнула волна политических покушений. За четкой спланированностью некоторых дел, идеологической убежденностью участвовавших чувствовалась сила — сила организованного подполья, как выяснилось позже — общества Народная Воля.

В целом Народная Воля представляла собой сеть тайных кружков, группировавшихся вокруг единого центра — исполнительного комитета. Группы были связаны между собой единством плана практических действий, общностью сил и средств. Народная Воля хотела всего-навсего «экономического и политического переворота, в результате которого наступит народоправство» (из показаний Кибальчича). Если за столько веков существования, полагали народовольцы, царь и царское правительство не догадались дать власть народу, следовательно, натолкнуть их на эту благую мысль можно лишь силовым способом — террором. То есть банально запугать, царь испугается, испугаются армия и правительство, народ поймет, какая сильная партия — Народная Воля, — и пойдет за ней, и она поведет Россию к светлому будущему. К слову сказать, народовольцы точно не знали, что будут делать в том случае, если народ их действительно поддержит. В этом вопросе их мнения сильно расходились. В списке приглашенных на собственную казнь царь Александр II занимал первое место.

На Малой Садовой улице молодой человек приятной наружности и его жена сняли в аренду сырную лавку, собираясь открыть собственное дело. На самом деле Михайлов и Перовская вели подготовительные работы к покушению. Из лавки шел подкоп к дороге, по которой царь часто ездил в Сенат.

Бомбы готовил Кибальчич. На случай, если взрыв опередит карету или, наоборот, опоздает, ожидавший на улице Желябов, вооруженный кинжалом, должен был завершить начатое. Рысаков и Гриневицкий стояли на улице с бомбами наготове. Перовская давала знак о приближении царской кареты. Однако планы террористов неожиданно были нарушены — за несколько дней до покушения Желябова арестовали. Число метальщиков с бомбами было удвоено.

Когда 1 марта, в полдень, царь выехал из дворца, в сырной лавке все было готово для взрыва. Метальщики, вооруженные снарядами, стояли в условленных местах.

Однако, вопреки ожиданиям, царь поехал не по Садовой, а по набережной Екатерининского канала. Перовская сообразила, что император возвратится во дворец тем же путем. По данному ею сигналу метальщики заняли места у решетки канала: первым стал Рысаков, вторым Гриневицкий, третьим Емельянов, четвертым — Тимофей Михайлов. Сама Перовская перешла на противоположную сторону канала и остановилась против Инженерной улицы.

В 2 часа 15 минут пополудни императорская карета отъехала от Михайловского дворца, и Перовская, махнув платком, дала знак метальщикам. Государь сидел в карете один.

«Карета быстро неслась по набережной Екатерининского канала и уже миновала Рысакова, когда тот бросил под нее бомбу, — читаем у С. С. Татищева в книге „Император Александр II. Его жизнь и царствование“. — Последовал страшный взрыв. Несколько человек упало — казак конвоя и мастеровой мальчик, тяжело раненные. Государь приказал лейб-кучеру остановить экипаж и, выйдя из кареты, направился к месту взрыва, где толпа уже схватила Рысакова. На вопросы обступивших его офицеров, не ранен ли он, император отвечал: „Слава Богу, я уцелел, но вот“… указав при этом на лежавших на мостовой раненых. Государь подошел к Рысакову и спросил его, он ли стрелял и кто он такой? Террорист отвечал утвердительно, но назвал себя вымышленным именем. „Хорош!“ — молвил император и повернул назад в направлении к своей карете. Гриневицкий бросил бомбу в ту минуту, когда Александр II проходил мимо него, под самые ноги. Произошел второй оглушительный взрыв. Дым рассеялся, и пораженным взорам присутствующих предстало ужасное зрелище: прислонившись спиной к решетке канала, без шинели и фуражки лежал окровавленный монарх. Обнажившиеся ноги его были раздроблены; кровь сильно струилась по ним, тело висело кусками, лицо было все в крови. „Помоги“, — едва внятным голосом произнес государь, обращаясь к лежавшему возле него тяжело раненному полковнику Дворжицкому. Прохожие, в их числе несколько юнкеров Павловского военного училища и солдат 8-го флотского экипажа, возвращавшиеся с караула, стали поднимать царя. К тому времени он уже потерял сознание. По

распоряжению прибывшего из Михайловского дворца великого князя Михаила Николаевича истекающего кровью императора повезли в Зимний дворец. Государя внесли на руках в его кабинет и положили на постель. Подоспевший лейб-медик Боткин на вопрос наследника: долго ли проживет император, ответил: „от 10 до 15 минут“. В 3 часа 35 минут пополудни император Александр II умер, не приходя в сознание».

Схваченный на месте преступления Рысаков не выдержал допросов и выдал Перовскую и Михайлова, а также конспиративную квартиру. Желябов присоединился к арестованным по собственному желанию. Из тюрьмы он послал прокурору судебной палаты следующее заявление: «Если новый государь, получив скипетр из рук революции, намерен держаться в отношении цареубийц старой системы, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшего физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности. Я требую приобщения себя к делу 1 марта и, если нужно, сделаю уличающие меня разоблачения. А. Желябов. 2 марта 1881 года». Опасаясь отказа властей, Желябов в конце заявления приписал: «Только трусостью правительства можно было бы объяснить одну виселицу, а не две». Находкой для следствия оказался Рысаков. Из всех народовольцев ему одному неминуемо грозила смерть — первую бомбу бросил именно он. И Рысаков давал показания днем, а ночью требовал бумаги, чернил и лихорадочно писал доносы, боясь не успеть до суда.

26-29 марта 1881 года особым присутствием Сената было рассмотрено дело об убийстве Александра II. Процесс первомартовцев происходил при открытых дверях, однако в зал судебного заседания допускалась лишь избранная публика. Подсудимые прекрасно сознавали, что будет представлять собою суд, в состав которого входили шесть сенаторов, два титулованных представителя дворянства, городской голова и волостной старшина. «Желябов, протестуя против такого суда, — писал Гернет в „Истории Царской тюрьмы“, — указывал, что судьей между революционной партией и правительством должен быть всенародный суд или, по крайней мере, суд присяжных заседателей, то есть избранных представителей от общества. Едва ли приходится сомневаться, что Желябов своим протестом хотел подчеркнуть свой взгляд на суд особого присутствия Сената как на расправу с ними пристрастных и заинтересованных в исходе процесса царских чиновников. Подсудимые облегчили задачу обвинителя: на суде они сами говорили каждый о своем участии в тех действиях, которые были перечислены в обвинительном акте. Они ни в какой степени не заботились о смягчении своей участи. Очень характерно заявление Кибальчича. Его беспокоила мысль не о предстоящей смерти, а о судьбе его проекта воздухоплавательного аппарата, и он заявил суду о передаче им этого проекта защитнику. Известно, что этот проект отмечен как крупное явление в истории русского воздухоплавания».

Кровожадные требования государственного обвинителя были удовлетворены полностью особым присутствием Сената. Все подсудимые, в том числе несовершеннолетний Рысаков, не достигший 19 лет, были приговорены к смерти. Защита указывала на недопущение законом смертной казни для несовершеннолетних. Суд не согласился с этим. Все

обвиняемые были признаны виновными в принадлежности к тайному сообществу русской социал-революционной партии, имевшей целью ниспровержение государственного и общественного строя в Российской империи путем насильственного переворота и в посягательствах на государя и других лиц. Софья Перовская была первой русской женщиной, казненной по политическому делу. Эта казнь 3 апреля 1881 года стала последней публично исполненной казнью в Петербурге. Для отправки на казнь осужденные были посажены на две «позорные колесницы». На груди осужденных были повешены черные доски с крупной надписью «цареубийца». Руки были связаны за спиной веревками. Вера Фигнер писала: «Руки Перовской были так туго скручены веревкой, что она сказала: „Мне больно, отпустите немного“. „После будет еще больней“, — грубо буркнул жандармский офицер».

Вслед за позорными колесницами ехали две кареты с пятью священниками в траурных ризах и с крестами в руках. Конные жандармы окружали процессию, которая медленно продвигалась по улицам города к месту казни. Эшафот представлял собою помост в два аршина высотой с тремя позорными столбами и виселицей в виде буквы «П». Это была общая виселица для пяти цареубийц. Позади эшафота находились пять черных деревянных гробов.

«Невозмутимое спокойствие отражались на лице Кибальчича. Желябов казался нервным и часто поворачивал голову в сторону Перовской.

Вскоре после того, как преступники были привязаны к позорным столбам, раздалась военная команда „на караул“, после чего градоначальник известил прокурора судебной палаты, господина Плеве, что все готово к совершению последнего акта земного правосудия.

Палач и два его помощника остались на эшафоте, пока обер-секретарь Попов читал приговор. Чтение краткого приговора продолжалось несколько минут. Все присутствующие обнажили головы. Осужденные почти одновременно подошли к священникам и поцеловали крест, после чего они были отведены палачами, каждый к своей веревке.

Бодрость не покидала Желябова, Перовскую, а особенно Кибальчича. Перед тем, как наденут на них саван с капюшоном, Желябов и Михайлов, приблизившись к Перовской, поцелуем простились с нею. Рысаков стоял неподвижно и смотрел на Желябова все время, пока палач надевал на его сотоварищей саван висельников.

Палач Фролов „начал“ с Кибальчича. Надев на него саван и наложив вокруг шеи петлю, он притянул ее крепко, завязав конец веревки к правому столбу виселицы. Потом он приступил к Михайлову, Перовской и Желябову. Последний по очереди был Рысаков, у него подкосились колени, когда палач быстрым движением накинул на него саван и башлык.

В 9 часов 20 минут палач Фролов, окончив все приготовления к казни, подошел к Кибальчичу и подвел его на высокую черную скамью, помогая взойти на две ступеньки. Палач отдернул скамейку, и преступник повис на воздухе. Смерть настигла Кибальчича мгновенно; по крайней мере, его тело вскоре повисло без конвульсий.

После казни Кибальчича вторым был казнен Михайлов, он дважды срывался с веревки. При первом падении Михайлов сам поднялся и при

помощи палача встал на скамейку. Он сорвался вторично и окончательно был повешен лишь в третий раз.

За ним последовала Перовская. Четвертым был казнен Желябов, последним — Рысаков. Он несколько минут боролся с палачом, не давая столкнуть себя со скамьи.

В 8 часов 30 минут казнь окончилась. Трупы казненных висели не более 20 минут. Затем на эшафот были внесены пять черных гробов, которые помощники палача подставили под каждый труп. Военный врач в присутствии двух членов прокуратуры освидетельствовал снятые и положенные в гроб трупы казненных. По освидетельствовании трупов гробы были немедленно накрыты крышками, заколочены и отвезены под сильным конвоем на станцию железной дороги, для предания тел казненных земле на Преображенском кладбище». *29 «Былое», книги □ 4–5, Л., 1918 год.*

«Вся процедура окончилась в 9 часов 58 минут. В 10 часов градоначальник дал приказ к разбору эшафота, что и было немедленно исполнено тут же находившимися плотниками, после того, как палач Фролов, или, как он себя называл, „заплечных дел мастер“, так и его помощники были отвезены в арестантских „хозяйственных фургонах тюремного ведомства“ в Литовский замок.

В начале одиннадцатого часа, войска отправились в казармы; толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовав летучую цепь, обвивали местность, где стоял эшафот, не допуская к нему подходить черни и безбилетную публику. Более привилегированные зрители этой казни толпились около эшафота, желая удовлетворить своему суеверию — добыть „кусок веревки“, на которой были повешены преступники». *30 Там же.*
После революции 1917 года в бумагах Плеве, известного сподвижника Александра III, было найдено письмо, написанное Кибальчичем 2 апреля 1881 года, накануне казни. Автор этого письма писал царю, что террор прекратится, если царь даст свободу слова, отменит смертную казнь и дарует амнистию политическим осужденным. Александр III сделал на этом письме надпись такого содержания: «Нового ничего нет. Фантазия больного воображения и видна во всем фальшивая точка зрения, на которой стоят эти социалисты, жалкие сыны отечества».

3 марта председатель кабинета министров П. А. Валуев предложил новому царю Александру III назначить регента, на случай, если его тоже убьют. Царь оскорбился, но 14 марта все же назначил регента.

СТЕПАН ХАЛТУРИН

Но страшись, грозный царь!
Мы не будем, как встарь,
Терпеливо сносить свое горе
«Машинушка»

Степан Халтурин родился в Вятке в семье бедных мещан. В детстве посещал школу, а затем был отдан в ученье к столяру. В начале 1870-х годов приехал в Петербург, где поступил на завод. Неизвестно, когда именно и при каких обстоятельствах увлекся революционными идеями. В 1875–1876 годах он был уже деятельным пропагандистом… «Он был из тех людей, наружность которых не дает даже приблизительно верного понятия об их характере… Близко сойтись с ним можно было только на деле… Степан Халтурин стал увлекаться террором. Уже с осени 1879 года он

входит в деловые сношения с народовольцами».

«Александр II должен быть убит рабочим, — считал Халтурин, — пусть не думают русские цари, что рабочие — болваны, не понимающие их истинного значения для народа». *31 Все это передано со слов Желябова, который был, по нашим сведениям, просто восхищен самообладанием Халтурина.*

Речь шла о взрыве всей царской фамилии в Зимнем дворце. Исполнительный Комитет согласился на его предложение; Халтурин поступил во дворец столяром. Сношения с Исполнительным Комитетом он вел главным образом через Желябова, кроме того, ему помогали Кибальчич, Квятковский и Исаев. С октября 1879 года вплоть до самого взрыва 5 февраля 1880 года Халтурин занимался минированием Зимнего дворца. 5 февраля Зимний дворец потряс страшный взрыв, мина взорвалась. Огни во дворце потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала как будто еще темнее. Но что скрывалось за этой темнотой там — на другом конце площади? Ни Желябов, ни Халтурин не могли ждать разъяснений, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сходились люди, прибежали пожарные. Оттуда выносили трупы и раненых. Их казалось ужасно много. Но что с самим виновником этой бойни с Александром II? «Желябов и Халтурин быстро удалились. Для последнего уже готово было верное убежище, насколько, конечно, они вообще существуют в России. И только по прибытии туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, он едва мог стоять и только немедленно справился, есть ли в квартире достаточно оружия. „Живой я не отдамся!“ — говорил он. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами».

«Известие о том, что царь спасся, подействовало на Халтурина самым угнетающим образом. Он свалился совсем больной и только рассказы о громадном впечатлении, произведенном 5 февраля на всю Россию, могли его несколько утешить, хотя никогда он не мог примириться со своей неудачей и не простил Желябову того, что называл его ошибкой».

Угнетенный своей неудачей, Халтурин уехал на юг России, где около двух лет занимался пропагандой среди рабочих, но чрезвычайное осадное положение, введенное в Одессе, а особенно деятельность Стрельникова, предназначенного Александром III производить следствия по политическим делам на всем юге России и снабженного особыми полномочиями, вскоре стало сильно мешать Степану. Он известил об этом «Исполнительный Комитет», который и поручил ему организовать убийство всесильного и всем ненавистного прокурора. Поручение это было удачно выполнено 18 марта 1882 года Халтуриным и его товарищем Желваковым. Подробности об этом убийстве описаны в корреспонденции из Одессы, напечатанной в № 3 «На родине», в 1883 году.

«18 марта господин Стрельников, пообедавши по обыкновению во французском ресторане, вышел на бульвар для обычной послеобеденной прогулки и, пройдясь несколько раз по средней аллее, сел на скамейку у прохода из крайней аллеи на среднюю, от которой она отделяется изгородью, окружающей ряд деревьев. Рядом с ним сел один подозрительный субъект, который в Новороссийском университете выдавал себя то за студента Энгельгарда, то за вольнослушателя Смирнова. Когда Желваков, все время следивший за Стрельниковым, подходил к скамейке, нащупывая в кармане револьвер, Стрельников встал

и пересел на соседнюю скамейку, оглядывая вполоборота средние аллеи. Желваков остановился у конца изгороди, за которой сидел Стрельников, вынул револьвер и, прицелившись в правую сторону затылка, спустил курок. Голова Стрельникова мгновенно склонилась на правый бок и оперлась о спинку скамейки. Публика так и замерла на месте: никто не шевельнулся даже и тогда, когда через мгновение на крайней аллее появился человек с револьвером в руке и, перепрыгнув через изгородь, пустился вниз по крутому спуску к Гаванной улице. Он поравнялся уже с зданием думы, когда Смирнов, подбежав к краю аллеи и махая руками, стал кричать вниз: „Ловите! Держите!.. Убили среди бела дня!..“

Тогда ожила и публика на бульваре; послышались голоса: „за доктором!“. Одна барыня решилась даже подойти к Стрельникову и приложить платок к ране, но ее заботы оказались напрасными: он был уже мертв. Через несколько минут появился Гурко (роковая скамейка стоит как раз против его дворца) и воскликнул: „какие беспорядки!“, приказал отнести еще теплый труп Стрельникова в ближайшую больницу. Появилась, наконец, и полиция, начавшая свою деятельность с отобрания адресов у присутствующих». «Желваков между тем бежал вниз, отстреливаясь от нагонявших его или пытавшихся преградить ему путь. Все, кто видал этот бег и эту необычайную защиту на узком и крутом спуске, не могли хладнокровно говорить о силе, ловкости и самообладании молодого героя. Выпустив все заряды из двух револьверов, он выхватил кинжал и, продолжая отбиваться, приближался все более к белой лошади, запряженной в пролетку, на которой поджидал его Халтурин у конца узкого спуска, выходящего на Гаванную улицу. Между тем внизу перед спуском собралась уже кучка прохожих. Они не знали, конечно, что совершилось там наверху, но с изумлением смотрели на несущегося к ним вооруженного человека, поранившего уже многих, пытавшихся задержать его. Им скоро стала заметна цель этого отчаянного бега; многие бросились к выходу спуска, чтобы в этом узком месте задержать бегущих, и окружили пролетку. В эту критическую минуту Халтурин, убедившись, что Желвакову пробиться к пролетке невозможно, соскочил с нее и, выхватив револьвер, хотел поспешить на помощь к товарищу, но на первых же шагах он споткнулся. Еврей, приказчик из угольного склада, околоточный надзиратель и несколько карантинных рабочих бросились его задерживать. „Оставьте! Я социалист! Я за вас!“ — крикнул Халтурин. Рабочие инстинктивно остановились. „Чтобы ты так жил, как ты за нас!“ — ответил приказчик, здоровенный негодяй, вместе с околоточным всею тяжестью навалившийся на Халтурина. „Конечно, не за таких мерзавцев как ты, а за рабочий несчастный народ!“ — проговорил тот, с трудом переводя дыхание. Подоспевшая полиция помогла им связать Халтурина и зверски скрутить ему руки глубоко впившимися в тело веревками.

Желваков увидал, что делается около пролетки и, почти у самого прохода, свернул в сторону по направлению к Карантинной площади, все продолжая бежать, хотя силы, должно быть, уже начали оставлять его. Столкнувшись с чиновником Игнатовичем, тоже бросившимся преграждать ему путь, он приостановился немного; тогда погоня мгновенно окружила его и обезоружила, повалила и связала. Обоих арестованных тотчас же увезли в полицию. А оставшаяся на месте толпа, разбившись на кучки, толковала

о происшествии. „Что тут случилось?“ — спрашивали вновь пришедшие. „Да вот девушку на бульваре убили“, — отвечали в одном месте; „старика какого-то убил один“, — говорили в другом; „невесту свою убил один, молодой такой“, — сообщали в третьем. Никто не знал еще истинного смысла происшествия. Но постепенно распространяясь с бульвара, вести дошли и до нижних улиц. Сперва разноречивые: „Стрельников убит!“ — „Градоначальника пристрелили!“ — „Самого Гурко“. Но к ночи всюду было уже известно, что убийство „политическое“ и убит именно Стрельников.

Отношение тотчас изменилось: „Если б знали, отбили бы“, — говорили карантинные рабочие. Говорят, даже сам Игнатович заболел от угрызений совести, что помог задержать убийцу Стрельникова. В городе стало заметно возбуждение. Одни спешили на бульвар, посмотреть место происшествия, кровь, скамейку; другие толпились у полиции, куда привезли арестованных. Сочувственное отношение к событию можно было подметить повсюду. Не говоря уже о восклицаниях: „собаке собачья смерть!“ — „так ему сукину сыну и нужно!“ — мне случилось натолкнуться на такие сцены: на бульваре у самого спуска группа публики окружает очевидца происшествия. Тот с жаром и размахивая руками рассказывает, как отбивался Желваков, как он бежал, и в восторге беспрестанно прерывает свою речь восклицаниями: „Вот герой-то! Вот молодец!“ Публика сочувственно слушает, затаив дыхание.

У квасной лавочки, против полиции, я заметил маленький кружок, состоявший из лавочницы, нескольких подмастерьев-сапожников и серого мужичка, что-то шепотом говорящего остальным. При моем приближении разговор смолкает. „Что случилось?“ — спрашиваю я. — „Енерала убили“. — „Кто?“ — „Да двое каких-то… молодые“. — „Поймали?“ — „Поймали бедных“, — отвечает мужичок и, тотчас же спохватившись, прибавляет, меняя тон:

„Как же, поймали… привезли уже“. — „За что же они его убили?“ — спрашиваю я. Мужичок пристально посмотрел на меня и тихо произнес: „Да звестно… говорить-то нынче нельзя“, — и таинственно умолкает. У всех грустные лица… Полиция вся на ногах. Пешие и конные патрули попадаются на каждом шагу. По тротуару перед зданием полиции запрещено ходить; сюда то и дело подъезжают придержащие власти: генерал-губернатор, градоначальник и другие. А в самом здании идут допросы. Желваков отказался отвечать, пока ему не скажут, убит ли Стрельников. „Убит“, — ответили ему. — „Ну теперь делайте со мной, что хотите“. Допросы ни к чему не приводили. Узнали, где была куплена лошадь, узнали и квартиры арестованных, так как при них были паспорта, но ни их личности, ни настоящие фамилии констатированы не были. Поздно ночью под сильным конвоем их перевели в тюрьму и поместили в подвальном этаже. Допросы шли беспрерывно, и до самой казни арестованным не дали ни одного часа отдыха. По городу шли слухи, что их пытают, но фактических доказательств этому у нас нет. В ночь с 20-го на 21-е собрался у нас суд, невиданный даже и в России. Вообразите себе глухую ночь, неизвестное публике место суда, и в заседании никого кроме Гурко, им самим избранных судей, да подсудимых. Даже высшие чины военного и судебного ведомств не были допущены. И все-таки нам известно в общих чертах, что происходило на суде, что говорили подсудимые.

Халтурин заявил, что приехал в Одессу с целью заняться организацией рабочих, но в деятельности Стрельникова встретил сильное препятствие. Он сообщил об этом Исполнительному Комитету и получил от него поручение организовать убийство Стрельникова, что и было им выполнено.

Желваков, говорят, сказал: „Меня повесят, но найдутся другие. Всех вам не перевешать. От ожидающего вас конца ничто не спасет вас!“ Из Гатчины было получено предписание немедленно повесить убийц Стрельникова, и ввиду такой поспешности Гурко решил, не беспокоя Фролова, выбрать палача из содержащихся в Одесской тюрьме приговоренных к каторге арестантов. Интересны подробности этоговыбора.

Весть о том, что Стрельников убит и арестованные убийцы привезены в тюрьму, быстро разнеслась между уголовными арестантами.

Факт убийства был встречен всеобщим одобрением, а арестованные вызвали живейшее сочувствие, особенно Желваков своим удальством и молодостью. Поэтому предложение повесить, за известное вознаграждение, убийц Стрельникова было встречено арестантами решительным отказом. Некоторые выражали его в самой резкой форме:

„Да не сойти мне с этого места, подохнуть совсем, если я их хоть на столько трону“. — „Скорей всех генералов передушу, чем их хоть мизинцем трону!“ — слышалось в ответ на позорное предложение.

Наконец напали на одного, который, видимо, начал колебаться, прельщенный обещаниями льгот и подарков. „Я только вешать не умею“, — отговаривался еще он. „Ну это пустяки, — возражали ему, — вешать доктор (тюремный врач Розен) подучит“.

Палач был наконец найден, и казнь назначена на рассвете 22 марта. Ни о суде, ни о приговоре, ни о самой казни общество не должно было знать, раньше чем все будет кончено, но тем не менее при повешении требовалось присутствие его представителей. Эта дилемма была разрешена следующим образом: двум-трем благонадежным гласным думы и известному редактору „Новороссийского Телеграфа“ Озмидову был послан лаконичный приказ: явиться в 5 часов утра к городскому голове. Несчастные представители гласности провели очень тревожную ночь и на рассвете явились к Маразли (городской голова), который и повез их прямо в тюрьму.

В 6 часов вывели Халтурина и Желвакова. Последний быстро взошел по ступенькам эшафота и пересчитал их: „Четырнадцать, о, как высоко!“ — сказал он. Сам надел петлю на шею и повис. Чахоточного, больного Халтурина должны были поддерживать. Слишком много выпивший для бодрости палач долго возился, надевая на него петлю, и несколько раз поправлял ее. Благодаря его неумелости, Халтурин страшно долго мучился, прежде чем быть окончательно задушен. Полицмейстер, присутствовавший при казни, отвернулся, чтобы не видеть его судорог, а офицеру, распоряжавшемуся процедурой, сделалось дурно».

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

Нет, мы пойдем иным путем…

В. И. Ульянов (Ленин)

К 1887 году в крупных городах России существовали отдельные кружки, небольшие организации, состоявшие главным образом из студенчества. Их члены не имели основательной теоретической

подготовки, революционного опыта и достаточной выдержки. Политические кружки были изолированы друг от друга, действовали по собственному плану. Заметный след в революционном движении второй половины 1880-х годов оставил кружок Ульянова, Шевырева, Лукашевича и других. Их программа — попытка примирить теорию и практику народовольства с социал-демократией и дать «научное объяснение» террору. Мысль о составлении программы зародилась в кружке, по словам А. Ульянова, приблизительно во второй половине декабря 1886 года.

Тогда, собрав на квартире своих друзей и сестру Анну, юный Саша Ульянов изложил им свои мысли, сводившиеся к тому, что: «В борьбе с революционерами правительство пользуется крайними мерами устрашения, поэтому и интеллигенция вынуждена была прибегнуть к форме борьбы, указанной правительством, то есть террору. Террор есть, таким образом, столкновение правительства и интеллигенции, у которой отнимается возможность мирного культурного воздействия на общественную жизнь. Террор должен действовать систематически и, дезорганизуя правительство, окажет огромное психологическое воздействие: он поднимет революционный дух народа… Фракция стоит за децентрализацию террористической борьбы, пусть волна красного террора разольется широко и по всей провинции, где система устрашения еще более нужна как протест против административного гнета».

Таким образом, предложения Саши Ульянова были более лихими, чем потуги нынешних итальянских «Красных бригад» и немецких «Рот Армее фракцион». Фактически это был призыв к массовым убийствам всех, кто не нравился брату и сестре Ульяновым. Мальчишки с восторгом восприняли призывы своего двадцатилетнего лидера и принялись за подготовку первого теракта. До какой-то степени можно понять этих провинциальных романтиков, живших в обстановке мещанства и уныния. Но вот так пойти на улицы и начать убивать людей…

Первым делом решено было убить царя (именно он был лакомым кусочком в глазах молодых людей). Первоначальный план стрелять в царя был отвергнут, решили кинуть бомбы. Для их приготовления требовалось особое помещение, динамит, ртуть и азотная кислота, которые на первых порах готовили «домашним» способом. Герасимов и Андреюшкин изъявили желание метать бомбы. Однако власти со дня первых терактов ишутинцев стали обращать пристальное внимание на «юношей бледных со взором горящим», особенно тех, которые отличались на демонстрациях. И, в частности, не стеснялись заниматься перлюстрацией их писем. Так, однажды, вскрыв письмо, поступившее на имя некоего Никитина, харьковский полицейский пристав чуть со стула не упал, прочитав такой пассаж: «У нас возможен самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет, и даже в непродолжительном времени».

Из Никитина вытрясли имя корреспондента — петербургского друга Андреюшкина, активного члена фракции. Полиция начала скрупулезнейшую операцию по выявлению всех действующих лиц готовящегося теракта. Установили круглосуточное наблюдение за квартирой кровожадного Андреюшкина и всеми ее посетителями. Между тем и жандармы получили тревожные сведения о готовящемся покушении, только 28 февраля, если доверять всеподданнейшему докладу их шефа. 1

марта министр внутренних дел граф Д. Толстой сообщил царю: «Вчера начальником Санкт-Петербургского секретного отделения получены агентурным путем сведения, что кружок злоумышленников намерен произвести в ближайшем будущем террористический акт и что для этого в распоряжении этих лиц имеются метательные снаряды, привезенные в Петербург готовыми „приезжим“ из Харькова». Между тем террористы решили выйти на охоту за царем именно 1 марта, и если не удастся покушение в этот день, и царь поедет на юг, то следовать за ним и убить его по пути. Однако и в полиции помнили про эту дату — 1 марта, — слишком памятную и для правительства, и для революционеров, поэтому начальник секретного отделения, не дожидаясь царской резолюции, приказал немедленно арестовать выслеженных агентами лиц, едва ли предполагая, что это те террористы, о которых его уже предупредили.

1 марта 1887 года трое студентов, Осипанов, Андреюшкин и Генералов, были схвачены со взрывчатыми снарядами на Невском проспекте. «Откровенное показание» одновременно с ними арестованных сигнальщиков (Канчера и Горкуна) позволило жандармам быстро выявить участников террористической организации и руководящую роль в ней студентов Александра Ульянова и Шевырева. Всего было арестовано в первые же дни марта 25 человек, а позднее еще 49 человек. Суду были преданы 15 человек, а в отношении остальных дела были разрешены в административном порядке. Об аресте террористов в департаменте полиции немедленно составили доклад и за подписью Толстого отправили царю, с кратким извещением о заговоре и небольшими биографическими справками об арестованных. «На этот раз Бог нас спас, — написал царь на докладе, — но надолго ли? Спасибо всем чинам полиции, что не дремлют и действуют успешно, — все, что узнаете более, присылайте». Поначалу царь не придал особенного значения выходке студентов. Когда «во избежание преувеличенных толков» граф Толстой 1 же марта попросил у государя разрешения напечатать особое извещение, царь на докладе написал резолюцию:

«Совершенно одобряю и вообще желательно не придавать слишком большого значения этим арестам. По-моему, лучше было бы узнавши от них все, что только возможно, не придавать их суду, а просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость — это самое сильное и неприятное наказание. Александр». Однако, подробнее ознакомившись с деятельностью фракции, царь изменил свое мнение. Так, ему преподнесли «Программу террористической фракции партии Народной Воли», написанную лично Александром Ульяновым. И первая резолюция, которую поставил на ней царь, была: «Это записка даже не сумасшедшего, а чистого идиота».

«Окончательные требования», необходимые «для обеспечения политической и экономической независимости народа и его свободного развития», сводились Ульяновым к 8 пунктам.

1. Постоянное народное правительство, выбранное свободно прямой и всеобщей подачей голосов.

2. Широкое местное самоуправление.

3. Самостоятельность общины, как экономической и административной единицы.

4. Полная свобода совести, слова, печати, сходок и передвижений.
5. Национализация земли.
6. Национализация фабрик, заводов и орудий производства.
7. Замена постоянной армии земским ополчением.
8. Бесплатное начальное обучение.

Главной задачей фракции было устранение Александра III. («Чистейшая коммуна», — приписал Александр III. Он, видно, все никак не мог взять в толк, почему ради всех этих благоглупостей нужно было убивать именно его.) На другой день шеф жандармов представил «проект правительственного сообщения». «1 сего марта на Невском проспекте около 11 часов утра задержаны три студента Санкт-Петербургского университета, при коих по обыску найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды по осмотру их экспертом оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином». Такое сообщение Александр III признал «совершенно достаточным». *32 В такой редакции сообщение появилось в «Правительственном Вестнике» в □ 47, от 4 (16) марта Несколько ниже напечатано, что император в воскресенье, 1 марта, в 2 часа дня, выезжал на панихиду в Петропавловский собор, откуда уехал в Гатчину. 3 марта он был на рауте у великого князя Владимира Александровича. Секретное архивное дело частично раскрывает нам, как жандармы получали показания. Так, например, директор департамента полиции цинично сообщал о допросе малолетнего Коли, брата Ананьиной, привлеченной по этому делу. Этот «свидетель» дал свое показание после того, как директор департамента «постращал» его. В этом донесении не указано, чем и как «стращали» ребенка. Во всяком случае, цель была достигнута.* При собирании материалов жандармы не останавливались ни перед какими трудностями и не стеснялись никаких средств.

В результате этого ими были получены подробные показания сигнальщиков Канчера и Горкуна. Эта услуга их была оценена судом и самим царем, который на представленном ему приговоре к смертной казни 15 человек с ходатайством о смягчении наказания для некоторых осужденных сделал надпись. «Совершенно правильно, я полагаю, что Канчеру и Горкуну можно было бы еще уменьшить наказание за их откровенные показания и раскаяние».

Огромная «работа» шла в самом департаменте полиции в Петербурге. Сыщикам необходимо было раскрыть фамилию участника террористической организации, о котором было известно, что он имеет отчество «Сергеевич». Для облегчения такого розыска департамент полиции выписал из своих делопроизводств фамилии и имена всех лиц, которые имели это отчество. В результате получился огромный список на 16 страницах с указанием, по какому делу каждый из внесенных в этот список привлекался. Другой список, более краткий, содержал сведения о «Сергеевичах», привлекавшихся к ответственности по разным политическим делам. Процесс 1 марта 1887 года проходил при закрытых дверях. В зал суда было разрешено допустить лишь министров, их товарищей, членов Государственного Совета, сенаторов и особо перечисленных лиц из высшей бюрократии. В этом отношении судебный процесс по делу 1 марта 1887 года далеко оставил за собой судебный процесс по делу 1 марта 1881 года, на котором во время судебного разбирательства присутствовали представители печати и велись

стенографические записи.

Самые близкие родные подсудимых не были допущены не только в судебный зал, но и на свидание с ними. Так, например, на прошение матери Ульянова позволить ей свидание с сыном была наложена такая резолюция: «Если госпожа Ульянова будет справляться, объявить, что свидания не разрешены».

Характерно, что вместо ответа на прошение Ульяновой директор департамента полиции распорядился отвечать лишь в случае нового ее обращения. Следует также отметить судьбу прошения Ульяновой о смягчении участи ее сына Александра Ильича Ульянова и дочери Анны Ильиничны Ульяновой. Мать просила товарища министра внутренних дел направить ее просьбу царю. Однако Оржевский переправил эту просьбу вместо царя в особое присутствие Сената, куда поступило дело. Министр внутренних дел получал о каждом заседании суда доклад от департамента полиции. Министр юстиции представлял письменные доклады царю о каждом заседании. Доклады департамента полиции подтверждают, что сенатор Дрейер вполне оправдал возложенные на него надежды. Он, например, не давал Ульянову возможности говорить о его отношении к террору. В докладе отмечены попытки Ульянова защищать подсудимого Новорусского. Он пытался доказать, что Новорусский не мог догадываться об изготовлении в его квартире взрывчатого вещества. С видимым удовольствием сообщалось министру внутренних дел, «что речи защитников были кратки и весьма приличны». Эта жандармская похвала не делает чести защитникам, но вместе с тем характеризует условия, в которые была поставлена защита.

Из нескольких десятков привлеченных к ответственности по делу 1 марта 1887 года были преданы суду 15 человек: Ульянов Александр, Осипанов, Андреюшкин, Генералов, Шевырев, Лукашевич, Новорусский, Ананьина, Пилсудский Бронислав, Пашковский, Шмидова, Канчер, Горкун, Волохов и Сердюкова. Из этих обвиняемых 12 человек были студентами. Все подсудимые были приговорены к смертной казни, но особое присутствие Сената ходатайствовало для восьми подсудимых о замене смертной казни другими наказаниями. Александр III утвердил смертный приговор для пятерых осужденных, а именно, для Ульянова, Шевырева, Генералова, Осипанова и Андреюшкина. Лукашевич и Новорусский были пожизненно заточены в Шлиссельбургскую крепость и пробыли в ней по 18 лет каждый, пока революция 1905 года не освободила их. Ананьина была сослана на Кару на 20 лет, Пилсудский по конфирмации был отправлен на 15 лет на Сахалин. Четверых осужденных вместо смертной казни приговорили к 10 годам каторжных работ. Шмидову сослали в Сибирь на поселение, а Сердюкову, признанную виновной в недоносительстве, заключили на 2 года в тюрьму.

Интересная деталь: вследствие отсутствия палача в Петербурге варшавскому обер-полицмейстеру была послана шифрованная телеграмма с просьбой прислать палача по первому требованию, и 30 апреля последовало требование. «Вышлите немедленно палача». Через четыре дня из Трубецкого бастиона были вывезены в Шлиссельбург пятеро приговоренных к казни и двое к пожизненному заключению. Казнь была совершена 8 мая.

В тот же день граф Толстой письменно докладывал императору: «Сегодня в Шлиссельбургской тюрьме, согласно приговору особого присутствия Правительствующего Сената, 15–19 минувшего апреля состоявшемуся, подвергнуты смертной казни государственные преступники: Шевырев, Ульянов, Осипанов, Андреюшкин и Генералов.

По сведениям, сообщенным приводившим приговор Сената в исполнение, товарищем прокурора санкт-петербургского окружного суда Щегловитовым, *33 Иван Григорьевич Щегловитов, бывший министр юстиции и известный черносотенный деятель в недавнее время.* осужденные ввиду перевода их в Шлиссельбургскую тюрьму предполагали, что им даровано помилование. Тем не менее при объявлении им за полчаса до совершения казни, а именно в 3 ½ часа утра, о предстоящем приведении приговора в исполнение все они сохранили полное спокойствие и отказались от исповеди и принятия святых тайн. Ввиду того, что местность Шлиссельбургской тюрьмы не представляла возможности казнить всех пятерых одновременно, эшафот был устроен на три человека. Первыми вывели на казнь Генералова, Андреюшкина и Осипанова. Выслушав приговор, они простились друг с другом, приложились к кресту и бодро вошли на эшафот, после чего Генералов и Андреюшкин громким голосом произнесли: „Да здравствует Народная Воля!“ То же самое намеревался сделать и Осипанов, но не успел, так как на него был накинут мешок. По снятии трупов казненных преступников были выведены Шевырев и Ульянов, которые также бодро и спокойно вошли на эшафот, причем Ульянов приложился к кресту, а Шевырев оттолкнул руку священника». На докладе, кроме обычного знака о прочтении его царем, никакой другой пометки не имеется.

Исполнение смертного приговора и заключение в каторжные тюрьмы осужденных не было завершением обширного делопроизводства по процессу 1 марта 1887 года, административная расправа со многими арестованными продолжалась, а началась она даже ранее судебной расправы. Уже 8 апреля вышло «высочайшее» повеление сослать в Восточную Сибирь на 5 лет Анну Ульянову.

ЧИКАГСКИЕ АНАРХИСТЫ — ЖЕРТВЫ ПЕРВОЙ «МАЕВКИ»

Не надо было браться за оружие.

Г. В. Плеханов

Праздник Первое мая, «маевка», зародился в Америке и вначале был одним из эпизодов борьбы рабочих за свои права. В Америке конца XIX века была свобода слова и собраний, рабочие могли свободно организовывать синдикаты и союзы, и до 1886 года там существовала полная свобода приготовления динамита и бомб. Рабочие открыто собирались в боевые отряды, и в революционных редакциях на виду лежали бомбы и оружие. Очевидно, рабочий класс понимал в те годы классовую борьбу чересчур буквально.

1884 год в Америке был годом промышленных кризисов и безработицы. В 1885 году на конгрессе профессиональных союзов обсуждается вопрос о безработных. Конгресс решил агитировать за 8-часовой день, рассчитывая, что благодаря уменьшению рабочего дня будет уменьшено число безработных и голодных. Было условлено не работать больше 8 часов, начиная с 1 марта 1886 года, и, чтобы заставить

хозяев подчиниться воле рабочих, было принято решение с этого же дня объявить всеобщую забастовку всех рабочих «свободной» Америки. После решения конгресса 1885 года ввести 8-часовой день и объявить 1 мая 1886 года всеобщую забастовку американские анархисты с еще большим жаром отдались делу рабочего освобождения. Митинги следовали за митингами, брошюры, прокламации раздавались тысячами, уличные демонстрации не прекращались. Наступило 1 мая 1886 года, рабочие покидали фабрики, заводы; производство приостановилось. Более 800 000 рабочих вышли на улицы. Первая маевка была первой забастовкой, открыто разделившая Америку на два социальных лагеря.

Противоположный класс также воспринял классовую борьбу, как войну. «Надо бросать бомбы в толпы стачечников, желающих повысить заработную плату и уменьшить рабочий день», — писала газета «Чикагское время», в которой военные техники подробно излагали способ изготовления бомб для уничтожения рабочих. «Нью-йоркская трибуна»: «На этих скотов иначе, как силой, не подействуешь, а потому им надо дать такой урок, чтобы они его не забыли в продолжение нескольких поколений».

«Чикагская трибуна»: «Когда рабочие просят хлеба, дайте им хлеб со стрихнином, чтобы в другой раз не приставали».

Во главе рабочего движения стоял город Чикаго, — движение анархистов было там особенно сильно. Среди чикагских анархистов выделялись Парсонс, Линг, Фишер, Энгель и Гипис. В Чикаго всеобщая забастовка готова была перейти в вооруженное восстание, и власти постарались своевременно принять меры. За несколько дней до 1 мая хозяева крупного завода сельскохозяйственных орудий рассчитали рабочих, требовавших 8-часового рабочего дня, и на место «красных» наняли штрейкбрехеров, «желтых», а для охраны поставили 300 вооруженных полицейских.

3 мая возле завода состоялся митинг. Рабочие были без оружия. В это время послышались удары заводского колокола, и саботажники начали толпами выходить на улицу. Рабочие окружили их, завязались споры (и скорее всего, драки. — Е. А., Л. З.). Внезапно из завода выбежали полицейские и открыли стрельбу по безоружным рабочим. 6 человек были убиты и 50 рабочих опасно ранены. Был созван массовый митинг «с целью заклеймить зверское убийство». Этот митинг состоялся 4 мая 1886 года на площади Хеймаркет. Рабочие пришли с женами и детьми, присутствовал и городской голова, намеренный разогнать собрание, если оно примет «нелегальный» характер. Выступали анархисты, и их выступления отличались «спокойствием и умеренностью»…

Городской голова вернулся в полицейский участок и заявил, что митинг скоро кончится, пока все спокойно и надо дать приказ резервной полиции вернуться в казармы. Митинг приближался к концу. Было около 10 часов вечера. Когда говорил последний оратор и рабочие уже расходились по домам, появилась заводская полиция с оружием в руках, полицейские двинулись на рабочих… В этот момент неизвестно кем в полицию была брошена бомба. 7 полицейских упали замертво, 30 получили ранения. *34 По другим данным убит был один полицейский и семь ранено.* Полиция открыла огонь по рабочим. Анархисты — вожди митинга — Шпис, Фильден, Линг, Фишер, Энгел, Нибе

и Ливаб после митинга 4 мая были немедленно арестованы. Парсонс успел скрыться, но когда узнал, что власти собираются осудить его товарищей на смерть, сам явился в суд.

Арестованных анархистов судили 21 июня 1886 года. Суд над ними продолжался 49 дней.

Обвинение было явно пристрастным, поскольку восемь человек не могли бросить одну бомбу в полицию. Более того, изготовление бомб в те дни было легальным. И анархисты были осуждены на основании подзаконных актов, то есть специально для их осуждения были изданы законы, запрещавшие изготовление бомб, и предложен проект законов против заговоров. В силу этого проекта и в силу изданных после майских событий законов о бомбах суд приговорил семерых анархистов к смертной казни, а восьмого — к 15 годам тюрьмы.

Всеобщая забастовка подходила к концу. Многие профессиональные союзы добились уменьшения рабочего дня, и все внимание было теперь сосредоточено на судьбе осужденных анархистов.

Чикаго был заполнен войсками.

После осуждения анархистов начались многолюдные митинги протеста. Образовались комитеты петиций, и сотнями тысяч подписей покрывались прошения к высшим властям о помиловании осужденных.

«Я узнал, что посылают петиции об отмене моей смертной казни. Человек с честью и совестью, я не могу просить помилования. Я не преступник и не могу раскаиваться в том, чего я не сделал», — писал Парсонс.

Ни петиции, ни митинги ни к чему не привели. Верховный суд подтвердил прежний приговор, казнь анархистов была назначена на 11 ноября 1887 года. В продолжение 15 месяцев осужденные анархисты ожидали исполнения судебного приговора. 10 ноября осужденным был объявлен приговор в окончательной форме. Смертная казнь Шваба и Фильдена была заменена бессрочной каторгой. При объявлении приговора ни один мускул не дрогнул у Фишера и Энгеля. Парсонс невозмутимо улыбнулся, — писали газеты. Шпис разразился страстной речью. Линга уже не было в живых. Еще на суде он заявил: «Не радуйтесь, господа, вам не удастся казнить меня», — и за несколько дней до казни он взорвал себя, закурив сигару, начиненную гремучей ртутью.

11 ноября 1887 года приговор был приведен в исполнение. 4 виселицы были устроены во внутреннем дворе чикагской тюрьмы, стены которой охраняло более 3 тысяч человек. Дальше, на 500 шагов от стен, тюрьму окружал другой кордон из войск и полиции.

В 11 часов 50 минут палачи пришли за осужденными. Когда их выстроили в ряд под 4 виселицы, Парсонс начал речь: «Мужи и жены Америки…» Но белый капюшон и веревка прервали его слова.

«Наше молчание в гробу, — воскликнул Шпис, — сделает больше, чем наш голос, который вы теперь душите!»

«Да здравствует анархия!» — воскликнул Энгел.

«Счастливая минута в моей жизни, да здравствует анархия!» — провозгласил Фишер. Секунду спустя открылся люк, и все четверо провалились в яму. Тела казненных были выданы родным и погребены в тот же день.

С тех пор день 1 мая считается международным днем солидарности трудящихся. Американские рабочие больше бомб в своих работодателей не бросают, добиваются своего исключительно законными методами. Может быть, потому, что анархия и впрямь — «мать порядка»?

АЛЕКСЕЙ УХТОМСКИЙ

На карту поставлено все будущее России: жизнь или смерть, свобода или рабство!

Из обращения Московского Совета от 10 декабря 1905 года

Герой первой русской революции Алексей Владимирович Ухтомский родился 14 марта 1876 года в деревне Ярбозерский Погост Новгородской губернии. Детство его проходило в деревушке Поздино в пяти верстах от Ярбозерского Погоста. Деревушка была маленькая, всего несколько десятков дворов. Стояла она на берегу Кемы и была пристанищем бурлаков, тянувших баржи с солью, рыбой, хлебом; здесь они варили в котле ужин, устраивались на ночлег, а утром снова шли дальше.

Земли у крестьян Ухтомских было немного, а семья большая — одних детей шестеро. Учился Алексей хорошо. После окончания школы поехал в Петербург, где жил знакомый отца — приказчик, и поступил в ремесленное училище цесаревича Николая. Когда Алексею исполнилось шестнадцать лет, он почувствовал себя достаточно взрослым для того, чтобы выступить против царивших в училище порядков. И — распростился с училищем. В поисках работы он переехал в Москву, затем в Пензу. Там он устроился на работу помощником машиниста паровоза, спустя четыре года сам стал машинистом, женился.

Спустя год после свадьбы Алексей с женой переехал в Уфу. Потом опять были переезды. Водил Ухтомский поезда в Аткарске, Златоусте, Рузаевке.

В Рузаевском паровозном депо он познакомился с машинистом Московско-Казанской железной дороги Николаем Печковским. Человек энергичный, темпераментный, Печковский часто пренебрегал мерами предосторожности и действовал, мало заботясь о том, что его могут выдать полицейским властям. Он был эсером и часто развозил прокламации, вербовал в партию новых членов.

Познакомившись с Ухтомским, он сразу предложил ему стать социалистом-революционером. Лозунги эсеров Ухтомскому пришлись по душе: всеобщее избирательское право, свобода слова, печати, совести, собраний, союзов, отделение церкви от государства, всеобщее бесплатное образование, 8-часовой рабочий день… А главное — эсеры выступали против царя. Предложение Печковского было принято. Ухтомский начал распространять нелегальную литературу, выступать на сходках.

Его активность была замечена, и Ухтомского устроили на работу в Москве. Как и в Рузаевке, он водил товарные поезда, но это для него было уже не главное дело. Главным стала пропаганда идей партии.

Права рабочего класса были любимой темой разговоров Ухтомского. Он говорил о них и на станциях во время стоянки поезда, и в депо, и в часы отдыха в дежурных комнатах паровозных бригад.

Война с Японией, начавшаяся в январе 1904 года, обострила все противоречия общественной жизни в России и ускорила революционные

события. Поражение в войне пошатнуло царский трон.

Трагический день 9 января 1905 года («кровавое воскресенье») имел большое значение для политического пробуждения широких масс трудящихся. Вера рабочих в царя была расстреляна.

По всей стране прокатились выступления протеста. Только в январе 1905 года бастовали 440 тысяч рабочих — больше, чем в предыдущем десятилетии. Летом и осенью 1905 года шла усиленная подготовка по всеобщей политической забастовке. Огромная организационная и агитационная работа большевиков способствовала дальнейшему подъему революции. В ходе борьбы в Москве возник Совет рабочих пяти профессий: печатников, металлистов, табачников, столяров и железнодорожников.

Ухтомскому пришлось заниматься делами Железнодорожного союза, центральное бюро которого назначило его вместе с техником-чертежником Воробьевым пропагандистом-организатором на линии. Необходимо было создать сеть ячеек союза с тем, чтобы через них можно было подготовить железнодорожников ко всеобщей забастовке. 6 октября 1905 года по решению Московского комитета РСДРП началась всеобщая политическая стачка в Москве. Бастующие требовали введения 8-часового рабочего дня, демократических свобод, созыва Учредительного собрания. Стачка быстро охватила все промышленные центры и превратилась во всероссийскую. Прекратили работу промышленные предприятия, почта и телеграф. Всеобщая стачка на железных дорогах Московского узла началась 7 октября. В этот же день Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза объявило всеобщую забастовку транспортников. В день стачки Ухтомский вместе с товарищами выехал на линию Казанской железной дороги и на митингах призывал железнодорожников активно включаться в борьбу.

Призыв прекратить движение поездов, работу в мастерских и депо прокатился по всем дорогам России. 8 октября замерло движение поездов на всех дорогах Московского узла, кроме Николаевской. На Казанской железной дороге действовала сильная партийная организация большевиков — 10 октября она провела многолюдный митинг железнодорожников, в результате которого железнодорожники Казани объявили забастовку. В тот же день две тысячи железнодорожников явились на Николаевскую и Виндавскую дороги, спустили пары всех паровозов и сняли рабочих с работы. К 12 октября бастовали рабочие 14 железных дорог, все крупные заводы и фабрики. Всеобщая стачка в Москве с 13 октября стала всероссийской, перекинувшись на Закавказье, Прибалтику, Украину, Белоруссию, Сибирь, Среднюю Азию… Жизнь страны замерла.

Всероссийская октябрьская стачка вылилась в могучее политическое выступление против самодержавия. В ней участвовали около миллиона рабочих, 700 тысяч железнодорожников, 150 тысяч служащих торговых предприятий и местного транспорта, студентов.

Именно в то кровавое время был убит виднейший деятель большевистской партии Н. Э. Бауман. В его похоронах участвовал и Алексей Ухтомский. Об этом говорилось в донесении начальника Московско-Коломенского отделения Московского жандармского полицейского управления железных дорог В. И. Смирницкого московскому

губернатору А А. Козлову о ходе забастовки на Московско-Казанской железной дороге 20 октября 1905 года:

«С 10 до 11 ч. утра на дворе пассажирской станции собралась большая толпа служащих и посторонних. Толпа эта, имея во главе Котляренко, Беднова, Ухтомского и Печковского, с венком и красными флагами, с сочувственными надписями убитому на Немецкой ул. Демонстранты отправилась на его похороны. Перед уходом ораторы предлагали выразить презрение работающей Московской пассажирской станции, удалить от службы начальника товарной станции Шибанова и затем заявили, что необходимо, чтобы сегодня же уже ни одно колесо не вертелось бы на Московско-Казанской ж. д…»

4 декабря 1905 года МК РСДРП принял решение о всеобщей стачке и вооруженной борьбе против самодержавия. Московская общегородская конференция большевиков призвала поддержать это решение и наметила забастовку на 7 декабря с тем, чтобы перевести ее в восстание. К призыву присоединились конференции 29 железных дорог и почтово-телеграфный съезд, заседавший в то время в Москве. Забастовка началась с большим подъемом. В первый же день забастовали сто тысяч человек. Прекратилось движение на всех дорогах Московского железнодорожного узла (кроме Николаевской дороги).

10 декабря стачка переросла в вооруженное восстание. Центрами восстания стали Пресня, Замоскворечье, Рогожско-Симоновский район и район Казанской железной дороги. На Казанской железной дороге был организован революционный стачечный комитет, куда вошел и машинист А. В. Ухтомский. По распоряжению этого комитета стачечники захватили железнодорожный телеграф и передали по линии требование немедленно и повсеместно прекратить работу и присоединиться к политической стачке. К началу восстания здесь была создана боевая дружина численностью в 200 человек. В состав ее вошли многие рабочие Петровских железнодорожных мастерских, Люберецкого завода, а также ряда предприятий Коломны. Дружина добывала оружие, обучала рабочих военному делу, заботилась об охране железнодорожных грузов, контролировала воинские эшелоны, возвращавшиеся из Маньчжурии, возводила баррикады. И всюду, где было трудно в эти дни, появлялся Ухтомский. Его слушались. Его уважали. В его голосе звучала какая-то непреодолимая сила. Он умел быть командиром и организатором. Вот почему боевая дружина избрала его своим начальником. Под руководством Ухтомского и Шестакова был оборудован специальный поезд, на котором боевая дружина на участке Москва — Голутвин разоружала полицию, резала провода правительственного телеграфа, задерживала и обезоруживала воинские эшелоны, шедшие из Маньчжурии, устраивала среди солдат митинги, призывая к борьбе с самодержавием.

Благодаря энергичным действиям боевой дружины во главе с Ухтомским, к 15 декабря 1905 года вся власть на всех ближайших к Москве станциях Московско-Казанской железной дороги оказалась в руках восставших. В разгар Декабрьского восстания отсюда поступало оружие для борющегося пролетариата Москвы. Каждое утро поезд привозил дружину на баррикады, а ночью, оставив на баррикадах дозоры, бойцы Ухтомского уезжали на отдых в Перово или Фаустово. Водили этот поезд

Ухтомский и большевик Акулин. Войск московского гарнизона для борьбы с восставшими было недостаточно, поэтому генерал-губернатор адмирал Дубасов 13 декабря обратился к царю с просьбой срочно прислать в Москву военную помощь из Петербурга. Уже через два дня в Москву для борьбы с восставшими прибыл гвардейский Семеновский полк под командой полковника Мина. Приказом по полку была организована экспедиция вдоль Казанской железной дороги в составе отряда из шести рот семеновцев при двух орудиях и двух пулеметах. Возглавлял отряд полковник Риман. Перед экспедицией стояла задача — захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения, найти руководителей боевой дружины Ухтомского, Котляренко, Татаринского, оказать содействие железнодорожным агентам для восстановления движения на дороге. После этой операции было приказано следовать на станцию Люберцы, занять ее, затем захватить станцию Сортировочную и, наконец, взять Коломну, где остаться до особого распоряжения. В качестве общих указаний отряду предписывалось иметь строжайшее наблюдение за телеграфными аппаратами, по возможности щадить и охранять различные железнодорожные сооружения, необходимые и полезные для обслуживания железной дороги. Однако арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем и артиллерией. 16 декабря 1905 года карательная экспедиция тронулась в путь. Ухтомский, со своей стороны, отдал приказ выехать в Коломну за дружинниками, охранявшими баррикады. Поезд боевой дружины состоял из двух вагонов первого класса, двух вагонов второго класса, санитарного вагона и одного вагона-цейхгауза. Однако до Коломны добраться не удалось — вся линия оказалась забитой возвращавшимися с японской войны солдатами. Пришлось ночевать в Перове. Рано утром поезд снова отправился в путь. Вел его сам Ухтомский. На Казанском вокзале царские войска успели приготовить засаду, которая едва не стоила Ухтомскому и его товарищам жизни. В Москве Ухтомский принял дружинников с разбитых баррикад Пресни.

В одном месте на путях стояла открытая платформа, на которой возвышался какой-то груз, покрытый брезентом.

«Товарищ, — обратился с паровоза Ухтомский к находившемуся поблизости человеку, — есть ли впереди казаки или солдаты?»

«Нет», — ответил тот (впоследствии оказалось, что это был охранник-провокатор). Ухтомский стал медленно толкать поезд дальше — паровоз был прицеплен сзади вагонов, и поэтому состав приходилось толкать. Вдруг брезент на платформе зашевелился — под ним оказалась группа солдат с пулеметом. «Ложись!» — скомандовал Ухтомский трем находившимся с ним на паровозе товарищам и толкнул на всех парах поезд вперед. Сзади послышалась пулеметная трескотня, но состав успел скрыться за поворотом.

Вторая западня была недалеко от станции Сортировочная, там засели семеновцы — стрелки и пулеметчики. Ухтомский дал полный ход назад. Свинцовый ливень из множества пулеметов обрушился на дружину. Шестеро дружинников были ранены, один — убит. Паровоз, по существу, был выведен из строя. Баки для воды и нефти пробиты пулями.

Однако Ухтомский не растерялся. Он сумел пустить поезд со скоростью 70 верст в час, подняв давление пара в котле до 15 атмосфер, то есть до предела его взрыва. Прорвавшись таким образом через все заграждения, поезд благополучно прибыл в Перово. Согласно решению военного совета дружины оружие спрятали в надежном месте. Расцеловались, попрощались, разошлись.

Но на станции Люберцы Ухтомского опознали по карточке, имевшейся в карательной экспедиции, и задержали. 17 декабря 1905 года вместе с шестью другими рабочими-дружинниками он был расстрелян без всякого суда. Ухтомский принял смерть с необычайным мужеством, поразив этим даже своих палачей. На месте казни капитан карательного отряда предложил ему завязать глаза. Но он отказался. Заявил, что встретит смерть лицом к лицу.

После первого залпа ни одна пуля не коснулась его…

Разлился второй залп — и он упал на снег!.. Он был еще жив и безмолвно смотрел на окружающих взглядом, приводившим в ужас…

Полковник Риман в своем донесении назвал Ухтомского «орлом». Перед отъездом был отслужен благодарственный молебен по случаю успешного выполнения задания. Риман произнес речь В ней он проникновенно сказал, что достаточно пролито крови и больше никого они убивать не станут.

А тем временем в храмах звучали благодарственные молигвы по поводу «избавления местностей от крамольников». Царь праздновал победу. Мина пожаловали в генералы, Семеновскому полку выдали награды… Однако царское правительство не сделало никаких выводов из революции 1905 года, и потому спустя 12 лет над Россией разразился еще один социальный катаклизм, последствия которого все мы до сих пор ощущаем на себе. Память об Алексее Владимировиче Ухтомском свято сохранили большевики. На могиле А. В. Ухтомского в Люберцах воздвигнут памятник. Его именем названа одна из железнодорожных станций Московско-Казанской железной дороги (бывшая Подосинки) и крупный завод сельскохозяйственных машин в Люберцах.

ИВАН КАЛЯЕВ

Товарищ с мятежной, но чуткой душой,
Соратник, мой друг и опора,
К тебе обращаюсь пред смертью с тоской
И жду от тебя приговора…
Окончен мой путь и борьбы и тревог,
Готов умереть я без страха,
Я счастлив сознаньем: я сделал, что мог,
Не страшны палач мне и плаха…

Иван Платонович Каляев родился в Варшаве 6 июля 1877 года в семье отставного полицейского Платона Каляева и польки, дочери разорившегося шляхтича. Детство Ивана прошло в предместье Варшавы.

В десять лет он поступил в Первую варшавскую образцовую Апухтинскую гимназию.

Еще в младших классах гимназии Каляев начал писать стихи для рукописного тайного «Листка гимназиста». Увлекался Белинским, знал наизусть Пушкина, Тютчева, Фета, Мицкевича. Изучал историю России и

Польши, переводил Горация, Овидия, Лукреция и Софокла. В гимназические годы Каляев под влиянием своего старшего брата Антона, токаря, стал посещать рабочие кружки, читать запрещенные книги. Познакомившись с основами социализма, гимназист начал все дальше отходить от идей, которыми его пичкали апухтинские педагоги. С большим интересом он следил за русской и польской литературой, читал и перечитывал случайно попадавшие к нему издания Польской социалистической партии.

В 1897 году Каляев поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Жил он в «Лялинке» — бесплатном общежитии для студентов университета и учеников Училища живописи и ваяния, устроенном купцами Лялиными, жил голодно и трудно.

Осенью 1898 года Каляев перешел на юридический факультет Петербургского университета. Он начинал заниматься социологией, статистикой и политической экономией. В 1898 году стал членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Весной 1899 года в городе вспыхнули студенческие беспорядки, и Каляев принял в них участие. Вскоре его арестовали и после трехмесячного заключения в тюрьме выслали на два года в Екатеринослав под надзор полиции. Там он работал конторщиком на заводе и в управлении железной дороги. Несмотря на угрозы полиции, примкнул к местному комитету социал-демократической партии. Это обошлось ему еще в два месяца тюрьмы.

Летом 1902 года окончился срок ссылки Каляева. Ему запретили восстанавливаться в университете, и он начал колесить по стране — Львов, Варшава, Вологда, Ярославль, — перебивался случайными заработками и… занимался революционной работой.

Вскоре он отправился за границу. В эмиграции он сошелся с вожаками «боевой организации» партии социалистов-революционеров и полностью попал под влияние их тактики индивидуального террора. Осенью 1903 года в Женеве Каляев стал членом «боевой организации» эсеров, созданной для осуществления террористических актов. По заданию этой организации в начале января 1904 года Каляев перешел русскую границу и под видом торговца табаком появился в Петербурге. Он был членом группы эсеров, которая готовила убийство Плеве. Наряду со всеми он принимал участие в «охоте» на Плеве.

Переодетый лоточником, офеней, извозчиком, он принимал участие в слежках за министром Его подпольная кличка Поэт.

15 июля 1904 года покушение удалось. После убийства Плеве Каляев скрывался — уехал за границу. Но пробыл он там недолго — уже в ноябре вернулся в Россию, на этот раз — в Москву, вернулся для того, чтобы принять участие в новой охоте — за великим князем Сергеем Александровичем Романовым — дядей царя Николая II. Его обвиняли в пристрастном отношении к евреям, которых среди эсеров было большинство. Ему решили припомнить, что по его настоянию при Александре III тысячи еврейских семейств были выселены из Москвы. Князю инкриминировали также и то, что при его попустительстве произошла давка на Ходынском поле на торжествах по случаю коронации Николая II. Впрочем, человеку, занимающему такой пост, можно

инкриминировать что угодно.

Каляев купил сани и лошадь и систематически стал следить за князем, изучать его маршруты.

Покушение назначили на 2 февраля. Однако, когда Каляев приблизился к карете с бомбой в руках, он увидел, что рядом с князем жена и малолетние дети. Покушение перенесли на 4 февраля.

Покушение произошло в Кремле, на Арсенальской площади. Когда до двигавшейся навстречу княжеской кареты оставалось не больше четырех шагов, Каляев бросил бомбу. Раздался взрыв. Около здания судебных установлений среди обломков разбитой кареты лежал труп московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича Романова.

Оглушенного взрывом Каляева схватили на месте покушения. Когда его везли через Кремль, он кричал во весь голос революционные лозунги: «Долой проклятого царя!», «Да здравствует свобода!», «Долой проклятое правительство!», «Да здравствует партия социал-революционеров!».

Арестованный признался сразу, что является членом «боевой организации» партии социал-революционеров и убил великого князя Сергея Александровича по ее приговору. Каляев не хотел, чтобы установили его личность, когда его фотографировали жандармы, он сделал свирепое лицо, надеясь стать неузнаваемым.

Долго полиция находилась в неведении, кого же она арестовала. Помог один из университетских однокашников Каляева. После этого у всех родственников арестованного произвели обыск.

Вначале заключенного держали в Якиманской части, затем перевели в Бутырскую тюрьму — в Пугачевскую башню. Через несколько дней его посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитою князя Сергея Александровича. Во время свидания она подарила ему иконку.

Каляев взял ее. Вот что писал по этому поводу защитникзаключенного:

«Я был чрезвычайно поражен и обратился к Каляеву с вопросом: „Разве вы верующий человек?“ Он ответил: „Я мое дело сделал как мог, но я был и виновником величайшего человеческого горя неповинной женщины, и я чувствовал себя нравственно обязанным облегчить ей ее страдания, насколько это было возможно“».

Суд над Каляевым проходил в Особом присутствии Сената 5 апреля 1905 года в Москве. Дело слушалось при закрытых дверях. В зале находились лишь несколько жандармских офицеров, чинов магистратуры, лиц прокурорского надзора и мать обвиняемого. Она держалась мужественно и не проронила ни одной слезы, даже в тот момент, когда прочли смертный приговор сыну.

Обвинял Каляева И. Г. Щегловитов, ставший позже царским министром юстиции, которого прозвали Ванька-Каин. Защищали подсудимого адвокаты М. Л. Мандельштам и В. А. Жданов. Процесс начался с обычного вопроса: «Подсудимый Иван Каляев, вы получили обвинительный акт?» «Прежде всего фактическая поправка: я не подсудимый, я ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы — наемные слуги капитала и императорского правительства, я — народный мститель, социалист-революционер…»

Каляев говорил медленно, твердо, спокойно.

«Я вам запрещаю продолжать», — прервал его председатель. На вопрос: признаете ли вы себя виновным? — Каляев ответил: «Признаю, что смерть великого князя Сергея произошла от моей руки, но виновным себя в этом не признаю по мотивам нравственного содержания».

Когда Каляеву дали слово, он сказал, что суд, который его судит, не может считаться действительным, ибо судьи являются представителями того правительства, против которого борется партия социал-революционеров. Единственно праведным судом может быть суд народный, суд истории. Не он один, Каляев, а вся Россия борется сейчас против самодержавия. Стачки, демонстрации, аграрные беспорядки, вооруженные сопротивления и народные восстания увенчаются успехом. Он верит в это, видит грядущую свободу России и гордо умирает за нее. После прений сторон и последнего слова подсудимого был зачитан приговор.

Каляева признали виновным. По совокупности решение гласило: подвергнуть Ивана Платоновича Каляева, по лишении всех прав состояния, смертной казни через повешение.

«Я счастлив вашим приговором, — сказал Каляев судьям. — Надеюсь, что вы решитесь исполнить его надо мной так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социал-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции».

Прошение о помиловании Каляев подавать не стал. «Помилование я считал бы позором», — писал он в одном из писем товарищам.

«Из рук убийцы рабочих 9 января я не приму жизни», — писал он уже царю. После приговора Каляев подал кассационную жалобу. Он заявил, что убил великого князя Сергея Александровича не как дядю императора, а за его вину перед народом. А в приговоре был сделан упор именно на «дядю императора».

С этим приговоренный не хотел соглашаться.

В одном из последних писем к матери Каляев писал: «…Состояние моего духа неизменно! Я счастлив сознанием, что поступил так, как этого требовал мой долг. Я сохранил в чистоте мою совесть и не нарушил целости моих убеждений. Вы знаете хорошо, что у меня не было личной жизни для себя, и если я и страдал в жизни, то лишь страданиями других. Было бы смешно заботиться мне о сохранении жизни теперь, когда я так счастлив своим концом. Я отказался от помилования, и Вы знаете почему. Не потому, конечно, что я расточил все свои силы телесные и душевные — напротив, я сберег все, что мне дала жизнь, ради моего конечного торжества в смерти…» После суда петербургский защитник Каляева встретился с подзащитным. «Он вышел ко мне совершенно спокойный, бодрый, в шляпе с воткнутой зеленой травой, — описывал защитник встречу. — Я спросил, что обозначает зеленая трава?.. — „Помните, — отвечал Каляев, — в начале романа Толстого „Воскресение“ говорится: как люди ни старались убить весну, как ни старались вырвать зеленую траву между камнями на площади перед тюрьмой, — а весна была весною, и трава зеленела даже около тюрьмы… Так и здесь, в Петропавловской крепости. Представьте себе, даже здесь трава пробивается между

камнями…“»

9 мая 1905 года Каляева привезли на полицейском пароходе в Шлиссельбург — мрачную крепость, овеянную печальными легендами. Его поместили в камеру под надзор двух тюремных жандармов.

Каляев попросил себе бумаги, перо, табаку и спичек. Он долго писал, не отрываясь, часто рвал исписанные листки и вновь писал. Узник будто спешил до своей казни сказать кому-то последнее слово, боясь, что не успеет. Кончив писать, он прилег на кровать, накрылся одеялом. Его знобило. «Не думайте, что я дрожу от страха, — обратился он к карауливших его жандармам, — мне просто холодно, и я попросил бы дать мне второе одеяло». Его желание исполнили.

Почти весь день 9 мая Каляев писал, но затем все зачеркнул, оставив только слова, произнесенные Петром I перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, недорога ему жизнь, была бы счастлива Россия».

В 9 часов вечера в камеру в сопровождении смотрителя Шлиссельбургской тюрьмы вошел прокурор. Он объявил: казнь будет ночью. Ни один мускул не дрогнул на лице осужденного. Прокурор подал ему для подписи прошение о помиловании. Каляев решительно отказался подписать Прокурор вышел, однако вскоре снова появился в камере и стал упрашивать заключенного подписать прошение. Восемь попыток сделал прокурор и каждый раз слышал от Каляева категоричное: «Нет!» Всю ночь Каляев не раздевался и не ложился спать. А в это время во дворе тюрьмы строили эшафот. Строили торопливо, чтобы успеть до рассвета. Стук топоров доносился до слуха обреченного.

Когда в камеру вошел священник, Каляев сказал ему, что он обрядов не признает, что он уже совершенно приготовил себя к смерти и в жизни со всем покончил, однако в пришедшем к нему священнике чувствует доброго человека. «А потому, — заключил Каляев, — дайте мне вас, просто как человека, поцеловать». Они поцеловались, и священник ушел.

На эшафот Каляев поднимался с гордо поднятой головой, твердым, уверенным шагом. Крест целовать отказался. Подошел палач, накинул на него саван, помог подняться на табурет, накинул на шею петлю и отбросил ногой табурет. Тело повисло в воздухе. Палач был пьян и накинул петлю кое-как, тело начало биться в судорогах. Сцена была настолько жуткой, что начальник штаба корпуса жандармов барон Медем зарычал на палача: «Я тебя, каналья, прикажу расстрелять, если сейчас не прекратишь страданий осужденного!»

Через полчаса палач вынул из петли повешенного и положил его на эшафот.

Крепостной врач обнажил покойному грудь, послушал, пощупал пульс: сердце Каляева не билось…

Солдаты уложили тело в деревянный ящик, снесли и закопали его за крепостной стеной — между валом, окаймляющим крепость со стороны озера, и Королевской башней. Здесь было место захоронения всех казненных в крепости в 80-х годах прошлого столетия.

Кто-то сказал, что революции делают герои, а плодами их пользуются проходимцы — очень точное замечание.

ПЕТР ШМИДТ

Повели и поклянись исполнить эти требования, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом.

Из народной петиции 9 января 1905 года

Останки последнего русского царя и его семьи наконец-то с почетом захоронены. Зарубежная православная церковь канонизировала Николая II. Поэтому может показаться несколько странным, что авторы настоящего труда уделяют такое повышенное внимание тем личностям, которые открыто выступали против царей и царизма в России. Однако, знакомясь с материалами газет, очевидцев, судебных процессов, мы невольно приходим к выводу, что восставали против самодержавия далеко не самые худшие люди России.

В октябре 1905 года в Севастополе происходило то же, что и везде — митинги и забастовки. Петр Петрович Шмидт (1867–1906), отставной лейтенант морского флота, не остался равнодушным к происходящим событиям. Он был единственным офицером, появлявшимся на митингах и собраниях, и нередко сам выступал на них с речами. Он протестовал против самодержавия, и все его речи были пропитаны этим протестом. «Свобода необходима человеку, как воздух», — сказал он однажды на митинге. Однако он полагал, что перемен можно добиться конституционным путем. И только когда правительство в ответ на все мольбы общества обнародовало указ 6 августа об образовании при правительстве совещательного органа, не имеющего никаких прав, так называемой «Булыгинской Думы», в настроении Шмидта произошел резкий переворот. В своих воспоминаниях он писал: «Моя надежда на полезность петиций, т. е. на мирный путь, имела место до обнародования Булыгинской конституции. С этого момента вся Россия переменила мнение».

17 октября 1905 года царь издал свой знаменитый манифест, в котором обещал народам России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов», а также созыв законодательной Думы.

…Манифест стал известен в Севастополе 18 октября. В тот же день вечером огромная толпа народа направилась к севастопольской тюрьме требовать освобождения политических заключенных, содержавшихся там. Шмидт был в числе руководителей демонстрации.

От имени собравшихся он повел переговоры с тюремным начальством, и ему обещали через полчаса выпустить всех политических заключенных. Толпа поверила и мирно стала ждать. Вдруг из ворот тюрьмы без всякого предупреждения раздался залп. Несколько человек были убиты и много ранено.

На 20 октября были назначены похороны убитых у тюрьмы, похороны, которые вылились в грандиозную манифестацию.

Стройными рядами, с массой траурных и красных знамен, с тремя оркестрами процессия двинулась через весь город к кладбищу.

Когда тела убитых были опущены в землю, к могиле подошел Шмидт. Воцарилась гробовая тишина. Тихим, но полным глубокой веры голосом он начал: «У гроба подобает творить одни молитвы, но да

уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которые я хочу произнести здесь вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было идти скорее к тем, кто томится в тюрьме; кто боролся за свободу и теперь в минуты общего великого ликования лишен этого высшего блага. Они, неся с собою весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их, и за это были… убиты… Они хотели передать другим высшее благо жизни — свободу, и за это лишились самой жизни. Страшное, невиданное преступление! Великое, непоправимое горе! Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда, как воспользуетесь свободой, можете ли вы обещать нам, что мы последние жертвы произвола? И мы должны успокоить смятенные души усопших, должны поклясться им в этом».

Он окинул взглядом десятки тысяч окружавших его людей, как бы с вопросом, — кто со мной? Гробовая тишина, напряженное внимание царили кругом. «Клянемся им в том, — зазвенел окрепший его голос, — что мы никогда не уступим никому ни единой пяди завоеванных нами человеческих прав. Клянусь!» «Клянусь!» — пронесся за ним многотысячный голос народа. «Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение нашей свободы.

Клянемся им том, что доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного, равного для всех права. Клянусь!»

И народ, весь в его власти, загремел: «Клянусь!»

«Клянемся им в в том, что если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим Великую Всероссийскую забастовку. Клянусь!» «Клянусь!» — раскатилось громом по всем окрестностям.

Эта речь произвела потрясающее впечатление на всех присутствовавших. Под названием «клятвы Шмидта» — она была напечатана во всех газетах, и имя Шмидта стало известно по всей стране.

В тот же день, когда вечерело, Петр Петрович был арестован, но вскоре выпущен под нажимом требований рабочих.

Рабочие избрали Шмидта пожизненным членом Совета рабочих депутатов Севастополя. Это известие страшно взволновало и обрадовало Шмидта. «Выше этого звания нет на свете, — говорил он своим друзьям и сыну, когда узнал об этом. — Своими чуткими душами рабочие сумели снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища, друга, носителя их нужд. Они никогда не пожалеют о том, что выбрали меня пожизненным депутатом. О, я сумею умереть за них!» После освобождения Шмидта во всех революционных газетах появилась его телеграмма:

«Спасибо, товарищи, я снова в ваших славных рядах!»

В начале 1905 года обстановка в Севастополе накалилась до предела. 11 ноября состоялся большой политический митинг солдат и матросов. Вслед за тем вспыхнуло восстание в гарнизоне города и на боевых кораблях, стоявших в порту. Всего взбунтовалось 12 кораблей. 15 ноября, прибыв на крейсер «Очаков», Шмидт поднял сигнал «Командую флотом». В тот же день он телеграфировал Николаю II:

«Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более вашим министрам. Командующий флотом П. Шмидт».

А по городу в тот же день было расклеено объявление: «В случае какого-либо насилия со стороны казаков по отношению к мирным гражданам я вынужден буду принять решительные меры. Командующим флотом Шмидт». В ответ на телеграмму из Петербурга пришел приказ подавить восстание. Из разных городов были вызваны в Севастополь воинские части. Город и крепость объявили на осадном положении. Все улицы заняли войска. В 3 часа дня началось усмирение, а затем — расстрел кораблей эскадры из береговых орудий. Один за другим корабли подняли белые флаги.

Шмидт до последнего момента оставался на «Очакове». Его сын Женя был с ним. А когда на горевшем со всех сторон корабле уже нельзя было больше оставаться, они разделись и бросились в море. Их подобрали и доставили на броненосец «Ростислав», где оба и были арестованы. Шмидт был ранен в ногу. Одеться им не дали. Ночью отец и сын голые лежали обнявшись на полу, стараясь хоть телами своими немного согреть друг друга.

В таком ужасном положении их продержали на «Ростиславе» два дня. И все время не прекращались издевательства офицеров над Шмидтом. А на третий день военный транспорт «Дунай» повез лейтенанта Шмидта и его сына в Очаковскую крепость. И здесь, запертый в полутемном сыром каземате, Шмидт провел несколько месяцев в ожидании суда. Его сына скоро освободили, и он остался один. Всего по делу о восстании было привлечено несколько сот человек. Но с расправой над Шмидтом спешили. Сам царь не раз выражал желание «поскорее покончить с этим изменником». Поэтому из общего процесса выделили дело Шмидта и нескольких десятков матросов-очаковцев и назначили суд.

Революция в стране не утихала, надвигалась вторая всероссийская забастовка. Многие еще верили в победу. И, чтобы оттянуть время и тем спасти жизнь брата, сестра Шмидта стала хлопотать о медицинском освидетельствовании Петра Петровича, но он, узнав об этом, возмутился и отказался наотрез.

«Если я ненормален, то ненормальны все сто тридцать миллионов населения России, т. е. вся революционная Россия. Если бы я теперь был выпущен из каземата, то при тех же обстоятельствах поступил бы точно так же!» — заявил он.

Женя жил в это время в Керчи, в семье сестры Шмидта. Накануне суда Петр Петрович вызвал его в Очаков проститься.

7 февраля начался суд. Вместе со Шмидтом судили трех его ближайших помощников: Частника, Гладкова и Антоненко и 37 рядовых матросов-очаковцев. Несмотря на то, что все остальные подсудимые содержались в Севастополе, суд происходил в Очакове. Военные власти считали Шмидта таким опасным преступником, что не решались перевезти его в Севастополь. На военном корабле в Очаков доставили всех подсудимых-матросов, свидетелей, суд, защиту, привезли туда, где сидел в каземате всего один человек.

На суде Петр Петрович был совершенно спокоен и держал себя с большим достоинством. Он горячо выступал только тогда, когда ему казалось, что несправедливо обвиняли матросов.

И вся его последняя речь на суде была полна этим горячим желанием спасти своих товарищей.

«Г.г. судьи, — говорил он, — перед вашими глазами прошло дело, во главе которого был я. Не могло это дело стать совершенно ясным, так как оно явилось здесь, как обрывок общего великого русскою дела, самая сложность которого не позволяет нам, современникам, обнять его беспристрастным взором. И этот обрывок русского дела, слабо освещенный свидетельскими показаниями, ждет теперь над собой вашего приговора! Я говорил вам, г.г. судьи, что не должно быть в этом деле произнесено ни одного слова неправды, только правду вы слышали от меня. Клянусь же вам, что те случайные свидетельские показания, которые установили ряд улик против того иди другого матроса и тем увеличили вину некоторых из них, не могут, не должны быть приняты во внимание.

Верьте мне, что все они были предо мною совершенно однородной толпой, что никому из них нельзя вменять в вину близость к Шмидту. Все они были одинаково близки мне, и если я обращался к ним со словом, то ко всем сразу. Верьте же, г.г. судьи, что никого из них нельзя карать равным со мной приговором. Верьте мне, что сама природа требует, чтобы ответил я один за это дело в полной мере, сама природа повелевает выделить меня. Я не прошу снисхождения вашего, я не жду его. Велика, беспредельна ваша власть, но нет робости во мне, и не смутится дух мой, когда услышу ваш приговор. Без ропота и протеста я приму смерть, но не вижу, не признаю вины за собой!»

Говорят, что солдаты очаковской крепости, в каземате которой сидел Шмидт, не раз предлагали ему бежать и принимали всю ответственность за это на себя, но Петр Петрович каждый раз твердо и решительно отказывался.

18 февраля был объявлен приговор: Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко приговорили к смертной казни, остальных к каторге на разные сроки. Шмидт выслушал приговор совершенно спокойно.

«Приговор этот я ждал», — сказал он.

Матросы окружили его, обнимали, благодарили его, прощались с ним. По осанке Петра Петровича и по восторженному выражению его лица нельзя было подумать, что он только что выслушал смертный приговор.

Сыну он послал телеграмму: «Сыночка, милый, будь мужественен. Я спокоен и счастлив. Принял приговор и буду тверд до конца.

Крепко люблю тебя, обнимаю. Твой друг-папка».

Когда накануне казни к Петру Петровичу зашел доктор и спросил его, как он себя чувствует, Петр Петрович внимательно посмотрел на него и твердо ответил: «Я совершенно здоров. До места казни дойду превосходно».

В 9 часов вечера накануне казни в каземат, где содержался Шмидт, явился священник Бартенев. Шмидт исповедался, был сосредоточен и кроток. Не так держали себя со священником остальные приговоренные. Когда тот стал их утешать и делать ссылки на евангельское учение, они

оборвали его и просили указать то место в Евангелии, где сказано, что человек может лишать жизни другого человека. Растерянный священник не знал, что ответить, и они попросили оставить их в покое. Священник на это обиделся и не нашел ничего лучшего, как… пожаловаться на матросов Шмидту. Всю ночь Шмидт бодрствовал, писал письма сестре, сыну и другим родным.

6 (по новому стилю 19) марта 1906 года в 3 часа утра к нему вошла охрана и сообщила, что пора готовиться. Через потайные двери приговоренные были переведены на баржу и затем доставлены на остров Березань. Ночью на остров привезли войска, поставили столбы, вырыли ямы. Здесь были командир и офицеры корабля «Прут», жандармский ротмистр, священник, четыре готовых гроба, вкопанные столбы, лопаты…

Расстрельная команда состояла из матросов канонерской лодки «Терец» в числе 60 человек. Они были выстроены в линию в 50 шагах от столбов. Позади стояло 3 взвода солдат — на всякий случай.

На рассвете привезли осужденных. Спокойно они направились к месту казни. Шмидт все время ободрял товарищей. Матросы не спускали с него глаз и повторяли каждое его движение. По просьбе Петра Петровича их не привязали к столбам и глаз не завязали.

Трогательно попрощался Шмидт с товарищами и первый подошел к столбу. За ним остальные.

В последнюю минуту Шмидт обратился к солдатам со словами: «Помните Шмидта, умирающего за русский народ, за родину, за вас, мои братья. Таких, как я, много, но будет еще больше».

Потом, повернувшись к знакомому офицеру, командовавшему отрядом, сказал: «Миша, прикажи своим стрелкам целиться прямо в сердце».

Он был без шапки, в одном белье. Стоял с открытым лицом, с высоко поднятой головой. Раздалась барабанная дробь… Еще минута… Матросы взяли ружья на прицел… Всего было десять залпов.

После четвертого залпа пули перебили веревки, и Антоненко и Частник свалились.

Шмидт упал навзничь. Гладков повис на веревке…

Антоненко и Частник долго бились в судорогах на земле, их прикончили двумя выстрелами.

ДМИТРИЙ БОГРОВ — УБИЙЦА СТОЛЫПИНА

Киев, 2 сентября 1911 года. Вчера во время торжественного спектакля в Бродском Театре в присутствии Государя императора было совершено покушение на жизнь Председателя Совета министров П. А. Столыпина. П. А. Столыпин ранен произведенными в него двумя выстрелами из револьвера. Покушавшийся задержан. Он назвал себя помощником присяжного поверенного Дм. Богровым.

Киев, 5 сентября 1911 года. Сегодня скончался от полученных ран Председатель Совета министров П. А. Столыпин.

Киев, 12 сентября 1911 года. Вчера приведен в исполнение смертный приговор над убийцей П. А. Столыпина Богровым.

Из газет за 1911 год

Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) не пошел по традиционной для его фамилии стезе, он не стал ни дипломатом, ни военным, как его дед,

который занимал пост коменданта Кремля. Окончив Виленскую гимназию (детство он провел в Колнобережье, недалеко от Ковно), неожиданно для всех родственников и друзей, он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. После окончания университета служил в министерстве государственного имущества, но через год перевелся предводителем дворянства в Ковенскую губернию. Столыпин был рад этому назначению, оно помогло ему раскрыться и как человеку, и как хорошему руководителю. Он подолгу разговаривал с крестьянами, как губка впитывал все, о чем они говорили, а говорили они о земле, о рациональном ведении хозяйства и о многих других вещах, которые тревожили крестьян. Вскоре он завел свое хозяйство. Его дочь, М. П. Бок, писала: «Мой отец очень любил сельское хозяйство и, когда бывал в Колнобережье, весь уходил в заботы о посевах, покосах, посадках в лесу и работу в фруктовых садах».

Через 10 лет Столыпина назначили ковенским губернатором. В 1902 году, находясь в Ковно, он получил телеграмму от министра внутренних дел Плеве, в которой говорилось о том, что П. А. Столыпин назначается гроднецким губернатором. Плеве в это время взял твердый курс на замещение губернаторских должностей местными землевладельцами.

Столыпина поселили в старом замке, который находился недалеко от города. Столыпин стал самым молодым губернатором России, после назначения на эту должность он сразу взялся за изучение дел губернии, но его действия контролировались генерал-губернатором Виленским, и хоть между ними не было никаких трений, это претило характеру Столыпина. Надо подчеркнуть еще одну черту характера губернатора. С первых же дней его стали осаждать просьбами родственники о получении места, но Столыпин терпеть не мог этих писем и посещений, только редкие люди получали протекцию от него. В 1902 году Столыпин участвовал в особом совещании, на котором говорилось о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Там он решительно высказался за уничтожение общинной чересполосицы и расселение крестьян по хуторам. Эта позиция была высказана позже в 1906 году в комбинации g другими новшествами, в обществе она была принята как «Столыпинская реформа», хотя Витте был первым, кто стал проводить эту идею. Надо отдать должное смелости Столыпина, ведь когда разгорелась полемика о путях аграрной реформы между Витте и Плеве, он не поддержал позиции своего начальника, но в 1902 году убеждения Столыпина были еще весьма далеки от четкой программы Витте, которая была отклонена накануне революции 1905–1907 годов.

Не пробыв и десяти месяцев губернатором ковенской губернии, уже в марте 1903 года Столыпина назначили губернатором в более крупную и важную саратовскую губернию. За этот короткий срок в Петербурге успели заметить способности молодого губернатора и решили дать ему более ответственный пост. Здесь и застала его первая революция, в которой он применил весь арсенал средств — от прямого обращения к народу до расправы с помощью казаков. При этом в деятельности губернатора появились две отчетливые черты: во-первых, он не смущался карать не только левых, но и правых, если их деятельность переходила за рамки дозволенного. Во-вторых, в отличие от большинства высокопоставленных

деятелей, Столыпин был лично храбр и не боялся оставаться лицом к лицу с разгневанной толпой. Он не просто заявил революционерам с трибуны Государственной Думы: «Не запугаете!», но и на самом деле вел себя бесстрашно.

В апреле 1906 года Столыпина назначили министром внутренних дел (1906–1911), и вся борьба с революцией легла на его плечи. На посту министра он начал политику успокоения народа. Меры были очень строгие — введение военно-полевых судов, когда группа офицеров решала судьбу человека. Частое применение армии «в помощь гражданской власти». На «успокоение» были брошены все силы правительства, и временно удалось подавить революционное движение. Столыпин, проводя такую политику, был просто необходим дворянству и классу имущих. Политика Столыпина была не по душе агрессивно настроенным партиям, тем же кадетам. Это вылилось в террористический акт, который произошел 12 августа 1906 года. В этот день был взорван дом на Аптекарском острове, где располагались апартаменты Столыпина. Сами революционеры были разорваны в клочья. В результате взрыва погибли 27 человек. Пострадали и дети Столыпина (были ранены сын и дочь), сам он не пострадал, так как в момент взрыва находился в своем рабочем кабинете, который находился в противоположном конце дачи. После взрыва его семья переехала на Фонтанку. Память о взрыве часто тревожила Столыпина, он винил себя за кровь и слезы, за искалеченные жизни людей, пострадавших от взрыва. Но вскоре он нашел в себе силы и стал разрабатывать методы подавления революционного движения.

Столыпин боролся с первой русской революцией и ее последствиями так усердно, что заслужил в народе страшные прозвища: «Столыпин-палач», «Столыпин-вешатель», а веревочную петлю на виселице окрестили «столыпинским галстуком». Вот статистика смертных казней, произведенных во время его премьерства (по данным профессора М. Н. Гернета): 1906 год — казнено 574 человека, 1907 год — 1139 человек, 1908 год — 1340 человек, 1909 год — 717 человек, 1910 год — 129 человек, 1911 год — 73 человека. В своей жизни Столыпин и сам частенько ходил рядом со смертью. Женившись на невесте своего брата, убитого на дуэли, он затем сам стрелялся с убийцей брата. В бытность губернатором Саратова на него набросился какой-то человек с револьвером. Столыпин хладнокровно распахнул пальто и сказал: «Стреляй!» Нападавший, растерявшись, выпустил из рук свое оружие. В другой раз губернатор не побоялся поехать на вокзал, где невежественная толпа хотела растерзать земских врачей, и защитить их. Из толпы бросали камни, и один из них серьезно повредил Столыпину руку.

Бывший министр иностранных дел А. П. Извольский вспоминал: «Любопытно отметить, что, встречая опасность с удивительным мужеством и даже временами бравируя ею, он всегда имел предчувствие, что умрет насильственной смертью. Он мне говорил об этом несколько раз с поразительным спокойствием».

Дмитрий Богров родился 29 января 1887 года. Отец его был киевским присяжным поверенным, домовладельцем. Дед его по отцу был весьма популярным в 1860-х годах в еврейских кругах писателем. Отец Богрова был весьма состоятельным человеком (его имущество оценивалось

в сумму около 500 000 рублей), был видным членом киевского общества, в частности еврейского, пользовался всеобщим уважением. В деньгах Дмитрий Богров не нуждался. Образование он получил наилучшее по тем временам — юридический факультет Киевского университета, затем продолжил учебу в Мюнхене. Однако его всеми силами тянуло в Россию, и в декабре 1906 года он возвратился в Киев.

Через год у Богрова был произведен первый безрезультатный обыск, в начале сентября 1908 года Дмитрий Богров был впервые арестован, в конце 1908 — освобожден. В феврале 1910 года он окончил университет, в Киеве усердно занимался адвокатурой.

Из этих чисто внешних биографических данных видно, чго Дмитрий Богров получал от жизни, что хотел, ему были открыты все пути и возможности, но он выбрал смертную казнь.

Еще будучи учеником 5–6 класса гимназии, то есть в 1902–1903 годы, Богров сблизился с гимназическими кружками средних учебных заведений и начал интересоваться политикой. Ко времени окончания гимназии и поступления в университет в 1905 году он был убежденным социалистом-революционером левого направления. Он входил в группу марксистов, сторонников самой решительной тактики борьбы, был связан с революционными выступлениями, экспроприациями, террористическими актами. Работы теоретиков анархизма — Кропоткина и Геклю — стали его настольными книгами, у Бакунина он искал руководства для дальнейшей практической деятельности. В декабре 1906 года Дмитрий Богров примкнул к группе анархистов-коммунистов, и хотя в 1909 году прекратил подпольную революционную работу в этой группе, однако по своим убеждениям он до рокового конца оставался анархистом. Анархизм-коммунизм ставил себе целью освобождение человеческой личности от всякого насилия и принуждения, налагаемого на него извне, как члена общества. Для достижения своих целей анархисты использовали любые методы: «если преступления совершены в интересах революционного дела, то мы их одобряем, независимо от того, нравятся ли нам отдельные подробности или нет». За свою недолгую жизнь Дмитрию Богрову неоднократно приходилось участвовать в террористических выступлениях.

В своих показаниях следователю по особо важным делам В. И. Фененко от 2 сентября 1911 года Богров заявил: «Еще в 1907 году у меня зародилась мысль о совершении террористического акта в форме убийства кого-либо из высших представителей правительства, каковая мысль является прямым последствием моих анархических убеждений». Одновременно с революционной работой Богров, как это обнаружилось после события 1 сентября 1911 года, вел борьбу на совершенно ином фронте. Из сопоставления показаний Богрова на предварительном следствии с показаниями начальника Киевского охранного отделения Кулябко видно, что Богров впервые явился к Кулябко с предложением своих услуг в середине 1907 года. По официальной справке Киевского охранного отделения о сотруднике Аленском значится следующее:

«По отчетам Киевского охранного отделения в числе сотрудников сего отделения с февраля 1907 года по март 1910 года состоял по анархистам-коммунистам „Аденский“ (условная кличка, данная Богрову).

Получал 100 рублей в месяц». Все исследователи дела Дмитрия считают совершенно невыясненным, по каким причинам он решил завязать отношения с охранным отделением — в деньгах он не нуждался, но тогда что его толкнуло на этот малоприятный в эстетическом отношении шаг?

На предварительном следствии Богров не отрицал, что использовал охранное отделение для совершения террористического акта, — он воспользовался оказанным ему доверием, чтобы иметь возможность быть в курсе передвижений Столыпина по делам службы. С этой же целью Богров предложил свои услуги, также в качестве агента, начальнику Санкт-Петербургского охранного отделения Фон-Котену, но тот сразу догадался, что имеет дело с определенным провокатором, и потому отклонил его услуги.

Когда Богров узнал, что во время Высочайших торжеств в Киеве будет также и Столыпин, то он вновь обратился к начальнику Киевского охранного отделения полковнику Кулябко с предложением своих услуг и указанием, что будто ему лично известны те лица, которые предполагают убить Столыпина. Накануне 1 сентября Богров получил от начальника охранного отделения билет в Купеческий театр, где должен был быть и Столыпин.

«Во время второго антракта… — рассказывал Дмитрий Богров, — я прошел в проход партера, где между креслами приблизился к Столыпину на расстояние 2–3 шагов. Около него никого не было, доступ к нему был совершенно свободен. Револьвер, браунинг, выданный в охранном отделении, находился у меня в правом кармане брюк… я прикрыл его театральной программой. Когда я приблизился к Столыпину на расстоянии 2 аршин, я быстро вынул револьвер из кармана и, протянув руку, произвел два выстрела, и, будучи уверен, что попал в Столыпина, повернулся и пошел к выходу, но был схвачен публикой и задержан».

Раненый премьер повернулся к ложе, в которой находился царь, и перекрестил ее дрожащей рукой. Затем неторопливыми движениями он положил на оркестровый барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и рухнул в кресло. Его белый китель быстро начал наполняться кровью.

Когда Столыпина отнесли в одну из комнат театра и наскоро перевязали, выяснилось, что от мгновенной смерти его спас крест святого Владимира, в который попала первая пуля. Она раздробила крест и ушла в сторону от сердца. Но все же этой пулей были пробиты грудная клетка, плевра, грудобрюшная преграда и печень. Другое ранение было не столь опасным — пуля пронизала кисть левой руки. Врачи распорядились поместить раненого премьера в клинику доктора Маковского. Агония Столыпина длилась 4 дня.

При допросе перед казнью на вопрос, не думал ли он во время Высочайших торжеств убить и царя, Богров твердо ответил «нет», так как убийство государя могло вызвать еврейский погром. Но главным мотивом убийства было именно то, что Столыпин, по его мнению, являлся тем государственным деятелем, который путем реформ и улучшения положения крестьян и рабочих лишал социалистов возможности вести пропаганду против существовавшего строя, и социалисты не могли захватить власть. Убийство государя, по его мнению, не дало бы никаких результатов, так как Столыпин — настолько крупный государственный

деятель, что и при другом царе все равно провел бы все реформы, подавил бы все попытки к революции и еще сильнее укрепил бы государственно-монархический строй. Следствием было точно установлено, что в день покушения на Столыпина Богров обедал в ресторане «Метрополь» с известным врагом монархическо-государственного строя Львом Троцким-Бронштейном. Все поиски Троцкого после убийства Столыпина ни к чему не привели. 9 сентября 1911 года в здании «Косого канонира» Киевской крепости состоялся военный суд над Дмитрием Богровым. От защитника он отказался. Богров был приговорен к смертной казни. Приговор суда был приведен в исполнение в ночь с 11 на 12 сентября 1911 года на так называемой Лысой Горе, в районе Киевской крепости. Социалисты-революционеры хотя и отрицали свое участие в убийстве Столыпина, но позже откровенно высказались, что если бы в 1911 году не был убит Столыпин, то революция в России была бы окончательно задушена. Если бы не выстрел Богрова 1 сентября 1911 года, то не было бы ни мировой войны, ни февральской революции. В последние два десятилетия XIX века и в начале XX смертная казнь в России применялась на основе Положения о мерах к сохранению государственного порядка и общественного спокойствия от 4 сентября 1881 года. Положение это предоставляло право высшим административным чинам передавать на рассмотрение военных судов для осуждения по законам военного времени дела о вооруженном сопротивлении властям, умышленном поджоге, приведении в негодность предметов воинского снаряжения и о некоторых других преступлениях.

После подавления революции 1905 года, в период разгула столыпинской реакции, смертная казнь применялась в невиданных ранее размерах. Массовым явлением стало внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующего.

Только в декабре 1905 года без суда и при отсутствии обвинительного приговора были казнены 376 человек, а в первые три месяца 1906 года — 679. *35 Викторский С. К. Указанное сочинение, с. 342.*

Вот как оценивал карательную политику столыпинской эпохи крупнейший государственный деятель того периода граф С. Ю. Витте, сам отправлявший на виселицу многих революционеров. «Никто столько не казнил и самым безобразным способом, как он, Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевывал так закон, как он, никто не уничтожал так, как он, Столыпин, и все сопровождал самыми либеральными речами и жестами».

ДЖО ХИЛА

Джо пишет песни, которые поют. Эти песни вводу шевляют, внушают бодрость, искрятся юмором. Они разжигают огоньки протеста в павших духом и возбуждают жажду настоящей жизни в сердцах самых покорных рабов. Он выразил словами простую мечту «матроса, портного и лесоруба» о свобод. Не забывает он и «милой девушки с кудрями». Он отразил все черты нашей пропагандистской работы в своих песнях, начиная с задорных «Мистер Блок» и «Кеиси Джонс» и кончая суровой «Если я солдатом буду всем тиранам буду враг». Он облек идеи нашей организации в бессмертные формы — в песни народа, в его фольклор.

Элизабет Герли Флинн

Судебный процесс над американским певцом и поэтом Джо Хиллом приковал к себе внимание всей Америки.

Джо Хилл (Джозеф Хилстром) никогда не писал своих стихов и песен, сидя за письменным столом или роялем. Он скирдовал сено и плавал на судах, рыл землю и убирал городской мусор, добывал медную руду и разгружал баржи, валил лес и стоял у плавильных печей. Наверное, именно поэтому его стихи так легко и органично принимались людьми труда. Их пели в колоннах демонстрантов и в рабочих пикетах, с ними шли на праздник и выходили на стачку. Его песни походили на него самого — бодрые, жизнерадостные, веселые. В материалах его ареста и осуждения много загадочного, что, наверное, никогда уже не станет явным.

10 января 1914 года в 22 часа 05 минут в дежурную часть полиции города Солт-Лейк-Сити поступило сообщение об ограблении бакалейной лавки на Саут-Уэст-Тампл-стрит. Среди опрокинутых ящиков и рассыпанных товаров в лужах крови лежали тела хозяина лавки и его семнадцатилетнего сына Арлинга.

Полицейских встретил младший сын погибшего хозяина — тринадцатилетний Мерлин. Плача, он рассказал, как в лавку вошли двое мужчин, лица которых были скрыты кусками красной материи.

Один из них со словами «Попался, наконец!» выстрелил в отца. Тот упал. Сам он, Мерлин, испугавшись, спрятался за стойку, но так, что было видно все происходившее.

Арлинг же присутствия духа не потерял: он схватил отцовский револьвер и стал стрелять. Ему удалось сделать несколько выстрелов и, как показалось Мерлину, ранить одного из налетчиков. Ответным огнем из двух стволов Арлинг был сражен. Все произошло за несколько минут. Ничего из товаров и имущества, находившихся в лавке, нападавшие не взяли.

Осмотр близлежащей местности позволил обнаружить следы крови, которые вели от лавки через пустырь к полотну железной дороги. Там они терялись. Найденный большой кровяной сгусток, по заключению судебно-медицинского эксперта, свидетельствовал об огнестрельном поражении легкого, сопровождавшемся обильным кровотечением и сильным кашлем.

Составить антропологические портреты налетчиков было трудно, поскольку Мерлин несколько раз менял свои показания и давал существенно различные их описания. Это объясняли его естественным волнением во время происшествия. Но в конечном счете за исходные были приняты следующие данные — оба налетчика примерно одинакового роста — около 5 футов и 9 дюймов (172,5 см), один из них темноволосый и грузный, другой — с более светлыми волосами и худощавый. Расследование этого дела возглавил непосредственно шеф городской полиции Фред Петере. Первой его версией было убийство из мести. Для такой постановки вопроса имелись достаточные основания. Заведение покойного Джона Моррисона в последние годы уже дважды подвергалось вооруженным нападениям. И оба раза гангстерам пришлось уйти ни с чем. В 1903 году хозяин лавки револьверным огнем отбил такое нападение,

тяжело ранив одного из налетчиков.

Десять лет спустя, в сентябре 1913 года, история повторилась вплоть до отдельных деталей. И снова гангстерам пришлось спасаться бегством. Причина столь успешных действий бакалейщика в чрезвычайных обстоятельствах отчасти, видимо, состояла в том, что некогда он сам служил в полиции и даже одно время слыл грозой преступного мира Солт-Лейк-Сити. Естественным было предположить, что убийство мог совершить кто-либо из его бывших «клиентов».

Три дня спустя после убийства в полицию пришел доктор Фрэнк Мак-Хью. Он сообщил, что вечером 10 января, около 23 часов, к нему обратился по поводу огнестрельного ранения груди Джозеф Хилстром, более известный в народе как Джо Хилл. Рана оказалась тяжелой: пуля прошла в дюйме от сердца, пробила левое легкое и вышла через спину. «Я спросил его, — рассказывал врач, — как он получил такое ранение. На это он ответил, что в него стреляли из-за женщины». Больше, по словам доктора, Джо Хилл не распространялся на данную тему, однако просил сохранить его визит в тайне, поскольку речь идет о чести близкого человека. Начальник полиции Фред Петере решил немедленно задержать Джо Хилла. Для облегчения этой операции врачу было предложено усыпить раненого. В согласованное время он сделал ему инъекцию морфия. Лишь только препарат подействовал, в палату пансионата, где лежал Джо Хилл, ворвались полицейские. О том, что произошло дальше, существуют две различные версии. Обе они зафиксированы документально. В полицейском протоколе задержания отмечается, что как только оперативная группа вошла в палату, раненый сразу же пробудился от сна и стал лихорадочно шарить рукой под подушкой. У полицейских якобы не было сомнения в том, что эти действия совершаются в поисках оружия. Поэтому они поспешили опередить Джо Хилла: метким выстрелом он был ранен в руку, после чего схвачен и доставлен в тюремную камеру. Совершенно иначе события, разыгравшиеся в лечебной палате, выглядят по протоколу допроса подозреваемого:

«Я находился в полусне, как вдруг был разбужен стуком в дверь. Кто-то открыл ее, и в комнату ввалились четверо с револьверами в руках. Раздался выстрел, пуля пролетела над самой моей грудью, слегка оцарапала плечо и попала в суставы пальцев правой руки, изуродовав ее на всю жизнь. Никакой необходимости стрелять не было, так как я был беспомощен как дитя и оружия при мне не было. Единственное, что спасло меня, — это то, что полицейский не очень-то владел огнестрельным оружием.

После этого меня доставили в тюрьму графства, дали койку, на которую я лег и тотчас уснул. На следующее утро я почувствовал сильную боль от ранения, попросил перевести в лазарет, но вместо этого меня увели наверх в одиночную камеру и сказали, что я обвиняюсь в убийстве и мне лучше сразу во всем сознаться. Но я понятия не имел о каком-либо убийстве, о чем я заявил им. Они продолжали настаивать, чтобы я не упорствовал, сказали, что проведут меня в лазарет и „отнесутся ко мне справедливо“, если я сознаюсь. Я ответил, что не знаю ни о каком убийстве. Они обозвали меня лгуном, после чего я отказался отвечать на какие-либо вопросы. Я постепенно слабел и три или четыре дня находился

между жизнью и смертью; помню, как однажды зашел один из полицейских и сказал, что, по утверждению доктора, мне осталось жить всего один час… И все же мне удалось выжить, так как я твердо решил не умирать».

28 января мировой судья Гарри Харпер назначил предварительное слушание дела Джо Хилла. На этой стадии уголовного процесса обвинение представляет доказательства, на основе которых судья решает вопрос о наличии или отсутствии юридических оснований для рассмотрения дела по существу в судебном заседании с участием жюри присяжных. На вопрос судьи о том, признает ли обвиняемый себя виновным, последовало твердое: «Нет, не признаю». В опровержение этого утверждения обвинение представило ряд доказательств. Однако свидетели не смогли опознать ни внешности Джо Хилла, ни его голоса. По сути, единственным обвинением против поэта явилась рана в груди, которая, кстати, не совпадала со следами на одежде или совпадала так, как если бы Хилл в момент выстрела стоял с поднятыми руками. Более того, защитников Хиллу дали таких, которые принялись усердно «топить» его, начиная с первого же заседания, что и вызвало протест подсудимого и замену защитников.

Выслушав ряд второстепенных свидетелей, суд предложил подсудимому дать показания по своему делу.

Однако Джо Хилл отказался. Еще накануне суда он заявил, что скорее предпочтет умереть, чем раскрыть имя и бросить тем самым тень на репутацию женщины, из-за которой в него стреляли.

На этом судебное следствие было окончено и суд приступил к прениям. Первым выступил защитник Д. Макдугалл. В своей речи он, в частности, сказал:

«Я не знаю, как его ранили, но я уверен, что его ранили не в лавке Моррисона. В то же время отказ Хилла прояснить данный вопрос не может быть использован против него. Подсудимый не обязан доказывать свою невиновность; дело обвинения доказать его виновность… Все обвинение на этом процессе построено на косвенных доказательствах. Но в этом случае улики в пользу обвинения должны составить единую цепь. Крепость этой цепи определяется крепостью ее слабейшего звена, а поэтому в случае, если обвинение оставило хотя бы одно звено незавершенным, присяжные должны признать подсудимого невиновным». Далее с защитительной речью выступил адвокат С. Кристиансен. Он подробно охарактеризовал всю систему исследованных судом доказательств, особое внимание сосредоточив на отсутствии у подсудимого мотивов к совершению преступления:

«Помните об этом, господа, когда вы уйдете совещаться в комнату присяжных. Если вы не установите мотива убийства, а это едва ли возможно, поскольку обвинение не привело на этот счет никаких доказательств, вам придется оправдать подсудимого». В своей обвинительной речи атторней Э. Лезервуд напомнил присяжным, что Джо Хилл является видным деятелем ИРМ — организации, которая, по его словам, обнаруживает ярую склонность к отрицанию существующего социально-экономического порядка и приверженности к анархии. С пафосом чиновного негодования обвинитель заклеймил подсудимого как «изверга», «паразита», «подстрекателя к бунту». Такого рода выражения, вообще не принятые в приличном обществе, в данном случае

свидетельствовали еще и о явном неуважении профессионального юриста к неустанно провозглашаемому американской юриспруденцией принципу презумпции невиновности. В заключение своей речи атторней Э. Лезервуд поведал присяжным, что одним из основных доказательств виновности подсудимого считает его отказ объяснить обстоятельства, при которых он получил огнестрельное ранение в грудь. В связи с последним фрагментом обвинительной речи атторнея защитник Ф. Скотт заявил протест. В его обоснование адвокат сослался на норму уголовно-процессуального законодательства штата Юта, предусматривающую, что «упущение или отказ подсудимого дать показания не должны истолковываться в ущерб ему и использоваться против него при производстве по делу в суде».

В напутственном слове, с которым обратился судья к присяжным заседателям перед их удалением на совещание, основное внимание было уделено истолкованию системы косвенных доказательств, на которых основано обвинение. При этом судья отверг соображения защиты на этот счет и проинструктировал присяжных в том смысле, что «одно слабое звено в цепи косвенных доказательств не обязательно влечет за собой крушение всего основанного на этой цепи обвинения». С этой инструкцией присяжные удалились в совещательную комнату. Почти восемнадцать часов спорили члены жюри. Наконец, утром 27 июня 1914 года был оглашен вердикт:

«Мы, присяжные, заседавшие по делу „Штат Юта против Джозефа Хилстрома“, считаем подсудимого виновным в тяжком убийстве первой степени, которое ему инкриминировалось в обвинительном акте».

«Ни один мускул не дрогнул на лице Джо Хилла», — отмечал очевидец. Две недели спустя состоялось последнее заседание суда первой инстанции, созванное специально для определения меры наказания и оглашения приговора. Эта процедура не заняла много времени. Судья М. Ритчи объявил, что признанный виновным судом присяжных Джозеф Хилстром приговаривается к высшей мере наказания. В то время уголовно-процессуальное законодательство штата Юта предоставляло осужденному право выбора вида смертной казни Судья предложил Джо Хиллу альтернативу — расстрел или повешение.

«Предпочитаю расстрел, — ответил осужденный. — В меня уже столько раз стреляли в прошлом, что, думаю, выдержу и на этот раз».

Согласно кивнув, судья огласил приговор:

«По приговору настоящего суда Вы, Джозеф Хилстром, препровождаетесь в распоряжение начальника тюрьмы штата для содержания там до 4 сентября 1914 года. В тот день между восходом и заходом солнца Вы будете расстреляны шерифом графства Солт-Лейк на тюремном дворе».

Весть о приговоре популярному барду мгновенно распространилась среди рабочих штата Юта и далеко за его пределами. По всей стране создавались отделения Комитета защиты Джо Хилла. С призывом не допустить расправы над пролетарским поэтом выступили многие видные деятели американского рабочего движения — от ветерана Уильяма Хейвуда до совсем еще юной Элизабет Флинн. Солидарность с американскими трудящимися в их борьбе против тенденциозного приговора рабочие Англии и Канады выразили движением за спасение Джо Хилла.

Немедленного освобождения осужденного потребовали профсоюзы Австралии. «До тех пор, пока наше требование не будет удовлетворено, — отмечалось в их послании губернатору штата Юта Спрэю, — мы установили полный бойкот на товары американского происхождения». Движение в защиту рабочего поэта приобрело поистине глобальные масштабы. Результатом этого стала отсрочка исполнения приговора. Вмешался даже президент США Вудро Вильсон, однако законодатели штата Юта проявили поразительное упрямство, и все газеты штата разразились обвинениями в адрес президента, покрывающего бандитов, чтобы обеспечить себе голоса рабочих на выборах 1916 года.

В свой последний день Джо Хилл принимал репортеров и делегацию из Комитета в его защиту, рассылал письма и телеграммы Он долго беседовал с сотрудником газеты «Геральд рипабликен», который писал: «Хилстром сохранял хладнокровие во время своих прощальных бесед с миром, который, как он знал, ему предстояло через несколько часов покинуть… Не было заметно, что он физически надломлен. Он не нервничал. Руки его, протянутые через решетку, не дрожали. Во время беседы глаза его светились умом и покоем… Присущее ему чувство юмора не покидало его даже в этот тяжелый час… В его поведении не было никаких проявлений чувства мстительности или раскаяния».

В конце беседы репортер спросил Хилла: «Как вы намерены распорядиться своим имуществом, имеющимися у вас мелочами и личными вещами?» Хилл ответил, что ему нечем распоряжаться и что его никогда не интересовали безделушки, сувениры или драгоценности.

«Но я хочу, — сказал он, — оставить завещание и набросаю его теперь. Я оповещу о нем мир через Эда Роуэна и моих друзей из ИРМ».

Затем Хилстром уселся на край койки и написал в стихах прощальное послание миру. В 7.42 утра 19 ноября 1915 года Джо Хилла расстреляли. Газета «Ивнинг ньюс» дала подробное описание казни, а также опубликовала небольшую корреспонденцию из города Сиэтл.

По просьбе его друга и соратника Билла Хейвуда тело Хилла перевезли в Чикаго.

Круглые сутки в часовне «Флоренс андертэй-кинг», где был установлен гроб, стоял почетный караул. Гражданская панихида состоялась в здании «Уэст-сайд аудиториум». Три тысячи человек заполнили помещение. Около тридцати тысяч людей, которые не могли попасть туда, столпились на близлежащих улицах.

«Такого еще не бывало в Чикаго, — писал репортер, сообщавший о ходе похорон в газету „Ивнинг ньюс“ — Везде реяли красные флаги Красным флагом был задрапирован простой сосновый гроб, в котором лежало тело человека, расстрелянного властями штата Юта по приговору суда. Во время похорон не было слышно ни молитв, ни псалмов, раздавались лишь мощные голоса людей, которые пели песни, сочиненные Хилстромом…»

Маленькие конверты с прахом Джо Хилла были распределены во всех 48 штатах США, за исключением Юта, во всех южноамериканских странах, в некоторых странах Европы и Азии, в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке.

Ни женщина, из-за которой стреляли в Джо Хилла, ни тот, кто в него стрелял, так и не дала о себе знать по сей день.

МАТА ХАРИ

О Мата Хари, которая вполне бы могла претендовать на титул самой знаменитой шпионки века, написано 6 книг, сделано 3 фильма и 1 мюзикл.

Найджел Уэст.

«Ненадежный свидетель» Мата Хари ничего не сделала для германской разведки. Ее дело сильно раздуто.

Генерал Темп.

Ни одна феминистка не сможет обвинить органы правосудия в том, что они делают предпочтение мужчинам. Ни суды, ни тем более трибуналы никогда не делали послабления женщинам, в какие бы времена эти суды ни происходили. Существовали, конечно, некоторые послабления для женщин, ожидавших ребенка, но даже в гуманных российских тюрьмах эти дети с момента рождения оказываются заключенными за мамочкино преступление. Гораздо хуже, когда на женщину ополчается целое государство.

Настоящее имя этой женщины было Маргарита Гертруда Зелле (Целле). Родилась она в 1876 году в Леевардене (Голландия). Восемнадцати лет она вышла замуж за офицера голландской колониальной армии по фамилии Маклеод. Муж взял ее с собой на Яву. За шесть лет пребывания на Яве Маргарита Маклеод родила дочку и блестяще овладела искусством восточного танца.

В 1901 году супружеская чета Маклеодов вместе с пятилетней дочерью Марией-Луизой возвратилась в Голландию. Через некоторое время муж покинул Маргариту, забрав дочь с собой. Не будем априорно обвинять его в бесчеловечности — есть такие дамы, которые без излишней обузы (в виде мужа и ребенка) превосходно себя чувствуют. Похоже, Маргарита Целле была именно из этой породы. В 1905 году она приехала в Париж под именем Мата Хари — Утренний луч. Имея за плечами столь бурное прошлое, Мата Хари без труда сочинила себе красочнуюбиографию.

Она с успехом исполняла восточные танцы в Париже, Берлине, Лондоне и Риме.

Сделавшись знаменитой артисткой, Мата Хари стала и великосветской куртизанкой.

Тем не менее, купаясь в золоте, Мата Хари тратила гораздо больше, чем получала. Начало войны застало Мата Хари в Берлине. К тому времени знаменитой восточной баядерке было уже около сорока лет. Война для этой прелестницы не являлась помехой. Будучи гражданкой нейтральной страны, Мата Хари свободно передвигалась по Германии, Франции, Италии. Немецкая, французская и британская разведка подозревали ее в шпионаже, но без каких бы то ни было доказательств, кроме того, что Мата Хари спала и с немецкими офицерами, и членами французского кабинета министров. Мы не исключаем также, что она проделывала это как с английскими, так и с итальянскими (а может быть, и русскими) военными. Для дам такого сорта вообще не существует разницы между мужчинами той или иной национальности, был бы кошелек потолще. А 13 января 1917 года в Париже Мата Хари была арестована и 24–25 июля предстала перед военным трибуналом.

Французская разведка — Второе бюро — утверждала, что Мата Хари пыталась завербоваться к ним на службу, чтобы добраться до секретной информации, однако представитель Второго бюро капитан Ладу не поверил ей и решил проверить. Ей поручили наладить в Бельгии связь с агентами, о которых заранее было известно, что они шпионы-двойники. Когда немцы их казнили, стало ясно, на кого работает Мата Хари. Затем французы якобы добыли немецкий код и расшифровали телеграмму, посланную германской разведкой из Мадрида в Антверпен. В ней сообщалось, что «Х-21» — номеру, под которым у немцев значилась Мата Хари, — посланы 15 тысяч франков за работу в Париже. Основной уликой на суде стал список этих денежных переводов и «секретные» чернила, найденные при аресте, которые, как утверждала актриса, были каплями от головной боли.

Мата Хари ничтоже сумняшеся заявила, что деньги от военного атташе были подарком за ее любовь, и если он требовал их возмещения из фондов финансирования германских спецслужб, значит, он не является джентльменом, каковым она его считала. Мата Хари также подтвердила получение двух денежных переводов на свое имя в Париже в ноябре 1916 года и январе 1917 года. Если французские власти проследили происхождение этих денег, говорила Мата Хари, она спорить не будет, хотя она лично думает, что эти деньги прислал барон ван дер Капеллен, ее голландский любовник. Правда также, что она получила 20 тысяч франков в мае 1916 года от немецкого консула в Амстердаме. Мата Хари с готовностью подтвердила, что консул сказал ей, будто это аванс за обеспечение немцев информацией о ее следующей поездке в Париж. Но она не собиралась давать ему никакую информацию и считала эти деньги компенсацией за меха, отобранные у нее немцами в Берлине в 1914 году!

Весьма значительным фактом является то, что трибунал, взвешивая степень вины Мата Хари, вообще не рассматривал эти денежные переводы как улики. Вместо этого суду было предложено рассмотреть предположения, связанные с намерениями арестованной, и ее взаимоотношения с немцами. Приехала ли она в Париж с целью получения документов или информации, представляющей интерес для Германии? Это было лучшее, что смогло придумать обвинение, поскольку отсутствовал даже намек на какие-либо улики, свидетельствующие о том, что Мата Хари вообще когда бы то ни было снабжала немцев информацией. *36 Факт, признанный Францией в 1932 году, когда глава Военного Совета полковник Лакруа прочитал досье Мата Хари и заявил, что оно не содержит никаких «реальных, осязаемых, абсолютных, неопровержимых улик».*

Более того, как мы уже говорили, Мата Хари была гражданкой нейтрального государства. В своем впечатляющем последнем слове она заявила трибуналу:

«Пожалуйста, примите во внимание, что я не француженка и имею право поддерживать любые отношения с кем я хочу и как хочу. Война — недостаточное основание, чтобы я перестала быть космополиткой. Я придерживаюсь нейтральных взглядов, но мои симпатии на стороне Франции. Если вас это не удовлетворяет, делайте, что хотите!»

Это было худшее, что она могла заявить в этих обстоятельствах. Лучше бы уж просто расплакалась, что ли… В глазах любого француза эта

женщина была не просто проституткой, она была хуже, чем самая низменная тварь. Не будем забывать, что в то время Франция была охвачена пораженческими настроениями, на фронте происходили многочисленные бунты. Россия уже почти вышла из войны, Германия теснила французов на всех фронтах, в стране царили голод, разруха, отчаяние. И в такое время эта кокотка позволяла себе получать от немцев деньги за какле-то сомнительные услуги, жила в шикарных отелях, питалась в роскошных ресторанах… И еще имела наглость заявлять. «Делайте, что хотите!»

Мата Хари защищал один из самых известных адвокатов того времени доктор Клюнэ. Однако все его попытки выявить слабость предъявленных улик разбились о стену предубеждения военных судей, которые уже приняли решение. Ответ прокурора на заключительную речь Мата Хари был краток. Он требовал смертной казни. Вечером на второй день судебного разбирательства судьи удалились на совещание, которое продолжалось совсем недолго. Когда они вернулись в зал заседания, председатель предложил встать, и секретарь суда прочел следующие строки вынесенной резолюции:

«Именем Республики и французского народа военный суд, признав голландскую подданную, именующую себя Мата Хари, виновной в шпионаже против Франции, постановляет осудить ее к смертной казни».

После смертного приговора, вынесенного Мата Хари, прокурор Морне заметил своему другу: «Ба, все улики в этом деле гроша ломаного не стоят!» Однако, как мы уже пояснили, дело тут было вовсе не в уликах, а в самом факте существования женщины легкого поведения, которая водила шашни с немцами, гордилась этим и которой в общем-то было наплевать на победу или поражение Франции. На следующий день защитник подал апелляцию, но ее даже не стали рассматривать. Тогда он подал прошение о помиловании на имя президента — и опять получил отказ. Вслед м защитником к президенту с ходатайством о помиловании обратился ряд французских и нейтральных высокопоставленных лиц — и тоже безуспешно. Президент Франции — тоже патриот своей страны! Смертный приговор остался в силе. Во время трехмесячного пребывания в тюрьме Мата Хари продемонстрировала большую силу духа. Спокойно и гордо села она в автомобиль ранним утром 15 октября 1917 года, который отвез ее к расстрельному столбу. Глаза Мата Хари попросила ей не завязывать. Из всех пуль, выпущенных расстреливавшими ее солдатами, в цель попала лишь одна — и попала прямо в сердце.

Из этого следует, что из всего взвода нашелся лишь один солдат, прицелившийся в Мата Хари. Остальные предпочли стрелять в сторону. Один молоденький солдатик даже упал в обморок на руки врача Бизара, присутствовавшего при казни для освидетельствования смерти осужденной. Объективно рассматривая это дело и исходя из выступления Мата Хари перед трибуналом, мы делаем вывод, что она была виновна в худшем случае в связях с врагами Франции. Однако казнь совершилась, и она послужила гражданам Франции напоминанием об опасности подрывной деятельности внутри страны и предостережением шпионам, которые хотели бы подорвать боевую мощь французов. В общем-то Мата Хари была расстреляна не из-за того, что была опасной шпионкой, а потому, что с

политической и военной точки зрения было целесообразно ее расстрелять. Так сказать, для острастки.

Вот и говори теперь о культе женщины во Франции…

НИКОЛАЙ РОМАНОВ И ЕГО СЕМЬЯ

Пусть же все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель.

Николай II

Во всем мире цари считались «помазанниками божьими». На них не распространялись ни правосудие мирское, ни нормы морали. В их руках была сосредоточена практически безграничная власть над своими подданными. Но и спрос с них всегда шел «по большому счету».

Последний по счету самодержец земли российской принадлежал к династии Романовых и анналов родной истории собой не украсил. Из всех его многочисленных предков самому Николаю более всех импонировал второй по счету Романов — Алексей Михайлович, получивший в историографии полуофициальное прозвание «тишайшего». Выбор образца для подражания в какой-то мере уже говорит о вкусах, да и о харакгере выбиравшего. Но самому стать образцом кротости последнему самодержцу не довелось. Уже при жизни он заслужил ненависть народа и позорную кличку Кровавый, прилипшую к нему несмываемым клеймом после давки на Ходынском поле в честь его коронации.

Люди из числа высших сановников Российской империи, хорошо знавшие Николая Романова, единодушно считали, что по своим качествам он никак не подходил к роли правителя огромного государства. Интеллектуальный уровень его был невысок, образованность посредственная, природных талантов не обнаружилось. Нрав расплывчатый, вяловатый, внешность «средняя», хотя, впрочем, это для управления государством значения не имело. А вот ум, характер, знания — всего этого ему явно не хватало. Современники, а за ними и историки дружно сошлись на том, что к разряду выдающихся людей Николай никоим образом не мог быть причислен. И несмотря на это, о нем написано очень много. Первая волна книг, брошюр и статей пришлась на 1917–1918 годы. Их авторами были в основном представителями либеральной интеллигенции. Вся эта литература носила ярко выраженный разоблачительный характер: в ней огромное количество примеров двуличия, коварства, жестокости, бессердечия «государя императора»; показаны его малодушие, нестойкость во мнениях, малая образованность, низкий уровень культуры, наивность в государственных делах. В какой-то мере этот шквал литературы был санкционирован большевиками, желавшими таким образом показать, что человечество должно быть им благодарно за избавление от Романовых. В 1920-е годы появились более серьезные, аналитические работы, посвященные личности Николая II и его окружению. Публиковалось много документальных материалов — пятитомная переписка царя и царицы, дневники и воспоминания современников. Впоследствии интерес к личности Николая заглох, и практически несколько десятилетий новой литературы о нем у нас не издавалось. Размышляя о причинах трагической гибели последнего русского царя и его семьи, мы полагаем, что тут надо исключить прежде

всего чью-либо злую волю, послужившую причиной расстрела в Ипатьевском доме. Не Юровский и не Ленин явились причинами убийства царя и наследников, ибо если бы не было их, то пришли бы другие. Сама логика развития истории привела к тому, что русский народ возненавидел царствующий дом и относительно легко воспринял его уничтожение, как, впрочем, и передачу власти в руки большевиков.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Николай был наиболее крупным собственником в России: ему принадлежали громадные массивы так называемых кабинетских и удельных земель. Там добывалось золото, серебро, свинец, медь, эксплуатировались леса, значительная часть угодий сдавалось в аренду. Управляло имуществом царя особое министерство императорского двора.

Царь поистине был крупнейшим помещиком, ярчайшим олицетворением собственного сословия и в мышлении, и в поведении.

Народ подкупала манера царя держаться просто, как бы в тени, носить без претензий солдатский мундир, довольствоваться простой пищей. Исчерпывающе проявилось его психологическое Я во время Всероссийской переписи, когда в опросном листке в графе о профессии он собственноручно начертал: «Хозяин земли русской». Так он себя и воспринимал. Так же к нему должны были относиться и все окружающие.

Мысль о том, что он единовластный повелитель и полный хозяин в государстве, накрепко засела в его голове. Ничье мнение не могло быть поставлено вровень с его собственным, любые доводы и аргументы государственных сановников отменялись простой игрой царского настроения. Для того, чтобы так управлять Россией, нужно было бы быть по меньшей мере Петром I. Но Николая отнюдь не отличала сильная воля и способность к принятию решений.

Наследственной чертой почти всех Романовых был алкоголизм. Их кутежи принимали подчас самые непристойные формы. Сам Николай любовь к алкоголю унаследовал от отца. Десятки знавших его людей отмечали в своих воспоминаниях эту пагубную страсть. К концу царствования дело зашло так далеко, что его почти не видели трезвым, что крайне тревожило царственную супругу.

Особого внимания заслуживает «стержень» самодержавия — армия — главная опора династии. В годы царствования Николая II армия участвовала в двух войнах. Но была еще и третья, необъявленная, кровопролитная — война против собственного народа. Во время первой русской революции воинские части использовались для подавления народных выступлений по всей территории Российской империи. Армейские полки, вводя в бой артиллерию и пулеметы, штурмовали баррикады Пресни, казармы восставших кронштадтцев, рабочие кварталы Сормова. Казачьи сотни шли в атаку на ивановских ткачей и читинских железнодорожников, брали с боя дома латышских, эстонских, грузинских крестьян. Боевые корабли били из тяжелых орудий по фортам поднявшего флаг восстания Свеаборга…

Примечательно, что грандиозные поражения в русско-японской войне не вызвали в Николае миролюбивых настроений и не погасили воинственных. Он не желал мира и вынужден был подчиниться давлению обстоятельств.

Ввязавшись в войну, позже названную Первой мировой, Николай II подписал приговор себе и всему царствующему дому. Глубочайший экономический кризис, в которой оказалась ввергнута Россия, привел к Февральской революции и отречению царя, а оттуда лежала прямая дорога на дно заброшенной шахты под Екатеринбургом…

Арестованного после революции царя вместе с семьей большевики содержали в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева, названном по этой причине Домом Особого Назначения. Как установлено позднейшими изысканиями, по собственной инициативе, но с санкции центральных советских властей (в том числе В. И. Ленина и Я. М. Свердлова) Уралисполком принял решение о расстреле бывшего императора России. Кроме самого Николая II были расстреляны члены его семьи — жена, четыре дочери и сын Алексей, а также доктор Боткин и прислуга — повар, горничная и «дядька» Алексея.

Руководил расстрелом комендант Дома Особого Назначения Янкель Хаимович Юровский. Около полуночи 16 июля 1918 года он поручил доктору Боткину обойти спящих членов царской семьи, разбудить их и попросить одеться. Когда в коридоре появился Николай II, комендант объяснил, что на Екатеринбург наступают белые армии и, чтобы обезопасить царя и его родных от артиллерийского обстрела, всех переводят в подвальное помещение.

Под конвоем их отвели в угловую полуподвальную комнату размером 6х5 метров. Николай попросил разрешения взять в подвал два стула — для себя и жены. Больного сына император нес на руках. Едва они вошли в подвал, как следом за ними появилась расстрельная команда. Юровский торжественно произнес:

«Николай Александрович! Ваши родственники старались вас спасти, но этого им не пришлось. И мы принуждены вас сами расстрелять…»

Он стал зачитывать бумагу — постановление Уралисполкома.

Николай II не понял, о чем речь, коротко переспросил: «Что?»

Но тут пришедшие подняли оружие, и все стало ясно. «Царица и дочь Ольга попытались осенить себя крестным знамением, — вспоминал один из охранников, — но не успели. Раздались выстрелы… Царь не выдержал единственной пули нагана, с силой упал навзничь. Свалились и остальные десять человек. По лежащим было сделано еще несколько выстрелов… Дым застилал электрический свет. Стрельба была прекращена. Были раскрыты двери комнаты, чтобы дым рассеялся. Принесли носилки, начали убирать трупы. Когда ложили на носилки одну из дочерей, она закричала и закрыла лицо рукой. Живыми оказались также и другие. Стрелять было уже нельзя при раскрытых дверях, выстрелы могли быть услышаны на улице. Ермаков взял у меня винтовку со штыком и доколол всех, кто оказался живым». Был час ночи 17 июля 1918 года. В ночной мгле за решеткой окна трещал мотор грузовика, пригнанного для перевозки трупов.

Как считает американский историк Ричард Пайпс, именно с убийства царской семьи в России начался красный террор, жертвами которого стали люди, казненные не потому, что они совершили преступление, а потому, что, как выразился Троцкий, «их смерть была

необходима». Р. Пайпс отмечает, что казнь в Екатеринбурге означала для всего человечества вступление в качественно новую моральную эпоху — когда правительство присваивает себе право убивать людей, исходя не из конкретных законов, а из собственного понятия «целесообразности», что фактически приводит к отрицанию всей системы гуманных ценностей, созданных цивилизацией.

ЖЕРТВЫ КРАСНОГО ТЕРРОРА

Террор — бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся.

Энгельс

В данном очерке мы расскажем не о казнях отдельных личностей, а о целой государственной политике уничтожения общественных классов. Человеческое общество трудно удивить массовыми убийствами. Напротив, двуногие подонки предпочитали нарочно нагромоздить горы трупов, чтобы свалить свои преступления на «обстоятельства военного времени». Зачастую обилием трупов затыкали аппетит кровожадной толпе, как это было в период Великой французской революции, или же устрашали эту толпу, как это было в послереволюционной России. Принято считать, что «красный террор» явился ответом на террор «белый», то есть на террористические вылазки буржуазных элементов против коммунистов. Но на самом деле красный террор начался с момента захвата власти большевиками. Начав свою правительственную деятельность в целях демагогических, с отмены смертной казни — большевики немедленно ее восстановили. Уже 8 января 1918 года в объявлении Совета народных комиссаров говорилось о «создании батальонов для рытья окопов из состава буржуазного класса мужчин и женщин, под надзором красногвардейцев». «Сопротивляющихся расстреливать» и дальше: контрреволюционных агитаторов «расстреливать на месте преступления».

Другими словами, восстанавливалась смертная казнь на месте без суда и разбирательства. Через месяц появилось объявление знаменитой впоследствии Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: «…контрреволюционные агитаторы… все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска… будут беспощадно расстреливаться отрядом комиссии на месте преступления». Угрозы стали сыпаться, как из рога изобилия: «мешочники расстреливаются на месте» (в случае сопротивления), расклеивающие прокламации «немедленно расстреливаются» и т. п. Однажды Совет народных комиссаров разослал по железным дорогам экстренную депешу о каком-то специальной поезде, следовавшем из Ставки в Петроград: «Если в пути до Петербурга с поездом произойдет задержка, то виновники ее будут расстреляны». «Конфискация всего имущества и расстрел» ждет тех, кто вздумает обойти изданные советской властью законы об обмене, продаже и купле. Угрозы расстрелом были разнообразны. И характерно, что приказы о расстрелах издавались не одним только центральным органом, а всякого рода революционными комитетами: в Калужской губернии было объявлено, что будут расстреливать за неуплату контрибуций, наложенных на богатых; в Вятке — «за выход из дома после 8 часов»; в Брянске — за пьянство; в Рыбинске — за скопление на улицах и притом «без предупреждения». Грозили не только расстрелом: комиссар города Змиева обложил город контрибуцией

и грозил, что неуплатившие «будут утоплены с камнем на шее в Днестре». Еще более выразительное: главковерх Крыленко, будущий главный обвинитель в Верховном Революционном Трибунале, хранитель законности в советской России, 22 января объявлял:

«Крестьянам Могилевской губернии предлагаю расправиться с насильниками по своему рассмотрению».

Комиссар Северного района и Западной Сибири в свою очередь опубликовал: «Если виновные не будут выданы, то на каждые 10 человек по одному будут расстреляны, нисколько не разбираясь, виновен или нет». Однако официальной датой начала красного террора принято считать 17 августа 1918 года, когда в Петербурге бывшим студентом, юнкером во время войны, социалистом Каннегиссером был убит народный комиссар Северной Коммуны, руководитель Петербургской Чрезвычайной Комиссии — Урицкий. Официальный документ об этом акте гласит: «При допросе Леонид Каннегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за арест офицеров и расстрел своего друга Перельцвейга». Спустя десять дней, 28 августа, социалистка Каплан покушалась на жизнь Ленина в Москве.

В ответ на эти два теракта советская власть объявила о начале целой кампании террора. При этом объектом массовых казней были названы не отдельные личности, не какой-либо класс (как дворянство во времена Великой французской революции), а целые слои населения, а именно — все, кто не относился к рабочему классу или беднейшему крестьянству.

Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем точной цифры этих жертв — мы не знаем даже их имен. С уверенностью, однако, можно сказать, что действительная цифра значительно превосходит цифру, приведенную позднее в полуофициальном сообщении (никакого официального извещения никогда не было опубликовано). В самом деле, 23 марта 1919 года английский военный священник Ломбар сообщал лорду Керзону: «В последних числах августа две барки, наполненные офицерами, потоплены и трупы их были выброшены в имении одного из моих друзей, расположенном на Финском заливе; многие были связаны по двое и по трое колючей проволокой». Один из очевидцев петроградских событий сообщал такие детали: «Что касается Петрограда, то, при беглом подсчете, количество казненных достигает 1300, хотя большевики признают только 500, но они не считают тех многих сотен офицеров, прежних слуг и частных лиц, которые были расстреляны в Кронштадте и Петропавловской крепости в Петрограде без особого приказа центральной власти, по воле местного Совета; в одном Кронштадте за одну ночь было расстреляно 400 чел. Во дворе были вырыты три больших ямы, 400 человек поставлены перед ними и расстреляны один за другим».

«Истерическим террором» назвал эти дни в Петрограде один из руководителей ВЧК, Петере, в интервью, данном газетному корреспонденту в ноябре: «Вопреки распространенному мнению, — говорил Петере, — я вовсе не так кровожаден, как думают». В Петербурге «мягкотелые революционеры были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать. До убийства Урицкого в Петрограде не было расстрелов, а

после него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в ответ на покушение на Ленина ответила лишь расстрелом нескольких царских министров». И тут же, однако, не слишком кровожадный Петере грозил: «Я заявляю, что всякая попытка русской буржуазии еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет все, что понимается под красным террором».

Однако всего за несколько дней перед тем в «Еженедельнике ЧК» (№ 6) был опубликован весьма укороченный список расстрелянных за покушение на Ленина. Их было 90 человек. Среди них были министры, офицеры, служащие кооперативных учреждений, присяжные поверенные, студенты, священники и др. А всего в эти дни в Москве по общим сведениям было расстреляно больше 300 человек.

Не только Петербург и Москва ответили за покушение на Ленина сотнями убийств. Эта волна прокатилась по всей советской России — и по большим и малым городам, и по местечкам и селам. Редко сообщались в большевистской печати сведения об этих убийствах, но все же в «Еженедельнике» мы находим упоминание и об этих провинциальных расстрелах, иногда с определенным указанием: расстрелян за покушение на Ленина. Возьмем хотя бы некоторые из них. «Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя, тов. Ленина, — сообщала Нижегородская ЧК, — побуждает отказаться от сентиментальности и твердой рукой провести диктатуру пролетариата». «Довольно слов!..» «В силу этого» — комиссией «расстрелян 41 человек из вражеского лагеря». И дальше шел список, в котором фигурируют офицеры, священники, чиновники, лесничий, редактор газеты, стражник и пр и пр. В этот день в Нижнем на всякий случай взяли до 700 заложников. «Раб. Кр. Ниж. Лист» пояснял это: «На каждое убийство коммуниста или на покушение на убийство мы будем отвечать расстрелом заложников буржуазии, ибо кровь наших товарищей убитых и раненых требует отомщения».

«В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина… красному террору подвергнуты», по постановлению Сумской (Харьковской губ.) уездной ЧК, трое летчиков; Смоленской Областной Комиссией 38 помещиков Западной Области; Новоржевской — какие-то Александра, Наталия, Евдокия, Павел и Михаил Росляковы; Пошехонский — 31 (целыми семьями: 5 Шалаевых, 4 Волковых), Псковской — 31. Ярославской — 38, Архангельской — 9, Себежской — 17, Вологодской — 14, Брянской — 9 грабителей (И) и т. д.

Всероссийской Ч. К. за покушение на вождя всемирного пролетариата среди других расстреляны, артельщик Кубицкий за ограбление 400 т.р., два матроса за то же, комиссар Ч. К. Пискунов, «пытавшийся продать револьвер милиционеру», два фальшивомонетчика и др. Такой список, между прочим, был опубликован в № 3 «Еженедельника ВЧК» Таких опубликованных списков можно было бы привести десятки, а неопубликованных — не было места, где бы ни происходили расстрелы «за Ленина». Характерен экстренный бюллетень ЧК по борьбе с контрреволюцией в Моршанске, выпущенный по поводу происходивших событий. Он между прочим гласил. «Товарищи! Нас бьют по одной щеке, мы это возвращаем сторицей и даем удар по всей физиономии. Произведена противозаразная прививка, т. е. красный террор… Прививка эта сделана

по всей России, в частности в Моршанске, где на убийство тов. Урицкого и ранение т. Ленина ответили расстрелом… (перечислено 4 человека), и если еще будет попытка покушения на наших вождей революции и вообще работников, стоящих на ответственных постах из коммунистов, то жестокость проявится в еще худшем виде… Мы должны ответить на удар — ударом в десять раз сильнее». И впервые, кажется, появилось официальное заявление о заложниках, которые будут «немедленно расстреляны», при «малейшем контрреволюционном выступлении». «За голову и жизнь одного из наших вождей должны слететь сотни голов буржуазии и всех ее приспешников» — гласило объявление «всем гражданам города Торжка и уезда», выпущенное местной уездной ЧК. Далее шел список арестованных и заключенных в тюрьму, в качестве «заложников»: инженеры, купцы, священники и… правые социалисты-революционеры. Всего 20 человек. В Иванове-Вознесенске заложников взяли 184 человека и т. д. В Перми за Урицкого и Ленина расстреляли 50 человек.

За Урицкого и Ленина действительно погибли тысячи невинных людей. Тысячи по всей России были взяты заложниками.

В № 157 пятигорских «Известий» 2 ноября был опубликован следующий приказ ЧК, возглавляемой Артабековым: «Вследствие покушения на жизнь вождей пролетариата в гор. Пятигорске 21-го окт. 1918 г. и в силу приказа № 3-ий 8-го октября сего года в ответ на дьявольское убийство лучших товарищей, членов ЦИК и других по постановлению Чрезвычайной Комиссии расстреляны нижеследующие заложники и лица, принадлежащие к контрреволюционным организациям». Дальше шел список в 59 человек, который начинался ген. Рузским. Тут же был напечатан и другой список в 47 человек, где вперемежку шли: сенатор, фальшивомонетчик, священник. Заложники «были расстреляны». Это ложь. Заложники были зарублены шашками. Вещи убитых были объявлены «народным достоянием»…

И в дальнейшем процветала та же система заложничества.

Прошел год, в течение которого террор принял в России ужасающие формы: перед ним поистине бледнеет все то, что мы знаем в истории. Группой анархистов и левых социалистов-революционеров, первоначально шедших рука об руку с большевиками и принимавших даже самое близкое участие в организации чрезвычайных комиссий, было совершено террористическое покушение в значительной степени в ответ на убийство целого ряда членов партии, объявленных заложниками. Еще 15 июня 1919 года от имени председателя Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии Лациса было напечатано следующее заявление:

«В последнее время целый ряд ответственных советских работников получает угрожающие письма от боевой дружины левых социалистов-революционеров интернационалистов, т. е. активистов. Советским работникам объявлен белый террор. Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия настоящим заявляет, что за малейшую попытку нападения на советских работников будут расстреливаться находящиеся под арестом члены партии соц. — рев. активистов, как здесь, на Украине, так и в Великороссии. Карающая рука пролетариата опустится с одинаковой тяжестью как на белогвардейца с деникинским мандатом, так

и на активистов левых социалистов-революционеров, именующих себя интернационалистами. Председатель Всеукраинской Комиссии Лацис». Как бы в ответ на это 25 сентября 1919 года в партийном большевистском помещении в Москве, в Леонтьевском переулке, произведен был заранее подготовленный взрыв, разрушивший часть дома. Во время взрыва были убиты и ранены несколько видных коммунистов. На другой день в московских газетах за подписью Каменева была опубликована угроза: «белогвардейцы», совершившие «гнусное преступление», «понесут страшное наказание».

И новая волна кровавого террора пронеслась по России: власть «достойным образом» расплачивалась за взрыв с людьми, которые не могли иметь к нему никакого отношения. За акт, совершенный анархистами, власть просто расстреливала тех, кто в этот момент был в тюрьме.

«В ответ на брошенные в Москве бомбы» в Саратове ЧК расстреляла 28 человек, среди которых было несколько кадетов — кандидатов в члены Учредительного собрания, бывший народоволец, юристы, помещики, священники и т. д. Столько расстреляно официально. В действительности больше, столько, сколько по телеграмме из Москвы пришлось из «всероссийской кровавой повинности» на Саратов — таких считали 60.

Террор в изображении большевистских деятелей нередко представляется как следствие возмущения народных масс. Большевики, мол, вынуждены были прибегнуть к террору под давлением рабочего класса. Мало того, государственный террор лишь вводил в известные правовые нормы неизбежный самосуд. Более фарисейскую точку зрения трудно себе представить, и нетрудно показать на фактах, как далеки от действительности подобные заявления.

В записке народного комиссара внутренних дел и в то же время истинного творца и руководителя «красного террора» Дзержинского, поданной Совет народных комиссаров 17 февраля 1922 года, между прочим, говорилось: «В предположении, что вековая старая ненависть революционного пролетариата против поработителей поневоле выльется в целый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем возбужденные элементы народного гнева сметут не только врагов, но и друзей, не только враждебные и вредные элементы, но и сильные и полезные, я стремился провести систематизацию карательного аппарата революционной власти». «Чрезвычайная комиссия была не что иное, как разумное направление карающей руки революционного пролетариата».

Проект об организации Всероссийской Чрезвычайной комиссии, составленный Дзержинским еще 7 декабря 1917 года на основании «исторического изучения прежних революционных эпох», находился в полном соответствии с теориями, которые развивали большевистские идеологи. Ленин еще весной 1917 года утверждал, что социальную революцию осуществить весьма просто: стоит лишь уничтожить 200–300 буржуев. Известно, что Троцкий в ответ на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм» дал «идейное обоснование террора», сведшееся, впрочем, к чрезмерно простой истине: «враг должен быть обезврежен; во время войн это значит — уничтожен».

«Устрашение является могущественным средством политики, и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать». И прав был Каутский, сказавший, что не будет преувеличением назвать книгу Троцкого «хвалебным гимном во славу бесчеловечности». Эти кровавые призывы поистине составляют, по выражению Каутского, «вершину мерзости революции».

Не могло быть ничего более возмутительного, чем дело капитана Щастного, рассматривавшееся в Москве в мае 1918 года в так называемом Верховном Революционном Трибунале. Капитан Щастный спас остаток русского флота в Балтийском море от сдачи немецкой эскадре и привел его в Кронштадт. Он был обвинен тем не менее в измене. Обвинение было формулировано так: «Щастный, совершая геройский подвиг, тем самым создал себе популярность, намереваясь впоследствии использовать ее против советской власти». Главным, но и единственным свидетелем против Щастного выступил Троцкий. 22 мая Щастный был расстрелян «за спасение Балтийского флота». Этим приговором устанавливалась смертная казнь уже и по суду. «Кровавая комедия хладнокровного человекоубийства» вызвала яркий протест со стороны лидера социал-демократов-меньшевиков Мартова, обращенный к рабочему классу. На него не последовало, однако, тогда широких откликов, ибо политическая позиция Мартова и его единомышленников в то время сводилась «к призыву работать с большевиками для противодействия грядущей контрреволюции».

Смертную казнь по суду или в административном порядке, как то практиковала Чрезвычайная Комиссия на территории советской России и до сентября 1918 года, то есть до момента как бы официального объявления «красного террора», нельзя считать единичными фактами. Их было даже не десятки, а сотни. Мы имеем в виду только смерть по тому или иному приговору, а не расстрелы, которые сопровождали усмирения всякого рода волнений, которых было так много в 1918 году. «К вопросу о смертной казни»: «Отбросим все длинные, бесплодные и праздные речи о красном терроре… Пора, пока не поздно, не на словах, а на деле провести самый беспощадный, строго организованный массовый террор…» — призывал «Еженедельник ВЧК».

После знаменитого приказа Петровского едва ли даже стоит говорить о «рабочем классе», выступающем мстителем за своих вождей, и о гуманности целей, которые якобы ставили себе Дзержинский и другие при организации так называемых Чрезвычайных Комиссий. Только полная безответственность большевистских публицистов позволяла, например, Радеку утверждать в «Известиях» 6 сентября, что «если бы не уверенность рабочих масс в том, что рабочая власть сумеет ответить на этот удар, то мы имели бы налицо массовый погром буржуазии». Какое в действительности может иметь значение заявление неких коммунистов Витебской губернии, требовавших 1000 жертв за каждого советского работника? Или требование коммунистической ячейки какого-то автопоезда — за каждого павшего расстрелять 100 заложников, за каждого красного 1000 белых, или заявление Комячейки Западной Области Чрезвычайной Комиссии, требовавшей 13 сентября «стереть с лица земли гнусных убийц», или

резолюция красноармейской части охраны Острогородской ЧК (23 сентября): «За каждого нашего коммуниста будем уничтожать по сотням, а за покушение на вождей тысячи и десятки (?!) тысяч этих паразитов». Мы видим, как по мере удаления ог центра кровожадность ЧК возрастала — начали с сотен, дошли до десятков тысяч. В Киеве печатался «Красный Меч» — орган ВУЧК, которую возглавлял Лацис. В № 1 мы читаем статью редактора Льва Крайнего: «У буржуазной змеи должно быть с корнем вырвано жало, а если нужно, и разодрана жадная пасть, вспорота жирная утроба. У саботирующей, лгущей, предательски прикидывающейся сочувствующей (?!) внеклассовой интеллигентской спекулянтщины и спекулянтской интеллигенции должна быть сорвана маска. Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов». «Объявленный красный террор — вторит ему тут же некто Шварц — нужно проводить по-пролетарски…»

«Если для утверждения пролетарской диктатуры во всем мире нам необходимо уничтожить всех слуг царизма и капитала, то мы перед этим не остановимся и с честью выполним задачу, возложенную на нас Революцией». «Наш террор был вынужден, это террор не ЧК, а рабочего класса», — вновь повторял Каменев 31 декабря 1919 года. «Террор был навязан Антантой», — заявлял Ленин на седьмом съезде советов в том же году. Нет, это был террор именно Ч. К. Вся Россия покрылась сетью чрезвычайных комиссий для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Не было города, не было волости, где ни появлялись бы отделения всесильной всероссийской Чрезвычайной Комиссии, которая отныне стала основным нервом государственного управления и поглощает собой последние остатки права. Сама «Правда», официальный орган центрального комитета коммунистической партии в Москве, должна была заметить 18 октября: «Вся власть советам» сменяется лозунгом: «вся власть чрезвычайкам».

Уездные, губернские, городские (на первых порах волостные, сельские и даже фабричные) чрезвычайные комиссии, железнодорожные, транспортные и пр., фронтовые или «особые отделы» ЧК по делам, связанным с армией. Наконец, всякого рода «военно-полевые», «военно-революционные» трибуналы и «чрезвычайные» штабы, «карательные экспедиции» и пр. и пр. — все это создавалось для осуществления красного террора. В одном Киеве было 16 самых разнообразных чрезвычайных комиссий, каждая из которых самостоятельно выносила смертные приговоры Константинопольский корреспондент «Общего Дела» Л. Леонидов в ряде очерков «Что происходит в Одессе» представлял потрясающие картины жизни в Одессе в те дни. По его словам, число расстрелянных по официальным данным доходило до 7000. Расстреливали по 30–40 человек в ночь, а иногда по 200–300. Тогда действовал пулемет, ибо жертв было слишком много, чтобы расстреливать поодиночке. Тогда не печатали фамилий расстрелянных, ибо убивали поголовно целыми тюремными камерами. Есть ли здесь преувеличения? Возможно, но как все это правдоподобно.

Ведь поголовно расстреливали всех офицеров, захваченных на румынской границе, не пропущенных румынами через Днестр и не успевших

присоединиться к войскам генерала Бредова. Таких насчитывалось до 1200; они были заключены в концентрационные лагеря и постепенно расстреляны, 5 мая проведен был самый массовый расстрел этих офицеров. Как-то не хочется верить сообщению, будто бы о предстоящем расстреле было объявлено даже в «Известиях». Ночью в церквях раздался «траурный» звон. Ряд священников, по словам автора сообщения, были за это привлечены к суду революционного трибунала и приговорены к 5-10 годам принудительных работ.

В некоторых чрезвычайных комиссиях, говорят, заведена была особая должность «завучтел», то есть заведующий «учетом тел».

Завершая рассказ об этом чудовищном периоде в жизни России, хотим лишь констатировать, что подавляющее число красных палачей не умерли своей смертью, а были сметены очередной волной террора, теперь уже сталинского, и погибли в застенках НКВД так же стремительно, как они сами истребляли своих жертв в застенках ВЧК. И в этом, наверное, есть своя, особенная логика Истории.

АДМИРАЛ КОЛЧАК

Если же кто-либо вступает в заговор с целью восстановить частную собственность, то присуждается к смертной казни.

Уинстенли. «Закон свободы»

Колчак — русский адмирал, ученый, исследователь, путешественник, крупнейший в мире специалист по минным морским заграждениям… Даже на советских картах вплоть до середины 1930-х годов в Карском море значился остров Колчака. Он его открыл, исследовал, описал.

Колчак был хорошо известен за границей. Еще во время русско-японской войны он заслужил славу одного из наиболее храбрых и способных морских офицеров и пользовался большим авторитетом. В 1900 году он был приглашен участвовать в опаснейшей экспедиции барона Толия, снаряженной Академией наук в Ледовитый океан для исследования полярных морей.

В 1912 году Колчак отправился на розыски пропавшей экспедиции Толия. Лишь окончательно убедившись в гибели барона Толия, он возвратился обратно. За эту отважную экспедицию Академия наук поднесла ему впоследствии редкую награду — Большую Константиовскую золотую медаль, которую, кроме него, имеют только три путешественника.

Во время русско-японской войны, в Порт-Артуре, Колчак командовал миноносцем. За Порт-Артур он получил золотое оружие. Уважая храбрость, японцы ему, одному из немногих, оставили в плену оружие, а потом, не дождавшись конца войны, предоставили свободу.

В 42 года Колчак стал адмиралом. Во время войны с Германией Колчак отличился в должности командующего Черноморским флотом. Во время революции, когда флот и армию сотрясали бунты и матросы безжалостно расправлялись с офицерами, Колчак в знак протеста бросил свое оружие в море. Через несколько часов матросы смиренно принесли Золотой кортик в каюту адмирала.

Перед наступлением большевиков в Сибири адмирал просил англичан принять его на службу для участия в войне с Германией. Он получил предложение отправиться в Месопотамию, но по просьбе

российского посланника в Пекине возвратился с дороги и принял участие в организации военных сил на Дальнем Востоке. После избрания Директории он направился к Деникину через Сибирь, но в Омске его попросили остаться. Директория, желая привлечь популярного адмирала в состав правительства, предложила ему пост министра по военным и морским делам. Жаждавшие твердой власти общественные круги уже замышляли в то время свержение Директории и остановили свой выбор на адмирале, наметив его в качестве диктатора. Адмирал ничего об этом не знал и стал Верховным правителем неожиданно, не подозревая о павшем на него жребии.

Колчак был лишен свойств неограниченного властелина. Войскам, желавшим видеть того, за кого они сражались, он сказал: «Вы сражаетесь не за меня, а за родину, а я такой же солдат, как и вы».

Избрание Верховного правителя оказалось актом вынужденным, последствием партийной борьбы и военного заговора. Совет министров сосредоточил верховную власть в руках одного лица, одинаково авторитетного и для гражданских и для военных кругов.

18 ноября по телеграфу во все концы Сибири были переданы следующие сообщения:

«Постановление Совета министров от 18 ноября 1918 г. Ввиду тяжелого положения государства и необходимости сосредоточить всю полноту власти в одних руках, Совет министров постановил передать временно осуществление верховной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

Адмирал Колчак со своей стороны обратился к населению со следующим воззванием:

«Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам. Верховный правитель, адмирал Колчак. 18 ноября 1918 г., г. Омск».

Верховный правитель отбыл на фронт 8 февраля ободрить солдат, выслушать крестьян и просить мирных жителей. В войсках он пользовался огромной популярностью. Вскоре после возвращения адмирала в Омск по всему фронту началось решительное наступление. 8 марта военная сводка сообщила о взятии Оханска и глубоком обходе Осы.

Через несколько дней наголову разбитые красные в панике оставили всю Каму и бежали к Вятке. 14 марта после стремительного удара колчаковских войск красные в панике оставили Уфу.

Наряду с военными вопросами Колчаку приходилось решать и гражданские, а его решения не всегда принимались мирными гражданами — военное время подчас обязывает к крутым мерам. Колчак безжалостно расстреливал коммунистов, также безжалостно он расстреливал и спекулянтов. К тому же Колчаку портили настроение отношения с союзниками — он перестал им верить.

К адмиралу явился весь корпус дипломатических представителей, гражданских и военных. Они предложили адмиралу взять под международную охрану золотой запас и вывезти его во Владивосток.

Адмирал ответил им, что не видит оснований особенно спешить с вывозом золота, но если бы даже это основание было, то он все равно не принял бы предложения союзников.

«Я вам не верю, — сказал он. — Я скорее оставлю золото большевикам, чем отдам союзникам».

Настроению адмирала способствовали вести, приходившие с Востока, — требование союзников освободить Владивосток от русских войск. На что Колчак ответил решительным отказом. 13 января 1920 года поезд Колчака, 58 «бис», был задержан союзными чешскими войсками на станции Элита, в Нижнеудинске. Задержка произошла по требованию командующего эшинским партизанским фронтом Новококшенова, совершившего захват этой станции. Главнокомандующий арьергардной армией Колчака генерал Каппель, узнав о задержании поездов адмирала, счел этот факт оскорбительным для русской армии и написал письмо командиру чехословацкого корпуса генералу Сыровому, в котором вызвал его… на дуэль. Но Сыровой не потрудился даже ответить на это письмо.

Большевики потребовали отречения Колчака и передачи им всех ценностей, в том числе и эшелонов с золотом.

Союзники предложили вывезти Колчака в одном вагоне. Дабы разместить адмирала и его свиту, пришлось взять пульмановский вагон, в коем адмиралу было отведено маленькое купе, а в остальных купе разместились офицеры по 8-10 человек в каждом.

В Иркутске Колчака уже ждали.

О передаче его революционному Иркутску Колчаку было сообщено сразу же по прибытии его вагона на станцию. Никакого особого волнения он не проявил — чувствовал себя давно уже обреченным, сидел в купе с потухшим взглядом и только хмурился от каждого стука двери в тамбуре. Чехословацкую охрану сменили, когда было уже совсем темно. В вагон вошла группа красных командиров. Арест Колчака произошел 15 января 1920 года в 9 часов 50 минут вечера по местному, иркутскому, времени.

В одиннадцатом часу ночи под усиленным конвоем арестованных провели по торосистому льду Ангары, а дальше на автомобилях Колчака и его офицеров перевезли в Александровский централ. Иркутский ревком намеревался сделать открытый судебный процесс над бывшим Верховным правителем России и министрами его Российского правительства. С 22 января Чрезвычайная следственная комиссия под председательством К. Попова начала допрос Колчака. Две недели, изо дня в день, допрашивала комиссия адмирала, а тем временем обстановка в городе накалялась. Контрреволюционеры зашевелились внутри города, к тому же на подходе была армия Каппеля, теснимая большевистскими войсками. Ревком приказал председателю Чрезвычайной следственной комиссии Самуилу Чудновскому держать наготове отряд, который мог бы, в случае попыток освобождения бывшего Верховного правителя, вывести его за город, в более безопасное место.

Ревком не брал на себя ответственность решать вопрос о расстреле Колчака. Запросили Реввоенсовет Пятой красной армии. Мнение Реввоенсовета было сформулировано в следующей телеграмме: «Желательно Колчака сохранить и доставить в наше расположение, но если обстановка сложится такая, что о сохранности Колчака нечего и

думать. Реввоенсовет против расстрела не возражает». 6 февраля остатки армии Колчака вплотную подошли к Иркутску, ревком вынес следующее постановление:

«Иркутский Военно-Революционный Комитет постановил:

1. Бывшего верховного правителя — адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров — Пепеляева — расстрелять.

Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв». *37 Георгий Гинс «Сибирь», «Союзники и Колчак» Харбин-Пекин, 1921, т 1.*

В газете «Советская Сибирь» был напечатан рассказ Самуила Чудновского, палача, руководившего убийством А. В. Колчака.

«В начале февраля 1920 года, когда Иркутску грозило наступление белогвардейцев, я сообщил председателю революционного комитета Ширенкову, *38 Председателем иркутского ревкома в то время был Янкель Шумятский. Кроме него, убийство А В Колчака санкционировали комендант Иркутска Иван Бурсак и член военкома Лазарь Левенсон (из газеты «Русская жизнь», Сан-Франциско, 1990).* что, по моему мнению, необходимо без суда убить Колчака и двадцать других белых лидеров, которые попали в наши руки.

Мое предложение было принято, и рано утром 5 февраля я поехал в тюрьму, чтобы привести в исполнение волю революционного комитета. Удостоверившись, что караул состоит из верных и надежных товарищей, я вошел в тюрьму и был проведен в камеру Колчака.

Адмирал не спал и был одет в меховое пальто и шапку. Я прочитал ему решение революционного комитета и приказал моим людям надеть ему ручные кандалы. „Таким образом, надо мной не будет суда?“ — спросил Колчак. Должен сознаться, что этот вопрос застал меня врасплох, но я не ответил и приказал моим людям вывести Колчака. На вопрос, имеет ли он какую-либо последнюю просьбу, он ответил: „Передайте моей жене, которая живет в Париже, что, умирая, я благословляю моего сына“. Я (Чудновский) ответил: „Если не забуду, то постараюсь исполнить вашу просьбу“.

Как только я оставил Колчака, один из часовых позвал меня назад и спросил, может ли он позволить заключенному выкурить последнюю папиросу. Я разрешил, через несколько минут бледный, возбужденный часовой выбежал в коридор и сказал мне, что Колчак пытался отравиться, приняв капсулу, которая была у него завязана в носовой платок».

А вот воспоминания Л. Левенсона: «К 4 часам утра мы прибыли на берег реки Ушаковки, притока Ангары. Колчак все это время вел себя спокойно, а Пепеляев дрожал как в лихорадке. Полнолуние, светлая морозная ночь. Пепеляев и Колчак стоят на бугорке. На мое предложение завязать глаза Колчак ответил отказом.

Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит мне: „Пора“.

Я даю команду: „Взвод, по врагам революции — пли!“

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь».

Существуют различные рассказы о последних минутах адмирала Колчака, но все они свидетельствуют, что он умер так же смело и честно, как всегда жил.

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ

И залитые кровью недели
Ослепительны и легки
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрей взлетают клинки.
Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь,
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Николай Гумилев

Россия — очень богатая страна, поскольку могла так легко распоряжаться судьбами своих гениев.

Николай Степанович Гумилев — русский поэт, первый муж Анны Ахматовой — был одним из ведущих акмеистов. *39 «Акмеизм (от греч. акте — высшая степень чего-либо, цветущая сила), течение в русской поэзии 1910-х годов (С. Городецкий, М. Кузмин, ранние Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам); провозгласил освобождение поэзии от символистских порывов к „идеальному“, от многозначности и текучести образов, усложненной метафоричности, возврат к материальному миру, предмету, стихии „естества“, точному значению слова. Однако „земной“ поэзии акмеистов присущи модернистские мотивы, склонность к эстетизму, камерности или к поэтизации чувств первозданного человека».* В действительности же его творчество было гораздо более широко и разнообразно, а его жизнь была необычайно интересной, хотя и завершилась трагично.

Николай Степанович Гумилев родился 3 апреля (по старому стилю) 1886 года в Кронштадте, где его отец работал военным врачом. Вскоре его отец вышел в отставку, и семья переехала в Царское Село. Стихи и рассказы Гумилев начал писать очень рано, а впервые в печати его стихотворение появилось в газете «Тифлисский листок» в Тифлисе, где семья поселилась в 1900 году. Через три года Гумилев возвратился в Царское Село и поступил в 7 класс Николаевской гимназии, директором которой был замечательный поэт и педагог И. Ф. Анненский, оказавший большое влияние на своего ученика. Учился Гумилев, особенно по точным наукам, плохо, он рано осознал себя поэтом и успехи в литературе ставил для себя единственной целью. Окончив гимназию, он уехал в Париж, успев выпустить до этого первый сборник «Путь Конквистадоров». Эту книгу юношеских стихов он, видимо, считал неудачной и никогда не переиздавал ее.

В Париже Гумилев слушал лекции в Сорбонне по французской литературе, изучал живопись и издал три номера журнала «Сириус», где печатал свои произведения, а также стихи царскосельской поэтессы Анны Горенко (будущей знаменитой Анны Ахматовой), ставшей вскоре его женой.

В 1908 году в Париже вышла вторая книга Гумилева «Романтические цветы». Требовательный В. Брюсов, сурово оценивший первый сборник поэта, в рецензии на «Романтические цветы» указал на перспективу пути молодого автора: «Может быть, продолжая работать с той упорностью, как теперь, он сумеет пойти много дальше, чем мы то наметили, откроет в себе возможности, нами не подозреваемые». Приехав в Россию, Гумилев сблизился с Вячеславом Ивановым, под руководством которого была создана так называемая «Академия стиха». Одним из инициаторов ее организации стал Гумилев. В основанном С. Маковским журнале «Аполлон» он начал постоянно печатать свои «Письма о русской

поэзии». В 1923 году Г. Иванов собрал их в отдельный сборник, вышедший в Петрограде В 1910 году Гумилев женился на А. А. Горенко, а осенью этого года впервые отправился в Абиссинию, совершив трудное и опасное путешествие. «Я побывал в Абиссинии три раза, и в общей сложности я провел в этой стране почти два года. Свое последнее путешествие я совершил в качестве руководителя экспедиции, посланной Российской Академией наук», — писал в «Записях об Абиссинии» Николай Степанович Гумилев.

До сих пор в Эфиопии сохраняется добрая память о Н. Гумилеве. Африканские стихи Гумилева, вошедшие в подготовленный им сборник «Шатер», и сухая точная проза дневника — дань его любви к Африке.

Н. Гумилев называл свою поэзию Музой Дальних Странствий. До конца дней он сохранил верность этой теме, и она при всем многообразии тематики и философской глубине поэзии позднего Гумилева бросает совершенно особый романтический отсвет на его творчество.

Говоря о военной лирике Гумилева, нельзя не помнить о психологических особенностях его личности. Гумилева не зря называли поэт-воин. Современник поэта писал: «Войну он принял с простотою современной, с прямолинейной горячностью. Он был, пожалуй, одним из тех немногих людей в России, чью душу война застала в наибольшей боевой готовности». Но Гумилев видел и сознавал ужас войны, показывал его в прозе и стихах, а некоторая романтизация боя, подвига была особенностью Гумилева — поэта и человека с ярко выраженным, редкостным, мужественным, рыцарским началом и в поэзии и в жизни.

Октябрьская революция застала Гумилева за границей, куда он был командирован в мае 1917 года. Он жил в Лондоне и Париже, занимался восточной литературой, переводил, работал над драмой «Отравленная туника». В мае 1918 года он вернулся в революционный Петроград. Его захватила тогдашняя напряженная литературная атмосфера. Н. Гумилев вместе с А. Блоком, М. Лозинским, К. Чуковским и другими крупными писателями работает в созданном А. М. Горьким издательстве «Всемирная литература». В 1918 году вышел шестой сборник Н. Гумилева «Костер» и сборник переводов восточной поэзии «Фарфоровый павильон».

У политически совершенно безграмотного Гумилева была своя «теория» о том, что должно, оставаясь при любых убеждениях, честно и по совести служить своей Родине, независимо от того, какая существует в ней власть. Поэтому он признавал советскую власть, считал, что обязан быть во всех отношениях лояльным, несмотря на то, что был в тяжелых личных условиях существования, и на то, что страна находилась в состоянии разрухи. Но жизнь Н. С. Гумилева трагически оборвалась в августе 1921 года.

О смерти Гумилев думал всегда. Известно, например, что в возрасте 11 лет он попытался покончить жизнь самоубийством.

Поэтесса Ирина Одоевцева вспоминала большой монолог о смерти, который произнес перед ней Гумилев в рождественский вечер 1920 года.

«Я в последнее время постоянно думаю о смерти. Нет, не постоянно, но часто. Особенно по ночам. Всякая человеческая жизнь, даже самая удачная, самая счастливая, — трагична. Ведь она неизбежно кончается смертью. Ведь как ни ловчись, как ни хитри, а умереть придется. Все мы

приговорены от рождения к смертной казни. Смертники. Ждем — вот постучат на заре в дверь и поведут вешать. Вешать, гильотинировать или сажать на электрический стул. Как кого. Я, конечно, самонадеянно мечтаю, что умру я не на постели при нотариусе и враче.

Или что меня убьют на войне. Но ведь это, в сущности, все та же смертная казнь. Ее не избежать. Единственное равенство людей — равенство перед смертью. Очень банальная мысль, а меня все-таки беспокоит. И не только то, что я когда-нибудь, через много-много лет, умру, а и то, что будет потом, после смерти. И будет ли вообще что-нибудь? Или все кончается здесь на земле: „Верю, Господи, верю, помоги моему неверию…“»

Через полгода с небольшим после этого разговора Гумилев был арестован органами ГПУ за участие в «контрреволюционном заговоре» (так называемое Таганцевское дело). Накануне ареста 2 августа 1921 года, вспоминала Одоевцева, Гумилев был весел и доволен.

«Я чувствую, что вступил в самую удачную полосу моей жизни, — говорил он. — Обыкновенно я, когда влюблен, схожу с ума, мучаюсь, терзаюсь, не сплю по ночам, а сейчас я весел и спокоен». Последним, кто видел Гумилева перед арестом, был Владислав Ходасевич. Они оба жили тогда в «Доме Искусств» — своего рода гостинице, коммуне для поэтов и ученых.

«В среду, 3-го августа, мне предстояло уехать, — вспоминал В. Ходасевич. — Вечером накануне отъезда пошел я проститься кое с кем из соседей по „Дому Искусств“. Уже часов в десять постучался к Гумилеву. Он был дома, отдыхал после лекции. Мы были в хороших отношениях, но короткости между нами не было… Я не знал, чему приписать необычайную живость, с которой он обрадовался моему приходу. Он выказал какую-то особую даже теплоту, ему, как будто бы, и вообще несвойственную. Мне нужно было еще зайти к баронессе В. И. Икскуль, жившей этажом ниже. Но каждый раз, когда я подымался уйти, Гумилев начинал упрашивать:

„Посидите еще“. Так я и не попал к Варваре Ивановне, просидев у Гумилева часов до двух ночи. Он был на редкость весел. Говорил много, на разные темы. Мне почему-то запомнился только его рассказ о пребывании в царскосельском лазарете, о государыне Александре Федоровне и великих княжнах. Потом Гумилев стал меня уверять, что ему суждено прожить очень долго — „по крайней мере до девяноста лет“. Он все повторял: „Непременно до девяноста лет, уж никак не меньше“.

До тех пор собирался написать кипу книг. Упрекал меня: „Вот, мы однолетки с вами, а поглядите: я, право, на десять лет моложе. Это все потому, что я люблю молодежь. Я со своими студистками в жмурки играю — и сегодня играл. И потому непременно проживу до девяноста лет, а вы через пять лет скиснете“.

И он, хохоча, показывал, как через пять лет я буду, сгорбившись, волочить ноги, и как он будет выступать „молодцом“.

Прощаясь, я попросил разрешения принести ему на следующий день кое-какие вещи на сохранение. Когда наутро, в условленный час, я с вещами подошел к дверям Гумилева, мне на стук никто не ответил. В столовой служитель Ефим сообщил мне, что ночью Гумилева арестовали и увезли».

Обстоятельства смерти Гумилева до сих пор вызывают споры. «О том, как Гумилев вел себя в тюрьме и как погиб, мне доподлинно ничего не известно, — писала Одоевцева. — Письмо, присланное им из тюрьмы жене с просьбой прислать табаку и Платона, с уверениями, что беспокоиться нечего, „я играю в шахматы“, приводилось много раз.

Остальное — все только слухи.

По этим слухам, Гумилева допрашивал Якобсон — очень тонкий, умный следователь. Он якобы сумел очаровать Гумилева или, во всяком случае, внушить ему уважение к своим знаниям и доверие к себе. К тому же, что не могло не льстить Гумилеву, Якобсон прикинулся — а может быть и действительно был — пламенным поклонником Гумилева и читал ему его стихи наизусть».

1 сентября 1921 года в газете «Петроградская правда» было помещено сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти» и список расстрелянных участников заговора в количестве 61 человека. Среди них тринадцатым в списке значился «Гумилев, Николай Степанович, 33 лет, бывший дворянин, филолог, поэт, член коллегии „Издательства Всемирной литературы“, беспартийный, бывший офицер. Участник Петроградской боевой организации, активно содействовал составлению прокламаций контрреволюционного содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

В марте 1922 года петроградский орган «Революционное дело» сообщил такие подробности о казни участников дела профессора Таганцева: «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской железной д(ороги). Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. Начались крики, вопли о помощи. Часть обреченных была насильно столкнута в яму, и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей». Георгий Иванов приводит рассказ Сергея Боброва (в пересказе М. Л. Лозинского) о подробностях расстрела Гумилева: «Да… Этот ваш Гумилев… Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук (т. е. от чекистов, членов расстрельной команды). Улыбался, докурил папиросу… Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвел впечатление. Пустое молодечество, но все-таки крепкий тип. Мало кто так умирает…» В конце 1980-х годов в СССР началась дискуссия о гибели Гумилева. Юрист в отставке Г. А. Терехов сумел познакомиться с делом Гумилева (все дела такого рода обычно засекречены) и заявил, что с юридической точки зрения вина поэта заключалась только в том, что он не донес органам советской власти о предложении вступить в заговорщицкую офицерскую организацию, от чего он категорически отказался. Никаких других обвинительных материалов в том уголовном деле, по материалам которого осужден Гумилев, нет.

Судя по постановлению о расстреле, многие «участники» заговора (в том числе 16 женщин!) были казнены за куда меньшие «преступления».

Их вина характеризовалась такими, например, выражениями: «присутствовал», «переписывал», «знала», «разносила письма», «обещал, но отказался исключительно из-за малой оплаты», «доставлял организации для передачи за границу сведения о… музейном деле», «снабдил закупщика организации веревками и солью для обмена на продукты». Остается добавить, что Гумилев, как и многие поэты, оказался пророком. В стихотворении «Рабочий» (из книги «Костер», вышедшей в июле 1918 года) он написал:

Он стоит пред раскаленным горном,
Взгляд спокойный кажется покорным

От миганья красноватых век. Все товарищи его заснули, Только он один еще не спит, Все он занят отливаньем пули, Что меня с землею разлучит. Пуля, им отлитая, просвищет Над седою, вспененной Двиной, Пуля, им отлитая, отыщет Грудь мою, она пришла за мной..

САККО И ВАНЦЕТТИ

Это было громкое дело. Оно в небывалых еще размерах привлекло к себе внимание всего мира. В нем содержатся моменты, о которых ни один серьезный общественный деятель не преминет глубоко пожалеть. Но время для таких споров миновало. Глава окончена… Кости брошены… Стрела спущена… А теперь нам предстоит обратиться к повседневным обязанностям и заботам с возобновленной решимостью сохранить настоящий образ правления и существующий общественный порядок.

Газета «Геральд», г. Бостон, 1927 г.

Казнь двух итальянских эмигрантов в США явилась одним из тех ярчайших примеров, когда исключительная мера наказания не только не стала предостережением или возмездием, но и внесла глубокое расслоение в общество, пробудила новую волну классовой борьбы и крайне неблагоприятно повлияла на экономическую и внутриполитическую жизнь в Америке.

А началось все с тривиального грабежа двух служащих обувной фабрики. 15 апреля 1920 года днем в городе Южном Брейнтри (штат Массачусетс, США) двое служащих обувной фабрики «Слэйтер-Миррилл» — Фредерик Парментер и Александр Беррардели, везшие зарплату рабочим, около 16 000 долларов, были убиты и ограблены. Бандиты (их было пятеро), покончив со своими жертвами и захватив деньги, скрылись в автомобиле.

Спустя несколько дней были арестованы двое итальянских рабочих-эмигрантов — Николо Сакко и Бартоломео Ванцетти, которым было предъявлено обвинение в убийстве и грабеже.

Несмотря на то, что против них не было никаких улик, несмотря на то, что в пользу Сакко и Ванцетти выступали сотни свидетелей, суд под председательством судьи Тэйера приговорил обоих к смертной казни. Суд был явно пристрастен. Улики, которыми располагал судья, состояли в том, что Сакко и Ванцетти были активистами рабочего движения и руководили различными забастовками, и в том, что у обоих во время ареста найдено было огнестрельное оружие. Картина судебного следствия и суда была чудовищна. На допросах и очных ставках по отношению к двум рабочим со

стороны суда и лжесвидетелей чувствовалось столько расовой и классовой ненависти, что лучшая часть американского общества и широкие слои американского пролетариата подняли голос протеста в защиту невинно осужденных.

Арест их совпал с тем временем, когда по всей Америке полиция громила все левые организации и когда тысячи рабочих — политических эмигрантов Италии, Испании и других стран — депортировались из Америки. Со многими из арестованных полиция расправлялась на месте; так, за несколько дней до ареста Сакко и Ванцетти полицией был арестован их товарищ Сальседо, который под охраной содержался некоторое время на одиннадцатом этаже одного из полицейских зданий. Через несколько дней Сальседо нашли мертвым на мостовой: он был выброшен из окна. Некоторые итальянские товарищи Сакко и Ванцетти хотя и выселялись, как указывалось, в Италию, но они никогда не достигали итальянских берегов. Эти факты заставили рабочих Соединенных Штатов и лучшую часть американской интеллигенции вмешаться в дело Сакко и Ванцетти. Был организован специальный комитет защиты Сакко и Ванцетти. Их товарищи позаботились о том, чтобы это вопиющее дело стало известным далеко за пределами Америки. Было собрано около 400 000 долларов на покрытие издержек по защите Сакко и Ванцетти. Дело приняло самую широкую огласку.

После такой кампании была предпринята попытка к пересмотру этого дела. Собранный материал доказывал, что Сакко и Ванцетти не виновны. Факты, указывающие на лживость и пристрастность суда, на подкуп свидетелей, были настолько явными, что судьям пришлось повременить с казнью Сакко и Ванцетти. Дело это в течение более шести лет не сходило со страниц американской и европейской печати.

Николо Сакко приехал в Соединенные Штаты восемнадцатилетним юношей. Он поселился в городе Стоктоне (штат Массачусетс) и поступил на обувную фабрику фирмы «Три К», где и проработал много лет. Еще в Италии, юношей, он активно участвовал в рабочем движении. Анархист по убеждениям, приехав в Америку, Сакко вошел в группу итальянских эмигрантов, тоже анархистов, и вместе с ними основал в Бостоне революционный клуб, помешавшийся на Маверик-сквере и называвшийся «Итальянское Землячество». Здесь, в первые годы войны, он встретился с Бартоломео Ванцетти, с которым впоследствии таким роковым образом переплелись их жизни. Бартоломео Ванцетти родился также в Италии. С 13 лет он начал работать в булочной.

Поле смерти матери, оставшись круглым сиротой, девятнадцатилетний Ванцетти отправился «за счастьем» в Америку. Там он работал чернорабочим на каменоломнях и электрических станциях, поваром в нью-йоркских ресторанах, мыл посуду, продавал газеты, разносил пирожные, затем переехал в город Плимут и работал на различных фабриках, а в особо острые моменты безработицы зарабатывал кусок хлеба разноской и продажей рыбы.

В ходе следствия была доказана невиновность Сакко и Ванцетти. Так, Сакко полностью доказал свою непричастность к этому гнусному преступлению тем, что он в то время, когда совершалось убийство, находился в итальянском консульстве в Бостоне, чтобы выправить себе

паспорт. Секретарь консульства выразил готовность подтвердить под присягой заявление Сакко. Кроме него, еще десять свидетелей с независимым положением и безупречной репутацией подтвердили, чго Сакко находился в Бостоне в час преступления. Тем не менее их даже не вызвали к следователю.

Ванцетти имел возможность сослаться на десятки свидетелей, которые купили у него рыбу в день убийства. Однако все это попросту не было принято во внимание.

В ход были пущены все средства провокации и подлогов в то время как выписывали «очевидцев» из сыскных контор, было отказано в вызове подлинных свидетелей, видевших Ванцетти в день совершения убийства и ограбления в Плимуте. Несмотря на все уловки суда, 105 свидетелей говорили в пользу обвиняемых и доказывали их непричастность к убийству и ограблению.

Против этих свидетелей защиты прокуратура набрала 53 свидетеля, поддерживавших обвинение. Вскоре выяснилось, что эти 53 свидетеля были набраны из агентов охранки, провокаторов и подонков преступного мира. Но буржуазное правосудие даже этими разоблачениями несмутилось.

Судья Вебстер Тэйер и прокурор Фердинанд Кацман продолжали твердо вести свою линию, не считаясь ни с фактами, ни со свидетелями. 13 свидетелей, вызванных обвинением, не признали ни Сакко, ни Ванцетти. Из 5 свидетелей, опознавших обвиняемых, двое были дискредитированы ввиду их темного прошлого, а третий — ввиду противоречия между его показаниями и показаниями других свидетелей прокуратуры. Очевидцы показали, что убийцы скрылись в автомобиле марки бьюик. Такую машину имел некий преступный авторитет Джой Морелли, вскоре после убийства она исчезла. Главарь банды был описан свидетелями убийства как стройный блондин, — он оказался поляком Стеве, и две фабричные работницы признали в нем человека, которого они в день убийства видели как шофера упомянутой машины. Наконец, другие два свидетеля признали в Джое Морелли — он был похож на Сакко — и в члене его банды Морани лиц, стрелявших в служащих обувной фабрики. Данные об образце пуль, извлеченных из тела убитых, также сходились с типом револьверов, найденных при убийцах. Наконец, некий Челестино Мадерос, выпущенный из тюрьмы за несколько дней до убийства, открыл себе через неделю текущий счет на 2800 долларов. Он был арестован и признал, что это — его часть добычи. На суде Мадерос заявил, что его терзают угрызения совести, и он во всеуслышание признался, что Александра Беррардели убил он — Мадерос, а не Сакко и Ванцетти. Судья Тэйер заявил, что Сакко и Ванцетти должны все же ждать своей участи, суд посчитал, что он выгораживает соучастников, и приговор по делу Сакко и Ванцетти оставался в силе на протяжении шести лет. Губернатор Массачусетса Фуллер, к которому поступило ходатайство защиты о помиловании Сакко и Ванцетти и жалоба на пристрастное ведение дела судьей Тэйером, образовал совещательную комиссию для расследования дела. Комиссия в составе президента гарвардского университета профессора Лоренса Лоуэлла, президента Массачусетского технологического института профессора Самуэля Страттона и судьи Роберта Гранта, рассмотрев под председательством самого Фуллера все относящиеся к делу материалы,

как и следовало ожидать, пришла к выводу, что Сакко и Ванцетти «осуждены совершенно справедливо и что виновность их доказана». На основании решения комиссии Фуллер не только отказался помиловать Сакко и Ванцетти, но даже не счел нужным вновь пересмотреть их дело.

Между тем комиссия не попыталась даже опровергнуть показания свидетелей защиты, выяснить противоречие и путаницу в показаниях свидетелей обвинения, разобрать явно шитое белыми нитками «опознание» осужденных свидетелями обвинения и т. д.

Казнь Сакко и Ванцетти была назначена Фуллером на 10 августа, и уже 3 августа их перевели в камеру «для смертников», находившуюся лишь в нескольких шагах от электрического стула. Лишь в последнюю минуту, благодаря протестам и угрозам в адрес американского суда изо всех стран, казнь была отсрочена до 22 августа. Даже буржуазные круги оказались смущенными решением Фуллера. Так, например, крупнейшая американская газета «Нью-Йорк ивнинг уорлд» 4 августа выступила со следующим заявлением:

«Отказ помиловать Сакко и Ванцетти произведет на весь цивилизованный мир в высшей степени тяжелое впечатление. Вмешательство губернатора не изменило дела. Судьи, рассматривавшие дело Сакко и Ванцетти, придерживались односторонних убеждений и, возможно, были не беспристрастны, следствием чего и явился отказ пересматривать дело. Улики против Сакко и Ванцетти в высшей степени не убедительны и зачастую противоречивы».

Несмотря на то, что большая часть прессы единодушно выступила против решения Фуллера и требовала пересмотра дела в новом составе суда, несмотря на горячие протесты защиты, несмотря на петиции о помиловании, посыпавшиеся со всех концов мира, несмотря на голодовку, объявленную Сакко, — Фуллер категорически отказался изменить принятое им решение и приостановить казнь. Апелляции к президенту Кулиджу были тщетными. Кулидж категорически отказался от какого-либо вмешательства в дело Сакко и Ванцетти.

Камера смерти была выкрашена в белый цвет; в потолке — яркая электрическая лампочка. Требуемые законом свидетели уже явились: шериф Норфолкского графства, врач, газетный репортер и еще несколько человек. Стул в центре помещения выглядел уродливо, словно бутафория в дешевом фильме. Возле стула стояла ширма, а за ширмой — три необделанных гроба, ожидавших три трупа. В семь часов Розина и Луиджия сказали обоим осужденным последнее «прости». Поцеловаться им не было разрешено — в этот вечер властвовал закон. Последнее рукопожатие… Последние слезы…

В девять часов старший надзиратель официально заявил им, что они должны умереть. Лихорадочное молчание сгустилось в нечто осязаемое в этой тюрьме, когда минуты жизни оказались сочтены.

Ровно в полночь разбудили Мадероса. В сопровождении двух надзирателей он прошел тринадцать шагов от своей камеры до маленькой двери и в нее до стула. Закрепили ремни и дали сигнал… Лампочки в коридоре мигнули, когда был пущен ток. Сакко и Ванцетти в своих камерах знали, что это значит. Две минуты спустя труп Мадероса уже лежал за ширмой.

Тогда оба надзирателя вернулись за Сакко.

«Прощай!» — крикнул он Ванцетти и прошел между надзирателями семнадцать шагов в ослепительный свет камеры смерти. Он оглянулся, несколько смущенно, вызывающе. Сел, и надзиратели привязали его ремнями. Затем он почувствовал прикосновение холодного металла.

«Прощай, жена, прощай, мой сын, прощайте, все мои друзья!» — крикнул он.

Надзиратели поправили ремни. Сакко оглянулся.

«Добрый вечер, господа», — сказал он.

Старший поднял руку — это был знак палачу у выключателя.

«Прощай, матушка…» — прошептал Сакко. Это были его последние слова. Труп Сакко был положен рядом с трупом Мадероса на доску за ширмой. Он умер в 12 часов 19 минут 23 августа 1927 года.

Ванцетти ждал уже у решетки своей камеры. Он видел, как померкли лампочки, когда электрический ток сжег жизнь его друга, и видел возвращавшихся надзирателей. Между ними он прошел двадцать один шаг.

Затем свидетели увидели, как он вошел. Впоследствии они рассказывали, что он казался удивительно спокойным.

Импульсивно Ванцетти пожал руки своим надзирателям и старшему, который должен был подать знак палачу. Затем сел. Тон его голоса был удивительно похож на тот, которым он так вежливо обратился к сморщенному судье в дедхемском суде. «Мне хочется сказать вам, что я не виновен и никогда не совершал никаких преступлений, но иногда грешил… Благодарю вас за все, что вы сделали для меня. Я не виновен ни в каких преступлениях, не только в этом, но и вообще! Я погибаю невинно! — Затем он добавил: — Я прощаю людям то, что они теперь делают со мной».

В третий раз электрический ток сжег жизнь в человеческом теле… Надзиратели, руки которых Ванцетти только что пожимал, положили его труп рядом с Сакко. Он умер в 12 часов 26 минут.

Свидетели в глубоком молчании вышли. Им тут больше нечего было делать — разве только репортеру, который обязан был описать всю эту процедуру. Час спустя на тюремный двор приехала похоронная колесница. Колеса ее скрипели по гравию, нарушая лихорадочное молчание тюрьмы. Тела казненных были погружены на колесницу и отвезены в покойницкую.

В следующие дни в разных странах проходили демонстрации протеста перед американскими консульствами, посольствами и торговыми фирмами. Шествия трудящихся в Лондоне и Женеве закончились, благодаря вмешательству полиции, крупными беспорядками. В Париже демонстрации приняли характер революционного мятежа. На некоторых улицах были устроены баррикады. Враждебной демонстрацией был встречен митинг Американского Легиона в Париже, а также прибывший в Берлин мер города Нью-Йорка.

Этой казнью был серьезно подорван престиж США в глазах всего мира. Вот слова Ванцетти, обращенные к судье, объявившему ему и Сакко смертный приговор: «Не будь этого случая, я мог бы прожить всю свою жизнь, проповедуя на углу улиц людям, которые только смеялись бы надо мной. Я умер бы неудачником, безвестным, ничем не отмеченным, ничего

не добившись. Но теперь мы не неудачники. Это — наша карьера и наш триумф. Никогда в нашей жизни мы не могли бы надеяться сделать столько для дела терпимости, справедливости и взаимного понимания среди людей, как теперь в силу случайности. Все наши слова, вся наша жизнь, все наши страдания — ничто! А что вы отнимаете у нас жизнь, жизнь хорошего сапожника и жизнь бедного рыботорговца, это — все! Последнее слово — за нами! Эта агония — наш триумф!»

К этим словам добавить нечего, можно только аплодировать мужеству этих людей, испивших до дна горькую чашу судьбы.

«КРЕМЛЕВСКОЕ ДЕЛО» ЗИНОВЬЕВА — КАМЕНЕВА

«ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны как исключение применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый правильный метод».

Из закрытой директивы ЦК ВКП(б)

Существуют имена, не мыслимые одно без другого. Как физический закон Бойля-Мариотта, так и имена Григория Евсеевича Радомысльского (Зиновьева) и Льва Борисовича Розенфельда (Каменева) связаны в истории СССР неразрывно. Это были политические близнецы не только по возрасту (оба родились в 1883 году и погибли в 1936 году), но и по политическим взглядам. Оба были сподвижниками В. И. Ленина и «прославились» тем, что в 1917 году, накануне Октябрьского восстания, оба выступали категорически против захвата власти большевиками, о чем и заявили в прессе. За это Ленин назвал их «предателями». Это, впрочем, не помешало «близнецам» занимать видные посты в партийных и советских органах. Так, Зиновьев с декабря 1917 года был председателем Петроградского совета, именно на нем лежит ответственность за организацию массовых расстрелов невинных людей в годы «красного террора». Каменев с ноября 1917 года был председателем ВЦИК, а с 1917 по 1926 год председателем Моссовета. Примечательно, что после потери дееспособности В. И. Лениным именно он предложил назначить И. В. Сталина на пост генерального секретаря партии — пост тогда незначительный и связанный с рутинной бумажной работой, пост, которому только Сталин сумел придать истинный блеск. Впрочем, когда Сталин стал прибирать к рукам власть, не кто иной, как Каменев на XIV съезде партии в 1925 году осмелился открыто заявить:

«Я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба… Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!» — после этого заявления Каменев был обречен, с этого мгновения его ждали подвалы Лубянки.

Он, как и Зиновьев, как и многие другие «пламенные ленинцы», не мог понять, что социалистическое государство не может не быть авторитарным, а сила авторитарного государства держится на непререкаемом авторитете именно вождя. В силу этих причин «ленинцы» первыми после уничтожения классовых врагов были обречены занять их места в концлагерях.

Зимой 1935 года органы НКВД арестовали в Москве большую группу сотрудников кремлевских учреждений. Им предъявили тягчайшее по тем

временам обвинение в подготовке покушения на жизнь вождя. Организатором заговора назвали Л. Б. Каменева.

«Тов. И. В. Сталину.

Сейчас, 16 декабря в 19.50 вечера, группа чекистов явилась ко мне на квартиру и производит у меня обыск… Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь Вам всем, что только может быть свято для большевика, клянусь Вам памятью Ленина. Я не могу себе и представить, что могло бы вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души.

Г. Зиновьев».

Обращение Зиновьева осталось без ответа.

В тот же вечер был арестован и Каменев. Он тоже пытался найти путь к чувствам товарища по партии, с которым некогда довелось провести не один день в далекой сибирской ссылке. Но тщетно.

В ходе расследования состав группы заговорщиков быстро расширялся. В сетях НКВД оказываются родственники, друзья, знакомые арестованных и даже случайные лица, имевшие несчастье встречаться с ними.

Всем этим людям приписывались связи с троцкистами и меньшевиками, белогвардейцами и монархистами, русскими эмигрантами и иностранной разведкой.

Дело получило глобальный размах. Средства массовой информации нагнетали невиданную истерию вокруг процесса. Теперь несчастным, обездоленным, полуголодным массам стало ясным, кто виновен во всех их бедах.

В первоначальном варианте обвинительного заключения отмечается, что Зиновьев и Каменев виновными себя не признали. Однако это обвинительное заключение к уголовному делу приобщено не было.

В ночь с 13 на 14 января 1935 года в подвалах Лубянки творилось нечто страшное, ибо на следующий день все обвиняемые дружно признали себя виновными по всем пунктам предъявленного обвинения, даже в убийстве Кирова. Обвинительное заключение было соответствующим образом исправлено.

15 января 1935 года в Ленинграде началось закрытое судебное разбирательство по делу «московского центра». Сохранилось свидетельство очевидца, что перед началом заседания следователь Рутковский обратился к подсудимому Каменеву со словами:

«Лев Борисович, вы мне верьте, вам будет сохранена жизнь, если вы на суде подтвердите свои показания».

Но Каменев ответил, что он ни в чем не виноват. Рутковский же продолжал настаивать:

«Учтите, вас будет слушать весь мир. Это нужно для мира». Первый суд приговорил «главного организатора и наиболее активного руководителя подпольной контрреволюционной группы» Зиновьева к 10 годам лишения свободы, «менее активного» члена «московского центра» Каменева к 5 годам. После оглашения обвинительного приговора по делу «московского центра» волна общественного возмущения происками «зиновьевцев» захлестнула всю страну. Эти настроения подогревало

убийство Кирова, ответственность за которое прямо возлагалось на «зиновьевцев».

Сталину, однако, процесс показался недостаточно масштабным. И он дал указания привлечь к этому делу не только «зиновьевцев», но и «троцкистов». Так возник сценарий нового грандиозного процесса по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра».

Из мест заключения были возвращены Каменев и Зиновьев, к ним добавили осужденных по делу «московского центра» «троцкистов» и недавно прибывших в СССР членов Компартии Германии.

К тому времени наиболее сломленным, падшим духом был основной обвиняемый — Зиновьев. Из тюремной камеры он писал отчаянные письма Сталину.

«В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это… Я… подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я Ваш душой и телом, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение».

Незадолго до суда по всем партийным организациям страны было разослано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока». В нем прямо указывалось, что С. М. Киров был убит по решению «объединенного» центра этого блока. Кроме того, подчеркивалось, что «центр» «основной и главной задачей ставил убийство товарища Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Костора, Постышева». Как показывает сохранившийся в архиве ЦК КПСС рабочий экземпляр закрытого письма, эти фамилии были внесены в текст рукой Сталина. Судьба подсудимых была предрешена. 19 августа 1936 года Военная коллегия Верховного суда СССР приступила к открытому слушанию дела.

После оглашения обвинительного заключения прозвучал обязательный вопрос председательствующего к подсудимым: признают ли они себя виновными. Из 16 обвиненных вину признали 14, в том числе Зиновьев и Каменев. Они же призвали «нераскаявшихся» сознаться.

Полностью утратил самообладание Зиновьев. В первый же день процесса он принял на себя не только моральную и политическую, но и уголовную ответственность за убийство Кирова, подготовку других актов террора. Несколько большую стойкость в начале процесса проявил Каменев. Он, в частности, отверг попытки обвинения инкриминировать им «намерение физически устранить потенциальных свидетелей заговора». Однако в дальнейшем Каменев сдался. Чего стоит его заявление по поводу подготовки убийства Кирова.

«Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев».

Между тем следствие не располагало даже какими бы то ни было фактическими доказательствами подготовки заговора — ножами, бомбами, револьверами. Поражало также количество неудач горе-террористов. Ни один из перечисленных на суде терактов не удался. Из последнего слова подсудимого Зиновьева: «Партия видела, куда мы идем, и предостерегала

нас… Мой искаженный большевизм превратился в антибольшевизм, а через троцкизм я перешел к фашизму». Последнее слово Каменева:

«Какой бы ни был мой приговор, я заранее считаю его справедливым. Не оглядывайтесь назад. Идите вперед. Вместе с советским народом следуйте за Сталиным».

Наверное, они еще верили в справедливость, еще надеялись на снисхождение. После вечернего заседания 23 августа суд удалился на совещание. Оглашение приговора ожидалось к полудню следующего дня. Однако глубокой ночью подсудимые снова были доставлены в Октябрьский зал Дома Союзов. В 2 часа 30 минут Ульрих огласил приговор.

Все подсудимые признавались виновными по статье 58-8 (совершение террористического акта) и статье 58–11 (организация деятельности, направленная к совершению контрреволюционных преступлений) Уголовного кодекса РСФСР. Все приговаривались к расстрелу с конфискацией.

По закону осужденные к смертной казни имели право в течение 73 часов обратиться в Президиум ЦИК СССР с ходатайством о помиловании.

Первым поспешил воспользоваться этой возможностью Зиновьев.

«В Президиум ЦИК СССР.

Заявление

О совершенных мною преступлениях против Партии и Советской Власти я сказал до конца пролетарскому суду.

Прошу мне верить, что врагом я больше не являюсь и остаток своих сил горячо желаю отдать социалистической родине.

Я прошу Президиум ЦИК СССР о помиловании меня.

Г. Зиновьев. 26 августа 36 года 4 часа 30 минут».

Несколько часов спустя поступило ходатайство Каменева. Оно написано предельно кратко; чувствуется, как непросто дались осужденному эти несколько строк. «Глубоко раскаиваюсь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если Президиум не найдет это противоречащим будущему делу социализма, дела Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь. Л. Каменев».

Президиум ЦИК проявил исключительную оперативность. Ходатайства осужденных по данному делу были рассмотрены немедленно. Ни одно из них удовлетворено не было. Приговор остался в силе.

Зиновьева люди Ягоды несли на расстрел на носилках. До последнего своего мгновения он просил свидания со Сталиным, молил о пощаде, валялся в ногах у конвоиров.

«Перестань же, Григорий, — промолвил Каменев — Умремдостойно».

Когда же пришло его последнее мгновение, Каменев не просил ни о чем и принял смерть молча.

Неужели он осознал, что его действительно настигла кара, как соучастника колоссального заговора против целой страны — России, — осуществленного 7 ноября 1917 года.

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА

Я брат всем людям, и мне отвратительны те, кто жертвует собой во имя абстрактной националистической идеи только потому, что они слепо любят родину.

Федерико Гарсия Лорка

Величайший испанский поэт Федерико Гарсия Лорка был баловнем судьбы. Он родился 5 июня 1898 года в андалузском селении Фуэнте-Вакерос недалеко от Гранады. Его отцом был фермер, мать — учительница музыки, стала первым его педагогом. Уже в 20 лет он вступил на поэтический Олимп — одна за другой начали выходить книги его стихов, поэмы, пьесы. В числе его друзей были художник Сальвадор Дали, поэты Рафаэль Альберти и Раймон Хименес. Летом 1929 года Лорка уехал в США. Это решение было неожиданно для всех, в том числе и для него. «Нью-Йорк, вероятно, ужасен, и именно поэтому я еду туда. Полагаю, все будет прекрасно».

В Нью-Йорке Лорка жил в Колумбийском университете, но общался преимущественно с испанцами. В марте 1930 года он уехал на Кубу, вскоре возвратился в Испанию и провел лето в Гранаде, пересматривая и переделывая все, написанное в Америке.

Поэт в Нью-Йорке — «только раненое сердце, слышащее стон иного мира». Он был из тех, кого тайно притягивает отверженность и беззащитность людская. Герои Лорки — любовью или жертвой, надеждой, верностью или особой душой отделены от толпы и этим обречены на одиночество.

Летом 1936 года Лорка был очень печален, растерян и подавлен. Он не мог решить, ехать ему в Гранаду, как обычно, или остаться, спрашивал совета у почти незнакомых людей, но наконец решился: «Я поеду, и будь что будет». Вечером 16 июля Надаль помогал ему собирать вещи. Лорка нервничал, в спешке он совал вещи и рукописи в чемодан, они не помещались, и он отдал Надалю большой пакет, в котором были частные бумаги, письма и черновик «Публики»: «Если со мной что-нибудь случится, сожги». Дом родителей Лорки в Гранаде не был надежным убежищем. Через два дня после начала мятежа там арестовали мужа его сестры, Мануэля Фернандеса Монтесиноса (он был алькальдом и социалистом). 16 августа Лорка был арестован, а через три дня расстрелян в Висваре в восьми километрах от Гранады. Известно, что вместе с ним были расстреляны два тореро и хромой учитель из соседней деревни. В Висваре говорят, что их похоронили под старой оливой около источника Айданамар у большого камня. Виновником их гибели называют некоего полковника Каскахо, который отдал приказ о расстреле, мотивы которого известны только ему одному.

И жизнь и поэзию Лорки оборвали на полуслове. Остались в рукописи «Поэт в Нью-Йорке» и «Диван Тамарита», потеряна рукопись «Сонетов сумрачной любви» и наброски пьес, не осуществлены многие замыслы, ясные с первого до последнего слова. Ясные настолько, насколько была ясна ему собственная судьба… «Истинная поэзия — это любовь, мужество и жертва».

Тогда, летом 1936 года, мало кто осознавал, что на испанской земле фашизм устроил генеральную репетицию кровавой бойни, которую он скоро развяжет во многих странах Европы. В тот момент трудно было представить себе грядущие ужасы Освенцима и Дахау, Ковентри и Лидице, Хатыни и Бабьего Яра. Когда убили Лорку, даже слово «Герника» — название баскского города, зверски разбомбленного германской авиацией,

— почти никому за пределами Испании ничего не говорило. Лишь несколько месяцев спустя правда об этом событии разнесется по свету, породит гениальную картину Пабло Пикассо, превратится в синоним тотальной войны с нарушением всех элементарных норм человеческой совести и международного права, в которой не делается различия между воюющими и невоюющими. Необычайно мощная эмоциональная реакция на первые сообщения об убийстве поэта вынудила франкистов быстро осознать, что эта акция срабатывает против них с большей силой, чем они ожидали.

Сообщение о смерти Лорки вызвало бурю негодования за пределами Испании. В середине октября английский писатель Герберт Уэллс, бывший тогда президентом «Пэн-клуба», направил в Гранаду телеграмму, в которой в корректной и дипломатической форме писал, что с «нетерпением ждет новостей о судьбе выдающегося коллеги Федерико Гарсиа Лорки и заранее благодарен за любезный ответ». Ответ от военного губернатора Гранады генерала Эспиносы, датированный 13 октября, был до грубости краток и совсем не любезен: «Мне неизвестно, где находится дон Федерико Гарсиа Лорка». Очередная ложь: военный губернатор никак не мог не знать, где покоится тело убитого Лорки.

Мировая общественность продолжала требовать объяснений. И тогда франкистская пропаганда решила пустить в ход самую «тяжелую артиллерию». По поводу происшедшего в Гранаде выступил сам Франко. Каудильо дал интервью корреспонденту мексиканской газеты «Пренса», опубликованное 26 ноября 1937 года, Франко заявил: «За границей очень много говорят об одном писателе из Гранады, подлинный талант которого мне не дано оценить, как невозможно судить, насколько широко распространилась бы за пределами Испании слава о нем, останься он в живых, — о нем говорят так много потому, что красные использовали его имя для своей пропаганды. Однако факт остается фактом: в первые моменты восстания в Гранаде этот писатель погиб, так как связался с бунтовщиками. Это естественные случайности, неизбежные в ходе военных действий. Гранада в течение долгого времени была в осаде, безумные действия республиканских властей, раздавших людям оружие, привели к ряду стычек в этом городе, в одной из которых и погиб этот гранадский поэт… Так что запомните раз и навсегда: мы не расстреливали никакого поэта».

Но время шло, попытки франкистов замолчать свое преступление, стереть память о поэте и вообще закрыть «дело Лорки» ни к чему не приводили. Слава поэта за пределами страны росла, его стихи издавались растущими тиражами, пьесы ставились во многих странах. И тогда фашисты решили сменить тактику. Они перестали отрицать убийство поэта мятежниками, объясняя это действиями «безответственных» групп в Гранаде. Эта версия стала особенно упорно распространяться после того, как один из виднейших фалангистов, Серрано Суньер, стал зятем каудильо и его правой рукой. Фаланга — впрочем, как никакая другая группа среди правящих кругов франкистской Испании, — не была монопольной обладательницей власти: власть принадлежала только самому каудильо. Но в борьбе за большее влияние на него фалангисты не упускали случая потеснить соперников.

В своем рвении они доходили даже до того, что, оскорбляя память Лорки, пытались объявить поэта «своим»; сочинили миф о том, что он якобы в душе симпатизировал им, что перед смертью собирался написать гимн в честь фалангистов. Примерно в то же время стала усиленно распространяться и другая версия: Лорку якобы убили жандармы, которые не могли простить ему оскорблявшую честь их мундира «Балладу об испанской жандармерии», ставшую известной во всем мире. Однако спустя почти шестьдесят лет со дня смерти Лорки нам ясно, что смерть Лорки не была случайностью. Для фашиствующих подонков всегда наиболее страшным оружием были слово и ум человеческий. Именно поэтому на кострах сжигались книги вольнодумцев, подвергалась репрессиям интеллигенция. Так, в той же Гранаде, где мятежники взяли власть мгновенно и почти без кровопролития, с первого дня начались планомерные расстрелы интеллигенции: был расстрелян редактор газеты, главный архитектор города, профессор педиатрии и сотни других — протестантские пасторы, журналисты, юристы, филологи, врачи, преподаватели университета. За два года в Гранаде были расстреляны почти три тысячи человек — и все они были схвачены по приказу и с ордером на арест.

Федерико Лорка прожил короткую и яркую жизнь и погиб на взлете своего таланта, не дав никому усомниться в своей отваге и мужестве — прекраснейшая смерть, о какой только может мечтать истинный поэт.

ДЕЛО «КРАСНЫХ КОМАНДАРМОВ» — ТУХАЧЕВСКИЙ, ЯКИР

Нельзя строить армию без репрессий…

Троцкий. «Моя жизнь»

Одна из наиболее загадочных страниц истории борьбы за власть в сталинскую эпоху — так называемый «заговор Тухачевского».

Все производство по этому делу было окутано строжайшей тайной. Никаких подробностей не сообщалось. В печати приводились лишь имена «заговорщиков» и формулировка предъявленного обвинения. Да еще официальное сообщение о приведении приговора в исполнение.

5 июля 1936 года сотрудники НКВД арестовали Дмитрия Шмидта, командира танкового соединения в Киевском военном округе.

Когда об аресте стало известно командующему Киевским военным округом командарму Ионе Якиру, тот обратился за разъяснениями к Ежову. Выслушав командующего округом, Ежов выдержал паузу и не спеша выложил перед командармом ряд документов. В основном это были показания Мрачковского, Дрейцера и Рейнгольда, проходивших по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». В этих показаниях утверждалось, что Шмидт готовил убийство наркома обороны Ворошилова. Якир был ошеломлен. Ни в малой степени не поверив этому сообщению, он тем не менее не счел возможным его оспаривать. Любая попытка такого рода в глазах Ежова выглядела бы как очевидное свидетельство расположения к врагу народа, если не хуже того — соучастия в подготавливаемом им преступлении. А далее появились показания. В одном из них Шмидт сообщал, что по указанию своего непосредственного начальника, командарма Якира, готовил танковое соединение для вооруженного восстания. Когда Иона Эммануилович Якир ознакомился с их

содержанием, в его черных вьющихся волосах впервые появились седые пряди. В то время ему не было еще и сорока.

Якир стал настаивать на очной ставке со Шмидтом. И добился своего. В седом старике, которого посадили напротив, Якир никак не мог узнать своего бывшего подчиненного, всегда отличавшегося молодцеватостью и даже несколько вызывающей манерой поведения.

Перед ним был апатичный человек, совершенно безразличный, как казалось, не только к предмету допроса, но и к своей собственной судьбе. Однако на вопрос Якира, соответствуют ли его показания действительности, Шмидт твердо ответил:

«Нет, не соответствуют».

Продолжать очную ставку при таких обстоятельствах следователь счел излишним и все другие вопросы Якира к обвиняемому решительно отвел. Тем не менее командарму удалось получить от Шмидта краткую записку к наркому обороны Ворошилову. В ней тот отрицал предъявленное ему обвинение.

С разрешения следователя Якир в тот же день доставил записку адресату. Ознакомившись с ее содержанием, Ворошилов сказал, что будет держать это дело под контролем.

Итак, в этот свой приезд в Москву Якиру удалось многое. В тех условиях это было даже невероятно много. И командарм не мог не чувствовать удовлетворения от поездки.

Кажется, наступил перелом.

Опасное развитие событий удалось остановить.

Но такого рода удовлетворение оказалось преждевременным. В штаб Киевского военного округа по спецсвязи позвонил Ворошилов и сообщил командующему о том, что на следующий день после очной ставки Шмидт снова подтвердил свои первоначальные показания. Это был нокаут. Отныне оставалось лишь ждать дальнейшего развития событий.

И они последовали. На этот раз с неожиданной стороны.

В апреле 1937 года арестовали командующего Уральским военным округом комкора Гаркавого, с которым Якир состоял не только в дружеских, но и в родственных отношениях: их жены были родными сестрами. Якир почувствовал, как стремительно сжимается вокруг него кольцо. Решительный, импульсивный человек, Иона Якир не мог в этих условиях оставаться в бездействии. И он предпринял отчаянный шаг, на который до него решались разве что потенциальные самоубийцы. Презрев субординацию, минуя наркома обороны, он обратился непосредственно к Сталину. Вопреки ожиданиям генеральный секретарь принял Якира сразу. Внимательно выслушал. Не перебивал. Не торопил. Не ограничивал продолжительность встречи. Успокоил: изобличающие Гаркавого данные состоят исключительно из показаний лиц, находящихся под стражей. Если тщательная и беспристрастная проверка не подтвердит их достоверность, комкор будет немедленно освобожден и восстановлен в должности.

Время, однако, шло, следствие продолжалось, арестованный комкор Гаркавой по-прежнему находился под стражей. Не освобождали и Шмидта. Более того, каждый день приносил известия о все новых и новых арестах.

Михаил Николаевич Тухачевский был блестящим военным офицером. От должности подпоручика царской армии он, человек без

высшего образования, стремительно сделал военную карьеру. В гражданскую войну он командовал рядом армий в Поволжье, на Юге, Урале, в Сибири. Тухачевский был одним из главных действующих лиц в советско-польской войне, в 1921 году активно участвовал в подавлении кронштадтского мятежа. Именно он подавлял крестьянские восстания в Тамбовской и Воронежской губерниях.

Тухачевский — автор ряда работ, оказавших влияние на развитие советской военной науки и практику военного строительства.

Так, в совершенно секретной докладной записке от 4 апреля 1935 года о беседе с германским военным атташе Геккер сообщал мнение своего собеседника о Тухачевском как о лице «значительном в политическом и военном отношениях и особенно уважаемом в Германии».

Такого рода оценки из докладной записки субъекта, обвиняемого в шпионаже в пользу германской разведки, могли дорого стоить Тухачевскому. И он это, несомненно, осознавал, тем более что ему, как маршалу, было доподлинно известно, — с докладной запиской Геккера ознакомился не только нарком обороны Ворошилов, но и Сталин с Молотовым. Со Сталиным у Тухачевского сложились достаточно сложные отношения еще со времен гражданской войны.

Когда в 1920 году наступление Красной Армии на Варшаву захлебнулось в крови, возник неизбежный после всякого неудачного предприятия вопрос: кто виноват? Сталин возлагал ответственность непосредственно на командующего наступавшими на Варшаву войсками Тухачевского. Тот в свою очередь считал, что причина неудачи в медлительности львовской группировки Красной Армии, которая своевременно не пришла на помощь наступавшим войскам. Этой группировкой командовали Егоров и Сталин.

Однако уже даже в те времена было очевидно, что причиной неудачи Красной Армии под Варшавой был крупнейший политический просчет советского руководства, недооценившего стремления поляков к освобождению. Это сознавал даже Ленин, который отнюдь не настаивал на установлении конкретного виновника случившегося. Известно лишь короткое замечание на этот счет, которым Ленин поделился с управляющим делами Совнаркома Бонч-Бруевичем: «Ну кто же на Варшаву ходит через Львов?»

В любом случае Тухачевский не только не понес какой-либо ответственности за сокрушительное поражение возглавляемых им войск, но и получил назначение на высший командный пост.

Эта давняя история и много лет спустя все еще стояла между генеральным секретарем партии и первым заместителем наркома обороны СССР. К этому добавилась очевидная ориентация Тухачевского на Троцкого, который по всякому поводу и без такого ставил в пример красноармейским командирам «славное имя товарища Тухачевского». Не меньше усердия в этом отношении проявлял и заместитель Троцкого в Реввоенсовете республики Э. М. Склянский, благодаря которому безвестный подпоручик царской армии Тухачевский оказался в поле зрения высшего военного руководства страны.

Падение Троцкого повлияло на политическую репутацию красного маршала. Тухачевский попытался изменить ситуацию. Известный своей

исключительной способностью вызывать к себе симпатии людей, обстоятельный Михаил Николаевич умел находить кратчайшие пути к расположению лиц, в которых он был заинтересован.

В своих мемуарах германский генерал К. Шпальке, хорошо знавший Тухачевского, отмечал его исключительную «лабильность», то есть «чрезвычайную способность подстраиваться». Это свойство характера Михаил Николаевич пытался использовать в своих отношениях со Сталиным. В 1935 году он написал статью «Военные планы Гитлера», рукопись которой отправляет Сталину на отзыв. Статья завершалась здравицей в честь генсека: «Нет силы, способной победить нашей социалистической колхозной страны с ее гигантскими индустриальными ресурсами, с ее великой коммунистической партией и великим вождем тов. Сталиным».

Весь этот пассаж Сталин решительно зачеркнул синим карандашом. Благодаря правкам генсека статья приобрела строго деловой характер и такой вышла в свет. Тухачевский предпринимает ряд других попыток такого же рода добиться расположения Сталина. Но генсек не принимал от маршала ничего — ни славословий, ни едва завуалированной лести. Вместо желанного сближения Тухачевский вдруг почувствовал, что все его усилия приводят к обратному результату. Все более возрастало внимание Сталина к конкретной деятельности маршала в Наркомате обороны. К такого рода персональной опеке Сталин прибегал лишь в исключительных случаях.

Клим Ворошилов и Николай Ежов получили задание тщательно проверить послужной список Тухачевского, разобраться с реальными результатами его деятельности на посту первого заместителя наркома обороны СССР. Тогда на свет выплыли любопытные факты.

Будучи начальником вооружений Красной Армии, Тухачевский фактически блокировал производство ручного автоматического оружия, отдавая явное предпочтение традиционным винтовкам. Когда в 1932–1933 годах на полигонных испытаниях из 14 образцов пистолетов-пулеметов лучшей была признана конструкция В. Дегтярева, Тухачевский заказал изготовить только 300 экземпляров этого образца, да и то исключительно для армейского начсостава.

Тухачевский решительно выступал против минометного вооружения Красной Армии. В результате его усилий в планах второй пятилетки производство этого вида оружия вообще не предусматривалось. Место минометов должны были, по замыслу маршала, занять пехотные мортиры, которые так и не были созданы. Всячески препятствовал Тухачевский и развитию ствольной артиллерии. Он доказывал, что такого рода артиллерийские системы исторически обречены и должны быть заменены безоткатными динамореактивными пушками. Попытки ведущего советского конструктора В. Грабина убедить маршала в узости, односторонности и опасности такого подхода для обороноспособности страны успеха неимели.

Были и другие факты, которые в обобщенном и систематизированном виде неизбежно порождали непростые вопросы о причинах такого рода действий со стороны маршала. Сегодня представляется, что наиболее вероятной причиной подобных просчетов являлось отсутствие у Тухачевского высшего военного образования. Но в те времена такое истолкование вряд ли могло показаться основательным.

Логика классовой борьбы скорее подсказывала другие объяснения очевидных промахов маршала — измена и вредительство.

И Сталин приказал Ворошилову и Ежову продолжать проверку. 1 мая 1937 года Тухачевский, как всегда в этот день, появился на Красной площади в Москве, на трибуне для высшего командования Красной Армии. Но на этот раз праздничная атмосфера, которая всегда отличала военные парады, приобрела зловещие черты. Люди, которые стояли на трибуне рядом с Тухачевским, явно тяготились его присутствием. Не было обычных оживленных реплик, глухая стена молчания отгородила Тухачевского от других военачальников. А стоявший рядом с ним маршал Егоров не только не поприветствовал коллегу при встрече, но даже дистанцировался от него во время парада.

Так и стоял Тухачевский все сорок минут парада — в одиночестве среди своих. И не выдержал. Сразу же по окончании парада, не ожидая начала демонстрации, Тухачевский покинул трибуну.

В кабинете Сталина появился Николай Ежов с протоколом допроса сотрудника НКВД Белоруссии А. П. Баранова.

«Вопрос: Вы подали заявление с признанием вашего участия в антисоветском военно-фашистском заговоре. Подтверждаете ли вы это заявление? Ответ: Да, подтверждаю полностью. В антисоветский военно-фашистский заговор я вовлечен бывшим начальником отдела боевой подготовки НКВД БССР полковником Мельниковым в январе 1936 года… Мельников рассказал мне о том, что в РККА существует военный заговор, целью которого является свержение существующего строя насильственным путем и реставрация капитализма в СССР, а теперь проводится большая подготовительная подрывная работа по ослаблению боеготовности и боевой подготовки войск, направленная на поражение Красной Армии в будущей войне». Далее А. П. Баранов назвал фамилии руководителей заговора: Тухачевский, Гамарник, Уборевич.

Тревожная информация поступала к Сталину и из-за рубежа. В Праге президент Чехословакии Бенеш передал советскому послу Александровскому факсимиле некоторых документов германской службы безопасности СД, из которых следовало, что маршал Тухачевский и ряд других военачальников Красной Армии из его ближайшего окружения сотрудничают с руководством вермахта и германской разведки. Полагают, что эти документы — личная заслуга руководителя СД обергруппенфюрера Гейдриха и что действовал он по личному распоряжению Гитлера. По некоторым данным, в подготовке дезинформации принимали участие Гесс, Борман и Гиммлер. Воздержимся от рукоплесканий немецкой разведке — многие данные дают нам основания предположить, что Тухачевский и так был обречен. 11 мая 1937 года советские газеты поместили официальное сообщение о новых назначениях в Наркомате обороны СССР. Первым заместителем наркома стал маршал А. И. Егоров. Занимавший ранее эту должность маршал М. Н. Тухачевский назначался командующим войсками Приволжского военного округа.

В тот же день был арестован начальник военной академии им. М. В. Фрунзе командарм 2-го ранга Август Корк. На допросе он назвал состав «штаба переворота» — Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Эйдеман.

Арестовали и начальника административно-хозяйственного управления РККА комкора Б. М. Фельдмана. Его допрашивал следователь НКВД З. М. Ушаков. Методов следствия, к которым он прибегал, не выдерживал никто. Не явился исключением и Борис Фельдман. На допросе он показал, что в контрреволюционный заговор его вовлек маршал Тухачевский.

Последний, разумеется, ничего не знал об этих показаниях. Когда же Тухачевскому стало известно об аресте своего ближайшего помощника, он, по свидетельству очевидца, тихо произнес: «Какая-то грандиозная провокация». По некоторым данным, маршал по этому поводу даже писал Сталину. Но генсек не ответил.

Тухачевский отправился к новому месту службы. 26 мая он прибыл в Куйбышев, где располагался штаб Приволжского военного округа. Прямо с вокзала маршал направился на областную партийную конференцию, которая проходила в помещении местного театра. Там Тухачевский выступил с краткой речью. В перерыве маршала пригласили в обкомпартии.

В кабинете первого секретаря Тухачевский был арестован. Войдя туда по приглашению, он вышел под конвоем.

Трое суток спустя командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга П. Уборевич получил из генштаба предписание срочно прибыть в Москву. В тот же день Иероним Уборевич прибыл по вызову. На Белорусском вокзале столицы его уже ждали представители Генштаба. Встреча ничем не отличалась от предыдущих: те же уставные армейские приветствия, крепкие рукопожатия, сообщение о том, что в Генштабе его ждут для решения неотложных — оперативных вопросов.

И только в машине командарм узнал, что арестован и что везут его не в Генштаб, а во Внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке.

Еще сутки спустя в кабинете командующего Киевским военным округом командарма И. Э. Якира раздался телефонный звонок правительственной связи. На проводе был маршал Ворошилов. После обычных вопросов об оперативной обстановке в округе нарком обороны сообщил, что на 1 июня назначено заседание Военного совета, и приказал прибыть. Якир ответил, что сегодня же вылетает самолетом. Но Ворошилов в категорической форме потребовал ехать железнодорожным транспортом. Такого не бывало никогда. Личный самолет командующего округом для того и существовал, чтобы обеспечить максимально быструю связь, и прежде всего с Москвой. Требование наркома никак не укладывалось в сложившийся порядок общения. Это был явный знак опасности. Но у Якира не было выбора. В тот же день он вместе с адъютантом выехал в Москву.

Ночью поезд остановился в Брянске. В вагон поднялись четверо в штатском, быстро прошли в купе и предложили командарму следовать за ними. Якир потребовал предъявить ордер на арест, что и было сделано. Тогда командарм попросил адъютанта сообщить семье о случившемся и твердой походкой направился к выходу. В Москву Иону Якира повезли на автомобиле. Выяснять причины ареста у молчаливой охраны было бесполезно. Поэтому молчал и командарм, обдумывая ситуацию. На предельной скорости машина быстро доставила арестованного на Лубянку. Здесь с него тут же сорвали ордена и знаки отличия. Якир потребовал встречи с Ворошиловым. Ему отказали. Со Сталиным — тем более.

Написал письмо в Политбюро. Никакого ответа.

Тогда арестованный написал личное послание генсеку:

«…Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной, честной работе на виду партии и ее руководителей… Я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма». На письме Сталин оставил пометку: «Подлец и проститутка».

Под этим подписались Ворошилов, Молотов, Каганович.

Судьба Якира была решена.

И хотя арестованный, конечно же, не видел этой зловещей пометки на своем послании, он все понял.

И быть может, поэтому следующее его письмо было уже не о себе. С ним было покончено. Но оставались близкие.

«К. Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился и к Н. И. Ежову. Якир, 9 июня 1937 г.». На этом письме пометка: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще. К. Ворошилов. 10 июня 1937 года».

История сохранила и мнение Хрущева об арестованном командарме. Два десятилетия спустя после его гибели Никита Сергеевич высказывался о Якире в восторженных выражениях и винил во всем Сталина. А тогда он говорил нечто совершенно иное о «выродке, намеревавшемся открыть дорогу фашистам».

В то время, когда арестованный командарм в камере на Лубянке ломал голову над тем, как найти выход из безвыходного положения, в Кремле проходило заседание того самого Военного совета, для участия в работе которого и прибыл в Москву Якир.

Присутствовали члены Политбюро и правительства. С докладом выступил Ворошилов. Он сообщил о раскрытии в Красной Армии «контрреволюционной военной фашистской организации». Итоги Военного совета подвел Сталин.

Вскоре появился приказ № 96 наркома обороны К. Е. Ворошилова, в котором отмечалось:

«С 1 по 4 июня с.г. в присутствии членов правительства состоялся Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. На заседании Военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой НКВД предательской контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии».

Следствие было недолгим. Все без исключения арестованные военачальники на следствии признали себя виновными в контрреволюционном заговоре. Некоторые к тому же признались в шпионаже в пользу зарубежных разведок. Так, Тухачевский на допросе показал, что еще в 1925 году передавал секретные сведения сотруднику польской разведывательной службы Домбалю, а в последние годы сотрудничал с военной разведкой Германии.

Уголовное дело о заговоре в РККА рассматривалось в закрытом судебном заседании Специальным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 года. Председательствовал армвоенюрист Ульрих. В состав суда входили восемь крупных советских военачальников — маршалы Буденный и Блюхер, командармы Алкснис, Шапошников, Дыбенко, Белов, Каширин, комкор Горячев. На скамье подсудимых были тоже восемь не менее известных в армии лиц — маршал Тухачевский, командармы Уборевич, Якир, Корк, комкоры Эйдеман, Фельдман, Примаков, Путна.

Председательствующий в суде Василий Ульрих предъявил заключенным обвинения в измене родине, организации террористических актов, контрреволюционных выступлений.

На суде обвиняемые отказались от показаний, данных на следствии. Решительно отрицал свою вину и вообще какую-либо осведомленность о контрреволюционном заговоре в РККА командарм Иероним Уборевич.

Отверг обвинение в связях с германской разведкой, которая якобы завербовала его во время официального визита в Берлин советской военной делегации, командарм Иона Якир. (Этот пункт обвинения вообще не выдерживал критики, учитывая, что Якир был евреем.)

Не признал себя виновным и маршал Тухачевский. На суде он заявил: «У меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к Отечеству, которое я с Гражданской войны защищал… Что касается встреч, бесед с представителями немецкого генерального штаба, их военного атташе в СССР, то они были, носили официальный характер, происходили на маневрах, приемах». Но некоторые обвиняемые решили «не рисковать» и продолжали признавать вымышленную вину и изббличать товарищей по несчастью.

В тот же день Ульрих огласил приговор.

Все подсудимые признавались виновными и подлежали высшей мере наказания — расстрелу.

Приводили приговор в исполнение во внутреннем дворе здания НКВД на улице Дзержинского (ныне Малая Лубянка).

По некоторым данным, командовал расстрелом маршал Блюхер. Он был бледен и выглядел растерянным. Привычная для него уверенность в себе исчезла без следа. Взревели моторы мощных грузовиков. Они должны были заглушить звуки выстрелов.

Обреченных выводили по одному. Они умирали молча. И лишь Иона Якир за мгновение до расстрела воскликнул: «Да здравствует партия! Да здравствует Сталин!»

Возможно, это была попытка спасти свою семью, но она оказалась тщетной, после расстрела военачальников начались аресты их родственников.

Примечательно в этой истории то, что ненадолго пережили осужденных и члены суда, вынесшие смертный приговор. В застенках НКВД погибли маршал Блюхер, командармы Алкснис, Белов, Дыбенко. При неясных обстоятельствах вскоре после процесса умерли командарм Каширин и комкор Горячев.

Сейчас, когда прошло более шестидесяти лет после этих событий, нам ясно, что умышленное уничтожение виднейших советских военачальников было частью крупнейшей террористической акции,

предпринятой И. В. Сталиным в целях установления в стране атмосферы страха, неуверенности в завтрашнем дне, низкопоклонства перед авторитетом генсека и его аппарата. Устраняя вымышленные заговоры, превращая советскую нацию в нацию рабов, Сталин обезопасил советскую власть от народных возмущений и восстаний наподобие венгерского (1956), чехословацкого (1968), румынского (1989). В этом отношении казни и чистки 1930-х годов объективно послужили на пользу социалистическому обществу. Однако учитывая, что вместе с опальными «ленинцами» репрессиям подвергались и их родственники, включая женщин и детей, нам остается только констатировать, что «Божий суд» все же существует и что советская власть пусть спустя полвека, но дождалась закономерногоконца.

НИКОЛАЙ БУХАРИН

Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов… является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи.

Бухарин

С именем этого человека связана целая эпоха. Он пережил дни высокой славы и подлейшего предательства и умер поруганным и опозоренным, совершенно искренне не понимая — за что?

Многие экономисты и политологи указывают, что большинство наших теперешних начинаний восходит к концепциям Бухарина. Бухарин выступал за то, чтобы предоставить государству права управлять лишь некоторыми отраслями экономики, а все остальное отдать частным предпринимателям, крупным, средним и мелким. Что это, как не наши сегодняшние идеи предпринимательства и перехода к рынку? Бухарин был против превращения госаппарата в элиту, изощренными «византийскими» методами расправляющуюся со всеми, кто покусится на ее привилегии, — что это, как не наше требование отказа от теперь уже совдеповских принципов руководства? И таких примеров можно привести немало.

Был период, когда взгляды Бухарина составляли основу политики советского государства. «Официальный большевизм 1925–1926 гг. был в основном бухаринским», — писал американский исследователь Стивен Коэн. Может быть, если бы страна пошла по пути, предложенному Бухариным, нам не пришлось бы сейчас начинать все заново? Николай Иванович Бухарин родился 9 октября 1888 года в Москве. Его отличали сострадание и великодушие, прекрасный слог в устной речи и письме, сильные нравственные и философские убеждения.

Из слабых его сторон отметим лишь строгую приверженность однажды принятым взглядам, крайнюю болезненность отказа от них, повышенную эмоциональность, мешавшую объективно оценивать самого себя.

Как же так получилось, что Бухарин не сумел возглавить страну, согласился участвовать в позорном процессе, был расстрелян и забыт на несколько десятилетий?

Ленин и Бухарин были знакомы давно, еще по эмиграции, и отлично дополняли друг друга: Бухарин был теоретиком партии, Ленин — практиком. Когда Бухарин в мае 1917 года вернулся на родину, мелкие разногласия были забыты, цель они перед собой видели одну: буржуазная революция выдохлась, надо готовить социалистическую.

Но для Ленина вопрос о революции означал прежде всего вопрос о власти. Для Бухарина же, несмотря на его творческую натуру, главным все же была верность букве марксистского учения, согласно которому такая революция могла произойти лишь в мировом или хотя бы в европейском масштабе. Бухарин считал себя «осуществителем» учения, казавшегося ему единым и неделимым, как Библия. В 1917 году Бухарин возглавил московскую организацию большевиков. Веря в правоту Маркса, он почти до самого 25 октября (7 ноября) убеждал (и чуть было не убедил) всех в необходимости отложить переворот до начала общемировой революции. Когда же переворот все-таки произошел, Бухарин сначала обрадовался. Но уже через несколько дней радость сменилась беспокойством и страхом: он не понимал, что происходит и что большевики будут делать дальше. Впрочем, они и сами еще этого не знали.

Бухарин по-прежнему призывал к войне, надеясь, что она вызовет мировую революцию, и «московская группа» чуть не выдвинула его альтернативным кандидатом Ленину на пост главы правительства. Но Бухарин счел себя неспособным заменить Ленина: «Разве я обладаю необходимыми данными?»

Своей «национальной миссии» он не осознавал ни тогда, ни позже.

С августа 1918 года начался его рост как ученого-теоретика. В январе 1924 года, когда умер Ленин, Бухарин искренне горевал. Его ввели в Политбюро фактически вместо Ленина. Но Бухарин снова не решился сделать выбор: высокие моральные принципы и заниженная самооценка помешали ему претендовать на роль вождя.

Тем не менее 1924–1925 годы стали вершиной политической карьеры Бухарина. Он писал книги, разрабатывал теории, их признали, публиковали и распространяли. Он стал главой Коминтерна. Но Бухарина не привлекала борьба за власть: он думал, что она придет к нему сама, «заслуженно», и долго верил, что этого можно достичь, не мараясь в интригах. Он слишком поздно понял, что для Сталина понятия «мараться» не существовало.

А тем временем обстоятельства стали складываться не в пользу Бухарина. Он и раньше сознавал, что Сталин ведет хитроумную игру, и его презрение к нему начало перерастать в ненависть.

Силы в партии поляризовались, но вопроса о смещении Сталина Бухарин себе даже не задавал. Недаром одна дама, знавшая его еще по эмиграции, вспоминала, что он был «похож на святого». Его вера в истинность партии коммунистов как самой передовой силы эпохи была такой же незыблемой, как когда-то вера в мировую революцию. Он предпочел скрывать перед всем миром раскол в партии, молчать о нем, «чтобы не лишать пролетариев всего мира их единственного идеала». Кроме того, на XIV съезде в декабре 1925 года партия сменила имя, превратившись из РКП(б) в ВКП(б). Провозглашенные ею цели совпадали с теми, которые ставил перед собой Бухарин. Он поверил ей и потому был готов пожертвовать ради нее и высокими постами, и своим добрым именем, и даже жизнью. Нет, он еще боролся, призывал вернуться к «ленинским принципам». Но теперь вместо пророка он стал чуть ли не дьяволом номер один, «исказителем» того учения, в которое свято верил всю жизнь Он еще

мог, и должен был уехать за границу. И не воспользовался предоставленной ему свободой выбора: в 1936 году он побывал в Париже, но вернулся, хотя его уговаривали остаться. Вернулся, потому что верил, что партия — это не Сталин, что еще придет «новое, молодое и честное поколение», как говорил он сам в своем тайном последнем слове, прося жену выучить его наизусть. Он лишился своих постов и в стране, и в Коминтерне, наконец, был исключен из партии и предан суду. Его обвиняли в попытках расколоть партию, в предательстве и шпионаже. На него наперебой клеветали его бывшие друзья и соратники. Насилие, которое этот выдающийся теоретик коммунизма считал необходимым условием для выработки «коммунистического человека», было, наконец, применено и к нему самому. На практике.

14 марта 1938 года его расстреляли.

Вот что рассказывала в своих воспоминаниях жена Н. И. Бухарина — А. М. Ларина:

«Летом восемнадцатого года Н. И. Бухарин находился в Берлине. Его командировали для подготовки документов, связанных с Брестским договором. Николай Иванович рассказывал дома, что однажды услышал об удивительной гадалке, предсказывающей судьбу. Любопытства ради вместе с Г. Я. Скольниковым он решил посетить предсказательницу. То, что наворожила хиромантка, было поразительно:

— Вы будете казнены в своей стране.

Бухарин оторопел, ему показалось, что он ослышался, переспросил:

— Вы считаете, что Советская власть погибнет?

— При какой власти погибнете — сказать не могу, но обязательно в России».

Это пророчество сбылось.

ГЕНРИХ ЯГОДА

Сведения о разногласии среди членов Политбюро и ЦК быстро, хотя и с некоторым искажением, доходили до нижестоящих партийных руководителей, и «каждый грамотный партиец» понимал эзопов язык дискуссий.

Вагонов Ф. М. «Первый уклон в ВКП(б) и его разгром (1928–1930гг.)»

Великий соблазн был у авторов настоящего труда объединить многих видных деятелей советской власти под рубрикой «Жертвы сталинских репрессий». Тогда в эту рубрику могли бы войти два десятка миллионов человек обоего пола, любого возраста, безвинно брошенных в тюрьмы и концлагеря, казненных без вины и закопанных невесть где. Однако авторы полагают, что казни «красных командармов» и «участников троцкистско-зиновьевского заговора» сами по себе имеют глубокий нравственный смысл, ибо наказанными советской властью и коммунистической партией оказались собственно те, которые эту власть и партию строили и воспевали, которые убивали, жгли и насиловали во имя торжества этой власти и партии. И если казни этих «товарищей» в обшем-то понятны, то гибель таких ловких царедворцев, какими были Ежов и Ягода, заставляет нас задуматься. Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938) был профессиональным палачом. С 1920 года он стал членом президиума ВЧК, с 1924 года — заместителем председателя ОГПУ. Под его руководством строились величайшие объекты эпохи, на которых

использовался рабский труд десятков миллионов заключенных, и создавалась бесчеловечная машина планомерного ареста и уничтожения людей с тем, чтобы к необходимому сроку на место погибших от непосильного труда встали новые тысячи заключенных. В 1935 году ему первому в стране присвоили специальное звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное к воинскому званию Маршала Советского Союза. В 1936 году его назначили наркомом внутренних дел СССР. Еще более тешило самолюбие определение «железный нарком», которое прочно утвердилось за Ягодой. Выше и важнее этого поста в советской иерархии был только пост генсека. Имя Ягоды было присвоено Высшей пограничной школе, мосту через реку Тунгуска, а также Болшевской трудовой коммуне НКВД. Тогда же он получил квартиру в Кремле, что в неофициальной иерархии поощрений свидетельствовало о высшей степени отличия. Уже поговаривали о вероятном избрании его в состав Политбюро. В ожидании этого события генеральный комиссар государственной безопасности спешил украсить фасад возглавляемого им ведомства, придать ему еще больше величия и блеска. Это стремление подчас приобретало гротескные формы. «Легкомыслие, проявляемое Ягодой в эти месяцы, доходило до смешного, — вспоминал один из его подчиненных. — Он увлекся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим правила поведения и этикета энкаведистов. Только что введя в своем ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьем, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготовлялась, Ягода приказал выписать ее из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота».

Генрих Ягода распорядился, чтобы смена караулов происходила на виду у публики, под музыку, как это было принято в царской лейб-гвардии. Была сформирована особая курсантская рота, куда подбирали парней двухметрового роста и богатырской силы.

Ягода стал изучать царские уставы и, подражая им, издал ряд приказов, относившихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчиненными и вышестоящими.

Генрих Ягода наслаждался властью, как гурман изысканными яствами. Положение казалось как никогда прочным, ничто не предвещало опасности. По свидетельству А. Орлова, работавшего в то время в аппарате наркома, «Ягода не только не предвидел, что произойдет с ним в ближайшее время, напротив, он никогда не чувствовал себя так уверенно, как тогда, летом 1936 года… Не знаю, как себя чувствовали в подобных ситуациях старые лисы Фуше или Макиавелли. Предвидели ли они грозу, которая сгущалась над их головами, чтобы смести их через немногие месяцы? Зато мне хорошо известно, что Ягода, встречавшийся со Сталиным каждый день, не мог прочесть в его глазах ничего такого, что давало бы основание для тревоги».

И уж тем более не мог обласканный нарком предположить скорой перемены в своей судьбе, когда Сталин отправился на летний отдых в Сочи. Фактическим заместителем Сталина по партии в Москве на этот раз оставался Лазарь Каганович — давний недоброжелатель слишком уж быстро выдвигающегося наркома. Но и это обстоятельство едва ли могло привести Ягоду в смятение, ведь серьезные кадровые вопросы до возвращения генсека в столицу никогда ранее не решались. Однако на этот раз все было иначе. Вечером 25 сентября 1936 года Кагановичу принесли телеграмму, адресованную ему и другим членам Политбюро. Телеграмма была подписана Сталиным и Ждановым. В ней говорилось:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на 4 года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей Наркомвнудела. Замом Ежова в Наркомвнуделе можно оставить Агранова». Каганович тут же познакомил с содержанием телеграммы других членов Политбюро. Решение последовало незамедлительно. Ягоду отстранили от руководства НКВД и назначили наркомом связи.

Генрих Ягода был потрясен. И не только потому, что новая его должность по объему властных полномочий и месту в государственной иерархии не шла ни в какое сравнение с предыдущей. И даже не потому, что это означало конец надеждам на политическую карьеру (нарком связи — совсем не та должность, с которой позволительно мечтать о членстве в Политбюро). Более всего Генриха Ягоду озадачил тот факт, что на новом посту ему предстояло сменить Алексея Ивановича Рыкова. Это было скверным предзнаменованием. Ведь опальный Рыков в свое время стал наркомом связи после многих лет работы на высших партийных и государственных постах, в том числе члена Политбюро и председателя Совнаркома СССР. Но и руководящее место в Наркомате связи оказалось для Рыкова лишь кратковременной остановкой на пути дальнейшего падения. Его имя уже прозвучало на процессе шестнадцати обвиняемых во главе с Зиновьевым и Каменевым. 29 января 1937 года ЦИК СССР принял решение о переводе генерального комиссара государственной безопасности Г. Г. Ягоды в запас. Это был второй удар, означавший отрешение от власти.

3 апреля 1937 года за ним пришли люди в форме, которую некогда сам же Ягода и ввел своим приказом, предъявили ордер на арест, вежливо предложили пройти в машину. Узкое, нервное лицо Ягоды дернулось как от удара. Быть может, как никто другой, бывший руководитель НКВД почувствовал: жизнь кончена. Оттуда, куда его сейчас повезут, выхода уже не было. По иронии судьбы, именно он приложил столько стараний, чтобы ни один, оказавшийся там, уже никогда не вырвался на свободу. И вот теперь ему самому предстояло пройти этот путь обреченных. Нет и теперь уже, видимо, никогда не будет бесспорных свидетельств событий, происходивших в камере, куда поместили Генриха Ягоду. Есть лишь воспоминания А. Орлова, бывшего сотрудника НКВД, за абсолютную достоверность которых, впрочем, поручиться нельзя. Однако и игнорировать их тоже не стоит, поскольку в целом они соответствуют

сведениям о характере и поведении Ягоды. «Ягода был так потрясен арестом, что напоминал укрощенного зверя, который никак не может привыкнуть к клетке. Он безостановочно мерил шагами пол своей камеры, потерял способность спать и не мог есть. Когда же новому наркому внутренних дел Ежову донесли, что Ягода разговаривает сам с собой, тот встревожился и послал к нему врача».

Далее Орлов сообщает о том, что Ежов подослал в камеру к Ягоде начальника иностранного отдела НКВД Слуцкого. Последний был одним из немногих бывших сотрудников Ягоды, которые к тому времени еще не были арестованы Ежовым. Ягода обрадовался приходу Слуцкого — с ним его связывали многолетние не только служебные, но и дружеские отношения.

Видимо, именно на это обстоятельство и рассчитывал Ежов. И не ошибся.

Слуцкий, по словам Орлова, обладал способностью имитировать любое человеческое чувство, но на этот раз, похоже, действительно сочувствовал Ягоде и даже прослезился, не забывая, впрочем, фиксировать каждое слово арестованного для передачи Ежову. Ягода же, конечно, понимал, чго Слуцкий явился не по своей воле. Вместе с тем для подследственного было очевидным и другое: Слуцкий, сам опасавшийся за свое будущее, чувствовал бы себя значительно увереннее, если бы его начальником по-прежнему оставался дружески расположенный к нему Ягода, а не мрачный мизантроп Ежов.

Этот психологический нюанс во многом определил характер встреч и бесед Слуцкого с Ягодой. Как-то вечером, когда Слуцкий уже собирался уходить, Ягода вдруг произнес:

«Можешь написать в своем докладе Ежову, что я говорю: „Наверное, все-таки Бог существует!“

„Что такое?“ — с наигранным удивлением переспросил Слуцкий, несколько растерявшись от проницательности арестованного.

„Очень просто, — пояснил Ягода. — От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть Бог или нет…“

По официальной версии, в апреле 1937 года Генрих Ягода был привлечен к ответственности ввиду „обнаруженных должностных преступлений уголовного характера“. На предварительном следствии бывшему руководителю НКВД предъявили множество обвинений — от контрреволюционной троцкистской деятельности до шпионажа в пользу иностранного государства. Обвинили его и в организации так называемых „медицинских убийств“ Горького, Куйбышева, Менжинского и других. Бывшему наркому инкриминировали и покушение на жизнь секретаря ЦК Николая Ежова. Фабула поражала воображение непосвященных: согласно материалам дела, нарком внутренних дел Ягода опрыскивал стены и портьеры кабинета своего преемника сильнейшим ядом, испаряющимся при комнатной температуре (!)… Скорее всего, последнее преступление появилось в системе предъявленных Ягоде обвинений не без помощи и старания самого Ежова. Тот уже давно метил в наркомовское кресло.

Неожиданно в ходе следствия всплыло имя Максима Горького и его семьи, и это обстоятельство, нам кажется, проливает свет на внезапную

опалу царедворца. В частности, появилось обвинение Ягоды в отравлении сына М. Горького — М. Пешкова. Хотя дело было не в нем, а в его жене — Надежде Пешковой.

Из различных источников получено достаточно свидетельств того, что Ягода оказывал недвусмысленные знаки внимания жене Максима Пешкова Надежде. Как сообщил много лет спустя после описываемых событий А. Рыбин, бывший сотрудник личной охраны Сталина, „Ягода в это время по ряду причин стал избегать встреч со Сталиным, в том числе из-за своих близких отношений с Н. Пешковой (женой сына М. Горького). Мне не раз приходилось сопровождать его на дачу к Горькому, в Горки-10, на дни рождения Н. Пешковой. Она нередко и сама приезжала на службу к Ягоде. Если бы об этих отношениях узнал Сталин, то он бы, что называется, стер Ягоду в порошок из-за того, что тот разлагает семью Горького“.

В этом контексте становится более понятным следующий фрагмент протокола судебного заседания.

„Подсудимый Буланов, — обращается Вышинский к бывшему секретарю Ягоды, — а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?“ „Конечно“.

„Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?“ — требует объяснений прокурор. „Признавая свое участие в болезни Пешкова, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание“.

Некоторые исследователи полагают, что в этом проявилось своеобразное благородство Ягоды по отношению к женщине, имя которой неизбежно было бы замарано при публичном обсуждении этого вопроса.

Однако нам кажется, что тут Ягода решил „поторговаться“ с судьями: по какому, собственно, обвинению его судят — за политический заговор или за аморалку? Вполне возможно, что и сам Сталин велел судьям не обнародовать „грязное белье“ семьи великого пролетарского писателя. Так или иначе, больше это обвинение не поднималось. Хотя, как нам кажется, Генрих Ягода поплатился жизнью именно за то, что влез в интимную жизнь кремлевской верхушки. Сталин, разумеется, узнал о романе Ягоды с одной из первых дам государства и, разумеется, „стер его в порошок“.

После перерыва на вечернем заседании 8 марта Ягода выглядел уже полностью сломленным. Запинаясь, он читал свои показания с листа, который дрожал в его руках. По свидетельству очевидцев, „читал так, словно видел текст в первый раз“. На этом заседании подсудимый признался и в связях с „право-троцкистским блоком“, и в так называемом „кремлевском заговоре“ с Енукидзе, и в организации убийства Кирова, Куйбышева, Горького. Вопреки своим показаниям на предыдущем судебном заседании он принял на себя ответственность и за убийство Менжинского.

И лишь в отношении смерти Максима Пешкова по-прежнему стоял на своем. В некоторых случаях Ягода достаточно логично и последовательно опровергал выводы обвинения. Это относится, в частности, к обвинению в шпионаже. „Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки“. Нельзя не признать, что в этом аргументе бывшего руководителя НКВД есть немалая доля здравого

смысла.

В попытках инкриминировать подсудимому как можно больше преступлений Вышинскому подчас изменяла присущая ему логичность мышления. Так, на процессе он обвинил еврея Ягоду в связях с немецкими фашистами в то время, когда Германия уже покрылась сетью концентрационных лагерей по уничтожению еврейского населения. Но Вышинский, видимо, и сам почувствовал абсурдность такого обвинения. Во всяком случае, в дальнейшем он не стал развивать эту тему.

В последнем слове Ягода свою вину признал, однако при этом заявил, что никогда не входил в состав руководства „правотроцкистского блока“. По словам подсудимого, его лишь ставили в известность о решениях центра и требовали неукоснительного их исполнения.

Завершая свое последнее в жизни выступление, Ягода произнес знаменательную фразу:

„Граждане судьи! Я был руководителем величайших строек — каналов. Сейчас эти каналы являются украшением нашей эпохи. Я не смею просить пойти работать туда хотя бы в качестве исполняющего самые тяжелые работы…“ Но даже там места ему не было. На рассвете 13 марта 1938 года суд огласил приговор. Подсудимый Генрих Ягода признавался виновным, приговаривался к высшей мере наказания и подлежалрасстрелу.

Последней попыткой ухватиться за соломинку было прошение о помиловании, в котором Ягода писал: „Вина моя перед родиной велика. Не искупить ее в какой-либо мере. Тяжело умереть. Перед всем народом и партией стою на коленях и прошу помиловать меня, сохранив мне жизнь“.

Президиум Верховного Совета СССР прошение отклонил. Приговор был приведен в исполнение в подвале того же большого дома на Лубянке, где осужденный некогда чувствовал себя полновластным хозяином…

НИКОЛАИ ЕЖОВ

Мы скажем — вот человек, который довел страну до голода и гибели.
Н. И. Бухарин

10 марта 1939 года в Москве открылся XVIII съезд ВКП(б). Резкой критике на нем подверглись так называемые „перегибы“ во время чисток в партии, был поставлен вопрос „о нарушениях социалистической законности в правоохранительных органах“. С докладом по этому вопросу выступил А. А. Жданов. Он огласил заявление одного отъявленного клеветника из Киева: „Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт“. Как отмечалось в стенограмме съезда, делегаты встретили эти слова громким смехом.

Не до веселья было лишь Николаю Ивановичу Ежову. Каждое слово Жданова больно отзывалось в сердце. Нарком хорошо знал, что товарищеской критики в партии больше не существует. И если с трибуны партийного съезда произносится критическое слово, то это означает, что очередная жертва намечена на самом высоком уровне. В данном случае мишенью ждановского острословия был избран именно он.

Но за что? — недоумевал Николай Иванович. Он был истинным образцом коммуниста-ленинца, пламенным борцом с врагами и вредителями, старательно исполнял все мыслимые и немыслимые приказы вождя. Более того, Ежова уважали в народе как строгого и принципиального руководителя, больше того, про него сложили поговорку

„вот попадешь в ежовы рукавицы“. За три года на посту наркомвну-дела он арестовал и отправил на расстрел больше красных комиссаров и коммунистов, чем армии Каппеля, Юденича и Врангеля, вместе взятые, за все время гражданской войны. Причем каждый осужденный собственноручно подписал признание, что он действительно вредитель и шпион и заслуживает смерти (такими результатами даже каппелевские палачи не могли похвастать).

Неожиданно Николай Иванович обнаружил, что вокруг него словно стал образовываться вакуум. Люди, и не просто люди, а люди ответственные, от которых многое в этом мире зависело, вдруг стали избегать его, замолкать при его приближении. Таков был первый признак утраты расположения вождя. Затем последовала ждановская эскапада.

Николай Иванович как-то враз утратил контроль над собой, превратился в беспробудного пьяницу. На службе появлялся не каждый день, обычно с опозданием. Во время служебных совещаний катал хлебные шарики или с увлечением конструировал бумажных голубей…

Тем временем в кремлевских коридорах власти судьба Ежова была уже решена. Не по Сеньке оказалась шапка, пост наркомвнудела явно не годился для этого щуплого недальновидного человечка с бегающими глазами, да к тому же еще и пьющего. После того как он сыграл свою роль в деле „красных командармов“, сталинским сценарием ему предписывалось сойти со сцены, уступив место достойнейшему, в роли которого оказался Лаврентий Берия.

Ежова взяли на рассвете 10 апреля 1939 года. Провели через созданную им самим унизительную процедуру: сорвали знаки отличия и ордена, раздели донага и тщательно осмотрели все естественные полости тела, срезали пуговицы с одежды и сняли шнурки с обуви. В тюремной камере он уже ничем не напоминал всесильного повелителя Лубянки.

Нескончаемой чередой потянулись долгие дни и бессонные ночи одиночного заключения. Бывшему народному комиссару предъявили обвинение в руководстве заговорщической организацией в войсках и органах НКВД, в подготовке террористических актов против руководителей партии и государства, в планировании вооруженного восстания. Особый пункт обвинения — шпионаж в пользу иностранных государств. В начале следствия Ежова обвиняли в сотрудничестве с немецкой разведкой, в конце — фигурировали уже разведслужбы Великобритании.

Такая перемена в определенной степени была, очевидно, связана с изменением внешнеполитической ориентации СССР — переговоры о взаимопомощи с Великобританией и Францией (март-август 1939 года) и подписание советско-германского договора о ненападении в августе того же года. Но все эти колебания политического курса влияли на содержание предъявленного Ежову обвинения в шпионаже лишь в части указания конкретного государства, в пользу которого якобы действовал бывший нарком. Существо же обвинения в сотрудничестве с иностранной разведкой оставалось неизменным. 3 февраля 1940 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда СССР подсудимый Николай Иванович Ежов был признан виновным по всем пунктам предъявленного обвинения и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. На рассвете следующего дня приговор был приведен в исполнение. По

рассказам очевидцев, в свои последние мгновения в глубоком сыром подвале Сухановской тюрьмы маленький тщедушный человек долго метался меж четырех стен, уворачиваясь от пуль.

Нам кажется, что в том и состоят уроки истории, что человек, падший нравственно, неизменно падет и физически, и политически, и на смертном одре уже непременно увидит глубину своего падения, и захочет покаяться перед лицом Божьим, но зачастую уже не в силах…

P.S. „УБИЙЦУ ПОЛУМИЛЛИОНА ГРАЖДАН РЕШИЛИ НЕ РЕАБИЛИТИРОВАТЬ“.

Бывший нарком внутренних дел СССР Николай Ежов, по инициативе которого в 1937–1938 годах по стране прокатилась кровавая волна массовых репрессий, не подлежит реабилитации. К такому выводу пришла вчера Военная коллегия Верховного суда России.

С ходатайством о реабилитации Ежова в Главную военную прокуратуру обратилась приемная дочь бывшего наркома, который был расстрелян 3 февраля 1940 года по решению Верховного суда СССР. Тогда он был признан виновным в измене Родине, вредительстве, подготовке терактов, организации убийств неугодных лиц, в том числе своей жены. За время его главенства в НКВД (1936–1938 гг.) необоснованным репрессиям подверглось более 1,5 миллиона граждан. Почти половина из них была расстреляна без суда.

Ежов отдавал бесчеловечные приказы, согласно которым арестовывались не только так называемые враги народа, но и их жены и даже малолетние дети. Он сам лично принимал участие в расправах над видными государственными и политическими деятелями, фабриковал уголовные дела (Тухачевского, Бухарина), а также давал указания применять при допросах физическое насилие.

По заявлению приемной дочери Ежова ГВП провела дополнительную проверку и вновь исследовала все доказательства вины бывшего наркома. В результате прокуратура пришла к выводу, что Ежов обоснованно осужден за совершенные им преступления и реабилитации не подлежит.

Такое же решение принял и Верховный суд РФ, рассмотревший вчера уголовное дело бывшего народного комиссара внутренних дел СССР Николая Ежова». «Московский комсомолец» от 5 июня 1998 года.

Решение это беспрецедентно и лишний раз показывает, насколько далеки от реальности наши органы правосудия. Сейчас, как говорится в народе, «и ежу понятно» что Николай Иванович если и убил жену или кого-то неугодного вождю, то был невиновен в главном: он не был ни шпионом, ни вражеским диверсантом, он не изменял Родине, не готовил терактов, не был агентом мирового империализма. Он был, повторим без всяких кавычек, настоящим коммунистом, ленинцем, беззаветно преданным делу Коммунистической партии и ее вождям, Ленину и Сталину. Обвинять его в том, что он лично принимал участие в массовых убийствах — то же самое, что обвинять веревку палача в излишней намыленности. Находясь на посту наркома внутренних дел СССР, товарищ Н. И. Ежов беспощадно истреблял всех, кого руководство Страны Советов в тот момент считало своими врагами, не делая различий ни по полу, ни по возрасту. И если среди них оказалась его жена или кто-то из

родственников, тем более надо отдать должное его мужеству и бдительности.

Судить товарища Ежова, как и Ягоду, и Берия, невозможно без осуждения главных столпов тогдашнего общественно-политического строя нашей страны. И столпом таким были марксистско-ленинская идеология, оправдывавшая любые жертвы во имя торжества коммунизма, и лично И. В. Сталин. Но они, как известно, земного суда избежали.

РИХАРД ЗОРГЕ

Я сам себя обрек
На вечные скитанъя
Не нужен страннику покой…
Из юношеских стихов Р. Зорге

До 1964 года в Советском Союзе на дело Зорге было наложено табу. Непроницаемая завеса молчания окутывала его имя. Но в тот год молчание было взорвано. Тогдашний советский лидер Н. С. Хрущев совершенно случайно попал на закрытый просмотр кинофильма французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?». Лента очень понравилась Никите Сергеевичу, и он воскликнул: «Так ведь это же герой!»

Моментально заработала советская пропагандистская машина, старательно лепя очередного «героя незримого фронта». Во всех газетах и журналах появились разнообразные материалы о Зорге, его родственниках, его соратниках, пространные рецензии на фильм Ива Чампи. Зорге задним числом присвоили звание Героя Советского Союза, его помощники были награждены боевыми орденами.

С тех пор к примерно трем десяткам книг, выпущенных в США, ФРГ, Франции, прибавилось примерно столько же изданных в СССР. В книгах, выпущенных на Западе, Зорге почти всегда наделялся несвойственными ему эгоистическими и анархическими качествами. Его изображают грубым, деспотичным сверхчеловеком, циничным прожигателем жизни и просто авантюристом. Советские же авторы, как правило, идеализировали его, изображали «твердокаменным» коммунистом-интернационалистом, поборником пролетарской солидарности, без недостатков, ошибок, сомнений и слабостей, создав образ новоявленного святого-великомученика. Кем же на самом деле был этот человек, названный тогдашним шефом ЦРУ «Звездой советского шпионажа»?

Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года в Баку, в семье немецкого механика нефтяного промысла Адольфа Зорге. Мать его была простой русской женщиной из бедной семьи железнодорожного рабочего. Рихард был самым младшим из четырех детей. Когда Рихарду исполнилось три года, семья переехала в Германию. Детство и юность Рихарда Зорге закончились в дни школьных каникул 1914 года. Началась Первая мировая война. Он был тогда еще слишком юн, чтобы сразу разобраться в смысле этого трагического события. Зараженный духом романтики, писал высокопарные философские стихи и мечтал о ратных подвигах. Рихард считал, что человек должен быть оригинальным не только в мыслях, но и в поступках, и что подвиг существует ради самого подвига. И восемнадцатилетний Рихард, так и не окончив реальное училище, бежал из дому, записался добровольцем в действующую армию. Постепенно романтические настроения прошли. Рядового Зорге, служащего легкой

артиллерии, отправили в Бельгию, где уже начались ожесточенные сражения. Тысячи убитых, искалеченных, потоки крови — все это не могло не оставить след в душе юноши. Впоследствии Зорге писал: «Первая мировая война 1914–1918 годов оказала глубочайшее влияние всю мою дальнейшую судьбу. Если бы даже у меня не было бы никаких других убеждений, одной только ненависти к этой войне было бы достаточно, чтобы я стал коммунистом…». Три ранения — таков итог войны для Зорге. На фронте погибли два любимых брата.

Война стала большой политической и гражданской школой для Зорге. На ней он нашел настоящих друзей, которые открыли ему глаза на многое.

Октябрьская революция в России пробудила в Рихарде небывалую энергию. Выбор был сделан раз и навсегда: революционная работа. Звать к борьбе к свержению существующего строя… Он вступил в Коммунистическую партию Германии. Началась партийная жизнь. Зорге создал кружок среди матросов. Во время восстания участвовал в демонстрациях. А в затишье учился, посещал студенческие сходки. В 24 года Зорге окончил университет и стал доктором государственно-правовых наук и социологии. Популярность Зорге росла. То была известность умного агитатора, партийного работника высокой квалификации. Рихарда знали, к нему шли студенты, рабочие. В 1920 году он стал редактором партийной газеты. В Рихарде появилась новая страсть: журналистика. Зорге много писал. Но вскоре его арестовали и отправили в тюрьму. Отсидев срок, он вернулся полный прежнего энтузиазма. Зорге был автором книг по политологии и социологии. Его стали считать теоретиком-исследователем. Как активный политический деятель, он вновь подвергался преследованиям и вынужден был эмигрировать. Партийные соратники предложили ему поехать в Россию. Зорге с радостью согласился. «Ведь там моя Родина», — говорил он. В 1925 году Зорге стал гражданином СССР и вступил в коммунистическую партию. Он работал референтом, политическим и ученым секретарем в Институте марксизма-ленинизма. Эта работа требовала не только эрудиции, но и большой усидчивости, отнимала много времени. Вечерами он посещал клуб немецких коммунистов, где Рихарда избрали первым председателем правления. В правление входило тридцать человек, но Зорге был самым активным из них.

В Москве Зорге познакомился с Екатериной Александровной Максимовой. Сначала она давала ему уроки русского языка, которым Рихард в ту пору владел не очень хорошо. Они подружились. Дружба переросла в любовь. Впервые Рихард испытал глубокое чувство. Он встретил девушку, которая понимала его. Литература, искусство, музыка — вот сфера, в которой оба растворялись. Однако Зорге продолжал много работать. За два года в журналах было опубликовано семнадцать серьезных исследований: «Материальное положение пролетариата в Германии», «Экономическая депрессия в Германии», «Национал-фашизм в Германии» и др. За эти же два года написаны объемные работы: «Экономические статьи Версальского мирного договора», «Новый германский империализм». Из немецких газет он узнал, что его работы получили широкую известность в Германии. Друзья взяли их на вооружение, враги всячески обливали автора грязью. Да, это тоже была

борьба. И все-таки Зорге был недоволен собой. Активная натура требовала действия. Стоять с врагом лицом к лицу, принимать прямое участие в схватках с теми, кто посягает на Советское государство, — вот к чему он стремился.

В клубе немецких коммунистов он познакомился с тогдашним шефом советской разведки Яном Карловичем Берзиным. Берзину понравилась активная натура Зорге. Он много рассказывал Рихарду о международном положении, заинтересовал его дальневосточными проблемами. При очередной встрече с Яном Карловичем Зорге сказал: «Я заболел Дальним Востоком. Пошлите меня в Китай!» Так Рихард Зорге стал военным разведчиком. Три года жизни в Китае были наполнены работой, бесконечными поездками, встречами. Зорге изучал страну, японский и китайский языки. Он словно предчувствовал, что все это может пригодиться в будущем. Его чемоданы были набиты научными материалами о Китае. В кругу китайских журналистов он цитировал стихи древнего поэта Ли Сяньюна: «Я исходил страну из края в край… Давно я не был дома, но, как встарь, не знают роздыха копье и щит…».

В Маньчжурии разворачивались события чрезвычайной международной важности. «Мукденский инцидент», а другими словами — оккупация Японией Маньчжурии началась 18 сентября 1931 года. К концу 1932 года почти все главные города и железнодорожные узлы Маньчжурии оказались в руках японцев. Заняв Северную Маньчжурию, японские войска стали концентрироваться на дальневосточной границе Советского Союза.

От организации Зорге требовалась предельная оперативность. Его радиограммы беспрестанно шли в Центр. В это беспокойное время Зорге и его помощники находились на переднем крае событий.

В январе 1933 года Зорге отозвали в Москву. Он выполнил свою задачу. Центр заблаговременно был информирован о развертывающихся в Китае событиях. Зорге догадывался о том, что могло явиться причиной его внезапного вызова в Москву. С приходом Гитлера к власти Германия превращалась в потенциального противника номер один. Гитлер призвал к восстановлению политической и военной мощи Германии, чтобы потом использовать эту мощь для завоевания Советского Союза. Также он знал, что правящие круги США, Англии, Франции толкали Японию на выступление против Советского Союза. Обстановка на Дальнем Востоке обострилась до крайности. Япония отказалась подписать с Советским Союзом пакт о ненападении. Она превращалась в наиболее вероятного союзника третьего рейха. Чутье разведчика не обмануло Зорге. При очередной встрече Берзин сказал ему «Необходимо выяснить, каковы планы Германии и Японии, откуда Советскому Союзу грозит главная опасность. Это будет операция „Рамзай“, ее цель — защита Советского Союза».

«Почему у операции такое странное название — „Рамзай?“ — спросил Зорге.

„Рамзай“ — значит „Р.З.“, а „Р.З.“ — это Рихард Зорге» Рихард мог бы сказать, что продолжительная работа в Китае измучила его вконец, что он мечтал всерьез заняться научными исследованиями и что он только что женился на Екатерине Максимовой. Имеет человек право на личное счастье, на спокойную работу?.. Ведь он только-только вернулся. Но он

ничего не сказал. Для него все личное отодвигалось на второй план. В 1933 году Рихард Зорге под видом немецкого журналиста приехал в Японию — в страну с самым жестким в мире полицейским режимом. Вот что сам Зорге писал по этому поводу: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности. Ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства. В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так держит в непрерывном напряжении».

Несколько лет Зорге посвятил изучению экономики, культуры, истории Японии, овладел японским языком, научился разбираться в структуре хозяйства, не были для него тайной и взаимоотношения монополий, а также все нюансы политики, проводимой правящими кругами. В Японию приехал крупный востоковед. «Уровень моих познаний, необходимых для работы в Японии, — писал позднее Зорге, — был нисколько не ниже того, что давали германские университеты. Еще будучи в Китае, я взялся за написание нескольких статей о Японии, с тем чтобы составить о ней общее представление». Он мог бы с успехом вести несколько курсов в университете, стать почтенным ученым. Однако его активная натура требовала немедленного действия на благо людей. А высшим благом он видел мир и безопасность Советского Союза. Ради этого стоило отказаться от кабинетной жизни ученого, рисковать собственной головой. «Если бы мне довелось жить в условиях мирного общества и в мирном политическом окружении, то я бы, по всей вероятности, стал ученым. По крайней мере, я знаю определенно — профессию разведчика я не избрал бы».

В удивительно корогкий срок Зорге создал в Японии хорошо законспирированную разведывательную организацию. Под его руководством работали две группы подпольщиков общей численностью 35 человек.

Организация Зорге была интернациональной. Ее ядро составляли, сам Рихард — по материнской линии русский, по отцу немец; Макс Клаузен — немец; Бранко Вукелич — югослав; Одзаки Ходзуми и Мияги Етоку — японцы. Все они имели опыт подпольной работы. Четыре коммуниста и один, Одзаки, убежденный марксист, не состоявший в партии. Зорге и Одзаки были не только талантливыми журналистами, но и крупными учеными — социологами и востоковедами, авторами ряда исследований. Великолепный лингвист и журналист Вукелич; художник-искусствовед Мияги; моряк торгового флота, одаренный инженер-самоучка Клаузен — это были люди убежденные, преданные общему делу, бескорыстные, самоотверженные. Не за деньги и награды рисковали жизнью Рамзай и его соратники. Генерал Уиллоуби — ас американской разведки — с удивлением констатировал: «Деятельность организации практически ничего не стоила Советскому Союзу. Они даже пытались сократить свои расходы и приказывали, чтобы часть доходов от Клаузена шла в Центр (радист Зорге в качестве прикрытия создал прибыльную фотофирму)… Одзаки, например, никогда не получал ни гроша для себя и фактически терпел убытки». А генерал Макартур, шеф Уиллоуби, был поражен той суммой, которую тратил на себя Зорге. «Мой водитель в Соединенных Штатах получает больше», — констатировал генерал.

Поначалу в токийской ассоциации журналистов Рихарда встретили сдержанно (здесь остерегались немецких журналистов), но постепенно лед растаял. Рихард в политические споры не ввязывался, когда же просили высказать свое мнение, высказывался. Он обладал безошибочным политическим чутьем: всякий раз давал смелые прогнозы, и прогнозы оказывались верными. Речь его отличалась лаконичностью, образностью. В нем было нечто располагающее на откровенность, вызывающее невольное уважение. К его негромкому голосу стали прислушиваться все чаще и чаще. Его статьи, насыщенные познавательным материалом, размышлениями о судьбе Японии, содержавшие четкие политические выводы, заметили сразу же не только в Германии, но и в других странах. Все поняли, что на журналистском небосводе вспыхнула новая звезда. Тогда-то к Зорге и потянулись, стремясь выудить у него что-нибудь для себя: ведь этот человек был прямо-таки напичкан ценнейшей информацией.

Около 160 источников разведывательной информации использовал Зорге. Среди них: премьер-министр, министры, генералы, крупные промышленники. Ему удалось получить из посольства Германии в Токио важнейшие военные и политические сведения. Зорге сумел настолько войти в доверие к немецкому послу в Японии Эйгену Отто, что тот даже просил его редактировать посольские донесения из Токио в Берлин. Он сгал пресс-атташе этого посольства и самым близким другом и советником германского посла. Вступил в нацистскую партию.

В своей работе Рамзай и его помощники никогда не прибегали к насилию, шантажу, подкупу, диверсиям, террору и другим нечестным приемам. Успех деятельности группы Рамзая обеспечивала новаторская технология добычи и обработки разведывательной информации, которую придумал Зорге. Подавляющее большинство нелегальных сотрудников советской секретной службы, находящихся за рубежом, считали: главное, получить информацию и побыстрей отправить ее в Центр — там разберутся! У Рамзая была другая схема: добыть сведения, проверить и перепроверить их, проанализировать, убедиться в достоверности и уж потом сообщать в Москву. Как писали специалисты из военного ведомства США, никогда в истории не существовало столь смелой и успешной разведывательной организации. За годы работы в Японии Зорге передал в Москву бесчисленное количество важных сообщений, каждое из которых подвергалось с его стороны анализу и тщательной проверки. Вот некоторые из важных сообщений, направленных им в Центр. Еще в июле 1940 года за пять месяцев до утверждения Гитлером «Плана Барбаросса» — директивы о молниеносной войне против СССР — Зорге передавал сообщения о подготовке фашистской агрессии. В мае 1941 года он указал точную дату нападения Германии на Советский Союз и количество дивизий. Однако эти ценные сведения, как ни странно, оставались без внимания и отправлялись в архив. Почему? Дело было в том, что Зорге не доверяли. Не доверял Сталин. Советский вождь боялся столкновения с мощным нацистским рейхом и старался не дать повода германскому правительству для агрессии на Восток. Любые сведения о том, что немцы готовятся выступить против СССР, он рассматривал как дезинформацию западных держав, в первую очередь Великобритании: им, мол, выгодно

было столкнуть Советский Союз с Германией, чтобы отвлечь от себя значительные силы вермахта и существенно облегчить свое положение. Поскольку Зорге продолжал упорно доказывать свои сведения, Сталин зачислил его в двойные агенты. Были вдвое сокращены и без того скромные денежные ассигнования на работу токийской резидентуры. Она отвлекалась на выполнение второстепенных заданий, на бесконечные проверки и перепроверки полученных ею материалов. Зорге ощущал не только слежку кемпентай — японской контрразведки, но и недоверие Центра. И не мог понять — почему?

Вот что вспоминал его ближайший помощник — радист Макс Клаузен: «Ведь мы еще за несколько месяцев до нападения Германии на СССР сообщали, что у границы Советского Союза сосредоточено по меньшей мере 150 дивизий и что война начнется в середине июня. Мы получили странную радиограмму, в которой говорилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. Он вскочил, как всегда, когда сильно волновался, и воскликнул: „Это уж слишком!“. Он прекрасно сознавал, какие огромные потери понесет Советский Союз, если своевременно не подготовится к отражению удара». Безусловно, он не мог не знать о сталинских репрессиях в Союзе. О том, что им подверглось и командование Красной Армии, и руководство советской разведки, многие оперативные работники, разведчики-нелегалы. Ведь за рубежом и, в частности, в Японии, о московских судебных процессах, тотальных чистках тогда писали достаточно. Знал он и о перебежчиках — крупных работниках советской разведки. Нельзя исключить, что у Зорге возникали мысли о том, что и ему не избежать трагической судьбы многих советских разведчиков, безжалостно расстрелянных или брошенных на длительные сроки в лагеря, если бы он вернулся в Советский Союз.

Но Рамзай продолжал честно выполнять свой долг. Ему не верят? Он найдет новые доказательства, неоспоримые факты! Он заставит Центр поверить! Жизнь скоро подтвердила правоту Рамзая. Нападение Германии произошло в тот же день и час, о которых сообщал Зорге. Вот почему информация Зорге, поступавшая после 22 июня, немедленно шла в ход. Сообщение о том, что Япония не вступит в войну против Советского Союза, сыграла немалую (если не решающую) роль в принятии Сталиным решения перебросить свежие, хорошо обученные дивизии с Дальнего Востока и Сибири под Москву. В середине 1941 года Зорге сумел добыть сведения исключительной важности: Япония сосредоточивала силы для войны на Тихом океане и готовила нападение на американскую базу Перл-Харбор. Как теперь выяснилось, он поставил на карту жизнь свою и своих помощников, чтобы помочь Соединенным Штатам, в которых уже тогда видел потенциального союзника СССР в борьбе против гитлеровской Германии.

Однако советский Центр по неясным причинам эту информацию до американских коллег не довел.

За годы работы Рамзай показал себя непревзойденным мастером конспирации. Вот почему его организации удалось почти восемь лет избегать разоблачения, несмотря на слежку, которую японская контрразведка установила за ним и его сотрудниками. Однако кольцо

вокруг Зорге стягивалось все туже. До сих пор остаются невыясненными все обстоятельства провала группы Зорге. 18 октября 1941 года Зорге был арестован японской полицией.

Отношение к Зорге Сталина и руководства советской разведки, а также тот факт, что после ареста Зорге с советской стороны не было даже попыток его освободить, наталкивает на мысль, что он стал больше не нужен советскому руководству и его просто-напросто «сдали» японским властям Сразу же после ареста Зорге в России была арестована его жена — она была сослана в район Красноярска, где погибла в 1943 году.

Следствие по делу Рамзая тянулось почти два года. Несмотря на требования немецкого правительства выдать Зорге и его радиста Клаузена, японцы этого не сделали. Они предпочли сами провести расследование, и 29 сентября 1943 года Токийский районный суд вынес советскому разведчику смертный приговор. Но еще целый год Зорге находился в тюрьме в ожидании казни.

В ходе следствия Зорге нередко подвергали жестоким пыткам, чтобы добиться признания им своей вины. Однако и во время следствия, и на суде он неоднократно заявлял, что не признает себя виновным. «Ни один из японских законов нами нарушен не был. Я уже объяснял мотивы своих поступков. Они являются логичным следствием всей моей жизни. Вы хотите доказать, что вся моя жизнь стояла и стоит вне закона. Какого закона? Октябрьская революция указала мне путь, которым должно идти международное рабочее движение. Я тогда принял решение поддерживать мировое коммунистическое движение не только теоретически и идеологически, но и действенно, практически в нем участвовать. Все, что я предпринимал в жизни, тот путь, которым я шел, был обусловлен тем решением, которое я принял двадцать пять лет назад. Происходящая германо-советская война еще больше укрепила меня в правильности того коммунистического пути, который я избрал. Я об этом заявляю с полным учетом того, что со мной произошло за двадцать пять лет моей борьбы, в частности и с учетом того, что со мной произошло 18 октября 1941 года…» После суда Зорге подал апелляцию в Верховный суд, но ее довольно скоро отклонили. День казни в приговоре не был указан.

В тюрьме у Зорге невероятно обострился слух, и он мог слышать, несмотря на мощную стену, репродуктор, находившийся где-то в городе. Таким образом, он получал какие-то новости из внешнего мира. К тому же ему симпатизировал японский переводчик, приставленный официально во время суда (Зорге скрывал, что знает японский язык), и тоже сообщал последние новости. Зорге, конечно, понимал, что в итоге победа будет за странами антигитлеровской коалиции, однако конца войны он не дождался. 7 ноября (этот день — официальный советский праздник — очевидно, был выбран специально) 1944 года около 10 часов утра за ним пришли.

Вошедший в камеру начальник тюрьмы Ичидзима сказал: «Сегодня ваш праздник. Надеюсь, вы умрете спокойно», — и затем спросил, не хочет ли Зорге добавить что-либо к своему завещанию.

«Мое завещание останется таким, каким я его написал».

«Имеете ли вы что-нибудь еще сказать?»

«Да, имею. Вы правы, господин начальник тюрьмы: сегодня у меня праздник. Великий праздник — двадцать седьмая годовщина Октябрьской

социалистической революции. Я хочу добавить несколько слов к своему завещанию. Передайте живым: Зорге умер со словами: „Да здравствует Советский Союз, да здравствует Красная Армия!“».

Согласно ритуалу при казни присутствовал буддийский священник. Он должен был прочитать молитву у тюремного алтаря. Но, повернувшись к священнику, Зорге учтиво произнес:

«Я благодарю вас за вашу любезность. Ваши услуги не понадобятся. Я готов».

Зорге провели через тюремный двор к железобетонной камере, где происходили казни. Он встал на крышку люка и сам надел на шею петлю. В 10.20 люк под Рихардом Зорге провалился.

Бесстрастный медицинский протокол, составленный тюремным врачом, зафиксировал такую подробность: после того, как Зорге сняли с виселицы, сердце его билось еще 8 минут.

ЭРНСТ ТЕЛЬМАН

А он стоит, как партия, как класс,
Стоит на почве твердой, как гранит.
Иоганнес Бехер

Эрнст Тельман (1886–1944) был виднейшим деятелем германского рабочего движения, лидером немецких коммунистов. Правда, в решающий момент рабочая Германия не поддержала Тельмана, а поддержала Гитлера с более понятной и простой политической программой. Но Тельмана рабочие по-прежнему очень уважали. Тельман был арестован гестапо 3 марта 1933 года. Его не пытали, относились подчеркнуто уважительно, все-таки своя косточка — ариец. В 1933–1937 годы он находился в тюрьме Моабит, в 1937–1943 годы — в тюрьме Ганновера, в 1943–1944 годы — в тюрьме Бауцена. Многим непонятно, почему же ему дали прожить так долго, ему — яростному противнику режима, который в общем-то совершенно не считался с таинством человеческой жизни (хотя какой режим с нею считался?). Однако Тельман был честным и порядочным человеком, которого прекрасно знала вся, не только рабочая, а вся тихая, мирная обывательская Германия. Одно дело, когда вырежут соседскую семью Рабиновичей или каких-то там поляков отправят в газовую камеру.

А совсем другое дело, когда дело касается всеми уважаемого товарища Тельмана. В конце концов Германия держалась на пушках, танках и самолетах, которые были сделаны на немецких заводах талантливыми руками немецких рабочих. Кстати, эти руки подняли спустя некоторое время Германию из руин в считанные годы и сейчас делают «грюндиги» и «мерседесы», которые считаются особо престижным товаром даже в нынешних странах-победительницах. Словом, Гитлер знал, что его ждет в случае гибели Тельмана — забастовка, которая парализует всю Германию, забастовка, по значимости равная поражению.

Но и Тельман знал, что его заключение закончится казнью в любом из двух случаев: победы ли фашизма, чего он хотел меньше всего, поскольку был убежденным врагом гитлеризма, либо его сокрушительного поражения, когда убивать будут всех, кто был по ту сторону баррикад. Вот что Тельман писал в последнем сохранившемся его письме, датированном январем 1944 года: «Добровольно меня не выпустят — в этом можно быть уверенным. Более того, как ни страшно и горько говорить здесь об этом,

вероятно, в условиях продвижения Советской Армии, представляющей серьезную опасность для рейха, и связанного с этим ухудшения общего военного положения Германии, национал-социалистический режим сделает все, чтобы вывести из строя Тельмана как личность. В такой обстановке гитлеровский режим не остановится перед тем, чтобы заблаговременно устранить Тельмана с политического горизонта или вообще ликвидировать его».

Но был и третий случай — неудавшийся заговор Штауффенберга. Поддержанный кадровыми военными, боевыми генералами, воинскими и полицейскими частями, тщательно разработанный лучшими штабистами вермахта — этот заговор явился для Гитлера тем же, чем и десятилетием раньше убийство Кирова для Сталина — прекрасным поводом для расправы со всеми своими политическими противниками. Если раньше можно было арестовать одного-двух, да и то с опаской — глядишь, заволнуются товарищи по партии, а национал-социалистическая партия Германии была сделана по образу и подобию ВКП(б), — то теперь можно было хватать и быстренько расстреливать всех неугодных и подозрительных. Если обнаружатся невинные, спишем на торопливость следствия, тяготы военного времени («знаете, в каких условиях приходилось работать следователям?»). Словом, смерть вождя германского пролетариата была обусловлена самим ходом истории.

Для казни Тельмана привезли в концлагерь Бухенвальд. 17 августе 1944 года один из заключенных обслуживавших печи лагерного крематория, поляк Мариан Згода, обратив внимание на необычное поведение ответственных за крематорий эсэсовцев Варнштедта и Штоббе, решил узнать, с чем это связано. Из подвального помещения он сумел выбраться во двор крематория и притаился. Таким образом он стал свидетелем казни Эрнста Тельмана.

«Машина проехала через ворота, где находилось помещение для рапортфюрера. Заключенный Тельман мог увидеть при рассеянном свете прожекторов справа от себя заграждения и забор из колючей проволоки, где всякого, кто пытался бежать, ждала смерть. Двор крематория, погруженный до этого в глубокую темноту, на несколько секунд ярко осветился. Сидевшему за грудой шлака Мариану Згоде пришлось совсем скрючиться, чтобы не попасть в лучи прожекторов.

Прямо возле входа в крематорий машина остановилась. Бампер машины находился на расстоянии менее пяти метров от Мариана Згоды. Хотя прожекторы были выключены, он все хорошо видел.

Дверь в крематорий открылась, желтоватый свет из помещения осветил двор. Полутемный двор придавал всей сцене что-то таинственное. Прибывшие на машинах люди и те из служителей лагеря, кто в этот момент там присутствовал, не обменялись никакими приветствиями, не отдали друг другу чести. Они не сказали друг другу ни единого слова и действовали как профессиональные преступники, молча, с полным взаимопониманием…»

6 ноября 1948 года Мариан Згода сообщил под присягой о своих тогдашних впечатлениях следователю мюнхенского суда следующее:

«Так как мне хотелось узнать, что все это значит, я все-таки выбрался из помещения через вентиляционный люк и оказался во дворе

крематория. Это было приблизительно в 8 часов вечера. Я спрятался за кучей шлака. Там я находился до 12 часов ночи и видел, как в помещение крематория зашли один за другим следующие лица. Сообщаю их имена в том порядке, как они входили в помещение: Отто, Густ, Хофшульте, Варнштедт, Штоббе, Шмидт, Шидлауски и Бергер.

Все эти люди находились в канцелярии крематория, откуда они частенько выходили, чтобы посмотреть, не пришла ли машина, и было по всему видно, что они кого-то ждут. Несколько раз раздавались телефонные звонки. В 0 часов 10 минут 18 августа оба начальника команды — Варнштедт и Штоббе — вышли из крематория и открыли ворота во дворе, чтобы впустить большой легковой автомобиль. Из автомобиля вышли три человека, одетые в штатское, из которых двое явно охраняли третьего, шедшего в середине. Я мог видеть этого человека только сзади. Он был высокого роста, широкоплечий, с лысиной. Это я заметил, поскольку он был без шляпы. Из крематория в это время вышли Бергер, Отто, Штоббе и Хофшульте. Они встали по обеим сторонам перед входом в крематорий. Сопровождавшие Тельмана лица в штатском пропустили заключенного вперед. В тот момент, когда заключенный прошел мимо четырех эсэсовцев, выстроившихся шпалерами, и вошел в крематории, вслед ему раздались три выстрела. Эсэсовцы, стоявшие на улице, и двое мужчин в гражданской одежде вошли в крематорий и закрыли за собой дверь. Минуты через три в крематории раздался четвертый выстрел. Совершенно очевидно, что это был выстрел, которым обычно добивают.

Через 20 или 25 минут Хофшульте и Отто вышли из крематория, другие присоединились к ним через несколько минут. Я слышал, как Хофшульте сказал Отто: „Ты знаешь, кто это был?“

Отто ответил, что это был вождь коммунистов Тельман». Чтобы не оставлять следов, эсэсовцы собственноручно сожгли тело Тельмана прямо в одежде. Через три недели они объявили, что Тельман погиб во время воздушного налета, когда на концлагерь Бухенвальд попали фугасные бомбы. Однако это сообщение было почти тут же опровергнуто англичанами, так как в указанный нацистами день гибели Тельмана (28 августа) вблизи Бухенвальда не было ни одного самолета союзников.

Гитлер нашел удачное время, чтобы расправиться со своим политическим противником: в обстановке всеобщей борьбы с заговорщиками эта казнь прошла незаметно, пламя крематория похоронило улики. А судить после войны убийц Тельмана — с таким же успехом можно было судить их пистолеты. Но немцы, кажется, все-таки до нихдобрались…

ЗАГОВОР ПРОТИВ ГИТЛЕРА

Вот Штауффенберг — это молодец! Его почти жаль. Какое хладнокровие! Какой ум, какая железная воля! Просто непостижимо, как он только связался с этим сборищем дураков!

Геббельс

Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг стал фашистом добровольно. И добровольно же перестал им быть, когда разочаровался в идеалах национал-социализма. На допросе он заявил, что в начале 1930-1940-х годов искренне одобрял идеи национал-социалистов в области внутренней политики, особенно идею об ответственности «только перед самим собой и компетентным руководством в сочетании с идеей здоровой субординации и

народной общности». Импонировал ему также принцип «общественная польза выше личной», нравилась ему и «борьба с коррупцией», и «расовые идеи нацизма», но особенно импонировало ему «стремление к новому, определенному немецким национальным характером правопорядку». Однако у графа вызывали стойкое отвращение различные внешние проявления нацистского режима. К 1938 году, по его словам, он уже вполне сознательно ненавидел нацизм вообще и Гитлера в частности. Он пришел к выводу, что основные идеи национал-социализма «в процессе их осуществления режимом почти все были превращены в свою противоположность».

Впрочем, весь этот разнобой в мыслях не мешал ему быть исправным служакой. 1 октября 1936 года Штауффенберг в числе 100 избранных офицеров был направлен в Военную академию в Берлин. Курсы обучения офицеров службы генштаба он закончил с отличием.

Граф не разделял захватнические устремления Германии, однако, когда война началась, он счел своим воинским долгом принять в ней участие, ибо полагал, что война как бы олицетворяет судьбу всей нации, уклониться от которой просто нельзя. Однако ему был не по нутру террор германских войск против мирного населения захваченных территорий. С 1939 по 1943 год Штауффенберг работал в организационном отделе генштаба. В его деятельность входило инспектирование боеготовности войск, решение проблем офицерского состава и прочее. На его глазах блестяще начавшийся блицкриг превратился во вторую мировую войну, и, зная все резервы Германии, этот блестящий штабист, очевидно, высчитал, когда и чем закончится война — кошмарным поражением. Он, конечно, не мог предвидеть Нюрнберга, утрату Германией суверенитета, полувековое расчленение страны, Берлинской стены и многого другого, однако он понял, как можно сохранить величие и суверенитет Германии, уберечь ее от дальнейшего массового самоубийства и разграбления. На пути к миру стоял один-единственный человек, боготворимый немецкой нацией и дружно ненавидимый всеми остальными, — фюрер. Впрочем, и немцам он изрядно надоел своей бесконечной войной. Пока Гитлер стоял у власти, никто и не думал о скором завершении войны. Однако если его не станет, а новое правительство заявит о своем стремлении к миру… Вспомним, что в начале 1943 года никто еще не требовал от Германии «безоговорочной капитуляции». Второй фронт еще не был открыт, англичане побаивались немецких «фау» и, возможно, согласились бы с утратой Польши и Чехословакии. Вермахт еще мог бы отойти с гордо развернутыми знаменами на позиции 1940 года, сохранив и армию, и флот, и экономику, и мирное население, и награбленные богатства. А там, глядишь, лет через несколько, зализав раны и собравшись с силами, можно опять диктовать миру свою волю.

Наверное, когда этот план пришел в голову Штауффенбергу, он не мог уснуть несколько ночей. И дело было не только в том, что план этот был гениальным. Он был вполне выполнимым.

Будучи образцовым штабным офицером, Штауффенберг начал планомерно и методично осуществлять этот план. Первым делом следовало найти единомышленников. Однако среди высших офицеров соратников он не нашел. «Там, заявил он позже, сплошь бюргеры, охотники за теплыми

местечками, подхалимы в генеральских чинах». Исход Сталинградской битвы окончательно убедил Штауффенберга в том, что война проиграна. Он набросал и несколько тезисов будущего правительства. Оно должно было провозгласить свободы слова, совести, собрания и, разумеется, выступить за сотрудничество разных рас. Но и с коммунистами Штауффенберг не вступил в контакт, хотя и был на пути к союзу с ними и с патриотическим движением «Свободная Германия».

1 октября 1943 года Штауффенберг перешел на службу в общевойсковое управление Главного командования сухопутных войск в Берлине. С этого дня, можно считать, началась подготовка заговора.

Кто же поддержал Штауффенберга? Это были молодые офицеры генштаба: Мерц фон Квирингем, Штифф и Тресков, а также пожилые генералы из ОКХ и генштаба Ольбрихт, Вагнер и Линдеман. Преступления фашистов и надвигавшаяся военная катастрофа сделали их противниками нацистского режима. Кроме названных офицеров, игравших в заговоре ключевые роли, было еще несколько сочувствовавших заговорщикам, им отводились роли второстепенные. Таким образом, в конце 1943 и в начале 1944 года вокруг Штауффенберга образовалась группа патриотически настроенных офицеров и интеллигентов, готовая к восстанию. Был разработан план с красивым названием «Валькирия». Он существовал в двух вариантах — официальном, как план поведения войск в случае внутренних беспорядков, и предусматривал захват ключевых гражданских объектов и важнейших точек, сеть связи, радиостанций, транспортных артерий. В неофициальной же редакции предусматривалось и отстранение от власти нацистской верхушки, захват концлагерей, учреждений СД и гестапо, установление связей с ВМФ и ВВС. Был подготовлен список членов нового правительственного кабинета. Словом, Штауффенберг с чисто немецкой педантичностью предусмотрел абсолютно все, кроме того, что «Валькирия» окажется кривой на один глаз и ее карающий меч промахнется.

В четверг 20 июля 1944 года, около 6 часов утра, полковник граф фон Штауффенберг в сопровождении брата Бертольда вышел из своей квартиры в берлинском пригороде Ванзее. Автомашина доставила обоих в город, где к ним подсел обер-лентенант фон Хефтен. Затем они поехали дальше — на аэродром Рангсдорф, где уже ждал генерал-майор Штифф, чтобы вместе отправиться в ставку фюрера. Самолет «Хейнкель-111», находившийся в распоряжении генерала Вагнера, стартовал около 7 часов утра. В портфелях находились две бомбы с бесшумными химическими взрывателями. Одну положил в свой портфель Штауффенберг, другую взял Хефтен. Тем временем Бертольд фон Штауффенберг отправился в здание ОКХ на Вендлерштрассе.

Пролетев примерно 560 километров, самолет около 10 часов 15 минут приземлился в Растенбурге.

Штауффенберг поручил командиру самолета быть с полудня готовым к обратному полету в Берлин. На служебной машине Штауффенберг и его спутники отправились в ставку фюрера. Там Штауффенберг доложил о своем прибытии коменданту. После завтрака с его адъютантом ротмистром фон Меллендорфом Штауффенберг направился к генералу Фельгибелю, начальнику связи вермахта,

посвященному в заговор. Около 12 часов Штауффенберг вместе с генералом Буле явился к начальнику штаба ОКВ генерал-фельдмаршалу Кейтелю, чтобы еще раз обсудить с ним предстоящий доклад. Хефтен остался в приемной в том же помещении. Кейтель сообщил, что совещание, первоначально назначенное на 13 часов, переносится на 12 часов 30 минут ввиду визита Муссолини. Доклады должны быть краткими. Затем Кейтель сказал, что обсуждение обстановки состоится в предназначенном для этой цели картографическом бараке с деревянными стенами, усиленными бетонной обшивкой. Когда до 12 часов 30 минут осталось совсем немного, Кейтель вместе со своим адъютантом фон Фрейендом, Буле и Штауффенбергом вышел из кабинета, чтобы направиться в картографический барак, расположенный минутах в трех ходьбы. Но тут Штауффенберг сказал, что хочет сначала немного освежиться и переменить сорочку. В прихожей его ожидал Хефтен. Фон Фрейенд указал им свою спальню, куда Хефтен вошел вместе со Штауффенбергом, так как должен был помочь однорукому полковнику. Им необходимо было остаться наедине, чтобы щипцами вдавить взрыватель бомбы, спрятанной в портфеле.

Взрыв должен был произойти 15 минут спустя. Тем временем Кейтель уже прошел довольно далеко вперед. Пока оба они находились в комнате Фрейенда, Фельгибель связался по телефону с бункером ОКВ и попросил передать Штауффенбергу, чтобы тот еще раз позвонил ему. Фон Фрейенд тут же послал оберфельдфебеля Фогеля сообщить об этом Штауффенбергу. Позже Фогель рассказывал, что видел, как Штауффенберг и Хефтен что-то прятали в портфель, а на койке лежала куча бумаги. Очевидно, его визит помешал им уложить в портфель Штауффенберга обе бомбы. Вероятно, Штауффенберг, как следует предполагать, намеревался взорвать обе эти бомбы.

Однако Хефтен засунул сверток со второй бомбой в свой портфель, а затем, покинув Штауффенберга, быстро вышел, чтобы позаботиться об автомашине. По пути в картографический барак Штауффенберг несколько раз отказывался от предложения своих спутников понести его портфель. Вместе с уже проявлявшим нетерпение Кейтелем Штауффенберг несколько позднее 12 часов 30 минут вошел в картографический барак. Перед тем как войти, он громко, так, чтобы его услышал Кейтель, крикнул фельдфебелю-телефонисту, что ожидает срочного звонка из Берлина. В момент появления Штауффенберга на совещании генерал Хойзингер как раз докладывал о положении на Восточном фронте. Кейтель на минуту прервал его, чтобы представить Штауффенберга Гитлеру, который приветствовал полковника рукопожатием. Затем Хойзингер продолжал свой доклад.

Помещение для оперативных совещаний находилось в конце барака и имело площадь примерно 5х10 м. Его почти полностью занимал огромный стол с картами, вокруг которого после прихода Штауффенберга и Кейтеля собралось 25 человек. Напротив двери было три окна — из-за жары их открыли настежь. Гитлер стоял у середины стола, лицом к окнам и спиной к двери. Стол представлял собой тяжелую дубовую плиту, положенную на две массивные деревянные подставки. Штауффенберг поставил портфель с бомбой у той подставки, которая находилась в непосредственной

близости от Гитлера.

Вскоре вслед за тем он доложил Кейтелю, что ему необходимо переговорить по телефону, вышел из помещения и направился прямо к генералу Фельгибелю, где его уже ожидал с автомашиной Вернер фон Хефтен. «Ни один специалист не сомневался в том, что в помещении с толстыми или тонкими стенками предназначенная для этой цели взрывчатка… сделает свое дело до конца». Однако человек предполагает, а Бог располагает.

Тем временем Хойзингер продолжал доклад. Полковник Брандт, заместитель Хойзингера, желая подойти поближе к карте, задел ногой помешавший ему портфель Штауффенберга и переставил его по другую сторону подставки стола — подальше от Гитлера.

Поскольку Штауффенберг должен был докладывать сразу же после Хойзингера, но все еще не вернулся, Буле вышел из помещения, чтобы позвать его. Однако телефонист сказал ему, что полковник ушел. Пораженный Буле вернулся в помещение, В 12 часов 42 минуты — Хойзингер как раз произносил заключительные слова — бомба взорвалась.

Штауффенберг, Хефтен и Фельгибель увидели пламя взрыва и были твердо убеждены в том, что Гитлер убит. Взрыв был такой силы, словно в комнате разорвался 150-миллиметровый снаряд, заявил позже Штауффенберг в Берлине.

Штауффенберг и Хефтен вскочили в машину, которая через минуты две остановилась у офицерского караула. Охрана сначала отказалась пропустить их, но Штауффенберг сослался на вымышленный телефонный вызов и заявил, что имеет разрешение на выезд. У наружного поста с южной стороны обоих офицеров снова остановили. Однако Штауффенберг не растерялся и тут же позвонил ротмистру фон Меллендорфу, который по телефону подтвердил дежурному шарфюреру СС наличие разрешения на выезд. Чуть позже 13 часов Штауффенберг достиг аэродрома. По дороге Хефтен демонтировал запасную бомбу и выбросил ее. В 13 часов 15 минут самолет поднялся в воздух и взял обратный курс на Берлин, где должен был приземлиться около 16 часов. В течение почти трех часов Штауффенберг вынужден был бездействовать, и эти три часа оказались роковыми для предпринятого им дела. Что же произошло за эти три часа в Берлине — в центре заговора?

Взрыв в помещении для совещания произвел большое разрушение: стол разлетелся на куски, потолок частично рухнул, оконные стекла были выбиты, рамы вырваны. Одного из присутствовавших взрывной волной выбросило в окно. И тут генерал Фельгибель, который должен был по телефону сообщить на Бендлерштрассе об успешном покушении, к ужасу своему увидел: покрытый гарью, в обгорелом и изодранном в клочья мундире, опираясь на Кейтеля и ковыляя, Гитлер выходит из дымящеюся барака! Кейтель довел Гитлера до своего бункера и приказал немедленно вызвать врачей. Гитлер получил ожоги правой ноги, у него обгорели волосы, лопнули барабанные перепонки, правая рука была частично парализована, но в целом травмы оказались легкими.

Из участников совещания один — стенографист Бергер — был убит на месте; трое — полковник Брандт (как уже указывалось, заместитель Хойзингера), генерал Кортен, начальник штаба оперативного руководства

ВВС, генерал-лейтенант Шмундт, шеф-адъютант вермахта при Гитлере и начальник управления личного состава сухопутных войск — вскоре скончались от полученных травм. Генерал Боденшац, офицер связи главнокомандующего ВВС при ставке фюрера, и полковник Боргман, адъютант Гитлера, получили тяжелые ранения. Все остальные отделались легкими ранениями или же не пострадали.

Убиты или тяжело ранены оказались почти исключительно те, кто стоял справа от подставки стола. Совершенно ясно: в результате того, что полковник Брандт переставил портфель с бомбой к правой стороне подставки стола, направление взрыва в значительной мере изменилось.

Только так можно объяснить, почему Гитлер, который к тому же в момент взрыва так наклонился над столом, что почти лежал на нем (он был близорук), остался в живых. Оправившись от шока, Гитлер и его окружение стали готовиться к намеченному на послеобеденное время визиту Муссолини в ставку Верховного главнокомандования. Увидев Гитлера живым, Фельгибель от условленного звонка в Берлин отказался. Ведь по имевшейся договоренности он должен был сообщить, состоялось ли покушение или нет. Но то, что Гитлер уцелеет, предусмотрено не было. Штифф решил, что ввиду этого государственный переворот начинать не следует и теперь надо лишь позаботиться о безопасности — своей собственной и других заговорщиков. Так центр заговора в Берлине больше трех решающих часов не получал никаких известий. Через полчаса после покушения в «Волчьем логове» появился извещенный о происшедшем Гиммлер, который находился в своей ставке на озере Мауэрзее, и сразу же начал расследование. Он потребовал от Главного управления имперской безопасности в Берлине прислать самолетом специалистов-криминалистов. Геббельс, который в это время был в Берлине, получил после 13 часов телефонное сообщение, что произошло покушение, но Гитлер жив. Затем всякая связь между Растенбургом и внешним миром на два часа прекратилась. Гитлер приказал запретить передавать любую информацию из ставки. Это обстоятельство могло бы даже сыграть на руку заговорщикам, поскольку Фельгибель и без того имел задание не допустить никакой связи со ставкой.

В результате начатого Гиммлером расследования все серьезнее стали подозревать Штауффенберга: его поведение, а особенно внезапное исчезновение казалось теперь подозрительным и Кейтелю. Но пока еще никто из окружения Гитлера не предполагал, что речь идет не о покушении одного отдельного лица, а о заговоре.

А тем временем в ОКХ на Бендлерштрассе генерал Ольбрихт и его ближайшие соратники тщетно ожидали сигнала действовать — телефонного звонка из Растенбурга. И все-таки они начали действовать по плану «Валькирия» — захватывать узлы связи, транспортные артерии, радиостанции. Но и эти действия были непоследовательны, поскольку спустя два часа стало известно, что Гитлер жив, и часть участников заговора предпочла отсидеться, ничего не предпринимать, авось пронесет нелегкая.

Разрабатывая план, Штауффенберг и Ольбрихт рассчитывали, что войсковые части будут действовать быстро и точно, а это зависело от офицеров, которые, узнав о воскрешении Гитлера, засомневались.

В тот же вечер заговорщики были схвачены. Тогда же состоялся военно-полевой суд, который приговорил четырех вождей восстания к расстрелу: полковника Мерца Квирингема, генерала Ольбрихта, полковника Штауффенберга и Хефтена. Четырех приговоренных вывели во двор около полуночи. Хефтен поддерживал ослабевшего от ранения Штауффенберга. Место казни освещалось фарами военного грузовика. Граф Клаус Шенк фон Штауффенберг погиб с возгласом: «Да здравствует священная Германия!»

Он погиб накануне своего 37-летия, и пророческими оказались слова его соратника Фрица Шуленбурга, сказанные в тот вечер незадолго до ареста: «Немецкому народу, видно, придется испить эту чашу до дна. Мы должны пожертвовать собой. Позже нас поймут».

Подверглись пыткам и были казнены еще сотни и сотни других людей, участников заговора прямых и косвенных и вовсе не имевших о нем представления, просто Гитлер решил заодно избавиться от всех своих врагов (как Сталин после убийства Кирова). Но Германию уже ничем нельзя было повернуть с гибельного пути.

БЕНИТО МУССОЛИНИ

Не могу без скорби говорить об участи этого человека, которого мне безумно жаль, и страдаю, как распятый.

Цицерон

Бенито Муссолини (1883–1945) — лидер итальянских фашистов, глава фашистского правительства в Италии в 1922–1943 годы и правительства так называемой республики Сало в 1943–1945 годы.

В апреле 1945 года итальянские партизаны захватили его близ итало-швейцарской границы, переодетого в форму немецкого солдата. Казнью Муссолини руководил «полковник Валерио» — один из руководителей итальянского движения Сопротивления Вальтер Аудизио (1909–1973). Согласно завещанию, его воспоминания о расстреле Муссолини были опубликованы только после кончины Аудизио. Аудизио рассказал о том, что задержал Муссолини обманом — сообщил ему, что он, Аудизио, послан, чтобы тайно освободить Муссолини и переправить в безопасное место. Дуче поверил. В машине, которая везла Муссолини и его любовницу Клару Петаччи, вместе с Аудизио были шофер и двое партизан Гвидо и Пьетро. Выбрав место для казни, Аудизио приказал шоферу машины остановиться. Дальнейшее «полковник Валерио» описал так:

«…Я пошел вдоль дороги, желая убедиться, что в нашу сторону никто не едет. Когда я вернулся назад, выражение лица Муссолини изменилось, на нем были заметны следы страха. Тогда Гвидо сообщил мне, что он сказал дуче: „Малина кончилась“. И все же, внимательно посмотрев на него, я уверился, что у Муссолини пока зародилось лишь подозрение. Я послал комиссара Пьетро и водителя в разные стороны метрах в 50–60 от дороги и приказал им следить за окрестностями. Затем я заставил Муссолини выйти из машины и остановил его между стеной и стойкой ворот. Он повиновался без малейшего протеста. Он все еще не верил, что должен умереть, еще не отдавал себе отчета в происходящем. Люди, подобные ему, страшатся действительности. Они предпочитают игнорировать ее, им до последнего момента достаточно ими же самими

созданных иллюзий.

Сейчас он вновь превратился в усталого, неуверенного в себе старика. Походка его была тяжелой, шагая, он слегка волочил правую ногу. При этом бросалось в глаза, что молния на одном сапоге разошлась.

Затем из машины вышла Петаччи, которая по собственной инициативе поспешно встала рядом с Муссолини, послушно остановившимся в указанном месте спиной к стене. Прошла минута, и я вдруг начал читать смертный приговор военному преступнику Муссолини Бенито:

„По приказу Корпуса добровольцев свободы мне поручено свершить народное правосудие“.

Мне кажется, Муссолини даже не понял смысла этих слов: с вытаращенными глазами, полными ужаса, он смотрел на направленный на него автомат. Петаччи обняла его за плечи. А я сказал: „Отойди, если не хочешь умереть тоже“. Женщина тут же поняла смысл этого „тоже“ и отодвинулась от осужденного. Что касается его, то он не произнес ни слова: не вспомнил ни имени сына, ни матери, ни жены. Из его груди не вырвалось ни крика, ничего. Он дрожал, посинев от ужаса, и, заикаясь, бормотал своими жирными губами: „Но, но я… синьор полковник… я… синьор полковник“.

Даже к женщине, которая металась рядом с ним, бросая на него взгляды, полные крайнего отчаяния, он не обратил ни слова. Нет, он самым гнусным образом просил за свое, грузное, дрожащее тело.

Лишь о нем он думал, об этом теле, которое поддерживала стена. Я уже говорил раньше, что проверил свой автомат в доме Де Мария. И на тебе — курок нажат, а выстрелов нет.

Автомат заклинило. Я подергал затвор, вновь нажал курок, но с тем же результатом. Гвидо поднял пистолет, прицелился, но — вот он рок! — выстрела не последовало. Казалось, что Муссолини этого не заметил. Он больше ничего не замечал.

Я вновь взял в руки автомат, держа его за ствол, чтобы использовать как дубинку, поскольку, несмотря ни на что, все еще ожидал хоть какой-нибудь реакции с его стороны. Ведь всякий нормальный человек попытался бы защищаться, однако Муссолини был уже невменяем. Он продолжал заикаться и дрожать, по-прежнему неподвижный, с полуоткрытым ртом и безвольно опущенными руками. Я громко позвал комиссара 52-й бригады, который тут же подбежал ко мне со своим автоматом в руках.

Тем временем прошло уже несколько минут, которые любой осужденный на смерть использовал бы для попытки, пусть даже отчаянной, к бегству, попытался бы по крайней мере оказать сопротивление. Тот же, кто считал себя „львом“, превратился в кучу дрожащего тряпья, не способного ни к малейшему движению. В тот короткий отрезок времени, который понадобился Пьетро, чтобы принести мне автомат, мне показалось, что я нахожусь с Муссолини один на один. Был Гвидо, внимательно следивший за происходящим. Была Петаччи, которая стояла рядом с „ним“, почти касаясь его локтем, но которую, однако, я не принимал в расчет.

Нас было только двое, я и он.

В воздухе, наполненном влагой, стояла напряженная тишина, в которой отчетливо слышалось учащенное дыхание осужденного. За воротами, среди зелени сада, виднелся край белого дома. А далеко в глубине — горы.

Если бы Муссолини был в состоянии смотреть и видеть, в поле зрения попала бы полоска озера. Но он не смотрел, он дрожал. В нем не было больше ничего человеческого. В этом мужчине единственными человеческими чертами были спесивая чванливость и холодное презрение к слабым и побежденным, появлявшиеся лишь в минуты триумфа. Сейчас рядом с ним не было придворных главарей и маршалов. На его лице присутствовал лишь страх, животный страх перед неизбежностью. Осечка автомата, конечно, не дала Муссолини даже проблеска надежды, он уже понимал, что должен умереть. И он погрузился в это ощущение, как в море бесчувствия, защищавшее его от боли. Он не замечал даже присутствия той, которая была его женщиной.

Я же не ощущал больше никакой ненависти, понимая лишь, что должен свершить справедливость за тысячи и тысячи мертвых, за миллионы голодных, которых предали. Став снова напротив него с автоматом в руках, я выпустил в это дрожащее тело пять выстрелов. Военный преступник Муссолини, опустив голову на грудь, медленно сполз вдоль стены. Петаччи, оглушенная, потеряв рассудок, странно дернулась в его сторону и упала ничком на землю, тоже убитая.

Было 16 часов 10 минут 28 апреля 1945 года».

Нам кажется, что поспешность, с какой состоялся скорый суд бравых партизан, скорее говорит о том, что многие из них прятали концы в воду или по меньшей мере выполняли приказы тех, кто прятал эти концы. А уж за убийство Клары (сверх плана) явно рассчитывали на поощрение. Наверное, и союзники были раздосадованы уж кто-кто, а идеолог фашизма и первофашист заслуживал того, чтобы быть представленным на «суде Истории» (как порой называли Нюрнбергский процесс) Или им тоже было что скрывать?

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ

Когда я скатился окончательно в болото контрреволюции, я уже вынужден был продолжать свою антисоветскую деятельность.

Из материалов допроса А. А. Власова

Андрей Андреевич Власов по возрасту не подлежал воинской мобилизации в первую мировую войну и по этой причине не оказался ни в царской, ни в белой армии, что могло сказаться на дальнейшей его жизни.

Очень высокий, ладный, в очках, он больше походил на священника, нежели на студента, когда учился на агрономическом факультете Нижегородского государственного университета. Такое сходство ему придавали манеры, усвоенные, видимо, в духовном училище и семинарии. Затем последовала революция, призыв в Красную Армию и сражения на фронтах гражданской войны. Власов участвовал в походах и боях с Врангелем и против банд Махно, Маслака, Каменюка, Попова и других. Он закончил курсы комсостава, быстро выдвинулся в офицеры, командиры батальона, полка. В своей автобиографии он писал «С июля 1937 г командовал 215 стрелковым полком, с ноября 1937 г командовал 133

стрелковым полком до мая 1938 г, с мая 1938 г — начальник 2 отдела штаба Киевского особого военного округа до сентября 1938 г. С сентября 1938 г назначен командиром 72 стрелковой дивизии Киевского особого военного округа и был отправлен в правительственную командировку по заданию партии и правительства, каковую закончил в декабре 1939 г. С января 1940 г. командую 99 стрелковой дивизией КОВО».

А секретная правительственная командировка была в Китай, на помощь правительству Чан-Кайши.

В ноябре 1941 года А. А. Власов был назначен командующим войсками 20-й армии Западного фронта. Это было критическое время в боевых действиях под Москвой — противник подошел к столице на расстояние около 25 км. Московская эпопея хорошо освещалась в печати, добавим только, что по итогам боевых действий под Москвой А. А. Власов Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1942 года был награжден орденом Ленина; еще раньше, в январе, ему было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта, а 14 января 1942 года его фото было опубликовано во всех центральных газетах среди наиболее отличившихся военачальников при обороне Москвы.

9 марта 1942 года генерал-лейтенант А. А. Власов прибыл в распоряжение командующего войсками Волховского фронта на должность заместителя. 2-я ударная армия отделилась от основных сил советских войск и углубилась в Симовские болота. Немцы окружили ее кольцом.

Командарм боролся до конца и делил со своими солдатами все лишения. Но он не мог предотвратить крушения 2-й советской Ударной армии (на реке Волхове), которой командовал. И это для Власова — как для любого советского командующего, — по существу, был смертный приговор.

Когда не оставалось никаких сомнений в безвыходности положения, в расположении главной квартиры 2-й Ударной армии приземлилось несколько самолетов, чтобы вывезти генерала и его штаб. Власов отказался лететь: он хотел остаться со своими солдатами до конца, вместе с ними биться и погибнуть. Мысль о самоубийстве была ему чужда.

Но судьба распорядилась иначе. Он остался в живых.

Когда почти все части его армии были уничтожены, Власов, с небольшой боевой группой, отошел в дебри заболоченных лесов. Но вскоре погибла и эта группа, за исключением нескольких человек. Еще несколько недель Власов, без знаков различия на форменной одежде, скрывался в приволховских лесах, заходя по ночам в деревни и получая от крестьян немного хлеба.

Тогда же в нем, очевидно, созрело решение еще раз испытать судьбу. Ни он и никто другой не сомневался, что сталинскими подручными ему уготовано в лучшем случае место на нарах, а скорее всего — уже заготовлен смертный приговор. В те годы советская военная доктрина отрицала саму мысль о том, что советский воин может попасть в плен. Совершивший это в сознательном либо бессознательном состоянии априорно считался предателем и изменником Родины. Солдатам настойчиво внушалась мысль о правомерности и даже необходимости самоубийства в случае ранения или пленения. Отступавших с поля боя солдат ожидали пули заградотрядов. Многие из отчаявшихся солдат в

отчаянии повторяли «подвиг А. Матросова» — лучше смерть, чем такая жизнь…

В июле 1942 года генерал Андрей Андреевич Власов попал в немецкий плен. Сдался он в плен не один. Мы сомневаемся, чтобы им руководила черная мысль о порабощении Родины. Скорее всего, он старался спасти своих солдат, которых в ином случае ждала неминуемая смерть либо в фашистском, либо в сталинском концлагере. В итоге так и произошло, но впереди у них было еще целых три прожитых года.

На допросе Власов объяснил немцам, что он сдался в плен по причинам некомпетентности руководства Вооруженных Сил СССР, затирания его способностей, его несогласия с методами руководства страной и сложившейся политической системой в Союзе. По мнению Власова, для того, чтобы добиться победы над Сталиным, необходимо было использовать русских военнопленных в борьбе против Красной Армии. На развалинах Советского Союза смогла бы тогда возникнуть новая русская государственность, которая в тесном союзе с Германией и под ее руководством участвовала бы в преобразовании Европы.

Власов предлагал наладить связь с высокопоставленными военачальниками Красной Армии и крупными деятелями советского правительства, которых он считал своими единомышленниками.

Создание Русской освободительной армии в войсках вермахта в годы Великой Отечественной войны не было неожиданным для представителей русской эмиграции и многих зарубежных стран.

С началом войны немцы стимулировали создание русских добровольческих частей и формирований, но в составе немецких частей и соединений. Находясь в плену у немцев, Власов быстро разобрался в обстановке и стал настойчиво предлагать немцам создать Русскую освободительную армию на базе уже существовавших добровольческих формирований. Через некоторое время он получил добро.

Для отбора офицеров и солдат в лагерях военнопленных было создано 10 специальных комиссий, которые стали усиленно заниматься вербовкой. Власову удалось сформировать две дивизии. В Мюнхене формировалась первая дивизия, насчитывавшая до 20 тысяч человек, и офицерская школа до 1 тысячи человек. В Хойберге формировалась вторая дивизия численностью до 12 тысяч человек. Первую дивизию к концу войны удалось вооружить 100 орудиями, 12 танками «Т-34», винтовками и автоматами. 6 марта 1943 года первая дивизия покинула Мюнхен и в походном порядке двинулась на Восток. В конце зимы 1944–1945 года РОА насчитывала примерно 50 тысяч человек. Специальные органы РОА планировали применять диверсии против СССР. В ноябре 1944 года СД предложило Власову организовать подготовку и засылку диверсантов в советский тыл.

Части РОА густой сетью покрывали Ленинградскую область и вместе с германской армией составляли единое целое — карательные отряды. С помощью РОА осуществлялась охрана концентрационных лагерей, железных дорог, мостов, хранилищ боеприпасов. С их участием проводились расстрелы, облавы, обыски, задержание и конвоирование. Практически все подразделения РОА участвовали в борьбе с партизанами и даже сражались против регулярной армии. В 1945 году части РОА

обороняли Прагу. На самом же деле Власов отчаянно пытался связаться с союзниками и передать им власть над городом. Командование союзников сознавало необходимость занять город раньше советских войск. 5 мая над Прагой были разбросаны листовки о том, что власть переходит к американцам, которые будут в городе в течение дня. Это послужило сигналом к началу Пражского восстания. К вечеру 7 мая власовцами действительно были взяты под контроль все транспортные коммуникации, мосты, ведущие на Запад, железные дороги. По радио также было передано сообщение о том, что делегаты Чешского национального совета вызваны во власовский штаб для переговоров. Однако это не соответствовало действительности. Совет, решительно выступив против любых переговоров с РОА, сделал специальное заявление о том, что «не имеет никаких отношений с власовцами». В середине дня 7 мая гитлеровцы ворвались в центр города. В Праге началась расправа над восставшими. Власов направил командующему I Украинского фронта Маршалу Советского Союза Коневу телеграмму: «Могу ударить в тыл немцам», но ответа не получил. Встревоженный событиями, Черчилль настаивал на быстрейшем вступлении американцев в Прагу. Но Эйзенхауэр не принял решения. Вечером 7 мая у власовцев не оставалось ни малейших сомнений в том, что город будет занят советскими войсками. В 23 часа заместитель Власова генерал Буняченко отдал приказ об уходе первой дивизии РОА из Праги. Восставший город оставлялся фашистам на растерзание.

В ночь на 9 мая после восьмидесятикилометрового танкового броска с севера советские войска достигли города. К 10 часам утра Прага была освобождена. 10 мая Чешский национальный совет передал власть правительству Национального фронта. Колонны власовской армии уходили на Запад, они шли под конвоем по территории, занятой союзниками. Однако многие из них (в том числе и сам Власов и несколько человек из его штаба) были выданы советскому командованию. Суд проходил тайно под председательством небезызвестного генерал-полковника юстиции В. В. Ульриха (председателя Военной коллегии Верховного суда СССР). Длился он двое суток и в прессе не освещался.

26 августа 1946 года в центральных газетах было опубликовано сообщение Военной коллегии Верховного суда СССР:

«На днях ВКВС СССР рассмотрела дело по обвинению Власова А. А., Малышкина В. Ф., Жиленкова Т. Н., Трухина Ф. И., Закутного Д. Е., Благовещенского И. А., Меандрова М. А., Мальцева В. И., Буняченко С. К., Зверева Г. А., Корбукова В. Д. и Шатова Н. С. в измене Родине и в том, что они, будучи агентами германской разведки, проводили активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 „б“, 58-8, 58-9, 58–10 и 58-II УК РСФСР.

Все обвиняемые признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. В соответствии с пунктом 1 Указа ОГВС СССР от 19 апреля 1943 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила обвиняемых… к смертной казни через повешение.

Приговор приведен в исполнение».

В действительности ли эти люди были виновны в тех чудовищных обвинениях, которые на себя возвели, или же они оказались обычными

жертвами трагического стечения обстоятельств? И не окажись они в окружении по вине бездарных сталинских генералов, а следовательно, перед лицом неминуемой смерти в случае возвращения или же невозвращения домой, то как знать, может быть, они с честью продолжали бы службу? История не знает сослагательного наклонения. И мы никогда не узнаем, какой процент из 20 миллионов погибших во второй мировой войне советских людей составляют советские военнопленные, уничтоженные по приказу Сталина.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Подобно тому, как самым большим физическим злом является смерть, так самым большим моральным злом является война.

Вольтер

Существуют темы, мимо которых автор просто не имеет права пройти, если взялся писать книгу о казнях. Хотя искушение так или иначе абстрагироваться от этого процесса было очень велико. В конце концов, что нового можно сказать о Нюрнбергском процессе, о котором написано столько монографий, написаны романы, сняты художественные и документальные фильмы? То, что этот процесс стал грандиознейшим судебным процессом эпохи? Это и так общеизвестно. Но если уж говорить о грандиозности, то никуда не уйдешь и от того, что этот процесс стал тенденциознейшим процессом столетия, и хотя судили на нем далеко не невинных агнцев, однако действительно справедливый суд обязан был воздать по заслугам всем поджигателям мировой катастрофы, и с правой стороны, и с левой. Прежде всего отметим поспешность следствия. Судебный процесс над группой главных военных нацистских преступников в Международном военном трибунале начался уже 20 ноября 1945 года (то есть следствию потребовалось не более полугода для сбора всех доказательств) и продлился год, по 1 октября 1946 года. Всего было 407 заседаний.

Судебная бригада была представлена лишь представителями Советского Союза, Великобритании, США и Франции. Ни Польша, ни Чехословакия, больше всего пострадавшие от фашизма, ни скандинавские страны в суде представлены не были. Объединенная юридическая мощь четырех стран-победительниц (хотя определение это для Франции звучит более чем странно) призвала к ответу 23 ответчика: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмана Шахта, Густава Крупп фон Болен унд Гальбаха, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Иодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата, Ганса Фриче. За свои преступления они отвечали индивидуально и как члены любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая службу безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), генеральный штаб и высшие командование германских вооруженных

сил.

Уполномоченные своими правительствами Р. А. Руденко, Хартли Шоукросс, Роберт Г. Джексон, Франсуа де Ментон обвинили подсудимых в преступлениях против мира, в военных преступлениях, в преступлениях против человечности и в создании общего плана или заговора для совершения этих преступлений.

«Общий план или заговор, гласило заключение, включал совершение преступлений против мира, выразившееся в том, что подсудимые планировали, подготавливали и вели агрессивные войны, которые являлись также войнами, нарушающими международные договоры, соглашения и обязательства. В своем развитии общий план или заговор охватывал военные преступления, выражавшиеся в том, что обвиняемые намечали и осуществляли бесчеловечные войны против стран и народов, нарушая все правила и обычаи ведения войны, систематически применяя такие способы, как убийства, зверское обращение, посылка на рабский труд гражданского населения оккупированных территорий, убийства, зверское обращение с военнопленными и лицами, находящимися в плавании в открытом море, взятие и убийства заложников, грабеж общественной и частной собственности, бессмысленное разрушение больших и малых городов и деревень и неоправданное военной необходимостью опустошение Общим планом или заговором предусматривались, а подсудимыми предписывались к исполнению такие средства, как убийства, истребление, обращение в рабство, ссылки и другие бесчеловечные акты как в Германии, так и на оккупированных территориях, совершенные до и во время войны против гражданского населения, преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам во исполнение плана по подготовке и осуществлению беззаконных или агрессивных войн». Обвиняя Германию в присоединении Австрии и захвате Чехословакии, судьи и не упомянули, что все это делалось с согласия Англии и Франции, которые недвусмысленно продали Гитлеру эту страну в нарушение ранее заключенных с Чехословакией договоров. 29 сентября 1938 года в Мюнхене Англия и Франция заключили соглашение с Германией и Италией, предусматривающее уступку Судетской области Германии. От Чехословакии потребовали согласиться с этим. 1 октября 1938 года немецкие войска оккупировали Судетскую область.

15 марта 1939 года немецкое правительство завершило свой план, захватив и завладев и той частью Чехословакии, которая не была уступлена Германии по Мюнхенскому соглашению. Однако Англия и Франция тогда закрыли глаза на эту шалость Гитлера. «Мюнхенским сговором» в дальнейшем называлось это предательство в учебниках истории.

Затем «приказом от 1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу», — констатирует обвинительное заключение, будто судьи и не подозревали о пакте Риббентропа-Молотова и о секретном протоколе к нему. Впрочем, если бы этот таинственный протокол так и остался бы тайной за семью печатями, то действия СССР по его осуществлению ни для кого не были тайной «добровольное присоединение» стран Прибалтики (тоже своего рода «аншлюс»), захват половины польских земель (Западная Украина и Западная Белоруссия).

Обвиняя подсудимых в «заговоре», судьи вменяли им в вину тщательную разработку планов, по которым производились военные действия. Излишне говорить, что это составляло обычную работу подсудимых.

Классическая фраза обвинения звучит так: «22 июня 1941 года гитлеровские войска, вероломно нарушив пакт о ненападении между Германией и СССР, без объявления войны напали на советскую территорию, начав тем самым агрессивную войну против СССР». Подготовка гитлеровской армии к вторжению в СССР была секретом Полишинеля. О дате и часе агрессии Сталину сообщали со всех сторон самые независимые источники. Дипломаты и разведчики, работавшие в разных странах, посылали неопровержимые доказательства готовящейся агрессии, и лишь беспечность советского руководства, граничащая с идиотизмом, допустила, что нападение гитлеровской Германии стало неожиданностью для советских войск. «С первого же дня вторжения на территорию СССР гитлеровские заговорщики в соответствии с детально разработанным планом начали осуществлять разрушение городов и сел, уничтожение фабрик и заводов, колхозов и совхозов, электростанций и железных дорог, ограбление и варварское разрушение национально-культурных учреждений народов СССР, разрушение музеев, школ, больниц, церквей, исторических памятников…»

Эта фраза также звучит тенденциозно в свете повсеместно рассылаемых Сталиным приказов применять к противнику тактику выжженной земли, взрывать заводы и фабрики, уничтожать сельское хозяйство и скот, разрушать мосты и железные дороги, не говоря уже о разрушении церквей, которое вообще было национальной политикой СССР. Ничего не могли возразить подсудимые и по поводу беспощадных бомбежек союзной авиацией городов, сел и национально-культурных учреждений Германии (наверное потому, что их об этом не спрашивали). Далее немецкому руководству вменялось в вину следующее: «Обвиняемые убивали и жестоко обращались с военнопленными, лишая их необходимой пищи, жилья, одежды, медицинского обслуживания, заставляя работать их в нечеловеческих условиях, пытая их, а затем убивая их.

Военнослужащих тех стран, с которыми Германия находилась в состоянии войны, часто убивали, когда они сдавались в плен. Эти убийства и жестокое обращение производились вопреки международным конвенциям, в особенности статьям 4,5,6,7 Гаагских Правил 1907 года и статьям 2,3,4,6 Конвенции о военнопленных (Женева, 1929 год), законам и обычаям войны, общим правилам обращения с военнопленными».

Справедливо было бы отметить, что текст Женевской конвенции о военнопленных был неведом советским солдатам прежде всего потому, что сталинское руководство не подписало этой конвенции. Более того, сталинская военная доктрина настойчиво проповедовала идеи оправданности, правомерности и даже осознанной необходимости массового суицида советских солдат и офицеров в случае их пленения. Подкреплялась эта доктрина массовыми репрессиями в отношении бывших военнопленных советских солдат и офицеров. Для бывших узников нацистских концлагерей появлялась возможность сравнить их «прелести» с

гулаговскими. Что же говорить о заградотрядах, состоявших из отборных палачей НКВД, в задачу которых входил немедленный расстрел на месте солдат, отступающих с поля боя?

В 1946 году Польша была еще оккупирована советскими войсками, и поэтому никто не задавал вопросов о судьбе 12 тысяч польских офицеров, которые размещались в концлагере под Катынью. Но мы знаем, что расстрел их — акция, мало согласующаяся с духом Гааги и Женевы. Отвечая жестокостью на жестокость, советское руководство уморило в плену около полумиллиона немецких военнопленных, но и тогда эти данные не принимались во внимание. И уж конечно, никто не мог уследить за тем, сколько немецких военнопленных расстреливались сразу после кровопролитных боев.

«В течение всего периода германской оккупации западных и восточных стран германское правительство и верховное командование проводили политику увода физически здоровых граждан из оккупированных стран в Германию и в другие оккупированные страны для работы на положении рабов на военных заводах и для других работ, связанных с военным усилением Германии. Такой увод в рабство противоречил международным конвенциям, в частности статье 46 Гаагских Правил 1907 года, законам и обычаям войны, общим правилам уголовного права.

Существуют данные о таких уводах населения из Франции, Дании, Люксембурга, Бельгии, Голландии, СССР, стран Восточной Европы. Из СССР оккупационные власти отправили в рабство около 4 000 000 человек».

Увы, в те времена считалось (и деятелями зарубежной науки и культуры, побывавшими в СССР, подтверждалось), что на великих стройках социализма — Днепрогэс, Уралмаш и Беломорканал — трудились исключительно восторженные народные массы, убежденные в торжестве идей Ленина-Сталина. Вскоре к ним присоединились немецкие и японские военнопленные, а также советские солдаты, побывавшие в плену. В их числе были и лица, побывавшие в пресловутом «немецком рабстве».

«В течение всего времени оккупации обвиняемые, с целью терроризирования жителей, убивали и мучили граждан, жестоко обращались с ними и заключали их в тюрьмы без законного судебного процесса. Обвиняемые проводили политику преследования, репрессий и истребления тех граждан, которые были врагами нацистского правительства, и общего плана или заговора, описанных в разделе 1, или подозревались в этом, или рассматривались в качестве возможных врагов. Нацисты бросали в тюрьмы людей без судебного процесса, содержали их в так называемом „предварительном заключении“ и концентрационных лагерях, подвергали их преследованиям, унижениям, порабощению, пыткам, убивали их..» Увы, ни разу, даже во времена пресловутой перестройки не собрался пусть даже символический судебный процесс по обвинению ленинских и сталинских палачей в массовом терроре против жителей территорий, на которых процветала советская власть. Об этом бесчеловечном терроре против миллионов советских людей написано в последние годы достаточно. Подавляющее большинство разжалованных в годы хрущевской оттепели вешателей ушли от расплаты.

Мы вовсе не оправдываем фашистских деятелей. Но мы хотим обратить внимание читателей на тенденциозность и предвзятость процесса, на то, что в нем были не в полной мере рассмотрены преступления противоположной стороны, той, что занимала судейские кресла.

Фашизм действительно был инициатором войны, как бы старательно ни раздували ее американские, английские и швейцарские империалисты и советские ренегаты; были и газовые печи, и душегубки, и Бухенвальд, и Бабий Яр. И за это руководство нацистской партии и военного руководства было сурово и примерно наказано. Трибунал признал преступными организации СС, СД, СА, гестапо и руководящий состав нацистской партии, но не вынес решения о признании преступным верховного командования, генштаба.

Член трибунала от СССР заявил о своем несогласии с решением о непризнании преступными этих организаций и с оправданием Шахта, Папена, Фриче. Помощник Главного обвинителя от СССР М. Ю. Рагинский вспоминал, как 1 октября 1946 года была оглашена резолютивная часть приговора — меры наказания в отношении каждого подсудимого. Их доставляли по одному, и лорд-судья Лоренс объявлял каждому:

«Трибунал признал вас виновным по таким-то разделам обвинительного заключения и приговорил..» Одного уводили и доставляли следующего — в такой же очередности, как они сидели на скамье подсудимых.

Первым был Гериш. Лоренс объявил: «Подсудимый Геринг, трибунал признал вас виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения и приговорил к смертной казни через повешение». Геринг сделал вид, что он не расслышал.

Стоявший сзади охранник надел ему наушники, и Лоренсу пришлось повторить свои слова.

Международный военный трибунал приговорил. Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, Бормана (заочно) — к смертной казни через повешение, Гесса, Функа, Редера — к пожизненному заключению; Шираха, Шпеера — к 20, Нейрата — к 15, Деница — к 10 годам тюремного заключения. Фриче, Папен, Шахт были оправданы. Переданный суду Лей незадолго до начала процесса повесился в тюрьме, Крупп был признан неизлечимо больным, и дело по нему было прекращено. «Я внимательно следил, — писал М. Ю. Рагинский, — за тем, как вели себя Розенберг, Кейтель, Кальтенбруннер, Фрик, Франк, Йодль, Заукель, Штрейхер и Зейсс-Инкварт, приговоренные к смертной казни. За исключением Зейсс-Инкварта, они, убийцы миллионов людей, не могли скрыть свой страх. Риббентропа, Розенберга и Йодля охранники вынуждены были поддерживать с двух сторон, так как они не держались на ногах. Зейсс-Инкварт внешне спокойно выслушал приговор, снял наушники и, поклонившись судьям, пошел к лифту».

Для подачи ходатайств о помиловании был установлен четырехдневный срок после оглашения приговора. О помиловании просили все, за исключением Кальтенбруннера, Шпеера и Шираха. Первый — ввиду

явной безнадежности предприятия, Шпеер и Ширах радовались и тому, что их миновала петля, которую они вполне заслужили. Адвокат Бергольд подал ходатайство о помиловании Бормана…

Осужденные, кроме того, высказали ряд просьб: Редер, например, о замене пожизненного заключения смертной казнью, Геринг, Йодль, Кейтель, — о замене казни через повешение расстрелом, если их просьбы о помиловании будут отклонены. 9 и 10 октября 1946 года в Берлине состоялось заседание Контрольного совета по Германии, который рассмотрел поступившие ходатайства и решил:

1) ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного военного трибунала и может только осуществлять право помилования, 2) ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный сове г может осуществлять только право помилования по уже принятым приговорам, но не усиливать меру наказания; 3) отклонить просьбы о помиловании Геринга, Гесса, Риббентропа, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, Функа, Деница и фон Нейрата; 4) отклонить ходатайства Геринга, Йодля и Кейтеля, поданные на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение расстрелом; 5) просьба о помиловании, поданная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право обратиться с такой просьбой в течение четырех дней после его ареста, «когда таковой будет иметь место». Казнь нацистских преступников была назначена на 16 октября.

Вечером 15 октября полковник Эндрюс, ведавший охраной тюрьмы, где находились осужденные, посетил каждого из них и сообщил об отклонении их просьб о помиловании. А ровно в полночь, за час до назначенного времени казни, он вбежал в комнату журналистов и растерянно сообщил, что умер Геринг. Несколько успокоившись, Эндрюс рассказал, что солдат охраны, дежуривший у двери камеры Геринга, услышал вдруг странный хрип. Он тут же вызвал дежурного офицера и врача. Когда они вошли в камеру, Геринг был в предсмертной агонии. Врач обнаружил у него во рту мелкие кусочки стекла и констатировал смерть от отравления цианистым калием.

Через некоторое время австрийский журналист Блейбтрей заявил во всеуслышание, что это именно он помог Герингу уйти из жизни. Якобы до начала заседания он пробрался в зал и с помощью жевательной резинки прикрепил к скамье подсудимых ампулу с ядом. Сенсация принесла Блейбтрею немалые деньги, хотя была лживой от начала до конца — в то время зал заседаний охранялся лучше, чем любое другое место в Европе. А спустя несколько лет то же самое, что и австрийский журналист, заявил обергруппенфюрер Бах-Зелевски, выпущенный из тюрьмы. Но передачу яда Герингу он приписал себе. Возможно, лгали они оба. М. Ю. Рагинский считал, что яд был передан Герингу через офицера американской охраны за солидную взятку. А передала его жена Геринга, которая приезжала к мужу за несколько дней до назначенной даты исполнения приговора.

При исполнении приговора Международного военного трибунала присутствовали по двое журналистов от каждой из четырех держав

победительниц и официальный фотограф. Советский журналист, корреспондент газеты «Правда» Виктор Темин так изложил свои впечатления.

«В окно гостиницы мне виден Нюрнберг. Нюрнберг 15 октября 1946 года. Мрачно и пустынно на его улицах. Ровно в 8 часов вечера по берлинскому времени мы, восемь корреспондентов, по два от четырех союзных держав — Советского Союза, Соединенных Штатов, Англии и Франции явились в здание суда…

Пришел шеф Нюрнбергской тюрьмы американский полковник Эндрюс, и от всех восьми корреспондентов было взято обязательство не покидать здания тюрьмы и отведенных им мест, а также ни с кем не общаться до особого указания четырехсторонней комиссии. Полковник Эндрюс провел приглашенных журналистов по зданию тюрьмы. Подсудимые еще не знали ни того, что их ходатайство о помиловании отклонено решением Контрольного совета, ни того, что приговор будет незамедлительно приведен в исполнение. После осмотра тюрьмы, писал Темин, мы проходим через двор, вернее тюремный сад, освещенный электричеством, к небольшому одноэтажному зданию… Здесь сегодня должна состояться казнь.

Входим в здание. Прямо против двери — три виселицы, окрашенные в темно-зеленый цвет. Тринадцать ступеней ведут на эшафот.

На чугунных блоках — новые, толстые манильские веревки, которые выдерживают груз более 200 килограммов. Основание эшафота высотой более двух метров закрыто брезентом. Под каждой виселицей — люк с двумя створками, которые открываются нажатием рычага.

Казненный падает в отверстие на глубину два метра 65 сантиметров. Виселиц три, но только две приготовлены для казни. Около них лежат черные колпаки, которые будут в последний момент накинуты на головы осужденным. Одна виселица запасная. Правый угол здания отгорожен брезентом. Сюда будут сносить тела казненных. Закончив осмотр, возвращаемся в отведенные нам комнаты в здании Международного военного трибунала.

Время — 22 часа.

…После объявления об утверждении приговора всем осужденным были надеты наручники…

В 0.55 всех нас, восемь журналистов, проводят к месту казни, и мы занимаем указанные нам места против эшафота на расстоянии примерно трех-четырех метров. Входят члены комиссии, медицинские эксперты, офицеры американской охраны. От каждой из союзных стран: СССР, США, Англии и Франции присутствуют по пять человек. Сюда входят: генерал, врач, переводчик и два корреспондента. Все остальные занимают специально отведенные для них места слева от эшафота. У виселиц на эшафоте занимают место два американских солдата, переводчик и палач. Первым вводят под руки Иоахима фон Риббентропа. Он бледен, пошатывается, секунду-две стоит с полузакрытыми глазами, как бы в состоянии полной прострации. С него снимают наручники и связывают руки за спиной.

…В 1.37 вводят Кальтенбруннера. Этот изверг был правой рукой Гиммлера. У него бегающие глаза и огромные руки душителя…

Кальтенбруннер бросает умоляющий взгляд на пастора. Тот читает молитву. Кальтенбруннер блуждающим взглядом смотрит вокруг. Но бесстрастный палач накидывает ему на голову черный колпак. Все мы, 25 человек, присутствовавшие при казни, люди разных рангов, возраста, национальностей, взглядов, думаем в эти минуты одинаково: виновников военных преступлений нужно наказывать сурово и беспощадно».

16 октября 1946 года четырехдержавная комиссия по заключению главных военных преступников распространила следующее заявление: «Приговоры к смертной казни, вынесенные Международным военным трибуналом 1 октября 1946 г нижеуказанным военным преступникам: Иоахиму фон Риббентропу, Вильгельму Кейтелю, Эрнсту Кальтенбруннеру, Альфреду Розенбергу, Гансу Франку, Вильгельму Фрику, Юлиусу Штрейхеру, Фрицу Заукелю, Альфреду Йодлю, Артуру Зейсс-Инкварту, были приведены в исполнение сегодня в нашем присутствии.

Геринг Герман Вильгельм совершил самоубийство в 22 часа 45 минут 15 октября 1946 г. В качестве официально уполномоченных свидетелей от немецкого народа присутствовали: министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер, главный прокурор города Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер, которые видели труп Германа Вильгельма Геринга».

После казни тела повешенных и труп самоубийцы Геринга положили в ряд, их сфотографировал официальный фотограф. Затем тела были сожжены, а на другой день этот прах развеяли с самолета по ветру.

Быть палачом добровольно вызвался сержант американской армии Джон Вуд.

ТОКИЙСКИЙ ПРОЦЕСС

Война является отрицанием истинной гуманности. Дело не только в убийстве людей, ибо человек должен так или иначе умереть, а в сознательном и упорном распространении ненависти и лжи, которые мало-помалу прививаются людям.

Джавахарлал Неру

Не успел закончиться Нюрнбергский процесс, как начался процесс Токийский. В Нюрнберге США не могли играть ведущей роли, поскольку в общем-то не внесли существенного вклада в разгром гитлеровских войск. В отличие от Англии. Однако в отношении войны с Японией никто не мог сказать, что она далась Америке малой кровью. И Америка решила переплюнуть европейцев по всем статьям, и по масштабам готовящегося действа, и по размаху Японии вменили в вину вообще союз с Германией и Италией, который был подписан в Берлине 27 сентября 1940 года, сроком на 10 лет. Нацистское правительство предполагало, что японская агрессия ослабит и поставит в невыгодное положение те страны, с которыми они находились в состоянии войны, и те страны, с которыми они намеревались завязать войну. Соответственно нацистские заговорщики призвали Японию добиваться «нового порядка». Судьи отметили, что, пользуясь успехами агрессивной войны, которую в то время вела Германия, Япония 7 декабря 1941 года совершила нападение на США в Перл-Харбор и на Филиппины, а также на Нидерланды в юго-западной части Тихого океана, на Британское Содружество Наций, на французский Индокитай. Японцы храбро сражались в ту войну, оккупировали половину Китая и Индокитая. Единственный ее сосед, к которому она не предъявляла никаких территориальных или

каких-либо иных претензий, был Советский Союз. И именно он отхватил большую часть ее территории и оказался одной из центральных фигур на Токийском судилище. Токийский процесс должен был состояться. Уж больно хотелось тогда заклеймить агрессию во всех ее видах и на веки вечные установить прочный и справедливый мир.

В 1946 году был учрежден Международный Военный Трибунал для Дальнего Востока с местопребыванием в Токио. Устав этого Трибунала был утвержден приказом Главнокомандующего союзных войск на Дальнем Востоке Макартура 19 января 1946 года. Устав определял структуру Трибунала, юрисдикцию и общие условия, обеспечивающие справедливый суд над обвиняемыми. Кроме того, были утверждены правила процедуры Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, регламентировавшие, извещение подсудимых, представление дополнительных документов, порядок ведения процесса, допроса свидетелей, рассмотрения ходатайств, ведения протокола и т. д. Список стран, представленных на этом процессе, был гораздо шире. Обвинительное заключение по делу 28 главных японских военных преступников было составлено от имени США, Китайской Республики, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Нидерландов, Новой Зеландии, Индии и Филиппин. Оно содержало 53 пункта, сгруппированных в трех главах.

Первая глава содержала обвинение в преступлениях против мира в соответствии со статьей 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока. Пункт «а» этой главы предусматривал следующие преступления: планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или необъявленной агрессивной войны или войны, нарушающей международное право, договоры, соглашения или обязательства, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из упомянутых выше действий. Пункт «б» устанавливал ответственность за преступления против правил и обычаев войны.

Вторая глава определяла ответственность за убийства, заговоры и покушения на убийство, являющиеся действиями, за которые перечисленные лица, каждый из них в отдельности, несут персональную ответственность. Эти действия являются одновременно и преступлениями против мира, против законов войны и преступлениями против человечности, а также нарушением всех параграфов статьи 5 упомянутого Устава, международного права и внутренних законов всех или одной и более стран, где эти преступления совершались (включая Японию).

Третья глава содержала обвинения в преступлениях против обычаев войны и в преступлениях против человечности, являющихся актами, за которые названные лица и каждый из них в отдельности несут персональную ответственность согласно статье 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока и согласно международному праву или одному из них. Например, пункт 45 гласил. «Обвиняемые Араки, Хасимато, Хата, Хиранума, Хирота, Итагаки, Кал, Кидо, Мацуи, Муто, Судзуки и Умедзу 12 декабря 1939 года и в последующие дни посредством незаконных приказов, попустительства и разрешения вооруженным силам Японии напасть на город Нанкин, в нарушение договорных статей,

перечисленных в пункте 2 данного документа, и путем организации массовых убийств его жителей и нарушения международного права незаконно убили тысячи лиц гражданского населения и разоруженных солдат Китайской Республики, имена и численность которых в настоящее время неизвестны».

Пункты «б» и «е» статьи 5 предусматривали ответственность за такие преступления против законов ведения войны и против человечности, как убийства, истребление, порабощение, а также другие бесчеловечные акты, совершенные как по политическим, так и расовым мотивам, которые были произведены во время совершения любого преступления или в связи с ним, независимо от того, нарушало ли такое действие внутренние законы той страны, где оно совершалось. Во всех пунктах обвинительного заключения были детализированы как сами многочисленные акты преступных деяний, так и формы конкретного участия в них отдельных обвиняемых. Все обвиняемые занимали самые высокие посты в правительстве и командовании вооруженными силами. Было отмечено, что все эти преступления были заранее запланированы в целях осуществления бредовой идеи японской военщиньг обеспечить господство Японии, нацистской Германии и фашистской Италии над миром. Осуществление агрессии сопровождалось неслыханными жестокостями, полным попранием принципов свободы и уважения человеческой личности, разорением экономики, уничтожением культурных ценностей.

Ввиду того, что Советскому Союзу было нечего инкриминировать Японии, то присутствовавший на процессе обвинитель от СССР А. Н. Васильев сделал особый акцент на то, «что главные японские военные преступники вершили свои преступления вместе со своими сообщниками из гитлеровской клики и что империалистическая Япония должна разделить ответственность гитлеровской Германии за все совершенные ею злодеяния. Миллионы погибших на полях сражений и замученных в фашистских застенках; миллионы женщин, детей и стариков, истребленных в мирных городах и селах, подвергшихся захвату, многомиллионные убытки, понесенные народами всего мира в результате огромных разрушений, вызванных агрессивной войной; гибель колоссальных культурных и исторических ценностей, варварски уничтоженных, — таков счет, предъявляемый человечеством к империалистической Японии в сообщничестве с гитлеровской Германией». *40 Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступлениями и поджигателями войны М, 1949, с. 265, 276, 286, 291.*

И разумеется, во время процесса никто не упоминал о варварской бомбардировке мирных японских городов Хиросима и Нагасаки ядерными бомбами — акции, которая спустя несколько лет была всем миром признана действительно бесчеловечным деянием.

12 ноября 1948 года Международный Военный Трибунал в Токио огласил приговор главным японским военным преступникам. К смертной казни через повешение были приговорены Коки Хироти, Сейсиро Итагаки, Хейтиро Китура, Иване Мацуи, Якиро Муто, Хидеки Тодзио, Кенузи Доихара. К пожизненному заключению были приговорены: Наоки Хосино, Садао Араки, Коици Кидо, Кунлаки Койго, Дзиро Минами, Такаумо Оки, Хироси Осита, Кеирио Сато, Сигетыро Симада, Тейици Судзуки, Тосио Сиратору, Иосидзиро Умедзу, Оконори Кайя, Сюнропу Хата, Киициро

Хиранума, Кингоро Хасимото. Подсудимый Сигенори Того был приговорен к 20 годам, а подсудимый Мамору Сигемицу — к 7 годам тюремного заключения. Двое подсудимых — Осами Нигано и Иосуки Мацуока — умерли во время судебного разбирательства, а подсудимый Сюмей Окава признан умалишенным, в связи с чем его дело было прекращено до его выздоровления.

КАЗНЬ ЧЕТЫ РОЗЕНБЕРГ

Мы никогда не допустим, чтобы нас использовали для обвинения невинных людей. Мы не станем сознаваться в преступлениях, которых никогда не совершали, и способствовать раздуванию истерии и ширящейся охоте на ведьм.

Юлиус Розенберг

Одна из самых загадочных, гнусных и романтичных казней нашего века была совершена в 1953 году в США над супругами Юлиусом и Этель Розенбергами.

Загадочной мы ее называем, поскольку в этом деле осталось много тайн, гнусной — поскольку вина обвиняемых так и осталась недоказанной, и романтичной — поскольку она преподнесла миру образец истинной любви, прекрасного чувства, противостоявшего смерти и людской злобе.

В конце сентября 1947 года все крупнейшие информационные агентства мира сообщили о событии исключительной важности: в Советском Союзе успешно произведено испытание атомного устройства. В Соединенных Штатах это событие не вызвало удивления: его ждали давно, хотя и не рассчитывали, что оно последует так скоро.

Быстрота и кажущаяся легкость, с которыми русские добились впечатляющего результата, вызвали в Вашингтоне состояние, близкое к замешательству. Рушилась стратегия атомного шантажа. Теперь уже нельзя было диктовать миру свои условия с позиции монопольного обладателя самым смертоносным оружием, которое знало человечество.

В ведомстве Эдгара Гувера (ФБР) стали искать утечку информации, и вскоре сыщики вышли на Юлиуса Розенберга, высококвалифицированного инженера-физика. В досье ФБР это имя появилось еще в 1930-х годах, когда были отмечены его связи с радикальными студенческими организациями. Позднее Розенберга обвинили в принадлежности к Коммунистической партии и уволили с государственной службы на основании Закона Хэтча 1939 года *41 Этот нормативный акт предусматривал немедленное отстранение от должности в государственных учреждениях членов организаций, «выступающих за свержение правительства», а равно занимающихся иной политической деятельностью.* И сколько потом Юлиус Розенберг ни обращался в суд с иском о восстановлении на службе, все бесполезно.

Известна службе безопасности была и супруга инженера-физика Этель. Скромную домашнюю хозяйку, правда, нельзя было заподозрить в принадлежности к какой-либо из «подрывных организаций», однако Федеральному бюро расследований было наверняка известно, что еще в 1930-х годах она подписалась под петицией общественности о включении Коммунистической партии в избирательные списки. Этого оказалось достаточным для пополнения негласного архива ФБР еще одним досье.

В ходе расследования ФБР заинтересовалось шурином Юлиуса Розенберга Дэвидом Грингласом. Во время войны он служил в Лос-Аламосе,

исследовательском центре по проекту «Манхэттен» *42 Под этим кодовым наименованием скрывалась программа создания американской атомной бомбы.* Некогда Гринпис был уличен в краже, поэтому интерес к своей личности со стороны ФБР воспринял со смятением и страхом. Агенты добились от него признания, что он, Дэвид Гринглас, в сентябре 1945 года передал Юлиусу Розенбергу «атомные секреты» Соединенных Штатов.

Нашелся и еще один соучастник — инженер-химик Гарри Голд. ФБР располагало данными о том, что в числе его знакомых были коммунисты. Уже одно это в период «холодной войны» и связанной с ней антикоммунистической истерии способно было политически дискредитировать гражданина настолько, что он мог оказаться в положении изгоя в собственной стране. И Гарри Голд «признался», что выполнял по заданию Юлиуса Розенберга функции связного.

К ответственности привлекли и инженера-электрика Мэртона Собелла. В студенческие годы он был коммунистом, затем отошел от активной политической деятельности, но убеждениям юности не изменил.

Ровно в 10 часов 30 минут 6 марта 1951 года в зале окружного федерального суда в Нью-Йорке появился судья Ирвинг Кауфмен. За столом обвинения сидели атторней Ирвинг Сэйпол и его помощник Рой Кон, напротив — защитники Эммануэль Блок и Эдвард Кунтц. На скамье подсудимых — Юлиус и Этель Розенберги, а также Мэртон Собелл. Они обвинялись в шпионаже в пользу иностранного государства. Дело «соучастников» Дэвида Грингласа и Гарри Голда было выделено в отдельное производство, так что на данном процессе они выступали в качестве свидетелей обвинения.

Во вступительном заявлении атторнея Сэйпола отмечалось, что обвинение располагает показаниями более чем сотни свидетелей преступной деятельности подсудимых. В их числе атторней назвал такие известные всей Америке имена, как «отец атомной бомбы» Роберт Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта генерал Лесли Гровс, выдающийся физик Гарольд Юри и другие. По словам Сэйпола, в активе обвинения имелись и «сотни» вещественных доказательств. Началось судебное следствие. Для дачи показаний вызвали свидетеля Дэвида Грингласа. В зале появился полнеющий человек с бегающим взглядом и суетливыми движениями, шаря взглядом по сторонам и запинаясь, он поведал суду историю, выдержанную в духе бульварных детективных романов. По его словам, в январе 1945 года Юлиус Розенберг потребовал, чтобы к июню того же года все материалы по атомной бомбе были подготовлены. За ними пришел связной, который представился: «Я от Юлиуса».

В присутствии Гринласа Розенберг разорвал крышку картонной коробки и одну ее часть передал своему агенту. Другая предназначалась связному. Это должно было служить паролем. Местом встречи был назначен город Альбукерке в штате Нью-Мексико. По словам свидетеля, такая встреча состоялась 3 июня, края крышки картонной коробки совпали полностью, и Гринглас передал связному несколько принципиальных схем взрывного атомного устройства и пояснительную записку к ним — двенадцать страниц машинописного текста. Далее, непосредственно в зале судебного заседания Гринглас опознал другого свидетеля — Голда как

связного Розенберга.

Свидетель Гарри Голд охотно подтвердил показания Грингласа. Отвечая на вопрос защитника, он сообщил, что во время своего краткого пребывания в Альбукерке останавливался в отеле «Хилтон». Защита потребовала документального подтверждения этого факта. В регистрационном журнале отеля нашли соответствующую запись, однако она относилась к сентябрю 1945 года, когда Грингласа, по его же словам, в Альбукерке уже не было. Тогда обратились к архивам. Спустя несколько дней обвинение представило регистрационную карточку отеля, которая удостоверяла, что 3 июня 1945 года Гарри Голд действительно снял номер в «Хилтоне», но в тот же день его освободил. Факт пребывания связного в указанное время в Альбукерке суд счел доказанным. Но только спустя много лет после процесса стала известна подлинная подоплека появления регистрационной карточки. Когда американские исследователи Уолтер и Мириам Шнейеры получили возможность познакомиться с ее фотокопией, то первое, что их поразило, — расхождение в датах на лицевой и оборотной стороне документа. На одной была от руки проставлена дата — 3 июня, на другой автоматическое печатающее устройство зафиксировало время прибытия — 4 июня, 12 часов 36 минут. Последние цифры никак не соответствовали показаниям Голда и Грингласа, которые сообщили суду, что сразу же после встречи 3 июня они отбыли из Альбукерке. У. и М. Шнейеры провели сравнительное исследование фотокопий июньской и сетябрьской регистрационных карточек. Удивляло точное совпадение времени прибытия, что зафиксировано автоматически. На сентябрьской карточке в отличие от июньской даты на лицевой и оборотной стороне совпадали.

Проведенная по инициативе Шнейеров графологическая экспертиза двух регистрационных карточек показала, что одна из них — июньская! — оказалась фальсифицированной: почерк клерка, который фиксировал дату прибытия, и его подпись были подделаны. Однако все это так и осталось за пределами судебного разбирательства. Сегодня, по прошествии многих лет после окончания процесса, можно строить различные предположения: почему этого не заметил судья, почему не обратили внимания защитники и кто конкретно подделал столь важный документ, но все это будет носить умозрительный характер. Для исхода же процесса решающим оказалось то, что суд не вскрыл факт фальсификации и построил свои выводы на подложных данных.

Длительную дискуссию на процессе вызвал вопрос о характере схем взрывного атомного устройства, которые Гринглас якобы вручил Голду для передачи Розенбергу.

В деле фигурировали восстановленные Грингласом «по памяти» копии этих материалов. Для их надлежащей оценки необходимо иметь в виду следующее. Дэвид Гринглас не обладал профессиональными познаниями в области атомной физики и технологии и не был дипломированным специалистом. Он занимал скромную должность механика одной из подсобных служб атомного центра в Лос-Аламосе. Доступа к информации, связанной непосредственно с так называемыми атомными секретами, не имел. Когда же схемы Грингласа оказались в суде, то выяснилось, что их содержание даже при очень большой натяжке никак

нельзя отнести к категории информации, составляющей государственную тайну. Это было небрежное графическое изображение общеизвестных сведений. В то время такие данные свободно публиковались даже в провинциальных газетах. И не случайно обвинитель Ирвинг Сэйпол отказался от своего намерения вызвать в качестве свидетелей обвинения в зал судебного заседания крупнейших физиков-атомщиков. Из обещанных им «более сотни» свидетелей на суде выступили только 23, да и те отнюдь не относились к ученым. Обвинителя можно понять: свидетельские показания профессиональных физиков немедленно вскрыли бы некомпетентность Грингласа и нелепость попыток представить его схемы в качестве «секретных материалов».

Уже после процесса в прессе публиковались высказывания видных американских ученых о схемах Грингласа.

Филипп Моррисон, один из ведущих ученых, занятых в производстве атомной бомбы, констатировал. «Грубая карикатура… полная ошибок и лишенная необходимых для ее понимания и воспроизводства деталей» Виктор Нанскопф, другой участник разработки Манхэттенского проекта, заключил. «Ничего не стоящий детский рисунок».

К этим высказываниям можно добавить мнение одного из ведущих американских научно-технических журналов «Сайентифик американ»: «Без количественных данных и другой необходимой технической документации бомба Грингласа не представляет никакого секрета… Лишь у наивных читателей газет могло создаться впечатление, будто секрет атомной бомбы может оказаться небольшим простым чертежиком, который любой механик может украсть или реконструировать по памяти» Не становясь ни на чью сторону, напомним лишь, что «карикатура» предназначалась не автомеханикам, а советским физикам-ядерщикам, прекрасно знавшим принципы работы атомной бомбы. Для специалиста же и карикатуры достаточно, чтобы сэкономить лет десять дорогостоящих экспериментов. Если к ней тем более прилагались 12 страниц сопроводительного и поясняющего текста.

Важное значение обвинение придавало показаниям свидетельницы Руфи Гринглас, жены Дэвида Грингласа. Она дополнила показания своего мужа различными живописными деталями и, кроме того, оказалась единственной среди свидетелей, кто говорил о причастности к шпионажу Этель Розенберг.

28 марта после полудня присяжные заседатели удалились в совещательную комнату для вынесения вердикта.

Трижды старшина жюри обращался к судье И. Кауфмену с просьбой дать возможность ознакомиться с теми или иными документами по делу, дважды просил проконсультировать по различным процедурным вопросам. Присяжных, в частности, интересовало, вправе ли они, вынося вердикт, порекомендовать судье учесть при назначении меры наказания смягчающие вину обстоятельства. Судья И. Кауфмен отрицательно ответил на этот вопрос и разъяснил, что их функции ограничиваются констатацией виновности или невиновности каждого из подсудимых персонально.

Всю ночь совещались присяжные заседатели. На следующий день утром старшина огласил вердикт: все подсудимые признавались виновными. Неделю размышлял судья над мерой наказания. Наконец, на

очередном судебном заседании 5 апреля 1951 года он объявил свое решение: осужденные Юлиус и Этель Розенберги приговаривались к смертной казни на электрическом стуле. В обоснование столь жестокого приговора судья Ирвинг Кауфмен обратился к осужденным с прочувствованной речью: «Я считаю, что преступление, которое вы совершили, несравненно опаснее убийства. Благодаря ему русским стал известен секрет атомной бомбы задолго до того, как они смогли бы открыть его своими собственными усилиями. Это уже сказалось на ходе коммунистической агрессии в Корее А в будущем, возможно, миллионы невинных людей оплатят цену вашего предательства…»

Судья И. Кауфмен назначил казнь на последнюю неделю мая. До нее оставалось меньше двух месяцев. Все это время адвокаты осужденных стремились использовать предусмотренную федеральным законодательством юридическую процедуру для отмены приговора. 26 апелляционных жалоб и различного рода дополнений к ним направили защитники в вышестоящие судебные инстанции, но единственное, что они смогли добиться, это отсрочки приведения приговора в исполнение.

А в это время в одиночных камерах федеральной тюрьмы Синг-Синг ожидали казни Юлиус и Этель Розенберги. Однажды осужденной на смерть супружеской чете разрешили свидание. Перед стальной решеткой камеры, где содержалась Этель, дополнительно установили экран из металлической сетки с мелкими ячейками. С того момента и до самого последнего своего дня они видели друг друга не иначе как через этот двойной барьер. Затем началась самая трогательная часть истории: переписка супругов Розенберг, которую вся Америка читала со слезами на глазах.

«Моя дорогая Этель, слезы навертываются мне на глаза, когда я пытаюсь излить свои чувства на бумаге. Я могу лишь сказать, что жизнь имела смысл, потому что подле меня была ты. Я твердо верю, что мы сами стали лучше, выстояв перед лицом изнурительного процесса и жестокого приговора… Вся грязь, нагромождение лжи и клеветы этой гротескной политической инсценировки не только не сломили нас, но, напротив, вселили в нас решимость твердо держаться, пока мы не будем полностью оправданы… Я знаю, что постепенно все больше и больше людей встанут на нашу защиту и помогут вырвать нас из этого ада. Нежно тебя обнимаю и люблю…» «Дорогой Юли! После нашего свидания ты, конечно, испытываешь такие же муки, как и я. И все же какое чудесное вознаграждение просто быть вместе! Знаешь ли ты, как безумно я влюблена в тебя? И какие мысли владели мной, когда я вглядывалась сквозь двойной барьер экрана и решетки в твое сияющее лицо? Мой милый, все, что мне оставалось, — лишь послать тебе воздушный поцелуй…» Родителям осужденным на смерть тюремные власти разрешили свидание с детьми. Не будем описывать эту сцену. Предоставим слово подлинным документам:

«Мой дорогой и единственный! Так хочется выплакаться в твоих объятиях. Меня все время преследует лицо моего сбитого с толку грустного ребенка с загнанным выражением глаз. Изо всех сил бодрящийся и не умолкающий ни на минутку Майкл не умеряет моего беспокойства…

Как хорош ты был в субботу, и как хороши были твои сыновья. Мне хотелось написать тебе хоть несколько строк, чтобы у тебя было какое-то ощутимое свидетельство того глубокого чувства любви и тоски, которое поднимается во мне при виде нашей прекрасной семьи…»

«Нелегко продолжать борьбу, когда на весах — жизнь любимой жены и твоя собственная. Но для нас нет другого пути, потому что мы невиновны… Мы осознаем свой долг перед соотечественниками и никогда их не подведем…»

25 февраля 1952 года Федеральный апелляционный суд, сославшись на отсутствие необходимых процессуальных оснований, отказал в пересмотре дела по существу и оставил приговор суда первой инстанции без изменений. Это решение было принято несмотря на то, что один из членов апелляционного суда Джером Фрэнк охарактеризовал приговор как «неоправданно жестокий». Шесть раз возвращался к делу Розенбергов Верховный суд США. Но каждый раз большинством голосов высшая судебная инстанция страны отказывала апеллянтам в пересмотре дела по причине отсутствия все тех же процессуальных оснований. Правда, не все члены Верховного суда разделяли такую позицию. Судьи Уильям Дуглас и Гуго Блэк считали аргументы защиты заслуживающими внимания и настаивали на удовлетворении апелляционной жалобы. Но они были в меньшинстве. С ходатайствами о помиловании Розенбергов к президенту США Гарри Трумэну обратился величайший ученый нашего времени Альберт Эйнштейн. К нему присоединились многие выдающиеся физики — участники «Манхэттенского проекта». Но у президента были свои соображения. Сославшись на то, что срок его полномочий истекает, Гарри Трумэн самоустранился от рассмотрения ходатайства по существу. Не больше сострадания проявил и следующий президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр. Кардиналы и президент Франции Шарль де Голль, писатели Томас Манн, Мартен дю Гар, Франсуа Мориак и другие мировые знаменитости обращались к Эйзенхауэру с просьбой не казнить Розенбергов. Эйзенхауэр остался глух. Историческая память сохранила для потомков слова, которые он произнес 11 февраля 1953 года, отказывая осужденным в помиловании:

«Преступление, в котором Розенберги были признаны виновными, намного страшнее убийства другого гражданина… Это злостное предательство целой нации, которое вполне могло повлечь смерть многих и многих невинных граждан». В бой за спасение супругов Розенберг бросился виднейший американский адвокат Фэнк Фармер. Он обратился к известному своим особым мнением по делу Розенбергов члену Верховного суда США Уильяму Дугласу. Дуглас решил воспользоваться правом каждого из членов высшего судебного органа страны приостанавливать исполнение любого приговора, вынесенного нижестоящим судом.

Подобный поворот дела не устроил, однако, министра юстиции США Герберта Браунелла. Он потребовал отмены единоличного решения Дугласа. Министра поддержали некоторые члены палаты представителей и сената американского Конгресса. Поддавшись нажиму, лредседатель Верховного суда США Фредерик Винсон отдал распоряжение о созыве специального внеочередного заседания. В срочном порядке члены суда были отозваны из отпуска. Шестью голосами против двух решение судьи У.

Дугласа о приостановлении исполнения приговора было отменено.

Защитники бросились в Белый дом, стремясь использовать последнюю и единственную теперь возможность — передать ходатайство осужденных о помиловании президенту страны. Обычной в подобных случаях длительной чиновничьей волокиты на этот раз не было. Один только час понадобился канцелярии Белого дома для того, чтобы доложить дело президенту, документально оформить решение и довести до сведения заявителей: Дуайт Эйзенхауэр повторно и окончательно отклонил ходатайство осужденных о помиловании.

Известие об этом супруги встретили без слез и стенаний. Последние заботы были о детях. Этель Розенберг писала сыновьям:

«Еще этим утром казалось, что мы снова сможем быть вместе. Теперь, когда это стало неосуществимо, мне хотелось бы, чтобы вы узнали все, что узнала я… Сначала, конечно, вы будете горько скорбеть о нас, но вы будете скорбеть не в одиночестве… Всегда помните, что мы были невинны и не могли пойти против своей совести».

Юлиус Розенберг писал адвокату Эммануэлю Блоку:

«…Наши дети — наше счастье, наша гордость и самое большое достояние Люби их всем сердцем и защити их, чтобы они выросли нормальными здоровыми людьми… Я не люблю прощаться, верю, что добрые дела переживут людей, но одно я хочу сказать: я никогда так не любил жизнь… Во имя мира, хлеба и роз мы достойно встретим палача».

Последние мгновения жизни тюремные власти разрешили приговоренным к смерти супругам провести вместе. Трудно сказать, чего в этом было больше — гуманности или изощренного изуверства: в комнате для свиданий поставили телефон прямой связи с Министерством юстиции. Стоило лишь снять телефонную трубку и «заговорить», как жизнь почти наверняка была бы спасена… Но какой ценой? От Юлиуса требовали выдать всю «шпионскую сеть», возможно, потребовалось бы оговорить десятки невинных людей.

«Человеческое достоинство не продается», — произнес Юлиус Розенберг и повернулся к аппарату спиной.

В 20 часов 6 минут мощный электрический разряд унес его жизнь. Спустя еще 6 минут перестало биться сердце Этель. К телефонной трубке они так и не притронулись.

Многие годы советские власти отвергали причастность СССР к делу Розенбергов. Правда, в 1990 году на Западе были опубликованы новые расшифровки пленок воспоминаний Никиты Хрущева. Среди прочего есть и пассаж о том, что Сталин как-то в присутствии Хрущева сказал, что Советскому Союзу очень помогли Розенберги, эти мужественные люди.

Слова Сталина можно объяснить двояко.

1. Розенберги и вправду пытались добыть для СССР секрет атомной бомбы (хотя физики и высмеяли добытые ими чертежи).

2. Дело Розенбергов использовали руководители советской разведки, чтобы имитировать перед Сталиным свою «крупнейшую удачу». В таком случае было уже не столь важно, действительно ли Розенберги были шпионами и имели ли их чертежи серьезную ценность. После того, как Розенберги были арестованы, советская разведка могла преподнести Сталину ложь о том, что это — действительно ее агенты. Сын Розенбергов

категорически опроверг появившееся сейчас давнее высказывание Н. С. Хрущева.

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

Смерть Сталина и устранение Берии стремительно изменили расстановку сил в СССР и во всем мире. В ходе сталинских «чисток», как сразу же выяснилось, уцелело слишком много врагов. В конце концов именно они и пришли к власти в Москве, разрушив сначала Восточный блок, затем СССР.

Газета «Лимонка». 1997 г.

Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 года в православной семье крестьян-менгрелов. Еще подростком он с головой окунулся в стихию революции, проявил неординарные организаторские способности в борьбе с ее врагами, а впоследствии занял пост начальника Закавказского ГПУ. В 1931 году Лаврентий Берия был выдвинут на партийную работу, стал первым секретарем ЦК КП(б) Грузии и вторым секретарем Закрайкома. И началась травля и уничтожение видных деятелей Закавказья. Массовый террор, кампания клеветы и провокаций — все это вершилось по знакомой со дня убийства Кирова схеме.

Особенность террора, сотрясавшего страну в тридцатые годы, заключалась в том, что никто из граждан не знал, когда придет его очередь. Так было и в Закавказье.

Трагично сложилась судьба Нестора Лакобы, стоявшего на пути Берии. Он был безжалостно уничтожен вместе со всеми членами своей семьи, которые пытались узнать правду о смерти близкого им человека. Такая же судьба постигла и Амаяка Назаретяна, принявшего участие в судьбе «врага народа». Он слишком много сделал для победы революции в Закавказье. Потом был одним из руководителей Терской республики. Еще в одном «провинился» Назаретян перед Сталиным и Берией, он дружил с Серго Орджоникидзе и с Кировым, был интеллигентным и образованным. Но главное — он знал прошлое самозваных вождей, знал — каковы Сталин и Берия без официальных партийных масок. После ареста на Лубянке Назаретяну предъявили одно из тех дежурных обвинений, которые не оставляли никаких шансов на жизнь.

Тем временем поток приветствий «славному руководителю большевиков Грузии и Закавказья» набирал силу. Отныне каждое собрание, каждый съезд заканчивались непременным возгласом: «Да здравствует наш боевой и любимый руководитель-сталинец Лаврентий Берия!»

Вскоре после назначения Берии руководителем Тбилисского горкома начались так называемые открытые судебные процессы, которые Берия устраивал в Грузии по московским образцам.

Однако настоящая слава к нему пришла позже, после того как в 1938 году он возглавил всемогущий НКВД: в августе грузинский лидер был назначен первым заместителем Ежова, а в конце ноября — наркомом внутренних дел СССР. И как-то сразу всем стало ясно, что Берия — это второй человек в стране после Сталина. Первым делом на посту наркома НКВД он остановил геноцид «чисток», обрушив его на самих безумных «чистильщиков». Только в Москве при Берии репрессиям подверглись более 20 тысяч бывших чекистов, в то время как в ноябре 1938 года в

штате НКВД числилось 26,5 тысячи кадровых сотрудников. Ставя Берию на ключевой пост своей системы, Сталин тщательно обдумал этот ответственный шаг.

Теперь на Лубянку пришел «профессионал». Началась переналадка механизма репрессий, разведки и контрразведки. Летом 1938 года Сталин поручил Берии заняться весьма необычным делом — выявить и ликвидировать группу врагов народа, пробравшихся в аппарат ЦК. Жертвы, как обычно, Сталин наметил заранее. Арестованным А. И. Стецкому, А. С. Якубову, А. Б. Халатову при помощи обычных аргументов объяснили, что они еще в 1932 году вошли в преступный контакт с вождями оппозиции Рыковым, Бухариным, Каменевым и Зиновьевым и организовали в недрах самого ЦК «Контрреволюционный правотроцкисткий центр». Сам факт отстранения от этого дела Ежова, тогда еще остававшегося наркомом, достаточно красноречив. Берия вел это дело с осторожностью: предстояло выбить признания из бывших соратников генсека так, чтобы не переборщить, но и не угодить было опасно…

Не обошел своим вниманием Берия и командный состав армии.

И здесь на его кровавом пути попался маршал Блюхер. Блюхер знал, что его ждет, еще летом тридцать седьмого, когда казнили полководцев, соратников по гражданской войне. Блюхер был убит в тюрьме…

Год тридцать восьмой принял кровавую эстафету у тридцать седьмого. Многих деятелей — военных, партийных, государственных, — взятых тогда, казнили теперь, уже при Лаврентии Берии. Правда, Сталин отдавал в руки Берии не всех старых большевиков. Он оставил жизнь Григорию Петровскому, Максиму Литвинову, Елене Стасовой, Глебу Кржижановскому. Не следует, однако, представлять массовый террор, как внезапный выброс звериной жестокости самозваных вождей. Террор имел свой внутренний смысл: сковать страхом весь народ, привести его, вместе с партией, к абсолютному послушанию и заодно сменить полностью руководство в столице и на местах.

После отстранения Ежова Берия провел тотальную чистку руководящего состава органов. Подошло время устранять свидетелей и исполнителей кровавых злодеяний. Ежовский аппарат был обречен, Берия уничтожил его без колебаний. Плотный, чрезвычайно энергичный, небольшого роста, с пронзительным взглядом за золотым пенсне, безукоризненно элегантный человек, гостеприимный и радушный хозяин, любитель женщин и ценитель высокого искусства, правая рука Сталина — Лаврентий Берия многими воспринимался как существо из иного мира. За глаза его со страхом и трепетом, но без тени иронии, величали Кремлевским Магом. Мощь и могущество Берии далеко выходили за рамки обыденного. Актрисы того поколения рассказывали, как их преследовал шеф НКВД. Это являлось для женщин знаком высочайшего внимания, считалось модным ходить в содержанках у Кремлевского Мага.

Говоря об успехах советской разведки в годы второй мировой войны, нельзя забывать, что во главе этого ведомства стоял Л. П. Берия, он же организовал штрафные батальоны из уголовников и репрессированных. Эти люди, которым нечего было терять, сыграли свою роль в победе над врагом. С 1941 по 1953 год как заместитель председателя правительства Берия курировал все силовые министерства. В 1945 году он стал Маршалом

Советского Союза.

Благодаря Л. П. Берии Советский Союз уже в 1949 году провел испытания ядерного оружия (сделанного по образцу американского), а как советской разведке удалось уговорить сотрудничать супругов Розенберг — это до сих пор тайна за семью печатями. Скорее всего, их удалось «подставить» американскому правосудию вместо истинного источника информации, так и оставшегося неизвестным. Однако объективно эта операция сыграла на руку Советскому Союзу. Руководя аппаратом госбезопасности, а затем МВД, Берия в последние годы жизни обладал колоссальной властью. После смерти Сталина он продолжал наращивать свое влияние, очевидно, намереваясь стать первым лицом в стране. Опасаясь этого, Хрущев возглавил тайную компанию по смещению Берии и вовлек в нее всех членов высшего советского руководства. 26 июня Берию пригласили на заседание Президиума ЦК КПСС и там арестовали.

10 июля 1953 года газеты опубликовали сообщение: «На днях состоялся Пленум ЦК КПСС, который, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных действиях Л. П. Берии, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берию из состава ЦК КПСС и исключить его иа рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа». Следствие по делу бывшего наркома и министра растянулось на полгода. Вместе с Берией судили шестерых его подчиненных. В тюрьме Берия нервничал, писал записки Маленкову с упреками и просьбой о личной встрече. Когда, наконец, Берию доставили к генеральному прокурору Руденко для ознакомления с обвинительным заключением, бывший нарком заткнул уши.

«Меня арестовали какие-то случайные люди, — заявил он — Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства».

В ответ на это Берию перестали кормить. Через день бывший нарком согласился слушать обвинительное заключение и попросил принести обед. История непредсказуема. Сын расстрелянного органами госбезопасности В. А. Антонова-Овсеенко, Антон Антонов-Овсеенко, проведший много лет в сталинско-бериевских лагерях, впоследствии написал книгу о Берии, в которой описал и его бесславный конец.

«Суд занял 6 дней — с 18 по 23 декабря. Из Грузии пригласили председателя совета профессиональных союзов республики М. И. Кучава. Когда он ознакомился с материалами дела, ему на глаза попался пространный список женщин, изнасилованных Берией.

„Ради Бога, не оглашайте имен! — взмолился Кучава. — Три четверти в этом списке — жены членов нашего правительства“.

В приговоре судьи не нашли ничего лучше, как объявить Берию иностранным шпионом (правда, упомянув и другие преступления), действовавшим в пользу Англии и (почему-то) Югославии.

После вынесения приговора (смертная казнь) Берия некоторое время находился в возбужденном состоянии. Но затем успокоился и в день расстрела вел себя достаточно хладнокровно. Очевидно, он понял,

наконец, что игра проиграна, и примирился с поражением.

Казнили его 23 декабря 1953 года в том же бункере штаба МВО, где он находился после ареста. При казни присутствовали маршал Конев, командующий Московским военным округом генерал Москаленко, первый заместитель командующего войсками ПВО Батицкий, подполковник Юферев, начальник политуправления Московского военного округа полковник Зуб и ряд других военных, причастных к аресту и охране бывшего наркома.

Сначала с Берии сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, затем скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Щит был необходим для предотвращения рикошета пули.

После того, как Руденко зачитал приговор, Берия вдруг попросил:

„Разрешите мне сказать…“

„Ты уже все сказал, — оборвал его прокурор и повернулся к военным. — Заткните ему рот полотенцем“.

Военные переглянулись. Нужно было решить, кто именно будет стрелять в Берию, Москаленко обратился к Юферову:

„Ты у нас самый молодой, хорошо стреляешь. Давай“.

Павел Батицкий шагнул вперед, доставая парабеллум.

„Товарищ командующий, разрешите мне. Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил“.

Руденко поторопил:

„Прошу привести приговор в исполнение“.

Батицкий прицелился, Берия вскинул голову и через секунду обмяк. Пуля попала прямо в лоб. Упасть же телу не дала веревка.

Для освидетельствования позвали врача.

„Что его осматривать, — презрительно бросил врач, — он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок третьем болел сифилисом“.

Но по настоянию прокурора он все-таки взял Берию за кисть руки, нащупал пульс.

„Мертв, никаких сомнений“. Труп Берии сожгли в крематории».

В тот же день в подвалах Лубянки расстреляли шестерых его подручных — В. Н. Меркулова (бывшего министра госбезопасности СССР, накануне ареста — министра Госконтроля СССР), В. Г. Деканозова (бывшего начальника одного из управлений НКВД СССР, затем министра внутренних дел Грузинской ССР), Б. З. Кобулова (бывшего замминистра госбезопасности, затем замминистра внутренних дел СССР), С. А. Гоглидзе (бывшего наркома внутренних дел Грузинской ССР, в последнее время начальника одного из управлений МВД СССР), П. Я. Меншика (министра внутренних дел Украинской ССР), Л. Е. Влодзимирского (бывшего начальника следственной части по особо важным делам МВД СССР). Абсурдные обвинения в шпионаже так и не сняты с него до сих пор. Говорят, за несколько дней до ареста в московском особняке Берии (сейчас в нем расположено посольство Туниса) произошел сильный взрыв. Впоследствии, когда к особняку подводились дополнительные коммуникации, под ним якобы были обнаружены засыпанные взрывом кости более чем ста скелетов. Считают, что это были останки людей, охранявших вход в сокровищницу Кремлевского Мага…

ИМРЕ НАДЬ

Я — обманутый в светлой надежде,
Я — лишенный судьбы и души,
Только раз я восстал в Будапеште
Против наглости, гнета и лжи
Грубой силой под стоны и ропот
Я убит на глазах у людей.
И усталая совесть Европы
Примирилась со смертью моей.
Наум Коржавин

Имре Надь (1896–1958), казненный коммунистами за антикоммунизм, на самом деле был истым коммунистом, более того, одним из ветеранов венгерского и международного коммунистического движения. Участник Гражданской войны в России, в 1920-х годах он находился на партийной работе в Венгрии, с 1928 года эмигрировал и жил в СССР, занимаясь хозяйственной и научной деятельностью, в конце 1944 года вернулся в Венгрию. Очевидно, возвращение произошло с санкции Сталина — Венгрия переходила в зону влияния СССР и ей следовало обеспечить марионеточное правительство. В последующие годы И. Надь занимал ведущие государственные посты, министра сельского хозяйства в 1944–1945 годах, министра внутренних дел в 1945–1946 годах, в 1951-м — министра заготовок, в 1952-м — заместителя Председателя Совета Министров.

А затем произошло то, что принято называть «хрущевской оттепелью». Послесталинский курс Хрущева оказал большое влияние на политику Венгрии. До той поры венгерское партийное руководство с некоторым отставанием во времени повторяло все зигзаги послесталинской политики КПСС, нередко по прямым указаниям из Москвы.

Крутая расправа со сталинизмом вызвала шок в руководстве «братских стран». Кто-то решил выждать, кто-то (например Тито) вообще не захотел менять привязанностей и предпочел обострение отношений с Советским Союзом. Мало кто в ту пору понял, что оттепели как таковой и не планировалось, как не планировалось и «социализма с человеческим лицом». На смену сталинскому изуверству пришла не менее изуверская хрущевская демагогия. Однако огромное количество людей были введены в заблуждение этой демагогией, очевидно решив, что настала пора реальных свобод. Очевидно решив, что Венгерское правительство недопонимает «курс реформ» (или недостаточно активно на него реагирует), по инициативе советского руководства на пост главы правительства был назначен Имре Надь, которому и было поручено ознакомить с новым курсом широкую общественность. Имре Надь, позже названный «венгерским Горбачевым», — горячо ратовал за коренную ломку, перестройку старого просталинского курса.

Политика партии не устраивала Надя, он видел, что перестройка носит лишь поверхностный характер, а не полное изменение курса страны — экономического и социального, правительство раздирают идеология новых времен и методы старой закалки. Надь разочаровался в партии и все

больше опирался на независимые от партии общественные силы, действуя если и не помимо партии, но через ее голову и оказывая на нее давление со стороны. «Слишком далека партия от народа», — утверждал Надь. Он участвовал в создании Отечественного народного фронта, возлагая на эту организацию большие надежды — Надь намеревался сделать фронт независимой от партии политической силой. Некоторые считали даже, что у Надя был план создания второй партии в Венгрии.

В конце 1954 — начале 1955 года положение Надя как главы правительства поколебалось, что напрямую было связано с изменениями в СССР. Пленум ЦК ВПТ постановил вывести Надя из Политбюро за его антимарксистские взгляды и фракционную деятельность, а также исключить из состава ЦК. Государственное Собрание отозвало Надя с поста Председателя Совета Министров. Таким образом, победа сталинистов в Венгрии весной 1955 года означала новый шаг по пути ослабления авторитета как партийного руководства, так и партии в целом, ослабления всего правящего режима. Разочарование политикой партийного руководства охватывало все более широкие круги коммунистов и беспартийных и начало превращаться в оппозиционное течение. Имре Надь, с его репутацией ветерана коммунистического движения, человека, выступавшего в прошлом против ошибочной политики, казался, особенно во время опалы, подходящей фигурой для роли спасителя авторитета партии. Сам Надь, все более проникаясь ролью наставника нации, занялся составлением трактата по актуальным вопросам социалистического строительства в Венгрии. Значительная часть участников оппозиционного движения — особенно активисты молодежных организаций и литераторы — продолжали считать, что хотя все беды страны заключаются в частных недостатках, их можно устранить, только сломив злостный саботаж высшего руководства, для чего нужно обратиться к массам. Все громче звучал во второй половине 1956 года боевой клич оппозиции: вернуть Имре Надя к руководству партией и страной. Надь написал заявление ЦК с просьбой восстановить его в партии ввиду необходимости сплотить партийные ряды, а также ввиду того, что он убедился в стремлении руководства ВПТ покончить с ошибками прошлого. ЦК ответило, что о привлечении Надя к руководству вопрос не стоит. События в Польше сыграли для Венгрии роль детонатора — появилась мысль о демонстрации солидарности с народом Польши. 23 октября демонстрация солидарности, встретив сопротивление властей, перешла в восстание по классической ленинской схеме — был захвачен телеграф, радио и прочие средства массовой информации.

Ситуация в Будапеште стремительно выходила из-под контроля властей. То, что еще днем представало как праздничное, хотя и несколько возбужденное шествие, перешло в безумную ярость толпы.

В ночь с 23 на 24 октября 1956 года состоялось заседание ЦК ВПТ, которое решило, что в столице Венгрии «разразилась контрреволюция». Было решено просить Советский Союз прислать для ее подавления советские войска, размещавшиеся в Венгрии, согласно условиям Варшавского Договора, поскольку стало ясно, что внутренними силами подавить начавшееся восстание не удастся. Той же ночью советские танки вступили в Будапешт. В эту же ночь ЦК включил в свой состав видных

оппозиционеров, в их числе был и Имре Надь. Возглавить правительство было рекомендовано Надю.

Утром 24 октября Совет Министров оповестил население по радио, что фашистские и реакционные элементы развернули вооруженное нападение и что войскам отдан приказ поступать с зачинщиками по всей строгости закона. В интересах восстановления порядка запрещались всякие собрания, скопления людей и демонстрации. С личными обращениями по радио выступили Имре Надь и Янош Кадар. Кадар подчеркнул необходимость защитить власть рабочего класса от врага и призвал коммунистов и всех трудящихся поддержать советские войска и вооруженные силы Народной республики. Надь, призывая к восстановлению порядка, больше говорил о предстоявшем осуществлении программы, провозглашенной правительством республики еще в 1953 году, и ратовал за «национальное примирение».

В течение 24 октября положение еще более обострилось. Советские войска в Будапеште натолкнулись на сопротивление народа и понесли потери. Стали поступать сообщения о волнениях в ряде городов провинции. Участие советских войск в защите режима было воспринято многими как вмешательство извне в венгерские дела, в результате чего настроения масс развивались во все более неблагоприятном направлении.

Обстановку совершенно обострило кровопролитие, произошедшее утром 25 октября перед парламентом. По собравшимся здесь демонстрантам был открыт пулеметный огонь с крыш прилегающих к площади зданий. Эти события, весть о которых разнеслась по Будапешту, а затем и по всей Венгрии, накалили страсти и намного усложнили положение защитников «народной демократии» и приверженцев умиротворения.

Однако все обращения и увещевания в адрес повстанцев оставались безрезультатными — возможно, еще и потому, что не удавалось нанести им решительное военное поражение. Вооруженная борьба распространилась на провинцию, хотя нигде не достигала такого размаха, как в Будапеште, — в первую очередь потому, что сопротивление со стороны защитников правительства было слишком слабым. Тем временем, явившись к Имре Надю, делегация первого в Венгрии рабочего совета потребовала от правительства расторгнуть Варшавский Договор, добиться вывода до 1 января 1957 года всех советских войск с территории Венгрии, установить с Советским Союзом «равноправные и независимые отношения», сделать парламент «действительно высшим органом страны», а профсоюзы — «независимыми организациями», создать на заводах рабочие советы, повысить заработную плату низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих и установить максимум для высокооплачиваемых категорий, предоставить амнистию повстанцам и политическое убежище перешедшим на их сторону советским бойцам и офицерам, создать из рабочих и других трудящихся новые органы государственной безопасности.

Видно, в этот миг в самосознании Надя произошла некая эволюция, поскольку вместо того, чтобы комфортно отсидеться вдали от конфликта, он вышел в первые его ряды. В тот же день, 26 октября, Надь предложил Центральному Комитету приветствовать восстание как «национальное и

демократическое движение», но не получил поддержки большинства. Тем не менее он сумел добиться существенных уступок, и в переданном в 16.45 по радио новом обращении ЦК характеризовал события уже не как фашистскую контрреволюцию, а как «братоубийственную борьбу». Врагами народной власти именовались лишь те, кто откажется сложить оружие до 22 часов. ЦК обещал переформировать правительство, говорил о «преступлениях прошлого», одобрял создание рабочих советов. По поводу отношений с Советским Союзом говорилось, что они должны быть налажены «на основе независимости, полного равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга» и что «в качестве первого шага к этой цели советские войска вернутся на свои базы сразу же после восстановления порядка». Как образец ЦК ВПТ приводил «формирующиеся ныне заново отношения между Польшей и Советским Союзом».

Заявляя в категорическом тоне о твердой решимости ЦК и правительства защищать достижения народной демократии и ни на йоту не уступать в вопросе о социализме, призывая коммунистов, рабочих и вооруженные силы «уничтожать беспощадно тех, кто поднял свое оружие на государственную власть нашей народной республики, если они не сложат оружие в установленный срок», обращение заканчивалось в другом тоне. «Пусть национальное единство и примирение сменит эпоху братоубийства! Пусть будут вылечены раны, которые мы нанесли сами себе!»

Показателем растущего влияния Надя было то, что в тексте обращения говорилось о Центральном Комитете «во главе с товарищем Имре Надем», тогда как имя первого секретаря ЦК даже не упоминалось 31 октября (в значительной степени под давлением мировой общественности, возмущенной действиями советских войск в Будапеште) была опубликована датированная 30 октября декларация Советского правительства, поименованная «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами». В ней косвенно признавался факт нарушений и ошибок, умалявших принципы суверенитета и равноправия, правда, только в экономических отношениях между социалистическими государствами. Советское правительство обещало неотложно рассмотреть вопрос об удалении советников СССР из государственного, хозяйственного и военного аппарата стран народной демократии и обсудить вопрос о пребывании советских войск на территории Венгрии, Румынии и Польши. Декларация называла справедливым и прогрессивным движение венгерского народа против недостатков в области экономического строительства и против бюрократизма, хотя и отмечала, что к этому движению вскоре после его начала примкнули силы «черной реакции и контрреволюции». Выражая сожаление по поводу происшедшего кровопролития и признавая, что дальнейшее пребывание советских войск в Венгрии может послужить поводом для еще большего обострения обстановки, советское правительство объявляло о своей готовности вывести их из Будапешта, «как только это будет признано необходимым Венгерским правительством», и начать переговоры «с правительством Венгрии и другими участниками Варшавского Договора» по поводу их

дальнейшего пребывания в стране. Декларация связывала вмешательство советских войск в ход событий 23 октября с просьбой Венгерского правительства и утверждала принцип, согласно которому иностранные войска могут находиться на территории участника Варшавского Договора только с согласия соответствующего государства. В последующие два дня, в отличие от предыдущей недели, в сообщениях агентства ТАСС из Венгрии преобладал тон удовлетворения положением в стране, хотя проскальзывали и ногки тревоги. В эти дни пресса социалистических стран не готовила читателя к мысли о необходимости срочных мер в связи с развитием событий в Венгрии и исходила из того, что положение в этой стране постепенно нормализуется, хотя и не без трудностей и хотя опасность окончательно еще не устранена. 1 ноября «Правда» сообщила, что советские войска выведены из Будапешта, а комендантский час в городе отменен.

Все говорит о том, что в высших инстанциях СССР и других социалистических государств решение о новых радикальных и срочных мерах военно-политического характера в Венгрии в эти дни только еще выкристаллизовывалось по мере того, как выявлялась катастрофичность тамошней ситуации и уходили надежды на то, что защитники «народной демократии» смогут справиться с нею собственными силами. Становилось все яснее, что реальная власть в стране переходит в руки антисоветски и антисоциалистически настроенных ревкомов и советов, что Венгрия выходит из системы Варшавского Договора и что по истечении короткого времени может наступить консолидация нового режима на антикоммунистической и антисоветской основе. О позиции и намерениях Имре Надя полного представления тогда, по-видимому, не было, но было достаточно и того, что он не мог — или не хотел — помешать сдвигу страны вправо.

В связи с событиями в Венгрии стали намечаться тревожные признаки и в ряде других социалистических государств.

Вся польская печать открыто солидаризовалась с венгерским восстанием, югославская печать атаковала сталинизм как главную причину венгерского взрыва, брожение было отмечено среди студентов ГДР и Румынии, тревожные вести (ставившиеся в прямую связь с венгерскими событиями) поступали даже из Китая и Вьетнама.

Престижу советской армии также был бы нанесен ущерб в случае каких-либо уступок и компромиссов с венгерскими повстанцами, после того как кровь советских воинов уже была пролита. Не следует забывать также, что «холодная война» продолжалась, и сама мысль о том, что может быть утрачен военно-стратегический контроль над Венгрией, что нейтральная страна или, того хуже, новый член НАТО может быть вклинен в советский кулак, нависавший над Западной Европой, была непереносима для политиков, вышедших из сталинской школы.

Безотлагательный выбор Советским Союзом твердой позиции должен был также помочь покончить с замешательством, которое начало уже проявляться в связи с венгерскими событиями и в международном коммунистическом движении, угрожая потрясением организационных и политических основ зарубежных коммунистических партий.

Тем временем Янош Кадар выехал на встречу с советским руководством, на которой было принято решение о подавлении восстания. Окончательное решение кремлевским руководством было, по-видимому, принято 2 ноября, ибо газеты за 3 ноября показывают резкое изменение тона сообщений о Венгрии. Части Советской армии в Венгрии еще 31 октября стали получать подкрепления и выдвигаться на новые рубежи, не возобновляя пока боевых действий. В течение 1 ноября Надь несколько раз обращался к советскому послу Ю. Андропову с протестами по поводу вступления новых советских войск на территорию Венгрии. Он обвинял Советское правительство в нарушении условий Варшавского Договора, который не предусматривал подобных передвижений войск по территории страны, подписавшей Договор, против воли правительства этой страны. В 16 часов того же дня Совет Министров принял предложение Надя о выходе Венгрии из организации Варшавского Договора, о чем советский посол был уведомлен в 17 часов. Голосуя за предложение Надя, министры предварительно заручились согласием руководящих органов своих партий.

В 19 часов Надь объявил по радио о выходе Венгрии из организации Варшавского Договора. Он сообщил также, что Венгрия обратилась к великим державам — СССР, Великобритании, США и Франции — с просьбой гарантировать ее нейтралитет. Венгерское правительство попросило также поставить на обсуждение Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о нейтралитете Венгрии. После полуночи в воскресенье 4 ноября советские войска двинулись в глубь Будапешта и в пять часов приступили к уничтожению опорных пунктов повстанцев. Имре Надь еще в три часа ночи созвал заседание своего кабинета, на котором было принято решение оказать советской армии вооруженное сопротивление. Через двадцать минут после возобновления боев Надь выступил по будапештскому радио. Он обвинил советскую армию в нападении на столицу Венгрии с явным намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Формулировкой:

«Наши войска сражаются. Правительство остается на своем посту», Надь, по существу, призвал к вооруженному сопротивлению, хотя и уклонился от того, чтобы отдать вооруженным силам страны формальный приказ вступить в бой с советскими войсками, как настаивал главнокомандующий национальной гвардии генерал Кираи. Вскоре после этого Надь покинул здание парламента и укрылся в югославском посольстве. В Будапеште начались бои. Город сильно пострадал: стены многих домов были повреждены попаданиями снарядов и пуль, на некоторых улицах артиллерийским огнем были разрушены целые кварталы. На улицах в течение некоторого времени оставались подбитые и сгоревшие танки, пушки и грузовики, сорванные трамвайные и троллейбусные провода, битое оконное стекло, камни мостовых, сложенные грудами у огневых позиций, экономическая жизнь замерла.

«Правда» в этот день опубликовала передовую статью «Преградить путь реакции в Венгрии», которая утверждала, что Имре Надь объективно стал пособником реакции, что он не может и не хочет с ней бороться, что его правительство фактически распалось. «Правда» писала, что советский народ готов помочь венгерскому народу сокрушить реакцию.

Действительно, удару советских войск не было оказано сопротивления, организованного из единого центра.

Между тем Надь хлопотал через югославское посольство о разрешении выехать в Югославию, югославское же правительство рассматривало все выгоды и убытки от конфронтации с Советами. Очевидно, классовая близость с СССР возобладала, и югославские руководители распорядились выдать мятежных венгров. 23 ноября Имре Надь и находившиеся с ним члены сформировавшегося в конце октября — в начале ноября партийного руководства (в том числе Д Лукач, 3. Ваш, Г. Танцош) и члены их семей были арестованы советскими офицерами при выходе из югославского посольства и перевезены в Румынию. Весть об этом вызвала новое обострение обстановки. 16 июня 1958 года в Будапеште было объявлено о закрытом процессе над Имре Надем и его ближайшими сподвижниками. Суд расценил деятельность Надя как контрреволюционный заговор и государственную измену и вынес смертные приговоры Надю, Силади, Гимешу и Малетеру и принял постановления о приведении их в исполнение. (Лошонци к моменту суда умер в тюрьме, другие обвиняемые на этом процессе были приговорены к длительным срокам тюремного заключения.) Протест югославского правительства по поводу осуждения и казни Надя был отклонен правительством Венгрии. 19 декабря 1958 года Генеральная Ассамблея ООН осудила казнь Надя, а в следующем году 64 голосами против 10 осудила правительства СССР и Венгрии за игнорирование постановления ООН по венгерскому делу. Так коротко и бесславно закончилась «хрущевская оттепель». До настоящей перестройки общественного строя, политики и экономики в странах «советского блока» оставалось еще 30 лет.

РОКОТОВ — ФАЙБЫШЕНКО — ЯКОВЛЕВ: ЖЕРТВЫ КОРОТКОЙ ОТТЕПЕЛИ

На какие только хитрости не пускаются эти плуты, чтобы обманывать простой народ!

«Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения»

Людям, не жившим в Советском Союзе длительное время, возможно, будет трудно понять, в чем состояла вина трех спекулянтов, приговоренных к смерти в июле 1961 года. В дни, когда обменять рубли на валюту и обратно стало возможным чуть ли не на каждой улице, нелегко уяснить саму суть проблемы. Однако напомним, что для того, чтобы в России появилась возможность купить без очереди и карточек буханку хлеба и кусок колбасы, потребовались путч, анархия, смена политического строя и развал величайшей державы. Словно предчувствуя подобные катаклизмы, правящая верхушка СССР для того, чтобы удержаться у власти, на протяжении всех 70 лет своего господства беспощадно и гласно карала своих политических противников.

Идеологическая пропаганда Советского Союза тщательно навязывала мировому сообществу мнение о том, что советские люди — носители коммунистической морали — это поголовно высоконравственные бессребреники, готовые пойти в огонь и в воду ради идеалов коммунизма. И народ сам настолько свято уверовал в эго, что судебный процесс, состоявшийся летом 1961 года, буквально ошеломил все общество. Поразил он и многих западных политиков — ведь случившееся

происходило в самый разгар «хрущевской оттепели».

Эта история началась в марте 1959 года. Во время встречи Анастаса Микояна с американским экономистом Виктором Перло американец пожаловался, что его повсюду донимают какие-то люди, предлагающие ему продать валюту. Затем во время встречи публициста Альберта Кана с партийным идеологом Сусловым иностранец заметил, что в социалистической стране безнаказанно промышляют спекулянты валютой. Это были удары в больное место. Суслов обвинил руководство МВД в том, что оно не справляется с поставленной задачей, и потребовал борьбу с контрабандой и нарушением валютных операций передать в ведение КГБ. Он лучше других понимал, какую опасность для советской идеологии таят прелести западного образа жизни и контакты с иностранцами. Партийная верхушка всполошилась, и уже в мае Верховный Совет СССР принял указ о передаче всех дел такого рода в ведение Комитета госбезопасности.

Специалисты по шпионажу и диверсиям энергично взялись за дело. Конечно, на Лубянке знали кое-что о жизни «валютчиков». Но этого было недостаточно. Основные фигуры пока оставались в тени.

Главной задачей, поставленной перед КГБ, было определить каналы валютного «черного рынка», выявить его «королей» и нанести смертельный удар. Сердцем «черного рынка» была «плешка» (улица Горького — от Пушкинской площади до отелей «Националь» и «Москва»). Еженощно, невзирая на погоду, валютчики выходили на «охоту» в поисках потенциальных продавцов валюты — иностранцев. «Охотников» в народе прозвали «фарцовщиками» (производное от «форселыцик», что в свою очередь произошло от вопроса, задаваемого иностранцу: «Have you anything for sale? *43 Имеете что-нибудь на продажу? (англ.)* »). Однако это не было просто беспорядочное скопление спекулянтов. Валюту в Советском Союзе невозможно было просто так купить и продать. Существовала целая система перекупки. «Бегунки» или «рысаки» являли собой «первые руки», они скупали валюту на «плешке», на центральных площадях, в универматх, гостиницах и на выставках. Собранный улов они продавали своим «шефам». Те, в свою очередь, продавали валюту «купцам».

«Купцы» были тщательно законспирированы. Знало их очень небольшое число людей, да и то под кличками. Сами они, боясь засветиться, в контакты с иностранцами старались не вступать. Правда, иногда все же «купцы» и иностранные контрабандисты отыскивали друг друга и заключали своего рода соглашения о сотрудничестве. В дальнейшем они поддерживали связь через посредников.

Из 2570 задержанных в 1959 и в начале 1960 года контрабандистов, которые пытались тайно провезти товары через границу, 1680 (65 %) были гражданами других стран. Несмотря на категорический запрет такого рода деятельности в Советском Союзе, жажда наживы была сильнее. Под видом туристов и коммерсантов в СССР проникали профессиональные контрабандисты, поддерживавшие тесные контакты с московскими и ленинградскими «купцами». Большими партиями они сбывали им валюту, золотые часы, драгоценности.

Из Польши поступали золотые монеты царской чеканки, которые высоко ценились на «рынке». Золото считалось едва ли не самым ходовым товаром. Цеховики, завмаги и прочие советские «теневики» считали, что

вкладывать средства в золото — надежнее всего. Московские «купцы» изобретали всевозможные способы доставки «золотых» в Союз. Большое распространение получило использование в этих целях арабских офицеров, которые учились в СССР. Два раза в год им предоставляли отпуск. Арабы по дешевке покупали в Швейцарии червонцы и нелегально доставляли их в Союз. Через границу они провозили их в специальных потайных поясах, в каждом из которых можно было спрятать до 500 монет.

Не менее распространенным видом контрабанды были посылки и ценные бандероли. В тюбики зубной пасты, например, закладывались золотые монеты, валюта. В 1959 году было перехвачено 209 таких посылок. В первом полугодии 1960 — уже 1131.

Довольно скоро КГБ установил имена «рыцарей мелкой наживы», именно они (их называли еще и «королями») были негласными хозяевами «черного рынка». Действуя с большим размахом, они обладали крепкой хваткой, однако не представляли, что на них обрушилась вся мощь советского ведомства шпионажа и контршпионажа. Основными фигурами на «черном рынке» были Ян Рокотов по кличке Ян Косой, Владислав Файбышенко (кличка Владик) и Дмитрий Яковлев (Дим Димыч). Рассказывая о подвигах главных героев статьи, авторы хотят подчеркнуть, что лично у них эти герои не вызывают ни малейших симпатий. Изумляет лишь несоразмерность совершенных ими «преступлений» и последовавшего затем наказания.

Рокотов начал заниматься коммерцией еще со школьной скамьи, спекулируя фототоварами. Затем (он окончил только 7 классов и учиться дальше не стал) начал расширять ассортимент, постепенно поднялся и перестал заниматься скупкой товаров, предпочитая наиболее ценный из всех видов товара — деньги. Рокотов не делал этого лично, одним из первых он стал привлекать к делу молодых людей, искавших легкий заработок («бегунков»). Сам же предпочитал оставаться в тени. Жил он на широкую ногу, воистину, как король: спал до полудня, затем вызывал такси и ехал обедать в один из ресторанов, потом толкался на «плешке». Вечер завершался ужином в первоклассном ресторане. Он часто менял любовниц, кутил. При этом по отношению к близким людям был безразличен и чрезмерно скуп. Когда его отец лежал в больнице после ампутации обеих ног, он ни разу не навестил его, дабы не вводить себя в «излишние расходы».

Он нигде не работал, и, разумеется, в те времена такой образ жизни не мог не вызвать пристального внимания органов внутренних дел. Но безнаказанность Рокотова во многом объяснялась тем, что он был агентом БХСС. Но вел он двойную игру. В своих донесениях Ян Косой подробно рассказывал о том, что «видел» на «черном рынке». При этом главными преступниками он выставлял людей, замешанных в незначительных сделках. «Сдавал» он милиции и своих «бегунков». Все были довольны — милиция регулярно отчитывалась об очередных поимках спекулянтов, валютчик же был спокоен за свой бизнес.

За долгие годы спекуляции Яну удалось сколотить огромное состояние. Но валюту и золотые монеты, составлявшие основу его капитала (значительная часть состояния постоянно «крутилась»), он никогда не держал при себе, а хранил их в специальном американском

чемодане с искусно вмонтированной системой сложных замков. Саквояж постоянно «блуждал» по квартирам его приятелей и любовниц. Иногда он сдавал его в камеру хранения на вокзале.

Рокотов оказался довольно внимательным человеком. Однажды, решив проверить, не слушают ли его домашний телефон, он поздней ночью позвонил одному из приятелей и сказал, что хочет передать ему на хранение чемодан, которым «очень дорожит». К тому моменту агенты КГБ уже знали, что свой капитал он хранит в кейсе. Напасть же на его след никак не могли.

Агенты испытали адские мучения. С одной стороны, существовала опасность того, что это всего лишь трюк, пустышка. Но с другой — соблазн завладеть чемоданом был огромен. Времени на раздумья у них не оставалось.

Ночью Рокотов встретился с приятелем, передал кейс. Вскоре под благовидным предлогом его приятель был задержан. В чемодане лежали… мочалка и кусок банного мыла.

Рокотов мгновенно затаился. Даже одного из арабских офицеров, сделка с которым сулила ему полумиллионную прибыль, он переадресовал своей сообщнице. С поличным они были задержаны.

Ян Косой временно прекратил валютные махинации. Но его деятельная натура требовала работы.

И вскоре группа наружного наблюдения зафиксировала появление Яна Косого с объемистым чемоданом в руке в ресторане Ленинградского вокзала. Пока Рокотов сидел в ресторане, бригаду «наружки» полностью обновили. Теперь за ним присматривали две молодые женщины. (Позже на допросе он показал, что это-то и сбило его с толку.)

Поужинав, Рокотов, стремясь раствориться в потоке пассажиров, нырнул в камеру хранения. Пользуясь рецептом своего литературного прототипа (Корейко), он сдал чемодан и пошел домой, петляя по улицам.

Трудно понять, чего в этом поступке было больше — хитроумия или идиотизма. Разумеется, Яну надо было где-то хранить свое добро, и поскольку государственным облигациям доверять он не мог, в банк деньги положить — тем более, необходимо было найти для золота какое-то хранилище. Но таскать деньги по квартирам в чемодане? Доверять государственной камере хранения, где его моментально изъяли, не предъявив даже санкции прокурора? Тем более только что едва не попавшись на операции с пустым чемоданом? Объяснение этому поступку может быть только одно. Ян чувствовал, что находится под колпаком, знал, что телефон его прослушивается, что квартира его вот-вот может быть обыскана, времени закапывать или прятать деньги у него не оставалось. Скорее всего, случившееся было актом отчаяния — Ян пытался просто избавиться от денег.

Оперативники мигом вскрыли хитроумные замки и открыли кейс. Там находились валюта, золотые монеты, крупная сумма советских рублей. Решено было ооавить в камере хранения засаду.

Прошло несколько дней. Ян Рокотов успокоился и вновь приехал на Комсомольскую площадь. Жадность взяла верх над благоразумием. На этот раз он разработал «хитроумный» план изъятия собственных капиталов. Впрочем, нам сдается, знай он, что ему противостоит весь мощнейший

технический и человеческий потенциал Лубянки, он просто явился бы с повинной в ближайшее отделение милиции.

Он пообедал в привокзальном ресторане, стараясь определить, нет ли за ним «хвоста». Затем на электричке отправился в сторону Загорска. Но на станции Пушкино перед самым отправлением поезда он раздвинул локтями закрывающиеся двери и выскочил на платформу. С величайшими предосторожностями окружным путем, через Мытищи и ВДНХ Ян вернулся на вокзал и убедился, что слежки за ним нет. Ее и в самом деле сняли, опасаясь, что Рокотов не придет за чемоданом. Он вошел в камеру хранения и огляделся. Там было несколько человек, которые не вызвали у него подозрений.

Подошла его очередь. Старик-приемщик взял у Рокотова квитанцию и направился искать багаж.

Неожиданно у стойки возник мужчина с двумя парами новых лыж. «Можно у вас лыжи оставить до вечера?» — спросил он у приемщика.

«Подождите, я занят», — ответил старик и протянул Рокотову чемодан. Ян Косой взял чемодан и почувствовал, как его левую руку заломил за спину обладатель лыж. На правую ловко навалился парень, только что мило разговаривавший с молодой девушкой.

«Это не мой чемодан! Ты что, дед, ослеп! У меня черный был», — закричал Рокотов. «Перестаньте ломать комедию, Ян Тимофеевич», — раздался голос сотрудника, дежурившего в камере много дней.

В отчаянии Рокотов начал сползать на колени. Его подхватили. «Боже, какой я кретин», — застонал он. От волнения «купец» даже прокусил себе пальцы. Тем временем следственная группа вплотную подошла к аресту еще одного «короля» черного рынка — 24-летнего Владислава Файбышенко. Он хоть и был самым молодым среди московских «купцов», но не уступал им ни в хватке, ни в масштабах, а нередко даже превосходил. Слежка за Файбышенко показала, что сфера его деятельности ограничивается, как правило, одной только «плешкой». К охоте за иностранцами он также привлекал «бегунков», но делал это не так широко, как Рокотов.

Третий «король», Яковлев, имел университетское образование, учился в аспирантуре Института народного хозяйства им Плеханова. Ему сулили большое будущее, однако он выбрал иной путь. В 1958 году он начал активно подвизаться в валютном бизнесе. Стал ключевой фигурой на «черном рынке». Прикрывать свои проделки ему помогала связь с милицией. С начала 1959 года он являлся тайным осведомителем БХСС. К тому моменту, когда этот «купец», пользовавшийся широкой известностью среди контрабандистов Риги, Львова и Ленинграда, оказался на скамье подсудимых, ему исполнилось 33 года.

Вскоре и Файбышенко был задержан с поличным. При нем оказалось 148 золотых английских фунтов и большая сумма рублей.

При повторном обыске комнаты, которую он арендовал, агенты нашли тайник. В одной из ножек платяного шкафа было спрятано валюты почти на полмиллиона рублей. По мере того, как росло число улик, Файбышенко стал понимать, что путь к отступлению отрезан, и начал давать показания.

Вскоре Рокотов и Файбышенко предстали перед Мосгорсудом. Суд назначил им максимальное наказание — по 8 лет лишения свободы.

Через некоторое время был задержан и Яковлев. Отреагировал на свой арест он очень спокойно. Сразу же сознался во всем и сообщил ряд ценных сведений о каналах контрабанды. Подробно поведал закулисную историю «черного рынка». Раскрыл неизвестные до того приемы контрабандистов и валютчиков. В конце 1960 года глава советского государства Н. С. Хрущев был с визитом в Западном Берлине. Во время встречи с местными властями он упрекнул их в том, что «город превратился в грязное болото спекуляции». В ответ кто-то ему ответил, что «такой черной биржи, как ваша московская, нигде в мире нет!». По возвращении домой Хрущев потребовал от КГБ справку о том, как ведется борьба с валютчиками и контрабандистами.

Узнав о том, что осужденных валютчиков ждет всего лишь восемь лет лишения свободы, генсек пришел в ярость.

Незадолго до этого Указом Президиума Верховного Совета СССР срок наказания за незаконные валютные операции был увеличен до 15 лет. Но поскольку Указ приняли уже после ареста «королей», такая мера могла быть применена к ним лишь при условии, что закону будет придана «обратная сила». Несмотря на то, что Хрущеву пытались объяснить, что это противоречит общепринятой юридической практике, он ничего не желал слушать «Обожглись на молоке, теперь на воду дуете, — раздраженно кричал генсек. — Высокая кара за содеянное должна образумить, устрашить других. Иначе это зло приобретет угрожающие государственные размеры».

Спустя несколько дней состоялся Пленум ЦК КПСС. В своем заключительном слове Хрущев заговорил о деле валютчиков как о примере «несовершенства» советского законодательства. Требуя вести жесткую борьбу с «черным рынком», он ссылался на письмо рабочих ленинградского завода «Металлист», выражавших возмущение мягким сроком. Рабочие требовали «решительно покончить с чуждыми обществу тенденциями». «Вот что думает рабочий класс об этих выродках!» — воскликнул Хрущев. И подверг резкой критике Генерального прокурора Р. А. Руденко за «бездействие».

«Не думайте, что ваша должность пожизненна, — пригрозил он прокурору. Потом перекинулся на председателя Верховного суда СССР А. И. Горкина и открыто заявил: — Да за такие приговоры самих судей судить надо!»

В аппарате ЦК КПСС была спешно подготовлена записка в Политбюро, где обосновывалось изменение статей Уголовного кодекса вплоть до смертной казни за незаконные валютные операции.

1 июля 1961 года председатель Президиума ВС СССР Л. И. Брежнев подписал Указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». Генпрокурор Руденко моментально подал протест на «мягкость» приговора, вынесенного Мосгорсудом Рокотову и Файбышенко. Дело принял к рассмотрению Верховный суд РСФСР.

Заседание длилось два дня. Журналистов пришло так много, что всех их даже не удалось разместить в зале. Судьи отлично справились с установкой. Рокотов и Файбышенко были приговорены к расстрелу.

Вслед за ними высшую меру наказания получил и Яковлев. Эта мера вызвала протесты даже среди следователей. Во-первых, тот признал себя виновным. Во-вторых, сообщил множество ценных сведений и тем помог органам. Кроме того, Яковлев был сильно болен и страдал туберкулезом легких.

Но прокуратура оказалась на редкость принципиальной, и Яковлев был расстрелян. Эти беспрецедентные процессы широко освещались в печати, обсуждались на предприятиях и в парторганизациях. Советские люди должны были знать, что советская власть не позволит всяким «отщепенцам» и «тунеядцам» жировать на шее трудового народа.

И простые советские люди гневно выступали на митингах, делая вид, что не знают о райкомовских спецраспределителях продуктов и цековских санаториях. Еще тридцать лет икра, копченая колбаса и заграничные курорты оставались прерогативой партийной и хозяйственной верхушки. И несмотря на то, что в СССР и позже происходили «расстрельные» процессы по делу «Елисеевского» магазина, и по делу «икра-килька», и по узбекским делам, процесс Рокотова-Файбышенко-Яковлева явился знаменательным в своем роде. У советской власти обнаружилась раковая опухоль в виде стремления людей жить лучше, и эта опухоль в конце концов свела власть в могилу.

ОЛЕГ ПЕНЬКОВСКИЙ

Из всех советских граждан, передававших когда-либо секретные сведения на Запад, наиболее высокопоставленным и, бесспорно, самым благородным был полковник Олег Пенъковский.

Кристофер Добсон, Рональд Пейн. «Словарь шпионажа»

В лабиринтах американской разведки все еще можно встретить ветеранов, которые по-прежнему убеждены, что Пеньковский является блестящим примером одной из отвратительнейших операций КГБ.

Энтони Верлье. «Сквозь зеркало»

Пеньковский предложил свои услуги в такой напористой, требовательной манере, что ЦРУ отказалось иметь с ним дело, и Пеньковскому пришлось адресоваться к англичанам. Пеньковский бесспорно оказал влияние на ход истории.

Филипп Найтли. «Шпионы XX века»

В 1955 году в Анкаре офицеры западных армий частенько видели помощника военного атташе Советского Союза полковника Олега Пеньковского сидящим в дешевом кафе с несчастным видом и отрешенным взглядом. Исходя из этого не очень значительного факта, англичане отметили его как возможного будущего перебежчика. Примерно в то же самое время, но уже в Лондоне, произошла встреча Гревилла Мейнерда Винна, английского бизнесмена, служившего во время войны в МИ-5, с бывшим коллегой «Джеймсом», переведенным в СИС. «Джеймс» поинтересовался, не хочет ли Винн сочетать свою коммерческую деятельность в Восточной Европе со шпионажем в свободное время. Винн охотно согласился.

В ноябре 1960 года Винн вступил в контакт с Управлением внешних сношений Государственного комитета при Совете Министров СССР по координации научно-исследовательских работ. Это управление

организовывало посещение Советского Союза зарубежными специалистами и контролировало посылку за границу их советских коллег.

Одним из сотрудников, встреченных Винном во время дискуссий в комитете, был Пеньковский, представлявший в этом ведомстве интересы ГРУ — Главного разведывательного управления Советской Армии. В кругах московского бомонда тех лет Олег Пеньковский был фигурой заметной. Стройный, красивый, элегантный, он вел «богемный» образ жизни — пил, гулял и покорял женские сердца. Его дядя, Валентин Антонович Пеньковский, генерал-лейтенант, занимал высокий пост в Министерстве обороны.

Тесть — генерал Гапанович — был начальником Политуправления Московского военного округа. Пеньковскому покровительствовали важные персоны — Главнокомандующий артиллерией генерал-полковник Варенцов и начальник ГРУ Серов (бывший шеф КГБ). Сам, правда, он был всего лишь сотрудником Международного отдела Государственного комитета по науке и технике, зато руководил этим отделом молодой Джермен Гвишиани — зять входившего в силу Косыгина. После того как Винн доложил о Пеньковском «Джеймсу», тот проявил особый интерес и посоветовал Винну развить и углубить завязавшиеся отношения. Винн последовал этому совету, и во время своего следующего визита в Москву они с Пеньковским настолько сблизились, что стали звать друг друга Грев и Алекс. Пеньковскому это имя нравилось больше, чем Олег. «Джеймс» был весьма доволен таким развитием событий. Он сообщил Винну о том, что Пеньковский и раньше пытался вступить в контакт с Западом, и предложил подождать и посмотреть, что произойдет дальше. Полковник Пеньковский и впрямь был буквально нашпигован военными секретами и мечтал продаться за хорошие деньги.

То ли его прельстил западный образ жизни, то ли осточертела «совковая» суета и нищета и он не хотел еще два десятка лет дожидаться своего генеральского чина и положенной дачи и спецсанатория, то ли манили подвиги Джеймса Бонда и романтика жизни суперагента? То ли все это вместе взятое? Он подходил к американским студентам, канадскому бизнесмену, английскому дипломату, говорил о своей жажде сотрудничества, передавал конверты, содержимое которых могло и его и их упечь на Соловки до конца жизни. Англичане не торопились связываться с ним, проверяли его и в итоге не обманулись в своих ожиданиях. Когда в апреле 1961 года, в последний день пребывания Винна в Москве, друзья прогуливались по Красной площади, Пеньковский неожиданно заявил, что располагает сведениями, которые любой ценой должны быть переправлены на Запад. В гостинице «Националь», где остановился Винн, Пеньковский передал ему тщательно запечатанный конверт, содержавший, как выяснилось позже, полный отчет о всей предыдущей деятельности Пеньковского и ряд секретных документов, для того чтобы убедить СИС в искренности его намерений.

Двумя неделями позже Пеньковский в составе советской торговой делегации прибыл в Лондон. Каждый вечер, завершив свои официальные дела, Пеньковский выскальзывал из отеля «Маунт ройял» и направлялся на конспиративную квартиру, где его ждали сотрудники СИС и ЦРУ. Беседы продолжались до глубокой ночи. Чтобы убедить Пеньковского не

оставлять свою работу и собирать дополнительный материал, в один из вечеров его познакомили сразу с двумя десятками крупных советских перебежчиков, привезенных ради этого в Лондон со всех концов США и Великобритании. «Мы привезли их для того, полковник Пеньковский, чтобы вы ощутили себя среди друзей».

В Москву Пеньковский возвратился с оборудованием, необходимым для шпионской деятельности: фотокамерой, радиоаппаратурой, пленками, бумагой для тайнописи. Были обговорены места для тайников. Обслуживать Пеньковского предстояло целой армии сотрудников СИС.

Во время двух последовавших вскоре встреч в Лондоне и Париже СИС и ЦРУ продолжали вытягивать из Пеньковского информацию, которой он овладел за все годы службы. Их особенно интересовали те девять месяцев, которые он провел в Военной академии имени Дзержинского, изучая ракетную технику. Кроме того, за шестнадцать месяцев своей деятельности в качестве шпиона Пеньковский передал СИС около пяти тысяч различных документов, касавшихся вопросов ракетного вооружения, советской политики, операций КГБ и военной стратегии. Он также давал свою оценку советским лидерам и сообщал о слухах и скандалах в правящих кругах Москвы.

Те, кто его допрашивал, хорошо видели, что агента распирает от самодовольства, от стремления убедить в собственной значимости.

Во время одного из ночных допросов он с удовольствием примерял мундиры английского и американского полковников. Потом стал просить, чтобы его отвезли в Вашингтон для встречи с президентом Кеннеди, чтобы представили королеве Англии. За неделю до того она принимала первого космонавта — Юрия Гагарина.

«Он что, сделал для вас больше?» — возмущался Пеньковский. Постоянно клянча у своих хозяев деньги, он небрежно швырял пятифунтовые банкноты таксистам на чай, покупал очень дорогие вещи — подарки высокопоставленным друзьям. Например, приобретая в шикарном магазине «Хэрродс» духи «Шанель № 5» для мадам Серовой, купил еще несколько точно таких же флаконов и преподнес продавщицам.

Его любовные похождения могли стать серьезной проблемой как для него, так и для его шефов, если бы попали в печать. От британцев он требовал девиц моложе 18 лет и непременно девственниц. Первое условие обычно выполнялось, но со вторым возникали трудности…

При этом в родном отечестве он вел жизнь образцового «Корейко», утаивал свои гонорары от жены и, когда отец попал в больницу, отказался покупать ему лекарства, уверяя, что зарплата ему этого не позволяет. Обстановка в их доме была спартанская, если не сказать нищенская.

Из первой поездки в Лондон Пеньковский вернулся 6 мая 1961 года. С собой он привез миниатюрную фотокамеру «Минокс» и транзисторный радиоприемник. На Запад он сумел передать 111 пленок «Минокс», на которых было отснято 5500 документов общим объемом в 7650 страниц. Во время трех командировок в Лондон и Париж его допрашивали в общей сложности 140 часов, отчеты о них заняли 1200 страниц машинописного текста. По его наводке, если верить опубликованным на Западе документам, «погорели» 600 советских разведчиков, из них 50 — офицеры ГРУ. «Погорел» и сам Серов. Разжалован был из маршалов в

генерал-майоры Варенцов. В прессе Пеньковского стали называть «шпионом, который спас мир от третьей мировой войны». Писали, что именно он раскрыл глаза Америке на хрущевский блеф с ракетами. До этого доверчивые американцы завышали советский ракетный потенциал в 100 раз, а на самом деле не Советский Союз, а США лидировали в ракетной гонке. Именно он рассказал и о размещении советских ракет на Кубе, и не только рассказал, но и передал фотографии ракет.

22 октября 1962 года Пеньковский был арестован по обвинению в измене. «Вычислили» его без особых проблем, за каждым прибывающим в СССР иностранцем в те годы ходил «хвост». Контакты Пеньковского с Винном и другими сотрудниками английского дипкорпуса показались подозрительными. Встроили подслушивающее устройство в домашний телефон Пеньковского, тайком, когда его не было дома, сделали обыск. Результаты были настолько ошеломляющими, что предателя решили брать немедленно. А 2 ноября Винн был схвачен на улицах Будапешта и переправлен в Москву, чтобы предстать перед судом вместе с Пеньковским. 11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала обоих виновными в шпионаже. Пеньковский был приговорен к расстрелу, Винн — к восьми годам лишения свободы. Советские власти позже объявили, что Пеньковский был казнен через пять дней после вынесения приговора. Винн отбыл один год из восьми, 22 апреля 1964 года его обменяли на советского агента Конона Молодого, арестованного под именем Гордона Лонсдейла в Англии в январе 1961 года.

Все внимание Запада во время суда сосредоточилось на личности Винна, роль Пеньковского вышла на первый план несколько позднее. Это было вызвано публикацией «Бумаг Пеньковского», якобы дневников, которые автор вел во время своей шпионской деятельности и сумел спрятать в ящик письменного стола у себя дома в Москве. Там их нашли агенты ЦРУ и тайно вывезли за пределы СССР. Пеньковского стали превозносить как самого важного агента из тех, которых удалось внедрить в Советский Союз за время «холодной войны», как главный фактор, обеспечивший президенту Кеннеди победу над Хрущевым во время кубинского ракетного кризиса, как «шпиона мечты, из тех, что вряд ли могут существовать в реальной жизни», как благородного храбреца, чья прозорливость сыграла огромную роль в предотвращении ядерной войны.

Проблема с такого рода характеристикой заключается в том, что она зиждется на показаниях, полученных во время суда, показаниях, вызывающих большие сомнения. Эта характеристика основана также на «Бумагах Пеньковского», воспоминаниях и заявлениях Винна, в основном содержащихся в его книге «Человек из Москвы». Но, как оказалось, «Бумаги Пеньковского» были написаны по указанию ЦРУ бывшим сотрудником журнала «Лайф» Фрэнком Гибни и перебежчиком из Советского Союза Петром Дерябиным. Источником явились протоколы допросов Пеньковского, сделанные СИС. А поскольку целью публикации было представить ЦРУ в самом лучшем свете, содержание «Бумаг Пеньковского» не может не вызывать подозрений.

Что же касается книги Винна, то ее выход сопровождался со стороны Форин офис комментарием весьма необычного свойства: «Несомненно, некоторые пассажи книги мистера Винна о действиях

британских властей и о его отношениях с этими властями могли бы вызвать серьезные возражения, исходя из интересов национальной безопасности, окажись эти пассажи правдой». В дальнейшем версии по делу Пеньковского стали расти как поганки после дождя. Одни уверяли, что Пеньковский был двойным агентом и вся его деятельность была игрой КГБ с доверчивыми англичанами, по другой версии КГБ использовал его, подкладывая ему «дезу» для передачи Западу, по третьей, — он был пешкой в игре кремлевских бонз. Однако версий можно строить много, но очевидные факты говорят за то, что он и впрямь был фантастически жадным и бессовестным человеком, что он исправно сотрудничал с английской и американской разведками, выдавая им все сведения, какие только становились ему доступными, и мечтал наряду с некоторыми другими своими коллегами оказаться на Западе с кругленьким банковским счетом. Увы, не вышло.

Если же рассуждать о правомерности или неправомерности этой казни, то, безусловно, пожизненное содержание в любой советской колонии для любого преступника явилось бы намного более страшным наказанием, чем смертная казнь. Однако в советской традиции было беспощадно карать любые отступления от коммунистической морали. Если в те годы расстреливали обычных спекулянтов, то уж о «супершпионе» и говорить нечего. Самым удивительным в этой истории стало то, что советские власти вообще признали сам факт существования шпиона в рядах «доблестных сотрудников органов госбезопасности».

ЗУЛЬФИКАР АЛИ БХУТТО

Нужно быть в какой-то мере пророками для того, чтобы оценить то, что часто возникает совершенно непредвиденно.

Леле Тискар

На протяжении последних трех десятков лет Пакистан, эту небольшую страну в Юго-Восточной Азии, раздирают нешуточные катаклизмы. В 1971 году произошел очередной вооруженный конфликт с Индией, к тому же немалая часть государства объявила о своей независимости и образовании суверенного государства — Бангладеш, что обществом всегда воспринимается болезненно. Словом, 20 декабря 1971 года в обстановке всеобщего народного недовольства генерал А. М. Яхья-хан вынужден был уйти в отставку, передав власть лидеру Партии пакистанского народа З. А. Бхутто (1928–1979).

Молодой сорокалетний политик, встав во главе страны, сразу же заявил о новом курсе реформ. Вот что писал советский источник того времени: «Правительство З. А. Бхутто провело важные социально-экономические преобразования, направленные на ускорение экономического развития Пакистана, усиление роли государства в сфере экономики, перестройку внешнеторговых связей. Были национализированы предприятия тяжелой промышленности, частные коммерческие банки, страховые, судоходные и другие компании, экспортная торговля хлопком; введено государственное регулирование торговли сахаром, маслом, зерном, некоторыми промышленными товарами широкого потребления. Власти упразднили управляющие агентства — унаследованную от колониализма систему посредников в торговле и предпринимательстве, ввели антимонополистическое законодательство. В марте 1972 года была

объявлена аграрная реформа, которая существенно ограничивала размеры помещичьего землевладения; излишки подлежали изъятию без компенсации и бесплатному распределению среди безземельных и малоземельных крестьян. Поощрялось развитие кооперативов в деревне. В январе 1977 года „потолок“ землевладения был еще снижен, малоземельные крестьяне освобождались от уплаты налогов. Все эти преобразования содействовали преодолению тяжелых экономических последствий кризиса 1971 года, стабилизации внутреннего положения в стране. Их значение состояло также и в том, что они несколько ослабили позиции монополистической верхушки пакистанского бизнеса, ее возможности влиять на развитие страны. Проведенные в интересах прежде всего средних предпринимательских слоев города и деревни, эти преобразования отвечали объективным потребностям развития пакистанского общества». Нам понятны симпатии советской прессы, ведь путь, которым повел свой народ З. А. Бхутто, был путем «социализации» экономики, массовой уравниловки в городе и на селе. Однако из истории нам известно, что подобные реформы не могут проводиться мирным путем, поскольку неизбежно натыкаются на усиливающееся сопротивление народных масс. Ни в одной стране мира социализм не установился путем мирного волеизъявления народных масс, он всегда приходит на штыках своих или чужих армий. Социализм — это всегда революция. И ему надо быть постоянно готовым к контрреволюции.

Но обратимся снова к событиям тех лет и посмотрим, как оценивал советский источник того времени внутри- и внешнеполитическое положение страны. «Реформа трудового законодательства расширила права профсоюзов, улучшила социальное страхование и медицинское обслуживание рабочих; впервые было введено пенсионное обеспечение рабочих. День 1 Мая был объявлен Национальным праздником труда (!). Бесплатным стало обучение во всех государственных учебных заведениях. В несколько раз выросли бюджетные ассигнования на нужды здравоохранения, открылись новые больницы и медпункты, увеличилось производство лекарств.

Правительство З. А. Бхутто вело активную внешнеполитическую деятельность, которая была отмечена такими акциями, как выход Пакистана из СЕАТО, Британского содружества, так называемой Комиссии по объединению Кореи; признание ГДР и ДРВ (а затем и СРВ), установление дипломатических отношений с КНДР на уровне посольств, предоставление дипломатического статуса представительству ООП. Были восстановлены нарушенные в последний период правления режима А. Л. Яхья-хана пакистано-советские связи, получившие затем разностороннее развитие. Важную роль в этом процессе сыграли визиты З. А. Бхутто в СССР в марте 1972 года и октябре 1974 года. Широким было сотрудничество Пакистана с КНР, другими социалистическими странами. Связи эти носили взаимовыгодный характер. Расширились контакты с развивающимися государствами, особенно в регионе Ближнего и Среднего Востока; значительных размеров достиг экспорт пакистанской рабочей силы в нефтедобывающие страны, что было новым явлением в жизни Пакистана…» Последняя фраза может вызвать единственную реакцию: «Докатились!» Увы, дружба со странами социализма не стала для

Пакистана панацеей от бед, как и новая демократическая конституция еще не стала гарантом соблюдения прав народа на достойную жизнь.

Затем «руководство Партии пакистанского народа развернуло широкую программу развития тяжелой промышленности и производственной инфраструктуры. На ее осуществление потребовались огромные средства. Для покрытия быстро растущих расходов правительство прибегало к дефицитному финансированию в значительных размерах; рос внешний и внутренний долг государства. Все это обусловило беспрецедентный рост цен и удорожание жизни. В середине 1970-х годов возрос поток переселенцев из сельской местности в города. Новые кварталы трущоб появились в Карачи, Лахоре Мултане и других городах. В городах увеличилось число бездомных и безработных».

И это естественно, ведь для того, чтобы возводить «великие стройки социализма», необходимо иметь неисчерпаемый резерв дармовой рабочей силы, который в Советском Союзе давал ГУЛАГ.

Мало-помалу режим Бхутто начал показывать чисто авторитаристские зубки. В 1975 году была запрещена Национальная народная партия, а ее лидеры арестованы. Принятые в 1975 и 1976 годы поправки к конституции по сути увековечили чрезвычайное положение, увеличили срок превентивного тюремного заключения, существенно ограничили права судебных органов. Это вызвало раздражение и протест пакистанской общественности, накопившееся в различных слоях общества недовольство нашло выход в событиях, связанных с очередными парламентскими выборами.

Эти выборы состоялись в марте 1977 года. Правящей партии (ППН) противостоял созданный в январе Пакистанский национальный альянс (ПНА) — блок девяти оппозиционных партий. Его основу составили правые религиозно-общинные партии — Мусульманская лига, «Джамаат-и ислами», «Джамаат-и улама-и Пакистан». В альянс вошли Национальная демократическая партия (НДП), созданная после запрещения Национальной народной партии (многие ее члены вступили в НДП), и «Техрик-и истиклал», лидер которой маршал авиации М. Асгар-хан пользовался в стране некоторым влиянием. В то же время Партия пакистанского народа (Бхутто) выступила на выборах с малопривлекательной программой «закрепления достигнутого». В результате выборов, состоявшихся 7 марта 1977 года, ППН неожиданно получает почти 80 % мест в парламенте, и вновь у власти на очередной срок оказывается З. А. Бхутто. Однако оппозиция не признала итогов выборов, обвинив правительство в их фальсификации, бойкотировала выборы в провинциальные законодательные собрания и потребовала проведения новых выборов и отставки правительства Когда власти отказались сделать это, альянс развернул антиправительственную кампанию. Кампания эта вскоре приобрела массовый характер, в ней приняли участие широкие слои городского населения, недовольные своим положением, тем или иным действием правительства. Оппозицию поддерживали различные группы рабочих, недовольных дороговизной, непоследовательностью и малой эффективностью правительственных мер в отношении их материального положения. В волнениях активно участвовали городские низы — кули, рикши, посыльные, разносчики,

практически ничего не получившие за истекшее пятилетие. На улицах пакистанских городов активно действовали студенты. С молчаливым одобрением относилась к этой кампании значительная часть чиновников и офицеров, которых правительство настроило против себя попытками ограничить традиционную «независимость» гражданской и военной бюрократии. Сравним эти события с тем, что за пять лет до этого происходило в Чили, и ответ напрашивается один — военный переворот. Каковой и произошел 5 июля 1977 года.

В стране было введено военное положение, распущены законодательные органы, смещены центральный и провинциальные кабинеты министров, приостановлено действие констигуции. Вся власть сосредоточилась в руках начальника штаба армии генерала М Зия-уль-Хака, ставшего главным военным администратором, а с сентября 1978 года и президентом страны.

Спеша расправиться со своими политическими противниками, новый режим в сентябре 1977 года арестовал Бхутто и обвинил того в политическом убийстве, якобы совершенном в 1974 году. В интервью, данном средствам массовой информации, Зия-уль-Хак объявил Бхутто «убийцей», которому «не удастся избежать сурового наказания».

Суд над бывшим премьер-министром начался в октябре 1977 года. Спустя три месяца Бхутто заявил протест против характера процесса, так как судья был явно пристрастен и вел себя оскорбительно по отношению к обвиняемому. Наиболее серьезным свидетелем против Бхутто был бывший генеральный директор Федеральных сил безопасности. Он заявил, что Бхутто лично отдал приказ уничтожить жертву убийства. В 1978 году организация «Международная амнистия» отметила, что этому свидетелю «самому были предъявлены те же обвинения, однако он был помилован уже на ранней стадии процесса; поэтому к его показаниям, показаниям информатора, следует относиться с большой осторожностью». Во время судебного процесса правительство организовало мощное пропагандистское давление на общественное мнение; ему было важно дискредитировать премьера в глазах страны. Публиковались пухлые «белые книги» жертв Бхутто и его правительства, шли теле- и радиопередачи. В феврале 1979 года Верховный суд Пакистана четырьмя голосами против трех поддержал смертный приговор, вынесенный Бхутто. В марте было отклонено прошение осужденного о пересмотре дела. Мы со своей стороны заметим, что для военной администрации совершенно не имело значения, отдавал ли экс-президент приказ об убийстве своего политического противника, или местное ФСБ решило ему таким образом преподнести приятный сюрприз. Главным был свершившийся контрреволюционный переворот, в результате коего страна должна была пойти прямо противоположным политическим и экономическим путем. И на этом пути экс-президент представлял собой серьезную помеху.

Несмотря на личные просьбы о смягчении приговора, направленные Зия-уль-Хаку папой римским Иоанном Павлом II, Генеральным секретарем ООН, президентом США Джимми Картером, лидерами ряда европейских и арабских стран, Зульфикар Али Бхутто на рассвете 4 апреля был тайно повешен. О его казни объявили только через 9 часов после того, как тело было похоронено.

К чему привела эта казнь? Явилась ли она прогрессивным либо регрессивным явлением? Обратимся к советскому источнику, который выступал рупором официозной пропаганды:

«Режим Зия-уль-Хака — самый длительный в истории Пакистана — в широких масштабах применял террор и насилие и одновременно настойчиво проводил политику социального и политического маневрирования. С установлением военного режима в стране была резко ограничена политическая деятельность, введена жесткая цензура печати, а с октября 1979 года была запрещена деятельность политических партий. Отменено празднование Дня 1 Мая (!). После установления военного режима вся жизнь государства стала регулироваться распоряжениями главного военного администратора и президентскими указами. По всей стране действовали военные трибуналы».

А далее идет более интересный пассаж. «В интересах верхних эшелонов господствующих классов военные власти изменили социально-экономическую политику государства. Они отказались от осуществления провозглашенного правительства З. А. Бхутто в 1977 году нового этапа аграрной реформы и отменили введенный тогда же подоходный сельскохозяйственный налог. Были созданы благоприятные условия для частного предпринимательства, одновременно ограничивалась сфера деятельности государственного сектора. Правительство преобразовало компании, национализированные в 1970-е годы, в смешанные государственно-частные и осуществило денационализацию ряда предприятий. Крупный бизнес получил гарантии от национализации. Льготы и привилегии были предоставлены также иностранным инвесторам; им, в частности, разрешалось открывать в Пакистане свои банки. Выросли частные вложения капиталов из Англии, США, ФРГ, Японии, стран Ближнего и Среднего Востока. Крупные концессии были предоставлены ведущим компаниям западного нефтяного бизнеса» И ни слова о вывозе излишков рабочей силы… Подводя итоги очередного урока истории, заметим, что лицам, выступающим на политической сцене, надо проявлять особую чуткость по отношению к настроениям публики и постараться уловить тот момент, когда она еще может позволить покинуть оную сцену безболезненно, а не начнет свистеть, шикать и забрасывать актера гнилыми яблоками или чем похуже.

Так, скажем, спустя десять лет после правления генерала Зия-уль-Хака ему в персональный самолет была подложена пластиковая бомба, каковая и взорвалась в положенное время, осиротив пакистанский народ. Впрочем, ненадолго, поскольку военная администрация сочла свой воинский долг выполненным, передала власть в руки гражданским, а те быстро провели выборы, опять ввели свободу слова, печати, собрания, но — без каких-либо социальных экспериментов и без празднования 1 Мая.

НИКОЛАЕ И ЕЛЕНА ЧАУШЕСКУ

Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию народа.

В. И. Ленин

Историческая энциклопедия (1974) представляла Николае Чаушеску (1918–1989) как «выдающегося деятеля румынского рабочего движения,

государственного и политического деятеля СРР». С 1965 — Генеральный секретарь ЦК РКП, с апреля 1974 — президент Румынии.

Более двадцати лет семья Чаушеску — Николае, Елена и их сын Нику правили социалистической Румынией. Коллеги по партии сравнивали славного марксиста-ленинца товарища Чаушеску с Юлием Цезарем, Александром Македонским, Наполеоном, Петром I и Авраамом Линкольном, то есть с людьми, которые «удовлетворяли жажду народа к совершенству». Не отставали и руководители СССР, наградив лидера Румынии несколькими орденами Ленина. Правда, за рубежом всяческие враждебные радиоголоса представляли товарища Чаушеску как жестокого тирана и убийцу, но все советские люди знали, что он — самый преданный друг советского народа.

Мы не сомневаемся, что Николае Чаушеску был самым пламенным, преданным делу Ленина коммунистом, что он искренне любил коммунистическую партию и исповедовал коммунистическую идеологию — какая иная партия и идеология могли бы передать ему столь полную, столь совершенную и абсолютную власть над людьми, над целой страной, целым народом?

Несколько штрихов из жизни товарища Чаушеску. В последние годы своего диктаторского правления он патологически боялся, что его отравят или он заразится от кого-нибудь болезнью. По окончании дипломатических приемов и других официальных встреч, на которых президенту приходилось пожимать руки, шеф группы телохранителей медленно лил ему на ладони 90-процентный спирт. Этот неизменный ритуал Чаушеску соблюдал с религиозным благоговением всякий раз, когда ему приходилось пожимать чью-то руку, пусть даже руку главы государства (интересно, знал ли об этом Брежнев?). Во время поездок за рубеж в спальне его слуга и его парикмахер снимали постельное белье отеля и заменяли его личным бельем Чаушеску, прибывшим из Бухареста в запечатанных чемоданах. Гостиная превращалась в гладильню, потому что нижнее белье и настольные салфетки Чаушеску, хотя и стерилизованные, и привезенные из Румынии в герметически запечатанных пластиковых мешках, перед использованием надлежало снова прогладить, чтобы убить всех микробов.

По свидетельству Ионы Пачепы, бывшего шефа секретных служб Румынии, во время визитов Чаушеску в другие страны охранники обрабатывали антисептиками отведенный ему номер: полы, ковры, мебель, дверные ручки и электровыключатели — все, к чему мог прикоснуться Большой Хозяин. У Чаушеску был также личный инженер-химик майор Попа, который сопровождал президента с портативной лабораторией, предназначенной для проверки еды (также привезенной из Бухареста).

Попа должен был убедиться, что в пище нет бактерий, яда или радиоактивности. Во время официального визита в США в 1978 году Чаушеску встретили демонстранты с лозунгами «Чаушеску — кровавый террор!», «Чаушеску — убийца!» Разъяренный, он вызвал к себе шефа секретных служб Румынии и отдал приказ уничтожить организаторов этой демонстрации: «Они должны быть убиты этой же ночью, чтобы их смерть послужила предупреждением всем тем, кто желал бы посягнуть на мою жизнь. Я желаю, чтобы их уничтожили профессиональные убийцы», — приказал Чаушеску. Однако все эти меры предосторожности и методы

террора оказались бессмысленны, когда восстал народ.

В понедельник 18 декабря 1989 года Чаушеску отправился с визитом в Иран, но в среду был вынужден вернуться — в Румынии началась революция, направленная против его диктаторского режима.

Чаушеску вместе с женой Еленой бежал из Бухареста на вертолете. Затем с помощью двух офицеров из тайной полиции «Секуритате» они захватили автомобиль какого-то рабочего и заставили его возить их в поисках убежища. Николае иногда начинал плакать, а Елена держалась твердо и отдавала приказы водителю, угрожая пистолетом. В конце концов, чета Чаушеску попросила помощи в частном доме, хозяева которого, заперев их в одной из комнат, вызвали солдат. Арестованных супруюв поместили в камере отделения военной полиции. Они находились там трое суток, пока решалась их судьба.

Кто-то выступал за открытый суд над ними, но высшее армейское командование торопило: казармы атакуют агенты «Секуритате», они прекратят сопротивление только после смерти Чаушеску.

Суд военного трибунала длился всего 2 часа. Он превратился скорее в соблюдение необходимых формальностей — для придания казни бывшего диктатора хоть какой-то видимости законности.

Николае и Елену Чаушеску обвинили в геноциде; обвиняемые отказались признать законность такого суда. Председатель военного трибунала Джорджица Попа говорил, что экс-правитель и его жена были в тот момент «такими же глупыми, как обычно. И он, и она. Не было никакой возможности вести с ними диалог. Слово „геноцид“… Елена десять раз спросила меня, что это значит».

Во время заседания трибунала Елена то и дело наклонялась к мужу и что-то ему шептала. Им задавали вопросы, но большая часть их осталась без ответа. Когда Чаушеску и его жене предложили признать свою психическую неуравновешенность (единственная зацепка для защиты и сохранения жизни), оба с презрением отвергли это предложение.

Суд приговорил обоих к расстрелу.

25 декабря в четыре часа дня супругов Чаушеску вывели во двор солдатской казармы. Английские журналисты, собравшие материал об их казни, говорили, что экс-правитель и его жена вели себя вызывающе и лишь в последний момент дрогнули: мрачное небритое лицо Николае Чаушеску на какое-то мгновение выдало страх, который он испытывал, стоя перед расстрельной командой. По пути на казнь Елена спросила кого-то из солдат: «За что вы нас? Ведь я была вам матерью». Солдат сухо возразил: «Да что ты за мать, если убивала наших матерей?». Расстрелять чету Чаушеску вызвались сотни добровольцев, но отобраны были только четверо — офицер и трое солдат. Они выстроились в линию и прицелились.

Чаушеску успел только крикнуть:

«Я не заслуживаю…», и тут прогремели выстрелы. Осужденные были убиты. По предположению, их тела погребены в безымянной могиле неподалеку от Тырговиште; это место зафиксировано в документах.

К истории смерти Чаушеску следует кое-что добавить.

1. Американские эксперты, изучая посмертные фотографии четы Чаушеску (характер пулевых отверстий и так далее), пришли к выводу, что, возможно, их убили еще до суда.

2. Председатель военного трибунала, осудившего диктатора и его жену, генерал-майор Джорджица Попа 1 марта 1990 года покончил жизнь самоубийством.

ПРИЛОЖЕНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ 1
КАК КАЗНИЛИ НА РУСИ

В силу обычаев на Руси смертная казнь применялась и в случаях, не предусмотренных законами. Так, киевский князь Ростислав, прогневавшись на Григория Чудотворца, повелел связать ему руки, повесить на шею тяжелый камень и бросить в воду.

В период татаро-монгольского ига ханы выдавали русскому православному духовенству ярлыки, согласно которым священнослужители пользовались правом наказания смертью. Ярлык, выданный татарским ханом Менчу Темиром, давал право киевскому митрополиту Кириллу казнить за хулу православной церкви, как и за всякое нарушение предоставленных духовенству привилегий. В 1230 году были сожжены за колдовство четыре волхва.

Но среди представителей верховной власти были и противники смертной казни. Хорошо известна заповедь Владимира Мономаха, вошедшая в пословицу: «Не убивайте, не повелевайте убивать, даже если кто и будет повинен в чьей-либо смерти». И тем не менее к смертной казни прибегали многие правители Руси в XIII и XIV веках. Так, Дмитрий Донской в 1379 году повелел казнить боярина Вельяминова за измену, а в 1383 году был казнен суржский гость Некомат. Еще в 1069 году во времена «Русской Правды», не предусматривавшей смертной казни вообще, князь Гизослав, овладев Киевом, послал сына своего в Киев, который предал смертной казни 70 человек, участвовавших в изгнании Изяслава из Киева. Вывод: смертная казнь применялась на Руси издавна, как в случаях, предусмотренных законом, так и тогда, когда закон о ней умалчивал.

О способах На Руси Уложение 1649 года предусматривало пять видов исполнения смертной казни.

Однако правосудие прибегало и к другим способам наказания.

Способ казни зависел от вида преступления.

Смертная казнь через повешение считалась унизительной и применялась к военным, перебежавшим к неприятелю. Утопление применялось в тех случаях, когда экзекуция производилась в широких масштабах, сожжение заживо применялось к осужденным за религиозные преступления.

Истоки этого наказания следует искать в византийском праве.

На Руси, особенно при Иване Грозном, применялось кипячение в масле, вине или воде. Иван Грозный казнил этим способом государственных изменников.

Этот царь вообще отличался необычайной жестокостью, граничащей с патологией: достаточно сказать, что он собственноручно избил родного сына Ивана, после чего тот умер.

Грозный был неистощим на выдумки, как казнить подданных. Одних (например, новгородского архиепископа Леонида) по его приказу зашивали в медвежью шкуру и бросали на растерзание собакам, с других живьем

сдирали кожу и так далее. Залитие горла расплавленным свинцом применялось исключительно к фальшивомонетчикам. В 1672 году этот вид смертной казни был заменен отсечением обоих ног и левой руки преступника.

Четвертование применялось за оскорбление государя, за покушение на его жизнь, иногда за измену, а также за самозванство.

Колесование получило широкое распространение с введением воинского устава Петра I. По описанию русского ученого XIX века профессора А. Ф. Кистяковского, способ колесования состоял в следующем: «К эшафоту привязывали в горизонтальном положении андреевский крест, сделанный из двух бревен. На каждой из ветвей этого креста делали две выемки, расстоянием одна от другой на один фут. На этом кресте растягивали преступника так, чтобы лицом он был обращен к небу, каждая оконечность его лежала на одной из ветвей креста, и в каждом месте каждою сочленения он был привязан к кресту. Затем палач, вооруженный железным четырехугольным ломом, наносил удары в часть члена между сочленением, которая как раз лежала над выемкой. Этим способом переламывали кости каждого члена в двух местах Операция оканчивалась двумя или тремя ударами по животу и переламыванием станового хребта. Разломанного таким образом преступника клали на горизонтально поставленное колесо так, чтобы пятки сходились с заднею частью головы, и оставляли его в таком положении умирать».

Закапывание, «окопание», заживо в землю назначалось, как правило, женам за убийство мужа.

Посажение на кол применялось, как и четвертование, преимущественно к бунтовщикам и «воровским изменникам». В 1614 году на кол был посажен сообщник Марины Мнишек Заруцкий.

Введение смертной казни за отдельные преступления обосновывалось государственными интересами. Так, Петр I, начав строительство флота и нуждавшийся в материале для кораблей, издал указ, запрещавший в определенных местностях рубку леса. За порубку дубового леса виновные карались смертной казнью.

В эпоху Петра I также широко применялась казнь по жребию. Петр I ввел в список официальных казней аркебузирование, или расстрел. Расстрел не считался позорным наказанием и не покрывал бесчестием имя расстрелянного. Повешение во времена Петра представляло собой позорный вид смерти. Вешали при подавлении бунтов, восстаний и крестьянских волнений.

К существовавшим ранее способам казни прибавилось подвешение на крюк за ребро: казненный должен был висеть боком, со свешенными вниз руками, головой и ногами. Во времена Елизаветы отмена смертной казни была лишь формальной. Она применялась в замаскированном виде — засечение кнутом, палками, батогами, розгами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
КАК КАЗНИЛИ В СССР

(Интервью с палачом) В бывшем СССР тема исполнения смертных приговоров была закрытой.

Непосредственные же участники этого процесса давали «подписку о неразглашении». Но сегодня того государства и органов, которым они

давали подписку, нет. И человек, более двух с половиной лет приводивший в исполнение смертные приговоры в Азербайджане, бывший начальник учреждения УА-38/1 УИТУ МВД Аз ССР Халид Махмудович Юнусов рассказывает:

— Обычно из Верховного суда нас заранее предупреждали о таких заключенных, к нам они поступали только после вынесения им смертных приговоров. Это сейчас на каждого заключенного наручники одевают, а тогда только на приговоренного к смертной казни. Я как начальник тюрьмы был обязан его принять, предложить написать прошение о помиловании, если же он считает приговор необоснованным, мы — я и другой сотрудник, который в тот момент оказывался рядом, составляли акт об отказе осужденного написать прошение о помиловании, которое отправляли так же, как и заявления с просьбой о помиловании, прокурору по надзору в прокуратору республики, которая в свою очередь направляла все эти заявления в президиум Верховного совета вначале республики, а потом СССР. Там существовала специальная комиссия по рассмотрению. Пока она рассматривала заявление осужденного, человек находился у нас.

— Сколько обычно проходило времени с момента вынесения приговора до приведения его в исполнение?

— По-разному: три месяца, шесть, бывало, и до года. Из Министерства внутренних дел приходил специальный пакет с указом Верховного совета, в котором примерно говорилось: «Ваше прошение о помиловании рассмотрено…» В таком случае смертную казнь заменяли на пятнадцатилетнее тюремное заключение. Или же: «Приговор привести в исполнение». Мы вызывали заключенного и объявляли ему это.

За тот срок, что приговоренные находились у нас, они менялись до неузнаваемости. Если вначале они еще на что-то надеялись, то потом день за днем… Они каждый шаг различали. Пятый корпус Баиловской тюрьмы, куда сажали смертников, был очень маленький.

Существовал специальный приказ под грифом «совершенно секретно» (я сейчас его номер не помню), который находился у начальника тюрьмы. Согласно этому приказу МВД СССР, смертников следовало содержать в одиночных камерах, в исключительных случаях по два человека, если мест не хватало. Это сейчас по пять-шесть человек запихивают. Раньше не положено было, так как это могло привести к всевозможным эксцессам.

В пятом корпусе контролеры, чтобы исключить возможность их общения с заключенными, сговора с ними или мало ли чего еще, проходили спецотбор для работы со спецконтингентом. Смертникам, как говорится, терять нечего, убывают на тот свет. А утечки информации быть не должно. Я давал подписку о неразглашении этой тайны, но сегодня нет тех, кому я ее давал, нет ни Советского Союза, ни МВД СССР…

— К приговоренным к смертной казни родственники допускались?

— Только с разрешения председателя Верховного суда.

— Случалось ли за годы вашей работы, чтобы смертник умер до исполнения приговора?

— У меня за неполные три года был всего один такой случай. По делам «мейветеревез», например, по пятьдесят человек сажали. По этому делу был и приговоренный к расстрелу. Но у него обнаружился рак горла,

от чего он и умер.

— Как часто выносили решения о помиловании?

— Таких случаев было два. Например, помню, помиловали молодого парня из Белокан, он одного убил, а другого тяжело ранил.

Дело было так: пришел он только из армии, двадцать один год, работал трактористом. Пашет землю, подъезжает к нему то ли главный инженер, то ли еще кто из начальства: «Чего ты не так вспахал…», и заругался на него матом.

Парень схватил монтировку и размозжил ею череп, ранил его шофера, поспешившего на помощь, тот получил тяжкие телесные повреждения.

Он не стал писать прошение о помиловании, заявив! «Виноват — пускай расстреливают. Мат мы не прощаем». Я позвонил прокурору по надзору, который, увидев его, решил, что парень должен использовать свой шанс. «Отсидит пятнадцать лет, — сказал он мне, — в тридцать шесть выйдет, молодой еще будет». Он уже, наверное, вышел…

— По телевидению показывали, как человек проходит в специально отведенную комнату, встает спиной к двери, на которой открывается форточка, и ему стреляют в затылок…

— У нас было не так. У нас убивали очень жестоким способом. Сама процедура была не отработана. Я даже по этому вопросу обращался к министру МВД. Он обещал направить меня в Ленинград, где была другая система, но его убили.

Делалось это так и до меня, и мне тоже, как говорится, по наследству передали. Происходило все ночью, после двенадцати часов. Обязательно должны были присутствовать начальник тюрьмы, прокурор по надзору — может, мы какого-нибудь подставного расстреляем, а преступника отпустим за миллионы.

Кроме тех, кого я назвал, при исполнении приговора должны были присутствовать врач — начальник медицинской экспертизы, который констатировал факт смерти, и представитель информационного центра, занимавшегося учетом.

Мы составляли акт — обязательно я и один из участников группы, которая исполняла приговор. В МВД республики была такая специальная засекреченная группа, которая состояла из десяти человек. В те годы, что работал, в ней я был старшим. У меня было два заместителя. Первый заместитель приговоров в исполнение не приводил — боялся крови. Он до этого работал где-то в ОБХСС, а потом пробрался сюда на должность зама начальника тюрьмы.

Другой потом умер, видимо, на него подействовало это все. Мой заместитель должен был по положению хотя бы раз в течение квартала заменять меня, чтобы я мог как-то отвлечься от этого кошмара. У меня за три года работы было человек тридцать пять. И ни одного квартала, чтобы никого… Один раз было шесть человек…

Забирая осужденного на исполнение приговора, мы не объявляли ему, куда ведем. Говорили лишь, что его прошение о помиловании указом президиума Верховного совета отклонено. Я видел человека, который в тот момент поседел на глазах. Так что, какой бы внутренней силы человек ни был, в тот момент ему не говорили, куда ведут. Обычно: «Иди в кабинет».

Но они понимали, зачем. Начинали кричать: «Братья!.. Прощайте!..» Жуткий момент, когда открываешь дверь того кабинета и человек стоит, не проходит… «Кабинет» небольшой, примерно три метра на три, стены из резины. Когда человека туда заводят, он уже все понимает.

— Весь кабинет в крови?

— Он весь закрыт, наглухо, только маленькая форточка. Говорят, даже когда барана связывают, он понимает зачем, даже слезы на глазах бывают. Люди реагировали в тот момент по-разному. Бесхарактерные, безвольные сразу же падали. Нередко умирали до исполнения приговора от разрыва сердца. Были и такие, которые сопротивлялись, — приходилось сбивать с ног, скручивать руки, наручники одевать.

Выстрел осуществлялся револьвером системы «Наган» почти в упор в левую затылочную часть головы в области левого уха, так как там расположены жизненно важные органы. Человек сразу же отключается.

— В вашей практике было, чтобы человек в тот момент уклонялся от пули?

— Нет, нас же было двое или трое. И потом, надо же умеючи стрелять, чтобы он сразу умер.

— В фильмах встречается сцена, в которой приговоренный внешне спокойно становится на колени, опускает голову, если это женщина, то даже убирает с шеи волосы. В действительности так тоже происходит?

— Был случай: дядя и племянник — скотокрады — убили двух милиционеров. Одного из них не сразу, так как тот умолял: «Не убивайте, у меня трое детей и еще двое детей моего умершего брата…» Негодяи, я таких просто за людей не считаю.

Смотрю на парня, а он: «Это дядя, не я». Дядя ранее пять раз судим был, здоровяк, у него шеи не было, мы на руки не могли наручники надеть, такие запястья широкие. Однажды он, отжимаясь, под потолком повис и тревогу поднял.

Стражник открыл камеру, он бросился на него. Тогда мы на него вчетвером навалились…

В общем, завели дядю в «кабинет», а он никак не хотел на колени становиться, пришлось применить силу, сбить с ног. Он упал, ударился головой о бетонный пол… Ему всадили семь пуль, голова у него была размозжена, мозги во все стороны. Я даже подумал, что халат надо было надеть… Он же еще дышал, здоровяк. Ему не преступником надо было становиться, а как-нибудь на добро свои способности использовать. В общем, дышиг… Вдруг меня, сам не знаю откуда, осенило — подошел, под лопатки два выстрела ему дал, в легкие.

Потом племянника привели. Он, как увидел труп, тут же упал. Врач констатировал: «Не надо, уже готов…» Мы на всякий случай сделали три контрольных выстрела…

После такой работы я порой по неделе в себя прийти не мог. Сейчас рассказываю, а вся эта картина перед глазами стоит…

— Бывали ли случаи, когда вам становилось жаль приговоренного к смертной казни?

— Был директор соколимонадного завода в Белоканах Лимонады с его завода на съездах фигурировали. Но потом что-то случилось, ему «дали» хищение, он долго сидел в тюрьме, был очень набожный и

справедливый человек. Разрешили ему молиться, дали маленький коврик. Пять раз в день намаз делал. И говорил старшине (они в хороших отношениях были): «Я знаю, меня расстреляют».

Когда повели его на расстрел, даже наручники не надели. Он сам спокойно лег и сказал: «Я знаю, что по справедливости».

Я, например, против того, чтобы за хищения давать смертную казнь. Вот был из Нахичевани один человек, отец одиннадцати детей. Мы рассуждали тогда между собой: «Ну, расстреляют человека за хищение, а у него столько детей. Как они вырастут? Кто будет их кормить? И потом, это же одиннадцать врагов этого государства, общества».

Когда пришло на него помилование, ему на пятнадцать лет заменили, он свалился прямо под ноги. Я подсчитал, что ему оставалось отсидеть четырнадцать лет и столько-то дней, сейчас не помню уже, сколько. Привели его в чувство. «Я не за себя, — говорил он, — за одиннадцать детей».

— В «Аргументах и фактах» была статья: «Кто, где и как совершает смертную казнь». Там о «шансах палача» было написано, что они с ума сходят, теряют рассудок…

— Понимаете, я этих расстрелянных за людей не считаю, подонки! Я хотел даже себе картотеку сделать, но потом сказал: «Ну их к черту!..» Вот посмотрите на фото этого казненного.

— Молодой. А что он сделал?

— Изнасиловал и убил свою дочь. А вот на этом фото — Рамин. Он со своим напарником убил шофера автомашины и тело бросил в канаву. Они у автовокзала брали клиентов, начинали разговор, если замечали по ходу, что человек состоятельный, то заводили в какую-нибудь глухомань, убивали и труп выбрасывали…

Этот Рамин прежде в колонии сидел, пять судимостей имел и там еще одного человека проволокой убил. На него быстренько пришло решение…

Родственники расстрелянных приходят, а их уже нет. Был у нас такой «философ», на следующий день после гого, как его расстреляли, пришел его отец. Суббота была, он зашел ко мне на прием: «Видел во сне, что одеваю его в белое…» — он почувствовал. «Нет, — говорю, — не волнуйся, его взяли в Верховный суд, обращайся туда».

Был еще такой случай. Двоих должны были казнить, а накануне один из них спросил меня: «В отношении меня ничего нет? Видел сон, что уводят меня…» Я как раз получил пакет, в сейфе он лежал. Вскрываю, а в нем их фамилии. Как это назвать?

— Но почему родственники не должны были знать, что человека уже нет в живых? Взять тело и похоронить самим?

— Не знаю. Может быть, чтобы не ожесточать людей… Вот байки рассказывают, что в Сибирь посылали, на рудники. Эго надежда какая-то… Но место захоронения не говорили.

— А где оно было?

— Двадцать лет уже прошло с тех пор. Тогда было рядом с одним из кладбищ, в 40–50 километрах от Баку.

— А что сделал «философ»?

— Он преподавал в одном из районов. Познакомился поближе со своей ученицей-десятиклассницей, обещал жениться, отвезти в Баку и фактически с ней сожительствовал.

А через какое-то время она услышала, что он сватается к другой девушке. Сказала, что пойдет жаловаться на него в партком. Тогда он взял гантель, завел ее к Ганлы-гель, убил на берегу озера и бросил труп в воду. Он долго отпирался, но потом ему доказали. Умудрился в камеру томик Ленина пронести. И скажу, у него «сзади сила была». Два раза получал из Москвы телеграммы о приостановлении исполнения приговора.

Вот этот (опять фото), смотрите, молодой парень, уроженец Гянджи, пятьдесят пятого года рождения, беспартийный, восемь классов образования, холостой, ранее судим несколько раз. В Саратове совершил убийство шестидесятитрехлетней гражданки, предварительно изнасиловав ее. А затем убил своего армейского друга, завмага.

В тюрьме пытался бежать, он, дурак, не знал, что двери запираются двойными ключами, один находится у контролера, а другой у меня. Без двух ключей никак не откроешь. Дежурным был один старослужащий, последнее дежурство было у него, мы ему даже почетную грамоту приготовили.

Попросил парень у него воды. Охранник не должен был открывать, но просто человечность проявил, открыл «кормушку» и протянул воду в пластмассовой кружке. Парень схватил его за шинель, хотел вывернуть, заломить руки и взять ключи. Но старшина уже двадцать пять лет прослужил, опытный был, шинель оставил у него в руках, вывернулся и тревогу поднял. Тот, как оказалось, умудрился арматуру приготовить, хотел убить этого старшину.

Вот Велиев Гамид (показывает фото). Это человек? Ночью убил жену, трехлетнего и годовалого своих детей. Она ему якобы изменяла. И как такого типа жалеть?

— Рассказывали вы и члены вашей группы кому-нибудь, какой работой занимаетесь?

— Никогда. Работаю в тюрьме, и все.

— А ваши близкие знали?

— Жена у меня догадывалась. Бывало, приходил домой сам не свой. У нас даже в уставе статья была, по которой за каждое приведение приговора в исполнение положено было двести пятьдесят граммов спирта. Я вам что скажу: я ни до этого, ни после даже курицу не резал, не могу.

— А почему вы пошли на эту работу?

— Понимаете, назначили. Я шесть лет до этого ловил взяточников. Надоело, только врагов себе наживал. Начальство, зная мою работоспособность и принципиальность, отправило меня в отдел спекуляций и сельского хозяйства. Меня кидали на каких-то тузов моими руками гробить их. Ну, одного, второго я угроблю, а потом мне автоаварию устроят, и все.

Замминистра внутренних дел Азербайджана Кязимов, курировавший тогда эту область, отправляя меня уже на эту работу, спросил: «А ты не боишься?» Я ответил: «Я на железной дороге работал, там трупы людей приходилось собирать, фотографировать, бывало, по кускам собирал». Он знаете что сказал? «Это мертвых людей. Ты молодой

еще». Мне тридцать пять лет было.

А работа как в армии — кто послушный, на того и грузят. Это жизнь такая. Я говорю: «А что? Приговор будет, так что все на законном основании».

Только потом я задумался над этим вопросом. Это же фактически узаконенное убийство. Государство судит человека за то, что он убил другого человека, а само в то же время становится преступником.

— Но вы же сами только что сказали, что почти все они вызывали у вас чувство омерзения и, по-вашему, достойны смерти. Или надо было, чтобы они и дальше убивали других?

— Я бы казнил отъявленных убийц Но если человек убил по неосторожности или в порыве гнева, то нет. За экономические же преступления вообще расстрел не должны давать.

— Обычно в фильмах у смертников спрашивают: «Ваше последнее желание?» В действительности тоже так бывает?

— Одним из первых расстрелянных у меня был молодой парнишка, из городских. Он дядю своего убил, а потом воткнул пальцы трупа в розетку, якобы тот от тока умер. Когда его в последний раз вызвали на допрос, спросили: «Какое будет последнее желание?», формально обычно спрашивают. Он попросил папиросу. Желание-то спрашивают, но кто его выполняет? Если попросит закурить, то да. А если захочет застолье?.. Это же нереальные вещи.

— Ну, может, попросит передать что-то близким или последний раз увидеться с кем-то?

— Нет, у меня таких случаев не было, только про сигарету помню.

— Вы рассказывали о случаях, связанных с мужчинами. А женщин приходилось расстреливать?

— При мне женщин не было.

— А почему вы так мало работали — всего три года?

— После убийства министра МВД Арифа Гейдарова произошли перестановки. Но вообще-то на этой должности долго не работают. Со слов старослужащих я слышал, что один из работающих до меня в связи с этими расстрелами получил психическое расстройство. Тогда приказ был: кто сверх «потолка» проработал пять лет, давали звание полковника. В дома отдыха отправляли, были такие в Подмосковье, но лично я там ни разу не был.

— Начальник тюрьмы обязательно должен был принимать участие в приведении в исполнение смертного приговора, или это только вам было поручено?

— По уставу начальник должен был быть обязательно.

— А как вы сами все-таки думаете, есть какие-то особые качества, которые требуются людям на этой работе, ведь не каждый же сумеет?

— Над этим я тогда не задумывался. Потом уже понял, что это узаконенное убийство. Ведь и Коран, и Библия говорят: «Жизнь дана Богом и Богом отбирается»… Согласен, Совет Европы правильно требует ограничиться пожизненным заключением, но это же нужно обеспечить…

— Бывали в вашей практике случаи, когда только после исполнения приговора становилось известно, что казнили невиновного?

— В моей не было. Вообще, в Азербайджане я о таком не слышал. Судебные ошибки или фальсификации дел были. Про Чикатило читал, что там вначале расстреляли невиновного человека. Недавно слышал по телевизору про электрический стул в США: за столетнюю практику его использования двадцать пять человек было казнено ошибочно. Нет, лучше отпустить сто виновных, чем осудить невиновного.

— Может приговоренный к смертной казни попасть под амнистию?

— Нет, у нас система другая.

— В литературных произведениях и кинофильмах перед приведением приговора в исполнение осужденному дают возможность встретиться с муллой или священником, которые наставляют его, отпускают ему грехи. Это практиковалось?

— Ну что вы. Люди в те времена, когда свадьбу справляли или поминки, боялись муллу позвать, из партии могли исключить.

А насчет литературы… В той же статье в «Аргументах и фактах» писали: «Теряют рассудок и палачи. Психиатры утверждают, что редкий человек может остаться в своем уме после четвертого по счету убийства. Так что исполнителя приговора тоже ждет жестокое наказание». А вот у меня тридцать пять было.

— Пишут еще, что тем, кто должен привести приговор в исполнение, не разрешается общаться со смертниками, чтобы у них не проснулись по отношению к ним какие-то дружеские чувства. Это так?

— Нет, я общался, но как положено. Следил за тем, в каких условиях содержатся. Заключенный мог сказать, что у него болит, я должен был вызвать врача, он же человек. Но другого общения не было, в кабинет я его не приглашал чай пить.

— Можно определить среднюю возрастную категорию казненных?

— Я не следил за этим, но в среднем, наверное, лет тридцать — сорок. Молодые раза два попадались. Самому старому было шестьдесят три года. Он бросил семью, женился на другой женщине. У этой женщины была дочь, которую он вначале изнасиловал, а после придушил. Когда мать девочки — его жена — пришла, он ее тоже убил.

— Отличаются условия содержания смертников от условий других заключенных?

— Да, у них многое иначе. Им передачи не положены, общения с внешним миром нет никакого, гулять не выводят, только раз в сутки в туалет. И все.

— Вы сказали, что согласны назвать для печати свою фамилию. Вы не думаете, что, может, ваши дети не захотят, чтобы об этом кто-нибудь узнал?

— Дети, как говорится, за отца не отвечают, и отец за детей не отвечает. Это мое, эту школу я уже прошел, эту жизнь уже прожил, ее уже никто у меня не отнимет. Понимаете, это было! Зачем я должен скрывать? Я считаю, что каждый нормальный человек знает, где и что делается, или хотя бы должен знать. Зачем людей обманывать, пусть правду знают.

— А на оплату эта работа влияла?

— Да. Платили больше. По 100 рублей членам группы и по 150 рублей непосредственному исполнителю раз в квартал.

— Вы, наверное, не верите в существование загробного мира, бессмертие души, поскольку видели тридцать пять смертей. У вас после этого изменилось отношение к человеческой жизни?

— Понимаете, когда перед исполнением читаешь смертный приговор, узнаешь, что он сделал, это туманит сознание. Я представлял, что он так мог поступить с моим братом. И такой гад должен по земле ходить?..

А цена жизни… Цену жизни он сам себе определил… А что до моей жизни, я понял, что мне просто тяжелая судьба выдалась. Я знал, что люди сидят и на должности похлеще, и знают меньше меня, может быть, и хуже меня, но им повезло. А мне вот грязная работа попалась.

Т. РАФАИЛОВА, А. ГАДЖИЕВА

Газета «Зеркало», □ 19 (504), май 1997 г.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маковский Яцек. История морского пиратства. М., Наука, 1972.

R. Carse. The Age of Piracy. New York, 1957.

Экскемеллин А. О. Пираты Америки. М., Мысль, 1968.

Butlur. The Myth of the Magus.

Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. М., Межд. отнош., 1985.

Эли Берте. Шоффферы, или оржерская шайка. Спб., 1912.

Иштван Рат-Вег. Комедия книги. М., 1987.

Абрамова СЮ. Африка: четыре столетия работорговли. М., Наука,1978.

Саллюстип Крит Гай. Заговор Каталины. М., 1887.

Гарольд Ламб. Крестовые походы. М., 1975.

Левандовский А. Жанна д'Арк. М., 1975.

Диксон В. Г. Две королевы: Екатерина Арагонская и Анна Болейн. Спб., 1875.

Поллард А. Ф. Генрих VIII. Спб., 1890.

Юм М. Жены Генриха VIII. Лондон, 1905.

Диксон В. Г. Государственные преступники Англии. Спб., 1871.

Костомаров Н. И. Герои смутного времени. Берлин; Детинец, 1922.

Коваленский М. Н. История французской революции. М., 1978.

Вилар Ж. Формирование французской нации. М., Ин. лит-ра, 1957.

Де Сент-Илер, Э. Марк. Герцог Ангенский. Спб., 1848.

Историческое описание о принце герцоге Энгиенском. Спб., 1807.

Реабилитированы историей. М., Воениздат, 1989.

Клвалев В. А. Два сталинских наркома. М., Прогресс, 1995.

Александров В. М. Дело Тухачевского. РНД, 1990.

Гизо Ф. П. Г. История цивилизации во Франции. М., 1877.

Черкасов. Кардинал Ришелье. М., 1990.

Курбатов П. П. Нрав кардинала Ришелье. Спб., 1776.

Де Виньи Альфред. Сен-Мар, или Заговор при Людовике XIII. Спб.,1899.

Strachey L. Elisabeth and Essex. London, 1935.

Гизо Ф. П. Г. История цивилизации в Европе. Т 1. Спб., 1909.

Strathman E. A. Sir Walter Ralegh. N-Y., 1960.

Брикнер А. Г. Император Иоанн Антонович и его родственники. М.,1874.

Репин И. Далекое-близкое. М., «Искусство», 1964.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. Спб., 1911.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М., Госюриздат, 1960.
Россия. Сенат. Дело 1 марта 1881. Киев, 1881..
«Былое». Кн. 4–5. Л., 1918.
Куклин Г. А. «Северный союз рабочих» и Степан Халтурин. Женева, 1904.
Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 2. М., Госюриздат, 1961.
Поляков А. С.
Второе 1-е марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. М., 1919.
Волк С. Н. «„Студенческий союз“ и казнь 8 мая 1887 г.». «Красный архив». Т. 2. М., 1927.
Фрикнер Курт. Заговор 20 июня 1944 г. М., Прогресс, 1970.
Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. Спб., 1859.
Чагин Г. В. Декабристы в Москве. М., 1987. Восстание декабристов. Материалы. Тт I–XVIII. М-Л., 1925–1985.
Мижуев П. Г. История колониальной империи и колониальная политика Англии. Спб., 1909.
Шастико П. М. Нана Сахиб. М., Наука, 1967. Как и за что был казнен лейтенант Шмидт. М., 1917. Лейтенант Шмидт. М., 1922.
Дюбуа У. Э. Б. Джон Браун. М., Соцэкгиз, 1960.
Эрдих Леонард. Джон Браун. М., 1940. Дело Ивана Каляева. Спб.,1906.
Богров В. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Берлин, 1931.
Зеньковский Александр. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956.
Витте СЮ. Воспоминания. Т. 3. М., 1960.
Чикагская драма 1 мая 1886 года. Нью-Йорк, «Голос труда», 1916.
bum Dyer. The great trial of Chicago anarchists. New York, 1969.
Натасон Э. А. Был ли казнен маршал Ней? Вопросы истории, 1968, №7.
Князев В. В. Жизнь за всех и смерть за всех — записки личного адъютанта адмирала Колчака. Берлин, 1929.
Колчак А. В. Последние дни жизни. Барнаул, 1991.
Дж. Смит. Муссолини. М., 1989. Карев Д. С. Нюрнбергский процесс, М., Знание, 1976.
Смирнов АЛ. Суд в Токио. М., Воениздат, 1984.
Воропаева К. Л. Кто такие апостолы. Лениздат, 1973.
Ренан Э. Ж. Апостолы. Спб., 1905.
Святой великомученник Георгий Победоносец. Саратов, 1990.
Серебрянский Н. Ян Гус, его жизнь и учение. Псков, 1915.
Ламанский В. И. Исторические замечания о славянах в Малой Азии. Ученые записки Второго отдела Академии наук. Кн. 5. Спб., 1859.
Пальмов И. Славянские известия. № 3, 1909.
Дюверенуа А. Станислав Зноемский и Ян Гус. М., Моск. университет, 1871.
Григулевич И. Р. История инквизиции. М., 1970.
Виллари П. Джироламо Савонарола. Т. 2. Спб., 1913.
Розенов Эмиль. Томас Мюнцер. Спб., 1905.
Розенталь Н. Н. Томас Мюнцер. М-Л., 1925.
Мякотин В. А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. Спб.,1893.

Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерк из истории умственной жизни русского общества. Спб., 1900.
Герцеберг Г. История Греции и Рима. Спб., 1881–1882.
Тацит Корнелий. Сочинения. Анналы. Т. 1. Л., Наука, 1969.
Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
Клингер В. П. Петроний и его роман. Киев, 1908.
Араслы Гамид Таги Оглы. Насими. Жизнь и творчество. Баку, 1972.
Кулизаде З. А. К. Насими — философ и поэт Востока. Баку, 1973.
Антоновский Ю. М. Джордано Бруно. Спб., 1892.
Безант Анни. Джордано Бруно. Пг., 1915.
Рутенбург В. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959.
Фонер Ф. Ш. Дело Джо Хилла. М.; Политиздат, 1970.
Гибсон Ян. Гранада, 1936 год. Убийство Ф. Г. Лорки. М., Прогресс,1986.
Корсаков. Артемий Волынский и его «конфиденты». Спб., 1885.
Зезюлинский Н. Ф. Неравная борьба. Волынский и Бирон. Спб.,1908.
Мельгунов СП. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979.
Деникин. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1935.
Вальтон Э. Т. Дело Сакко и Ванцетти. М-Л, 1927.
Лайон Юджин. Жизнь и смерть Сакко и Ванцетти. М., 1929.
Найтил Филлип. Шпионы XX века. М., Республика, 1994.
Бахвалов А. Л. Генерал Власов. Предатель или герой? Спб., 1994.
Левин И. И. Генерал Власов по ту и эту линию фронта. Мурманск,1995.
Поттемер Ф. Знаменитые судебные процессы. М., Прогресс, 1985.
Проделъ Гюнтер. Беспримерные уголовные дела. М., 1977.
Герцеберг Г. История Византии. М., 1896.
Гараласио де ла Бега. История государства инков. Л., Наука, 1974.
Гуляев В. И. По следам конкистадоров. Л., Наука, 1976.
Свет Я. М. Последний инка. М., 1964.
Стефан Цвейг. Мария Стюарт. М., 1986.
Гизо. История английской революции. М., 1909.
Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1917.
Коваленский М. Н. История французской революции. М., 1975.
Вилар Ж. Формирование французской нации. М., 1957.
Мельгунов СП. Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951.
Соколов Н. Убийство царской семьи. М., 1990.
Шерковина Р. И. Политические партии и политическая борьба в Пакистане. М., Наука, 1983.
Новоселов Д. Б. Социально-политический кризис в Пакистане 1977 года. М., 1989.
Алексеев В. М. Венгрия 56; прорыв цепи. М., Независимая газета,1996.
Деларю Ф. М. Реформаторы до Виклефа и Гуса. Спб., 1878.
Брихничев И. П. Апостолы реформации. Джон Виклеф. М., 1912.
Сергеевский И. Д. Смертная казнь в России в XVI веке. М., 1884.
Позднышев СВ. Вопрос о смертной казни. М., 1906.

Таганцев Н. С. Смертная казнь. М., 1896.
Ушкерович С. Смертная казнь в царской России. Харьков, 1933.
П. Е. Щеголев. Алексеевский равелин. 1929.
Дневник П. А. Валуева. Т. II. Москва, 1961.
Русский Архив. 1863 год.
«Записки сенатора Есиповича». «Русская старина», 1909, январь.
И. Худяков. Записки каракозовца. М., Молодая гвардия, 1930.